

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

8 [1]

1857 Mar.

Per 27897 d 72

4939 ш с   45:

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ОСЬМОЙ.

1857

МАРТЪ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—ДУХОВНЫЯ и ДОГОВОРНЫЯ ГРАМОТЫ ВЕЛИКИХЪ и УДѢЛЬНЫХЪ КНЯЗЕЙ. — II. — . . . . . Б. Н. ЧИЧЕРИНА.
- II.—О СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ ВЪ РОССІИ . . . . . В. Ч.
- III.—ВОСПОМИНАНІЯ о ДМИТРИИ БОРИСОВИЧѢ МЕРТВАГО. (Письмо къ В. II. Безобразову) . . . . . С. Т. АКСАКОВА.
- IV.—СТИХОТВОРЕНІЯ: Приходскіе списки. Поэма Крабба . . . . . Д. Е. МИНА.
- V.—ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ въ трехъ частяхъ. Часть первая . . . . . Ю. В. ЖАДОВСКОЙ.
- VI.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ (см. на оборотѣ).

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Каткова и К^о.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

—
1857

Э. Н. В. № 5264
1911-1912
- 1 -

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва 14-го марта 1857 года.

Ценсоръ Н. Фоль-Крузе.

ДУХОВНЫЯ И ДОГОВОРНЫЯ ГРАМОТЫ ВЕЛИКИХЪ И УДѢЛЬНЫХЪ КНЯЗЕЙ¹

II.

Духовныя грамоты князей не ограничиваются однимъ раздѣломъ наслѣдства умирающаго; онѣ опредѣляютъ и отношенія наслѣдниковъ. Уже самое это обстоятельство показываетъ намъ, что мы не можемъ искать здѣсь отношеній государственныхъ. Въ государствѣ права и значеніе верховной власти опредѣляются постоянными законами, которые, какъ важнѣйшіе, носятъ названіе основныхъ, а не княжескими завѣщаніями, содержащими въ себѣ распоряженія объ имуществѣ всякаго рода. Такимъ образомъ самая форма памятниковъ указываетъ намъ на ихъ содержаніе, и это замѣчаніе вполне оправдывается характеромъ тѣхъ отношеній, которыя устанавливаются духовными грамотами.

Мы видѣли уже выше, что въ первомъ завѣщаніи Калиты между распоряженіями о серебряномъ блюдѣ и о стадахъ вставлена статья :

«А приказываю тебѣ сыну моему Семену братью твою молодшую и княгиню свою съ меньшими дѣтми, по Бозѣ ты имъ будешь печалникъ.»

Во второмъ его завѣщаніи объ этомъ нѣтъ ни слова; такъ случайны были эти распоряженія. Ничего нѣтъ и въ остальныхъ духовныхъ грамотахъ Ивана Ивановича, вѣроятно потому, что онъ

---

(1) См. «Русскій Вѣстникъ» 1857 года, № 4.

оставилъ сыновей малолѣтнихъ. Но въ духовной Семена Ивановича мы находимъ распоряженія характеристическія. Вотъ они:

«А по отца нашего благословенью, что намъ приказалъ жити за одинъ, тако жъ и язъ вамъ приказываю своей братья жити за одинъ, а лихихъ бы есте людей не слушали, и хто иметь васъ сваживати, *слушали бо есте* отца нашего владыки Олексѣя, тако же старыхъ бояръ, хто хотѣтъ отцу нашему добра и намъ. А пишу вамъ се слово того дѣла, *чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша, и свѣча бы не угасла.*»

Спрашивается: есть ли здѣсь хоть малѣйшій намекъ на государственныя отношенія, или это увѣщанія чисто семейныя? Послѣдній характеръ до такой степени очевиденъ, что нечего на этомъ останавливаться.

Сблизимъ теперь съ этими словами тѣ наставленія, которыя послѣдній русскій единоподержавецъ, Ярославъ Владиміровичъ, далъ своимъ сыновьямъ, раздѣляя между ними свои владѣнія. Вотъ чтò разказываетъ объ этомъ лѣтописецъ:

«И еще бо живуцю ему наряди сыны своя, рекъ имъ: се язъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере, да еще будете въ любви межю собою, Богъ будетъ въ васъ и покорить вы противныя надъ вы, и будете мирно живуцѣ; аще ли будете ненавидно живуцѣ въ распряхъ и которающеса, то погыбнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великимъ. Но пребывайте мирно, *послушающе брать брата.* Се же поручаю въ себе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кіевъ, сего послушайте, яко же послушаете мене, да то вы будетъ въ мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимерь, а Вячеславу Смоленскъ. И тако раздѣли имъ грады; заповѣда въ не преступати предѣла братни, ни сгонити; рекъ Изяславу: аще хто хощетъ обидѣти брата своего, то ты помогай его же обидать. И тако уряди сыны своя пребывати въ любви.»

Очевидно, что наставленія Ярослава носятъ тотъ же характеръ, какъ и наставленія Семена Ивановича, — характеръ чисто семейный. Это увѣщаніе о томъ, чтобы братья пребывали въ мирѣ, любви и согласіи, то же самое, чтò дѣлаетъ и частный человекъ, лежа на смертномъ одрѣ. Какъ Семенъ говоритъ братьямъ, чтобъ они слушали старыхъ бояръ и митрополита, такъ и Ярославъ говоритъ дѣтямъ, чтобъ они слушали другъ друга и въ особенности брата старшаго, который заступитъ имъ мѣсто отца. Въ по-

сгляднемъ обстоятельство нѣкоторые видятъ государственное подчиненіе младшихъ старшему. На это лучшимъ отвѣтомъ будетъ завѣщаніе Донскаго, которое также служить любопытнымъ предметомъ для сближеній.

Вотъ что мы читаемъ въ самомъ началѣ духовной Дмитрія Ивановича: «Даю рядъ сыномъ своимъ и своей княгинѣ, а вы дѣти мои живите заодинъ и матери своее слушайте во всемъ, изъ ее воли не выступайте ни въ чемъ.» Далѣе дается ей право раздѣлять между остающимися въ живыхъ сыновьями удѣлъ умершаго ихъ брата, надѣлить сына, который можетъ родиться послѣ смерти отца, и взять для этого часть владѣнія у остальныхъ, наконецъ прибавлять такимъ же образомъ удѣла тому изъ сыновей, у котораго часть земли отойдетъ по какому-нибудь случаю; при этомъ нѣсколько разъ подтверждается: «а вы дѣти мои слушайте своее матери; что кому дастъ, то тому и есть.» Въ концѣ завѣщанія опять подтверждается, чтобы дѣти изъ воли матери не выступали ни въ чемъ, и прибавляется:

«А который сынъ мой не иметъ слушати своее матери, а будетъ не въ ее воли, на томъ не будетъ моего благословенья.»

За тѣмъ уже говорится о почтеніи, которое младшіе должны оказывать старшему:

«А дѣти мои, молодшая братья княжы Васильевы, чтите и слушайте своего брата старшего, князя Василья, въ мое мѣсто своего отца: а сынъ мой князь Василей держитъ своего брата князя Юрья и свою братью молодшую въ братствѣ безъ обиды.»

Мы видимъ здѣсь, что увѣщаніе чтить и слушать старшаго брата стоитъ на второмъ планѣ; прежде всего самъ старшій вмѣстѣ съ остальными братьями подчиненъ матери, которой дается и право дѣлить и передѣлять владѣнія сыновей, — великаго князя такъ же, какъ и остальныхъ. Въ государствѣ такое право можетъ принадлежать только верховной власти; а между тѣмъ никому еще, сколько намъ извѣстно, не приходило въ голову говорить, что послѣ смерти Дмитрія Донскаго государыней стала великая княгиня Евдокія Дмитриевна!

Прибавимъ, что такое подчиненіе дѣтей матери не есть одинокое явленіе въ тогдашней жизни. То же самое мы видимъ и въ другихъ завѣщаніяхъ. Василій Дмитриевичъ пишетъ въ своей ду-

ховной: «Приказываю своего сына князя Василья своей княгинѣ, а ты сынъ мой, *чти матеръ свою и слушай своег матери въ мое мѣсто своего отца.*» То же говорить Василій Васильевичъ: «А вы дѣти мои живите за одинъ и матери своей слушайте во всемъ *въ мое мѣсто своего отца...* а изъ ея воли не выступайте ни въ чемъ, а который сынъ не будетъ слушаться матери, на томъ не будетъ моего благословенья.» За тѣмъ, такъ же какъ у Донскаго, слѣдуетъ увѣщаніе младшимъ чтить и слушать старшаго брата. Такъ же, какъ Донской, Василій Васильевичъ предоставилъ вдовѣ своей право—тому изъ сыновей, у кого убудеть вотчины, пополнить изъ удѣловъ остальныхъ, «а дѣти мои изъ ея воли не вымуться.» Такія же наставленія мы встрѣчаемъ наконецъ и въ завѣщаніяхъ удѣльныхъ князей. Владиміръ Андреевичъ точно такъ же приказываетъ дѣтямъ своимъ жить за одинъ, чтить и слушать свою мать; княгиня дѣлается посредницею въ ихъ спорахъ, если бояре ихъ не въ состояніи будутъ уладить дѣла, причемъ великому князю поручается доправить искъ на томъ, кого обвинитъ княгиня. Относительно подчиненія младшихъ старшему брату въ духовной Владиміра Андреевича нѣтъ ни слова, хотя онъ старшему далъ лишнее въ Москвѣ на старѣйшій путь. Въ завѣщаніи же Юрія Дмитріевича нѣтъ даже и послѣдняго, а просто предписывается дѣтямъ жить за одинъ «по моему благословенью».

Иванъ III, какъ мы видѣли, имѣлъ цѣлью усилить старшаго сына на счетъ младшихъ. Потому, сохраняя обычные выраженія, онъ считалъ нужнымъ подтвердить въ своей духовной грамотѣ приказаніе о почтеніи и послушаніи сильнѣйшими выраженіями:

«А который сынъ мой не учнетъ сына моего Василья слушати во всемъ, или учнетъ подъ нимъ подыскивать великихъ княжествъ или подъ его дѣтми, или учнетъ отъ него отступати или учнетъ ссылатися съ кѣмъ ни буди тайно или явно на его лихо, или учнетъ кого на него подымати, или съ кѣмъ учнетъ на него одиначитися, ино не буди на немъ милости Божьей и Пречистой Богоматери и Святыхъ Чудотворецъ молитвъ и родителей нашихъ и нашего благословенья и въ сей вѣкъ и въ будущій.»

Въ этихъ словахъ нельзя не видѣть желанія упрочить власть старшаго сына, но все же удѣльный князь связывался только отцовскимъ увѣщаніемъ. Единственнымъ обезпеченіемъ исполненія была нравственно-религіозная угроза, а какъ мало это дѣйствовало въ то время, видно изъ отношеній Василія Ивановича къ

братьямъ. Самъ Иванъ III считалъ свое увѣщаніе недостаточнымъ и велѣлъ Василию заключить съ братомъ Юріемъ письменный договоръ, которымъ опредѣлялись ихъ взаимныя отношенія. Но и договоры нарушались безпрестанно.

Еще сильнѣе выразился въ своей духовной Иванъ IV:

«И ты бѣ Ѳеодоръ сынъ, сыну моему Ивану, а своему брату старѣйшему, во всемъ покоренъ былъ и добра ему хотѣлъ во всемъ, такъ какъ мнѣ и себѣ, и во всемъ въ воли его буди до крови и до смерти, ни въ чемъ ему не прекослови; а хотя будетъ на тебя Ивановъ сыновець гнѣвъ, или обида въ чемъ-нибудь, и ты бы сыну моему Ивану, а своему брату старѣйшему, непрекословенъ былъ, и рати никакой не вчинялъ, и собою ничѣмъ не боронился, а ему еси билъ челомъ, чтобъ тебя пожаловалъ гнѣвъ свой сложить изволилъ и жаловалъ тебя во всемъ, по моему приказу; а въ чемъ будетъ твоя вина, и ты бѣ ему добилъ челомъ, какъ ему любо — и послушаетъ челобитья, ино добро, а не послушаетъ, и ты бѣ собою не оборонялся жъ, со всемъ бы еси печаль на радость преложа положилъ на Бога; занеже всякимъ неправдамъ местникъ есть Богъ.»

Иванъ IV не довольствовался уже нравственною угрозою, а прибавилъ:

«А учнешь ты, сынъ мой Ѳеодоръ, подъ сыномъ подъ Ивановъ государствъ его подыскивать, или учнешь съ кѣмъ-нибудь ссылатися на его лихо, тайно или явно, или учнешь на него кого подымати, или учнешь съ кѣмъ на него одиначитися, ино по евангельскому словеси, Ѳеодоръ сынъ, аще кто не чтить отца или мать, смертию да умретъ.»

Кромѣ старшаго сына и матери, великіе князья приказывали дѣтей своихъ и другимъ князьямъ. Такъ Василій Дмитріевичъ поручилъ въ своемъ завѣщаніи жену и дѣтей тестю Витовту «какъ ми рекъ, на Бозѣ, да на немъ, какъ ся яметъ печаловати», и младшимъ братьямъ, роднымъ и двоюроднымъ. Владиміръ Андреевичъ приказалъ жену и дѣтей великому князю, Василію Васильевичу—Казимиру Литовскому. Подобныя же условія встрѣчаются и въ договорахъ Московскихъ князей съ Тверскими. Все это опять таки чисто семейныя распоряженія; но въ духовной Бориса Васильевича Волоцкаго 1477 года видно уже большее подчиненіе удѣльнаго князя великому. Онъ пишетъ: «Приказываю своему *господину* и *господарю* и брату старѣйшему великому князю Ивану Васильевичу и сыну его *господину* великому князю Ивану Ивановичу, какъ имъ Богъ положитъ на сердце, жаловати

и печаловатися моимъ сыномъ Федоромъ и моею княгинею и моими дѣтьми.»

Итакъ до позднѣйшаго времени въ духовныхъ грамотахъ устанавливаются между наследниками отношенія чисто семейныя, родственныя. О подданствѣ, о государственномъ подчиненіи нѣтъ и помину; все ограничивается увѣщаніями, чтобы дѣти жили въ любви, въ согласіи, слушались бы матери и старшаго брата, а въ духовной Семена Ивановича, чтобы слушались митрополита и старыхъ бояръ. Последнее находится также въ завѣщаніи Донскаго, напечатанномъ въ Никоновскомъ Сборникѣ. Изъ всѣхъ этихъ постановленій опять-таки ясно, какого рода юридическія воззрѣнія господствовали въ то время: родственныя отношенія входятъ въ составъ права частнаго или гражданскаго; слѣдственно мы здѣсь находимъ тѣ же самыя начала, которыя мы видѣли выше въ наследственныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ князей.

Остановимся на этомъ выводѣ и скажемъ по этому поводу нѣсколько словъ о родовыхъ отношеніяхъ, которыя, какъ извѣстно, по мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей составляютъ главный отличительный признакъ историческаго развитія древней Россіи. Для нашей цѣли эти объясненія необходимы, ибо въ этомъ отношеніи мы нѣсколько уклоняемся отъ мнѣнія заслуженныхъ ученыхъ, которыхъ считаемъ своими учителями по русской исторіи. Намъ кажется, что родовымъ отношеніямъ придано уже слишкомъ много значенія въ средневѣковой Руси. Такъ всегда бываетъ при разработкѣ новыхъ сторонъ жизни: историки устремляютъ на нихъ главное свое вниманіе и вслѣдствіе этого обыкновенно даютъ имъ слишкомъ видное мѣсто. Нельзя не согласиться, что въ древнѣйшую эпоху мы видимъ исключительное господство кровныхъ союзовъ; на это указываютъ всѣ тѣ скудныя извѣстія лѣтописца, которыя относятся къ тому времени, и всякая попытка опровергнуть эти свидѣтельства не можетъ не быть безуспѣшною (1).

---

(1) Самое дѣльное возраженіе противъ родоваго быта было представлено г. Аксаковымъ въ Московскомъ Сборникѣ 1852 года; но изъ него то лучше всего видна невозможность опровергнуть господство родоваго быта въ древнѣйшую эпоху нашей исторіи. Вся аргументація почтеннаго автора имѣетъ въ виду доказать, что у лѣтописца *родъ* значить *семейство*, а доказать это невозможно, ибо это противорѣчитъ всѣмъ

Но съ появленіемъ дружины, съ развитіемъ новыхъ жизненныхъ элементовъ, старинная кровная связь разрушается, и въ средніе вѣка родовыя отношенія, по нашему мнѣнію, далеко не имѣютъ того значенія, какое имъ придаютъ.

Прежде всего мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что родовыя отношенія составляютъ особенность историческаго развитія нашего отечества. Первоначально и Германцы и Славяне жили подъ формами родового быта; въ этомъ состояніи застаеъ ихъ исторія. Въ послѣдствіи у тѣхъ и у другихъ эти формы распались подъ вліяніемъ новыхъ началъ; но въ областяхъ, занятыхъ Германцами, такъ же какъ у насъ, родъ остался, какъ одинъ изъ составныхъ элементовъ гражданскаго общества. Въ этомъ не трудно убѣдиться изъ нѣкоторыхъ явленій тогдашней общественной жизни на Западѣ. Возьмемъ прежде всего наслѣдство и посмотримъ, какъ оно устанавливалось въ правѣ западно-европейскихъ народовъ. «Человѣкъ, который приобрѣлъ ленное владѣніе для себя и для своихъ наслѣдниковъ, говоритъ Ибелинъ въ *Assises de Jerusalem*, можетъ отчасти распорядиться имъ по усмотрѣнію; но если ленъ достался ему по наслѣдству, то владѣлецъ не имѣетъ уже права

свидѣтельствамъ и лѣтописей и другихъ памятниковъ. Г. Соловьевъ, въ примѣчаніи къ IV-му тому своей Исторіи, указалъ уже на это противорѣчіе; можно привести много другихъ свидѣтельствъ. Г. Аксаковъ противопоставляетъ родовому элементу общинный, но мы здѣсь не можемъ видѣть никакой противоположности. Община есть мѣстный союзъ, который существуетъ у всѣхъ народовъ и можетъ быть основанъ на весьма различныхъ началахъ. Община можетъ быть родовая, или патриархальная, если союзъ основанъ на сознаніи кровнаго единства,—договорная, если она основана на добровольномъ согласіи лицъ, иначе другъ другу чуждыхъ,—владѣльческая, если связующимъ звеномъ служитъ поселеніе ея на землѣ одного владѣльца,—государственная, если основы ея опредѣляются государственными законами. Вообще вопросъ о значеніи общинъ въ нашей исторіи требуетъ еще тщательной работы. И въ обществахъ и въ литературѣ говорятъ иногда очень утвердительно, что онѣ играли у насъ едва ли не главную роль; но до сихъ поръ нѣтъ ни одной сколько-нибудь удовлетворительной статьи, которая бы утвердила такое мнѣніе на основаніи фактическихъ изслѣдованій. Г. Аксаковъ остановился, къ сожалѣнію, на самомъ порогѣ исторіи. Мы, съ своей стороны, тѣмъ болѣе желаемъ уясненія этого вопроса, что, какъ имѣли случай высказать уже не разъ, дошли въ своихъ изслѣдованіяхъ до результатовъ совершенно противоположныхъ.

распоряженія; онъ можетъ только предоставить его ближайшему наследнику, ибо всѣ прочіе наследники перваго приобретателя равны настоящему владѣльцу въ томъ, что ленъ достался по наследству всѣмъ вмѣстѣ, и все различіе заключается въ томъ, что прямой наследникъ держитъ его только *прежде другихъ* (1).» Здѣсь ясенъ характеръ родоваго владѣнія. На этомъ основано было и право выкупа родовыхъ имуществъ, которое существовало на Западѣ также какъ и въ Россіи (2). Можно сказать даже, что устраненіе наследованія по завѣщанію въ родовыхъ имуществвахъ показываетъ болѣе большую крѣпость родоваго начала на Западѣ, нежели у насъ.

Возьмемъ другой примѣръ. Известно, что каждый феодалный владѣлецъ имѣлъ право вести частныя войны. Но въ такой войнѣ принимали участіе не только обиженный и обидчикъ, а цѣлый родъ того и другаго, такъ что нерѣдко одна сторона нападала на такихъ родственниковъ другой, которые не только не были участниками въ нанесенной обидѣ, но ничего о ней и не знали. Этотъ родовой характеръ войны повелъ ко многимъ юридическимъ постановленіямъ. Такъ, на примѣръ, не могли принимать въ ней участія родственники, которые стояли такъ же близко къ одному противнику, какъ и къ другому. Поэтому родные братья не могли воевать между собою; ибо всякій родственникъ былъ на одинакой степени близокъ къ обоимъ. Но сводные братья могли вести войну другъ съ другомъ, ибо у каждаго былъ свой родъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычай постановлялъ даже, что война должна быть ведена со всѣми родственниками до седьмаго колѣна, ибо за этимъ предѣломъ допускался уже бракъ, слѣдственно начинался новый родъ. Такимъ образомъ, при существованіи родоваго союза, новое право частныхъ войнъ возстановило древнее право родовой мести. Это

---

(1) Warnkönig, Französische Staats-und Rechtsgeschichte. Т. II стр. 449.

(2) Г. Неволинъ въ своей «Исторіи російскихъ гражданскихъ законовъ» отрицаетъ происхожденіе права выкупа изъ родоваго владѣнія на томъ основаніи, что Эйхгорнъ и Миттермайеръ не признаютъ его въ германскомъ правѣ. Но новѣйшіе изслѣдователи все болѣе и болѣе убѣждаются въ существованіи у Германцевъ родоваго элемента, и самъ г. Неволинъ, отвергая это объясненіе, останавливается на другомъ, весьма близко къ нему подходящемъ.

совершилось подъ вліяніемъ осѣдлости, подъ вліяніемъ мѣстнаго элемента, который всѣмъ средневѣковымъ союзамъ на Западѣ придалъ особенную крѣпость. Онъ же опредѣлилъ и единство рода, и возстановилъ въ немъ старшинство. Весь родъ получилъ одно имя отъ названія главнаго помѣстья. Последнее, какъ мы уже сказали, переходило всегда къ старшему въ родѣ. Младшіе либо прямо дѣлались его вассалами, либо получали участокъ (paragium) независимо отъ старшаго, и только потомство ихъ становится подчиненнымъ старшей линіи. Какимъ образомъ при этомъ опредѣлялось старшинство, по праву ли первородства или по физическому старшинству.—это не измѣняетъ сущности родового начала, ибо единство рода можетъ сохраняться точно также при старшинствѣ одной линіи, какъ и при старшинствѣ, переходящемъ отъ старшаго колѣна къ младшему. Мы знаемъ даже, что глава рода могъ быть и выборнымъ. Все это видоизмѣненія, которыя опредѣляютъ мѣстный, временный, народный характеръ родовыхъ правъ и обязанностей, но не уничтожаютъ ихъ сущности. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи мы видимъ на Западѣ явленія сходныя съ нашими. У насъ осиротѣвшій князь исключался изъ наслѣдства, становился *изгоемъ*; въ германскихъ обычаяхъ точно также искони не признавалось въ наслѣдствѣ право представительства, такъ что младшій дядя исключалъ старшаго племянника. Только мало по малу, въ одномъ мѣстѣ ранѣе, въ другомъ позднѣе, это древнее право уступило новому порядку наслѣдованія. Въ Германіи при императорѣ Оттонѣ I вопросъ о томъ: могутъ ли внуки наслѣдовать, когда есть дѣти, былъ рѣшенъ судебнымъ поединкомъ въ пользу внуковъ. Но въ другихъ мѣстахъ старое право продолжало существовать. Извѣстенъ въ XIV-мъ вѣкѣ процессъ графа Роберта д'Артуа съ теткой его Матильдой, процессъ, который подалъ поводъ къ вѣковымъ войнамъ между Франціей и Англіей: графство получила Матильда, потому что по обычаямъ Артуа право представительства не допускалось. Мало того: мы на Западѣ видимъ и наслѣдованіе брата послѣ брата, съ исключеніемъ дѣтей послѣдняго, и борьбу дядей съ племянниками. Такъ Карлъ Великій наслѣдовалъ послѣ брата Карломана, несмотря на то, что у послѣдняго оставались дѣти, и это не считалось нарушеніемъ закона. Тотъ же Карлъ Великій при раздѣленіи государства между дѣтьми, въ 806 году, установилъ, чтобы наслѣдовали имъ сыновья,

но не иначе какъ по выбору народа и съ согласія дядей. Это правило оставалось и въ послѣдствіи, причѣмъ въ договорѣ 847 года прибавлено: «если однако племянники захотятъ быть послушными дядямъ.» Извѣстны отношенія Лудовика Благочестиваго къ племяннику Бернарду Ломбардскому, чему другой примѣръ мы находимъ въ борьбѣ Іоанна Безземельнаго съ племянникомъ Артуромъ. Между потомками Карла Великаго происходили безпрестанные споры за наслѣдованіе послѣ родственниковъ и за старшинство, которое соединялось съ императорскою короною. Но особенно любопытны для насъ, по сходству съ предметомъ нашихъ изслѣдованій, духовныя и договорныя грамоты нѣмецкихъ князей XIV-го и XV-го вѣковъ. Въ нихъ, съ цѣлью уничтожить безконечное дробленіе владѣній, которое совершенно ослабляло князей, постановлялись разныя правила для наслѣдованія и управленія: то всѣ наслѣдники владѣли и управляли собща, то старшій братъ управлялъ во имя всѣхъ, то устанавливалось право майоратства, то наконецъ учреждался сеніоратъ, то-есть наслѣдованіе физически старшаго (1).

Такимъ образомъ мы не въ правѣ признавать родовыя отношенія за особенность исторіи славянскихъ племенъ. Можно бы еще сказать, что у насъ родовой союзъ, вслѣдствіе нравственнаго сознанія родственнаго единства, имѣлъ болѣе крѣпости, нежели въ другихъ странахъ; но и этой особенной крѣпости мы не видимъ. Если она первоначально существовала въ большей степени, нежели у другихъ современныхъ народовъ, то съ измѣненіемъ быта, въ средніе вѣка, мы замѣчаемъ здѣсь ту же шаткость, какая господствовала во всѣхъ гражданскихъ отношеніяхъ, ту же шаткость, какая была и на Западѣ прежде нежели утвердились феодальные союзы, основанные на постоянной осѣдлости и на наслѣдственности отношеній. Тамъ новыя начала гражданского общества, завѣщанный Римлянами юридическій тактъ, скрѣпили и упрочили прежніе кровные элементы; у насъ же гражданственность была гораздо менѣе развита, и родовыя отношенія, представленныя естественному ходу, сталкиваясь съ другими элементами, представляютъ удивительную неопредѣленность. Только

(1) Объ этомъ см. Эйхгорна: Deutsche Staats-und Rechtsgeschichte, издание 5-е, §§ 413 и 429.

подъ вліяніемъ возникшаго государства, въ мѣстныхъ сче-тахъ, они получаютъ болѣе правомѣрный характеръ; прежде того, сознаніе родства и соблюденіе родственныхъ правъ и обязанностей до крайности шатко. Главный родъ, который у насъ въ продолженіи исторіи всегда остается на виду, есть родъ княжескій. Но какое же зрѣлище представляетъ онъ намъ? Замѣчаемъ ли мы въ немъ крѣпость родственнаго союза? Напротивъ, исторія его открывается нѣсколькими братоубійствами, за которыми слѣдуетъ непрерывный рядъ междоусобій. Если въ родѣ устанавливается иногда что-то похожее на единство, то это дѣлается благодаря сильному князю, который личнымъ своимъ могуществомъ умѣетъ сдерживать остальныхъ. Много толкуютъ князья о родственной любви, о родственныхъ отношеніяхъ; но этимъ выражается только желаніе, надежда на братское согласіе, которое въ дѣйствительности не существуетъ. У каждаго князя на первомъ планѣ стоитъ личный его интересъ; достаточно припомнить Олега Святославича, Всеволода Ольговича, Владимірка Галицкаго и другихъ. И чѣмъ далѣе подвигается исторія, тѣмъ болѣе ослабѣваетъ сознаніе родственнаго союза. Поэтому и отношенія князей опредѣляются не столько правилами родства, сколько добровольнымъ, болшею частію временнымъ ихъ согласіемъ, договорами. Договорное начало, то—есть элементъ личности, свободной воли, едва ли не занимаетъ болшаго мѣста даже внутри одного княжескаго рода, нежели отношенія родовыя. Такія соглашенія князей мы видимъ съ самаго начала удѣльнаго періода; отъ позднѣйшаго времени, отъ московскаго періода, до насъ дошли и подлинныя памятники. Къ нимъ-то мы теперь обращаемся.

Прежде всего остановимся на этой формѣ. Что такое договоръ? Это юридическое отношеніе между двумя лицами, выражающими свою свободную волю относительно какого-нибудь взаимнаго обязательства. Отсюда ясно, что договоромъ могутъ опредѣляться только такія отношенія, въ которыхъ оба лица не находятся въ зависимости другъ отъ друга. Договоры могутъ быть между различными государствами, между гражданами одного и того же государства, между казною и частными лицами, ибо даже въ послѣднемъ случаѣ каждая сторона имѣетъ свое отдѣльное, независимое отъ другаго имущество. Но сынъ не можетъ опредѣлить договоромъ своихъ сыновнихъ отношеній къ отцу, ибо въ такомъ случаѣ

отношенія его станутъ уже не сыновними, а договорными; они будутъ имѣть корень не въ родственномъ союзѣ, а въ свободной волѣ. Точно также и рабъ не можетъ вступать въ обязательства съ своимъ господиномъ; договоръ между ними можетъ существовать или когда рабъ еще свободенъ, или когда онъ перестаетъ быть рабомъ. Наконецъ и отношенія правительства къ подданному не могутъ опредѣляться договорами. Каждый членъ общества подчиняется верховной общественной волѣ не на основаніи личныхъ условій или частнаго обязательства, а на основаніи общихъ законовъ, которые опредѣляютъ его положеніе, какъ подданнаго или гражданина. Договоръ есть форма негосударственного права, а гражданскаго или международнаго, ибо въ последнемъ государства разсматриваются какъ свободныя, независимыя другъ отъ друга нравственныя лица. Поэтому если мы видимъ, что отношенія удѣльныхъ князей къ великому опредѣляются договорами, мы уже изъ этого обстоятельства въ правѣ заключить, что великій князь—не государь, а удѣльные—не подданные. Это свободныя лица, соединенныя довольно шаткою родственною связью и вступающія въ добровольныя взаимныя обязательства.

Теперь взглянемъ на существо этихъ обязательствъ.

Во всѣхъ почти договорныхъ грамотахъ подтверждаются тѣ родственныя отношенія, которыя устанавливались въ духовныхъ; но выраженія бываютъ различны. Иногда говорится: «быти намъ за одинъ до живота. Брата своего старѣйшаго имѣти ны и чтити во отцово мѣста, а брату нашему насъ имѣти въ братствѣ (и въ чести) безъ обиды» (1). Иногда сыновнія отношенія усиливаются: «имѣти вамъ мене собѣ отцемъ, а мнѣ великому князю васъ держати въ сыновствѣ и во чти безъ обиды» (2). Но часто вовсе не говорится о сыновнихъ отношеніяхъ, а только о братскихъ: удѣльный князь обязывается держать великаго въ старѣйшинствѣ или братомъ старшимъ, а послѣдній обязывается держать перваго въ братствѣ безъ обиды или братомъ младшимъ (3). Мы не можемъ считать эти различныя выраженія за однозначительныя, ибо въ то время чрезвычайно точно опредѣлялись отно-

(1) № 23, 37.

(2) №№ 47. Договоръ Юрія Дмитріевича съ Можайскими князьями.

(3) №№ 46, 64, 71, 73, 75, 84, 95, 99, Акты Арх. Эксп. т. I, № 10.

шенія старшинства и меньшинства. Такъ, напримѣръ, Борисъ Васильевичъ Волоцкій обязывается великаго князя Ивана III имѣть братомъ старшимъ, въ отца мѣсто, а сына его просто братомъ старшимъ (1). Не рѣдко случалось, что удѣльный князь заключалъ договоръ не съ однимъ великимъ, но вмѣстѣ и съ нѣсколькими удѣльными; въ такомъ случаѣ опредѣлялась степень его родства къ каждому изъ нихъ. Такъ, напримѣръ, Владиміръ Андреевичъ обязывается имѣть великаго князя Дмитрія Ивановича отцомъ, сына его Василя Дмитріевича—братомъ старшимъ, Юрія Дмитріевича — просто братомъ (равнымъ), а остальныхъ—братьями младшими (2). Великій князь Василій Васильевичъ долженъ Василя Ярославича Боровскаго имѣть братомъ младшимъ и сыномъ, Константинъ Дмитріевичъ (дядя великаго князя) племянникомъ, а Можайскіе князья (двоюродные братья великаго князя)—братомъ младшимъ (3). Юрій Дмитріевичъ обязывается имѣть Василя Васильевича братомъ старшимъ, Константинъ Дмитріевичъ долженъ наоборотъ Юрія имѣть братомъ старшимъ, а Можайскіе князья Юрія же дядею (4). Случалось даже, что эти отношенія измѣнялись между одними и тѣми же лицами: такъ Михаилъ Андреевичъ Можайскій въ одномъ договорѣ, 1465 г., обязывается держать великаго князя Ивана Васильевича и брата его Юрія братьями старшими, Андрея Васильевича Большаго—просто братомъ, а Бориса и Андрея Меньшаго—братьями младшими; но въ томъ же году заключается новый договоръ, по которому всѣ они становятся уже для него братьями старшими (5). Изъ этого видно, что эти степени опредѣлялись не однимъ родствомъ, не естественнымъ только происхожденіемъ, но и значительностью того или другаго князя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ каждый удѣльный князь становился въ подобныя отношенія не только къ великому князю, но и къ другимъ удѣльнымъ, то ясно, что онѣ не сообщали никакихъ государственныхъ правъ и не налагали никакихъ государственныхъ обязанностей. Степени родства

(1) № 97.

(2) № 33. См. тамъ же № 35.

(3) № 45.

(4) № 49.

(5) №№ 90—93.

служили только означеніемъ мѣста, которое князь занималъ въ ряду другихъ, — явленіе аналогическое съ тѣмъ, которое мы видимъ въ мѣстническихъ счетахъ; мѣсто же опредѣляло не права и обязанности, а только извѣстную честь, извѣстный почетъ, который могъ зависть, какъ отъ родственнаго старшинства или меньшинства, такъ и отъ бѣдшаго или меньшаго фактическаго могущества князя; оба начала смѣшивались.

Такое значеніе степеней родства подтверждается и тѣмъ, что онѣ устанавливались не только между великими князьями и удѣльными, но точно также между разными великими князьями — московскими, тверскими, рязанскими. Такъ Михаилъ Александровичъ Тверской и Олегъ Рязанскій обязываются имѣть Дмитрія Донскаго братомъ старшимъ, а Владиміра Андреевича просто братомъ; сынъ Олега, Федоръ Ольговичъ, обязывается имѣть Василя Дмитріевича братомъ старшимъ, Владиміра Андреевича и Юрія Дмитріевича братьями, а остальныхъ сыновей Донскаго братьями младшими (1). Тоже самое находимъ и въ другихъ договорахъ, хотя не всѣхъ; въ нѣкоторыхъ нѣтъ никакихъ опредѣленій родства (2).

Кромѣ этихъ выраженій, опредѣляющихъ отношенія князей, встрѣчаются и другія. Иногда великій князь обязываетъ удѣльнаго держать подъ нимъ великое княженіе честно и грозно, или какъ говорится обыкновенно въ позднѣйшихъ договорахъ, держать честно и грозно великаго князя и великое княженіе; иногда къ этому прибавляется: безъ обиды. Въ первый разъ выраженіе: честно и грозно, встрѣчается въ договорахъ Дмитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ; но въ договорахъ послѣдняго съ Василюмъ Дмитріевичемъ ихъ нѣтъ: удѣльный князь обязывается держать великаго честно, но не грозно. Въ договорѣ Василя Дмитріевича съ братьями этого выраженія также нѣтъ. Нѣтъ его и въ договорахъ Василя Васильевича съ дядею Юріемъ, нѣтъ его наконецъ въ первомъ договорѣ того же великаго князя съ князьями Можайскими. Но въ послѣдующихъ договорахъ Василя Васильевича съ тѣми же князьями Можайскими, въ договорахъ его съ княземъ Боровскимъ и съ двоюродными братьями, дѣтьми

(1) №№ 28, 32, 36.

(2) №№ 76, 88.

Юрія, наконецъ во всѣхъ договорахъ великихъ князей съ удѣльными при Иванѣ III оно встрѣчается постоянно (1). Что же оно означало? Соединялось ли съ нимъ понятіе объ извѣстныхъ обязанностяхъ младшаго князя къ старшему, или это слово служило только выраженіемъ болѣе возвышеннаго значенія великаго князя, такъ же какъ опредѣленіе старшинства?

Для разрѣшенія этого вопроса стбитъ сравнить условія, которыя постановляются въ договорахъ обоего рода, какъ въ тѣхъ, гдѣ встрѣчается выраженіе «честно и грозно», такъ и въ тѣхъ, гдѣ его нѣтъ. Сличимъ напримѣръ договоръ Василя Васильевича съ княземъ Боровскимъ и договоры Василя Дмитріевича съ братьями и съ Владиміромъ Андреевичемъ (2). Во всѣхъ условія почти одни и тѣ же; на князей, которые обязываются держать великое княженіе честно и грозно, не налагается никакихъ особенныхъ обязанностей. Мало того: эти договоры, въ существенныхъ чертахъ, сходны даже съ тѣми, которые заключались съ князьями посторонними, напримѣръ съ великими князьями Рязанскими (3). Слѣдственно мы должны заключить, что выраженіе: «честно и грозно», заключало въ себѣ не болѣе, какъ признаніе нѣкотораго превосходства положенія, такъ же какъ вышеупомянутыя опредѣленія старѣйшинства. Поэтому Владиміръ Андреевичъ, употребивъ это выраженіе въ договорѣ съ Дмитріемъ Донскимъ, не употреблялъ его въ договорахъ съ Василемъ Дмитріевичемъ, который, какъ племянникъ, нѣсколько передъ нимъ понизился въ чести. Въ самомъ дѣлѣ, что въ сущности значать слова: «честно и грозно»? Первоначально они относились только къ великому княжеству, то-есть къ Владимірской области, которая имѣла свою честь, ибо обладаніе ею давало старшинство; въ послѣдствіи это выраженіе перенесено и на великаго князя. Удѣльный князь долженъ былъ держать его *честно*, то-есть блюсти его честь, отдавать ему должный почетъ, и *грозно*, то-есть бояться эту честь нарушить. Это значеніе

(1) Замѣтимъ, что оно употреблялось не только между московскими князьями, но и между другими. Рязанскій удѣльный князь Фодоръ Васильевичъ точно также обязывается держать честно и грозно брата своего великаго князя Рязанскаго и его княженіе. № 127.

(2) №№ 35, 37, 45.

(3) Ср. № 48.

вполнѣ ясно изъ словъ, которыя во многихъ грамотахъ прибавляются къ этому выраженію: *безъ обиды*. Держать великаго князя и великое княженіе честно и грозно значило воздавать имъ должную честь и бояться ихъ обидѣть. Но и великій князь съ своей стороны обязывался держать удѣльнаго въ чести и не обидѣть его и его владѣній. Условіе было слѣдственно обоюдное, и на сторонѣ великаго князя былъ только больший почетъ, превосходство положенія, которое обозначалось выраженіями болѣе почтительными.

Итакъ, изъ всего сказаннаго мы не можемъ еще вывести подчиненія удѣльныхъ князей великому; но въ договорахъ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ встрѣчаются выраженія, которыя именно указываютъ на отношенія такого рода. Здѣсь великій князь обязываетъ удѣльнаго *служить ему безъ ослушанія*, или подробнѣе: «а тобѣ брату моему молодшему мнѣ служить безъ ослушанья по згадцѣ (то-есть по душѣ, по соглашенію), какъ будетъ мнѣ слично и тобѣ, брату моему молодшему, а мнѣ тебе кормити по службѣ» (1). Здѣсь нельзя не видѣть попытки обратитъ удѣльнаго князя въ слугу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не замѣтить, до какой степени эта попытка была неопредѣленна: удѣльный князь съ одной стороны обязывается служить безъ ослушанія, а съ другой стороны это должно совершаться по взаимному согласію, какъ будетъ прилично тому и другому. Владиміръ Андреевичъ не нисходитъ на степень боярина: изъ договора видно, что онъ сохраняетъ значеніе полноправнаго князя; онъ, какъ князь, участвуетъ въ договорахъ съ Тверью и Рязанью. Мало того: какъ скоро умеръ Дмитрій Ивановичъ, такъ эти отношенія прекратились; къ племяннику Владиміръ Андреевичъ не могъ уже стать въ служебное положеніе. Въ другихъ грамотахъ это выраженіе вовсе не встрѣчается. Мы видимъ здѣсь, слѣдовательно, не отношенія удѣльнаго князя къ великому, а личныя отношенія Владиміра Андреевича къ Дмитрію Ивановичу. Это одинокая попытка, показывающая личный перевѣсъ одного князя надъ другимъ, но государственнаго здѣсь нѣтъ ничего.

Наконецъ, мы должны обратитъ вниманіе на то, что удѣльные князья называютъ иногда великаго князя *господиномъ*. Но и это

(1) № 27, 33.

не что иное, как знак уваженія, который не влекъ за собою никакихъ обязанностей. Новгородцы точно также называютъ господиномъ князя Бориса Александровича Тверскаго, отъ котораго они нисколько не зависѣли, и съ которымъ заключали договоръ на правахъ совершенно равныхъ (1).

Итакъ изъ всѣхъ общихъ выраженій, которыми въ договорныхъ грамотахъ обозначаются отношенія князей между собою, нѣтъ ни одного, которое бы указывало на отношенія государственныя. Вездѣ мы видимъ степени родства, большій или меньшій почетъ, личный перевѣсъ одного князя надъ другимъ, но отнюдь не видимъ государственнаго подданства, подчиненія членовъ общества единой верховной власти. Изъ этого пониженія чести младшихъ князей передъ старшимъ, изъ этихъ попытокъ замѣнить подчиненіемъ отношенія чисто родственныя, разовьется въ послѣдствіи государство; сильный покоритъ себѣ всѣхъ слабѣйшихъ, создастъ единое общественное тѣло и станетъ его главою. Но пока еще это тѣло не сложилось, отношенія князей являются личными, гражданскими. Въ этомъ мы еще болѣе убѣдимся, взглянувши на отдѣльныя условія договорныхъ грамотъ. Сначала переберемъ взаимныя права и обязанности князей относительно внутренняго управленія удѣловъ, а потомъ касательно внѣшнихъ сношеній.

Относительно перваго, князья являются совершенно самостоятельными владѣльцами. «Тобѣ знати своя отчина, а мнѣ знати своя отчина» (2). Во всѣхъ договорахъ князья обязываются другъ у друга отчины «блюсти, не обидѣть и не вступаться». Это относилось какъ къ наследственнымъ удѣламъ, такъ и къ новымъ примысламъ, которые иногда именно обозначались, иногда же оставались неопредѣленными, напримѣръ: «Или кто изъ насъ.... что примыслилъ или прикупилъ или кто по семъ что кто прикупить или примыслить чужее (къ) своимъ волостемъ, и того блюсти, а не обидѣти» (3). Часто подобныя обязательства дѣлались и на случай смерти, напримѣръ:

(1) № 18.

(2) № 27.

(3) № 23, также 35.

«А отыметъ Богъ мене великаго князя... и того ти всего подь моею великою княгинею и подь моимъ сыномъ великимъ княземъ Ивановъ и подь всѣми моими дѣтми блюсти и боронити, а не обидети, ни вступатися и печаловатися и твоимъ дѣтемъ.»

Съ своей стороны великій князь обязывается поступать такимъ же образомъ въ случаѣ смерти удѣльнаго (1). Иногда же удѣльные князья обязывали великаго «жаловать ихъ и печаловатися ихъ отчинами» (2).

Однако эти общія положенія были недостаточны, и во многихъ грамотахъ встрѣчаются болѣе подробныя ограниченія притязаній одного князя на удѣлъ другаго. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ великій и удѣльный князь обязываются не покупать въ чужомъ удѣлѣ селъ и не держать закладчиковъ (3); въ другихъ договорахъ условія еще болѣе подробны: «А въ твой намъ удѣлъ и въ отчину данщиковъ своихъ не всылати, ни приставовъ давати, ни селъ не купити, ни нашимъ бояромъ безъ твоего вѣданья, ни закладней, ни оброчниковъ не держати, ни грамотъ жалованныхъ давати» (4). Эти постановленія встрѣчаются не во всѣхъ грамотахъ: самыя подробныя мы находимъ въ договорахъ великихъ князей съ Владиміромъ Андреевичемъ и его внукомъ Василиемъ Ярославичемъ Боровскимъ, да въ одномъ договорѣ Ивана III съ братомъ Андреемъ Углицкимъ; въ договорахъ же съ князьями Можайскими и Шемякою встрѣчаются только два вышеупомянутыя условія. Однако мы не можемъ изъ этого заключить, что тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, князья имѣли болѣе вліянія на чужой удѣлъ. Юрій Дмитриевичъ, напримѣръ, находился относительно великаго князя въ болѣе выгодномъ положеніи, нежели сынъ его Шемяка, а между тѣмъ въ договорахъ съ послѣднимъ включены ограниченія; въ договорахъ же съ первымъ говорится только, чтобы отчину блюсти, не обидѣть и не вступаться. Изъ всѣхъ удѣльныхъ князей не было ни одного, который призналъ бы себя въ такой зависимости отъ великаго, какъ Владиміръ Андреевичъ отъ Дмитрія Донскаго; а между тѣмъ съ этихъ-то договоровъ и начинаются по-

(1) № 78 и много другихъ.

(2) №№ 37, 46 и много другихъ.

(3) №№ 52, 54, 70, 75, 90, 97, 99, 101, 110, 113, 127.

(4) №№ 27, 29, 33, 35, 45, 71, 78, 84, 95.

дробныя условія, которыя потомъ повторяются въ послѣдующихъ, заключенныхъ съ его внукомъ. Изъ этого мы должны заключить, что подробныя условія являлись именно тамъ, гдѣ нужно было оградить слабѣйшаго князя отъ сильнѣйшаго. Притомъ, такъ какъ договоры опредѣляли не государственныя отношенія всѣхъ вообще удѣльныхъ князей къ великому, а личныя отношенія двухъ или нѣсколькихъ князей между собою, то обыкновенно случалось, что условіе, внесенное, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, въ договоръ съ какимъ-нибудь княземъ, оставалось въ послѣдующихъ договорахъ съ этимъ же княземъ и съ его потомствомъ, если только не было нужды измѣнить его... Такимъ образомъ договоры можно бы раздѣлить на отдѣльные разряды, которые, при общихъ основныхъ чертахъ, имѣютъ однако же свои особенности. Впрочемъ, это замѣчаніе далеко не приложимо ко всѣмъ случаямъ; такъ какъ все здѣсь зависѣло отъ случайнаго перевѣса силы и значенія, то невозможно искать общаго, постояннаго правила. Замѣтимъ еще, что въ договорахъ съ Тверью также встрѣчаются условія, чтобы князья въ чужомъ удѣлѣ не покупали сель и не держали закладчиковъ, а иногда только послѣднее; въ договорахъ же съ Рязанью нѣтъ ничего подобнаго.

Такая полная независимость князей относительно внутренняго управленія подтверждается и духовными грамотами. Такъ въ завѣщаніи Владиміра Андреевича читаемъ:

«А дѣти мои братъ въ братень удѣлъ... не въѣзжаютъ на свою утѣху, опрочѣ того, аже ся путь (позволеніе) получить поперекъ удѣла ѣхати, ни приставовъ своихъ не всылаютъ братъ въ братень удѣлъ, и не вступаются никоторыми дѣлы; ни судовъ имъ не судити, ни грамотъ имъ жаловальныхъ не давати, ни дани не имати брату на братнѣ удѣлѣ... А дѣтемъ моимъ брату въ братне удѣле сель не купити, такъ же и ихъ бояромъ сель не купити въ удѣле дѣтей моихъ безъ повѣльня дѣтей моихъ, чей будетъ удѣлъ сына моего.»

Иванъ III въ своемъ завѣщаніи запрещаетъ дѣтямъ покупать и владѣть землями и держать закладчиковъ другъ у друга въ удѣлахъ. Если же, какъ случалось нерѣдко, одинъ князь владѣлъ селами въ удѣлѣ другаго, то и на послѣднія простиралась иногда эта полная независимость княжескаго владѣльческаго права. Обыкновеннымъ правиломъ было то, что судъ и дань при-

надлежать тому князю, въ чьемъ удѣлѣ находится земля (1); исключеніе составляли, какъ уже было сказано, мѣста, которыя по старинному обычаю тянули къ другому городу. Но Василій Васильевичъ пишетъ въ своемъ завѣщаніи: «а которымъ есмь дѣтемъ своимъ села подавалъ, во чьемъ удѣлѣ ни буди, и на того и судъ надъ тѣми селы, кому дано.» Въ договорѣ Ивана III съ Андреемъ Углицкимъ (2) постановляется, что послѣдній вѣдаетъ съ судомъ и данью разныя села, которыя завѣщали ему бабка, мать и братъ; великій князь долженъ эти села подъ нимъ и его дѣтьми блюсти, не обидѣть и не вступаться, хотя они лежали въ предѣлахъ великаго княжества. Борисъ Волоцкій также владелъ въ великомъ княжествѣ разными селами, которыя дала ему бабка, боярыня Марья Ѳедоровна Голтыева. Въ договорѣ 1473 года онъ обязывается держать ихъ такъ, какъ они были при ней, причемъ судъ и дань принадлежать великому князю; но въ 1481 году послѣдній уступилъ ему и эти права, такъ что Борисъ Васильевичъ сдѣлался полнымъ ихъ обладателемъ (3). Съ другой стороны, когда князь уступалъ другому удѣлу, онъ выговаривалъ иногда права тѣхъ лицъ, кому онъ раздалъ земли отъ своего имени. При этомъ судъ и дань оставались иногда за тѣмъ княземъ, кому передавался удѣлъ, иногда же извѣстныя земли совершенно освобождались отъ подданства новому князю (4). Такъ Василій Васильевичъ, отдавая Бѣжецкій Верхъ дядѣ Юрію, выговорилъ села, отданныя Константину Дмитріевичу, да для себя нѣсколько сель, отнятыхъ у боярина Ивана Дмитріевича Всеволожскаго. Но относительно жалованныхъ грамотъ, данныхъ прежними князьями на слободы, постановлено, что въ нихъ воленъ Юрій, кого хочеть жаловать (5).

Также независимы были и княгини въ своихъ владѣніяхъ. Тѣ постановленія, которыя мы видѣли выше въ духовной Владиміра Андреевича объ удѣлахъ его сыновей, относятся и къ удѣлу ихъ

(1) А судомъ и данью тянути по землѣ и по водѣ, №№ 28, 76. По удѣламъ гдѣ кто живеть, № 40, см. также №№ 91, 106.

(2) № 106.

(3) №№ 97, 110.

(4) №№ 38, 75, 78, 97.

(5) № 49.

матери; она является въ немъ полною хозяйкой. Донской точно также запрещаетъ сыновьямъ вступаться какимъ бы то ни было образомъ въ волости и села своей матери. Если кому изъ жителей будетъ жалоба на ея волостелей, то она одна имѣетъ право судить ихъ. Василий Дмитріевичъ запрещаетъ сыну за чѣмъ бы то ни было всылать въ удѣлъ своей матери. Подобныя распоряженія находятся и въ завѣщаніи Василя Васильевича.

При такой полной независимости князей, разумѣется, не могло быть рѣчи о судѣ великаго князя надъ удѣльными. Дѣйствительно, всѣ распри между князьями, равно какъ и между жителями различныхъ удѣловъ, рѣшались судомъ третейскимъ. Такъ въ договорѣ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ постановлено: «А чего ми будетъ искати на твоихъ боярехъ или чего искати тобѣ на моихъ боярехъ, намъ отослати отъ себе по боярину, тѣ тому дѣлу учинять исправу; а ци о каковѣ дѣлѣ меже себе сопрутся, ѣхати имъ на третій, кого собѣ изберуть, тамо ѣхавъ перемолвятся. А чего ны будетъ поискати тобѣ, мнѣ ли, а тому тако же межи насъ исправа (1).» Въ другихъ прибавляется: «а котораго князя бояръ умолять, тотъ князь подыметь (платить) а боярамъ вины нѣтъ» (2). Способъ третейскаго суда былъ впрочемъ различенъ. Иногда бояре, которые не могли сговориться, должны были предоставить дѣло суду митрополита, а если послѣдняго не будетъ въ землѣ, тогда брать третьяго, кого излюбятъ (3). Иногда постановлялось, что третьяго беретъ судья истца, но если несогласенъ на то судья отвѣтчика, то третьимъ берутъ одного изъ трехъ русскихъ князей (4). Въ другихъ договорахъ постановленія еще подробнѣе: судья истца назначаетъ двухъ бояръ великаго князя и одного боярина удѣльнаго князя; изъ нихъ выбираетъ третьяго судья отвѣтчика; но если онъ откажется отъ выбора, тогда они должны идти передъ великаго князя, который самъ назначаетъ одного изъ именованныхъ бояръ и велитъ доправить искъ на отвѣтчикъ, если послѣдній все-таки не согласится (5). Впро-

(1) № 27.

(2) №№ 35, 45, 71, 78, 90—94, 97, 99.

(3) № 33.

(4) № 95.

(5) №№ 52, 54, 60.

чемъ во многихъ договорахъ просто постановляется: «судьямъ нашимъ третій вольный», кажется только въ одномъ—съ ограниченіемъ, что бояре не зовутся на третьяго вонъ изъ земли (1).

Третейскимъ же судомъ судились и распри Московскихъ князей съ Тверскими и Рязанскими: такъ въ договорѣ Донскаго съ Тверью постановлено:

«А что ся учинить межн насъ князей каково дѣло, ино съѣдутся боярѣ наши на рубежъ, да межн насъ поговорятъ: а не уговорятся, ино ѣдутъ на третій на князя на Великого на Ольга (Рязанскаго); на кого помолвить, виноватый передъ правымъ поклонится, а взятое отдасть. А чьи судьи на третій ни поѣдутъ, или на кого третій помолвить, инъ взятого не отдасть; то правому отнати, а то ему не въ измѣну... а намъ княземъ въ судъ въ вопчій не вступатися, вѣдаютъ то тѣ, на комъ есмн положили (2).

Иногда дѣлается различіе между дѣлами князей и обидами, причиненными жителями тѣхъ и другихъ владѣній.

«А гдѣ учинится разбой или наѣздъ или татба изъ твоей отчины на моихъ людей великого князя и о томъ суда вопчего не ждати, отслати намъ своихъ судей, да велѣти учинити исправа безъ перевода (не отлагая до другаго времени); а не даси мнѣ исправы, или судьи твои судомъ переведутъ, и мнѣ свои отнати, а то не въ измѣну. А что ся учинить межн насъ на то дѣло великихъ князей, и намъ отослати на то своихъ боярѣ (3).»

Впрочемъ и здѣсь встрѣчались разнообразныя постановленія, какъ можно видѣть изъ договоровъ. Иногда великій князь Московскій являлся исполнителемъ третейскаго суда между другими. Такъ постановлялось, что въ спорахъ князей Рязанскихъ съ Пронскими, Новосельскими и Тарусскими, третьяго избираютъ бояре; но если виноватый не захочетъ исполнить приговора, то великій князь Московскій принуждаетъ его къ этому по троекратномъ увѣщаніи, и это не считается измѣною (4).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ князья являются вполне независимыми другъ отъ друга владѣльцами. Но были города, которыми они владѣли обща. Какія здѣсь устанавливались между ними отношенія?

(1) №№ 46, 49, 61, 64.

(2) № 28.

(3) №№ 48, 65.

(4) №№ 36, 48.

Московскіе князья въ своихъ договорахъ постоянно обязываются не вступаться другъ у друга въ тѣ участки Москвы, которые достались имъ въ раздѣлѣ по наслѣдству (1). Каждый является слѣдственно хозяиномъ своего участка. Но владѣльческія права князей не всегда были одинаковы. Изъ завѣщаній Калиты и Ивана Ивановича видно, что владѣніе было общее, а дѣлились только доходы. Въ первой изъ этихъ грамотъ Москва приказывается всѣмъ сыновьямъ; относительно же раздѣла говорится, что дѣти должны подѣлиться тамгою и «иными волостми городскими, также оброкомъ городскимъ Васильцева вѣданья. А чисельные люди вѣдають сынове мои собча, а блюдутъ вси съ одного; а что мои люди куплены въ великомъ свертцѣ, и тыми ся подѣлять сынове мои.» Въ послѣднемъ случаѣ противопоставляется слѣдственно общее владѣніе раздѣльному. Въ завѣщаніи Ивана Ивановича читаемъ:

«Приказываю отчину свою Москву сыномъ своимъ князю Дмитрию и князю Ивану; а братаничу моему князю Володимеру на Москвѣ въ наѣстничествѣ треть и въ тамѣ, въ мытѣхъ и въ пошлинахъ городскихъ треть, что потягло къ городу; и что медь оброчный Васильцева стану и что отца моего купленыѣ бортиницы подъ вѣчные ворахъ и кони ставити по станомъ и по ворямъ, и конюшій путь, то имъ все ватрое. А числиныѣ люди вси три князя блюдутъ сопча съ одного.»

Здѣсь мы видимъ опять, что дѣлятся пошлины и право суда (наѣстничество), а владѣніе остается нераздѣльнымъ. Но со-всѣмъ другое мы читаемъ въ завѣщаніи Дмитрія Донскаго. Въ началѣ онъ по старому обычаю говорить: «приказываю отчину свою Москву дѣтемъ своимъ.. а братъ мой, князь Володимеръ, вѣдаетъ свою треть»; но потомъ:

«А сына своего Василья благословляю на старший путь въ городѣ и въ станѣхъ *моею удѣла* двою жеребьевъ половина, а тремъ сыномъ моимъ половина и въ пошлинахъ въ городскихъ половина... А на старший путь сыну моему князю Василью Васильцево сто и Добрытинская борть съ селомъ зъ Добрытинскимъ, а бортьницы въ станѣхъ въ городскихъ и конюшій путь и сокольничий и ловчий, тѣмъ сынове

(1) Напримѣръ № 78, 84, 95. Замѣтимъ, что и здѣсь удѣлы ставятся впогдѣ наряду съ движимымъ, напримѣръ: «а чимъ ны благословиѣтъ отецъ нашъ, волостми ли, порты ли, а ты ся есмы подѣлили, того ны не поминати.» № 23.

мои подѣлятся ровво. А численнхъ людей *моиъ двою жеребьямъ*, сыномъ моимъ по *частямъ*, а блюдутъ съ одного.»

Здѣсь мы видимъ, что въ Москвѣ является уже *удѣль* великаго князя, его два жеребья; численные люди раздаются по частямъ, и если наследники должны блюсти ихъ вмѣстѣ, то это выраженіе совершенно неопредѣленное, которое не означаетъ общаго владѣнія. Мы говорили выше, что князья обязывались блюсти чужой удѣль; иногда великій и удѣльный князь обязываются вмѣстѣ блюсти и не обидѣть младшую свою братью (1). Относительно же численныхъ людей мы видимъ дальше, почему князья должны были блюсти ихъ вмѣстѣ. Вслѣдствіе этого новаго раздѣла, Василій Дмитріевичъ въ своемъ завѣщаніи уже не приказываетъ сыну отчину Москву, а даетъ ему «свой жеребій треть Москвы» съ принадлежностями и треть численныхъ людей. Василій Васильевичъ, оставляя нѣсколько сыновей, не отдаетъ имъ Москвы въ общее владѣніе, а назначаетъ каждому свой участокъ. Въ договорахъ своихъ Василій Васильевичъ ставитъ *удѣль свой* въ Москвѣ наряду съ прочими владѣніями (2). Владиміръ Андреевичъ, по старому обычаю, приказываетъ еще дѣтямъ *отчину свою Москву*, свою треть, но раздѣляетъ ее по годамъ: каждый держать намѣстника въ свою очередь. Старшему дается въ городѣ, и въ станахъ конюшій путь, бортники, садовники, псари и проч. съ ихъ землями; треть численныхъ людей дѣлится между двумя средними сыновьями, а пошрины городскія отдаются вдовѣ. Въ договорахъ Владиміра Андреевича и внука его Василія Ярославича Боровскаго съ Московскими князьями находится постоянное условіе: «а въ городъ намъ послати своихъ намѣстниковъ, и тобѣ своего намѣстника, они очистятъ нашихъ холоповъ и селчанъ. А кого себѣ вымемъ огородниковъ и мастеровъ, и мнѣ князю великому зъ братьею два жеребья, и тобѣ, брате, треть». Но Иванъ III, какъ мы видѣли, отдалъ всю Москву одному старшему сыну, выдѣливъ только участки остальнымъ. Однако старшій сынъ долженъ былъ по прежнему держать большаго намѣстника на великокняжескомъ участкѣ, а другаго на трети князя Владиміра Андреевича. То же распоряженіе мы видимъ и въ духовной

(1) А. А. Э. т. I-й, № 10.

(2) №№ 73, 84.

Ивана Грознаго. Такъ въ то время держались случайно установившагося обычая! Замѣтимъ еще, что въ духовной Ивана III мы видимъ, что часть посадскихъ дворовъ въ городѣ приписана къ подмосковнымъ селамъ, которыя принадлежали удѣльнымъ князьямъ (1). Слѣдовательно, самый городъ дѣлился на отдѣльные участки, которые находились каждый во владѣніи своего князя. Но, съ другой стороны, младшимъ запрещается въ этихъ сельцахъ держать торги, ставить лавки и позволять останавливаться въ нихъ гостямъ съ товаромъ. Последніе должны становиться въ Москвѣ на гостиныхъ дворахъ, «какъ было при мнѣ», и младшіе братья въ гостиные дворы не вступаютъ. Если же кто въ этихъ сельцахъ станетъ торговать съѣстнымъ товаромъ, то пошлину полавочную беретъ прикащикъ старшаго сына, «какъ было при мнѣ». Немудрено, что здѣсь являются черты новаго порядка, ибо Иванъ III, какъ мы видѣли, установилъ во владѣніи Москвою новизну. Подробныхъ извѣстій о прежнихъ раздѣлахъ до насъ не дошло, и мы не знаемъ, какимъ образомъ князья дѣлили городъ между собою, были ли тутъ какія-нибудь особенныя условія, на какихъ основаніяхъ они владѣли напимѣръ гостиными дворами и т. п.

Владѣя такимъ образомъ Москвою и приписанными къ ней станами каждый особенно, князья въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствовали однако за одно. Это мы видимъ относительно дани и суда.

Дань платилась Татарамъ. Каждый удѣльный князь собиралъ съ своего удѣла то, что приходилось платить ему по раскладкѣ, и вручалъ собранныя деньги великому князю, который уже передавалъ хану всю сумму отъ имени всѣхъ. Но въ Москвѣ, несмотря на раздѣльность владѣнія, князья собирали дань вмѣстѣ. Это видно изъ условій, которыми постановляется, что если великій князь пошлетъ своихъ данщиковъ въ Москву и въ станы Московскаго уѣзда, то и удѣльный пошлетъ съ ними своихъ данщиковъ; собранная сумма должна идти въ казну великокняжескую для уплаты выхода (2). Точно также и писцовъ, которые опредѣляли количество дани, князья должны были посылать вмѣстѣ (3). Однако

(1) № 136.

(2) № № 33, 35, 45, 71, 78.

(3) 95.

все это считалось мѣрою временною, пока не свергнуто было татарское иго; «а оже ны Богъ избавить, ослободить отъ Орды, ино мнѣ два жеребья, а тебѣ треть» сказано о дани въ договорѣ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ. Здѣсь какъ будто предполагается, что они будутъ продолжать собирать дань вмѣстѣ, но въ слѣдующихъ договорахъ просто говорится, что если князья освободятся отъ орды, то каждый будетъ брать дань себѣ (1).

Этотъ способъ взиманія дани общими силами былъ причиною нѣкоторыхъ другихъ условій относительно владѣнія Москвою. Съ этою цѣлью князья обязывались блюсти численныхъ людей собца, хотя они владѣли ими въ раздѣлъ (послѣднее вѣроятно для взиманія всякаго рода другихъ повинностей). Вмѣстѣ блюди они и другіе разряды людей, которые платили дань: слугъ, которые были подъ дворскимъ, черныхъ людей, гостей, суконниковъ и городскихъ людей, наконецъ ордынцевъ и дѣлюевъ. Князья обязывались не покупать ихъ земель, такъ же какъ не покупали они земель другъ у друга въ удѣлахъ, не принимать ихъ въ службу или даже вовсе не принимать ихъ къ себѣ (2). Земли данныя, то-есть съ которыхъ платилась дань, ограждались и отъ покупокъ частными людьми; для этого устанавливались разныя правила, какъ-то: право выкупа, обязанность покупателя тянуть тягло вмѣстѣ съ черными людьми, наконецъ просто возвращеніе земли прежнимъ владѣльцамъ, если покупатель не хотѣлъ тянуть тягла. Въ послѣдствіи же для покупки данныхъ земель въ Москвѣ нужны были особенныя княжескія грамоты (3). Прибавимъ еще, что князья обязывались недержать въ городѣ закладчиковъ, опять на подобіе тѣхъ условій, которыя они заключали относительно чужихъ удѣловъ (4).

О судѣ мы находимъ также разныя постановленія, которыя показываютъ большій или меньшій перевѣсъ одного князя надъ другимъ. Въ договорѣ Семена Ивановича съ братьями сказано: если Москвичъ ударитъ челомъ великому князю на московскихъ бояръ

(1) Ср. особенно № 35, изъ котораго, несмотря на нѣсколько стертыхъ словъ, ясно, что условіе относится и къ Москвѣ.

(2) №№ 33, 35, 45, 71, 78, 84, 95.

(3) №№ 33, 95.

(4) №№ 45, 71, 78, 84.

и слугъ удѣльныхъ князей, то судить великій князь, коли будетъ въ Москвѣ, и удѣльные вмѣстѣ съ нимъ, если же ихъ въ Москвѣ не будетъ, то отсылать дѣло къ княжескимъ намѣстникамъ, которые учинять исправу, а приставовъ изъ другихъ мѣстъ не посылать (1). Здѣсь участіе князей совершенно равное; напротивъ въ договорѣ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ видно преимущество старшаго князя. Здѣсь постановляется, «а судовъ ти (Владиміру Андреевичу) московскихъ безъ моихъ намѣстниковъ не судити, а азъ ему московскыи суды судити; тѣми ми ся съ тобою дѣлити. А буду опроче Москвы, а ударитъ ми челомъ Москвитинъ на Москвитина, пристава ми дати, а послати ми къ своимъ намѣстникомъ, а ни исправу учинять, а твои намѣстники съ ними; а ударитъ ми челомъ хто изъ великаго княженья на Москвитина на твоего боярина, и мнѣ пристава послати по него, а тобѣ послати за нимъ своего боярина.» Въ случаѣ жалобы жителей одного удѣла на жителей другаго долженъ «исправу учинить» князь отвѣтчика, а другой шлетъ своего боярина. Наконецъ прибавлено: «а которыи суды потягли къ Москвѣ при нашихъ отцѣхъ, тѣ суды и новѣча потянуть къ городу» (2). Изъ этого видно, что великій князь какъ будто бы судилъ одинъ, и только доходами дѣлился съ удѣльнымъ, тогда какъ послѣдній не могъ судить безъ намѣстниковъ великаго князя. Но въ договорѣ Василя Дмитріевича съ Владиміромъ Андреевичемъ это условіе опять обоюдное: каждый князь обязывается не судить безъ намѣстниковъ другаго городскихъ судовъ и становыхъ, которые тянуть къ городу; суды же, которые по старому обычаю тянуть къ городу изъ волостей, находящихся въ удѣлѣ каждаго князя, тѣ судятъ ихъ намѣстники, «какъ было и доселѣ» (3). Опять отношенія полнаго равенства. Послѣднее условіе повторяется во всѣхъ договорахъ Василя Васильевича съ княземъ Боровскимъ (4). Но въ первомъ договорѣ Ивана III съ братомъ Андреемъ Большимъ условія почти совершенно сходны съ вышеприведеннымъ договоромъ Донскаго (5).

(1) № 23. За тѣмъ слѣдуетъ еще постановленіе, но къ сожалѣнію оно на половину стерто.

(2) № 33.

(3) № 35.

(4) №№ 45, 71, 78, 84.

(5) № 95.

Изъ всего этого мы однако же не узнаемъ, какого рода суды тянули къ городу изъ волостей, и что судили князя съ намѣстниками. Нѣсколько уясняютъ намъ эти вопросы губная московская запись, составленная при Иванѣ III-мъ, и завѣщаніе послѣдняго. Изъ первой (1) мы узнаемъ, что душегубствомъ тянули къ Москвѣ (2) Серпуховъ со всѣми волостями и съ селами княжескими и монастырскими, Звенигородъ съ волостями, нѣсколько дмитровскихъ и другихъ волостей, наконецъ всѣ села въ Московскомъ уѣздѣ. Относительно послѣднихъ сказано, что жителей въ душегубствѣ судить большой намѣстникъ, «а судья за нимъ идетъ своего прибытка смотреть». То же относительно жителей сель околородныхъ и относительно городскихъ дворовыхъ людей, княжескихъ, митрополичихъ и монастырскихъ, но при этомъ именно сказано, что прежде того двory и дворцовые люди удѣльныхъ князей въ Москвѣ судились большимъ намѣстникомъ, а судьи за ними не бывали, пока не установила этого великая княгиня Софья Витовтовна. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ можно заключить изъ выражений грамоты, судилъ одинъ большой намѣстникъ, а третники (то-есть намѣстники удѣльныхъ князей) получали только доходы. Но относительно жителей другихъ удѣловъ прямо сказано, что, если ихъ поймутъ съ поличнымъ въ Москвѣ, то судить ихъ и казнить большой намѣстникъ съ двумя третниками, и судьи за ними нѣтъ; во всякомъ другомъ пенномъ дѣлѣ ему даютъ срокъ поставить за собою судью. Наконецъ въ губной записи находится еще выраженіе, не совсѣмъ ясное:

«А что деревни въ московскомъ въ становомъ удѣльныхъ князей и волостели ихъ судятъ, а доложить своего князя, ажъ будетъ на Москвѣ; а не будетъ на Москвѣ его князь, и ему доложить великаго князя или большого намѣстника, а по инымъ городамъ ихъ не водить къ докладу.»

Что это за деревни? Онѣ здѣсь отличаются отъ сель; слѣдовательно можно думать, что подъ этимъ разумѣются участки московскихъ становъ, которые князя получали въ раздѣлъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что здѣсь судятъ волостели, тогда какъ въ селахъ были посельскіе и прикащики, какъ видно изъ

(1) А. А. Эксп. т. I № 115.

(2) То-есть дѣла объ убійствахъ, совершенныхъ въ этихъ мѣстахъ, судились въ Москвѣ.

духовной Ивана III. Въ ней сказано, что въ селахъ, которыя находятся въ московскихъ станахъ, судъ и дань принадлежать князю владѣльцу; но душегубствомъ и поличнымъ они тянутъ къ Москвѣ по старинѣ, кромѣ того поличнаго, которое случится между крестьянъ тѣхъ селъ: то судять прикащики, докладывая большому намѣстнику. Послѣдній судить также душегубство и поличное въ околгородныхъ сельцахъ удѣльныхъ князей. Мы знаемъ уже, что Иванъ III не далъ младшимъ сыновьямъ другихъ владѣній въ Московскомъ уѣздѣ.

Ясно, что болѣе и болѣе возрастало значеніе старшаго сына, а вмѣстѣ съ нимъ и большаго намѣстника. Послѣдній въ этихъ грамотахъ вездѣ является на первомъ планѣ, тогда какъ въ большей части прежнихъ договоровъ мы видѣли совершенное равенство князей и ихъ судій. Такое преобладаніе старшаго должно было повести къ значительному упрощенію управленія; ибо понятно, какая запутанность, какія столкновения должны были произойти изъ этого владѣнія, раздѣльнаго и вмѣстѣ нераздѣльнаго. Право суда дробилось здѣсь между наслѣдниками, какъ все остальное имущество, ибо существеннымъ дѣломъ въ судѣ считался доходъ; иной князь ставилъ своего намѣстника на четвертый, пятый, шестой годъ, иной даже на полгода; и этотъ намѣстникъ судилъ съ другими и дѣлился съ ними доходами. Такъ же раздѣлялся судъ и въ станахъ, гдѣ каждый князь назначалъ въ свой участокъ отдѣльныхъ волостелей (1). Къ этой дробности управленія,

(1) Если намѣстники и волостели судили, какъ видно изъ множества грамотъ, то ясно, что дѣлилось самое право суда, а не одни только доходы, какъ утверждаетъ г. Кр...въ въ рецензіи на мою книгу «Объ областныхъ учрежденіяхъ Россіи въ XVII вѣкѣ» (см. Русская Бесѣда Т. III). Впрочемъ въ этой критикѣ такое смѣшеніе фактовъ и такой страшный способъ обращаться съ источниками, что это можетъ привести въ удивленіе читателя, нѣсколько знакомаго съ дѣломъ. Вотъ примѣръ. Критикъ утверждаетъ, что я не такъ, какъ слѣдуетъ воспользовался грамотами, писанными къ новгородскимъ дьякамъ въ 1555 и 1556 годахъ, и выпустилъ именно то, что опредѣляетъ отношеніе дьяковъ къ намѣстникамъ. Въ доказательство онъ приводитъ подлинныя слова грамоты: «и которые наши дѣла у бояръ нашихъ будутъ и вы бъ тѣ дѣла у бояръ нашихъ, у князя Петра Михайловича да у князя Дмитрея Федоровича дѣлали и въ нашихъ дѣлахъ ихъ слушали» Кажется,

происходившей отъ наслѣдованія по частному праву, прибавимъ множество отдѣльныхъ правъ, которыя то сохранялись вслѣдствіе стараго обычая при измѣнившихся отношеніяхъ, то возникали вновь вслѣдствіе случайнаго перевѣса того или другаго князя, или даже вслѣдствіе большей или меньшей степени вліянія княгини;

ясно, что дѣяки совершенно подчинены намѣстникамъ. А между тѣмъ въ грамотѣ о намѣстникахъ и рѣчи нѣтъ, а идетъ дѣло о воеводахъ. Изъ нихъ одинъ кн. Д. Ѳ. Палецкій былъ въ это время вмѣстѣ и намѣстникомъ, но тогда какъ другія грамоты того же времени пишутся къ нему, какъ къ намѣстнику, здѣсь объ немъ и объ его товарищѣ говорится какъ о воеводахъ. Все это было бы очень ясно, если бы критикъ не заблагоразсудилъ выпустить изъ этой очень коротенькой грамоты именно самое существенное. Но когда нужно опровергнуть чужое мнѣніе, какъ тутъ не прибѣгнуть къ маленькому искаженію источниковъ? Критикъ утверждаетъ даже, что я эту грамоту опустилъ, между тѣмъ какъ она приведена у меня на слѣдующей страницѣ, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о воеводахъ. Это «Русская Бесѣда» называетъ добросовѣстностью, которую должны признать и другъ и недругъ. Такихъ *добросовѣстныхъ* возраженій можно найти много. Что же касается до учености г. рецензента, то достаточно также привести одинъ примѣръ: признавая между Россіей и Западомъ такое различіе, что всякая попытка сравнить одновременныя ихъ учрежденія напоминаетъ ему сравненіе челоуѣка съ ромашкой, г. Кр...въ утверждаетъ, что Римское право, которое обрабатывали западные юристы, къ намъ совершенно нейдетъ, и основанныя на немъ теоріи могутъ увлекать только людей легковѣрныхъ, мало знакомыхъ съ русскимъ бытомъ, а что мы напротивъ должны обрабатывать сродное намъ право Византійское. Почтенный критикъ и не подозреваетъ, что Римское право, которое обрабатывали западные юристы, именно и есть Византійское—*Cognus juris*, изданный византійскимъ императоромъ Юстиніаномъ. Не говоримъ уже о необыкновенныхъ умозаключеніяхъ, которыми преисполнена эта рецензія, напримѣръ: Общины платили виру за убійство, *слѣдственно* онѣ участвовали въ судѣ; челоуѣкъ, пойманный съ краденою вещью, долженъ былъ идти на сводъ, то—есть отыскать того, отъ котораго онъ ее приобрѣлъ, *слѣдственно* общины участвовали въ судѣ; волостель и его тѣнунъ не могли обвинить бобровника безъ доклада, *слѣдственно* община судила своихъ членовъ; городовые прикащики упоминаются иногда вмѣстѣ съ губными старостами, *слѣдственно* они были выборные и т. п. — Считаеиъ не лишнимъ обратить вниманіе читателей на это любопытное явленіе въ нашей ученой литературѣ, потому что все это выдается намъ за образчики русской науки. Дѣйствительно, на Западѣ трудно найти что-нибудь подобное!

наконецъ вспомнимъ, что князья, которые владѣли удѣлами въ Москвѣ, большею частью находились между собою во враждебныхъ отношеніяхъ или даже въ явной войнѣ, и мы поймемъ, до какой степени управленіе было шакто и запутано.

Въ заключеніе этого обзора отношеній князей владѣльцевъ въ Москвѣ упомянемъ еще объ одномъ общемъ ихъ дѣлѣ. Въ договорахъ встрѣчается слѣдующее условіе: «а Московская рать ходитъ съ моимъ (великаго князя) воеводою, какъ было прежде сего» (1). Чтò же это за московская рать? Ясно, что она не состояла изъ горожанъ, ибо въ договорахъ она прямо отъ нихъ отличается: князья обязываются не принимать московской рати, кто ходилъ съ воеводами; и тутъ же постановляется условіе, чтобы гостей, суконниковъ и городскихъ людей блюсти вмѣстѣ и въ службу ихъ не принимать (2). Думаемъ, что нѣкоторому уясненію этого вопроса можетъ способствовать сближеніе съ слѣдующимъ мѣстомъ изъ договора Семена Ивановича съ братьями, къ сожалѣнію нѣсколько вытертымъ: «А которыхъ люди по нашимъ волостемъ выиманы нын... войны... намъ къ собѣ не принимати: а которыхъ людей отецъ нашъ князь великій выималъ изъ..... въ службу, тѣ такъ и знаютъ свою службу, въ которую кто уряженъ, а намъ ихъ къ собѣ не принимати» (3). Последнее, по всей вѣроятности, относится къ ордынцамъ, то-есть плѣнникамъ, выкупленнымъ изъ орды; они несли какую-то службу, о которой мы не имѣемъ извѣстій. Первое же можетъ относиться къ московской рати;—но чтò это были за люди? вольные или богѣе или менѣе крѣпостные? на какихъ основаніяхъ они служили? все это вопросы, которые, по недостатку данныхъ, остаются неразрѣшимыми.

Обратимся теперь къ Переяславлю Рязанскому, въ которомъ точно также существовало общее и раздѣльное владѣніе князей. О взаимныхъ ихъ отношеніяхъ мы узнаемъ изъ договора 1496 г. между великимъ княземъ Рязанскимъ Иваномъ Васильевичемъ и братомъ его Федоромъ Васильевичемъ (4). Городомъ Переяславлемъ князья, такъ же какъ московскіе, владѣли въ раздѣлъ; «а жити

(1) №№ 35, 45, 71, 78.

(2) № 33.

(3) № 23.

(4) № 127.

ми, господине, съ тобою съ великимъ княземъ въ Переяславлѣ потому какъ отдѣлилъ меня ты князь великій и мати паца великая княгиня». Удѣльному князю были отдѣлены княжескіе дворы въ городѣ, посадѣ, мельницы, поле у города, лугъ и треть въ городской тамгѣ. Старшій же князь имѣлъ въ городѣ тяглыхъ людей, которые кормили пословъ, мыты и другія пошлины. Княгиня владѣла своими купленными дворами въ городѣ и кромѣ того взяла себѣ въ пожизненное владѣніе четверть всего великаго княжества и четверть трети младшаго сына. Изъ договора видно, что братья подѣлили между собою и разныхъ людей: ловчанъ, рыболововъ, истопниковъ, псарей и т. п., какъ дѣлали и московскіе князья. Наконецъ, младшій обязанъ былъ поддерживать съ своей отчины треть городскихъ укрѣпленій. Относительно общаго взиманія дани въ договорѣ нѣтъ никакихъ условій; сказано только, что если нужно будетъ дать выходъ въ Орду, то великій князь возьметъ съ младшаго треть; иначе онъ дани не беретъ. Изъ этого можно заключить, что каждый бралъ дань самъ по себѣ съ своего участка. Поэтому, вѣроятно нѣтъ и тѣхъ ограниченій, которыя встрѣчаются въ договорахъ московскихъ; сказано просто, что князья другъ у друга въ удѣлѣ не должны покупать селъ и держать закладчиковъ. Но относительно суда договоръ содержитъ въ себѣ довольно подробныя постановленія. Въ Переяславлѣ находился большой намѣстникъ великаго князя и третчикъ удѣльнаго. Въ дѣлахъ объ убійствѣ, разбоѣ и воровствѣ съ личнымъ, случившихся на посадѣ между чьими бы то ни было людьми, пристава даетъ намѣстникъ; а случится тутъ приставъ третчика, онъ съ нимъ идетъ, и отдаетъ отвѣтника на поруки, а не случится онъ тутъ, тогда приставъ намѣстника идетъ одинъ, отдаетъ отвѣтника на поруки и ставитъ его передъ намѣстникомъ. Такія отношенія существуютъ и въ самомъ судѣ: намѣстникъ судитъ вмѣстѣ съ третчикомъ, если послѣдній случится тутъ, иначе онъ судитъ одинъ, а третчикъ смотритъ своего прибитка. (Замѣтимъ, какой совершенно частный характеръ имѣетъ здѣсь право суда: судитъ или нѣтъ судья, это дѣло второстепенное, а главное доходы.) Тотъ же порядокъ имѣетъ мѣсто во всѣхъ дѣлахъ между гостями и черными людьми на посадѣ, за исключеніемъ великокняжескихъ тяглыхъ людей, которые кормятъ пословъ. Но дѣла между людьми удѣльнаго князя, которые живутъ на посадѣ, за исключеніемъ

убійства, разбоя и поличнаго, судять прикащики младшаго князя и докладываютъ ему, а если его не будетъ въ Переяславѣ, они должны его дожидаться, а не водить ихъ съ докладомъ въ удѣл. Людей же удѣльнаго князя, которые прїѣзжаютъ изъ удѣла въ Переяславль, судять въ убійствѣ, разбоѣ и въ поличномъ, намѣстникъ съ третчикомъ, и приставъ послѣдняго не можетъ отдать ихъ на поруки безъ пристава перваго. Самъ удѣльный князь не имѣетъ права ихъ судить, тогда какъ великій князь воленъ судить и казнить людей удѣльнаго князя во всякихъ дѣлахъ, причемъ обвиненный долженъ платить двѣ трети пошлыны намѣстнику, а остальное третчику (это тоже условіе, которое мы видѣли въ договорахъ Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ и Ивана III съ Андреемъ Углицкимъ). Великій же князь судить всѣ жалобы на третчика, его тіуна и доводчиковъ. Наконецъ, перевѣсъ старшаго брата выражается и въ томъ, что всѣ таможенныя преступленія судить одинъ его намѣстникъ и доходы беретъ себѣ.

Таковы опредѣляемыя духовными и договорными грамотами взаимныя отношенія князей во внутреннемъ управленіи своихъ удѣловъ. Въ главныхъ городахъ мы видимъ странную смѣсь общаго владѣнія и раздѣльнаго съ большимъ или меньшимъ перевѣсомъ одного князя надъ другимъ; въ удѣлахъ же князья являются совершенно независимыми владѣльцами своихъ вотчинъ. Только Иванъ III въ своемъ завѣщаніи постановилъ ограниченія власти удѣльныхъ князей, которыя показываютъ уже государственныя стремленія: онъ запретилъ младшимъ сыновьямъ самимъ дѣлать деньги и отдавать денежное дѣло на откупъ; право чеканить монету предоставлено было одному старшему. Но повторяемъ, это позднѣйшее ограниченіе; прежде мы ничего подобнаго не видимъ.

Изъ всего этого ясно, какъ день, что не можетъ быть рѣчи о государственномъ подчиненіи удѣльныхъ князей великому. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли вообразить, чтобы верховная власть отказалась отъ всякаго вліянія на владѣнія подданнаго, чтобы она обязалась ни подъ какимъ видомъ не всылать въ нихъ своихъ чиновниковъ, не покупать въ нихъ земель, не держать закладчиковъ, не судить, не собирать податей? И замѣтите, это даже не льгота, а обоюдное обязательство на совершенно равныхъ правахъ. Прибавимъ и то, что въ этихъ ограниченіяхъ тѣ права, которыя по существу своему имѣютъ характеръ общественный, и права

совершенно частныя находятся въ полномъ безразличіи: рядомъ съ обязательствомъ не высылать данщиковъ и приставовъ находится запрещеніе покупать земли и держать закладчиковъ, при чемъ условіе о земляхъ распространяется и на бояръ. Последняго рода вторженія въ чужую область считались даже опаснѣе первыхъ; ибо повторяются въ большемъ числѣ грамотъ, даже въ договорахъ между князьями, совершенно независимыми другъ отъ друга, каковы были Тверскіе и Московскіе. Каждый князь старался расширить свою власть не столько государственными притязаніями, сколько частными приобрѣтеніями, почему первымъ дѣломъ при занятіи чужой области было накупить или набрать земель и закабалить за себя какъ можно больше людей. Противъ такихъ-то частныхъ способовъ приобрѣтенія старались оградить себя другіе князья, которые хотѣли остаться полными хозяевами своихъ имѣній.

Но если такимъ образомъ князья были совершенно независимы другъ отъ друга въ своихъ владѣніяхъ, то какія же между ними существовали обязательства? На это даетъ намъ отвѣтъ разсмотрѣніе условій, которыми опредѣлялись внѣшнія сношенія, къ чему теперь и обращаемся.

Князья, вступающіе въ договоры, обязываются «быть за одинъ до живота». Это условіе встрѣчается какъ между великими князьями и удѣльными, такъ и между различными великими князьями (1). У нихъ одни друзья и враги. Обыкновенно говорится, что кто другъ великому князю, тотъ другъ и удѣльному, а кто недругъ великому князю, тотъ недругъ и удѣльному. Это показываетъ нѣкоторое превосходство перваго надъ послѣднимъ. Оно выражается и въ томъ, что удѣльный князь обязывается «сложить цѣлованье», если онъ съ кѣмъ находится въ союзѣ помимо великаго князя, а послѣдній съ своей стороны обязывается «учинить его въ докончанье» съ собственными союзниками (2). Однако это условіе встрѣчается и въ обоюдной формѣ: кто другъ или недругъ одному князю, тотъ другъ или недругъ и другому, и наоборотъ. Притомъ, мы видимъ эту послѣднюю форму не только въ

(1) Первое №№ 23, 33, 37, 43, 52, 53, 54, 61, 64 и другіе; второе №№ 36, 48, 65, 76, 115.

(2) №№ 43, 49, 52, 54, 56, 61, 66, 70, 75, 90, 95.

договорахъ между великими князьями и удѣльными (1), но и въ договорахъ съ князьями болѣе или менѣе служебными (2); и напротивъ, условіе встрѣчается, въ односторонней формѣ, въ договорахъ съ великими князьями Рязанскими и Тверскими. (3) Во всякомъ случаѣ различіе выраженій не уничтожало обоюдности обязательствъ, ибо въ тѣхъ же договорахъ, гдѣ находится условіе въ первой формѣ, прямо говорится: «быть тебѣ съ нами, а намъ съ тобою» (4) и прибавляется обоюдное условіе, чтобы ни одинъ князь безъ другаго не канчивалъ (не заключалъ договоровъ), и даже не ссылался ни съ кѣмъ, ни удѣльный безъ великаго, ни великій безъ удѣльнаго. Последнее встрѣчается впрочемъ также въ разнообразныхъ формахъ: иногда князья обязываются только не канчивать другъ безъ друга (5), иногда также не ссылаться (6), иногда же удѣльный князь не долженъ ни канчивать, ни ссылаться (иногда только съ недругомъ) безъ великаго, а послѣдній не долженъ только канчивать безъ перваго (7). Однако мы этому разнообразію формъ опять-таки не можемъ придать большаго значенія; ибо мы не видимъ различія въ отношеніяхъ князей, съ которыми заключались договоры того или другаго рода. Такъ, напримѣръ, въ договорахъ Василя Васильевича съ княземъ Боровскимъ постоянно встрѣчается первая форма, въ договорахъ съ князьями Можайскими вторая, а съ Шемякою третья.

Во всякомъ случаѣ ясно, что это полный взаимный оборонительный и наступательный союзъ, который могъ равно существовать, какъ между родственниками, такъ и между посторонними князьями. Поэтому договоры часто заключаются отъ имени не одного только великаго князя, а вмѣстѣ и его союзниковъ, нерѣдко даже отъ имени его дѣтей, какъ старшихъ, такъ и младшихъ. Отсюда понятно, что мы не можемъ въ заключаемыхъ условіяхъ искать отношеній государственныхъ; обязанности отно-

(1) № 60. Договоръ Василя Васильевича съ Шемякою и Дмитріемъ Краснымъ.

(2) № 62. Договоръ Шемяки съ Суздальскими князьями.

(3) №№ 32, 119.

(4) №№ 43, 52, 54, 61, 64, 66, 75, 90—95.

(5) №№ 23, 33, 35, 43, 45, 47, 49, 60, 71, 73, 78, 84, 95.

(6) №№ 27, 46, 61, 64, 66, 69, 70, 75, 90—94.

(7) №№ 37, 52, 54, 56, 58, 97—102, 106—109.

сятся ко всѣмъ, а мы не можемъ предположить подчиненія одного удѣльнаго князя другому.

Въ обоюдной же, а иногда и въ односторонней формѣ, встрѣчается условіе, что князья должны хотѣть другъ другу добра и сообщать одинъ другому все слышанное въ пользу или во вредъ союзника. То же въ договорахъ съ Тверью и Рязанью. Если кто будетъ ихъ ссорить, то нелюбья другъ на друга не держать, а виноватаго наказать по розыску (1). Иногда удѣльный князь особеннымъ условіемъ обязываетъ великаго оборонять его, если кто обидитъ его отчину (2). То же выговариваютъ себѣ и Рязанскіе князья, иногда впрочемъ только въ случаѣ, если сами не въ состояніи будутъ обороняться (3). При этомъ постановляются различныя условія о помощи: такъ напримѣръ, если на Рязанскаго великаго князя пойдетъ великій князь Литовскій, то великій князь Московскій долженъ самъ идти оборонять его; если же Литовскій князь пошлетъ воеводу, то и Московскій долженъ прислать воеводу (4). Въ договорѣ Василя Дмитріевича съ Тверью положено, что если Татары, Литва, Нѣмцы или Ляхи пойдутъ на Тверь, то Московскій великій князь долженъ самъ идти на помощь съ братьями, оставивъ только одного изъ нихъ, кого нужно, для сторожи; если же непріятель пойдетъ на Москву, то Тверской князь долженъ послать на помощь двухъ сыновей и двухъ племянниковъ, оставивъ одного сына у себя (5). Здѣсь виденъ перевѣсъ Тверскаго князя, но во многихъ другихъ грамотахъ отношенія равныя или перевѣсъ Московскаго князя. Такъ въ договорахъ съ Рязанью говорится, что если пойдетъ на рать самъ великій князь Московскій или братъ его, то Рязанскій князь долженъ *встать* на коня безъ ослушанія, а если Московскій князь пошлетъ воеводу, то и Рязанскій долженъ сдѣлать то же (6).

Такія же условія встрѣчаются и въ договорахъ съ удѣльными князьями. Во многихъ грамотахъ встрѣчается условіе: «а гдѣ ми

---

(1) № 23.

(2) № 49.

(3) №№ 48, 65, 115.

(4) №№ 65, 115. Тоже въ договорѣ съ Тверью № 119.

(5) Акты Арх. Эксп. т. I, № 14.

(6) №№ 48, 115.

(великому князю) будетъ всѣсти на конь, всѣсти вы (удѣльнымъ) со мною, а гдѣ ми будетъ самому не всѣсти, а будетъ ми васъ послати, всѣсти вы на конь безъ ослушанья» (1). Но Владиміръ Андреевичъ въ договорѣ съ Дмитріемъ Донскимъ выговариваетъ себѣ право не садиться на коня, если не сядетъ сынъ Донскаго Василій Дмитріевичъ; когда же великій князь пошлетъ дѣтей Владиміра Андреевича, то имъ идти безъ ослушанья (2). Точно также Василій Ярославичъ Боровскій садится на коня, только если сядетъ самъ великій князь, иначе онъ долженъ только послать воеводъ (3). Юрій же Дмитріевичъ не идетъ въ походъ, а посылаетъ сына, даже когда самъ великій князь сядетъ на коня: сынъ его идетъ также, если великій князь пошлетъ дядю Константина Дмитріевича; но если онъ пошлетъ двоюродныхъ своихъ братьевъ или воеводъ, то и Юрій посылаетъ воеводъ. Однако великій князь сохраняетъ право въ случаѣ нужды послать и сына Юріева, и тогда послѣдній долженъ идти безъ ослушанья (4). Та же обязанность идти въ походъ безъ ослушанія встрѣчается и въ нѣкоторыхъ договорахъ съ Шемякою, причемъ однако съ воеводами великаго князя удѣльный долженъ посылать своихъ воеводъ (5). Но въ другихъ договорахъ Шемяка обязывается идти самъ, только когда великій князь пойдетъ самъ, или пошлетъ кого изъ братьевъ (6). Въ договорѣ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ встрѣчается подобное условіе и относительно городской осады: «оже ми (великому князю) самому сѣсти въ городъ, а тебе ми послати изъ города; и тобѣ оставити своя княгини, и свои дѣти и свои бояре, а будетъ ми тебе оставити въ городъ, ѣхати ми изъ города; и мнѣ, брате, оставити своя мати и свою братью молодшую и свои бояре» (7). Наконецъ Юрій Дмитріевичъ выговариваетъ себѣ право не посылать помощи въ случаѣ похода на

-
- (1) №№ 23, 33, 35, 37, 46, 74, 61, 64, 75, 90—94, Акты Арх. Эксп. т. I, № 10.
 (2) № 38.
 (3) № 45.
 (4) № 49.
 (5) №№ 56, 60.
 (6) №№ 52, 54.
 (7) № 35.

Литву и не ѣздить къ великому князю въ Москву (1). Последнее выговариваетъ себѣ и Иванъ Можайскій, пока въ землѣ не будетъ митрополита (2).

Характеръ всѣхъ этихъ условій очень ясенъ. Когда государства заключаютъ между собою союзъ, вниманіе устремляется преимущественно на вопросы, существенные для государства: опредѣляется количество и родъ помощи, случаи, въ которыхъ она должна оказываться, и т. п. Здѣсь же все это вопросы второстепенные; на первомъ планѣ стоитъ опредѣленіе личныхъ отношеній между князьями, ихъ мѣстныхъ расчетовъ. Въ какихъ случаяхъ князь долженъ сѣсть на коня самъ, когда онъ долженъ послать брата, сына, племянника, воеводу — все это становится предметомъ заботливаго попеченія, ибо въ этомъ выражается большее или меньшее личное превосходство одного князя надъ другимъ. Такъ дядя не согласится идти безъ ослушанія по приказанію племянника; двоюродный же братъ можетъ принять на себя подобное обязательство. И здѣсь впрочемъ родственныя отношенія не опредѣляютъ исключительно положенія членовъ въ союзѣ. Такъ же, какъ въ другихъ случаяхъ, о которыхъ мы говорили выше, мѣсто зависитъ столько же отъ личнаго могущества того или другаго князя, сколько отъ степени, которую онъ занимаетъ на родственной лѣствицѣ.

Особенныя условія заключались князьями относительно Орды. Обыкновенно удѣльные князья обязывались не ссылаться съ Ордою, всѣ сношенія предоставлялись одному великому князю, который выплачивалъ и дань, собравъ ее предварительно съ удѣльныхъ. Это дѣлалось не только въ Москвѣ, но и въ другихъ княжествахъ. Такъ Романовскіе и Заозерскіе князья платили дань князьямъ Ярославскимъ, и это продолжалось даже, когда Заозерье отошло къ Москвѣ; Михайлъ Андреевичъ Верейскій, получивъ отъ великаго князя Василя Васильевича половину Заозерья, обязывался платить съ нея дань по старинѣ князьямъ Ярославскимъ (3). Мало того: Юрій Дмитріевичъ, будучи удѣльнымъ княземъ, уступилъ часть Звенигородскаго уѣзда брату Констан-

(1) № 49.

(2) № 66.

(3) №№ 64, 66, 99.

тину Дмитріевичу, и послѣдній обязался платить съ нея дань не прямо великому князю, а Юрію (1). Такъ всякое отношеніе стремилось принять характеръ вотчиннаго права, владѣтельской повинности. А между тѣмъ уплата дани считалась дѣломъ чисто временнымъ; во всѣхъ договорахъ постановлялось, что если перемѣнить Богъ Орду, то каждый князь беретъ дань себѣ, и тогда великій князь не имѣетъ права ничего требовать (2). Слѣдственно и въ этомъ условіи мы не можемъ видѣть не только государственнаго, но и никакого подчиненія удѣльныхъ князей великому. Это временное отношеніе къ внѣшнимъ побѣдителямъ, въ которомъ самый могущественный князь стоитъ на первомъ планѣ. Великіе князья Московскіе, Тверскіе, Рязанскіе обыкновенно договаривались обоудно, что имъ къ Ордѣ путь чистъ, то-есть сношенія совершенно свободны (3); но Рязанскій князь Иванъ Васильевичъ обязался не слать въ Орду безъ думы Московскаго князя Ивана III (4). Суздальскіе князья, хотя они сошли уже на степень болѣе или менѣе служебную, выговаривали себѣ однако у Шемяки право сноситься съ Ордою, но въ договорѣ съ Василиемъ Васильевичемъ они потеряли это право (5).

Въ позднѣйшихъ договорахъ Москвы съ Тверью встрѣчается условіе и относительно удѣльныхъ князей. Если кто изъ младшихъ братьевъ Московскаго великаго князя *сгрубитъ* ему, то Тверской князь обязывается не принимать ихъ, а быть на нихъ за одно съ Московскимъ и наоборотъ, если кто изъ младшей братьи сгрубитъ Тверскому князю, его сыну и меньшимъ дѣтямъ, то Московскій князь обязывается не принимать ихъ, а быть на нихъ за одно съ Тверскимъ (6). Слово *сгрубитъ* нельзя однако принимать за выраженіе какого-либо подданства или подчиненія. Оно употребляется Литовскими князьями относительно Новгородца, который вовсе не былъ имъ подчиненъ, и Владиміромъ Андреевичемъ Старицкимъ о боярахъ Ивана IV.

---

(1) № 43.

(2) №№ 35, 84, 90, 94 и много другихъ.

(3) №№ 76, 77, 88, Акты Арх. Эксп. т. I, №№ 14, 33.

(4) № 115.

(5) №№ 62, 80.

(6) №№ 76, 88, 119.

Оно означало просто неуваженіе, обиду со стороны кого бы то ни было, и упомянутое условіе имѣло цѣлью заключеніе союза противъ общихъ враговъ.

Чѣмъ же обезпечивалось исполненіе обязательствъ? Объ этомъ мы находимъ два постановленія, первое въ договорѣ Суздальскихъ князей съ Шемякою:

«А и съ чего гдѣ господинъ нашъ выступить, и намъ тобѣ о томъ помянути, и тобѣ обыскати, а тобѣ насъ жаловати, а гдѣ мы и съ чего выступимъ, и тобѣ господину нашему велѣти намъ възвѣсити и намъ тобѣ челомъ бити, а тобѣ изъ съ жаловати, а за то не сложити.» (1).

Суздальскіе князья, какъ мы сказали, нисходили уже отчасти на степень служебныхъ, хотя отношенія были до того неопредѣленны, что они сохраняли при этомъ право сноситься прямо съ Орду. Въ договорѣ же Василя Васильевича съ Иваномъ Можайскимъ, который былъ самостоятельный удѣльный князь, мы находимъ условіе другаго рода:

«А хто насъ нарушитъ се наше докончанье и сию нашу утвержденную грамоту, и крестное целованье по докончальнымъ грамотамъ и по сей грамотѣ не исправитъ: ино на томъ на виноватомъ не будетъ милости Божьей и Пречистое его Богоматери, и молитвъ великихъ чудотворцовъ и Святителей Никола и Петра и Леонтея и преподобныхъ старцевъ Сергѣя и Кирилы и молитвы святыхъ родителей нашихъ, благородныхъ и благовѣрныхъ великихъ князей, въ сей вѣкъ и въ будущій; а братъ нашъ князь велики Борисъ Александровичъ и наша братья молодшая князь Михайло Ондръевичъ и князь Василю Ярославичъ, будутъ съ правымъ на виноватаго.» (2).

Изъ этого опять-таки ясно, что между удѣльнымъ княземъ и великимъ нѣтъ рѣчи объ отношеніяхъ государственныхъ. Последній не имѣетъ надъ первымъ высшаго права суда, не можетъ наказывать его за неисполненіе обязанностей. Оба могутъ быть и правы и виноваты; объ этомъ предоставляется судить постороннимъ, которые однако не произносятъ приговора, а по личному убѣжденію берутъ сторону того или другаго. Исполненіе обязательствъ обезпечивается слѣдственно не дѣйствіемъ высшей власти, а нравственнымъ страхомъ клятвopреступленія и вмѣшатель-

(1) № 62.

(2) № 63.

ствомъ другихъ. Однако то и другое средство были весьма ненадежны. До какой степени первое имѣло мало дѣйствія на умы, видно изъ непрерывнаго нарушенія договоровъ. *Сложитъ крестное цѣлованіе* считалось дѣломъ самымъ обыкновеннымъ; какъ мы видѣли выше, оно включалось даже въ договоры, если новое обязательство должно было разрушить старое. Чтобы упрочить нѣсколько такой шатквій порядокъ, князья прибѣгали иногда къ *проклятымъ грамотамъ*, въ которыхъ нарушившій условіе бралъ проклятiе на свою душу. Но и это не помогало; всегда можно было найти духовное лицо, которое брало грѣхъ на себя, и тогда уже не оставалось никакого препятствія для нарушенія. Также мало приносило пользы обязательство другихъ князей помогать правому: кто былъ правъ, кто виноватъ, это рѣшалось личнымъ сужденіемъ каждаго, въ основаніи котораго лежалъ все-таки собственный интересъ; тотъ въ глазахъ князя былъ правъ, кому онъ находилъ выгоду для себя помогать. Отсюда непрерывныя междоусобія и необыкновенная шаткость отношеній, которая яснѣе всего открывается изъ того множества договоровъ, которые заключались между одними и тѣми же лицами. Такъ изъ дошедшихъ до насъ грамотъ мы находимъ въ Румянцовскомъ Собраніи три договора Владиміра Андреевича съ Донскимъ и два съ его сыномъ, пять договоровъ Василья Васильевича съ Шемякою, пять договоровъ его же съ княземъ Боровскимъ и семнадцать договоровъ его же и сына его Ивана III съ князьями Иваномъ и Михайломъ Андреевичами Можайскими (1). Въмѣсто общихъ положеній, которыя устанавливали бы прочныя отношенія, мы видимъ множество личныхъ обязательствъ, непрерывно нарушаемыхъ, непрерывно смѣняющихся и возобновляющихся, такъ что окончательное рѣшеніе вопросовъ все-таки предоставлялось матеріальной силѣ.

Если мы послѣ всего сказаннаго захотимъ подвести отношенія князей вотчинниковъ подъ одну изъ категорій, существующихъ въ настоящее время, мы поставимъ себя въ затруднительное положеніе. Это не государственныя отношенія, ибо мы не видимъ здѣсь верховной власти и подданныхъ; каждый князь дѣй-

---

(1) Михаилъ Андреевичъ въ послѣдствіи былъ княземъ Верейскимъ, а не Можайскимъ.

ствууетъ какъ полный, самостоятельный хозяинъ своей вотчины, и союзныя отношенія имѣютъ мѣсто только относительно внѣшнихъ друзей и враговъ. Это не союзъ государствъ, ибо въ послѣдней формѣ общественнаго устройства существуютъ постоянныя общія положенія, обязательныя для всѣхъ и опредѣляющія дѣйствія союза, какъ единого цѣлаго; здѣсь же мы видимъ договоры чисто личныя, непрерывно измѣняющіеся вслѣдствіе личныхъ отношеній отдѣльныхъ князей между собою. Наконецъ мы не можемъ приложить здѣсь даже понятія объ отношеніяхъ международныхъ: удѣльный князь относится къ великому не только какъ самостоятельный владѣлецъ къ самостоятельному владѣльцу, но и какъ родственникъ. Будучи сыновьями одного отца или внуками одного дѣда, они черезъ это самое находятся уже въ извѣстныхъ отношеніяхъ, которыя входятъ, какъ опредѣляющій элементъ и въ установленіе ихъ союзныхъ обязательствъ. Различныя великіе князья точно также входятъ между собою въ извѣстныя отношенія родства. Физическое или родовое старшинство лица опредѣляетъ и отношенія его къ другимъ; съ измѣненіемъ родственныхъ отношеній измѣняются и союзныя обязательства. Наконецъ международныя отношенія, по нынѣшнимъ понятіямъ, предполагаютъ общія нормы, права, которыя вырабатываются изъ взаимнаго общенія государствъ; между отдѣльными державами устанавливаются отношенія болѣе или менѣе прочныя, и договоръ считается постояннымъ обязательствомъ, которое не имѣетъ нужды въ непрерывномъ возобновленіи. Въ древней же Россіи мы видимъ хаотическій беспорядокъ, въ которомъ всѣ отношенія опредѣляются случайнымъ положеніемъ и столкновеніями князей.

Дѣло въ томъ, что всѣ эти новыя понятія предполагаютъ существованіе государства, а потому и неприменимы къ такому быту, въ которомъ сознаніе государства еще не развилось. Намъ не для чего и прилагать ихъ; мы должны ограничиться выводомъ изъ фактовъ тѣхъ отношеній, которыя господствовали въ то время. Какъ ясно изъ всѣхъ приведенныхъ свидѣтельствъ, отношенія эти были родственныя, имущественныя, договорныя, наследственныя, то есть чисто гражданскія, вращающіяся въ области частнаго права. Одинъ князь могъ быть старше, сильнѣе другаго, и черезъ это получалъ перевѣсъ; но всѣ эти преимущества входятъ въ разрядъ

того же юридическаго возрѣнія, которое опредѣляло основныя начала жизни и при разнообразіи столкновеній могло проявляться въ весьма различныхъ формахъ.

Это развитіе гражданскаго права имѣетъ свою исторію. Періодъ, предшествующій той эпохѣ, которую мы теперь разсматриваемъ, отличался нѣсколько отъ послѣдней. Въ то время, особенно въ югозападной Россіи, сознаніе родства было сильнѣе между князьями; каждый изъ нихъ, какъ потомокъ общаго прародителя, получалъ долю въ общемъ наслѣдствѣ, и становился такимъ образомъ на ряду со всеми другими. Князья не успѣли еще прочно усѣсться на мѣстѣ, мало дорожили своими владѣніями и обращали главное вниманіе на степень, которую они занимали въ родственномъ союзѣ. Въ послѣдствіи сознаніе родства стало болѣе и болѣе пропадать; линіи разошлись такъ далеко, что не имѣли уже почти ничего общаго между собою. Даже близкіе родственники стали мало уважать родственныя отношенія; имущественные интересы выступили на первый планъ; каждый князь сталъ стремиться къ тому, чтобы усилить себя на счетъ другихъ, ибо для всѣхъ сдѣлалось очевиднымъ, что самый почетъ пріобрѣтался не столько положеніемъ на родственной лѣствицѣ, сколько силою, а сила зависѣла отъ количества владѣній. Такимъ образомъ Русская земля, собранная первыми князьями и считавшаяся общимъ достояніемъ рода, несмотря на раздѣльность владѣній, разбилась на множество мелкихъ княжествъ, въ которыхъ владѣльцы имѣли въ виду каждый только собственный свой интересъ, враждебный другимъ. Это былъ порядокъ вещей, самый противоположный государственному, какой только можно вообразить. Но онъ-то и повелъ къ установленію государства. Чтобы остаться цѣлымъ, чтобы сохранить свое мѣсто, каждый князь долженъ былъ необходимо стремиться къ умноженію своей силы, къ увеличенію своихъ владѣній. Отсюда стараніе подчинить себѣ все окружающее, — стараніе, въ которомъ скрывался зародышъ будущаго государственнаго подданства, но которое находило себѣ значительное препятствіе въ господствѣ частнаго права. Какъ скоро одинъ князь усиливался на счетъ другихъ, онъ, какъ частный владѣлецъ, снова дѣлилъ свое имѣніе между дѣтьми, и снова могущество исчезало, сила раздроблялась, положеніе дѣлалось не прочнымъ. Князья начали понимать, что значеніе и могущество иначе нельзя сохранить, какъ усилить

одного наследника на счетъ другихъ. Но какъ скоро одинъ получилъ несравненно большую силу, нежели прочіе, онъ естественно сталъ покорять себѣ слабѣйшихъ, чтобы тѣмъ положить предѣлъ всякому сопротивленію. Этимъ путемъ начали собираться раздробленныя массы, и создалось наконецъ единое тѣло, съ единымъ главою, который, сдѣлавшись единодержавцемъ, мало-по-малу снялъ съ себя прежній типъ вотчинника и сталъ сознать себя государемъ. Такимъ образомъ крайнее развитіе личнаго начала повело къ водворенію начала совершенно противоположнаго—начала государственнаго. Это діалектическій процессъ историческихъ явленій, который мы здѣсь не выводимъ а priori, а наблюдаемъ на дѣлѣ. Внутреннее противорѣчіе одной жизненной формы ведетъ къ установленію новой, высшей формы; частности, распадаясь врозь, необходимо вступаютъ между собою въ столкновеніе, въ борьбу, и эта анархическая ихъ дѣятельность ведетъ къ возникновенію общаго порядка, который всѣ частности сдерживаетъ въ своемъ единствѣ.

Стараясь усилиться одинъ на счетъ другаго, сильнѣйшіе князья, какъ мы сказали, подчиняли себѣ слабѣйшихъ. Въ чемъ же состояло это подчиненіе? Здѣсь опять все опредѣлялось случайными обстоятельствами, бѣльшимъ или меньшимъ перевѣсомъ одного князя надъ другимъ. Между полною независимостію и полнымъ подчиненіемъ могъ быть цѣлый длинный рядъ посредствующихъ ступеней съ разнообразными опредѣленіями. Къ сожалѣнію до насъ дошло слишкомъ мало подобнаго рода договоровъ изъ сѣверо-восточной, или Московской Руси, которая собственно составляетъ предметъ нашего изслѣдованія. Однако мы имѣемъ нѣкоторыя указанія на эти разнообразныя отношенія князей служебныхъ. Мы видѣли выше, что Владиміръ Андреевичъ, оставаясь совершенно самостоятельнымъ княземъ, обязывался служить Дмитрію Донскому. На этой ступени служебныя отношенія не многимъ отличались отъ отношеній союзныхъ, въ которыхъ являлось преобладаніе сильнѣйшаго князя. Повторяемъ, что въ жизни вообще переходы смягчаются посредствующими ступенями, а здѣсь можно замѣтить это въ особенности, ибо отъ неровнаго союза къ службѣ переходъ былъ не къ противоположнымъ отношеніямъ, а къ отношеніямъ однороднымъ, гражданскимъ же и договорнымъ. Но если содержаніе оставалось почти то же, то по формѣ князь ста-

новился на низкую степень, понижался въ чести, терялъ свое первенствующее положеніе въ обществѣ. Поэтому Владиміръ Андреевичъ не соглашался стать въ подобныя отношенія къ племяннику, который былъ моложе его, и эта попытка унижить удѣльнаго князя кончилась ничѣмъ. Другой примѣръ служебныхъ отношеній, съ сохраненіемъ большей или меньшей независимости, мы видимъ въ договорахъ князей Суздальскихъ съ Шемякою и великимъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ (1). Въ первомъ мы видимъ весьма слабые слѣды подчиненія: условія большею частію обоюдны, Суздальскіе князья сохраняютъ даже право сноситься съ Ордою, и уменьшенное ихъ значеніе является только въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, которыя мы привели выше. Во второмъ же договорѣ видны уже чисто служебныя отношенія: Суздальскіе князья называютъ Василя Васильевича не господиномъ, а господаремъ, что по понятіямъ древней Россіи составляло великую разницу; они обязываются идти на службу безъ ослушанія, куда пошлетъ великій князь, наконецъ, что всего важнѣе, въ случаѣ измѣны, они лишаются вотчины. При всемъ томъ, они остаются полными владѣльцами своего удѣла; великій князь не вступаетъ въ него никакимъ образомъ, не всылаетъ приставовъ и не держитъ закладчиковъ; дѣла между жителями княжествъ разрѣшаются судомъ третейскимъ. Подобное же условіе заключили съ Витовтомъ великіе князья Рязанскій и Пронскій: они бьютъ ему челомъ, отдаются на службу, называютъ его господаремъ, обязываются служить ему вѣрно, безъ хитрости, противъ всякаго недруга; а онъ съ своей стороны обязывается оборонять ихъ, не вступаясь въ ихъ земли и воды; въ случаѣ споровъ устанавливается судъ третейскій, а если судья не согласится, то дѣло рѣшаетъ государь князь Витовтъ (2). Начиная съ княженія Василя Васильевича князья постоянно обязываются въ договорахъ не принимать другъ отъ друга князей служебныхъ съ вотчинами, а если кто изъ послѣднихъ отъѣдетъ, тотъ вотчины лишенъ (3). Такимъ образомъ сохраняя личную независимость, они теряютъ независимость владѣльческую, и остаются хозяевами своихъ земель, только пока служатъ великому князю.

(1) № № 62, 80.

(2) А. А. Э. т. 1-й, № № 25, 26.

(3) № № 43, 49, 52, 54, 60, 61, 64, 76, 78.

Въ этомъ положеніи служебный князь совершенно уподоблялся феодалному барону, который, будучи обязанъ службою своему ленному господину, оставался вполне независимымъ внутри своихъ владѣній. Однако великій князь могъ приобретать и нѣкоторыя вотчинныя права въ земляхъ служебныхъ князей, въ большемъ или меньшемъ объемѣ; ибо здѣсь не было ничего опредѣленнаго и все зависѣло отъ перевѣса силы. Мы видѣли выше, что Василій Васильевичъ въ духовномъ своемъ завѣщаніи отдалъ Ростовъ въ удѣлъ своей вдовѣ, а между тѣмъ князья Ростовскіе продолжали владѣть имъ по прежнему. Неизвѣстно, каковы были ихъ права; но во всякомъ случаѣ ясно, что великая княгиня получила здѣсь нѣкоторыя вотчинныя права и доходы.

Съ болѣшимъ и болѣшимъ развитіемъ государственныхъ понятій, разумѣется, должны были стѣсняться и права служебныхъ князей; самыя удѣльные князья нисходятъ на степень служебныхъ, притомъ съ весьма ограниченными правами. Этотъ постепенный переходъ мы можемъ прослѣдить въ договорныхъ грамотахъ. Въ нѣкоторыхъ договорахъ, заключенныхъ при Иванѣ III, видно стремленіе усилить и подробнѣе опредѣлить обязательства удѣльныхъ князей. Такъ Борисъ Васильевичъ Волоцкій обязывается «не ссылаться съ Литвою ни грамотою, ни человѣкомъ, ни какимъ образомъ, никакою хитростью, а что король и его дѣти, или князь Михаилъ Борисовичъ Тверской пришлютъ сказать, то повѣдать великому князю вправду и отослать къ нему и человѣка и грамоту; также съ иными князьями и панами, съ Новгородомъ и съ Псковомъ, не ссылаться на лихо великаго князя никакимъ образомъ и извѣщать его обо всемъ и не *одиначиться* на его лихо никакимъ образомъ, никакою хитростью, а быть неотступнымъ отъ великаго князя и его дѣтей, и быть съ ними за одно до кончины на всякаго недруга.» Тѣ же обязательства распространяются и на дѣтей Бориса Васильевича; Иванъ III, съ своей стороны, обязывается только держать его въ братствѣ, любви и чести, и печаловаться имъ и его отчиною (1). При Иванѣ IV мы видимъ уже не договоры великихъ князей съ удѣльными, а *записи* удѣльныхъ, то есть обязательство одностороннее, а необоюдное. Форма остается еще лич-

(1) № № 123.

ная; отношенія устанавливаются не законами, а отдѣльными гражданскими актами; но въ ней выражается уже не обоюдный союзъ свободныхъ лицъ, а подчиненіе одного лица другому. Впрочемъ, въ записи Андрея Ивановича Старицкаго, данной въ 1537 году во время малолѣтства Ивана IV, упоминается еще о докончальной грамотѣ, то-есть о заключенномъ договорѣ. Въ этой записи удѣльный князь обязывается хотѣть великому князю добра, а лиха не хотѣть, ни мыслить, ни думать ни съ кѣмъ, ни дѣлать никакимъ образомъ, никакою хитростью, а что услышитъ, того не утаить, а сказать вправду, безъ хитрости; великій же князь и его мать должны его жаловать и беречь по наказу дѣда (1). Сынъ Андрея Старицкаго, Владиміръ Андреевичъ, далъ на себя три записи Ивану IV (2). Въ первой онъ обязывается держать царя и его дѣтей честно и грозно, безъ хитрости, хотѣть имъ добра во всемъ, быть съ ними вездѣ заодно; кромѣ ихъ ни съ кѣмъ не быть въ цѣлованьи, извѣщать ихъ вправду о добрѣ и лихѣ, не подыскиваться государствъ, не покупать въ ихъ земляхъ селъ и не держать закладчиковъ, не принимать къ себѣ ихъ слугъ, и блюсти царскихъ бояръ и слугъ, живущихъ въ его вотчинѣ. Со стороны царя нѣтъ никакихъ обязательствъ. Во второй и третьей грамотѣ прибавлено, что удѣльный князь долженъ жить въ Москвѣ, на своемъ дворѣ, и держать тамъ не болѣе 108 человекъ служни, а прочихъ держать въ отчинѣ, не мстить за грубости царскихъ бояръ, не дѣлать никакихъ дѣлъ безъ означенныхъ въ духовномъ завѣщаніи бояръ царевича, сына Ивана IV (3), наконецъ не вершить никакого дѣла, не сказавъ царевичу и его матери, а вершить ихъ такъ, какъ прикажутъ послѣдніе. Здѣсь видно уже совершенное уничтоженіе всякой самостоятельности удѣльнаго князя; онъ не только нисходитъ на степень служебныхъ князей, но дѣлается подданнымъ царя.

Такой же переворотъ совершился и въ судьбѣ сословія. Изъ дошедшихъ до насъ договорныхъ грамотъ, нѣтъ почти ни одной, въ которой бы не включено было условіе: «а боярамъ и слугамъ [и дѣтамъ боярскимъ] вольнымъ воля». Иногда прибавляется, что князья не должны держать нелюбья, если кто поѣдетъ отъ одного

(1) № 163.

(2) № № 167, 168, 169.

(3) Запись писана по случаю болѣзни царя.

изъ нихъ къ другому (1). Вотчины свои бояре и слуги сохраняли даже въ случаѣ отъѣзда (2); но судъ и дань съ земель ихъ шли по обыкновенію тому князю, въ удѣлѣ котораго онѣ находились: «а судомъ и данью тянути по землѣ и по водѣ». Иногда князья именно уговаривались не вступаться въ отчины отъѣхавшихъ бояръ; исключенія дѣлались только для имѣній лицъ, провинившихся прежде отъѣзда (3). Вообще бояринъ, пока служилъ князю, подлежалъ его суду и могъ быть имъ наказанъ, но какъ скоро онъ отъѣзжалъ, такъ дальнѣйшіе споры съ прежнимъ княземъ рѣшались уже судомъ третейскимъ (4). Бояре, служившіе одному князю, могли жить въ удѣлѣ другаго, и послѣдній обязывался блюсти ихъ, какъ своихъ, а иногда и брать съ нихъ дань, какъ съ своихъ (5). Въ одной изъ позднѣйшихъ грамотъ сказано: брать на нихъ дань и судъ какъ на своихъ (6), но это кажется единственный примѣръ. Такое же исключеніе составляетъ и постановленіе въ договорѣ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ, что бояре и слуги должны идти на войну съ тѣмъ княземъ, въ удѣлѣ котораго они живутъ (7). Обыкновенно же бояре и слуги шли съ воеводою того князя, которому они служили, или вообще постановлялось: кто которому князю служить, гдѣ бы ни жилъ, тотъ ѣдетъ съ своимъ господаремъ (8). Только въ случаѣ городской осады, всякій долженъ былъ сидѣть на своемъ мѣстѣ, за исключеніемъ бояръ введенныхъ и путныхъ (9).

(1) № № 23, 27.

(2) Исключеніе составляли бояре новгородскіе, которые, въ случаѣ отъѣзда, теряли свои земли, № 28.

(3) №№ 28, 127.

(4) № 28.

(5) Первое № № 37, 43, 47, 49, 52, 54, 60, 61, 62, 64, 75, 90—95, 97; второе № № 27, 33, 35, 45, 71, 78, А. А. Э. т. 1-й № 29.

(6) № 119.

(7) № 33.

(8) № № 35, 45, 49, 52, 54, 60, 61, 64, 75, 90—95, 97, 127.

(9) № № 37, 43, 45, 47, 49, 52, 57, 60, 64, 75, 90, 94, 97, 99. Г. Соловьевъ производитъ слово: *путный* отъ *путь*, дорога, и объясняетъ его противоположеніемъ бояръ степенныхъ, имѣвшихъ должности на мѣстѣ, и бояръ путныхъ, или имѣвшихъ должность во время дороги. Слѣдующее мѣсто показываетъ напротивъ, что слово: *путный* происходитъ отъ слова *путь* въ значеніи дохода: «а коли мнѣ взять дань на

Такимъ образомъ бояре и слуги, люди вольные ходили съ мѣста на мѣсто, вступая въ личныя, временныя обязательства съ тѣмъ или другимъ княземъ. Нелюбо имъ было служить одному, — они тотчасъ уѣзжали къ другому, безъ всякаго препятствія, безъ всякаго ограниченія правъ. Они могли даже сохранять прежнее свое имѣніе, служа князю враждебному, такъ что изъ вотчины одного князя извлекались доходы и силы, которыя шли на подкрѣпленіе его противника. Понятно однако, что это не могло нравиться вотчиннику; и точно, князья старались оградить себя условіемъ, чтобы бояре чужаго князя не покупали въ ихъ вотчинѣ селъ и не держали закладчиковъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ условіе было почти бесполезно, ибо вотчина могла быть куплена собственнымъ бояриномъ, который послѣ того могъ отѣхать къ другому князю. Притомъ же, при раздѣленіи княжествъ по наслѣдству, бояре и слуги, переходившіе къ одному брату, сохраняли владѣнія, пріобрѣтенныя въ земляхъ, которыя доставались другому. Это было неразрѣшимое противорѣчіе, изъ котораго невозможно было выпутаться, ибо корень его заключался въ самомъ основномъ положеніи, — въ чисто личномъ и временномъ характерѣ обязательствъ. Этотъ характеръ распространялся на всѣ сословія: торговые люди и крестьяне точно также переходили съ мѣста на мѣсто, изъ княжества въ княжество, вступая при поселеніи въ договоры съ землевладѣльцами или съ мірскими обществами, на чьихъ земляхъ они селились. (1) Понятія о постоянной принадлежности къ обществу, какъ къ единому цѣлому, о государственномъ подданствѣ, вовсе не было; вмѣсто государя и подданныхъ мы видимъ только лица, вступающія между собою въ свободныя обязательства. Единственные люди, которые состояли въ подчиненіи постоянномъ, были холопы, о которыхъ также встрѣчаются распоряженія въ духовныхъ грамотахъ (2); но и это было не подданство, а личная власть одного человѣка надъ другимъ, власть, которая могла принадлежать боярину и слугѣ такъ же, какъ и князю. Прочіе были люди

своихъ боярахъ, на большихъ и путныхъ, то и тебѣ взять, по кормленіемъ и по путемъ» № 33.

(1) См. статью мою: *О несвободныхъ состояніяхъ древней Россіи*, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 15-е мая 1856 г.

(2) См. также именованную статью.

вольные, то—есть независящіе ни отъ кого, не признающіе надъ собою никакой власти и подчиняющіеся другому лицу единственно на основаніи свободнаго договора.

Это выраженіе: *люди вольные*, совершенно соотвѣтствуетъ слову: *франки hommes francs*, которое на Западѣ означало то же самое понятіе. Оба явленія принадлежать одному времени и сходны между собою, потому что происходятъ изъ одного источника, именно изъ дружиннаго начала, изъ этого союза лицъ, совершенно свободныхъ, никому не подчиненныхъ и соединенныхъ между собою единственно договоромъ. Этотъ дружинный типъ, разбивши первоначальную родовую связь, вошелъ, какъ составной элементъ, въ большую часть гражданскихъ отношеній того времени. Но на Западѣ бродячая жизнь франковъ скоро превратилась въ подчиненіе хотя личное, догворное, однако постоянное. Тамъ дружины пришли въ столкновеніе съ предыдущею, развитою гражданственностію; тамъ самая природа страны мало способствовала кочеванію. И вотъ мы съ раннихъ временъ видимъ ограниченія перехода слугъ. По договору 587 года, заключенному въ Андели меровингами Гонтраномъ и Хильдебертомъ, оба князя обязываются не переманивать другъ отъ друга слугъ и людей, и не принимать тѣхъ, которые будутъ отъѣзжать. По ломбардскому закону всякій, державшій землю, могъ свободно уѣзжать и выбирать себѣ другаго господина, но въ такомъ случаѣ все его имущество отходило къ тому, котораго онъ оставлялъ. Пипинъ, сынъ Карла Великаго, будучи королемъ Ломбардскимъ, установилъ, что всѣ вольные люди ломбардскіе, по прежнему обычаю, могутъ свободно вступать въ службу, къ кому захотятъ, но никто не долженъ принимать ихъ безъ отпущка прежняго господина и не узнавши навѣрное, почему они его покинули. Самъ Карлъ Великій говоритъ въ одномъ капитуляріи: если вольный человѣкъ оставитъ своего господина противъ воли послѣдняго, и перейдетъ изъ одного государства въ другое, то король не долженъ принимать его въ свою службу, ни позволять людямъ своимъ принимать его. А въ другомъ: всякій человѣкъ, взявшій отъ господина цѣну одного солида, не долженъ его оставлять иначе, какъ если господинъ захочетъ убить его или побить палкой или обезчестить жену его или дочь, или наконецъ похитить его наслѣдство. Карлъ Лысый постановилъ, что всякій вольный человѣкъ можетъ выбирать себѣ господина,

какого хочеть, но оставлять его онъ не долженъ безъ справедливой причины, и никто другой не долженъ принимать такого отъѣзжика иначе, какъ по правиламъ, установленнымъ обычаями отцовъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ постановленій нельзя не видѣть государственныхъ стремленій, которыя тогдашніе короли и императоры пытались воскресить отъ Римской имперіи. Но во всякомъ случаѣ это сообщило договорамъ постоянный, наследственный характеръ, который не только сохранился, но еще болѣе развился при утверженіи феодализма. У насъ же до самаго образованія Московскаго государства бояре и слуги свободно переѣзжали отъ князя къ князю, и договоры носили характеръ временный. Здѣсь опять мы замѣчаемъ то различіе между средневѣковыми учрежденіями на Западѣ и въ Россіи, о которомъ мы говорили выше: при одинакихъ основныхъ началахъ быта мы видимъ, съ одной стороны, прочность и крѣпость гражданскихъ отношеній, съ другой — совершенную ихъ шаткость.

Замѣтимъ еще, что эти переходы вовсе не были основаны на мысли о единствѣ Русской земли. Бояре, слуги, крестьяне переходили не только отъ великихъ князей къ удѣльнымъ, и наоборотъ, но и отъ великихъ къ великимъ — отъ Московскаго князя къ Тверскому, Рязанскому, Литовскому, къ владѣльцамъ земли, совершенно другъ отъ друга независимымъ, и часто другъ другу враждебнымъ. Это стѣсняло и гражданскія ихъ права; бояринъ, служившій одному князю, не могъ пріобрѣтать сель во владѣніяхъ другаго. Князья, близкіе другъ къ другу, стѣсняли даже переходы низшаго населенія изъ удѣла въ удѣлъ, какъ видно изъ договоровъ Московскихъ князей и изъ духовной грамоты Владиміра Андреевича (1). Бояринъ, слуга, крестьянинъ переходилъ свободно изъ одного княжества въ другое не потому, что онъ шель въ землю, которая составляла одно цѣлое съ тою, которую онъ покинулъ, а потому, что онъ былъ человекъ вольный, никѣмъ не стѣняемый и не принадлежащій постоянно ни къ какому обществу, что и выражалось словами: вольнымъ воля.

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ видно, что бояре и слуги составляли особый разрядъ лицъ, которыя пользовались особыми правами. Бояринъ могъ отъѣзжать свободно, чего не могъ хо-

---

(1) См. статью *О несвободныхъ состояніяхъ въ древней Россіи*.

лопъ; бояринъ (за исключеніемъ новгородскихъ), уходя въ другое княжество, сохранялъ свои земли, тогда какъ крестьянинъ лишался ихъ. Ясно, что въ то время существовало сословное различіе. На чемъ же оно было основано? Конечно, не на обязанностяхъ сословій къ государству, ибо отдѣльное лицо нисколько не считало себя соединеннымъ постоянною связью ни съ общественною властью, ни съ другими лицами того же разряда; оно свободно переѣзжало съ мѣста на мѣсто и вступало въ обязательства чисто личные и временныя. Ни одно сословіе не составляло такимъ образомъ единого государственнаго тѣла; были только отдѣльные разряды лицъ, состоянія, которыя еще не сплотились въ сословія; были сословные элементы, но элементы весьма шаткіе, лишенные единства и государственнаго значенія. Различіе ихъ основывалось главнымъ образомъ на троякаго рода отношеніяхъ: 1) на различіи зависимости, что производило состоянія вольныхъ людей и холоповъ; 2) на различіи занятій, имѣвшихъ болѣе или менѣе характеръ наследственности, — здѣсь коренилось различіе служилыхъ людей, занятыхъ военнымъ дѣломъ, духовенства, торговыхъ людей и крестьянъ; 3) на различіи знатности, которая давала высшее или низшее положеніе въ обществѣ; отсюда различіе бояръ, дѣтей боярскихъ, дворянъ, гостей, черныхъ посадскихъ людей и т. д. Изъ Судебниковъ, которые, разумѣется, не установили новыхъ разрядовъ, а только узаконили и устроили болѣе или менѣе существующій порядокъ, мы видимъ, что каждый изъ этихъ разрядовъ имѣлъ своего рода *честь*. Одно занятіе считалось честнѣе, другое менѣе честнымъ. Мало того, внутри каждаго разряда, каждое отдѣльное лицо имѣло свою особенную честь: одинъ бояринъ садился выше другаго, занималъ болѣе почетное мѣсто, нежели другой, и ревниво слѣдилъ за тѣмъ, чтобы эта личная его честь не подверглась какому-нибудь уменьшенію, ибо разъ пріобрѣтенное положеніе становилось уже наследственною собственностью пріобрѣтателя. Такимъ образомъ права каждаго отдѣльнаго лица могли безпрестанно приходиться въ столкновеніе съ правами другихъ лицъ. Вновь пріѣзжій человекъ долженъ былъ неизбѣжно нарушать установившуюся іерархію; онъ получалъ мѣсто не по заслугамъ, ибо выходецъ не могъ еще оказать никакихъ заслугъ, а по знатности (по отечеству) и по силѣ. Онъ втѣснялся въ сомкнутые ряды, и болѣе или

менѣ удачныя столкновѣнія его съ другими рѣшали, какое мѣсто онъ займетъ въ ихъ кругѣ. Такъ Родіонъ Несторовичъ привелъ съ собою въ Москву 1700 человекъ дружины и получилъ первое мѣсто; но бояринъ Акинѣй счелъ себя оскорбленнымъ и уѣхалъ въ Тверь.

Изъ этого видно, что тогдашнее общество представляло цѣлую іерархію лицъ, которыхъ честь и положеніе опредѣлялись знатностью, занятіями, могуществомъ, личною зависимостью, то-есть элементами чисто гражданскими, а отнюдь не государственными. Отсюда безконечное неравенство между людьми. Внутри каждаго разряда не было, можетъ-быть, двухъ лицъ съ одинакою честью. Имъ стоило сѣсть за одинъ столъ, и уже одинъ получалъ высшее мѣсто, другой низшее, а какъ скоро первый пріобрѣталъ такой перевѣсъ, онъ уже считалъ себя честнѣе втораго, всякій разъ ссылался на этотъ случай, чтобы доказать свое превосходство и всегда занимать болѣе почетное мѣсто. Такое всеобщее неравенство составляетъ необходимую принадлежность быта, въ которомъ господствуетъ частное право. Здѣсь выступаетъ отдѣльное лицо со всѣми своими частными отношеніями, со всѣми своими случайными, индивидуальными принадлежностями, которыя могутъ разниться до безконечности. Эти чисто личныя условія опредѣляютъ положеніе человека въ обществѣ, а когда онъ разъ пріобрѣлъ извѣстное положеніе, онъ, вслѣдствіе тѣхъ же понятій частнаго права, считаетъ его своею неотъемлемою принадлежностью, своею наследственной собственностью. Онъ можетъ и потерять его такимъ же случайнымъ образомъ: сѣлъ разъ ниже другаго, и навсегда уже понизилась честь не только самаго лица, но и всѣхъ другихъ, состоящихъ съ нимъ въ родственной связи. По этому — то каждый и заботился такъ усердно о томъ, чтобы не уронить себя какъ-нибудь въ самыхъ мелочныхъ, ничтожныхъ обрядахъ жизни. Отсюда доходящій до нелѣпости формализмъ, который все коренился въ томъ, что честь человека—выраженіе его личности—слагалась изъ чисто случайныхъ, частныхъ опредѣленій. Отсюда проистекало и развитіе аристократическихъ понятій; всѣ частныя отношенія человека, его порода, его положеніе были гораздо болѣе видны, и болѣе уважались въ лицѣ, занимающемъ высокое мѣсто въ обществѣ, нежели въ томъ, который стоялъ на низшей ступени. Оттого мѣстныя счеты, су-

ществоу во всѣхъ сословіяхъ, господствовали преимущественно въ высшемъ классѣ; а мѣстническіе счеты опредѣлялись знатностью, породою, то-есть именно тѣмъ, что составляетъ основаніе всякаго аристократическаго элемента.

Совершенно съ другимъ характеромъ является личность на-примѣръ у римскихъ плебеевъ. Тамъ, вслѣдствіе сильнаго развитія элемента общественнаго, государственнаго, лицо получаетъ значеніе не по частнымъ своимъ отношеніямъ, а какъ членъ общества. Все частное, случайное откидывается, не признается, а берется только общее, существенное, имѣющее значеніе для цѣлаго. Лицо выступаетъ уже какъ гражданинъ. По этому общественное начало производитъ всеобщее уравненіе; какъ граждане, всѣ люди равны, всѣ несутъ одинакія обязанности, и каждый получаетъ мѣсто только по мѣрѣ своихъ заслугъ. Въ обществѣ, которое зиждется на частномъ правѣ, необходимо является перевѣсъ сильнаго надъ слабымъ, и вслѣдствіе того устанавливается общественное неравенство; въ государственномъ же порядкѣ такого случайнаго перевѣса быть не можетъ, ибо общественная власть имѣетъ обязанностью не допускать господства силы и случайнаго превосходства. Въ первомъ случаѣ является лицо, какъ особь, во второмъ, какъ членъ общества, какъ гражданинъ.

Такое абсолютное уравненіе подданныхъ произошло въ новѣйшее время и въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ; но и здѣсь оно проистекло изъ сильнаго развитія общественной власти, которая уничтожила средневѣковой порядокъ. Прежде того тамъ существовали такія же сословія, какъ и въ Россіи. Считаемъ не лишнимъ сказать объ нихъ нѣсколько словъ: у насъ до сихъ поръ еще многіе думаютъ, что западныя сословія произошли изъ завоеванія (1); это старая мысль, которая въ настоя-

---

(1) Наши толки о завоеваніи напоминаютъ почтеннаго французскаго ученаго, аббата Дубо, который находилъ неприличнымъ, что Франки завоевали Галлію, и доказывалъ, на основаніи источниковъ, что завоеванія отнюдь не было, а что Франки въ иныхъ мѣстахъ были призваны Галлами, въ другихъ же занимали землю безъ всякаго сопротивленія со стороны послѣднихъ. Другіе изслѣдователи находили также неприличнымъ, что Франки были чуждое племя и доказывали, что это были тѣ же Галлы; третьи наконецъ переносили на старину всѣ свои со-

щее время оставлена западными историками, и справедлива только относительно Англии. Не говоря уже о Германии, въ которой одно племя не насѣло на другое, но даже и во Франціи образованіе сословій произошло совершенно другимъ путемъ. Завоеваніе конечно имѣло на него вліяніе; надъ прежнимъ народонаселеніемъ явилась дружина съ исключительно-военнымъ характеромъ, какъ это было и у насъ. Но разряды лицъ, которые существовали при завоеваніи, не были похожи на тѣ, которые образовались въ послѣдствіи, и вмѣсто того, чтобы смягчаться при сліянніи покорителей съ покоренными, различія классовъ дѣлались болѣе и болѣе рѣзкими и опредѣленными. Во Франціи послѣ завоеванія очутилось рядомъ нѣсколько племенъ. Если для краткости мы возьмемъ только побѣдителей Франковъ и побѣжденныхъ Галло-Римлянъ, то увидимъ, что каждый изъ этихъ народовъ раздѣляется на классы, совершенно другъ другу соотвѣтствующіе. За исключеніемъ лицъ, вполнѣ несвободныхъ, рабовъ, мы видимъ между Франками три различные класса: 1) личныхъ слугъ короля (*antrustiones*), которые обязывались постоянно къ нему службою, 2) людей вольныхъ, собственно Франковъ, землевладѣльцевъ, которые, хотя находились въ зависимости отъ короля, но обязаны были только извѣстною службою, 3) людей полусвободныхъ (*сiti*), которые находились въ большей или меньшей крѣпостной зависимости отъ первыхъ двухъ классовъ и

временныя желанія и требованія, и смотрѣли на исторію сквозь эту призму: одни въ самыхъ древнѣйшихъ эпохахъ находили преобладаніе аристократіи, другіе сильное развитіе монархіи, третьи господство народныхъ учреждений. Это тѣ же явленія, которыя до сихъ поръ повторяются у насъ съ тѣмъ различіемъ, что тамъ эти давно-пройденные зады уступили мѣсто новому направленію, которое нѣкоторые у насъ въ недавнее время стали называть отрицательнымъ и которое въ сущности называется историческимъ. Еслибы кто изъ русскихъ ученыхъ употребилъ объ отечественной исторіи тѣ выраженія, которыми Гизо и Маколей обозначаютъ нѣкоторыя эпохи въ исторіи Англии и Франціи,—Боже мой! какъ возмутился бы нашъ ребяческій патріотизмъ! А между тѣмъ образованные люди на Западѣ не упрекаютъ Гизо въ отрицательномъ направленіи, и не удивляются, что ему за охота изучать темныя эпохи отечественной исторіи, если онъ былъ такъ неотраденъ. Дѣло въ томъ, что тамъ изучаютъ факты, а мы довольствуемся общими взглядами, которые смѣло бросаемъ съ высоты своихъ дѣйственныхъ способностей къ наугѣ.

отъ короля. Точно также раздѣлялись и Римляне; между ними были: 1) *Romani convivae regis*, собесѣдники короля, 2) *Romani possessores*, землевладѣльцы, 3) *Romani tributarii*, платившіе подать. Все различіе между Франками и Римлянами состояло въ томъ, что въ соотвѣтствующихъ разрядахъ за убійство первыхъ взыскивалась вдвое бѣльшая вира, нежели за убійство послѣднихъ. Но за Римлянина высшаго разряда платилось болѣе, нежели за Франка низшаго разряда. Кромѣ того, сюда примѣшивались и постороннія обстоятельства: за Римлянина, убитаго съ насильственнымъ вторженіемъ въ его домъ, платилось болѣе, нежели за Франка, просто убитаго на большой дорогѣ. Изъ этого видно, что отнюдь не было такого рѣзкаго различія между побѣдителями и побѣжденными, какое воображаютъ, и что различіе классовъ основывалось главнымъ образомъ на большей или меньшей степени личной зависимости. Въ послѣдствіи, когда всѣ бродячіе элементы нѣсколько усѣлись и отношенія сдѣлались болѣе постоянными, классъ вольныхъ людей исчезъ почти совершенно; одна часть его перешла въ высшій разрядъ, другая въ низшій, и тогда обозначились два сословія, рѣзко отличившіяся другъ отъ друга: рыцари и виланы, — слуги, занятые исключительно войною, и слуги, платившіе вещественныя подати и повинности. Между ними занялъ мѣсто третій классъ торговый, который, заключавшись въ городахъ, получалъ особыя права и привилегіи. Такимъ образомъ на Западѣ, какъ и у насъ, различіе средневѣковыхъ сословій основывалось на различіи занятій, которыя принимали болѣе или менѣе характеръ наследственности и условили различіе наследственной чести, причемъ и здѣсь и тамъ это распредѣленіе совершалось на основаніи частнаго права. Существенное различіе состояло только въ томъ, что у насъ вслѣдствіе шаткости всѣхъ отношеній, вслѣдствіе временнаго характера договоровъ, сословія не могли получить такой опредѣленности, какъ на Западѣ. Впрочемъ и во Франціи въ средніе вѣка, за исключеніемъ духовенства, сословные союзы не имѣли еще общаго характера, не составляли одного цѣлаго. Каждый городъ имѣлъ свои права и привилегіи; дворянство каждой провинціи точно также считало себя отдѣльнымъ союзомъ съ особенными правами, отличными отъ другихъ, какъ видно изъ утвержденныхъ грамотъ, данныхъ рыцарству Лудовикомъ X. Сословія на Западѣ полу-

чили единство только съ возникновеніемъ государства, когда они явились передъ лицомъ его въ земскихъ думахъ, — генеральныхъ штатахъ. Тогда точнѣе обозначились отношенія ихъ къ общему, всенародному союзу, тогда опредѣлилось значеніе ихъ въ государствѣ. Каждое получило свои постоянныя общественныя обязанности, которыя опредѣляли существенный его характеръ. Дворянство явилось какъ *сословіе, обязанное нести службу, преимущественно военную, съ своихъ земель*; духовенство остается *сословіемъ, обязаннымъ отправлять церковную службу*; городскіе жители явились *сословіемъ промышленнымъ, на которомъ преимущественно передъ другими лежали государственныя подати и повинности*; крестьяне — *сословіемъ, которое сидѣло на чужой землѣ и обязано было платить оброкъ или нести повинности въ пользу землевладѣльца* (1). Элементы остались прежніе; они были взяты изъ быта, основаннаго на частномъ правѣ, но они получили болѣе цѣльности, опредѣленности и приобрѣли государственное значеніе. Государство только приспособило ихъ къ своимъ цѣлямъ, заставивъ ихъ служить общему дѣлу.

Нельзя не замѣтить, что у насъ, какъ скоро возникло государство, сословія явились буквально съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и на Западѣ; государство точно также взяло элементы, образовавшіеся изъ развитія частнаго права, укрѣпило ихъ, наложило на нихъ общія обязанности, и мало-по-малу сообщило имъ цѣльность и опредѣленность. Сословія получили новое, общественное значеніе, но все еще сохраняли прежній частный характеръ, который проглядываетъ въ нихъ и доселѣ. Долго еще удерживались даже такія частныя права, которыя были прямо противоположны государственнымъ требованіямъ, какъ напримѣръ мѣстничество — чистое выраженіе знатности, заслоняющей собою заслуги. Эти аристократическія стремленія были сильны не только въ высшемъ боярствѣ, но и въ самыхъ низшихъ служилыхъ людяхъ. Этому

(1) Надобно впрочемъ замѣтить, что во Франціи не было такого рѣзкаго различія между крестьянами и городскими жителями; первые ранѣе начали освобождаться отъ феодальнаго подчиненія, стали приобретать въ собственность земли и мало-по-малу примыкали къ третьему сословію. Въ Германіи же оба сословія отличались другъ отъ друга, имѣли свое отдѣльное представительство и носили именно тотъ характеръ, который мы обозначили въ текстѣ.

встрѣчаются замѣчательные примѣры. Не говоримъ уже о просьбѣ астраханскихъ дѣтей боярскихъ, которые говорятъ, что имъ не вмѣстѣ служить съ гайдуцкими и мѣщанскими дѣтьми; эта просьба относится къ XVII вѣку, и можно, пожалуй, приписать ее вліянію Польши. Но въ XVI вѣкѣ было то же самое. Изъ одной правой грамоты, помѣщенной въ Описаніи государственнаго архива старыхъ дѣлъ видно, что дѣти боярскіе отказались отъ судебного поединка съ крестьянами, потому что считали это для себя безчестнымъ. Судья не принялъ этого отвода и обвинилъ ихъ; но во всякомъ случаѣ это указываетъ на такія аристократическія замашки, которыя не признавались даже на Западѣ, гдѣ вслѣдствіе прочности отношеній сословное начало было сильнѣе развито, нежели у насъ; на Западѣ рыцарь передъ судомъ всегда бился въ поединкѣ съ лицами изъ другихъ сословій.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе вновь возникшаго государственнаго начала, сословія изъ разрядовъ вольныхъ людей превратились у насъ въ крѣпостные союзы. Какъ это совершилось относительно низшихъ сословій, объ этомъ мы имѣли случай говорить въ другомъ мѣстѣ (1). Относительно же служилыхъ людей мы можемъ прослѣдить эту перемѣну въ 1-мъ томѣ «Собранія государственныхъ грамотъ». Въ первый разъ, въ княженіе Ивана III, встрѣчается записъ князя Холмскаго, въ которой онъ обязывается не отъѣзжать къ другимъ князьямъ. Временные договоры превращаются такимъ образомъ въ постоянные. Холмскій пишется еще *слугою*; но со временъ Василя Ивановича это названіе замѣняется въ записяхъ словомъ *холопъ*. Въ этомъ измѣненіи нельзя не видѣть цѣлаго переворота въ судьбѣ служилаго сословія (2). Преній *вольный человекъ*, свободно переѣзжавшій съ

(1) См. статью мою *О несвободныхъ состояніяхъ въ древней Россіи*.

(2) Г. Бѣляевъ увѣряетъ, что у бояръ слово: холопъ, было только выраженіемъ учтивости, какъ и теперь пишутъ: вашъ покорнѣйшій слуга. Но всѣ эти выраженія учтивости имѣютъ историческое значеніе. Обычай подписываться покорнѣйшимъ слугою, перенятый нами съ Запада, коренится въ томъ порядкѣ вещей, когда все общество слагалось изъ господъ и слугъ. То же должно сказать относительно слова: холопъ. По толкованію г. Бѣяева превращеніе слугъ въ холоповъ было только усиленіемъ учтивости въ древней Руси; странно, что она совпадаетъ съ кореннымъ измѣненіемъ въ отношеніяхъ слугъ къ князю.

мѣста на мѣсто, свободно вступавшій въ договоры, дѣлается крѣпостнымъ, состоящимъ въ личной зависимости отъ князя. Древняя Русь хорошо понимала значеніе именъ, и устанавливала рѣзкое между ними различіе. Мы знаемъ напримѣръ изъ исторіи отношеній Новгорода къ Ивану III, какое значеніе придавалось различію словъ: *господинъ* и *господарь*. Новгородцы не соглашались назвать Ивана III *господаремъ*, потому что это значило признать власть его надъ собою. Точно также и вольные слуги не могли называть себя холопами иначе, какъ при совершенной перемѣнѣ отношеній. Слово *холопъ* было хорошо извѣстно людямъ того времени; передъ ихъ глазами существовали цѣлые разряды лицъ, которые носили это имя и состояли въ полной зависимости отъ господина. Съ нихъ—то оно и было взято для означенія новыхъ отношеній слугъ къ князьямъ. Возникающее государство не могло довольствоваться подчиненіемъ временнымъ и договорнымъ; оно искало отношеній постоянныхъ и стало уничтожать право отъѣзда какъ записями служилыхъ людей, такъ и условіями, которыми младшіе князья обязывались не принимать слугъ, отъѣзжающихъ отъ старшаго (1). Но образуясь путемъ практическимъ, государство не успѣло еще выработать понятій для означенія общественнаго подданства. Поэтому новую форму постоянного, полнаго подчиненія оно взяло изъ частнаго права, изъ существовавшаго въ немъ отношенія холопства. Князь сталъ господиномъ, а подданные холопами. Такъ обыкновенно новый порядокъ вытекаетъ изъ стараго. Бояре и слуги, какъ наиболѣе близкіе къ князю, составляли какъ бы его дворню и прямо писались холопами; тяглые люди, болѣе удаленные, писались *людишками* и сиротами, названіе также заимствованное отъ домашней челяди. Помѣщичьи же крестьяне вступили къ своимъ господамъ въ такое же полное подчиненіе, какъ бояре къ князю, и мало-по-малу совершенно уравнились съ холопами.

Впрочемъ это обыкновенная манера г. Бѣльева: опускать самые явные выдающіеся въ глаза факты и бросаться на какую нибудь мелочь, которая ровно ничего не доказываетъ. Обыкновенно онъ при этомъ приводитъ нѣсколько страницъ цитатъ, которыя доказываютъ столь же мало, во которыя непосвященная публика можетъ принять за фактическую разработку предмета.

(1) ЛѢТ. 163, 167.

Изъ этого личнаго, частнаго характера, въ которое облеклось понятіе о подданствѣ, произошло неограниченное право князя распоряжаться лицомъ и имуществомъ подданныхъ. Служилые и тяглые люди несли настоящую барщину, такъ же какъ и донинѣ несутъ ее помѣщичьи крестьяне — остатокъ тѣхъ учрежденій, которыя со времени образованія Московскаго государства до самаго царствованія Екатерины II, распространялись на всѣ сословія безъ исключенія. Имѣнія служилыхъ людей не составляли частной ихъ собственности, а были только жалованьемъ царя, которое отбиралось въ казну за малѣйшій проступокъ; земли тяглыхъ людей прямо считались собственностью государя, а крестьянскія принадлежали помѣщику. Оба послѣднія сословія были крѣпки къ мѣстамъ жительства, народонаселеніе не могло двигаться свободно даже въ предѣлахъ государства; служилые же люди были крѣпки къ службѣ, отъ которой не могли уклоняться. Всѣ равно состояли въ полной власти государя. Иногда царь собиралъ сословія въ земскія думы, но это было совѣщаніе барина съ своими холопами. Онъ созывалъ, кого хотѣлъ, когда хотѣлъ и какъ хотѣлъ; голосъ ихъ не имѣлъ законной силы, низшіе разряды лицъ обыкновенно даже вовсе не подавали своего мнѣнія, а говорили только, что въ томъ воленъ царь и его бояре, а они готовы идти, куда ихъ пошлютъ. Однимъ словомъ, при отношеніяхъ холопства, которыя распространялись на все народонаселеніе, Московское государство представляло такое зрѣлище, которое заставляло пріѣзжихъ иностранцевъ справедливо замѣтить, что ни одинъ монархъ въ мірѣ не имѣетъ надъ подданными такой обширной власти, какъ государь Московскій.

Власть эта перешла преемственно и къ слѣдующимъ самодержцамъ; но при Петрѣ Великомъ она совлекла съ себя форму личной зависимости и получила характеръ государственный. Петръ запретилъ подчиненнымъ называться *холопами*, и замѣнилъ это имя названіемъ *подданныхъ*. Съ этою перемѣной возникаетъ цѣлый міръ новыхъ понятій объ общественной жизни. Самъ Петръ пересталъ смотрѣть на себя, какъ на барина, владѣющаго своими людьми. Онъ видѣлъ въ себѣ служителя государства и, чтобы нагляднѣе показать народу значеніе царя, онъ самъ вмѣстѣ съ другими проходилъ военные чины, начиная отъ самыхъ низшихъ. Въ Петрѣ вполне воплотились государственныйя понятія, возникшія въ Россіи съ XV вѣка.

• Заключимъ наше бѣглое обозрѣніе значенія и судьбы сословій однимъ общимъ замѣчаніемъ. Мы видѣли въ нихъ переходъ отъ полной свободы, разрушающей всякое прочное общественное устройство, къ полному подчиненію, налагающему служеніе слишкомъ тяжелое для человѣческой личности. Такой переворотъ представляетъ одно изъ тѣхъ явленій, которыя нерѣдко встрѣчаются въ исторіи. Крайнее развитіе одной жизненной формы ведетъ къ крайнему развитію другой, тогда какъ большее или меньшее равновѣсіе различныхъ общественныхъ элементовъ долѣе сохраняется неизмѣннымъ. Разительный примѣръ того и другаго представляетъ намъ исторія Англій и Франціи. Въ цѣлой Европѣ не было, можетъ-быть, государства, въ которомъ бы въ средніе вѣка королевская власть была такъ сильно развита, какъ въ Англій; не было ни одного, въ которомъ бы сословія получили такое единство, такую крѣпкую организацію. Правда, все это существовало подъ формами феодализма, то-есть, частнаго права, однако это устройство ближе другихъ подходило къ единству и прочности государственнаго порядка. Поэтому новой государственной власти не было нужды уничтожать все старое и скрѣплять разнообразныя элементы безусловнымъ подчиненіемъ ихъ своему единству. Старыя формы остались, потерявши только тѣ черты, которыя были совершенно несовмѣстны съ новыми требованіями; государство организовалось не путемъ перехода отъ одной крайности въ другую, а путемъ постепеннаго, хотя нерѣдко насильственнаго измѣненія существующаго порядка. Во Франціи, напротивъ, въ средніе вѣка существовала такая разрозненность, какъ можетъ-быть ни въ какомъ другомъ западно-европейскомъ государствѣ. Зато, съ другой стороны, и новая королевская власть, собирательница земли, строительница государства, возникла тамъ съ большею силою, нежели гдѣ-либо. Только абсолютнымъ подчиненіемъ центру можно было привести въ одно цѣлое стремящіяся врѣзь элементы.

Въ древней Россіи разрозненность и шаткость отношеній существовали еще въ большей степени; личная независимость, которая выражалась въ правѣ отъѣзда, была еще сильнѣе развита, нежели во Франціи; поэтому и задача новой государственной власти была труднѣе, и безусловное ея господство достигло еще болѣешихъ размѣровъ. Въ этомъ отношеніи развитіе нашего оте-

чества представляетъ значительное сходство съ развитіемъ Франціи, тогда какъ нѣтъ государства въ Европѣ, съ которымъ бы мы имѣли менѣе общаго, нежели съ Англіей.

Если мы послѣ этого спросимъ : какой изъ этихъ двухъ способовъ развитія лучше, то надобно отвѣчать , что съ практической точки зрѣнія этотъ вопросъ совершенно неумѣстенъ. Все здѣсь зависитъ отъ мѣстныхъ условій, отъ народнаго характера; отдѣльныя личности сами по себѣ не въ состояніи переломить дѣлаго историческаго хода. Поэтому одинъ народъ развивается однимъ путемъ, другой инымъ ; въ этомъ различіи выражается характеристическая особенность каждаго, его національный геній. Если же мы на оба способа развитія взглянемъ съ точки зрѣнія всемірной исторіи, то мы должны сказать , что развитіе крайностей полнѣе исчерпываетъ историческое содержаніе общественной жизни и скорѣе возводитъ ее на высшую точку , нежели пребываніе въ первобытномъ равновѣсіи элементовъ , измѣняющихся только практическими сдѣлками. Разумѣется, однако, что это общее замѣчаніе можетъ быть приложено только ко всецѣлому ходу исторіи, а отнюдь не къ каждому отдѣльному народу, ибо здѣсь опять таки все зависитъ отъ мѣстныхъ условій и отъ народнаго духа: одинъ народъ можетъ преимущественно развивать одну форму быта, другой—другую; одинъ можетъ быть богаче содержаніемъ, другой бѣднѣе; одинъ наконецъ можетъ пройти нѣсколько ступеней, тогда какъ другой остановится на одной, и не будетъ въ силахъ достигнуть высшаго развитія.

Теперь обратимся снова къ источникамъ и, въ дополненіе ко всему сказанному, постараемся объяснить себѣ характеръ княжеской службы въ то время , къ которому относятся разбираемыя нами духовныя и договорныя грамоты.

Мы видѣли, что Владиміръ Андреевичъ обязался служить Дмитрію Донскому безъ ослушанія , а послѣдній долженъ былъ кормить его по службѣ. Мы видѣли также, на какихъ условіяхъ Рязанскіе князья отдались на службу Витовту. Въ обоихъ случаяхъ службою считалась военная помощь , ибо служебные князья не обязывались ни къ чему другому. То же самое имѣло мѣсто относительно бояръ. Вездѣ, гдѣ въ грамотахъ говорится объ ихъ службѣ, дѣло идетъ о войнѣ; на примѣръ: «А кто иметь служити мнѣ князю Юрью Дмитріевичю , а живучи въ твоей отчинѣ въ

великомъ князеньи, а будетъ ти слати изъ тѣхъ городовъ на свою службу, гдѣ тѣ живутъ, и мнѣ слати съ тѣми людьми своего воеводу съ твоимъ воеводою» (1). Подобныя условія повторялись, какъ уже сказано, почти во всѣхъ грамотахъ. За эту службу давались боярамъ и слугамъ города и волости въ *кормленіе*. Приѣхавшій бояринъ или слуга получалъ ихъ болѣе или менѣе, временно или наследственно, смотря по силѣ своей и значенію, а также по характеру заключеннаго обязательства. Обыкновенно предметомъ кормленія былъ судъ, со всѣми, принадлежащими къ нему доходами, которые были весьма значительны; иногда жаловались и другіе доходы, а нерѣдко отдавался цѣлый городъ или волость со всѣмъ, «что къ нимъ потягло». Такъ какъ слуга имѣлъ право отъѣзжать, когда ему вздумалось, даже не отслуживши служебнаго срока, то онъ могъ также произвольно покидать свое кормленіе; въ такомъ случаѣ ему выдавалось по разсчету то, что могло слѣдовать за прослуженное время. Это именно постановлено въ договорѣ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ: «Который бояринъ поѣдетъ и съ кормленья отъ тебе ли ко мнѣ отъ мене ли къ тобѣ, а службы не отслуживъ, тому дати кормленье по исправъ, а либо служба отслужити ему» (2). Изъ всего этого ясно, что собственно службою считалась военная помощь, приобретаемая большею частью вольнымъ наймомъ, а на гражданское управленіе смотрѣли, какъ на кормленіе или жалованіе за службу.

Намъ нѣтъ нужды распространяться подробно о характерѣ кормленій. Мы имѣли уже случай говорить объ этомъ въ другомъ мѣстѣ (3). Притомъ же тѣ памятники, которые мы разбираемъ теперь, представляютъ для этого мало данныхъ. Но нельзя не обратить вниманія на нѣкоторыя возраженія, которые были представлены по этому случаю. Возражатели придаютъ большое значеніе тому обстоятельству, что количество корма было определено; *сльдственно* это было не что иное, какъ жалованье, получаемое служащимъ лицомъ изъ первыхъ рукъ, изъ рукъ народа (4).

(1) № 49.

(2) № 27.

(3) См. Областныя Учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ (Москва 1856). Введеніе.

(4) См. г. Аксакова разборъ VI тома «Исторіи Россіи» г. Соловьева, въ 4-й книжкѣ «Русской Бесѣды» за 1856 г.

На это прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что уставныя грамоты второй половины XV вѣка, возникшія подъ влияніемъ образующихся государственныхъ понятій, точно представляютъ намъ опредѣленіе количества корма, и этого никогда никто не отрицалъ. Въ древнѣйшихъ же памятникахъ мы такой опредѣленности не видимъ. Въ откупной Обонежской грамотѣ прямо сказано: «братъ корму себѣ и конемъ довольно». Въ уставной Двинской грамотѣ количество корма не опредѣлено, а между тѣмъ эта грамота была политической мѣрою, которою великій князь Василій Дмитріевичъ старался привлечь къ себѣ Двинянь во время кратковременнаго своего господства надъ ними. Самое позднѣйшее опредѣленіе корма далеко еще не исчерпывало всѣхъ доходовъ, которые сопряжены были съ мѣстомъ намѣстника или волостеля, такъ что если даже считать это обстоятельство главнымъ, то все таки система управленія среднихъ вѣковъ представится намъ совершеннымъ произволомъ. Но все это вопросы второстепенные; дѣло вовсе не въ томъ, было ли кормленіе опредѣленно или неопредѣленно, а въ томъ, какъ смотрѣли въ то время на гражданскую службу: какъ на исполненіе общественной обязанности, или какъ на доходное мѣсто, которое жаловалось въ видѣ аренды за службу военную? Что послѣдній взглядъ былъ единственнымъ, господствующимъ въ средневѣковой Руси, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Намѣстникъ не получалъ кормъ за свое управленіе, а самое управленіе получалъ, какъ кормъ, какъ аренду за другаго рода службу. Поэтому кормленіе имѣло характеръ совершенно частный; право суда разсматривалось, какъ доходная статья, которая исчислялась наряду съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченымъ, съ мытами угодьями, и другими принадлежностями имѣній и волостей. Отсюда и выраженія: *кормиться*, *быть сытымъ*, которыя прямо вытекаютъ изъ воззрѣнія того времени. Конечно князья должны были при этомъ нѣсколько оберегать жителей отъ притѣсненій, ибо иначе, при совершенно свободномъ переходѣ людей изъ княжества въ княжество, они всѣ бы разбѣжались и некому было бы платить доходы. Но этотъ страхъ былъ единственною преградою произволу, которому представлено было самое обширное поле при частномъ способѣ управленія посредствомъ слугъ и холоповъ кормленщика, при совершенно произвольномъ штрафованіи преступниковъ, наконецъ при возможности вымогать у

жителей всякаго рода взятки, что даже въ Московскомъ государствѣ считалось отчасти законнымъ доходомъ. Этотъ существенный характеръ кормленій выражается какъ нельзя лучше наивною жалобою Новгородцевъ: «Кормилъ Новгородъ Бориса Константиновича Корелю, а онъ Корелю всю истерялъ, въ Нѣмцы загналъ.» Здѣсь Борисъ Константиновичъ обязался служить Новгороду на войнѣ, а Новгородъ отдалъ ему за это финскій народецъ, чтобы онъ могъ быть съ него сытымъ; только кормленщикъ былъ уже слишкомъ голоденъ, такъ что жители не вытерпѣли и разбѣжались.

Такимъ образомъ княжеская служба управлялась въ средніе вѣка тѣми же началами частнаго права, какъ и весь остальной бытъ: съ одной стороны личный наемъ, съ другой кормленіе, аренда. Это частное воззрѣніе оставило по себѣ долгіе слѣды въ нашей исторіи. Въ XVII вѣкѣ Московское государство смотрѣло уже на воеводъ, какъ на правителей, исполняющихъ извѣстную общественную должность; но рядомъ съ этимъ существовалъ и прежній взглядъ, какъ второстепенный элементъ. Служилые люди просили отпустить ихъ на воеводство *покоржиться*. Само правительство признавало это, и видѣло въ этихъ должностяхъ доходныя мѣста, на которыхъ можно было нажитья посредствомъ получаемыхъ отъ жителей *посуловъ*, то-есть по нашему взятокъ. Кто бралъ только взятки, приносимыя добровольно, а не вымогалъ ихъ насильственно, тотъ считался хорошимъ человѣкомъ и получалъ болѣе доходное мѣсто, съ котораго онъ могъ купить порядочную деревню. Въ новой Россіи этотъ взглядъ совершенно уже исчезъ изъ законодательства, но въ жизни эти понятія имѣютъ еще глубокіе корни. До сихъ поръ еще на многія общественныя должности смотрятъ единственно, какъ на средства для частнаго обогащенія, и взятки, равно какъ и пользованіе казенными деньгами, считаются у большинства дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, которое не налагаетъ на человѣка никакого пятна. Впрочемъ надобно сказать, что это наслѣдіе средневѣковой жизни опять-таки не составляетъ особенности исторіи нашего отечества. Въ другихъ государствахъ точно также долго сохранялось, а отчасти и до сихъ поръ сохраняется въ различныхъ формахъ частное воззрѣніе на службу. Во Франціи, напримѣръ, до самой революціи многія должности постоянно продавались и покупались;

въ Англіи же до сихъ поръ продаются военные чины. Только здѣсь учрежденія остались старыя, быть же народа возвелъ на значительную степенъ высоты общественную честность, а у насъ случилось на оборотъ: законъ далеко опередилъ жизнь.

Чтобы яснѣе показать, до какой степени это частное воззрѣніе на службу противорѣчитъ государственнымъ требованіямъ, приведемъ здѣсь письма благороднѣйшаго изъ австрійскихъ монарховъ, Іосифа II, въ которомъ мѣтко и живо высказываются истинно государственныя понятія: «Во всемъ, что предпринимаемъ на службѣ, говоритъ онъ, должно имѣть въ виду единственно общій интересъ, или по крайней мѣрѣ благоденствіе большинства. Кто не имѣетъ любви къ служенію своему отечеству и своимъ согражданамъ, кто не чувствуетъ себя воспламененнымъ ревностью при мысли о томъ, что онъ можетъ дѣлать добро, быть полезнымъ другимъ, тотъ не созданъ для общественной службы и недостойнъ носить почетный титулъ. Личный интересъ — пагуба общественной службы, самый непростительный порокъ въ чиновникѣ государства. Личный интересъ состоитъ не только въ возможности подкупа, но и въ допущеніи личныхъ видовъ, затмевающихъ истину. Подчиненный, который поступаетъ такимъ образомъ, нарушаетъ свои обязанности; начальникъ, который прикрываетъ и допускаетъ это, нарушаетъ свою клятву. Служитель государства долженъ отрѣшиться отъ самого себя. Никакая личная цѣль, никакое личное дѣло, никакой посторонній интересъ не должны отвлекать его отъ главнаго его занятія; никакой споръ о первенствѣ, никакой вопросъ о почетѣ не должны отдалять его отъ настоящей его цѣли, которая состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать добро.»

Въ связи съ изложеннымъ выше частнымъ воззрѣніемъ на службу находились и понятія мѣстническія, о которыхъ мы уже говорили выше. Служащій считалъ себя въ правѣ занимать извѣстное мѣсто въ іерархіи не потому, что онъ возвысился до него своими заслугами, а потому, что знатность его не позволяла ему сидѣть ниже. Въмѣсто общественной пользы, дѣло рѣшалось здѣсь частнымъ правомъ. Разумѣется, государство должно было бороться съ этими притязаніями, совершенно несомѣстными съ его требованіями; но здѣсь—то правительство встрѣчало почти неодолимую преграду. Московскій царь могъ безусловно распо-

ряжаться личностью и имуществом подданныхъ, но какъ скоро онъ ставилъ кого-нибудь подъ начальство менѣ знатнаго челоуѣка, онъ встрѣчалъ тупое сопротивленіе, передъ которымъ сокрушалось все его могущество. Однако послѣ долгихъ усилій мѣстничество было наконецъ уничтожено на зарѣ преобразованія; фактически оно продолжало существовать до временъ Петра Великаго, который установленіемъ Табели о Рангахъ, окончательно утвердилъ новый порядокъ вещей. Это было въ свое время великое учрежденіе. Достоинству и заслугамъ открыто было свободное поприще, отъ котораго заслоняли ихъ прежде знатность и порода. Современное чиновничество замѣнило такимъ образомъ прежнее мѣстничество, и если, глядя впередъ, мы видимъ его недостатки, то обращаясь назадъ, мы не можемъ не призвать въ немъ огромнаго шага сравнительно съ прежнимъ порядкомъ. Однако и на чиновничествѣ остались многіе слѣды мѣстничества: по прежнему чиновникъ слишкомъ склоненъ полагать честь свою въ чинѣ, въ совершенно внѣшнихъ признакахъ почета, а не во внутреннемъ челоуѣческомъ достоинствѣ; по прежнему, мелочная привязанность къ іерархическимъ правамъ, къ служебному формализму, слишкомъ часто заслоняетъ собою ревностное исполненіе общественнаго дѣла.

Мы разсмотрѣли подробно главные памятники, которые намъ оставила древняя Русь о своей общественной жизни; мы перебрали по очереди отдѣльныя юридическія сферы, о которыхъ мы нашли въ нихъ свидѣтельства. Вездѣ мы видѣли господство однихъ и тѣхъ же началъ—началъ частнаго права. Нужно ли послѣ этого спрашивать: какая форма общественнаго союза существовала въ то время—гражданское общество, или государство? Это до такой степени очевидно, что трудно предположить какое-нибудь сомнѣніе. Форма гражданскаго общества въ извѣстную эпоху была общимъ достояніемъ всѣхъ новыхъ народовъ; въ средніе вѣка мы ее видимъ на Западѣ точно такъ же, какъ у насъ. Въ настоящей статьѣ мы не разъ имѣли случай указать на это отношеніе западныхъ учреждений къ русскимъ, на основное ихъ тождество и

на различіе тѣхъ и другихъ. Вездѣ мы замѣтили, что особенностью древней Руси была шаткость всѣхъ гражданскихъ отношеній, шаткость, происходившая, какъ отъ недостатка исторической гражданственности, какую западно-европейскимъ народамъ завѣщалъ Римъ, такъ и отъ самой природы страны, степной, скудной, малонаселенной, способствовавшей кочеванію. Если позволено въ этомъ случаѣ употребить сравненіе, взятое изъ другой области вѣдѣнія, то можно сказать, что въ западной Европѣ средневѣковая масса гражданскихъ элементовъ кристаллизовалась сама собою подъ вліяніемъ осѣдлости, такъ что въ послѣдствіи нужно было ломать образовавшіяся иглы для того, чтобъ это множество отдѣльныхъ кристалловъ собрать въ единое цѣльное тѣло; у насъ же масса эта оставалась болѣе или менѣе въ состоянїи броженія, и твердая кристаллизація началась уже тогда, когда она нашла себѣ центръ; отъ него и пошли разнообразныя, угловатыя формы, которыхъ элементы скрывались еще въ прежнемъ бродячемъ состоянїи.

«Слабость, говоритъ Гизо, уединяется и прячется; сила дикая бродитъ наобумъ вездѣ, куда влекутъ ее похотѣнія; сила разумная дѣлается осѣдлою, становится средоточіемъ, и созываетъ вокругъ себя всѣ силы, которыя могутъ помочь ей въ достиженїи цѣли; сознавая свое превосходство, она не боится ихъ сосѣдства, а владычествуетъ надъ ними, приобщая ихъ къ себѣ.»

Если мы эти слова великаго историка приложимъ къ развитію нашего отечества, то всѣ народные элементы въ средніе вѣка мы должны признать за выраженіе слабости или дикой силы. Первое возникновеніе силы разумной является въ князьяхъ — вотчинникахъ, которыхъ раздробленныя стремленія въ послѣдствїи покорились единому центру, постепенно собравшему вокругъ себя всѣ разнообразные элементы, изъ которыхъ сложилось Русское государство. Такое развитіе государства одно способно было дать Россїи крѣпость и могущество. Тогда какъ раздробленная Русь не могла противостоять дикой татарской Ордѣ, новая Россія не только отстаивала себя не разъ противъ силъ государствъ образованныхъ, но заняла въ ряду ихъ одно изъ первыхъ мѣстъ, и рѣшала своимъ мечомъ всемірно-историческіе вопросы, которые волновали просвѣщенную Европу.

Гражданское общество составляетъ вторую ступень въ истори-

ческому развитіи нашего отечества. Въ первую эпоху, на зарѣ исторіи, мы видимъ союзъ кровный; затѣмъ является союзъ гражданскій, наконецъ союзъ государственный. Первый составляетъ первоначальное естественное проявленіе человѣческаго общества. Человѣкъ существо общежительное; внѣ общества онъ никогда не жилъ и не можетъ жить. Но это стремленіе къ обществу выражается въ немъ сначала безсознательнымъ образомъ; оно лежитъ въ немъ, какъ естественное опредѣленіе его природы, и проявляется въ союзѣ, данномъ самою природою. Это союзъ кровный, происшедшій изъ наростанія семьи. Люди связаны здѣсь сознаниемъ объ единствѣ происхожденія; личности еще не выдѣлились и составляютъ массу, имѣющую одни нравы, одно нарѣчіе, одни вѣрованія, и разчленяющуюся внутри себя по естественнымъ, физиологическимъ опредѣленіямъ: семья, родъ, колено, племя. Этотъ первоначальный союзъ имѣетъ цѣлую исторію, проходитъ черезъ множество видоизмѣненій, отъ блуждающихъ разсѣянныхъ родовъ и семействъ до высоко-развитыхъ государствъ, гдѣ различные кровные союзы представляются, какъ формы общежитія, которыя могутъ допускать въ себя разнообразныя элементы. Опредѣлить въ точности, какой изъ этихъ видовъ кровнаго союза господствовалъ въ извѣстномъ народѣ, въ этомъ состоитъ задача изслѣдователей; успѣшное ея разрѣшеніе зависитъ отъ достаточнаго количества сохранившихся источниковъ. При скудости извѣстій, сообщаемыхъ нашимъ лѣтописцемъ, мы можемъ сказать только, что у насъ, какъ и вездѣ, существовалъ союзъ кровный, и что преобладающею его формою была особенность родоваго быта.

Этотъ союзъ, основанный на сознаниіи естественнаго происхожденія, долженъ однако распасться при болѣе или менѣе частыхъ столкновеніяхъ съ другими народами, при вторженіи чужестранныхъ элементовъ, которые достаточно крѣпки, чтобы не поддаться силѣ кровнаго быта, наконецъ при развитіи человѣческой личности. Такое разложеніе совершилось у насъ съ появленіемъ варяжской дружины, основанной на договорѣ лицъ, совершенно свободныхъ. Принесенные ею элементы; смѣшавшись съ прежними, образовали порядокъ вещей, совершенно отличный отъ предыдущаго. Общественное единство, которое коренилось въ созна-

ни кровной связи, рушилось; личности, не сдержанныя болѣе въ своихъ стремленіяхъ тяготѣніемъ общаго, господствующаго обычая, предались частнымъ своимъ интересамъ; отношенія родственныя, договорныя, имущественныя, однимъ словомъ частное право, сдѣлались основаніемъ всего быта, точкою зрѣнія, съ которой люди смотрѣли на всѣ общественныя явленія. Такъ произошелъ союзъ гражданскій, образовавшійся изъ столкновеній и отношеній личностей, вращающихся въ ихъ частной сферѣ. Общественною связью служило либо имущественное начало — вотчинное право землевладѣльца, либо свободный договоръ, либо личное порабощеніе одного лица другимъ. Общественныя единицы то слагались, то разлагались снова, по обстоятельствамъ совершенно случайнымъ, напримѣръ по большому и меньшему числу княжескихъ дѣтей. Въ обществѣ появились сословные элементы, происшедшіе отъ наследственности занятій и наследственности чести. Вслѣдствіе господства силы, образовалось между людьми безконечное неравенство. Положеніе человѣка опредѣлялось не заслугами, которыя онъ оказалъ обществу, а частными, случайными, даже внѣшними его преимуществами. Война сдѣлалась главною цѣлью владычествующихъ слоевъ общества, а внутреннее управленіе превратилось въ аренду для накормленія знатныхъ воиновъ. Однимъ словомъ личность во всей ея случайности, свобода во всей ея необузданности лежали въ основаніи всего общественнаго быта и должны были вести къ господству силы, къ неравенству, къ междоусобіямъ, къ анархіи, которая подрывала самое существованіе союза и дѣлала необходимымъ установленіе новаго высшаго союза — государства. Только въ государствѣ можетъ развиваться и разумная свобода и нравственная личность; предоставленныя же самимъ себѣ, безъ высшей, сдерживающей власти, оба эти начала разрушаютъ сами себя. Необузданная свобода ведетъ къ порабощенію слабаго сильнымъ; личность, выражающаяся въ преимуществахъ чисто индивидуальныхъ, ведетъ къ уничтоженію внутренняго достоинства человѣка. Таковъ діалектичскій процессъ различныхъ общественныхъ элементовъ.

Государство есть высшая форма общежитія, высшее проявленіе народности въ общественной сферѣ. Въ немъ неопредѣленная *народность*, которая выражается преимущественно въ единствѣ

зыка (1), собирается въ единое тѣло, получаетъ единое *отечество*, становится *народомъ*. Въ немъ верховная власть служить представительницею высшей воли общественной, каковъ бы впрочемъ ни былъ образъ правленія — наследственная ли монархія, народное ли представительство, или то и другое вмѣстѣ. Эта общественная воля подчиняетъ себѣ воли частныя и устанавливаетъ такимъ образомъ твердый порядокъ въ обществѣ. Ограждая слабого отъ сильнаго, она даетъ возможность развиться разумной свободѣ; уничтожая всѣ преимущества случайныя, не имѣющія для общества никакого вѣса, она производитъ уравненіе между людьми; опѣняя единственно заслуги, оказанныя обществу, она возвышаетъ внутреннее достоинство челоука; заставляя всѣхъ поданныхъ удѣлять часть своихъ средствъ для общественной пользы, она содѣйствуетъ осуществленію тѣхъ разнообразныхъ челоуческихъ цѣлей, которыя могутъ быть достигнуты только въ обществѣ, при взаимной помощи, и для которыхъ существуютъ гражданскіе союзы. Челоукъ перестаетъ быть вольною птицей, которая несется туда и сюда, случайно останавливаясь тамъ, гдѣ находитъ болѣе пищи; онъ перестаетъ смотрѣть на свою личность, какъ на единственную цѣль своихъ стремленій, противоположную и часто враждебную другимъ. Онъ примыкаетъ къ прочному порядку, становится звеномъ общей цѣпи, дѣятелемъ общаго дѣла; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознаетъ, что при такомъ только обществѣ, пожертвовавъ необузданною ничѣмъ свободою, трудясь на пользу другихъ, онъ можетъ достигнуть и полного развитія личныхъ своихъ интересовъ.

---

(1) Мы не говоримъ, что народность выражается въ единствѣ вѣрованій, ибо это противорѣчило бы всѣмъ существующимъ фактамъ. Принявши это, мы не могли бы говорить, напримѣръ, о народности нѣмецкой, ибо южные Нѣмцы — католики, а сѣверные — протестанты, и напротивъ должны бы считать однимъ народомъ южныхъ Нѣмцевъ, Чеховъ, Поляковъ, Венгровъ, Французовъ, Итальянцевъ, Ирландцевъ, которые всѣ исповѣдуютъ одну религію — католицизмъ. Вообще народность является принадлежностью религій языческихъ, хотя нѣкоторыя изъ послѣднихъ, какъ буддизмъ, имѣютъ болѣе общій характеръ. Христіанство же, по самой своей сущности, есть религія общечелоуческая, возвыщенная для всѣхъ временъ и народовъ. Слѣдственно, нельзя говорить о возрѣніи христіанскомъ, какъ о возрѣніи народномъ.

Являясь такимъ образомъ полнѣйшимъ выраженіемъ общительнаго естества человѣка, государство проходитъ однако черезъ разнообразныя формы; оно имѣетъ свою исторію, долгую и часто мучительную. Только мало-по-малу возвышается оно до чистаго сознанія своей общественной сущности; сначала же оно болѣе или менѣе носитъ характеръ личный и частный; долго еще остаются на немъ слѣды прошедшаго времени. Однако и при самой развитой формѣ не исчезаютъ въ немъ прежнія начала; они остаются, какъ подчиненные элементы, съ которыхъ стирается все то, что протѣиворѣчитъ новому порядку. Эта существенная черта историческаго развитія проявляется на всѣхъ трехъ ступеняхъ общественной жизни, которыя мы обозначили выше. Наблюдая за историческимъ ходомъ, мы видимъ, что съ появленіемъ гражданскаго общества прежнія кровныя связи не уничтожаются, а входятъ въ него, какъ одинъ изъ составныхъ его элементовъ. Точно также съ появленіемъ государства не уничтожается гражданское общество. Вездѣ остаются люди съ своими частными стремленіями и интересами, съ своими правами и отношеніями родственными, имущественными, договорными, наследственными. Но все это въ государствѣ становится подчиненнымъ моментомъ; частное право не вторгается въ общественное устройство и должно всюду уступать общественной пользѣ; надъ разрозненными личностями возвышается общій союзъ, который собираетъ ихъ въ единое тѣло.

Таковъ преемственный ходъ общественныхъ союзовъ, который мы замѣчаемъ въ исторіи нашего отечества; таковъ, по нашему мнѣнію, законъ развитія нашего народа. Онъ до такой степени простъ и ясенъ, что это самое говорить уже въ пользу правильности нашихъ выводовъ. Еще болѣе говорить за нее то, что этотъ законъ, выработанный изъ фактическаго анализа предмета, совпадаетъ съ умозрительными выводами философіи. Въ самомъ дѣлѣ, означенная нами преемственность союзовъ та самая, которую Гегель начерталъ въ своей философіи права. Для предупрежденія всякихъ недоразумѣній сдѣлаемъ по этому поводу нѣсколько замѣчаній.

Умозрительная разработка исторіи, подвергающаяся теперь общему и справедливому осужденію, имѣла значеніе въ свое время. Когда нѣмецкая философія достигла высшихъ предѣловъ

чистаго умосозерцанія, она въ пылу увлеченія думала съ этой высоты охватить весь міръ и всё явленія подвести подъ свою точку зрѣнія. Отправляясь отъ чистыхъ логическихъ началъ, слѣдуя твердой методѣ, она шла отъ опредѣленія къ опредѣленію, болѣе и болѣе углубляясь въ дѣйствительное бытіе, нанизывая, такъ-сказать, встрѣчающіеся факты на нить логическихъ выводовъ. Но здѣсь—то и оказалась несостоятельность этого пути. Логическій выводъ имѣетъ свое законное мѣсто въ умозрѣніи, которое развиваетъ чистые законы и опредѣленія человѣческаго разума; но какъ скоро дѣло доходитъ до реального міра, требуется прежде всего полное и добросовѣстное изученіе фактовъ. Умозрительная философія, выводя а priori логическія опредѣленія природы и исторіи, подыскивала затѣмъ подходящія къ нимъ явленія. Но эта послѣдняя работа составляетъ совершенно особенную категорію изслѣдованій, которая имѣетъ свою точку отправленія и свою методу. Чтобы показать значеніе и мѣсто извѣстнаго явленія, нужно изучить его вполне путемъ опыта, анализировать отдѣльно каждую его сторону, равно какъ и связующія ихъ начала, наконецъ тѣмъ же путемъ познать и связь этого явленія съ другими. Всего этого умозрѣніе не въ состояніи было сдѣлать, ибо оно слѣдовало одной только методѣ умозрительной, и факты подбирало случайно и наглядно, подводя ихъ часто насильственно подъ логическія формулы. У передовыхъ мыслителей этотъ недостатокъ могъ еще нѣсколько выкупаться гениальными взглядами, чутьемъ великаго человѣка, который отгадываетъ сущность вещи даже безъ подробнаго ея изученія. Но даже у нихъ поверхностное подведеніе явленій подъ общія категоріи слишкомъ часто вело къ совершенному искаженію фактовъ. У послѣдователей же великихъ мастеровъ это превратилось въ пустую игру логическими формулами, которыя являлись, какъ опредѣленія природы и исторіи. Этимъ путемъ, если брать его отрѣшенно отъ фактовъ, всякій вопросъ разрѣшается очень просто. Нѣтъ ничего легче, какъ взять какую-нибудь общую схему, напримѣръ самую обиходную: единство и раздвоеніе, и налагать ее произвольно на цѣлыя историческія эпохи или даже на жизнь цѣлыхъ народовъ, подбирая подъ нее, какъ попало, кой-какія явленія. Такимъ способомъ можно доказать съ одинакою достовѣрностью со-

вершенно противоположныя теоріи, напримѣръ, что въ Россіи всегда господствовало единство, а на Западѣ раздвоеніе, или на оборотъ: что на Западѣ было единство, а у насъ раздвоеніе. Подобныя попытки историческаго изслѣдованія не подвигаютъ человѣческаго знанія ни на шагъ, поэтому современная наука осудила ихъ безвозвратно. Только изрѣдка слышатся еще заноздавшіе отголоски этого направленія, которое, какъ мы сказали, имѣло значеніе въ свое время.

Въ настоящую эпоху науки естественныя и историческія двигаются другимъ путемъ. Чтобы понять явленія, нужно изучить ихъ посредствомъ наблюденій и опытнаго анализа. Фактъ, обследованный со всѣхъ сторонъ, служитъ точкою отправленія, твердая опытная метода—руководящею нитью. Сюда невозможно внести воззрѣніе, выработанное внѣ науки, ибо въ такомъ случаѣ прервется нить, факты будутъ освѣщены внѣшнимъ для нихъ свѣтомъ и предстанутъ въ обезображенномъ видѣ. Нужно медленно, постепенно идти отъ частнаго къ общему, отъ явленій къ законамъ и началамъ, имъ присущимъ, дозволяя себѣ общіе взгляды только по мѣрѣ того, какъ опытъ раскрываетъ связь между отдѣльными фактами. Такимъ способомъ наука пріобрѣтаетъ точность и достовѣрность; каждое явленіе получаетъ въ ряду другихъ дѣйствительно принадлежащее ему мѣсто. Но чѣмъ болѣе раскрывается связь явленій, чѣмъ болѣе они возводятся къ общимъ законамъ, къ началамъ, владычествующимъ въ цѣлыхъ разрядахъ однородныхъ фактовъ, тѣмъ ближе они подходятъ подъ логическія категоріи, которыя суть выраженіе чистаго закона. Когда наука, имѣющая предметомъ внѣшній міръ, міръ природы и исторіи, доходитъ путемъ опыта до общихъ началъ, которыя совпадаютъ съ выводами умозрѣнія, тогда эта наука перестаетъ уже быть чисто-опытною и получаетъ значеніе философское; тогда устанавливается вождѣльное согласіе различныхъ областей знанія и различныхъ путей изслѣдованія. Опытъ показалъ дѣйствительность выведеннаго закона; умозрѣніе доказываетъ его необходимость.

Такое согласіе различныхъ путей знанія мы именно видимъ въ настоящемъ случаѣ: выведенная изъ опыта преемственность общественныхъ союзовъ совпадаетъ съ умозрительными выводами философіи. Намъ возразятъ, можетъ-быть, что мы уже заранѣе

смотрѣли на предметъ съ этой точки зрѣнія. Въ отвѣтъ мы сошлемся на все настоящее изслѣдованіе; пусть всякій безпристрастный читатель скажетъ: какимъ путемъ мы дѣлали выводы? Вносили ли мы въ факты воззрѣніе, которое въ нихъ не заключалось, или мы анализировали только ихъ существо? Если мы въ нашемъ изслѣдованіи сдѣлали заключенія, которыя противорѣчатъ положеннымъ въ основаніе фактамъ, пусть намъ укажутъ нашу ошибку, и мы готовы ее исправить. Но безъ доказательствъ нельзя говорить, что воззрѣніе принесено извнѣ, а не выработано изъ фактовъ; голословно можно утверждать все, что угодно. Скажемъ еще, что значеніе союзовъ кровнаго и государственнаго давно уже извѣстно въ нашей исторіи и утверждено въ ней на незыблемыхъ основахъ изъ чисто-фактической разработки памятниковъ, безъ всякой примѣси философскаго взгляда. Но значеніе средней между ними эпохи не было, какъ намъ кажется, выставлено въ надлежащемъ свѣтѣ, хотя оно и предугадывалось. Ее считали временемъ переходнымъ между тѣмъ и другимъ, и точно гражданскій союзъ служить посредствующимъ звеномъ между союзомъ кровнымъ и союзомъ-государственнымъ. Но эта средняя эпоха не представляетъ намъ только смѣшеніе предыдущаго и послѣдующаго; она имѣетъ свои жизненныя начала, свою точку зрѣнія, съ которой смотритъ на явленія быта, свою, можно сказать, систему общегитія, основанную на частномъ правѣ. Определить точнѣе значеніе этой эпохи, изъ подробнаго анализа памятниковъ, выяснить господствовавшія въ ней начала — вотъ въ чемъ мы полагаемъ главную свою задачу. Читатели могутъ судить, насколько мы исполнили ее.

Сдѣлаемъ однако при этомъ одну послѣднюю оговорку. Говоря о философскомъ значеніи, о разумной необходимости выведеннаго нами историческаго хода, мы отнюдь не думаемъ возвести его на степень всемірно-историческаго закона. Еслибы мы захотѣли приложить его, на примѣръ, къ исторіи древнихъ государствъ, мы впали бы въ грубую ошибку. Почему? Это до насъ не касается; законы не прилагаются, а выводятся. Мы не думаемъ даже говорить, что этотъ законъ обнимаетъ всю жизнь того времени; это опять выходитъ изъ предѣла нашихъ выводовъ. Мы утверждаемъ только, что въ той сферѣ, которую мы разсматривали на основа-

ни памятниковъ, этотъ законъ существуетъ, и что ручательствомъ за его разумность и за правильность нашихъ фактическихъ выводовъ служитъ совпаденіе ихъ съ умозрительными выводами глубочайшаго мыслителя XIX вѣка. Если позволено сдѣлать общее замѣчаніе, скажемъ только одно: мысль, какъ внутренній законъ, живетъ въ природѣ, управляетъ ея явленіями и приводится къ сознанию въ челоуѣкѣ; мысль живетъ и въ исторіи, управляетъ ея ходомъ, но къ сознанию она приводится только послѣдующими поколѣніями, которыя могутъ измѣрить взглядомъ всѣ извилины оставленной позади дороги.

Б. Чичеринъ.

О СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ

ВЪ РОССІИ

I.

Наука сельскаго хозяйства, какъ наука практическая, получила свое начало, когда изъ многочисленныхъ опытовъ и наблюдений создались правила, основанныя на мѣстныхъ условіяхъ каждой страны. Эти правила повѣрились законами природы и изъ этого сравненія вывелись общіе законы сельскаго хозяйства, создалась наука.

Отсюда видно, что она произведеніе поздняго времени. Появленіе ея въ какой-нибудь странѣ или потребность въ ней можетъ быть только слѣдствіемъ обширнаго развитія практическихъ свѣдѣній, наблюдений и опытовъ, какъ бы вызывающихъ на приведеніе ихъ въ общій порядокъ, на подведеніе ихъ къ общимъ положеніямъ, на объясненіе общихъ явленій въ частныхъ ихъ результатахъ. Въ хозяйствахъ же, въ которыхъ практическія свѣдѣнія ограничены и не производится никакихъ новыхъ опытовъ и наблюдений, конечно не можетъ быть не только потребности въ наукѣ, но и сознанія ея пользы.

Въ такомъ положеніи находится русское хозяйство. У насъ, если есть помѣщики, ведущіе свое хозяйство путемъ рациональнымъ и стремящіеся приложить науку къ практикѣ, то они составляютъ исключеніе, притомъ исключеніе рѣдкое. Относительно же практическихъ свѣдѣній нашихъ сельскихъ хозяевъ вообще,

можно сказать, что богатые помѣщики большею частію вообще не имѣютъ, мелкопомѣстные же и крестьяне хотя и руководствуются практикою, но свѣдѣнія ихъ ограничиваются мѣстнымъ опытомъ, переходящимъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Они знаютъ, что въ хорошо обработанномъ полѣ хлѣбъ лучше родится, нежели въ дурно обработанномъ; они по простому опыту знаютъ, на какой почвѣ какой хлѣбъ родится лучше, но не знаютъ и не стремятся узнать причины этихъ явленій, и даже не думаютъ о возможности имъ содѣйствовать. При такой безсознательности, они не имѣютъ побужденія къ наблюденіямъ и искусственнымъ опытамъ, не ищутъ выводить заключенія изъ замѣчаемаго дѣйствія.

Несмотря однако же на отсутствіе общей потребности въ наукѣ, мы видимъ стремленіе нѣкоторыхъ ученыхъ приложить ее къ нашему практическому хозяйству, стремленіе, принимающее годъ отъ году все болѣе обширные размѣры. Ежегодно являются новыя сочиненія, издаются переводы учебниковъ, которые могутъ быть полезны и у насъ, въ журналахъ увеличивается число ученыхъ статей, усиливаются труды ученыхъ обществъ, наконецъ и правительство съ своей стороны дѣлаетъ большія пожертвованія для распространенія между земледѣльческимъ сословіемъ теоретическихъ познаній, или правильнѣе сказать, тѣхъ открытій и усовершенствованій, которыя могутъ принести неоспоримую пользу нашему сельскому хозяйству. Но всѣ эти труды и издержки далеко не приносятъ той пользы, какую слѣдовало бы отъ нихъ ожидать. Наши помѣщики, не будучи еще подготовлены къ пособію науки, не понимаютъ ея великаго значенія и большею частью считаютъ ее даже вообще не применимою къ нашему хозяйству, которое вследствие этого находится въ патріархальномъ состояніи и подвигается впередъ только невольнымъ. Вотъ почему наши ученые агрономы вмѣсто всеобщей благодарности за непрестанное стремленіе къ прогрессу той отрасли промышленности, которая составляетъ основу благосостоянія Россіи, встрѣчаютъ со стороны большей части нашихъ сельскихъ хозяевъ только упреки.

Наши ученые агрономы, говорятъ помѣщикамъ, смотрятъ на хозяйство только съ ученой точки зрѣнія и совершенно упускаютъ изъ виду сторону практическую. Они ставятъ намъ въ при-

тѣрь хозяйства западныхъ европейскихъ государствъ, передаютъ намъ создающіяся тамъ теоріи, представляють намъ результаты тамошнихъ опытовъ, открытій и усовершенствованій, а забываютъ, что положеніе тѣхъ государствъ совершенно иное, нежели положеніе Россіи. Тамъ земли мало, у насъ ея много; тамъ избытокъ народонаселенія, у насъ въ намъ недостатокъ; тамъ промышленность въ полномъ развитіи, у насъ она въ зародышѣ; тамъ повсюду пути сообщенія, у насъ ихъ нѣтъ; тамъ наконецъ и климатъ и географическое положеніе совершенно не сходствуютъ съ нашими. Изъ этого практики выводятъ, что каждая страна должна имѣть свои теоріи, основанныя на мѣстныхъ условіяхъ, согласныя съ мѣстными средствами. Если же теоріи, подныя для одной страны, приложитъ къ практикѣ другой, то выйдутъ результаты совершенно неудовлетворительныя, даже убыточные.

Кромѣ того, говорятъ практическіе хозяева, ученые агрономы считаютъ необходимымъ условіемъ для рациональнаго хозяйства знаніе вспомоgetельныхъ наукъ. Между тѣмъ, при обширности и сложности нашего хозяйства, мы едва имѣемъ время слѣдить за главными его отраслями. Какимъ же образомъ предаться намъ изученію прикладныхъ наукъ, которыхъ число слишкомъ велико, и изъ которыхъ инныя такъ обширны, что употребленное на нихъ время не можетъ не произвести ущерба въ нашихъ хозяйственныхъ занятіяхъ?

Разсмотримъ, на сколько справедливо каждое изъ этихъ замѣчаній.

Дѣйствительно, нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ агрономовъ пишутъ учебники на основаніи заграничнаго сельскаго хозяйства, и вовсе не берутъ во вниманіе нашихъ практическихъ потребностей. Но это далеко не общее правило. Между ними есть и такіе, которые въ основаніе своихъ учебниковъ полагають не теоріи, а практику. Конечно, и ихъ учебники удовлетворительны только отчасти. Они выводятъ заключенія и расчеты по тѣмъ губерніямъ или по тѣмъ уѣздамъ, гдѣ находятся ихъ имѣнія, или откуда они почерпають свои свѣдѣнія, между тѣмъ какъ Россія такъ разнообразна по своему географическому положенію, такъ несоразмѣрно-мало населена, даже самыя почвы такъ разнородны, что результаты, которые съ извѣстными средствами легко до-

стигаются въ одной губерніи, не могутъ быть достигнуты съ несравненно большими средствами въ другой, даже смежной. Но для болѣе или менѣе сходственныхъ мѣстностей лучшія изъ существующихъ у насъ руководствъ вполнѣ удовлетворительны.

Что же касается до сочиненій, которыя хотя имѣютъ въ основаніи теоріи заграничнаго хозяйства, но передаютъ намъ только правила, подтвержденные многочисленными опытами и вошедшія въ составъ науки, то они не могутъ оставаться совершенно безполезными. Всякое разумное сочиненіе всегда можетъ принести пользу: оно можетъ навести читателя на путь истины, оно расширяетъ кругъ его познаній, оно наконецъ можетъ сообщить ему весьма поучительныя свѣдѣнія. Только польза эта зависитъ отъ самого читателя: если онъ имѣетъ достаточно практическихъ знаній, то изученіе теоріи объяснить ему, во первыхъ, законъ явленія, его причины и необходимыя условія; во вторыхъ, указать на средства содѣйствовать мѣстнымъ условіямъ, предоставляя ему обсудить, нужны ли предлагаемыя средства, которыя изъ нихъ возможны, и въ какой мѣрѣ они возможны; третьихъ, черезъ самое обсужденіе предмета развивается мышленіе, и умный читатель можетъ достигнуть того, что самъ въ состояніи будетъ совершить нужныя измѣненія и даже открытія. При чтеніи умныхъ руководствъ необходимо рождаются новыя мысли, новыя взгляды на предметъ, а это и подвигаетъ какъ науку, такъ и самую практику. Пока сельскимъ хозяйствомъ занимались только практически, оно хотя и шло впередъ, но весьма медленно; съ тѣхъ же поръ какъ оно вступило въ кругъ наукъ, оно быстро двинулось впередъ. Не происходитъ ли это оттого, что имъ стали заниматься рационально, и число людей, предающихся его изученію, годъ отъ году увеличивается?

Правда, Бельгія служила образцомъ для хозяйства и тогда, когда не имѣла никакихъ руководствъ, ни одной земледѣльческой школы. Но и Бельгія въ настоящее время начала заводить у себя школы, въ которыхъ преподаются теоріи: это произошло вслѣдствіе сознанія, что тѣ государства, которыя прежде брали съ нея примѣръ, которыя прежде учились у нея, во многомъ опередили ее при помощи науки.

Пользу ученыхъ руководствъ, даже чисто теоретическихъ, нельзя слѣдовательно отвергать. Если въ настоящее время они

не приносятъ большой пользы, то принесутъ ее безъ сомнѣнія, когда кругъ читающихъ распространится. Чтò же касается до замѣчанія нѣкоторыхъ практиковъ, что подобныя книги приносятъ у насъ даже болѣе вреда, нежели пользы, потому что нѣкоторые молодые хозяева увлекаются ими, начинаютъ по нимъ хозяйничать, не имѣя достаточныхъ практическихъ свѣдѣній, или даже вовсе ихъ не имѣя, и приходятъ въ совершенное разореніе, то такое возраженіе вовсе не основательно. Научныя книги пишутся для людей разумныхъ, могущихъ понять и обсудить всякую излагаемую мысль, а не для тѣхъ, кому эти книги не доступны. Притомъ, если въ настоящее время есть жертвы передаваемыхъ намъ теорій, не свойственныхъ нашему отечеству, то это только доказываетъ, что не должно слѣпо слѣдовать писанному, а нужно обсудить каждую мысль и сообразить ее съ нашими средствами. Взгляните, на примѣръ, на нашу свекло-сахарную промышленность. Когда она стала процвѣтать на Западѣ, когда у насъ стали являться о ней сочиненія,—сколько было людей, которые увлекались ея выгодами, и сколько изъ нихъ лишились капиталовъ и даже совершенно разорились! Но эти жалкіе примѣры не заставили насъ совершенно бросить эту промышленность, какъ не свойственную ни нашему климату, ни нашимъ средствамъ, а только указали на необходимость осторожнѣе вступать въ подобныя предпріятія; при такомъ ограниченіи, въ настоящее время, эта промышленность довольно быстро развивается, но только на болѣе прочномъ, на болѣе рациональномъ основаніи, нежели прежде. Вообще всякое предпріятіе, не основанное на разумныхъ началахъ, на полномъ обсужденіи всѣхъ возможныхъ обстоятельствъ и всѣхъ могущихъ встрѣтиться препятствій, не только бываетъ всегда шатко, но болѣею частью ведетъ къ потерѣ положеннаго капитала.

Мнѣніе, что теоріи должны истекать изъ практики каждой страны, показываетъ, что у насъ теорій не различаютъ отъ приложенія, и смѣшиваютъ общіе законы съ частными правилами и мѣстными примѣненіями. Теоріи, которыя служатъ основаніемъ наукъ, вытекаютъ изъ познанія общихъ явленій и законовъ природы; пока не была уяснена зависимость практическихъ пріемовъ отъ общихъ ихъ условій, не могло быть и науки; она является только послѣдствіемъ такого обобщенія. Но при-

рода дѣйствуетъ всегда и вездѣ по однимъ и тѣмъ же законамъ, поэтому и наука вездѣ должна быть одна и та же. Наука сельскаго хозяйства, получившая свое начало и развивающаяся въ Европѣ, должна слѣдовательно служить наукой и для насъ, и теоріи, вошедшія въ ея составъ, не могутъ быть не соответственны нашему хозяйству.

«Наука сельскаго хозяйства, говоритъ Тэеръ, не предписываетъ частныхъ правилъ, но научаетъ, какъ познавать и оценивать наблюденія и слѣдствія опытовъ; она изслѣдуетъ ихъ до первыхъ основаній, и объясняетъ эти основанія; она проливаетъ свѣтъ на всѣ производства и работы, показываетъ болѣе или меньшую основательность принятыхъ мнѣній, и служитъ руководствомъ, при всякомъ частномъ случаѣ, самому находить правило, которому должно слѣдовать, предвидя и исчисляя даже его послѣдствія.» (1)

Изъ этого опредѣленія видно, что наука не предписываетъ намъ дѣйствій, а даетъ основанія дѣйствій и указываетъ на ихъ послѣдствія. Она, на примѣръ, не предписываетъ намъ непременно удобрять земли, а объясняетъ необходимыя условія для полного развитія растений, и указываетъ на средства содѣйствовать ихъ развитію. Она не предписываетъ намъ разводить лучшія породы животныхъ, а указываетъ на условія, потребныя для каждой породы, и даетъ намъ средства разводить животныхъ, соответствующихъ нуждамъ и условіямъ каждой страны. Она не предписываетъ удобрять и орошать луга, а изслѣдуетъ послѣдствія того и другаго, и научаетъ, какъ достигнуть желаемой цѣли. Она не предписываетъ намъ разводить лѣса и рубить ихъ правильнымъ образомъ, а указываетъ на выгоды этихъ дѣйствій, и научаетъ, какъ къ нимъ приступить. Она наконецъ не предписываетъ намъ осушать болота, а доказываетъ возможность такого предпріятія, и научаетъ насъ способу производить нужныя работы.

Отъ этихъ—то общихъ началъ, или отъ этихъ теорій, отправляется каждое рациональное хозяйство, примѣняетъ ихъ къ своему климату, къ своимъ средствамъ, къ мѣстнымъ потребностямъ,

(1) См. Основанія рациональнаго Сельскаго Хозяйства Тэера, пер. г. Маслова, ч. 1, стр. 4.

повѣряетъ теоретическіе способы практической возможностью и выгодой, выбираетъ изъ нихъ наиболѣе удобныя, иногда вноситъ въ нихъ нѣкоторыя измѣненія, болѣе согласныя съ мѣстною практикой. Такимъ образомъ постепенно основываются правила и приемы для хозяйства каждой страны. При этомъ нужно сдѣлать только одно ограниченіе: чтобы руководствоваться этими общими теоріями и на ихъ основаніи составить правила для какого-нибудь мѣстнаго хозяйства, нужно умиѣть отличать ихъ отъ тѣхъ бесцѣльныхъ теорій, которыя создаются изъ частныхъ нравилъ, и которыя требуютъ еще глубокаго обсужденія, многочисленныхъ подтвержденій на опытѣ. Появленіе такихъ теорій есть необходимое слѣдствіе юности науки. Пока не было науки сельскаго хозяйства, имъ занимались только наглядно; всякое дѣйствіе производилось безъ сознанія его причины, всякое явленіе принималось къ свѣдѣнію безъ дальнѣйшаго объясненія. Когда же явились глубокомысленные люди, взглянувшіе въ причины явленій и дѣйствій, когда они свою практику сличили съ законами природы, и вывели неопровержимыя положенія, тогда возникла и наука. Теперь хотя она быстро идетъ впередъ, но находится еще въ началѣ своего развитія; она объяснила намъ только немногія явленія, но есть еще множество такихъ, которыя объяснены не вполне и даже вовсе не объяснены. Познаніе ихъ причинъ составляетъ задачу ученыхъ: они въ своихъ кабинетахъ и лабораторіяхъ сличаютъ всѣ однородныя явленія и стараются вывести изъ нихъ общіе законы. Но получаемые ими выводы не всегда могутъ быть согласны съ результатами практики, ибо въ послѣдней къ общимъ условіямъ примѣшиваются постороннія обстоятельства, и встрѣчается много препятствій, вовсе не предвидѣнныхъ при кабинетныхъ опытахъ. Вотъ почему есть въ наукѣ много неудовлетворительныхъ и шаткихъ теорій. Однако и между ними разумная практика сумѣетъ избрать то, что можетъ быть приложимо на дѣлѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями, для которыхъ не только нужно сообразиться съ географическимъ положеніемъ страны, съ климатомъ, съ мѣстными средствами, но которыя требуютъ и научныхъ знаній, неразлучныхъ съ многолѣтнею практикой. И мы могли бы воспользоваться ими, еслибъ научныя познанія у насъ не отсутствовали, а практическія не были такъ ограниченны.

Не только теоріи одной страны могутъ служить теоріями для

другихъ, но даже изъ практическихъ приѣмовъ одной страны могутъ истекать теоріи для другой. Такъ бельгійское практическое хозяйство положило основаніе теоретическому хозяйству въ другихъ государствахъ: Артуръ Юнгъ, Шверцъ изучили бельгійское хозяйство, привели его въ систематическое ученіе и примѣнили его къ своимъ странамъ. Домбаль собралъ всѣ системы, существовавшія въ Германіи, и изъ нихъ составилъ систему для Франціи. Самый Тэеръ, котораго можно считать за основателя науки сельскаго хозяйства, вывелъ общія правила изъ повсемѣстныхъ опытовъ, освященныхъ вѣками.

Наконецъ, что касается до вспомогательныхъ наукъ, то нѣтъ сомнѣнія, что знаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ необходимо, но отъ сельскаго хозяина вовсе не требуется глубокаго знанія ихъ. Оно даже и не нужно; можно ограничиться знаніемъ энциклопедическимъ, знаніемъ общихъ ихъ началъ, основныхъ ихъ законовъ. Но послѣднее необходимо въ тройкомъ отношеніи: 1) для сознанія причины каждаго дѣйствія, 2) какъ руководство для указанія способовъ дѣйствія, 3) наконецъ, чтобы быть въ состояніи понимать и обсуживать руководства. Мы, на примѣръ, придерживаемся трехпольной системы, но не знаемъ ни истиннаго значенія пара, ни выгодъ этой системы, и даже не постигаемъ причинъ, почему западныя хозяйства оставили систему, существовавшую еще у Римлянъ, господствовавшую столько вѣковъ во всей Европѣ, и приняли иную. А кто же можетъ дать намъ это объясненіе, какъ не химія и физика? Химія укажетъ намъ, какимъ измѣненіямъ подвергается почва, оставляемая въ пару, физика же объяснить вліяніе атмосферы на совершившіяся измѣненія. Кромѣ того, мы въ этихъ наукахъ найдемъ и указанія на средства достигать той же цѣли искусственнымъ образомъ. Далѣе, мы разводимъ растенія, но не знаемъ ни строенія ихъ, ни ихъ свойствъ, ни истинныхъ условій для полнаго ихъ развитія, ни вліянія ихъ на почву, а потому не можемъ ни содѣйствовать ихъ развитію, ни стремиться къ ихъ улучшенію. Между тѣмъ въ ботаникѣ мы найдемъ всѣ объясненія и нужныя указанія. Такимъ же образомъ мы занимаемся разведеніемъ животныхъ, но не знаемъ ни природы ихъ, ни условій ихъ жизни и развитія, ни средствъ для ихъ улучшенія или для измѣненія породы; въ этомъ отношеніи насъ можетъ напутствовать зоологія. Наконецъ, можемъ ли мы зани-

ваться наукою сельскаго хозяйства, если не будемъ имѣть понятія о химіи, физикѣ, ботаникѣ и зоологіи, наукахъ, составляющихъ ея основаніе? — Что же касается до другихъ вспомогательныхъ наукъ — физиологіи, механики, землемѣрія, политической экономіи проч., то потребность въ нихъ является сама собой тамъ, гдѣ практика идетъ рядомъ съ наукой. Намъ слѣдуетъ прежде пріобрѣсти общія понятія о наукѣ сельскаго хозяйства и стараться примѣнить ея теоріи къ нашей практикѣ, для чего необходима большая дѣятельность и разумное чтеніе нѣкоторыхъ полезныхъ руководствъ, основанныхъ на долготѣней опытности образованныхъ людей. Когда же мы дойдемъ до того, что наша практика будетъ находить себѣ опору въ наукѣ, тогда мы естественно обратимся къ наукамъ вспомогательнымъ и не будемъ считать это дѣломъ невозможнымъ.

Итакъ обвиненія, взводимыя многими нашими сельскими хозяевами на ученыхъ агрономовъ, вовсе не основательны; обвинители отвергаютъ пользу научныхъ пособій не потому, чтобы эти пособія дѣйствительно были бесполезны, а потому только, что не сознаютъ ихъ пользы. Мы еще болѣе въ томъ убѣдимся, если возьмемъ отдѣльную отрасль нашего хозяйства, рассмотримъ ея состояніе, и укажемъ на пользу нѣкоторыхъ руководствъ, сюда относящихся. Именно возьмемъ лѣсоводство.

Нечего говорить, что эта отрасль хозяйства находится до сихъ поръ, какъ и всѣ прочія, въ самомъ патріархальномъ состояніи; можно даже сказать, что на нее обращаютъ еще менѣе вниманія, нежели на прочія. Въ прежнее время не требовалось особеннаго о ней попеченія. Вездѣ лѣсовъ было не только достаточно, но даже въ избыткѣ, за исключеніемъ развѣ только нѣкоторыхъ степныхъ губерній, которыя терпѣли въ нихъ нужду. Поэтому ихъ рубили, жгли, употребляли безъ всякаго надзора, безъ всякаго расчета, и помѣщикамъ даже не приходило въ голову, что такое безпутное уничтоженіе лѣсовъ можетъ въ скоромъ времени довести до совершеннаго ихъ уничтоженія. Эти послѣдствія не ускользнули только отъ дальновиднаго взора Петра Великаго; для предупрежденія ихъ онъ издалъ законы, которыми запрещалось рубить многіе лѣсные участки и нѣкоторыя породы деревьевъ, не только въ казенныхъ владѣніяхъ, но даже и въ помѣщичьихъ. Однако эти мѣры не принесли надлежащей пользы; изъ частныхъ

людей никто не думалъ о болѣе экономическомъ употребленіи лѣсовъ. Между тѣмъ, уже въ недавнее время, во многихъ губерніяхъ стали замѣчать, что количество лѣса значительно уменьшилось и цѣнность его возвысилась; но объ этомъ говорили только покупщики и продавцы во время сдѣлки. Потому лѣса ужь видимо стали исчезать, цѣнность ихъ годъ отъ году возвышалась; во многихъ мѣстахъ она даже удвоилась, наконецъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ стали ощущать и положительный недостатокъ. Слѣдовало бы, повидимому, обратить особенное вниманіе на эту отрасль, придумать средства, если не пополнить недостатокъ лѣсовъ, то по крайней мѣрѣ принять нужныя мѣры, чтобы остановить окончательное уничтоженіе тѣхъ, которые еще уцѣлѣли. Въ этомъ отношеніи конечно большимъ пособіемъ могутъ служить прекрасныя руководства гг. Майера, Теплоухова, Анненкова, Генке и нѣкоторыя другія. Они кажутся вовсе не основаны на теоріяхъ, нашему лѣсоводству не свойственны; они научаютъ разводить лѣса, узнавать ихъ цѣнность, рубить ихъ разумнымъ образомъ и превращать лѣса въ живой капиталъ. Средства же, ими предлагаемыя, вовсе не столь значительны, чтобы были намъ не по силамъ; если они и требуютъ нѣкоторыхъ издержекъ, то что же дѣлать? нужно же заплатить за наше нерадѣніе. Замѣтимъ впрочемъ, что даже и издержки эти, хотя и не скоро, но со временемъ вернутся намъ съ большими процентами. При всемъ томъ, несмотря на достоинство упомянутыхъ сочиненій, на пользу, которую они могли бы принести всякому помѣщику, ими не только не руководствуются, но и самое существованіе ихъ извѣстно весьма немногимъ хозяевамъ.

Мы съ намѣреніемъ указали на эту отрасль нашего сельскаго хозяйства, ибо она требуетъ поспѣшной помощи; отъ нея зависитъ благосостояніе, если не всей Россіи, то по крайней мѣрѣ большей ея части, и части самой важной, откуда истекаютъ существенныя ея богатства. Потребность въ лѣсѣ проявляется на каждомъ шагу; фабричная наша промышленность съ каждымъ годомъ подвигается впередъ, и для нея лѣса, при недостаткѣ каменнаго угля во многихъ мѣстахъ Россіи, составляютъ насущную необходимость. Въ земледѣльческихъ губерніяхъ винокуренные заводы, оказывающіе столь значительное пособіе сельскому хозяйству въ сбытѣ хлѣба, начинаютъ чувствовать недостатокъ въ топливѣ. Что же

будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ? Мы не говоримъ уже о вліяніи безлѣсія на климатъ; наши сельскіе хозяева объ этомъ не думаютъ...

Такимъ образомъ, если по части дѣсоводства весьма полезныя сочиненія вообще оставляются безъ вниманія, то чего же можно ожидать отъ другихъ, въ которыхъ необходимость далеко не столь ощутительна? При всемъ томъ нельзя сказать, чтобы труды нашихъ ученыхъ агрономовъ оставались совершенно бесполезны. Нѣтъ, многочисленностію своихъ руководствъ и своими разсужденіями они возвысили эту отрасль въ общественномъ мнѣніи, и если они мало еще нашли послѣдователей, то достигли уже того, что во многихъ пробудили стремленіе къ чтенію сельско-хозяйственныхъ сочиненій, а это неминуемо поведетъ за собою, если не усовершенствованіе нашего хозяйства, то по крайней мѣрѣ большее вниманіе къ нему — первый шагъ прогресса. Поэтому можно надѣяться, что сочиненія многихъ достойныхъ нашихъ ученыхъ агрономовъ не подвергнутся той же участи, какой подвергся переводъ сочиненія Тэера, сгнившій въ числѣ нѣсколькихъ сотъ экземпляровъ.

II.

До сихъ поръ, возражая на мнѣніе большей части нашихъ сельскихъ хозяевъ о теоретическихъ пособіяхъ, мы имѣли въ виду, что вообще наука не можетъ причинить вреда, а напротивъ, приносить пользу, если знать, какъ съ нею обращаться. Разсмотримъ теперь, почему наука необходима и для русскаго хозяйства. Это мы увидимъ, если бросимъ бѣглый взглядъ на состояніе отдельныхъ отраслей сельскаго хозяйства въ Россіи.

Начнемъ съ земледѣлія. На основаніи статистическихъ свѣдѣній, г. Тенгоборскій и г. Шторхъ дѣлятъ наши губерніи на разряды: первый, принимая въ соображеніе плодородіе почвъ, второй по количеству производимаго ими хлѣба. Г. Тенгоборскій дѣлитъ почву Россіи на пять разрядовъ.

Къ первому относится почва вообще очень плодородная; сюда принадлежатъ губерніи:

Подольская,
Полтавская,
Харьковская,

Саратовская,
Пензенская,
Воронежская,

Бессарабская Об- ласть, Тамбовская,	Курская, Симбирская, Казанская;

ко второму разряду относится почва большею частію плодородная; сюда принадлежать губерніи:

Кіевская, Волынская, Черниговская, Екатеринославская, Таврическая,	Херсонская, Ставропольская, Земля Войска Дон- скаго, Тульская,	Рязанская, Орловская, Вятская, Оренбургская;

къ третьему разряду относится почва, частію довольно плодородная; сюда принадлежать губерніи:

Могилевская, Минская, Гродненская,	Ковенская, Пермская, Нижегородская;

къ четвертому разряду относится почва посредственная; сюда принадлежать губерніи:

Смоленская, Витебская, Эстляндская, Лифляндская,	Курляндская, Виленская, Ярославская, Костромская,	Владимірская, Калужская, Московская;

къ пятому разряду относится почва тощая; сюда принадлежать губерніи:

Архангельская, Вологодская, Олонецкая, Петербургская,	Новгородская, Тверская, Псковская, Астраханская.

Г. Шторхъ дѣлитъ Россію на три разряда.

Къ первому принадлежать губерніи, производящія количество хлѣба, которое превышаетъ ихъ внутреннее потребление; таковы:

Харьковская, Херсонская, Земля Войска Дон- скаго, Екатеринославская, Казанская, Кіевская, Ковенская, Курская,	Лифляндская, Нижегородская, Орловская, Оренбургская, Пензенская, Пермская, Подольская, Полтавская, Рязанская,	Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Таврическая, Черниговская, Тульская, Вятская, Волынская, Воронежская;

во второму, губерніи, производящія количество хлѣба, достаточное для ихъ внутренняго потребленія, таковы:

Бессарабская Об- ласть,	Курляндская, Смоленская (1),
Эстляндская,	Ставропольская,
Гродненская,	Вологодская;

къ третьему, губерніи, не производящія достаточнаго количества хлѣба для внутренняго своего потребленія, таковы:

Архангельская,	Тверская,	Новгородская,
Астраханская,	Виленская,	Олонецкая,
Ярославская,	Петербургская,	Псковская,
Калужская,	Могилевская,	Витебская,
Костромская,	Московская,	Владимірская (2).
Минская,		

Изъ этого обзора мы видимъ, что почти третья часть нашихъ губерній не имѣетъ уже достаточныхъ собственныхъ средствъ, а нуждается въ постороннемъ пособіи; или, что болѣе четвертой доли народонаселенія (3) частію уже поддерживаетъ свое существованіе произведеніями губерній, избыливающихъ хлѣбомъ. Но если мы къ этому прибавимъ, что съ тѣхъ поръ, какъ были собраны эти статистическія свѣдѣнія прошло уже нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ народонаселеніе прибавилось довольно значительно (4), а почва утратила часть своего плодородія, то мы придемъ къ тому заключенію, что уже въ настоящее время во многихъ мѣстностяхъ нужно прибѣгнуть къ искусственному содѣйствию почвѣ, для возбужденія ея производительности. Иначе мы не будемъ имѣть возможности извлечь изъ нашей земли тѣ богатства, которыя въ ней заключаются.

(1) На основаніи статистическихъ свѣдѣній, собранныхъ г. Соловьевымъ о Смоленской губерніи, ее скорѣе слѣдуетъ причислить къ 3-му разряду.

(2) См. Etudes sur les forces productives de la Russie par Tegoborski. Т. I, р. 45. Хотя эти дѣленія основаны на различныхъ началахъ, но мы видимъ, что они приходятъ почти къ одному результату.

(3) Это вычисленіе основано на показаніяхъ г. Кеппена. По его исчисленію въ первыхъ двадцати шести губерніяхъ жителей 35,235,500; во вторыхъ семи—5,082,000, въ третьихъ шестнадцати 14,094,600.

(4) Свѣдѣнія г. Кеппена собраны въ 1845 году; приращеніе разсчитывается въ годъ одинъ процентъ.

«Придетъ время, говоритъ баронъ Гакстгаузенъ, когда большая часть просвѣщенной Европы, вслѣдствіе приращенія народонаселенія, не будетъ въ состояніи продовольствовать своихъ жителей безъ помощи ввозимаго извнѣ хлѣба. Тогда она найдетъ въ запасѣ двѣ изобильныя житницы, которыя окажутъ ей пособіе: Соединенныя Штаты и черноземная полоса средней и южной Россіи. Въ этой послѣдней находится пространство, со включеніемъ не обработанныхъ еще степей, отъ двадцати до двадцати пяти тысячъ квадратныхъ миль плодороднѣйшей въ мірѣ почвы» (1). Но Европа еще не пришла въ такое положеніе, а между тѣмъ многія губерніи, принадлежащія къ этой полосѣ, далеко уже не производятъ прежнихъ урожаевъ, какъ напримѣръ Тульская, Орловская, Черниговская, Тамбовская, Рязанская и Кіевская. Главная причина такого явленія заключается въ истощеніи почвы, которое происходитъ отъ неумѣнна сберечь ея плодородіе при постоянно возрастающемъ народонаселеніи. Поэтому въ поименованныхъ губерніяхъ прибѣгаютъ уже къ удобренію тамъ, гдѣ позволяютъ средства, и находящіяся въ нихъ стѣнныя пространства болѣе и болѣе уступаютъ нахатнымъ полямъ.

Итакъ мы видимъ, что наша почва вовсе не неисчерпаемый источникъ плодородія, какъ думаютъ, кажется, многіе наши помещики, а напротивъ годъ отъ году видимо истощается въ своихъ силахъ и вызываетъ на содѣйствіе.

Взглянемъ теперь на другія отрасли хозяйства.

Скотоводство составляетъ конечно существенную опору земледѣлю, безъ которой послѣднее не только не подвигается впередъ, но не можетъ и существовать. «Сельское хозяйство есть фабрика,» говоритъ г. Муравьевъ въ своемъ предисловіи къ 3-й части

---

(1) Эта черноземная полоса занимаетъ большую часть Оренбургской губерніи, часть Казанской, губерніи: Симбирскую и Пензенскую, часть Саратовской, Тамбовскую, Землю Войска Донскаго, большую часть Екатеринославской, Полтавскую, Харьковскую, Воронежскую, часть Тульской, Рязанской, значительную часть Орловской, часть Черниговской, Кіевской, сѣверныя части Херсонской, Бессарабской области, Подольской и часть Волынской.

Вычисленіе г. Гакстгаузена кажется нѣсколько преувеличено; по вычисленіямъ хозяйственнаго департамента министерства государственныхъ имуществъ, эта полоса занимаетъ 47,259 квадратныхъ миль.

перевода Тэера. Дѣйствительно, земля есть зданіе, скотъ — машина. Въ удовлетворительномъ ли состояніи находится наше скотоводство?

Въ большей части Россіи всѣ работы производятся на лошадяхъ, онѣ составляютъ силу нашего производства. Соответствуютъ ли онѣ своему назначенію? Кажется, отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Наша крестьянская лошадь малоросла, слаба, такъ что, при настоящей обработкѣ земли, она едва удовлетворяетъ своему назначенію, а при болѣе совершенномъ земледѣліи, требующемъ лучшей обработки, болѣе глубокой пашни, слѣдовательно болѣе силы, она далеко не будетъ отвѣчать нашимъ требованіямъ. Необходимо поэтому придумать средства къ ея улучшенію, къ разведенію лошадей, болѣе соответственныхъ своему назначенію. Съ другой стороны, вслѣдствіе истощенія почвы, намъ нужно удобреніе, а это заставляетъ обратить вниманіе на рогатый скотъ. Въ какомъ состояніи находится онъ въ настоящее время? За исключеніемъ черкасской и украинской породъ, существующихъ въ южныхъ губерніяхъ, и холмогорской въ весьма немногихъ сѣверныхъ, гдѣ она впрочемъ утратила уже болѣею частью свой первоначальный типъ, можно сказать, что тамъ рогатый скотъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Онъ едва удовлетворяетъ домашнимъ потребностямъ и уже никакъ не можетъ составить особую отрасль промышленности. Его необходимо обновить или улучшить; но какимъ образомъ совершить обновленіе или улучшеніе, къ какимъ результатамъ должно при этомъ стремиться и какъ достигнуть желаемой цѣли, — для всего этого нужно отыскать средства, а нынѣшняя практика ихъ не даетъ.

Въ какомъ положеніи находится, даже, наше овцеводство? Нечего говорить о нашей русской овцѣ; хотя она даетъ шерсть очень грубую, не достаточно длинную, и малоросла, но она еще въ удовлетворительномъ состояніи, и составляетъ для крестьянъ важную отрасль хозяйства, доставляя имъ и пищу и одѣяніе. Нельзя впрочемъ не сказать, что и здѣсь возможно усовершенствованіе, тѣмъ болѣе, что климатъ нашъ допускаетъ нѣкоторое улучшеніе, которое можетъ принести значительную пользу. Что такое улучшеніе возможно, тому могутъ служить доказательствомъ романовскія и бокинскія овцы, изъ которыхъ первыя отличаются значительнымъ размноженіемъ, вторыя же ростомъ и ббльшимъ

количествомъ шерсти противъ обыкновенной овцы. Что же касается до мериносовъ, то на нихъ должно обратить особенное вниманіе, какъ на отрасль весьма важную не только сельскаго хозяйства, но и промышленности вообще. Разведеніе мериносовъ начало у насъ распространяться въ тридцатыхъ годахъ, и съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе вводится въ общее хозяйство. Но значительнѣйшая часть нашихъ стадъ утратила свое главное достоинство — тонкость и мягкость руна. Это происходитъ прежде всего отъ стремленія увеличивать количество головъ, не заботясь о бракѣ овецъ, имѣющихъ уже болѣе грубую шерсть; частію же, по мнѣнію нѣкоторыхъ, отъ сухости нашего климата; наконецъ отъ дурнаго содержанія овецъ. Къ этому надобно прибавить, что цѣнность на шерсть значительно понизилась: прежде голова давала среднимъ числомъ три рубля пятьдесятъ копѣекъ, въ настоящее же время она даетъ рубль и даже менѣе. Причины такого пониженія цѣны заключаются въ значительномъ распространеніи мериносовъ въ самой Россіи, въ умноженіи стадъ въ Австраліи, которая доставляетъ ихъ на европейскіе рынки, и наконецъ въ усовершенствованіи шерстяныхъ фабрикъ, вслѣдствіе вновь изобрѣтеннаго способа замѣнять для различныхъ издѣлій не самаго высокаго сорта тонкорунную шерсть шерстью низшаго достоинства. Если мы къ этому прибавимъ значительную убыль въ мериносовыхъ стадахъ сравнительно съ убылью нашихъ туземныхъ овецъ, то придемъ къ тому заключенію, что нужно вникнуть въ эти обстоятельства, разсмотрѣть, не выгоднѣе ли будетъ разводить овецъ болѣе соотвѣтственныхъ нашему климату, нашимъ средствамъ и настоящимъ требованіямъ промышленности.

Съ скотоводствомъ въ тѣсной связи находится луговодство. Во многихъ уже губерніяхъ, даже тамъ, гдѣ пашни еще очень довольно, ощущается недостатокъ въ пастбищахъ. Притомъ, улучшенный скотъ требуетъ лучшаго корма; его нельзя будетъ кормить цѣлую зиму одною соломой, а надобно будетъ прибѣгнуть къ сѣну. Гдѣ же мы возьмемъ его? Луга, едва удовлетворяющіе нашимъ потребностямъ въ настоящее время, тогда будутъ далеко недостаточны; слѣдовательно нужно содѣйствовать искусственнымъ образомъ болѣе обильному урожаю сѣна.

Наконецъ, что касается до лѣсоводства, то мы уже отчасти о немъ говорили; да и кто не знаетъ, что оно требуетъ пособія?

Итакъ земледѣліе, скотоводство, луговое хозяйство и лѣсоводство приходятъ и отчасти уже пришли въ такое положеніе, что необходимо прибѣгнуть къ искусственному пособию. Хозяйство, доселѣ веденное, оказывается неудовлетворительнымъ. Кто же въ такомъ случаѣ можетъ оказать намъ помощь, какъ не наука? Только при ея содѣйствіи можемъ мы! подвинуть впередъ наше хозяйство; но конечно при этомъ необходима разумная практика. Наука укажетъ намъ на состояніе почвы, на ея недостатки, на средства имѣть пособіе; практика сообразитъ эти данныя съ мѣстными условіями, съ мѣстными средствами, и выберетъ изъ нихъ наиболѣе исполнимыя. Наука укажетъ намъ на необходимыя условія совершенствованія животныхъ, соотвѣтственно различнымъ цѣлямъ, и на средства для достиженія желаемыхъ результатовъ; практика сообразитъ мѣстныя требованія, и на основаніи данныхъ средствъ будетъ стремиться къ предположенной цѣли. Наука укажетъ намъ на способы узнать силу плодородія луговъ и на средства усилить производительность частей бесплодныхъ; практика сообразитъ возможность приложенія этихъ способовъ. Наука, наконецъ, объяснитъ намъ климатическое значеніе лѣсовъ, условія, потребныя для успѣшнаго возрастанія каждой породы деревъ, и средства пользоваться ими постоянно, превративъ ихъ въ живой капиталъ; практика, сообразно съ своими средствами и съ мѣстными выгодами, приступитъ къ приложенію теоретическихъ указаній, сознавъ всю важность этой отрасли хозяйства.

Вотъ великая польза науки, и пособіе, которое она можетъ оказать каждому сельскому хозяину! Пора намъ прійти къ этому сознанію, и избавиться отъ закоренѣлаго предразсудка, что сельское хозяйство можетъ идти только путемъ собственнаго опыта. Можетъ-быть, мы этимъ послѣднимъ способомъ дойдемъ наконецъ до усовершенствованія; но мы достигнемъ вѣками того, что при помощи науки можетъ быть исполнено въ нѣсколько десятковъ лѣтъ.

• Мореходецъ, говорить Тэеръ, съ компасомъ и картою совершаетъ путь по океану, съ ихъ помощію пользуется всякимъ вѣтромъ и теченіемъ, чтобы хотя и медленно и съ большими отклоненіями, достигнуть своей цѣли. Онъ надежно обходитъ подводные камни и мели, и постоянно избираетъ самое выгодное направленіе; и потому всегда счастливо и въ кратчайшее время доходитъ до

пристани, между тѣмъ какъ несвѣдущій пловецъ держится только береговъ и боится потерять ихъ изъ виду, не желая предать свою участь слѣпой судьбѣ. Въ такомъ же отношеніи находится рациональный, или наукою образованный хозяинъ, къ хозяину, наученному навыкомъ или подражаніемъ.» (1)

Какъ чистые практики поступаемъ и мы въ нашемъ хозяйствѣ. Мы держимся берега и ѣздимъ только по дорогѣ, проложенной нашими отцами и дѣдами. Если мы совершили нѣкоторыя отклоненія отъ стараго пути, сократили его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то этимъ мы обязаны или людямъ, которые на разумныхъ данныхъ рѣшились отклониться отъ него, чтобы скорѣе достигнуть цѣли, или людямъ, брошеннымъ судьбою на новое направленіе. Но всякое нововведеніе требовало десятковъ лѣтъ, чтобы слѣлаться болѣе или менѣе общимъ достояніемъ. Такъ еще въ двадцатыхъ годахъ молотильныя машины были въ употребленіи у нѣкоторыхъ помѣщиковъ, вполне постигшихъ ихъ пользу, между тѣмъ онѣ только въ настоящее время начинаютъ входить во всеобщее употребленіе. Сравнивая себя съ другими, мы видимъ, что европейскіе народы не придерживаются берега, а идутъ прямымъ путемъ; но при этомъ мы говоримъ, что они имѣютъ средства, чтобы ѣздить такимъ образомъ по своимъ морямъ, а намъ это невозможно. Моря дѣйствительно различны, но у нихъ для каждаго моря своя карта, компасъ же для всѣхъ морей одинъ и тотъ же. Чтобы и намъ ѣздить прямымъ путемъ, нужно составить карту своего моря,—а можемъ ли мы составить ее безъ помощи компаса?

Въ этомъ отношеніи намъ предстоитъ трудъ болѣе обширный, нежели всякому другому европейскому народу. Россія по своему географическому положенію, по своимъ климатическимъ элементамъ, представляетъ такое разнообразіе и такое значительное отличіе отъ прочихъ европейскихъ государствъ, что ей придется выводить практическія правила для каждой отдѣльной полосы. Чѣмъ болѣе мы при этомъ найдемъ пособія въ наукѣ, тѣмъ скорѣе приблизимся къ цѣли и избавимся отъ тысячей опытовъ, немогущихъ привести насъ ни къ какимъ результатамъ, что такъ часто бываетъ при практикѣ, лишенной научныхъ свѣдѣній.

(1) См. Основанія Рациональнаго Сельскаго Хозяйства Тэера, пер. г. Маслова, ч. I, стр. 3.

Но да не подумаетъ читатель, что съ усвоеніемъ науки сельскаго хозяйства, нынѣшнее русское хозяйство тотчасъ измѣнится и сравняется въ самомъ непродолжительномъ времени съ хозяйствомъ европейскимъ. Мы далеки отъ такого мнѣнія; мы только полагаемъ, что наше хозяйство пришло въ такое положеніе, что нужно завѣяться имъ рационально, въ чемъ наука окажетъ значительную помощь. Но и съ помощью науки мы не скоро достигнемъ замѣтнаго прогресса; для ея приложенія къ дѣлу необходимы весьма значительныя практическія свѣдѣнія, а ихъ можно пріобрѣсти только долголѣтнимъ опытомъ. Даже имѣя данныя, сообразивши выгоды, избравши путь, по которому слѣдуетъ идти, не такъ скоро можно достигнуть предполагаемой цѣли. Прежде, нежели мы приступимъ къ усиленію плодородія нашихъ почвъ, мы должны въ точности изслѣдовать настоящую степень ихъ плодородія. Въ этомъ отношеніи мы должны брать во вниманіе какъ климатическія условія, такъ и всѣ климатическія явленія, столь разнообразныя и столь неправильныя у насъ, въ Россіи. При такомъ изслѣдованіи мы конечно увидимъ, что во многихъ мѣстахъ нѣтъ еще необходимости усиливать плодородіе почвъ, но достаточно сумѣть сберечь его. Затѣмъ намъ слѣдуетъ вникнуть въ составъ земли, сообразить наши средства, и тогда уже приняться за дѣло. Въ скотоводствѣ, прежде нежели приступимъ къ улучшенію породъ, также предстоитъ не маловажный трудъ. Мы должны сначала вникнуть, въ чемъ именно заключается недостатокъ нашей рабочей лошади, и въ чемъ должно заключаться ея достоинство; изслѣдовать въ точности силу нынѣшней лошади, сравнить содержаніе обѣихъ, и тогда только приступить къ нужному измѣненію. То же самое должно сказать и о рогатомъ скотѣ: какія наши сельскія потребности? какая порода будетъ болѣе соотвѣтствовать этимъ потребностямъ? можетъ ли качество замѣнить количество и въ какой степени? Все это нужно взять во вниманіе и кромѣ того сообразить мѣстныя промышленныя требованія, сравнить ихъ съ сельскими и изслѣдовать, можемъ ли мы достигнуть и той и другой цѣли вмѣстѣ. Въ овцеводствѣ мы должны вникнуть въ требованія промышленныя, рассмотреть, на какое достоинство шерсти встрѣчается болѣе запроса, въ чемъ именно заключается это достоинство, какимъ путемъ идти къ предполагаемой цѣли, и въ какой степени наши средства позволяютъ намъ

достигнуть ее. Въ луговодствѣ необходимо изслѣдовать степень возможности и пользу улучшенія луговъ, вникнуть въ причины, почему однѣ части лучше другихъ, возможно ли ихъ уравнивать, какія на это нужны средства. Въ лѣсоводствѣ наконецъ нужно изслѣдовать, какая порода лѣса выгоднѣе по мѣстнымъ требованіямъ, удобна ли мѣстная почва для произрастанія такой породы, и какихъ средствъ потребууетъ ея разведеніе. Тамъ же, гдѣ есть еще лѣса, нужно научиться узнавать точнымъ образомъ ихъ достоинство и ихъ цѣнность, научиться способу совершать правильныя порубки и приступить къ раздѣленію лѣса на участки не вдругъ, а постепенно и сообразно съ нашими средствами. Замѣтимъ здѣсь, что наши сельскіе хозяева часто увлекаются временно получаемымъ капиталомъ, не дѣлая точнаго расчета послѣдствій. Такъ многіе продаютъ лѣсные участки на срубъ, полученный капиталъ пускаютъ въ оборотъ (а чаще проживаютъ), и превращаютъ лѣсной участокъ въ поля, на томъ основаніи, что лѣсъ приноситъ доходъ одновременно и черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, между тѣмъ какъ поля приносятъ доходъ постоянный. Чтобы не сбиться съ толку подобнымъ заключеніемъ, должно сдѣлать вѣрный расчетъ выгоды правильныхъ порубокъ и сличить ихъ съ нынѣшними расчетами помѣщиковъ. Можно полагать, что при существующемъ состояніи лѣсоводства перевѣсъ будетъ на сторонѣ правильныхъ порубокъ, если не брать во вниманіе соблазна получать разомъ болѣе или менѣе значительный капиталъ, чѣмъ затмеваются всѣ дальнѣйшіе расчеты.

Вотъ трудъ, намъ предстоящій, и трудъ неминуемый; чѣмъ раньше и чѣмъ съ большими познаніями мы къ нему приступимъ, тѣмъ скорѣе достигнемъ цѣли.

III.

Если справедливо то, что сказано до сихъ поръ, если хозяйство наше находится въ состояніи, которое требуетъ уже искусственнаго пособія, если для этого необходимо собрать предварительныя свѣдѣнія и совершить множество предварительныхъ работъ,—то почему же мы не приступаемъ къ этому труду? Почему мы не приготавливаемъ себя къ тому времени, когда хозяйство можетъ

быть ведено только путемъ рациональнымъ? Неужели, чтобы принять за него рационально, нужно довести его прежде до совершеннаго упадка?

Намъ можетъ-быть скажутъ, что успѣхамъ сельскаго хозяйства препятствуетъ не отсутствіе знаній, а отсутствіе необходимыхъ условій для его развитія, именно: 1) недостатокъ мѣстъ сбыта сельскихъ произведеній, что ставитъ насъ въ необходимость продавать ихъ за низкія цѣны; 2) недостаточное развитіе мануфактурной промышленности, имѣющее послѣдствіемъ несообразность числа потребителей съ числомъ производителей, что также имѣетъ вліяніе на низкія цѣны. Разсмотримъ то и другое возраженіе.

Вообще говоря, нельзя кажется сказать, чтобы мы ощущали недостатокъ въ мѣстахъ сбыта для своихъ сельскихъ произведеній, ибо даже въ самые урожайные года мы имѣемъ возможность продать весь родившійся хлѣбъ, такъ что онъ никогда не гніетъ на гумнахъ и въ магазинахъ, а напротивъ большею частію какъ тѣ, такъ и другіе пустѣютъ къ концу зимы. Г. Заблоцкій, на основаніи статистическихъ свѣдѣній, пришелъ къ тому заключенію, что мѣсто сбыта не имѣетъ главнаго вліянія на низкія цѣны: такъ въ Саратовской и Симбирской губерніяхъ, которыя имѣютъ средства для сбыта своихъ произведеній, разность въ цѣнахъ несравненно значительнѣе, нежели въ Костромской, которая не пользуется тѣми же выгодами; такъ точно въ Тульской губерніи, имѣющей болѣе удобствъ для сбыта своихъ произведеній, разность въ цѣнахъ значительнѣе, нежели въ Воронежской и Пензенской, находящихся въ менѣе благопріятномъ положеніи. Слѣдовательно низкія цѣны, не происходятъ единственно отъ недостатка мѣстъ сбыта.

Но что мы называемъ низкими цѣнами? Цѣны сравнительныя съ другими губерніями, или цѣны, не доставляющія намъ желаемого процента съ капитала имѣнія? Если мы беремъ цѣны сравнительныя, то слѣдуетъ взять въ соображеніе, что основаніе всякихъ цѣнъ есть процентъ съ капитала имѣнія: если въ одной губерніи цѣны на хлѣбъ выше, нежели въ другой, то и цѣнность имѣнія иная; такъ что, несмотря на различіе цѣнъ, процентъ съ капитала остается одинъ и тотъ же. Есть впрочемъ здѣсь одно обстоятельство, которое дѣйствительно можетъ служить препят-

ствіемъ быстрымъ успѣхамъ сельскаго хозяйства: всякое усовершенствованіе требуетъ капитала, и если цѣна произведеній не даетъ надлежащихъ съ него процентовъ, то улучшеніе становится невозможнымъ. Но и здѣсь надобно принять въ соображеніе, что при различіи условій должны быть различны и способы улучшеній. Низкія цѣны существуютъ у насъ вообще въ губерніяхъ хлѣбородныхъ и малонаселенныхъ, высокія же цѣны въ мѣнѣ хлѣбородныхъ и населенныхъ. Въ первыхъ дѣятельность, вниманіе и нѣкоторыя знанія могутъ значительно улучшить хозяйство; въ послѣднихъ же, вслѣдствіе болѣе истощенной и мѣнѣ плодородной почвы, нужны и денежные средства: за то, съ другой стороны, въ первыхъ, за недостаткомъ рукъ, многія усовершенствованныя машины, которыя служатъ къ сокращенію работъ, принесутъ значительную выгоду, а въ послѣднихъ нѣтъ недостатка въ рабочихъ, и потому введеніе машинъ не принесетъ такой выгоды, какъ въ первыхъ. Слѣдовательно улучшенія вездѣ возможны, но только улучшенія должны быть сообразны съ мѣстными условіями, съ мѣстными средствами. Вотъ почему можно думать, что сравнительно низкія цѣны нельзя считать препятствіемъ къ улучшеніямъ.

Если же подъ низкими цѣнами разумѣются вообще цѣны, не дающія удовлетворительнаго процента съ капитала имѣнія, то не слѣдовало ли бы каждому хозяину опредѣлять ту цѣну, которая можетъ удовлетворять его требованіямъ, и не иначе продавать сельскія произведенія, какъ по этой тактѣ? Намъ нечего опасаться, что при болѣе возвышенной цѣнѣ у насъ не будутъ покупать хлѣба; въ средней сложности въ продажу поступаетъ всегда опредѣленное количество, необходимое для потребленія (1), и потому, если цѣны и будутъ нѣсколько выше, то требованіе отъ этого не можетъ уменьшиться. Конечно, въ урожайные года, когда хлѣба въ изобиліи, его не будутъ покупать въ такомъ количествѣ, въ какомъ нынѣ покупаютъ его хлѣбные торговцы; но если помѣщики продадутъ меньшее количество, за то они получатъ лучшую цѣну; кромѣ того это будетъ имѣть то благодѣтельное послѣдствіе, что сохранится больше запасовъ, и въ неурожайные годы цѣны не

---

(1) Мы не беремъ во вниманіе чрезвычайнаго требованія для внѣшней торговли: это обстоятельство исключительное.

будуть слишкомъ высоки. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы помѣщики опредѣляли цѣну на свои сельскія произведенія, то не было бы и жалобъ на низкія цѣны, которыя служатъ препятствіемъ для улучшеній; но дѣло въ томъ, что не они опредѣляютъ ее, а хлѣбные торговцы. Это обстоятельство составляетъ существенную причину, отъ которой цѣны дѣйствительно бываютъ слишкомъ низки; происходитъ же оно отъ стѣсненнаго положенія нашихъ помѣщиковъ. Капиталовъ они не имѣютъ, и большая часть ихъ имѣній заложена въ опекуномъ совѣтѣ, почему имъ необходимо ежегодно получать съ имѣнія сумму, равную процентамъ долга, и кромѣ того нужны средства для жизни. По неволѣ должны они продавать произведенія за какую бы то ни было цѣну, а этимъ, конечно, пользуются покупатели. Такъ въ урожайные года торговцы назначаютъ на хлѣбъ цѣны самыя низкія, и покупаютъ его болѣе потребнаго количества, на томъ основаніи, что купленный по дешевой цѣнѣ хлѣбъ дастъ въ послѣдствіи большой барышъ. Вслѣдствіе же низости цѣнъ, помѣщики должны продать значительное количество хлѣба, чтобы получить нужную для нихъ сумму. Мало того: хлѣбные торговцы пользуются стѣсненнымъ положеніемъ помѣщиковъ даже въ такіе года, когда требованіе значительно, а урожай не изобиленъ. Такое заключеніе можно вывести изъ нѣкоторыхъ наблюденій: такъ на двухъ торговыхъ рынкахъ, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, цѣны значительно измѣнились. Требованіе было большое, а между тѣмъ продажнаго хлѣба было мало; купцы, конечно, возвысили цѣну; но едва рынки начинали наполняться, цѣны понижались. Такое повышеніе и пониженіе совершалось непрерывно. Чѣмъ же объяснить это явленіе, какъ не тѣмъ, что купцы берутъ въ соображеніе положеніе продавцевъ, и знаютъ, что они не повезутъ хлѣба назадъ, а отдадутъ его, хотя и не за высокую, но все-таки за весьма для нихъ выгодную цѣну?

Но кромѣ стѣсненнаго положенія помѣщиковъ есть другое обстоятельство, имѣющее вліяніе на цѣны, именно то, что извозъ хлѣба совершается помѣщичьими крестьянами. Въ урожайные года, вслѣдствіе дешевизны кормовъ, извозъ не берется помѣщиками въ расчетъ, такъ что можно вывезти много хлѣба изъ имѣнія; но въ года неурожайные нельзя не брать въ расчетъ извоза, потому что онъ обременителенъ для крестьянъ. Помѣщикъ

береть его уже на свой счетъ, а это необходимо возвышаетъ цѣну на рынкѣ.

Вотъ почему можно, кажется, прийти къ заключенію, что низкія цѣны происходятъ не отъ недостатка мѣстъ сбыта, а во первыхъ отъ стѣсненнаго положенія помѣщиковъ, которое заставляетъ ихъ отдавать свои произведенія за предлагаемыя имъ цѣны, и во вторыхъ отъ того, что извозы совершаются крестьянами и потому не берутся въ разсчетъ. Впрочемъ ни тому, ни другому обстоятельству не слѣдуетъ придавать слишкомъ большаго значенія въ томъ вопросѣ, который мы разсматриваемъ. Если дѣйствительно низкія цѣны препятствуютъ развитію сельскаго хозяйства, то какъ же объяснить себѣ то явленіе, что только въ самые урожайные года помѣщики и крестьяне живутъ въ спокойствіи и довольствѣ, въ неурожайные же какъ тѣ, такъ и другіе терпятъ нужду? Почему помѣщики и крестьяне не разоряются въ урожайные года, когда цѣны низки, а разоряются въ неурожайные, когда цѣны высоки? Если мы къ этому прибавимъ, что въ послѣднее десятилѣтіе не много было урожайныхъ годовъ, то невольно должны усомниться въ препятствіи, которое оказываютъ низкія цѣны прогрессу сельскаго хозяйства (1).

Нельзя однако отвергать, что при большихъ средствахъ для сбыта, при удобныхъ и дешевыхъ сообщеніяхъ, цѣны на хлѣбъ во всѣхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ должны возвыситься; тогда помѣщики стали бы получать большій процентъ съ капитала имѣнія, и потому имѣли бы болѣе средствъ для усовершенствованія хозяйства. При такихъ условіяхъ прогрессъ долженъ быть значительнѣе, нежели какой возможенъ теперь. Тогда всякое полезное усовершенствованіе могло бы вводиться безъ замедленія, и въ скоромъ времени возвращало бы положенный на него капиталъ, между тѣмъ какъ теперь это невозможно. Но отсутствіе желѣзныхъ дорогъ никакъ не можетъ служить препятствіемъ болѣе тщательной обработкѣ полей, болѣе внимательному скотоводству, болѣе экономическому употребленію лѣсовъ, и даже введенію

(1) Въ подтвержденіе сказаннаго можно привести въ примѣръ Смоленскую губернію: цѣны на хлѣбъ тамъ не низки, она имѣетъ большія удобства для сбыта своихъ произведеній, однако же и въ ней хозяйство неидетъ впередъ.

такихъ усовершенствованій, какъ молотильныя машины, вѣялки, сѣялки, которыя приносятъ значительную пользу нашимъ хозяйствамъ и въ скоромъ времени вознаграждаютъ положенный на нихъ капиталъ; а между тѣмъ у насъ и эти улучшенія весьма мало распространяются.

Показавъ, что недостатокъ мѣстъ сбыта и низкія цѣны на сельскія произведенія едва ли составляютъ существенное препятствіе для нѣкотораго усовершенствованія нашего хозяйства, посмотримъ теперь, представляетъ ли ему помѣху недостаточное развитіе мануфактурной промышленности.

Безспорно, состояніе мануфактурной промышленности имѣетъ большое вліяніе на сельское хозяйство. Съ его развитіемъ увеличивается требованіе, слѣдовательно увеличивается и цѣнность на требуемыя произведенія. Но съ своей стороны сельское хозяйство, производя сырыя матеріалы для большей части мануфактуръ, служитъ для нихъ первоначальною основой. Если сельское хозяйство не доставляетъ имъ потребнаго количества матеріаловъ, то могутъ ли онѣ развиваться? Если сельское хозяйство доставляетъ имъ матеріалы дурныя, то могутъ ли онѣ выдѣлывать хорошіе товары? Изъ этого видно, что развитіе мануфактурной промышленности находится въ непосредственной зависимости отъ сельскаго хозяйства, и можно полагать, что въ государствѣ, гдѣ мануфактурная промышленность не находитъ себѣ прочной опоры въ сельскомъ хозяйствѣ, она не можетъ иначе существовать, какъ подъ покровительствомъ тарифа, вслѣдствіе чего цѣнность товаровъ возвышается, а требованіе на нихъ уменьшается.

Вотъ что мы у себя и видимъ. Наше сельское хозяйство вовсе не заботится о томъ, чтобы доставлять фабрикамъ нужные для нихъ матеріалы, и притомъ того именно качества, какое для нихъ потребно. Мы напримѣръ уничтожаемъ лѣса и не заботимся о ихъ сохраненіи, между тѣмъ какъ безъ горючаго матеріала фабрики не могутъ существовать; мы стремимся къ размноженію мериносовыхъ стадъ, нисколько не думая объ устраненіи нѣкоторыхъ недостатковъ нашей мериносовой шерсти, которые препятствуютъ выдѣлкѣ изъ нея хорошихъ издѣлій; мы воздѣлываемъ ленъ, но мочимъ и мнемъ его способомъ весьма неудовлетворительнымъ для льняныхъ фабрикъ. Наконецъ, наше сельское хозяйство въ нѣкоторомъ отношеніи является даже препятствіемъ мануфактур-

ному развитію, отнимая у него работниковъ и не давая фабрикамъ возможности имѣть хорошихъ работниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ промышленность развивается въ губерніяхъ многолюдныхъ и малоземельныхъ, гдѣ работники занимаютъ часть года земледѣліемъ, остальное же время, за неимѣніемъ хозяйственныхъ занятій, прибѣгаютъ къ фабричному производству. Вслѣдствіе этого, съ одной стороны фабрики работаютъ во всей силѣ только часть года; въ лѣтніе же мѣсяцы, когда работники уходятъ на свои поля, фабричные капиталы, основной и оборотный, остаются въ бездѣйствіи, что конечно должно возвысить цѣнность производства. Съ другой стороны работники, отрываясь отъ своего ремесла, не могутъ въ немъ совершенствоваться. Къ этому надобно прибавить, что большая часть изъ нихъ живетъ на оброкѣ, и притомъ на оброкѣ пропорціональномъ ихъ искусству, что еще болѣе возвышаетъ ихъ заработную плату, а вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣнность производства. Если такимъ образомъ мануфактурная промышленность ощущаетъ недостатокъ въ работникахъ и мастерахъ даже въ многолюдныхъ губерніяхъ, то какая же ей возможность развиваться въ многоземельныхъ губерніяхъ, гдѣ сельское хозяйство само ощущаетъ недостатокъ въ работникахъ? Еслибы мы обратили вниманіе на это обстоятельство и стали бы стараться объ уменьшеніи числа работниковъ, употребляемыхъ въ нашемъ хозяйствѣ, то, конечно, мы черезъ это способствовали бы развитію промышленности и возникновенію новыхъ фабрикъ. Достигнуть же такой цѣли не такъ трудно; при болѣе разумномъ распредѣленіи рукъ, у насъ весьма часто напрасно употребляемыхъ, при введеніи въ хозяйство многихъ машинъ, которыя могутъ замѣнить значительное количество работниковъ, при сокращеніи числа работниковъ на помѣщичьихъ заводахъ и фабрикахъ, чего легко достигнуть, замѣняя количество качествомъ, мы освободили бы множество рукъ, которыя у насъ теперь заняты.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому заключенію, что не мануфактурная промышленность препятствуетъ успѣхамъ сельскаго хозяйства, а напротивъ, сельское хозяйство препятствуетъ развитію мануфактурной промышленности. Дѣйствительно, наша промышленность поддерживается только тарифомъ, между тѣмъ какъ при разумной разработкѣ всѣхъ источниковъ богатства, находящихся въ нѣдрахъ русской земли, мы не только могли бы

значительно развить промышленность, но могли бы развить благоденствіе и на все земледѣльческое сословіе. Къ несчастію, мы этого не дѣлаемъ, а только находимъ препятствія тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, и говоримъ, что не имѣемъ на это средствъ.

IV.

Въ чемъ же должна состоять разумная разработка источниковъ богатства? Какія для этого средства? Нельзя не сказать, что при настоящемъ положеніи дѣла, успѣхи сельскаго хозяйства чрезвычайно затруднительны, но отъ насъ самихъ зависитъ устранить эти препятствія; съ нѣкоторымъ трудомъ и съ желаніемъ улучшить свой бытъ можно достигнуть весьма благодѣтельныхъ результатовъ. Нужно прежде всего убѣдиться, что сельское хозяйство не можетъ подвигаться впередъ въковой рутинной, что для этого нужны средства, составляющія необходимыя условія успѣха. Эти средства:

- 1) Раціональное хозяйство.
- 2) Наличный капиталъ.
- 3) Наемная работа.

Подъ именемъ раціональнаго хозяйства мы разумѣемъ не только хозяйство, которое ведется путемъ науки, а то, которое ведется съ полнымъ разумѣніемъ, съ полнымъ знаніемъ всякаго хозяйственнаго дѣла, съ постояннымъ вниманіемъ не только къ главнымъ предметамъ, но и ко всѣмъ мелочамъ, съ постояннымъ стремленіемъ къ исправленію недостатковъ, съ примѣненіемъ полезныхъ открытій и усовершенствованій, и наконецъ съ полною и подробною отчетностью по всѣмъ многочисленнымъ и разнообразнымъ отраслямъ нашего хозяйства. Таково ли въ дѣйствительности наше хозяйство?

Не станемъ говорить о нашихъ мелкопомѣстныхъ владѣльцахъ, а рассмотримъ только хозяйство болѣе зажиточныхъ помѣщиковъ. Хотя число послѣднихъ несравненно менѣе числа первыхъ, но количество ихъ владѣній гораздо значительнѣе, при томъ же они одни имѣютъ въ рукахъ деньги, безъ которыхъ невозможны усовершенствованія; наконецъ, они сравнительно гораздо образо-

ванѣе первыхъ. Поэтому ихъ можно считать главными двигателями сельскаго хозяйства.

Нельзя не сознаться, что большею частію значительные наши владѣльцы имѣютъ въ хозяйствѣ познанія самыя ограниченныя. Въ земледѣліи они понимаютъ менѣе всякаго крестьянина, въ чемъ и сами признаются. Крестьянинъ постоянно находится въ полѣ, крестьянинъ самъ обрабатываетъ малѣйшій клочекъ земли, крестьянинъ видитъ каждый урожай на каждомъ участкѣ; наконецъ, кромѣ собственнаго опыта, онъ руководствуется опытомъ отца, дѣда; вотъ почему онъ знаетъ, какой хлѣбъ лучше родится на какой почвѣ, какъ должно обрабатывать землю для каждаго рода зерна. Этихъ познаній не имѣеть и не можетъ имѣть нашъ помѣщикъ; они требуютъ многолѣтняго опыта, строгаго и постояннаго наблюденія за всякою производящеюся работою, за всякимъ явленіемъ. Трудъ тяжелый, котораго помѣщикъ не беретъ на себя, и потому свѣдѣнія его большею частью ограничиваются знаніемъ количества десятинъ, находящихся въ его имѣніи, а многіе изъ нихъ не знаютъ даже границъ своихъ владѣній. Такія же обязанности налагаетъ на хозяина скотоводство; но такъ какъ оно не состоитъ въ вѣдѣніи крестьянъ и требуетъ, кромѣ опыта, большаго знанія и нѣкоторыхъ средствъ, то оно и находится у насъ большею частью въ самомъ дурномъ состояніи. Идетъ же оно довольно успѣшно или тамъ, гдѣ имъ завѣдываетъ управляющій, который знаетъ въ этомъ толкъ, или же у тѣхъ помѣщиковъ, которые, будучи охотники до какого-нибудь вида скотоводства, заботятся о немъ для собственнаго удовольствія; но въ последнемъ случаѣ истинныя выгоды не берутся во вниманіе. Лѣсоводство, далѣе, требуетъ совершенно спеціальнаго знанія. Кромѣ опыта, для него необходимо нѣкоторое ученіе, которымъ помѣщики пренебрегаютъ; управляющіе же не въ состояніи его пріобрѣсти, почему эта отрасль и находится у насъ въ совершенномъ упадкѣ. Далѣе, управленіе крестьянами и многочисленною нашею дворнею, статья чрезвычайно важная въ нашемъ хозяйствѣ, поручается обыкновенно управляющимъ, какъ часть слишкомъ трудная и слишкомъ обременительная для самого владѣльца. Здѣсь нужно слѣдить за дѣйствіями и поведеніемъ каждаго, вникать, на какое ремесло каждый изъ дворовыхъ способенъ, а не назначать ему ремесло по мѣрѣ надобности, какъ

это у насъ большею частью дѣлается; нужно наконецъ быть судьей въ ихъ расправахъ и раздорахъ. Все это управляющему исполнить легче, нежели помѣщику: онъ, живя съ ними, имѣетъ болѣе средствъ собирать нужныя свѣдѣнія и слѣдить за каждымъ человѣкомъ. Далѣе, заводы и фабрики строятся въ нашихъ имѣніяхъ не на основаніи собственныхъ знаній помѣщика, а большею частью по наслышкѣ, на основаніи выгодъ, которыя получаютъ другими, вслѣдствіе чего эти заведенія отдаются на руки наемнымъ людямъ, знаніемъ которыхъ и ведется промышленная отрасль; самъ же помѣщикъ обыкновенно не въ состояніи даже повѣрять дѣйствіи управляющаго. А отъ этого происходитъ, что такія заведенія либо идутъ неуспѣшно, либо не приносятъ всей должной выгоды, потому что фабрикантъ, получая постоянное жалованье, нисколько не заботится объ экономическомъ употребленіи матеріаловъ, которые принадлежатъ помѣщику. Наконецъ, что касается до отчетности, части по видимому самой важной, опредѣляющей истинный доходъ имѣнія вообще и каждой отрасли отдѣльно, то она-то именно у насъ и не существуетъ, хотя не требуетъ ни особенныхъ издержекъ, ни особенныхъ познаній, а требуетъ только вѣрнаго соображенія и аккуратности. Вѣроятно, немногіе сельскіе хозяева будутъ въ состояніи отвѣчать на нѣкоторые вопросы, весьма кажется естественные. Что напримѣръ имъ стоить содержаніе дворовыхъ людей? что стоить имъ содержаніе всякаго вида скотоводства, принадлежащаго къ домашнему хозяйству? Что имъ стоить содержаніе овецъ, коннаго завода? Конечно, въ этихъ расчетахъ не должно принимать въ соображеніе одно только матеріальное содержаніе, но слѣдуетъ разсчитывать и стоимость зданій, ихъ ремонтъ, отопленіе, освѣщеніе, прислугу, однимъ словомъ, всѣ возможныя издержки, относящіяся до этихъ частей. Такая отчетность необходима; приводитъ въ ясность всѣ малѣйшія издержки, она открываетъ намъ истинный доходъ и даетъ возможность сообразить выгоду или невыгоду каждой хозяйственной отрасли. Спросите также у помѣщика, имѣющаго фабрику или заводъ, какой онъ получаетъ съ нихъ доходъ? Онъ обыкновенно дастъ вамъ отвѣтъ, который безъ сомнѣнія поразитъ человѣка, знающаго вполнѣ расходы и выгоды этихъ отраслей. Дѣло въ томъ, что они разсчитываютъ доходъ по получаемой ими наличной суммѣ, и не берутъ въ раз-

счетъ ни работы крѣпостныхъ людей, ни цѣнности всѣхъ тѣхъ матеріаловъ, которые берутся изъ имѣнія. Однимъ словомъ, въ нашемъ хозяйствѣ отчетность только денежная; расходомъ считается только то, на что изъ конторы употребляются наличныя деньги. Основаніе совершенно ложное.

« Для сельскаго хозяйства, говоритъ Тэеръ, требуется большой надзоръ и дѣятельность безъ суетливости, скорость безъ поспѣшности, общій взглядъ на цѣлое и необыкновенное вниманіе къ подробностямъ, правильное оцѣненіе того, что нужнѣе и полезнѣе исполнить въ это время, а не въ другое, постоянство въ предпріятіи, не оставляя безъ вниманія необходимаго, благо-разумное расчисленіе силъ и времени и наконецъ умѣніе распорядиться ими какъ можно выгоднѣе.» (1)

Истина этихъ словъ неоспорима, но они налагаютъ на хозяина трудъ тяжелый, вовсе не соответствующій образу жизни нашихъ помѣщиковъ. Большая часть ихъ не живетъ въ своихъ деревняхъ, или пріѣзжаетъ туда только на лѣто, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, насладиться природой, отдохнуть отъ городской жизни и пожить нѣкоторое время спокойно, безъ всякаго стѣсненія. Вслѣдствіе такого взгляда на деревенскую жизнь, многіе помѣщики предпочли не брать на себя тяжелой обузы управленія и вручить ее управляющимъ. На ихъ знаніи дѣла, на ихъ показаніяхъ основываются владѣльцы: они получаютъ отъ нихъ донесенія о количествѣ посѣва, о количествѣ урожая, наконецъ ежегодные доходы съ имѣнія, чѣмъ и ограничивается ихъ отношеніе къ хозяйству. Но кто не знаетъ, до какой степени тотъ разрядъ людей, которому поручается столь сложное хозяйство, какъ наше, мало удовлетворяетъ истинному своему назначенію? Одни изъ нихъ имѣютъ познанія только въ земледѣліи, другіе въ скотоводствѣ, немногіе въ управленіи, и никто изъ нихъ наконецъ не имѣетъ понятія объ отчетности. Эта односторонность ихъ знанія частью условливается ихъ происхожденіемъ, ибо они обыкновенно берутся изъ дворовыхъ людей или крестьянъ, частью же отъ односторонней практики. Конечно, никто изъ нихъ не можетъ имѣть достаточно практическихъ свѣдѣній по всѣмъ разно-

(1) См. Основанія рациональнаго хозяйства Тэера, пер. г. Маслова, ч. I. стр. 44.

образнымъ отраслямъ хозяйства; этотъ недостатокъ можетъ быть восполненъ либо теоретическими познаніями, либо привычкою дѣлать дальнѣйшія заключенія изъ приобретенныхъ опытовъ; но для того и для другаго они недостаточно развиты. Помѣщики же цѣнятъ ихъ достоинства не по внутреннимъ распоряженіямъ, о которыхъ тотъ не можетъ судить, кто самъ не вникаетъ въ хозяйство, а по доставляемымъ доходамъ, вслѣдствіе чего и случается, что помѣщикъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ получалъ хорошій доходъ, между тѣмъ какъ крестьяне его совершенно разорились. А это значитъ, въ зданіи разрушился фундаментъ, что поправить не такъ легко. Гдѣ же тутъ разумное хозяйство?

Надобно впрочемъ сказать въ оправданіе нашихъ помѣщиковъ, что отсутствіе рациональнаго хозяйства происходитъ не отъ одного ихъ нерадѣнія или недостатка дѣятельности; здѣсь кроются причины болѣе глубокія, имѣющія основаніе историческое.

Наши помѣщики составляютъ высшее сословіе, издавна считающее своею первою обязанностью нести государственную службу. Въ прежнее время эта обязанность была даже принудительною: всю жизнь свою дворянинъ долженъ былъ служить государству въ войнѣ и мирѣ; гдѣ же тутъ было думать о хозяйствѣ? Со временъ Петра III и Екатерины II, дворянамъ предоставлена полная свобода вступать на службу или выходить въ отставку; но въ самыхъ жалованныхъ грамотахъ было сказано, что, несмотря на эти льготы, правительство надѣется, что дворяне будутъ по прежнему показывать свое усердіе къ службѣ. Дѣйствительно, до настоящаго времени на службу смотрятъ, какъ на единственное поприще, на которомъ можно принести пользу отечеству; притомъ же всякій человѣкъ, имѣющій нѣкоторое честолюбіе, видитъ въ ней средство достигнуть почестей и наградъ; а кто у насъ не имѣетъ честолюбія? Вслѣдствіе такого возрѣнія, служба, конечно, составляетъ главную цѣль дворянина; обязанности же его, какъ помѣщика, представляются дѣломъ второстепеннымъ, къ которому прибѣгаютъ только въ крайности. Мы дѣйствительно видимъ, что имѣніями большею частію завѣдываютъ или управляющіе, или помѣщики, лишеныя средствъ подвизаться на иномъ поприщѣ, или наконецъ люди недѣятельные, любящіе праздность, предпочитающіе жизнь спокойную, не стѣсненную

никакими обязанностями, и потому вовсе не склонные къ службѣ, и еще менѣе къ сельскимъ занятіямъ, которыя требуютъ едва ли не большей дѣятельности. Самые нравы сложились по этому историческому типу. Русскій помѣщикъ, будучи членомъ высшаго въ государствѣ сословія, привыкъ видѣть въ себѣ болѣе барина, нежели хозяина. Подъ его властью находится множество крѣпостныхъ людей, которые прежде помогали ему нести службу, а теперь доставляютъ ему средства для жизни; онъ не привыкъ стѣсняться въ своемъ быту, въ своихъ привычкахъ; жить раздольно составляетъ для него первую потребность; разсчетливость нерѣдко вается даже чѣмъ-то унижительнымъ, равно какъ и заботливость о хозяйственныхъ мелочахъ. Эти качества, столь необходимыя для успѣшнаго веденія дѣла, вслѣдствіе историческихъ причинъ не могли въ насъ укорениться, и не составляютъ наследственнаго преданія помѣщичьихъ семействъ. Если помѣщикъ занимается усердно какою-нибудь отраслью, то это большею частью конекъ, которому онъ предается со всею страстью, и для котораго нерѣдко жертвуетъ и собственною выгодною. Вотъ почему наши помѣщики не могутъ въ собственномъ смыслѣ назваться сельскими хозяевами, и потому у насъ такъ мало истинныхъ хозяевъ, которые съ рвеніемъ предаются своему дѣлу, вполне сознавая, что и на этомъ воприцѣ можно принести не менѣе пользы, нежели на всякомъ другомъ. Что же касается до сословія фермеровъ, то оно не могло у насъ возникнуть вслѣдствіе того, что помѣщичье хозяйство основано у насъ не на отдачѣ земли въ наемъ, а на трудѣ крѣпостныхъ людей, которыхъ нельзя отдать въ руки постороннему промышленнику.

Нельзя не прибавить ко всему этому, что самыя условія жизни содержатъ въ себѣ мало побужденія къ хозяйственнымъ занятіямъ. Раціональное хозяйство налагаетъ обязанности, которыя не всякій въ состояніи выполнить. Такъ первое условіе успѣшной дѣятельности есть постоянный надзоръ хозяина: весной, лѣтомъ и осенью, полевая работа и заготовленіе произведеній для продажи требуютъ необходимо его присутствія; зимой же совершается самая продажа и заготовленіе всякихъ матеріаловъ, какъ для построекъ, такъ и для различныхъ издѣлій, необходимыхъ для имѣнія; слѣдовательно, ему нужно жить неотлучно въ деревнѣ. Какъ же поступать въ такомъ случаѣ большей части нашихъ

богатыхъ владѣльцевъ, которыхъ имѣнія разбросаны не только по цѣлой губерніи, но весьма часто даже по разнымъ губерніямъ? Но здѣсь еще есть возможность хоть отчасти помочь злу: завѣдши порядкомъ въ одномъ имѣніи, можно приступить къ другому; притомъ же, имѣя значительное состояніе, достаточно слѣдить строго только за хозяйствомъ главныхъ имѣній, а надъ прочими сохранять общій надзоръ. Но есть другое препятствіе, несравненно значительнѣйшее, которое отстранить невозможно. Каждый помѣщикъ, сообразно съ своими средствами, получилъ нѣкоторую степень образованія, а съ тѣмъ вмѣстѣ привычки ко многимъ удобствамъ жизни, и нѣкоторыя необходимыя потребности. Такъ первое слѣдствіе образованія есть потребность общества. Мыслящему человѣку необходима пища для ума, необходимы обмѣнъ и повѣрка мыслей. Только сношенія съ людьми, равными ему по образованію, могутъ наполнить его жизнь. Съ другой стороны, человѣку семейному вмѣняется въ первую обязанность воспитаніе дѣтей, а для этого нужно имѣть подъ рукою средства. Наша же сельская жизнь далеко не удовлетворяетъ этимъ потребностямъ; въ настоящемъ своемъ видѣ она налагаетъ одни только лишенія и служитъ какъ бы заточеніемъ. Общественной жизни у насъ въ деревняхъ вовсе нѣтъ; сосѣдство если и бываетъ, то временное и дальнее; только лѣтомъ у насъ существуютъ порядочныя дороги, сокращающія разстоянія, а въ эту пору нужна особенная дѣятельность сельскаго хозяина, у котораго, вслѣдствіе дальнихъ разстояній, отнимается слишкомъ много времени. О средствахъ же для воспитанія дѣтей конечно и говорить нечего; они едва удовлетворительны въ большихъ городахъ, въ деревняхъ же ихъ совершенно нѣтъ.

Между тѣмъ, раціональное сельское хозяйство раждаетъ еще большую потребность общественной жизни. Такъ какъ здѣсь руководителемъ служитъ опытъ, то обмѣнъ мыслей, взглядовъ и наблюденій еще болѣе необходимъ; мысль или опытъ одного человѣка можетъ повести другаго къ дальнѣйшимъ выводамъ и приложеніямъ. Такая взаимность служитъ наилучшимъ поощреніемъ къ занятіямъ и побужденіемъ къ изученію теоріи и практики.

Такимъ образомъ, будучи поставленъ въ положеніе, въ которомъ онъ, проживая въ городахъ, долженъ тратить лишнее для

удовлетворенія существенныхъ своихъ потребностей ; находясь еще подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ , которыя не развили въ немъ ни хозяйственного духа, ни домашней расчетливости ; предаваясь сверхъ того обаянію болѣе и болѣе распространяющейся роскоши , помѣщикъ слишкомъ часто живетъ не по состоянію. Въмѣсто того , чтобы тратить только извѣстный процентъ съ капитала имѣнія , онъ проживаетъ обыкновенно весь свой ежегодный доходъ , а часто даже и слишкомъ.

Отсюда проистекаетъ недостатокъ наличнаго капитала , — второго условія для развитія сельскаго хозяйства. Нѣтъ сомнѣнія , что безъ этого необходимаго условія нельзя получать истиннаго дохода съ какой бы то ни было промышленной отрасли. « Для земледѣльческаго предпріятія , говоритъ Синклеръ , какъ и для всякаго промышленнаго производства , необходимо , чтобы предпринимающій могъ располагать достаточнымъ капиталомъ. Если землевладелецъ имѣетъ капиталъ , не вполне удовлетворяющій его нуждамъ , онъ не можетъ извлечь истинной выгоды изъ своихъ трудовъ , потому что , для пріобрѣтенія наличныхъ денегъ , онъ можетъ быть принужденъ продавать свои произведенія за низкія цѣны , и кромѣ того лишается возможности , при благопріятныхъ случаяхъ , совершать выгодныя покупки. » (1) Слѣдовательно , по мнѣнію Синклера , даже неудовлетворительный капиталъ лишаетъ возможности получать истинную выгоду отъ хозяйства ; каковъ же можетъ быть барышъ при совершенномъ его отсутствіи? Дѣйствительно мы видимъ , что наши помѣщики далеко не получаютъ истинныхъ доходовъ съ своихъ имѣній. Нуждаясь постоянно въ деньгахъ , они находятся въ зависимости отъ торговцевъ , покупающихъ ихъ произведенія , и должны отдавать послѣднія за тѣ цѣны , которыя имъ предлагаются. Малѣйшій убытокъ ставитъ ихъ въ стѣсненное положеніе ; потребность нѣкоторыхъ матеріаловъ въ такое время , когда доходы еще не получены , принуждаетъ ихъ брать нужныя вещи въ кредитъ , за что они платятъ дороже. Нечего уже говорить о томъ , что они не могутъ пользо-

(1) См. *L'agriculture pratique et raisonnée* , par Sinclair Dombasle , T. I , pag. 126.

ваться случайною дешевизною матеріаловъ. При такомъ положеніи, есть ли возможность дѣлать какія-либо усовершенствованія, которыя требуютъ издержекъ и вознаграждаютъ ихъ годами, притомъ незамѣтнымъ образомъ? Конечно, богатые владѣльцы могли бы иногда удѣлять незначительную сумму изъ дохода для улучшенія имѣнія, или для сокращенія и облегченія нѣкоторыхъ работъ, но имъ кажется трудно рѣшиться сдѣлать вычетъ изъ суммы, идущей на прожитокъ. «Богатые помѣщики, говоритъ Тэеръ, полагаютъ, что они не въ состояніи сдѣлать какое бы то ни было улучшеніе, оттого что эта издержка лишитъ ихъ дохода; ибо они думаютъ только о денежномъ доходѣ, и не хотятъ уменьшенія его ни на одинъ годъ, какъ-будто бы они получали только пожизненный доходъ, а самый капиталъ не имъ принадлежить.» (1) Но кажется, что у насъ главная причина отсутствія стремленія къ улучшеніямъ есть недостатокъ сознанія ихъ важности и пользы. Еслибы помѣщикъ могъ вполне оцѣнить значеніе всякаго изобрѣтенія, всякаго усовершенствованія, то онъ, конечно, рѣшился бы сдѣлать вычетъ изъ своего дохода, имѣя въ виду выгоду, которую онъ получитъ въ послѣдствіи. Но при недостаткѣ знаній, потребныхъ для такой оцѣнки, и не будучи въ состояніи судить о послѣдствіяхъ улучшенія, онъ не считаетъ нужнымъ стѣсняться для невѣрнаго предпріятія. Это замѣчаніе подтверждается тѣмъ, что и помѣщики, владѣющіе капиталомъ, вмѣсто того, чтобы употреблять его на имѣніе, предпочитаютъ класть его въ кредитное установленіе, откуда проценты получаются безъ всякаго риска и труда. То же самое говоритъ и Тэеръ: «Нѣкоторые, замѣчаетъ онъ, не хотятъ улучшеній, потому что не имѣютъ надлежащаго понятія ни о капиталѣ, ни о доходахъ, и считаютъ капиталомъ или доходомъ одни чистыя деньги, которыя можно положить въ проценты.» (2) Дѣло въ томъ, что капиталъ, употребляемый на имѣніе, какъ приносящій выгоды не скоро и незамѣтнымъ образомъ, требуетъ знаній, умѣнія и большой дѣятельности; при отсутствіи же этихъ

(1) См. Основанія Тэера, пер. г. Маслова ч. I, стр. 31—32.

(2) См. переводъ сочиненія Тэера, ч. I, стр. 32.

условіи, не только не получишь отъ него выгоды, но и его самого можешь лишиться.

Во всякомъ другомъ хозяйствѣ отсутствіе капиталовъ было бы неодолимою преградой для самаго промышленнаго производства; безъ этого дѣятеля оно не подвинулось бы ни на шагъ. Но у насъ хозяйство можетъ еще кое-какъ идти, потому что не нужно нанимать работниковъ и платить имъ наличныя деньги. Съ другой стороны, это самое обстоятельство, дѣлая недостатокъ капиталовъ не столь ощутительнымъ, лишаетъ хозяевъ важнѣйшаго побужденія къ накопленію денегъ, къ правильному веденію хозяйства и къ точному расчету.

Мы сказали уже, что, по нашему мнѣнію, прогрессъ сельскаго хозяйства можетъ совершиться только при наемной работѣ, и что отсутствіе этого условія причиняетъ въ немъ неизбѣжный застой. Дѣйствительно, настоящее положеніе не можетъ пробудить въ хозяевахъ стремленія къ улучшеніямъ. Владѣлецъ, имѣя средства жить безъ труда и хлопотъ, не считаетъ нужнымъ быть дѣятельнымъ, предаваться занятіямъ, ученію, вести скучную жизнь въ деревнѣ. Зачѣмъ ему заводить хорошій рабочій скотъ и усовершенствованныя земледѣльческія орудія, когда крестьянинъ его обязанъ имѣть и лошадь и соху? Зачѣмъ ему дѣлать издержки на молотильныя машины, вѣялки, сѣялки, когда крестьяне могутъ произвести всѣ эти работы, не требуя на это наличныхъ денегъ? Зачѣмъ ему заботиться о сокращеніи числа работниковъ, когда они всегда при немъ остаются, и онъ не можетъ даже уменьшить плату на лишнія руки, которыя могутъ временно оказаться при введеніи усовершенствованныхъ машинъ? Съ другой стороны, зачѣмъ нашему работнику заводить лучшій скотъ и лучшія орудія, когда онъ не получитъ отъ нихъ большаго вознагражденія? Станетъ ли онъ стараться о лучшемъ воздѣлываніи полей, о болѣе успѣшномъ производствѣ работъ, когда положеніе его нисколько отъ этого не измѣнится? Наконецъ какъ хорошій, такъ и дурной работникъ получаютъ одинаковую плату, и притомъ никому изъ нихъ не угрожаетъ совершенная нищета, ибо помѣщикъ до этого не допуститъ; слѣдовательно что же можетъ побуждать ихъ къ большому и лучшему труду?

Не мудрено, что при такихъ условіяхъ нашъ крестьянинъ далеко не производитъ той работы, которую онъ въ силахъ исполнять. Въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто внимательно слѣдитъ за хозяйствомъ. Чтобы вспахать, напримѣръ, десятину въ одинъ день, мы назначаемъ трехъ работниковъ (1); этотъ урокъ они исполняютъ цѣлый день. Но когда мы каждому работнику даемъ десятину на три дня, и при этомъ строго соблюдаемъ, что, въ случаѣ если онъ ранѣ срока окончить заданную ему работу, остающееся время принадлежитъ ему, то трудолюбивый крестьянинъ вспашетъ десятину и въ два дня; если же это правило не соблюдается, что и бываетъ обыкновенно, то онъ никогда не окончить работы ранѣ срока. Возьмемъ другой примѣръ: чтобы сжать десятину, мы назначаемъ восемь работниковъ; но если десятины раздаются по тягламъ, то одному тяглу десятина дается на три дня, то-есть по расчету выходитъ, что урокъ исправляется шестью работниками въ день. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что шесть человекъ могутъ замѣнить восемь, нами назначаемыхъ? Можно на это возразить, что когда десятины раздаются по тягламъ, то на работу выходитъ все семейство, почему дѣло идетъ успѣшнѣе. Это дѣйствительно бываетъ, но только тогда, когда даже этотъ болѣе ранній урокъ можетъ быть исполненъ ранѣ срока, и остатокъ времени принадлежитъ работникамъ. Здѣсь у нихъ тотъ расчетъ, что если заданная работа можетъ быть окончена двумя работниками ранѣ трехъ дней, то, приступивши къ ней со всѣмъ семействомъ, они выиграютъ еще болѣе времени. Но помѣщикъ не можетъ брать во вниманіе работу семействъ, вовсе не обязанныхъ ходить на барскую работу; онъ раздаетъ равные уроки каждому тяглу, несмотря на различіе ихъ семействъ, слѣдовательно рассчитываетъ не иначе, какъ на двухъ работниковъ, и задаваемый имъ урокъ долженъ, конечно, быть такой, какой они въ состояніи исполнить. Самое распредѣленіе работъ указываетъ ясно на возможность большей работы съ тѣми же силами. Урокъ для всѣхъ одинъ; каждому работнику дается, напримѣръ, три дня,

(1) Предлагаемые примѣры распредѣленія работъ существуютъ въ Тамбовской губерніи; десятины же мы здѣсь разумѣемъ хозяйственными, то-есть сороковыми.

чтобы вспахать десятину; между тѣмъ одну десятину труднѣе вспахать, другую легче. Далѣе, каждому тяглу дается три дня, чтобы сжать десятину, а на одной десятинѣ можетъ выйти болѣе двадцати копенъ, на другой менѣе десяти. Кромѣ того, самыя силы различны: одинъ работникъ въ состояніи болѣе сработать, нежели другой; не имѣя же возможности узнать истинную силу каждаго, и не имѣя даже права раздавать работы сообразно съ силами каждаго, мы должны брать за норму силу слабого. Наконецъ, если нашъ крестьянинъ дѣйствительно исполняетъ только то, что онъ въ силахъ исполнить, то какъ же объяснить себѣ то явленіе, что онъ круглый годъ не остается безъ дѣла, между тѣмъ какъ въ одномъ имѣніи онъ обрабатываетъ по полторы десятины въ полѣ, въ другомъ—по двѣ, въ третьемъ—по двѣ съ половиной и даже по три? Изъ этого кажется ясно, что, при меньшемъ количествѣ дѣла, онъ ту же работу растягиваетъ на большее время (1).

Въ домашнемъ хозяйствѣ при распредѣленіи работъ еще болѣе теряется силъ. У насъ ремесло дается работнику вовсе не по наклонностямъ его и способностямъ, а по мѣрѣ надобности. Вотъ почему часто случается, что явилась на примѣръ потребность въ столярѣ, мы отдаемъ празднаго челоуѣка въ ученіе; но онъ выходитъ дурнымъ столяромъ, между тѣмъ какъ онъ имѣетъ наклонности быть хорошимъ садовникомъ; садовникъ же въ свою очередь оказывается плохимъ садовникомъ, но могъ бы быть хорошимъ кучеромъ. Такіе примѣры встрѣчаются у насъ на каждомъ шагу, и вотъ причина, почему мы въ большихъ хозяйствахъ должны имѣть по нѣскольку ремесленниковъ для каждаго ремесла. Если же между ними и найдутся способные, то эти послѣдніе никогда не исполняютъ той работы, которую въ состояніи исполнить, а работаютъ на столько, на сколько имъ нужно, чтобъ опередить неспособныхъ своихъ товарищей. Въ истинѣ сказаннаго не трудно

---

(1) Это еще болѣе подтверждается сравненіемъ работъ въ другихъ губерніяхъ: такъ въ Костромской губерніи, чтобы сжать тридцатную десятину посредственнаго урожая, назначаютъ восемь челоуѣкъ; въ Смоленской губерніи на десятину хорошаго урожая назначаютъ двѣнадцать челоуѣкъ. Это показываетъ ясно, что у насъ работы распредѣляются не по силамъ, а по населенію губерніи.

убѣдиться: если у васъ нѣсколько ремесленниковъ отправляютъ одно ремесло, и между ними одинъ съ способностями, то задайте имъ одинакую работу. Разумѣется, мастеръ окончитъ работу ранѣе другихъ. Но замѣтите во сколько времени онъ ее исполнилъ; потомъ наймите хорошаго мастера, задайте ту же работу ему и вашему, и вы увидите, что вашъ мастеръ окончитъ ее ранѣе, нежели въ первомъ случаѣ. Съ другой стороны, и плохой работникъ работаетъ не соразмѣрно съ своими силами: отправляя ремесло, несоотвѣтствующее его наклонностямъ, онъ занимается имъ безъ рвенія и безъ вниманія. Кромѣ того, видя, что и мастеръ соображается съ его работой, онъ вовсе не заботится объ успѣшномъ ходѣ дѣла, а трудится такъ, чтобы не многимъ отстать отъ перваго.

Таковы главные невыгоды существующаго положенія: отсутствіе стремленія къ улучшеніямъ, потеря времени, оставленіе безъ пользы находящихся подъ руками рабочихъ силъ. Но кромѣ того оно имѣетъ и другія послѣдствія, не менѣе вредныя.

1) Нашъ работникъ, не заботясь объ успѣшномъ и тщательномъ исполненіи данной ему работы, привыкаетъ къ лѣни и нерадѣнію. Если же онъ имѣетъ способности или наклонности къ какому-нибудь ремеслу, то у него нѣтъ возможности развить ихъ въ себѣ, потому что не онъ избираетъ себѣ ремесло, а оно ему назначается. Вотъ причина, почему у насъ вообще такъ мало хорошихъ мастеровъ.

2) Обязательный трудъ, можно сказать, имѣетъ даже вліяніе на низкія цѣны сельскихъ произведеній. Не будучи въ состояніи опредѣлить стоимость производства, помѣщикъ считаетъ всякую предлагаемую ему цѣну выгодною, между тѣмъ какъ иногда она можетъ быть и убыточна. Платя за работу не деньгами, а опредѣленнымъ количествомъ земли, помѣщики не берутъ во вниманіе этой заработной платы, и рассчитываютъ, что имѣніе ежегодно даетъ имъ большій или меньшій доходъ, изъ котораго конечно не вычитается процентъ съ капитала земли, отдаваемой крестьянамъ, равно какъ и другіе полагаемые на нихъ расходы.

Такимъ образомъ, если внимемъ въ наше хозяйство, то увидимъ, что обязательная работа не только препятствуетъ его прогрессу, но даже наноситъ ему ущербъ. Иначе и быть не можетъ.

Основаніе всякаго труда есть личная выгода; самый производительный трудъ есть трудъ для самого себя. Если же онъ производится для другаго, то требуетъ равнаго вознагражденія; только тогда онъ можетъ достигнуть полнаго результата. Это аксіома политической экономіи. Въ нашемъ же хозяйствѣ основаніе иное. Всякій трудъ получаетъ одинакое вознагражденіе; усиленному труду не достается большее возмездіе; побужденіемъ служить наказанія; но такъ какъ наказанія совершенно противоположны вознагражденію, то мы еще болѣе отдаляемся отъ желаемой цѣли. Вслѣдствіе такого невѣрнаго основанія, мы никогда не достигнемъ полнаго употребленія рабочихъ силъ; оно возможно только при наемной работѣ. Если наемный работникъ будетъ лѣнивъ или не радивъ, — кто будетъ его нанимать? Если одинъ работникъ будетъ дѣлать больше, другой меньше, — кто же станетъ давать имъ одинаковую плату? Мало того: наемная работа не только даетъ намъ возможность пользоваться истинными силами, она въ то же время пробудитъ стремленіе къ совершенствованію, которое необходимо проявится съ обѣихъ сторонъ. Помѣщикъ конечно будетъ пользоваться всякимъ новымъ открытіемъ, которое можетъ поставить его въ лучшее положеніе, и станетъ стремиться къ улучшеніямъ, могущимъ сократить число работниковъ или время, или же усилить самое производство. Наемный же работникъ, получая плату, сообразную съ своимъ трудомъ и искусствомъ, станетъ избирать ремесло, соответствующее его наклонностямъ, и безъ сомнѣнія будетъ въ немъ совершенствоваться, чтобы получить большую плату. Наконецъ при наемной работѣ помѣщикъ самъ будетъ опредѣлять цѣну своимъ произведеніямъ, потому что онъ будетъ знать цифру, ниже которой ему не выгодно ихъ отдавать. Этимъ путемъ только и возможно достигнуть болѣе постоянныхъ цѣнъ. Въ урожайные годы помѣщикъ не будетъ стараться сбыть свои произведенія за что бы то ни было, а предпочтетъ продать ихъ хоть и въ меньшемъ количествѣ, но не въ убытокъ; вслѣдствіе чего явятся запасы, а при запасахъ, въ неурожайные годы цѣны не могутъ возвыситься въ слишкомъ значительной степени.

Если въ настоящее время намъ кажется невозможнымъ обработываніе нашихъ обширныхъ полей наймомъ, то это потому только, что мы о работѣ судимъ по той, которую имѣемъ передъ

глазами, и забываемъ, что благосостояніе не только самого наемнаго работника, но и всего его семейства, зависитъ отъ степени его дѣятельности и отъ успѣшности его труда. Что хозяйство при наемной работѣ возможно, тому доказательствомъ служатъ купцы-земледѣльцы; они даже и при настоящихъ условіяхъ не находятъ затрудненія въ работахъ, а доходы получаютъ не менѣ нашихъ помѣщиковъ. Теперь мы говоримъ, что наемная работа обходится дорого, но утверждая это, мы имѣемъ въ виду, что наемному работнику нужно платить чистыя деньги, которыхъ у насъ нѣтъ, а своими мы платимъ землю, которой у насъ достаточное количество. Между тѣмъ, если мы разсчитаемъ истинную плату нашимъ обязательнымъ работникамъ, то увидимъ, что она вовсе не такъ ничтожна, какъ мы привыкли ее считать. Мы даемъ имъ землю, кормимъ ихъ въ голодные годы, помогаемъ имъ въ постройкахъ, оказываемъ пособіе при всякихъ несчастіяхъ. Если исчислить такимъ образомъ ихъ стоимость, и взять въ соображеніе, что мы имѣемъ только слабыхъ работниковъ, потому что мы опредѣляемъ работу по слабѣйшему, и должны платить ту же цѣну лѣнныимъ и нерадивымъ (даже можно сказать платимъ имъ болѣе: то даемъ имъ хлѣба, то покупаемъ лошадь), наконецъ, что всѣ наши работы производятся дурно и медленно, — то вѣроятно многие хозяева, если не совсѣмъ убѣдятся въ выгодѣ наемной работы, по крайней мѣрѣ усомнятся въ кажущейся выгодѣ обязательной.

Г. Муравьевъ, занимавшійся этимъ вопросомъ, составилъ подробныя таблицы той и другой работы для имѣнія въ полтора ста душъ въ Московской губерніи, и вывелъ въ результатъ, что наемная работа для всего имѣнія обойдется 341 руб. дороже (1). Но онъ, кажется, упустилъ изъ виду: 1) что у насъ только слабые работники, 2) что у насъ много лѣнныихъ, получающихъ ту же плату, чего не будетъ при наймѣ. Если къ этому прибавить, 3) что мы въ настоящее время имѣемъ усовершенствованныя молотильныя машины, вѣялки и сѣялки, замѣняющія значительное количество рукъ; 4) что почва приходитъ въ положеніе, требующее

---

(1) См. Основанія Тзера, пер. Маслова, часть I, стр. 188.

болѣе тщательной обработки; 5) что цѣнность земли значительно возвысилась съ того времени, какъ были сдѣланы эти вычисления, именно съ 1830 года; 6) что при наемной работѣ мы избавимся отъ отвѣтственности за неисправные взносы податей и повинностей, и не будемъ поставлены въ обязанность помогать работникамъ въ несчастныхъ случаяхъ, происходящихъ преимущественно отъ ихъ нерадѣнія; и наконецъ, 7) что наши поля будутъ лучше и успѣшнѣе обрабатываться, — то можно кажется утвердительно сказать, что мы отъ предполагаемой перемѣны не только не будемъ въ убыткѣ, но безъ сомнѣнія увеличимъ свои доходы.

Итакъ мы невольно должны прійти къ убѣжденію, что наемная работа дѣйствительно составляетъ необходимое условіе для прогресса сельскаго хозяйства. Можно даже сказать, что это условіе единственное, ибо оно вызываетъ и другія, именно: наличный капиталъ и раціональное хозяйство. При наемной работѣ хозяйство безъ наличнаго капитала существовать не можетъ. Онъ необходимъ, во первыхъ, для платы за работу; во вторыхъ, чтобы не быть въ необходимости продавать произведенія за невыгодную цѣну, что неминуемо при нуждѣ въ деньгахъ; въ третьихъ, чтобы пользоваться всякимъ открытіемъ и усовершенствованіемъ, которое можетъ увеличить доходъ; въ четвертыхъ, чтобы имѣть средства во время покупать нужные матеріалы и пользоваться случайною ихъ дешевизною; и наконецъ въ пятыхъ для непредвидѣнныхъ случаевъ: если напримѣръ повальная болѣзнь уничтожитъ рабочій скотъ, то убытокъ, ею причиненный, не будетъ столь ощутителенъ, когда мы тотчасъ замѣнимъ его другимъ, нежели когда остановимъ всѣ работы за неимѣніемъ капитала для покупки. Поневоля хозяева должны будутъ копить деньги, вмѣсто того, чтобы тратить всѣ свои доходы, а иногда и больше, на предметы роскоши, или даже, что нерѣдко случается, разорять себя и своихъ подчиненныхъ вслѣдствіе безразсчетной расточительности. Точно также и барское хозяйство, въ которомъ такъ много силъ остается безъ употребленія или тратится понапрасну, должно будетъ уступить мѣсто хозяйству болѣе раціональному. При наемной работѣ оплошность, невниманіе, отсутствіе дѣятельности, вѣрной отчетности, знаній не только уменьшаютъ доходъ, но могутъ привести къ убытку.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ заключается самое лучшее побужденіе къ усердному и просвѣщенному труду.

Когда хозяйство будетъ требовать нѣкотораго развитія, научныхъ знаній, разумной практики, когда малѣйшее упущеніе будетъ отражаться на доходѣ, наши образованные помѣщики не будутъ уже довѣрять своего хозяйства управляющимъ или людямъ неспособнымъ; они будутъ принуждены сами приняться за дѣло, а это поставитъ ихъ въ необходимость жить преимущественно въ деревнѣ. Конечно, отъ такой перемѣны можно ожидать только самыхъ благодѣтельныхъ результатовъ. Съ одной стороны, сельское хозяйство значительно подвинется впередъ, когда имъ будутъ заниматься люди образованные; съ другой стороны, послѣдніе будутъ стараться въ сельской жизни находить удовлетвореніе необходимымъ своимъ потребностямъ и привычкамъ, неразлучнымъ съ просвѣщеніемъ, а это не можетъ не содѣйствовать распространенію, по всѣмъ обширнымъ пространствамъ Россіи, промышленности и образованія, которыя въ настоящее время сосредоточены около столицъ.

Конечно, намъ слѣдуетъ прежде заготовить капиталы, безъ которыхъ преобразование хозяйства почти невозможно, приобрести знанія, которыя значительно облегчатъ это преобразование, наконецъ привыкнуть къ дѣятельности и нѣсколько уменьшить развѣсившуюся у насъ роскошь. Труды наши не останутся безъ благодѣтельныхъ послѣдствій, и мы вполнѣ будемъ вознаграждены за тѣ лишенія, которыя въ началѣ должны будемъ наложить на себя.

Чѣмъ скорѣе мы примемся за дѣло, тѣмъ болѣе мы выиграемъ; если же мы останемся при своей рутинѣ, то какъ сельское хозяйство, такъ и наша промышленность получатъ наконецъ рѣшительный ударъ отъ прогресса западныхъ государствъ. Приведемъ здѣсь въ заключеніе слова Гумбольдта, которыя, какъ нельзя лучше, примѣняются къ настоящему нашему положенію.

«Народы, не принимающіе дѣятельнаго участія въ промышленномъ движеніи, въ искусномъ выборѣ и разработкѣ естественныхъ матеріаловъ, въ удачныхъ приложеніяхъ механики и технологической химіи, у которыхъ уваженіе къ подобной дѣятельности

не проникаетъ въ общественные классы, тѣ народы неизбежно должны утратить свое благоденствіе. Тѣмъ скорѣе они потеряютъ его, чѣмъ болѣе подвигаются впередъ, какъ бы въ обновленной юношеской силѣ, сосѣдственныя государства, въ которыхъ науки и промышленныя искусства находятся въ живомъ взаимномъ обменѣ.»

В. Ч.

ВОСПОМИНАНІЯ

0

ДМИТРІИ БОРИСОВИЧЪ МЕРТВАГО

ПИСЬМО КЪ В. П. БЕЗОБРАЗОВУ (1)

М. Г. Владиміръ Павловичъ! Вы просили меня, чтобы я сообщилъ вамъ все то, что было лично мнѣ извѣстно при моихъ сношеніяхъ съ покойнымъ Д. Б. Мертваго: исполняю очень охотно ваше и мое собственное желаніе, потому что едва ли кто-нибудь изъ читателей могъ такъ обрадоваться появленію въ печати «Записокъ Дмитрія Борисовича Мертваго», какъ обрадовался я, для котораго это было совершенною неожиданностью. Многоуважаемая память моего покойнаго крестнаго отца, въ обширномъ и строгомъ смыслѣ честнѣйшаго человѣка, котораго вся жизнь была борьба правды и чести съ ложью и подлою корыстью — постоянно жила и живетъ въ моей душѣ. Но мнѣ въ голову не входило, что онъ оставилъ послѣ себя записки. Онъ безъ сомнѣнія

---

(1) Редакція получила эту статью при слѣдующемъ письмѣ отъ В. П. Безобразова:

«Препровождая къ вамъ для помѣщенія въ «Русскомъ Вѣстникѣ» письмо ко мнѣ Сергѣя Тимоѣевича Аксакова, по поводу записокъ моего дѣда Дмитрія Борисовича Мертваго, я увѣренъ, что оно будетъ встрѣчено съ благодарностію читателями «Русскаго Вѣстника»; въ этихъ строкахъ истинно честный гражданинъ-современникъ воскрешаетъ съ силою нравственныхъ убѣжденій память о другомъ честномъ гражданинѣ прошедшаго времени. Подобныя воспоминанія никогда не проходятъ безъ пользы, особенно въ настоящую эпоху пробужденія общественнаго сознанія. Но кромѣ того, это письмо возвращаетъ насъ,

будутъ драгоценнымъ пріобрѣтеніемъ для всей читающей, образованной публики. «Биографическое свѣдѣніе объ авторѣ записокъ, составленное братомъ его, С. Б. Мертваго»—написано совершенно безпристрастно, несмотря на горячую, всѣмъ извѣстную, взаимную дружбу обоихъ братьевъ. Оно имѣетъ одинъ недостатокъ—краткость.

Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ себя помнить, я помню, что Дмитрій Борисовичъ, мой крестный отецъ, бывалъ у насъ въ домѣ очень часто, во все время пребыванія моего семейства въ Уфѣ. Въ 1797-мъ году мы перѣехали на житье въ деревню, а Дмитрій Борисовичъ еще прежде оставилъ Уфу и поступилъ въ Петербургъ на новую службу. Несмотря на мой дѣтскій возрастъ, я очень замѣчалъ, да и другіе говорили, что мой крестный отецъ не такъ ласковъ ко мнѣ и не такъ много занимается мною, какъ другіе друзья или короткіе наши знакомые. Къ этому замѣчанію обыкновенно прибавляли, что онъ не любитъ маленькихъ дѣтей, особенно такихъ, которыхъ родители балуютъ. Я самъ не одинъ разъ слышалъ, какъ Дмитрій Борисовичъ подтрунивалъ и подшучивалъ надъ моею матерью, говоря, что «она не любитъ, а *обожаетъ* своего сына», и у меня поселилось непріятное чувство къ моему крестному отцу; но это не мѣшало мнѣ замѣчать, что онъ былъ всѣми любимъ и уважаемъ, что всѣ слушали его остроумные и веселые разговоры съ необыкновеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ, и что всѣ называли его «душой компаніи». Я тогда еще слышалъ, отъ моихъ родителей, что Дмитрій Борисовичъ, не только самъ честный человѣкъ, но и другихъ принуждаетъ быть честными.

Разъѣхавшись въ разныя стороны, мы не видались нѣсколько лѣтъ, и я уже забывалъ моего крестнаго отца, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что Дмитрій Борисовичъ Мертваго вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ «Старую Мертовщину» къ своей матери

хотя на нѣсколько мгновений, къ очарованію *Семейной Хроники* и *Воспоминаній*, къ тому наслажденію, съ которымъ они были прочтены всѣми. Наконецъ, я позволю себѣ выразить глубокую благодарность асего семейства Д. Б. Мертваго за это живое слово, которымъ почтилъ его память авторъ «Семейной Хроники».

С.-Петербургъ.

10-го января, 1837 года.

и сестрѣ, которыя жили отъ насъ въ 30 верстахъ. Марья Михайловна Мертваго, его мать, пользовалась необыкновеннымъ уваженіемъ отъ всѣхъ своихъ сосѣдей и всѣхъ знакомыхъ; она считалась женщиною великаго и *политичнаго* ума; дочь ея, Катерина Борисовна Чичагова, была дружна съ моею матерью, да и мужъ ея, П. И. Чичаговъ, любилъ все наше семейство. Черезъ нѣсколько дней мы поѣхали въ Мертвощину, и мать всю дорогу твердила мнѣ, чтобы я не дичился и не игралъ бы въ молчанку, потому что она желаетъ, чтобы мой крестный отецъ увидѣлъ во мнѣ умненькаго мальчика, довольно образованнаго для моихъ лѣтъ, а не деревенскаго неуча. Такія слова не прибавили мнѣ бодрости, а еще болѣе меня смутили. Представляя меня Дмитрію Борисовичу, мать сказала, что я его помню, люблю, уважаю и дорожу тѣмъ, что онъ мой крестный отецъ. Въ этихъ словахъ было мало правды, мнѣ стало неловко, я покраснѣлъ и молчалъ. Дмитрій Борисовичъ, погладивъ меня по головѣ, сказалъ: «А, какой молодецъ выросъ», и потомъ уже не обращалъ на меня никакого вниманія. Матери моей это было очень досадно: какъ это ея сынокъ, такой книжный чтецъ и декламаторъ Сумароковскихъ трагедій, не умѣетъ разинуть рта передъ своимъ крестнымъ отцомъ, важнымъ (бывшимъ) петербургскимъ чиновникомъ и умнымъ человѣкомъ, который можетъ подумать, что она не дала сыну никакого образованія! Она не вытерпѣла и черезъ нѣсколько времени обратясь ко мнѣ, сказала: «Что это ты все молчишь, Сережа? Крестный отецъ подумаетъ, что ты глупъ.» Я покраснѣлъ еще болѣе, а Дмитрій Борисовичъ, изъ шутливаго и веселаго разговора, вдругъ перешелъ въ серьезный тонъ, и быстро взглянувъ на меня, строго сказалъ: «Не слушай, Сережа, своей матери! Никогда не вмѣшивайся въ разговоры старшихъ, покуда тебя не спросятъ!» Это не прибавило моего расположенія къ крестному отцу; но на этотъ разъ я былъ ему благодаренъ: мать уже не принуждала меня разговаривать. Мы прожили въ Мертвощинѣ еще два дня. Родныхъ и сосѣдей съѣхалось туда такое множество, что негдѣ было помѣщаться; петербургскій гость очаровывалъ всѣхъ, старыхъ и молодыхъ, особенно дамъ и дѣвицъ, своею ласковою любезностью. Онъ былъ очень хорошъ собою, хотя въ это время небольшая лысина уже свѣтилась на его головѣ; его называли даже красавцемъ, но при томъ говорили,

что у него женская красота; онъ немножко прицепетывалъ, но это не мѣшало пріятности его рѣчей, и нѣкоторыя дамы находили, что это даже очень мило. Онъ былъ постоянно веселъ, шутливъ, остроуменъ безъ колкости. Я слышалъ, что ему отдавали преимущество передъ Петромъ Ивановичемъ Чичаговымъ, который также былъ въ обществѣ необыкновенно веселъ и остроуменъ, но мѣткія эпиграммы не рѣдко срывались съ его языка.

Дмитрій Борисовичъ всегда оказывалъ своей матери глубокую почтительность и нѣжность. Сестрѣ своей, К. Б. Чичаговой, брату Степану Борисовичу, а также и зятю, онъ былъ другъ въ настоящемъ значеніи этого слова; даже третьему брату своему, Ивану Борисовичу, который уже нѣсколько лѣтъ имѣлъ несчастіе потерять рассудокъ (отъ безнадежной любви, какъ мнѣ говорили), показывалъ онъ такое нѣжное вниманіе, такъ заботился о немъ, что Марья Михайловна, со слезами благодарности къ Богу, при мнѣ говорила о томъ моей матери.

Дмитрій Борисовичъ, объѣзжая всѣхъ родныхъ и сосѣдей, разумѣется вмѣстѣ съ матерью, сестрой и зятемъ, гостилъ вездѣ по нѣскольку дней, что было тогда въ общемъ обыкновеніи, а у насъ прожилъ онъ съ своимъ семействомъ цѣлую недѣлю. Тутъ я рассмотрѣлъ поближе своего крестнаго отца, и несмотря на свою дѣтскость, понялъ высокія качества его ума и сердца. Черезъ нѣсколько времени онъ уѣхалъ въ Крымъ, опять на новую службу, и я до 1808 года его не видѣлъ.

Я нашелъ въ Петербургѣ своего крестнаго отца уже женатымъ, постарѣвшимъ и перемѣнившимся. Беззаботной веселости въ немъ уже не было. Онъ служилъ тогда генераль-провіантмейстеромъ, и хлопотливая, тяжелая эта должность, казалось, очень его озабочивала. Въ послѣдствіи я узналъ, что находились другія причины, отъ которыхъ служба была для него такъ невыносимо тягостною. Неподкупная его честность была извѣстна всѣмъ; но не всѣмъ, можетъ-быть, было извѣстно, до какой строгости и чистоты возводилась эта честность во всѣхъ его служебныхъ отношеніяхъ: могъ ли такой человѣкъ не имѣть враговъ по службѣ?... Онъ встрѣтилъ мое семейство, какъ старинный другъ, а меня, если не такъ ласково, какъ желалось моей матери и уже мнѣ, то по крайней мѣрѣ, очень внимательно; много спрашивалъ меня о Казани, объ университетѣ, о службѣ, въ которую я намѣревался

поступить — и я никакъ не могъ замѣтить, доволенъ ли онъ мною или нѣтъ? Онъ приказалъ только, чтобы я ходилъ къ нему каждую недѣлю. Первые мои посѣщенія ничего хорошаго не предвѣщали. Крестный мой отецъ обыкновенно говорилъ: «А здравствуй! Какъ поживаешь? Что пишутъ отецъ и мать? Что подѣлываешь на службѣ?» Въ словахъ этихъ не слышно было никакого особеннаго участія, и они держали меня въ постоянномъ и холодномъ отдаленіи. Случалось даже, что выслушавъ мои короткіе отвѣты, онъ говорилъ: «Ну братъ, мнѣ некогда; ступай къ Варварѣ (такъ звалъ онъ свою жену) и оставайся обѣдать.» Весьма естественно, что такіе приемы не могли нравиться молодому человѣку, и я намѣревался уже ограничить мои посѣщенія двумя, тремя праздничными визитами въ годъ, какъ вдругъ случилась слѣдующая перемѣна: пришелъ я одинъ разъ къ Дмитрію Борисовичу довольно рано поутру; онъ велѣлъ меня провести въ свой кабинетъ и сказалъ, что сейчасъ придетъ. Я бывалъ въ этомъ кабинетѣ при другихъ, и мало обращалъ вниманія на окружающіе меня предметы; теперь же отъ скуки, я началъ все разсматривать, и мнѣ кинулась въ глаза небольшая картинка надъ письменнымъ столомъ моего крестнаго отца; я подошелъ поближе и увидѣлъ, что это былъ видъ деревни «Званки» и сельскаго дома Гаврилы Романыча Державина; въ низу находились слѣдующіе четыре стиха:

Средь сихъ лѣсовъ, болотъ и ржавинъ,
 Съ безсмертнымъ эхомъ вѣчныхъ скалъ,
 Безсмертны пѣсни повторялъ
 Безсмертный нашъ пѣвецъ, Державинъ.

Картина была нарисована красками, и кѣмъ-то подарена Дмитрію Борисовичу, кажется женщиной. Кѣмъ написаны стихи — до сихъ поръ не знаю. Я былъ страстнымъ почитателемъ Державина; забывшись, съ восторгомъ и довольно громко, повторялъ я эти четыре стиха наизусть, не замѣтивъ, что крестный отецъ стоялъ уже за мною. «А братъ, ты видно любишь старика!» сказалъ онъ, и я, покраснѣвъ до ушей, съ волненіемъ высказалъ все, что чувствовалъ и думалъ о Державинѣ, прибавя, что знаю всѣ его стихи наизусть. Хозяинъ изъ любопытства сдѣлалъ мнѣ экзамень, и я прочелъ ему двѣ, три піесы, декламируя на пропалую, по студентски. «Ого, братъ, сказалъ съ усмѣшкой мой крестный отецъ, — да ты не вздумай въ актеры!» Онъ посадилъ меня возлѣ себя,

чего прежде не дѣлалъ, и разказагъ про свое знакомство съ Державинымъ, прибавя, что «онъ не только великій стихотворецъ, приносящій честь и славу своему отечеству, но и честный савонникъ, и добрѣйшій человекъ, и что все, что говорятъ про него дурнаго — выдумка подлыхъ клеветниковъ и завистниковъ.» Съ этого счастливаго утра я сталъ сближаться съ моимъ крестнымъ отцомъ. Самъ ли онъ того пожелалъ, или я, найдя въ немъ сочувственную себѣ струну, сталъ снискивать его расположеніе — не знаю, только черезъ полгода, онъ уже охотно, хотя безъ особенной ласковости, иногда подолгу, говорилъ со мной о своей прежней и настоящей службѣ, объ общественныхъ отношеніяхъ, и горько сѣтовалъ, что мало честныхъ людей, не на словахъ, а на дѣлѣ. Дмитрій Борисовичъ жилъ на Фонтанкѣ, въ каменномъ домѣ или лучше сказать въ третьей части дома, принадлежавшаго его женѣ, Сухареву и Оленину: принадлежность владѣнія обозначалась разностью красокъ. Изъ залы былъ балконъ на набережную, на немъ любилъ сидѣть Дмитрій Борисовичъ, а иногда сиживалъ съ нимъ и я. Одинъ разъ онъ сказалъ мнѣ, указавъ пальцемъ: «Видишь ли ты этого господина, который тащится по набережной, такъ гадко одѣтый?» Я отвѣчалъ, что вижу. «Это великій человекъ! Это нищій, которому должны милліонъ, истраченный имъ для чести и славы отечества. Это адмиралъ С.....!» А какъ онъ въ это время поровнялся съ нами, то Д. Б. назвалъ его по имени и сказалъ ему: «зайди ко мнѣ». Адмиралъ зашелъ. Мы всѣ трое пошли въ кабинетъ. Я, разумѣется, пошелъ по приглашенію хозяина. С..... пробылъ съ часъ; просто и открыто говорилъ онъ о своемъ крайнемъ положеніи, объ оскорбленіяхъ, имъ получаемыхъ, о своихъ надеждахъ, что когда-нибудь заплатятъ же ему и всѣмъ офицерамъ призовыя деньги, издержанныя имъ на флотъ (этимъ дѣломъ занималась тогда особая комиссія). Адмиралъ ушелъ (1). Не утверждаю, но мнѣ показалось, что Дмитрій Борисовичъ доставалъ деньги изъ ящика и тихонько отдалъ ихъ своему гостю и давнишнему приятелю. Появленіе адмирала произвело на меня такое глубокое и горькое впечатлѣніе, котораго никогда нельзя забыть. Крестный отецъ разказагъ мнѣ всю исторію, русскаго съ ногъ до головы,

(1) Деньги точно были заплачены, только не помню, при жизни ли адмирала.

славнаго нашего адмирала; разказалъ и положеніе, до котораго онъ былъ доведенъ. «С. . . , сказалъ онъ въ заключеніе, доведенъ до того, что умеръ бы съ голоду, еслибъ не занималъ денегъ безъ отдачи, у всякаго, кто только дастъ, не гнушаясь и синенькой; но у него есть книга, гдѣ онъ записываетъ каждую копѣйку своего долга, и конечно, расплатится со всѣми, когда получитъ свою законную собственность.»

Въ 1809-мъ году, я уѣзжалъ въ отпускъ въ Оренбургскую губернію, и воротился въ Петербургъ въ первыхъ числахъ января 1810 года. Крестный отецъ встрѣтилъ меня уже не холодно по прежнему, а напротивъ, очень ласково, и даже съ нѣкоторымъ чувствомъ. «Ну братъ, сказалъ онъ мнѣ одинъ разъ, — кажется надобно будетъ службу бросить.» — «Отчего же, спросилъ я съ удивленьемъ? Вы сами знаете, что приносите много пользы, и что государь объ васъ самаго лучшаго мнѣнія?» — «Это правда, отвѣчалъ Дмитрій Борисовичъ, — да бывшій непосредственный начальникъ мой, графъ А., всегда меня гнавшій, поставилъ меня въ такое унижительное и вредное для меня и службы положеніе, что выйти въ отставку, даже прогнѣвавъ государя, сдѣлалось необходимою. Графъ А. всегда не любилъ меня, но особенно возненавидѣлъ за то, что я запретилъ Варварѣ Марковнѣ продолжать знакомство съ г-жею П., его фавориткой. Моя жена могла быть знакома съ этою дрянью, какъ и со многими другими, но какъ скоро эта дрянь сдѣлалась всемогущею особою у моего начальника, то моя жена уже не должна быть съ нею знакома. Г-жѣ П. уже отказывали три раза; она все продолжала ѣздить; въ четвертый, я велѣлъ отказать такъ, чтобы она ужь болѣе не пріѣзжала. Какъ нарочно, черезъ нѣсколько дней, сидѣлъ я на извѣстномъ тебѣ балконѣ, и со мной была Варвара Марковна. Вдругъ подъѣзжаетъ открытая коляска; въ ней сидѣла г-жа П. Я не позволилъ женѣ уйти съ балкона, позвалъ челоуѣка и громко сказалъ ему, такъ что г-жа П. все до слова слышала: «скажи, что барыни нѣтъ дома». Госпожа П. перестала ѣздить, и тутъ-то началось злобное преслѣдованіе. Прежній начальникъ, переставъ быть моимъ непосредственнымъ начальникомъ, сохранилъ всю свою силу, и вмѣшивался во всѣ дѣла.»

Недѣли черезъ двѣ я пришелъ къ Дмитрію Борисовичу и хотѣлъ пройти къ нему въ кабинетъ уже безъ доклада; но челоуѣкъ сказалъ мнѣ, чтобъ я подождать, потому что въ кабинетъ какой-то

генераль, и что туда не приказано никому входить. Я какъ-то почувствовалъ, что это недаромъ и сталъ дожидаться въ сосѣдней комнатѣ. Наконецъ дверь отворилась, и Дмитрій Борисовичъ, провожая генерала, спокойно, холодно и громко сказалъ: «Итакъ доложите его сіятельству, что я не могу входить въ объясненія по такимъ словеснымъ замѣчаніямъ. Если ему угодно будетъ сдѣлать ихъ на бумагѣ, то я стану оправдываться. Впрочемъ, зная, что я лично не нравлюсь его сіятельству, я уже давно подалъ просьбу объ отставкѣ, которая лежитъ у министра. Я не хочу вредить мѣсту, которое занимаю, и губить себя безъ всякой вины.» — Дмитрій Борисовичъ разказалъ мнѣ, что это уже не въ первый разъ, что его бывшій начальникъ имѣлъ дерзость дѣлать ему выговоры черезъ своего адъютанта, что, разумѣется, онъ его не сталъ слушать, и что вотъ наконецъ онъ прислалъ съ тѣмъ же, своего фаворита, генерала К*. — «Дѣлать нечего, надо рѣшительно выйти въ отставку, сказалъ онъ, — тутъ пользы не сдѣлаешь, а только навивешь больше враговъ и долговъ, а у меня и такъ ужъ довольно и тѣхъ и другихъ.» Дѣйствительно, Дмитрій Борисовичъ вскорѣ оставилъ службу. — Прошло нѣсколько лѣтъ, въ продолженіи которыхъ совершились вѣковыя событія 1812 года, и я даже не знаю, гдѣ жилъ въ это время мой крестный отецъ. Я увидѣлся съ нимъ уже въ 1816 году, въ Москвѣ, въ собственномъ его домѣ, у Красныхъ воротъ, въ приходѣ Трехъ Святителей (1); онъ не былъ еще тогда сенаторомъ, но сказалъ мнѣ, что желалъ бы занять эту должность. — Я уѣхалъ въ Оренбургскую губернію на десять лѣтъ и не

---

(1) Этотъ домъ стоитъ самымъ оригинальнымъ образомъ: онъ не на улицѣ, не въ переулкѣ и не на площади — къ нему ведетъ особый проѣздъ, точно какъ въ чувашскихъ деревняхъ. Въ этомъ домѣ, принадлежавшемъ послѣ кончины Дмитрія Борисовича Мертваго, сначала А. П. Елагинной, а потомъ покойному сыну ея, Ивану Васильевичу Кирѣевскому, домъ, воспѣтомъ звучными стихами Языкова, много лѣтъ собирався извѣстный кругъ московскихъ литераторовъ и ученыхъ. Сколько глубокихъ мыслей, свѣтлыхъ взглядовъ, честныхъ порывовъ любви къ просвѣщенію и литературѣ было высказано и принято въ этомъ домѣ!..... и какъ не много осталось въ живыхъ изъ прежнихъ его посѣтителей. Въ числѣ самыхъ горькихъ и свѣжихъ утратъ находятся достойные и незабвенные братья, И. В. и П. В. Кирѣевскіе.

видался уже болѣе съ моимъ крестнымъ отцомъ, скончавшимся въ 1824 году.

Вотъ все, что сохранила моя память объ одномъ изъ достойнѣйшихъ людей прошедшаго времени. Хотя я не участвую ни въ какихъ журналахъ, кромѣ «Русской Бесѣды»; но охотно предоставляю вамъ полное право напечатать мое письмо въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть и пр.

Москва,
1857 г. января 20-го.

С. Аксаковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПРИХОДСКІЕ СПИСБИ ¹

(Поэма Георга Крабба.)

1.

НОВОРОЖДЕННЫЕ.

Tum porro puer (ut saevis projectus ab undis,
Navita) nudus humi jacet infans indigus omni
Vitae auxilio, —
Vagituque locum lugubri complet, ut aequum est,
Cui tantum in vita restat transire malorum.

Дурнымъ началомъ годъ у насъ ознаменованъ!
Здѣсь между первыми дѣтьми поименованъ
Плодъ страсти—«и грѣха», прибавить строгій судъ.
Хотѣлъ я утаить; къ чему напрасный трудъ?
Со вздохомъ поведу разказъ мой: онъ, быть-можетъ,
Спасетъ однихъ, другимъ исправиться поможетъ.
Изъ нашихъ дѣвушекъ, краса всего села,
Милѣ всѣхъ лицомъ дочь мельника была.
Богатъ онъ былъ—богатъ, за то и гордъ не даромъ:
Поѣдетъ ли когда на ярмарку съ товаромъ,
Тамъ онъ, подвыпивши, всѣмъ хвастаетъ, что онъ
Даетъ за дочерью чуть-чуть не миллионъ.

---

(1) Въ № 23 «Русскаго Вѣстника» за прошлый годъ напечатано было введеніе въ эту поэму. *Ред.*

Но только съ тѣмъ даетъ, чтобъ безъ отцовской власти
 Не смѣла никого любить она по страсти.
 «Кого я выберу, тотъ ею и владѣй;
 А выбирать сама ты, Люси, и не смѣй.»
 Вотъ и подслушалъ разъ его морякъ отважный.
 «Ого!» онъ думаетъ, «да это призъ преважный!
 Я дочь его люблю, богатство жъ страсть моя;
 Старики угрозами не утрашить меня;
 Довольно добывать мнѣ деньги вражьей кровью:
 Теперь на мельницѣ я поселюсь съ любовью.»
 Такъ думалъ юноша, и вотъ, съ того жъ часа,
 Онъ къ дѣлу приступилъ, всѣ поднялъ паруса
 И въ руку палку взялъ, обтесанную грубо,
 Но крѣпкую, какъ самъ «фрегатъ его: *Грудь Дуба*.
 Пригожъ лицомъ, нарядъ имѣлъ онъ щегольской:
 Опрятное бѣлье подъ курткою голубой,
 Штаны изъ дорогой матеріи въ обтяжку,
 Вкругъ пояса ремень съ серебряною пряжкой.
 Явился онъ въ село, вмѣшался въ хороводъ,
 Увидѣлъ Люси тамъ, понравился и вотъ
 Открылся ей, и та должна была признаться,
 Что какъ ни грустно ей, а надо имъ разстаться.
 «Ты знаешь, мой отецъ неумолимъ ничѣмъ,
 Кого полюбить онъ, онъ властвуетъ надъ тѣмъ.
 Меня за мужика онъ выдастъ замужъ вскорѣ,
 Тирану сельскому отдастъ меня на горе.
 Въ немъ сердце холодно, и отъ его угрозъ
 Я часто слезы лью, а самъ не льетъ онъ слезъ:
 Разъ только помню я, какъ мать моя скончалась,
 Въ его сухихъ глазахъ слезинка показалась.
 Меня готовъ всегда журить онъ безъ вины;
 Какъ лошадыю своей, которой нѣтъ дѣны,
 Которую онъ бьетъ и думаетъ, что учить,
 Гордится мною онъ, за то какъ жертву мучить.»
 — «Развеселись, душа! Я самъ къ нему пойду!
 Съ матросомъ можетъ ли быть мельникъ не въ ладу?
 Вѣдь оба мы живемъ свободнымъ вѣтромъ, бьющимъ
 По крыльямъ мельницы и въ парусахъ ревущимъ!
 Вой вѣтра, хлопанье холстины у кормы
 И трескъ досокъ — вотъ звукъ, который любимъ мы.
 Штиль страшенъ намъ: когда отъ бури злится море,
 Мы смѣло рифъ беремъ и спимъ, забывши горе.»
 — «Ага!» на эту рѣчь былъ мельника отвѣтъ:
 «Ты на меня похожъ? а деньги — есть, аль нѣтъ?»

Такъ убирайся жь ты въ свой Уаппингъ» (1): тамъ на шею
 Добудь себѣ жену твоей казной — въ гинею,
 Тамъ мутнымъ полпивомъ попочуй моряковъ,
 А Люси ужь оставь для здѣшнихъ жениховъ.»
 —«Молчи жь ты старый хрычъ!» вскричалъ морякъ взбѣшенный:
 «О Люси, будь моею навѣстой обрученной.»
 Онъ обручился съ ней; но ни одинъ пасторъ
 Закономъ не хотѣлъ скрѣпить ихъ договоръ.
 Чтѣ жь оставалось имъ? ловить однѣ минуты
 Пугливой радости, тѣ пылкой страсти смуты,
 Когда и чувствъ восторгъ не въ силахъ превозмочь
 Тѣхъ ужасовъ, чтѣ грудь тревожатъ день и ночь.
 Тогда—то бѣдная, въ порывѣ дикой страсти,
 Безумно, вопреки отцовской строгой власти,
 Не руку — нѣтъ, но все, чтѣ лишь отдать могла,
 Красавцу милому на вѣки отдала.
 Межъ тѣмъ пришла пора, когда безсонны ночи,
 Измѣнивъ аппетитъ, полны истомы очи,
 Веселость на лицѣ, хотъ грусть замѣтна всѣмъ,
 Улыбка на устахъ и тотчасъ вздохъ затѣмъ,—
 Пора усилій тѣхъ, которыми такъ тщетно
 Стараются скрыть то, чтѣ каждому примѣтно...
 Сперва шушуканье межъ кумушекъ пропшло,
 Тамъ выше голову злорѣчье поднало,
 Тамъ глупость наглая предъ всѣми проболталась,
 А тамъ на мельницу и злость съ молвой примчалась.
 «Вонъ!» закричалъ отецъ: «будь мною проклята!
 Пусть поразятъ тебя позоръ и нищета!
 Пусть дѣтскій плачь и стыдъ падутъ тебѣ на долю
 За то, что для любви мою отвергла волю!
 Куда бѣжалъ злодѣй?»—«Мой Уилльямъ по морямъ
 Пустился средствъ искать для пропитанья намъ.»
 —«Пусть въ вѣкъ ихъ не найдеть! но до его возврата
 Иди на край села къ торговкѣ—въ домъ разврата!
 Тамъ съ старой вѣдьмою ты будешь въ горѣ жить,
 Тамъ скроешь голову, стыда жь тебѣ не скрыть!»
 Тянулись грустно дни, шли медленно недѣли
 И вотъ родился сынъ. Увы! къ его купели,
 Чтѣбъ имя дать ему, изъ цѣлаго села
 Къ несчастной ни одна подружка не пришла,
 И съ гордостью въ лицѣ кормилица младая,
 Всю важность своего значенья сознавая,

(1) Такъ называется мѣсто, гдѣ устроены доки, близъ Лондона.

Не вышла съ маленькимъ христіаниномъ къ намъ,
 Кричащимъ что есть силъ на весь Господень храмъ.
 Одинъ я совершалъ обрядъ въ коморкѣ бѣдной:
 Въ окнѣ, заклеенномъ бумагой, тускло-блѣдный
 Мерцалъ вечерній лучъ; на кровлѣ воробы,
 Смѣясь слезамъ ея, чирикади вдали
 И съ пискомъ жалобнымъ, во мглѣ, межъ балокъ крыши,
 Порой летучія переносились мыши.
 Матросъ не приходилъ. Вотъ годъ ужъ миновалъ;
 Тогда примчалась вѣсть: въ сраженьи Уильямъ палъ!
 Въ пустынной хижинѣ живетъ она поныгѣ,
 Являясь за пайкомъ на мельницу въ кручинѣ.
 Тамъ гнусная сераль отцомъ заведена.
 Онъ издѣвается надъ ней, когда она
 Стоитъ и слезы леть и видитъ, какъ ей въ мщенье
 Съ своей наложницей мотаетъ онъ имѣнье.
 Въ вечерній часъ, какъ тѣнь, она бредетъ въ поляхъ,
 Стараясь укачать младенца на рукахъ;
 Иль сядетъ и глядитъ не зрящими очами,
 Какъ струйки ручейка сребритъ луна лучами,
 Иль пѣсню запоетъ, но тихо, тихо такъ,
 Что слышать, какъ ручей журчитъ, струясь въ оврагъ.
 Тогда и пѣснь ея становится журчаньемъ,
 И чувствуетъ она съ невольнымъ содроганьемъ,
 Какъ возстаютъ предъ ней въ таинственной тиши
 Видѣнья ужаса, мечты больной души,
 И сознаетъ тогда въ мучительномъ раздумьи,
 Что умъ мутится въ ней, и ей грозитъ безумье.

Съ младенцемъ вслѣдъ за тѣмъ пришли отецъ и мать,
 Чтобъ Робертомъ его въ честь перваго назвать.
 Три дѣвочки у нихъ отъ брака ужъ родились,
 Не ждали вновь дѣтей, за то и не страшились.
 Другъ другу преданы, они въ душѣ простой
 Считали счастьемъ здоровье и покой;
 Любовь же, полная и мукъ и наслажденья,
 Казалась въ ихъ глазахъ не лучше заблужденья.
 Сусанна (не безъ слезъ) могла подѣ-часъ мечтать:
 Кому, когда умереть, домъ мужа передать;
 А Робертъ, съ шуткою, иль не шутя, порою
 Ей мужа назначалъ, чтобъ ей не быть вдовою.
 Но, несмотря на то, ихъ удивили бѣ вы,
 Сказавъ, что въ нихъ сердца остыли для любви.

Имѣя малый клочекъ земли, они, какъ скоро
 Срокъ мызѣ ихъ придетъ, платили долгъ безъ спора.
 Сосѣдній городокъ снабжалъ ихъ безъ хлопотъ
 Всѣмъ нужнымъ, всѣмъ, чего имъ мыза не даѣтъ,
 Безъ лишнихъ прихотей, и если на уборы
 Въ окнѣ швеи подлѣ-часть заглядывали взоры
 Сусанны молодой въ то время, какъ она
 На рынокъ вынесетъ свои излишки льна,
 И если на пути возвратномъ у торговокъ
 Накупить къ празднику какихъ-нибудь обновокъ,—
 Не успокоится до той поры она,
 Покуда въ ящикъ долгъ не выплатитъ сполна.
 И Робертъ, если онъ съ друзьями въ шумномъ пирѣ
 Истратитъ лишній пенсъ на ярмаркѣ въ трактирѣ, —
 Глядишь, ужъ онъ чуть свѣтъ потѣетъ на гумнѣ,
 Чтобъ пенсъ издержанный былъ выплаченъ вполнѣ.
 Такъ оба цѣлый день—чтобъ не было оглядокъ—
 Работаютъ, пока все приведутъ въ порядокъ.
 Но и у нихъ бывалъ въ годъ праздникъ не одинъ:
 То былъ день свадьбы ихъ, иль торжество крестинъ.
 Тогда и богачей изъ фермеровъ встрѣчали
 Они съ радушіемъ и пышно угощали,
 За тѣмъ что нравилось Сусаннѣ быть въ члѣ
 Первѣйшихъ жителей во всемъ ея селѣ.
 Но въ ихъ радушіи, въ ихъ пышности парадной
 Вездѣ былъ виденъ духъ воздержности отрадной,
 Тотъ духъ, которому и въ будничные дни,
 Какъ въ праздники, всегда послушливы они,
 Какъ море одному покорствуеъ призыву,
 Стремится ль на приливъ, иль клонится къ отливу,—
 Тотъ духъ воздержности, что намъ велитъ копить,
 Не съ тѣмъ, чтобъ бѣдствовать, но съ тѣмъ, чтобъ лучше
 жить, —

Духъ бережливости разумной и завидной,
 Повсюду разлитой, хотя нигдѣ невидной.

Затѣмъ дитя любви встрѣчаетъ въ спискахъ взоръ,
 Безпутной матери не первый ужъ позоръ.—
 «Опять, развратница! ужель постыдной страсти
 Не уняли въ тебѣ ни скорби, ни напасти?»
 — «Ахъ, сэръ! пока еще была я молода,
 Во мнѣ кипѣла страсть, теперь влечетъ— нужда.
 Вѣдь мнѣ подобныя, утративъ честь и славу,
 Вънизъ по рѣкѣ плывутъ, какъ утки на притраву.

Вашъ полъ преслѣдуетъ, а нашъ не хочетъ знать;
 Возвратъ пугаетъ насъ, да и куда бѣжать?
 Вотъ еслибъ насъ совсѣмъ оставили мужчины,
 А женскій полъ помогъ подняться намъ изъ тины, —
 Быть-можетъ, ожила бъ и добродѣтель въ насъ. » —
 Страшася пропустить святой обряда часъ,
 Съ двумя старухами она пришла, колѣни,
 Какъ тѣ, предъ алтаремъ склонила на ступени,
 Копировала всѣ движенія старухъ
 И, видя радость ихъ, благодарила въ слухъ,
 Что скорбь ея прошла, опасность миновалась,
 Хотя въ опасности какъ прежде оставалась. —
 Да! много есть такихъ, которые всегда
 Къ словамъ чувствительны и мертвы для стыда!

Вотъ двойни: дѣвочка и мальчикъ! Чаша эта
 Ужъ черезъ край полна у Джерарда Аблетта.
 Чтò годъ, то у него, съ тѣхъ поръ, какъ онъ супругъ,
 То сынъ, то дѣвочка, а вотъ и двойни вдругъ!
 Съ какой улыбкою внималъ бѣднякъ, вѣнчаясь:
 «Да зрѣть виноградъ, вокругъ стѣнъ твоихъ сметаюсь,
 «Да множится твой родъ, какъ вѣтви надъ тобой!»
 Какъ радостно: «Аминь!» онъ говорилъ за мной!
 Но вотъ, когда возросъ сей виноградъ вокругъ ложа,
 Своими вѣтками его покой встревожа,
 Онъ видитъ, что ему, чѣмъ болѣе вѣтвей,
 Тѣмъ хлѣбъ свой добывать труднѣе и труднѣй,
 Что, разбѣгаясь вокругъ его смиренной кельи,
 Онъ ужъ свѣтъ мрачатъ былого въ немъ веселья.
 Другъ, полно горевать! Смотри, хозяинъ твой,
 Которому служить ты нанялся съ женой,
 Надменный фермеръ нашъ, живущій всѣхъ богаче,
 Чтò отправляется на рынокъ не иначе,
 Какъ на лихомъ конѣ, красивомъ до того,
 Что я, встрѣчаясь съ нимъ, стыжусь за своего, —
 Съ кѣмъ дѣлать пышный столъ сосѣди и сосѣдки,
 Пять бравыхъ сыновьевъ, три дочери-кокетки, —
 Другъ, полно горевать, и посмотри, какъ онъ,
 Хозяинъ гордый твой, заботой удрученъ.
 Пройдетъ десятокъ лѣтъ, и, заведясь домами,
 Всѣ мальчики твои начнутъ работать сами;
 А парни сельскіе возьмутъ изъ рукъ моихъ
 И безъ приданого всѣхъ дочерей твоихъ.

Межъ—тѣмъ хозяинъ твой, преслѣдуемъ судьбою,
 Увидитъ цѣлый рядъ заботъ передъ собою:
 Тамъ ферму сыновья въ разстройство приведутъ;
 Тамъ барышни вздыхать о женихахъ начнутъ;
 Тамъ госпожа твоя, слабѣя отъ недуга,
 Потребуетъ себѣ карету у супруга;
 А тамъ лихой корнетъ, паѣздникъ, ловкій хватъ,
 На скачкѣ проигравъ отчаянный закладъ,
 Повергнетъ старика—отца и въ грусть и муку
 И, проклиная жизнь, протянетъ къ деньгамъ руку.
 Да, Джерардъ, ты убить заботами теперь,
 Тогда какъ фермеръ твой блаженствуетъ; но вѣрь,
 Придетъ и для него тревогъ немалыхъ время:
 Ты сбросишь грузъ заботъ, онъ понесетъ ихъ бремя.
 — «О, какъ я былъ бы радъ, когда бъ привелъ мнѣ Богъ
 На долю взять свою хоть часть такихъ тревогъ!»
 Услышавъ жалобы, такъ говорилъ когда-то
 Нашъ сельскій лавочникъ, старикъ весьма богатый.
 А другъ ему: «А я — я былъ бы столько жъ радъ,
 Чтобъ то, что мнѣ даритъ жена, взялъ Богъ назадъ!»

Ужъ оба старики — *тотъ* Дѣкинсъ, *этотъ* Витъби
 По имени — давно мечтали о женитьбѣ
 И оба мечтали: одинъ изъ нихъ желалъ
 Сперва порядочный составить капиталъ,
 Чтобъ сына своего, предметъ его желанья,
 Прилично воспитать для высшаго призванья;
 Другаго страхъ пугалъ, что дѣти прокутятъ
 Его имущество и миръ въ дому смутятъ.
 Нашъ Дѣкинсъ, нѣкогда разнощикъ, по селеньямъ
 Коробку за спиной таскалъ съ своимъ имѣньемъ
 И, обожатель дамъ, распродалъ имъ въ долгъ
 И контрабандный чай, и кружева, и шолкъ;
 Когда жъ разбогатѣлъ, онъ къ намъ въ село явился,
 Открылъ здѣсь лавочку и наконецъ женился
 На пряхѣ молодой, надѣясь, что отсель
 Господь благословитъ ихъ брачную постель.
 А другъ на вдовушкѣ, кокеткѣ знаменитой,
 Остановилъ свой взоръ и сталъ съ боязнью скрытой
 Ухаживать за ней; но вида, что онъ сѣдъ,
 Она съ жеманностью отвергла старый бредъ.
 Въ раздумьи онъ отсталъ. «Ахъ! вѣдай я, что дѣти
 Не разорятъ меня, ужъ такъ и быть, я въ сѣти
 Поддался бѣ, думалъ онъ, красавицъ моей
 И сталъ бы шире жить съ подругою своей.»

Прошло еще лѣтъ пять: онъ думалъ, колебался,
 Рѣшился наконецъ, и бракомъ сочелся.
 А какъ живутъ они? Судите сами: вотъ,
 Угрюмый, пасмурный, съ женою онъ идетъ.
 — «Ахъ, Гѳомери!» говорилъ однажды Дѳакинсъ: «право,
 Какъ счастлива ты дѣтьми: они твоя забава;
 Завидую тебѣ! А мнѣ постыль и домъ:
 Тамъ грустная жена, да вѣчный мракъ кругомъ,
 И все такъ тихо тамъ, что, вѣришь ли, мнѣ жутко
 Подъ-часъ становится; хотя бъ одинъ малютка
 Разсѣялъ нашу грусть, порадовалъ намъ взоръ,
 Иль укротилъ порывъ домашнихъ нашихъ ссоръ.
 Другъ друга мы винимъ съ запальчивостью вѣчной:
 «Гдѣ, восклицаю я, залогъ любви сердечной?»
 «Когда мнѣ дашь дѣтей?» отвѣтствуетъ она,
 Мрачна, какъ въ Библии Иакова жена;
 А я, какъ патриархъ въ подобной же напасти,
 Шлю грустно ей отвѣтъ: «Въ моей ли это власти!»
 За то какъ счастлива ты, когда передъ тобой
 Верхомъ на палочкахъ шумитъ мальчишекъ рой,
 А дѣвочки тебя цѣлуютъ, да ласкаютъ
 И новой прелестью при этомъ разцвѣтаютъ!»
 — «Эхъ, простодушный другъ! Не стыдно ли тебѣ
 Завидовать моей страдальческой судьбѣ?
 Ну, чѣмъ гордиться тутъ, что сынъ твой — мальчикъ сильный,
 Что дѣвочка твоя имѣетъ видъ умильный?
 Еще Богъ вѣдаетъ, кѣмъ твой цвѣтокъ привить?
 Откуда сила въ немъ, умильный этотъ видъ?
 Пять лѣтъ какъ я женатъ: что годъ, то пострѣленокъ!
 Вотъ наступилъ шестой — смотри, опять ребенокъ!
 Веселые друзья бѣгутъ къ моей женѣ,
 Всѣ лѣзутъ поздравлять, ребенка хвалятъ мнѣ;
 А я сижу себѣ, взбѣшенный и угрюмый,
 И входятъ всякія тогда на умъ мнѣ думы.
 Иной тутъ ловкій гость—Богъ знаетъ, почему:
 Что за дитя! кричитъ: а имя какъ ему?
 А я съ досадою: Да провались отсюда!
 Какъ хочешь назови—хоть Каинномъ, Іудой,
 Хоть именемъ отца, а кто отецъ—у ней
 Дознаешься!—скажу и за дверь по скорѣй.
 Моя жъ дражайшая хотъ вздохомъ, хотъ бы словомъ
 Отвѣтила въ отпоръ моимъ словамъ суровымъ,—
 Смѣется! любо ей дѣтьми меня бѣсить
 И думать, какъ бы вновь ребенка мнѣ родить!...

За тѣмъ съ младенцами три бѣдняка къ купели
Пришли, чтобъ дѣтямъ дать — вотъ все, что лишь имѣли —
Простыя имена! изъ нихъ ни на одномъ
Не остановитесь при камнѣ гробовомъ,
Ихъ на пергаментѣ читать никто не будетъ
И самъ могильщикъ мой ихъ скоро позабудетъ.

ДМИТРІЙ МИХЪ.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Мнѣ не было еще двухъ лѣтъ, когда я лишилась матери. Отецъ мой вскорѣ женился на другой и черезъ годъ умеръ, не оставивъ мнѣ никакого состоянія. Небольшое имѣніе моей матери было еще при жизни его продано, за долги. Мачиха моя имѣла, какъ я слышала отъ тетушки, хорошее состояніе; но послѣ смерти моего отца уѣхала за границу, гдѣ и осталась навсегда, выйдя замужъ за какого-то доктора, Француза.

Незадолго до смерти, мать моя сама вручила меня старшей, нѣжно любимой сестрѣ своей, которая и взяла меня къ себѣ, какъ только матушка скончалась. Тетушка моя была старушка лѣтъ шестидесяти; она была дѣвица, но въ ней вы не замѣтили бы и тѣни тѣхъ недостатковъ, которые, обыкновенно, приписываютъ старымъ дѣвушкамъ; она была добра и кротка; лицо ея носило до старости слѣды красоты, нѣкогда замѣчательной. Можетъ-быть это было одною изъ причинъ, что характеръ ея не испортился, не очерствѣлъ; ее не раздражала мысль, что она будто обижена, обой-

дена за какой-нибудь рѣзкій недостатокъ въ наружности. Въ молодости она имѣла много обожателей, но была влюблена однажды, на всю жизнь. Родители ея и слышать не хотѣли о бракѣ ея съ этимъ человѣкомъ и никакихъ средствъ не считали позволительными для того, чтобъ разлучить ихъ, и успѣли въ этомъ. Эту эпоху своей молодости, тетушка называла «романомъ своей жизни». Она до старости сохранила въ душѣ чувствительность и заливалась слезами надъ произведеніями Августа Лафонтена и другихъ чувствительныхъ писателей, и съ трепетомъ слѣдила за ужасами «Удольфскихъ Тайнствъ». Но эта чувствительность не распространилась у ней на все безъ разбора, кстати и не кстати. Въ практической жизни тетушка была добрая хозяйка, любившая хорошо покушать и выпить кофею по утру. Она не была тѣмъ, что называютъ образованною, и не имѣла на это никакихъ видимыхъ претензій; воспитываясь у своей бабушки, она одна, изъ всего семейства, не знала французскаго языка; но во многихъ случаяхъ обнаруживала умъ ясный и практическій. Она не любила задавать тону, то-есть казаться выше того, что есть, но любила, чтобы все у нея было хорошо, чтобы сосѣдка, уѣзжая съ ея обѣда, говорила: «Какой прекрасный столъ у Авдотьи Петровны! Когда ни заѣзжай, голодна не будешь...»

Какъ теперь гляжу на эту добрую старушку: темный капотъ и бѣлая косынка на головѣ, повязанная «маленькой головкой», составляли ея будничный нарядъ. Чепцовъ она не любила, потому что они закрывали ей уши и усиливали глухоту, и оттого чепецъ являлся на ея головѣ только по воскресеньямъ или по случаю какого-нибудь рѣдкаго визита дальнѣйшей, богатой сосѣдки. Въ воскресенье и праздники тетушка облакалась какою-то торжественностью и особеннымъ достоинствомъ, но эта торжественность продолжалась только до обѣда: послѣ обѣда, которая-нибудь изъ сосѣдокъ говорила: «Что это вы, родная, не изволите снять чепчика?» Тетушка всегда съ радостью принимала подобное предложеніе, и голова ея снова красовалась въ бѣлой косынкѣ.

Сосѣдки у насъ были, по близости, все бѣдныя; у самой богатой считалось не болѣе пяти душъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были сверстницы тетушки; другія были еще дѣтьми, когда она была молода; но всѣхъ ихъ связывали съ тетушкой и между собой болѣе или менѣе общіе интересы. Тетушка была между ними,

какъ въ своей семьѣ. Онѣ искренно любили ее, и тетушка платила имъ тѣмъ же; онѣ разнообразили ея уединенную жизнь и были ходячими газетами нашего края. Посвѣщая окрестныхъ помѣщиковъ, онѣ имѣли возможность узнавать и передавать тетушкѣ, уже много лѣтъ никуда не выѣзжавшей по случаю слабости здоровья, всѣ новости: свадьбы, похороны, продажи и покупки имѣній, выѣзды и пріѣзды. Тетушку занимало все это, потому что рѣдкій помѣщикъ или помѣщица не были сыномъ, внукой, близкимъ родственникомъ ея прежнихъ знакомцевъ, а кто постарѣе, то и самимъ знакомцемъ. Мушницъ въ нашемъ домѣ не было и духу; горничныя исправляли должность лакеевъ. У сосѣдокъ мужа были или пьяницы, или ужъ такъ необразованы и грубы, что сами дичились тетушки, а иной, живя дурно съ женою, зналъ, что тетушка поглядитъ на него не совсѣмъ ласково. Эти мужа были, большею частью, причиной всѣхъ драматическихъ приключеній въ нашемъ окологдѣ, то-есть шуму и дракъ по праздникамъ въ окрестныхъ деревняхъ. Изъ этихъ господъ только одинъ появлялся еще въ торжественные праздники въ маленькой гостиной тетушки; это былъ нѣкто Андрей Петровичъ. Этотъ Андрей Петровичъ нѣкогда служилъ гдѣ-то въ судѣ, потомъ женился на дочери одной изъ нашихъ сосѣдокъ, и первые годы супружества безжалостно билъ свою жену, которой покровительствовала тетушка; но вдругъ онъ перемѣнился, сталъ хорошимъ хозяиномъ и пересталъ бить жену. Чудную эту перемѣну приписывали одному знахарю, къ которому тихонько ѣздилъ Варвара Степановна посовѣтоваться о своемъ горѣ.

Появленіе мое въ домѣ тетки принесло ей большую радость. Я была новымъ звеномъ, привязывавшимъ ее къ землѣ. Она теперь имѣла право, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, желать продолженія жизни, потому что эта жизнь нужна была маленькому существу, отданному ея покровительству. Воспитаніе мое... но у меня не было того, что называется воспитаніемъ. Я не знала гувернантокъ, тетка терпѣть ихъ не могла. Русской грамотѣ я выучилась еще на пятомъ году, съ пяти лѣтъ пристрастилась къ чтенію и до пятнадцати ничему больше не училась. Въ то же время я выучилась и писать самымъ оригинальнымъ образомъ. Малюткой я копировала сперва печатныя буквы, по-

томъ стала подражать почерку нѣсколькихъ старинныхъ писемъ и бумагъ, хранившихся въ незапертомъ сундукѣ, въ углу диванной; мнѣ было позволено разбирать ихъ, съ тѣмъ чтобы, на-смотрѣвшись, я снова уложила ихъ въ прежнемъ порядкѣ. Если удавалось мнѣ написать нѣсколько уродливыхъ строчекъ, я съ восторгомъ показывала ихъ тетушкѣ, которая иногда замѣчала, что *азы* у меня, точно пьяные, покачнулись на бокъ, или *черевъ* похожъ на крючокъ; но тутъ же цѣловала меня и прибавляла, что если я буду стараться, то выучусь писать скоро и хорошо.

Я ѣла съ теткой по середамъ и пятницамъ постное; вставала съ ней къ заутренѣ и вообще восхищала всѣхъ тѣмъ, что была «какъ большая». Такъ какъ я была слабый, худенькій ребенокъ, то тетка всю зиму держала меня безвыходно въ комнатѣ, какъ говорятъ въ хлопкахъ, что не мѣшало мнѣ простужаться и хворать. Тогда заботамъ и огорченіямъ доброй тетушки не было конца: поднималась вся домашняя аптека; мнѣ окладывали голову листьями соленой капусты, поили мятой, и только въ крайнихъ случаяхъ давали огуречнаго рассола. Тетка не вѣрила докторамъ, да, правда, въ деревнѣ, поневолѣ обходилось дѣло безъ доктора: губернский городъ былъ за 200 слишкомъ верстъ, а уѣздный врачъ находился, большею частью, или на слѣдствіи, или гдѣ-нибудь у помѣщиковъ.

Въ сумерки тетушка сажала меня передъ собой на столъ, спускала ноги мои къ себѣ на колѣни, и, погладивъ меня по головѣ, начинала разказывать, по моей просьбѣ, сказку. Сперва разказывала мнѣ о «Хитрой лисицѣ и волкѣ», о «Строевой дочкѣ». Съ какимъ наслажденіемъ я слушала тетушку! Однажды, тетушка вдругъ припомнила сказку изъ «Тысячи одной ночи». Купцы, принцы, принцессы, волшебницы потянулись передо мной пестрою вереницей. Весь вечеръ я была въ какомъ-то обаяніи. Легши въ постель, я стала припоминать сказку и, — странное дѣло! — передо мной явился рядъ новыхъ образовъ, новыхъ приключеній, о которыхъ не разказывала тетушка, но которыя родились въ моемъ сильно-потрясенномъ воображеніи. Съ этихъ поръ явилась у меня странная способность разказывать, мысленно, самой себѣ сказки, созданныя моимъ же собственнымъ воображеніемъ. Сперва это были сказки, послѣ—цѣлые романы. Эта способность, которую нѣтъ возможности объяснить тѣмъ,

кто не имѣеть ее, была для меня источникомъ невыразимой отрады. Бывало, по цѣлымъ часамъ, хожу я задумчиво взадъ и впередъ по комнатѣ, и еслибъ былъ при мнѣ какой-нибудь опытный наблюдатель, то вѣрно бы удивился, увидѣвъ на дѣтскомъ лицѣ моемъ, то слезы, то радость, то ужасъ, то испугъ. Этихъ долгихъ путешествій по комнатѣ не могла не замѣтить и тетушка, и въ самомъ дѣлѣ странно было видѣть маленькую дѣвочку, расхаживающую съ самымъ глубокомысленнымъ видомъ. На всѣ вопросы тетушки: о чемъ я думаю? я отвѣчала неопредѣленнымъ «такъ...», и она переставала спрашивать меня, сказавъ:

—«Ну, Христось съ ней: она что-нибудь да думаетъ.»

На девятомъ году судьба послала мнѣ друга. Рядомъ съ нашею усадьбой находилась усадьба Марьи Ивановны. Имѣніе Марьи Ивановны состояло изъ десяти душъ крестьянъ и земли, совершенно смежной съ тетушкиной, такъ что домъ Марьи Ивановны отдѣлялся отъ нашего двора только заборомъ, и однимъ угломъ упирался въ тынъ тетушкинаго сада, пріютясь такимъ образомъ подъ тѣнь полувѣковыхъ березъ. Марья Ивановна была родственница тетушки и крестница ея, но уже давно не ходила къ ней, потому что была за что-то въ ссорѣ съ тетушкой. Ссора эта была семейная и не касалась никакихъ хозяйственныхъ интересовъ. Марья Ивановна была вдова; у ней было двое дѣтей, сынъ и дочь; послѣдняя была однихъ лѣтъ со мной. До тѣхъ поръ, Лизу видала я иногда издали въ церкви или, гуляя, съ заборъ садовой рѣшетки. Встрѣчаясь, мы всегда расходились какъ постороннія, потому что дѣвушка, провожавшая меня, боялась прогнѣвать тетушку; позволивъ намъ сойтись.

Однажды, помню, — это было въ Рождество, — мы отправились къ обѣднѣ; маленькая церковь была полна; за чепцами барынь тѣснились пестрые платки бабъ; за ними толкались мужички. Тетушку конвоировали два дворовые человѣка, въ синихъ кафтаняхъ, съ помощію которыхъ мы протѣснились впередъ и заняли должное намъ мѣсто. Общимъ движеніемъ я была выдвинута и очутилась у самаго амвона, рядомъ съ Лизой. Тетушка, видя, что я тутъ безопасна отъ толчковъ, оставила меня.

Я взглянула на Лизу, она на меня, и мы обѣ тихонько засмѣялись, сами не зная чему. Этимъ знакомство наше было сдѣлано. Сердце мое билось отъ удовольствія и отъ какого-то новаго

для меня чувства. Неодолимая сила тянула меня къ Лизѣ, мнѣ хотѣлось обнять и разцѣловать ее, но я была слишкомъ «умное» дитя, и удержалась отъ такого порыва. Мы довольствовались взглядами и улыбками; мы даже тихонько проговорили другъ другу нѣсколько словъ. Послѣ обѣдни дали мнѣ пѣлюю прософору; этимъ преимуществомъ пользовалась я всегда, потому что тетка давала муку на прософору и вообще считалась старшею и богатою прихожанкой. Прософора эта была для меня очень пріятнымъ даяніемъ: обѣдня кончилась поздно, а тетушка никогда не пила чай до обѣдни и мнѣ не давала, и я, бывало, порядочно проголодаюсь.

Я предложила Лизѣ половину прософору...

— Кушайте, сказала она мнѣ,—я не хочу.

— Мнѣ много, я не съѣмъ всего.

Лиза взяла и поблагодарила меня. Между тѣмъ сосѣдки обступили тетку и съ торжествомъ говорили, указывая на меня:

— Посмотрите, какой ангелъ, какая доброта! Взгляните на нихъ, что за парочка!

— Пойдемте здороваться съ тетушкой, шепнула я Лизѣ.

— Я не знаю, какъ маменька, робко отвѣчала она.

— Ничего, ступай! сказала стоявшая за нами Марья Ивановна, которая давно искала случая помириться съ тетушкой.

Тетушка поздоровалась съ Лизой благосклонно, думая, что та подошла къ ней единственно по влеченію сердца. Вслѣдъ за дочерью подошла къ теткѣ и Марья Ивановна. Тутъ совершилось между ними примиреніе безъ словъ, безъ объясненій. Тетушка пригласила Марью Ивановну обѣдать и съ Лизой. О, какимъ это было для меня праздникомъ!

Съ этого времени Лизѣ позволено было приходиться ко мнѣ каждый день, и скоро мы сдѣлались почти неразлучны; Лиза была красивая дѣвочка, съ темными волосами, большими сѣрыми глазами и черными тонкими бровями; большой носъ только придавалъ ей серьезное выраженіе. Она была суха и скрытна въ обращеніи. Довѣренность ея пріобрѣталась не скоро. Въ домашней жизни ея матери были какія-то, таинственныя для меня, темныя пятна, и потому, отпуская Лизу ко мнѣ, она старалась внушать ей недоувѣрчивость; она знала, что это лучшее средство сдѣлать ее скро-

мною. Лиза была странное существо. Горе и радость выражались у ней такъ блѣдно, такъ тихо, и, несмотря на то, возбуждали участіе; но вообще она принимала за горе только то положительное горе, которое легко можно опредѣлить словами и которое не выходитъ за границы матеріяльнаго. Она почти никогда не плакала, говорила, что слезъ у ней не вышибешь и обухомъ. Никогда ни къ кому не ласкалась безъ причины, такъ, по влеченію внутренняго чувства, переполняющаго черезъ край молодое сердце. Разъ, помню это какъ теперъ, мы ходили въ саду, въ ясный весенній день; солнце обливало горячими лучами синеватую зелень пихтъ и сверкающіе листья березъ; воздухъ напоенъ былъ живительнымъ запахомъ свѣжей зелени и благоуханіемъ ландышей, которые выставляли серебряные колокольчики изъ-подъ широкихъ, атласистыхъ, темнозеленыхъ листьевъ своихъ; чувство безотчетнаго счастья вдругъ охватило все существо мое, сладкій трепетъ проникъ меня, и, заливаясь слезами, я вдругъ обняла Лизу и скрыла лицо на ея груди. Она посмотрѣла на меня съ удивленіемъ, и на поцѣлуй мой отвѣчала съ убійственнымъ коизмомъ:

— Здравствуй! давно не видались! потомъ прибавила:—какая же ты странная!

Я глубоко обидѣлась; сердце у меня сжалось непривычнымъ холодомъ. Лиза замѣтила это и сказала:

— Послушай, Генчикъ, ты не сердись на меня, я ужъ такъ человекъ, я не могу ласкаться; я тебя люблю, ты знаешь, но ласкаться не могу; спроси хоть маменьку, и она тебѣ скажетъ; я и сама не рада.

Это успокоило меня, я скоро примирилась съ ея холодностью, увѣривъ себя, что она «ужъ такой человекъ».

Странно, что книги никогда не могли возбудить ея вниманія; она засыпала на второй страницѣ каждой повѣсти или романа, какъ ни были занимательны они; но слушала съ удовольствіемъ, когда я разказывала ей читанное. Лиза была строга и положительна не по дѣтамъ, такъ же какъ я мечтательна не по дѣтамъ; но между тѣмъ мы притворялись дѣтьми передъ старшими и удалялись отъ всего, что насъ не касалось. Самолюбіе уже говорило въ насъ, и услышать:—«вы еще дѣти, это не ваше дѣло»—было бы намъ очень обидно.

И вотъ, незамѣтно создается для насъ особый міръ и окружить насъ волшебною чертой. Мы стали играть... Но эти игры не походили на игры другихъ дѣтей, гдѣ куклы и воображаемые гости составляютъ все. Нѣтъ! наши игры были цѣлые романы, драмы, поэмы... Воображеніе мое работало сильно, и яркость моихъ вымысловъ увлекала мою подругу. Слово «будто» было волшебнымъ жезломъ, по которому двигалось и творилось все, чего бы мы ни пожелали... Часто мы обливались горькими слезами въ нашихъ играхъ, и тогда, какъ уже были почти взрослыми. Игры наши расли и развивались по мѣрѣ того, какъ развивались наши способности, разгорячалось воображеніе; общество, балы, любовь, тираны и покровители, богатство, удовольствія, радость и горе, всѣмъ этимъ окружали мы себя полно и живо, угадывая, по своему разумѣнію то, чего еще не испытали въ дѣйствительности; чтеніе романовъ также не мало способствовало этому. Такъ, не выходя за рѣшетку сада, мы совершали дальнія путешествія, попадались въ руки разбойниковъ; влюбленный въ меня атаманъ готовъ былъ уже сдѣлаться моимъ мужемъ, и, вотъ, является неожиданный избавитель; разбойники упорно защищаются, наконецъ, побѣжденные, спасаются бѣгствомъ. Избавитель, разумѣется очаровательный молодой человекъ, раненъ; мы ухаживаемъ за нимъ; я влюбляюсь и любима взаимно; но тутъ жестокой отецъ разрушаетъ свою непреклонною волей всѣ наши надежды, и принуждаетъ меня выйти за знатнаго старика. Лиза,—тогда уже разумѣется подъ другимъ именемъ,—старшая сестра моя, собираетъ меня; несчастную жертву, къ вѣнцу, похитивъ изъ цвѣтника нѣсколько лилій и пунцовый піонъ для такого торжественнаго случая, потомъ приводитъ меня, полную отчаянія, въ великолѣпно убранный залъ, наполненный гостями (то-есть въ пустую, старую бесѣдку въ саду), тутъ я падаю въ обморокъ... Общее смятеніе... и наконецъ появленіе Дуняши съ докладомъ, что тетенька приказала насъ позвать кушать чай или обѣдать. Очарованіе исчезаетъ и замѣняется дѣйствительностью, имѣвшею для насъ въ то время также свою прелесть. Печальная невѣста бѣжитъ съ громкимъ смѣхомъ по длинной, густой липовой аллеѣ къ дому, гдѣ вмѣсто жестокаго отца ждетъ ее добрая тетушка, вмѣсто ненавистнаго свадебнаго пира—густыя сливки и ягоды.

Намъ минуло четырнадцать лѣтъ. Я, бывшая до сихъ поръ

меньше ростомъ Лизы, вдругъ выросла и развилась, такъ что на полвершка переросла мою подругу. Мы стали и на видъ совсѣмъ большими; и сосѣдки, и тетка обращались съ нами уже какъ со взрослыми. Насъ звали неразлучными; тетка же называла насъ любовниками, потому что мы всюду и всегда являлись вмѣстѣ, и одна безъ другой не выходили даже въ другую комнату. Лиза всегда ночевала дома, и каждое утро я съ трепетомъ ожидала, когда появится она, въ своей шубеечкѣ, на дорогѣ передъ домомъ. Иногда, зимой, она, бывало, подкрадется и броситъ снѣгомъ въ стекло. Простуды она не знала и никогда не была больна; зато я хворала порядочно, хотя всю зиму и сидѣла безвыходно въ комнатахъ. Но случалось на святкахъ, когда тетушка заговорится съ сосѣдкой, рѣшусь я выбѣжать съ Лизой тихонько на крыльцо. Это было не такъ трудно, потому что крыльца было два, передняя всегда была пуста, и насъ не могли видѣть. Боже мой! какой это былъ подвигъ! Сердце билось, будто совершалось преступленіе; стащишь, бывало, большой платокъ, висѣвшій всегда на тетушкиныхъ ширмахъ, накинешь на голову... такъ и хочется вырваться на волю...

— Надѣнь мои валенки, молвить Лиза,—видишь ты какая фарфоровая...

— А ты какъ же, Лиза?

— Я не простужусь; я такъ надѣла валенки; я все въ башмакахъ по снѣгу хожу.

И выйдемъ мы, со страхомъ, скрипнувъ дверь. И глянетъ, бывало, на насъ своими брилліантами звѣздная, морозная ночь, и хорошо намъ, и весело, и стоимъ мы, будто очарованныя, на хрупкомъ снѣгу, пожирая взоромъ пространство, залитое луннымъ свѣтомъ, засыпанное милліонами искръ, и глядимъ мы на звѣздное небо, синее, безграничное, какъ надежда, чудное и далекое, какъ будущность, о которой мечтаетъ довѣрчивая молодость...

А когда наступала весна, когда яркій потокъ ослѣпительнаго свѣта вливался въ окна, не завѣшенные драпировкой, и воробьи весело чирикали на кустахъ сирени, покрытыхъ по чками, и скворецъ распѣвалъ на своемъ скворешникѣ, а на окошкѣ начинали цвѣсти ирисы и авриколіи, и оживающія мухи жужжали на тепломъ стеклѣ,—о, какой чудный міръ отрады и блаженнаго восторга

раскрывался тогда въ душѣ моей! Какъ стремилась я вырваться на воздухъ, съ какою завистью смотрѣла на здоровыхъ ребятшекъ, которые валадались въ весеннихъ лужахъ; съ какою любовью приникала я къ вѣткѣ вербы, занесенной Дуняшей или Аннушкой въ дѣвичью; какъ вдыхала свѣжій запахъ ея коры; какъ ждала, какъ молилась, чтобъ поскорѣй сошелъ снѣгъ, и солнце высушило землю, потому что только тогда кончалась моя неволя; только тогда открывался входъ въ необъятный храмъ природы, гдѣ я пила полною грудью живительную струю весенняго воздуха.

У Марьи Ивановны, какъ я сказала выше, былъ еще сынъ, годомъ моложе Лизы; азбука едва была знакома мальчику, который, по выраженію тетушки, ѳгалъ какъ саврасъ безъ узды. Митя приходилъ къ намъ съ сестрою только по воскресеньямъ и праздникамъ поздравить тетушку, что онъ, по внушенію матери, считалъ непреложною обязанностью; прочіе же дни предпочиталъ играть съ мальчишками въ бабки, или разорять птичьи гнѣзда, противъ чего Лиза ужасно возставала. Мы, вообще, не питали къ нему никакого уваженія и никогда не пускали въ свои игры.

Марья Ивановна вспомнила, что сыну пора приниматься за грамоту, и стала отыскивать учителя «не мудренаго», да съ тѣмъ, чтобъ уже кстати поучилъ и Лизу, которая однако читала порядочно.

— Геничку мою нечего учить, говорила тетушка, —будетъ время, сама всему выучится; она читаетъ безподобно; пишетъ очень порядочно; мнѣ самой Богъ помогъ ее выучить.

— Вы, маменька, другое дѣло, говорила картава Марья Ивановна, —вы и сравненья нѣтъ. Не будь у меня Митеньки, я бы Лизу и не подумала учить, ну а мальчика такъ оставить нельзя... А легко будто это? Вотъ учитель-то сто рубликовъ просить... а отъ какого состоянія?

— Ну, ужъ такъ и быть, я заплачу учителю, сказала тетушка.

Марья Ивановна бросилась цѣловать у ней руку.

Въ одно мартовское утро, Лиза живѣе обыкновеннаго вбѣжала ко мнѣ въ комнату.

— Здравстуй! сказала она, пахнувъ на меня свѣжимъ воздухомъ:—что это ты до сихъ поръ въ постель?.. Ахъ, ты соня эдакая!

— Да ты, Лиза, вчера въ которомъ часу легла?

— Какъ пришла отъ васъ, въ девять часовъ.

— Ну, а я до двѣнадцати читала тетушкѣ... Ахъ, Лиза, что это за книга, Мельмотъ—Скиталецъ!

— Ну, полно ты съ книгами! Къ намъ учителя привезли...

— Привезли? вскричала я, и тотчасъ стала одѣваться.—Ну, скажи, что онъ? молодой?

— Молодой.

— Хорошъ ли?

— Ничего, не дурень...

— Черноволосый?

— Нѣтъ, блѣдуристый...

Лиза рассказала мнѣ со всѣми подробностями о прїездѣ учителя и первый разговоръ съ нимъ матери. Она смѣшила меня, безо всякаго намѣренія смѣшнить. Притомъ же, въ то блаженное время, смѣхъ нашъ ежеминутно раздавался, заставляя иногда улыбаться даже Федосью Петровну, тетушкину ключницу. Отъ тетки мнѣ всегда доставалось за смѣхъ.

— Геничка! говорила она тономъ строгости:—ей! привыкнешь смѣяться поминутно, будешь смѣяться и въ обществѣ.

Добрая тетушка! какъ она ошибалась: привыкнуть быть веселой! какъ будто это возможно.

Я смѣялась только съ Лизой, а безъ нея была иной человѣкъ; да и при ней, часто, вдругъ набѣгали на меня минуты безотчетной тоски, я садилась въ уголокъ и плакала. Мы не смѣялись, когда въ сумерки смотрѣли у окна, какъ догорала заря или носились сѣрые облака. Тутъ мы или молчали, или говорили не подѣтски, о предметахъ высокихъ и недоступныхъ намъ, рѣшая по своему вопросы, волновавшіе нашъ умъ. Я старалась заинтересовать мою подругу тѣмъ, что сама считала высокимъ и прекраснымъ. Лиза, впрочемъ, терпѣть не могла отвлеченныхъ разговоровъ, и когда я замечалась, она всегда, бывало, прерветъ меня:

— Ну, мать моя, ты ужь пошла разсуждать, точно учена.

Я падала съ облаковъ и становилась въ уровень съ ея положительностью, которая исчезала только тогда, когда мы начинали играть.

Жизнь моя раздѣлилась незамѣтно на двѣ половины: на жизнь съ Лизой и на жизнь безъ нея. Все время одиночества я посвящала на чтеніе и на бесѣду съ тетушкой, которой рассказы были

для меня пріятны и занимательны; но не всегда разказывала тетушка: часто она поучала и читала длинныя нотации, которыя я слушала съ наружнымъ терпѣніемъ; но несмотря на то, многое оставалось у меня въ сердцѣ, и я часто сознавала внутри себя, что тетка говоритъ правду. Такъ ея рѣчи были иногда полны истины. Пріѣздъ учителя не нарушилъ моихъ свиданій съ Лизой; она приходила ко мнѣ только часомъ позже утромъ, и уходила часа на полтора послѣ обѣда учиться, и то не всякій день. Объ учителѣ разговоры у насъ было не мало. Она пересказывала мнѣ каждое его слово, иногда посмѣивалась надъ нимъ; говорила, что у него много стиховъ, что онъ привезъ съ собой десятка два книгъ. Говорила также, что онъ спрашивалъ обо мнѣ, что просилъ ее кланяться мнѣ и попросить у меня книгъ, потому что онъ умираетъ отъ скуки.

Я знала неряшливость, царствовавшую въ домѣ Марьи Ивановны, и понимала, какъ тяжело было мало-мальски порядочному человѣку жить тутъ, не имѣя съ кѣмъ перекинуться мыслью. Я посылаю ему книги, и когда получала ихъ назадъ, невольно перелистывала ихъ... нѣкоторыя мѣста были подчеркнуты карандашомъ....

А между тѣмъ апрѣльское солнце сгоняло послѣдній снѣгъ, и садъ принялъ какой-то зеленовато-бурый оттѣнокъ. Иныя аллеи начинали уже просыхать, и дикій цикорій зацвѣлъ на завалинахъ, у стѣнъ дома. Мы обдумывали съ Лизой, какъ бы попроситься у тетушки погулять, и сердце мое замирало при мысли объ отказѣ. Наконецъ, въ одинъ теплый день, вошла я къ тетушкѣ. Она сидѣла за книгой и шепотомъ читала.

— Что ты, Геничка? спросила она, замѣтивъ меня.

— Тетенька! отпустите насъ погулять, очень тепло, спросите Ѳедосью Петровну...

Тетушка выходила на воздухъ только въ самые жары.

Тутъ же кстати вошла и Ѳедосья Петровна.

— А что? тепло на дворѣ, Ѳедосья? спросила тетушка.

— Тепло, хорошо, сударыня. Али дѣтямъ погулять хочется? Отпустите, матушка! тепло сегодня, не простудятся.

Никогда не забуду той радости, которую я чувствовала при этомъ рѣшеніи.

За дверьми тетушкиной комнаты ждала меня улыбавшаяся

Лиза; она радовалась больше за меня, чѣмъ за себя, потому что прогулка не имѣла для нея такой новизны и прелести, какъ для меня. Я прыгала, какъ козленокъ, и обнимала всѣхъ горничныхъ. Черезъ нѣсколько минутъ явилась Федосья Петровна съ цѣлымъ возомъ на рукахъ разной одежды. Я съ ужасомъ глядѣла на толстый ваточный капотъ и тетушкину мѣховую кацавейку, на платки и платочки, которые должны были накутаться на меня. Радость моя нѣсколько помрачилась, при мысли, что я едва буду въ состояніи повернуться, не только бѣгать.

Начался процессъ одѣванья:

— Федосья Петровна! да вы меня задушите, говорила я умоляющимъ голосомъ.

— Нечего, сударыня, отвѣчала она, — простудитесь, хуже будетъ; куда мы тогда поспѣемъ? всѣ будемъ виноваты у тетьки.

Наконецъ, задыхаясь отъ жару, скорѣе похожая на копну сѣна чѣмъ на живаго человѣка, вкатилась я къ тетушкѣ, увлекаемая впередъ собственною своею тяжестью.

— Тетушка! мнѣ душно, мнѣ жарко! восклицала я почти со слезами: — нельзя ли снять хоть кацавейку?

— Смотри, не простудись, Геничка! не срази ты меня...

— Да этакъ я хуже простужусь, замѣчала я, чисто инстинктивно.

— Не снять ли ужъ и вправду кацавейку, Федосья, ежели очень тепло?

— Какъ прикажете; оно тепло-то, тепло... вѣтерочекъ есть маленькій.

— Вонъ, видишь ли, Геничка, вѣтрено, говорятъ.

— Да какое вѣтрено, тетенька! посмотрите, деревья не качаются...

— Ну, ужъ сними съ нея кацавейку. На, вотъ, надѣнь мой платокъ, онъ претеплый.

И тетушка сняла съ себя платокъ и, къ великому моему удовольствію, замѣнила имъ кацавейку.

Мы вышли. Федосья Петровна проводила насъ и обѣщала прислать намъ сказать, когда будетъ время воротиться домой. Глубоко и ярко сіяло надъ нами голубое весеннее небо, и, казалось, вызывало магнетическою силою изъ земли разнообразныя расте-

нія, разбивало почки на деревьяхъ и всему давало жизнь и блескъ. Насъ обдавало тѣмъ теплымъ, проникающимъ воздухомъ весны, который заставляетъ сердце биться сильнѣе обыкновеннаго и располагаетъ душу къ мечтѣ и вѣрѣ въ счастье. Мы добѣжали до конца сада и остановились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ калитки, выходящей въ поле, вскрикнувъ отъ неожиданности: у калитки стоялъ учитель.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ, какъ вы насъ испугали! сказала Лиза.

— Извините, сказалъ онъ, — я никакъ не хотѣлъ испугать васъ. Здравствуйте, Евгенія Александровна! обратился онъ ко мнѣ свободно и весело, будто старый знакомый.

Я отвѣчала ему тѣмъ же. Я живо помню этотъ первый разговоръ мой съ нимъ.

Мы походили съ нимъ на старыхъ друзей, давно не видавшихся и спѣшившихъ, въ короткое свиданіе, передать другъ другу свои впечатлѣнія.

Во время самаго жаркаго разговора, Лиза сказала какъ-то отрывисто:

— Пора и домой, насъ зовутъ.

И въ самомъ дѣлѣ, визгливый голосъ Дуняши раздавался по саду. Мы простились съ учителемъ и бросились къ ней бѣгомъ на встрѣчу.

Прійдя домой, я вспомнила, что Лиза ни разу не вмѣшалась въ разговоры наши, и что ей было скучно, потому что подобные разговоры были не въ ея вкусъ.

— Чтò это ты не говорила съ нами? спросила я ее.

— А чтò мнѣ говорить? я не умѣю говорить по твоему, да и терпѣть не могу говорить съ нимъ...

— Отчего же, мой другъ? спросила я съ изумленіемъ, — онъ, кажется, умный человѣкъ.

— Онъ мнѣ противенъ; езуитъ долженъ быть.

— Почему ты такъ думаешь?

— Да ужь такъ, сердце мое чувствуетъ, не даромъ я такъ не люблю его; вотъ вспомни меня.

Лиза имѣла на меня большое вліяніе, и потому слова ея огорчили меня и родили какое-то чувство сомнѣнія на счетъ учителя. Я считала себя, не знаю почему, будто виноватою передъ Лизой,

и старалась всячески заставить забыть ее, что я такъ исключительно занималась въ саду учителемъ.

Дни становились все теплѣе. Мы наконецъ уже получили свободу гулять, сколько душѣ угодно; тетушка давала намъ эту свободу въ уваженіе краткости сѣвернаго лѣта. Уже длинныя косы мои свободно бились по моимъ плечамъ; я не любила носить ихъ обвитыми вокругъ головы, какъ всегда дѣлала Лиза, за что тетушка звала меня Авессаломомъ.

Свиданія наши съ Павломъ Ивановичемъ повторялись довольно часто; но Богъ вѣсть, отчего мнѣ неловко было говорить съ нимъ при Лизѣ. Онъ видимо искалъ насъ встрѣтить и показывалъ въ отношеніи ко мнѣ тонкую внимательность въ обращеніи. Сердце мое билось каждый разъ, когда привѣтливые звуки его голоса касались моего слуха. Мнѣ становилось такъ хорошо, такъ отрадно послѣ разговора съ нимъ, какъ будто тяжесть спадала съ моей души. Лѣтомъ Лиза не была такъ безотлучно со мною, какъ зимой; она часто отправлялась съ матерью за грибами; это было для нея слишкомъ большое удовольствіе, и она бы не пожертвовала имъ для моего общества. Учитель почти всегда оставался дома, и я увѣрена была, что послѣ обѣда найду его у рѣшетки сада.

Да, я забыла сказать еще что-нибудь о его наружности: помню, что это былъ бѣлокурый, съ тонкими, пріятными чертами лица молодой человѣкъ, средняго роста, съ такими мягкими, шелковистыми на взглядъ волосами, что невольно хотѣлось погладить ихъ. Голубые глаза его смотрѣли на меня внимательно и грустно. Теперь только припоминаю я, что одѣтъ онъ былъ, увы! въ очень старый сюртукъ.

Однажды, послѣ обѣда, мы разговаривали съ нимъ черезъ заборъ; крикъ гусей заставилъ насъ оглянуться, птичница прогнала мимо насъ свое стадо.

— Здравствуйте, матушка, Евгенія Александровна! сказала она.

Мнѣ вдругъ стало неловко и совѣстно. Чтò подумаетъ она, видя, какъ я одна разговариваю съ учителемъ? Чтò, если это полагать поводъ къ сплетнямъ? если узнаетъ тетушка?.. Но я старалась отогнать эту мысль, и намъ снова стало хорошо и весело.

Не забуду я этого дня! мнѣ кажется, и теперь вижу я это синее небо; жаркій воздухъ румянитъ мнѣ лицо; рой насѣкомыхъ жуж-

жить на разные тоны; солнце сушить скошеное сѣно, и вѣтерокъ едва колышетъ листья березы; вдали за садомъ сверкаетъ извилистая рѣка; я вижу ее сквозь заборъ, такъ же какъ таинственную синеву дали, какъ колышущіяся нивы, пестрѣющія васильками, и дикую ленту дороги, по которой подымается облако пыли и скрипитъ немазаная телега. И стоимъ мы, нѣсколько времени, подъ гнетомъ непостижимаго обаянія, и на меня, близко, сквозь тынъ, смотрятъ два блистающіе глаза и слышится дыханіе человѣка, перваго любящаго меня человѣка, того, чей голосъ впервые пробудилъ въ юномъ сердцѣ моемъ новыя, сладостныя ощущенія. И голова моя не кружилась, и мнѣ не было страшно — нѣтъ, я полною грудью дышала этимъ очарованнымъ воздухомъ, не дрогнувшими устами пила первую струю счастья; мнѣ казалось, что жизнь давала мнѣ должное, и я, не краснѣя, принимала даръ ея.

— О чемъ вы думаете? спросила я его.

— Я думаю о томъ, что люблю много, преданно и безгранично, отвѣчалъ онъ.

— Кого же это вы любите? спросила я такъ тихо, что голосъ мой слился съ шопотомъ листьевъ... — Хотите меня сдѣлать своей повѣренной?

Я уже начинала хитрить.

— Васъ, отвѣчалъ онъ также тихо, — вѣдь вы должны же знать это. Васъ люблю я, какъ никого не буду любить... Мнѣ кажется, мнѣ чувствуется, что и вы любите меня.

Странно! Какъ ни была я приготовлена къ подобному отвѣту; но онъ меня до того поразилъ, что первымъ дѣломъ моимъ было скрыть пылавшее лицо мое за вѣткой березы, потомъ бѣжать, бѣжать безъ оглядки домой... И, можетъ-быть, въ первый разъ пробѣжала я безъ вниманія мимо роскошныхъ группъ піонъ, пунцовыхъ и розовыхъ, мимо душистыхъ нарцисзовъ и розъ; въ первый разъ пришла въ комнату, не сорвавъ ни одного цвѣтка. Тетушка еще спала. Я остановилась передъ зеркаломъ въ гостиной, и съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ вперила въ него взоръ. Я любила! эта мысль горѣла въ умѣ моемъ яркимъ заревомъ... Я любима! и я смотрѣла на себя и, казалось, видѣла себя въ первый разъ... Да, ему нравятся и эти длинныя, свѣтлыя косы, которыя мнѣ такъ хотѣлось перемѣнить на черныя, и эти глаза... да глаза-то у меня недурны, мнѣ и Лиза говорила... Она говорила:

«Какъ бы тебѣ къ этой бѣлой кожѣ, да черные волосы и черныя брови, ты бы просто была красавица..»

И тутъ узнала я, что не нужно быть красавицей, чтобъ быть счастливой...

— Здравствуй! что это ты любишь на себя? сказала тихо вошедшая Лиза.

Мнѣ стало стыдно. Я скрыла, какъ могла, свое волненіе и начала разспрашивать Лизу, много ли она набрала грибовъ. А между тѣмъ совѣсть моя вопіяла противъ того, что я имѣла тайну отъ подруги, такъ много любимой мною. Но какъ сказать? какъ признаться? Я знала ея строгость, знала ея ненависть къ Павлу Ивановичу. Я страдала потому еще, что сердце мое жаждало откровенности.

Птичница однако не прошла мимо насъ даромъ; она сказала таинственно горничной о томъ, что, дескать, барышня все разговариваетъ съ учителемъ; отъ горничной этотъ доносъ непосредственно перешелъ къ Федосѣ Петровнѣ; но Федосья Петровна была хитра и осторожна; она не рѣшилась сказать объ этомъ тетушкѣ вѣдугъ, а стала присматривать за нами.

Я долго ничего не замѣчала. Но однажды Лиза, сидя со мною на балконѣ и поглядѣвъ на меня своими большими сѣрыми глазами, покачала значительно головой... Она знала, что это было вѣрное средство возбудить мое безпокойство. Я просила ее не мучить меня молчаніемъ.

— Послушай, сказала она,—ты развѣ хорошо дѣлаешь, что любезничаешь съ учителемъ? Всѣ тебя осуждаютъ, да еще, пожалуй, и онъ первый будетъ надъ тобою смѣяться. Вчера была у насъ Марья Матвѣвна (сосѣдка), и она ужь слышала: «какъ жаль,—говорить маменькѣ,—онъ долженъ быть ужасный чело-вѣкъ, а она еще ребенокъ.» А маменька говоритъ: «моя Лизавета такихъ же лѣтъ, да въ одномъ домѣ живетъ, а, слава Богу, ведетъ себя не такъ... Жаль, говорить, бѣдная маменька крестная! а какъ скажешь, Марья Матвѣвна, сама посуди!» Вотъ, что говорить! а наша Арина говоритъ, что вы ужь съ нимъ цѣлуетесь... Да ты не пугайся, ты брось это все, такъ и говорить перестануть... Али ты и вправду влюблена?—видишь ты поблѣднѣла какъ! сказала она, взглянувъ на меня.

Я чувствовала, какъ вся кровь прихлынула мнѣ къ сердцу; я

дрожала отъ горя и негодованія, и наконецъ залилась слезами, проникнутая глубокимъ оскорбленіемъ... Я рыдала, прислонясь къ деревянной колоннѣ балкона. Лиза долго глядѣла на меня своими спокойными глазами, потомъ вдругъ наклонилась ко мнѣ и сказала почти нѣжно:

— Да полно плакать, о чемъ ты плачешь? Экая важность! полно, все пустяки! впередъ ничего тебѣ не скажу. Вотъ онъ сколько тебѣ горя надѣлалъ! не даромъ я терпѣть его не могу.

Знаете ли вы, какъ тяжела первая клевета, какимъ камнемъ западаетъ она въ молодую, довѣрчивую душу, какъ мрачить чистый потокъ первыхъ дѣвственныхъ мечтаній? Это первое зерно зла; это начало сомнѣнія въ жизни...

Лиза успѣла наконецъ успокоить меня не много, но весь тотъ день я не могла безъ ужаса вспомнить, что выдумало на меня праздное воображеніе болтуны Арины. Черезъ нѣсколько дней я стала какъ будто привыкать къ своему горю; но уже далеко не тѣ были мои свиданія съ нимъ: они отравлены были сомнѣніемъ, страхомъ и чѣмъ-то необъяснимо грустнымъ. Онъ не могъ не замѣтить этого; но я скрыла отъ него причину моей печали и разсѣянности.

Однажды Лиза сказала мнѣ, что она идетъ послѣ обѣда за грибами. День былъ дивный; ночью шелъ дождикъ; садъ дышалъ благовонною сыростью; зелень его переливалась ярче обыкновеннаго. Мы сидѣли на крыльцѣ: широкій дворъ разстилался передъ нами изумруднымъ ковромъ, кой-гдѣ испещреннымъ лиловыми колокольчиками, алою купальницей, да золотистыми цвѣточками лютика. Три дѣвочки и мальчикъ, всѣ не старѣе пяти лѣтъ, полунагіе, какъ амурѣ, живописно расположились на травѣ. Они строили домикъ изъ старыхъ кирпичей; ихъ полненькія ручонки сверкали на солнцѣ, и серебристый смѣхъ раздавался звонко. Вдали, за дворомъ, синѣлъ лѣсъ, который былъ недоступенъ для меня, какъ эдемъ для грѣшника, и вѣроятно потому именно манилъ меня неодолимо. Тетушка имѣла странное упрямство не пускать меня дальше сада.

— Какъ ты счастлива! сказала со вздохомъ Лизѣ: — ты идешь въ лѣсъ! Нарви мнѣ ландышей; въ саду немного, и я рвать ихъ не хочу, потому что вечеромъ наслаждаюсь ихъ запахомъ.

— А какіе цвѣты тамъ на рѣкѣ! сказала она: — донникъ, кув-

шнички!.. здѣсь нѣтъ такихъ. Знаешь чтò, Геничка? попросись! тетушка отпустить тебя, теперь ты не маленькая...

— Можетъ-быть и отпустить, да ей это будетъ непріятно.

— Вотъ еще! только бы отпустила, а тамъ посердится, да такая же будетъ.

Просить, притомъ же просить съ увѣренностью, что на просьбу мою неохотно согласится, было для меня истинною пыткой; но Лиза подговаривала меня такъ усердно; темнѣющій лѣсъ, казалось, посылая мнѣ призывныя вѣсти: онѣ слышались мнѣ въ легкомъ дуновеніи вѣтерка, въ пѣснѣ жаворонка, звучащей высоко надъ нашими головами, — я побѣдила свою нерѣшимость и черезъ минуту стояла уже передъ тетушкой. Тетушка нѣсколько времени колебалась, но видно фізіономія моя была на этотъ разъ очень выразительна, что она съ улыбкой посмотрѣла на меня и сказала кротко:

— Ахъ, ты глупенькая, глупенькая, Геничка! еще совѣмъ-то ты ребенокъ... Ну, хорошо, Богъ съ тобой, только я пошлю съ тобой Катерину.

Я бросилась цѣловать руки доброй тетушки, — и какъ горячо любила я ее въ эту минуту, какъ совѣстно мнѣ было внутренно сознаться, что я ошибалась, воображая себѣ, что она не пойметъ моего желанія!

До прогулки оставалось еще нѣсколько часовъ; я то и дѣло глядѣла на небо; каждое облачко пугало меня; того и жди, что вотъ, сейчасъ, испортится погода, пойдетъ дождикъ, тогда прощай счастливыя ожиданія! Но небо было ясно; легкія, прозрачныя облачка плавали по немъ, поминутно мѣняя формы...

Отобѣдали, кончилось тревожное ожиданіе, Катерина уже вывязывается пестрымъ платкомъ; сердце мое бьется, и вотъ идемъ мы въ ближайшій лѣсъ втроемъ: Лиза, я и Катерина. Мать Лизы переѣхала намѣреніе и уѣхала на дальнюю пустошь, на покосъ, брать грибы и присматривать за работами. Лиза осталась, и я не знала, какъ благодарить ее за это. Но на благодарность мою она отвѣчала, съ своею немного насмѣшливою, лукавою улыбкой:

— Не за чтò тебѣ быть благодарной: ты думаешь мнѣ весело быть тамъ цѣлый день на солнцѣ, съ мужиками да бабами.

Мы подходили къ самому лѣсу, какъ передъ нами явился учи-

тель. Онъ предсталъ такъ неожиданно, что невольный крикъ испуга вырвался у меня.

— Чего ты испугалась? смѣясь, сказала мнѣ Лиза. — Вы, Павелъ Ивановичъ, точно изъ земли выросли, обратилась она къ нему. — Ты знаешь ли, Геничка, что Павелъ Ивановичъ колдунъ? Онъ заранѣе знаетъ, куда мы пойдемъ. Смотрите, Павелъ Ивановичъ, вы не оборотень ли?

— Если бѣ я былъ колдунъ, Лизавета Николаевна, то вы бы у меня давно поднялись теперь на воздушной колесницѣ и были бѣ перенесены въ какое нибудь волшебное царство...

— Вмѣстѣ съ Катериной, разумѣется?..

Эти послѣднія слова были сказаны Лизой, несмотря на ея скрытность, такъ желчно, такъ дышали непріязненнымъ чувствомъ, что я невольно покраснѣла и наклонилась, будто сорвать цвѣтокъ; тягостное чувство темнымъ облакомъ пронеслось у меня по душѣ. Я не могла понять Лизы; не могла сомнѣваться въ ея дружбѣ ко мнѣ и не могла объяснить вражды ея къ этому человѣку. Тысячи неясныхъ догадокъ, вопросовъ, мелькали въ головѣ моей, и я ни на чемъ не могла остановиться съ увѣренностью.

— Ахъ, Геничка, о чемъ ты думаешь? проходишь мимо грибовъ: посмотри, какіе молоденькіе! Нѣтъ, съ вами немного наберешь, сказала Лиза, и повернула въ чащу. — Ты не ходи за мной, Геничка! кричала она, — ты не привыкла ходить по лѣсу; посмотри, какой здѣсь ломъ! ты упадешь, или ногу наколешь; я ужъ привыкла.

И вправду, лѣсъ былъ мѣстами такъ не чистъ и заваленъ вѣтками отъ срубленныхъ деревъ, что я, попытавшись слѣдовать за Лизой, упала оступившись, и со смѣхомъ воротилась на лужайку. Лиза была въ лѣсу, какъ дома, и по самымъ ломнымъ мѣстамъ шла такъ легко и свободно, что ее можно было бы принять за лѣсную нимфу, еслибъ сухіе сучья не трещали подъ ея ногами. Вскорѣ она скрылась, и, уже вдали, переключалась съ Катериной громкимъ «ау». Мнѣ было почти досадно быть передъ нею такою изнѣженною и разниться отъ нея чѣмъ бы то ни было. Притомъ же я становилась въ необходимость остаться наединѣ съ молодымъ человѣкомъ; мнѣ вспомнились всѣ сплетни, всѣ нелѣпые толки, и навели на мою душу облако недовѣрчивости и безотчетнаго

страха. Но онъ поглядѣлъ мнѣ въ лицо такъ грустно и такъ кротко, что передъ этимъ взглядомъ исчезли всѣ мои сомнѣнія, и я ужъ тайно раскаивалась, что оскорбила его недоувѣрчивостью. Я улыбнулась и подала ему пучокъ незабудокъ, нарванныхъ при входѣ въ лѣсъ...

— Вы измѣнились, сказалъ онъ, не перемѣняя выраженія лица, — вы стали не тѣ; вы будто боитесь меня, меня, который бы отдалъ радостно свою печальную, бесполезную жизнь за ваше счастье! Не грѣхъ ли вамъ! Не слушайте ихъ! подумайте, что это за люди, какими глазами смотреть они на все чистое и прекрасное души... Не мучьте и себя: я знаю, каково вамъ сомнѣваться...

Я съ трудомъ удержала слезы, готовая брызнуть изъ глазъ, и рассказала ему, — утаивъ только выдумку Арины, — мои опасенія и сосѣдскія толки и то, какъ тяжело мнѣ думать, что можетъ-быть между нами скоро станетъ высокая стѣна и закроетъ насъ другъ отъ друга.

Я говорила съ жаромъ; ленточка, заплетенная въ мои волосы, осталась на какой-нибудь иголкой вѣткѣ; я этого не замѣчала до тѣхъ поръ, пока косы мои не расплелись и не распустились длинными, волнистыми прядями до колѣнъ, покрывъ совершенно мои плеча. Какъ мнѣ было стыдно! такъ стыдно, что я охотно бѣ провалилась сквозь землю. Что жъ? воспользовался ли онъ моимъ замѣшательствомъ, предался ли глупому удовольствію смущать еще больше и безъ того смущенную дѣвушку? Нѣтъ, онъ какъ будто и не глядѣлъ на меня, хотъ я въ то же время ясно видѣла, что онъ тайно любовался мной, потому, что онъ любилъ, а любимая женщина всегда первая красавица для любящаго....

— Вы устали, сказалъ онъ, — отдохните здѣсь. Посмотрите какія хорошенькія птички порхаютъ надъ нами, — это малиновки, только что вылетѣвшія изъ гнѣзда. Хотите, я поймаю одну изъ нихъ?

— Не поймать вамъ! сказала я, свивая изъ осоки снурокъ, чтобъ связать волосы.

— Какъ не поймать! нужно только подкрасться тихо и осторожно, чтобъ не спугнуть...

И онъ въ самомъ дѣлѣ поймалъ одну птичку, Бѣдная крошка трепетала въ моихъ рукахъ; свѣтленькія глазки будто молили о

пощадѣ; она мнѣ стала такъ мила и жалка, будто мы были съ ней родня, будто между нами было что общее. Я покрывала поцѣлуями ея нѣжныя, пепельнаго цвѣта перышки, ея шейку, покрытую розовымъ пухомъ.

Я раскрыла руку, сжимавшую плѣнницу, на столько, чтобы дать ей возможность улетѣть. Птичка будто не вдругъ повѣрила своей свободѣ она вытянула шейку и встряхнула крылышками, прежде чѣмъ вспорхнула и присоединилась къ подругамъ.

— Мы дали ей урокъ опытности, сказалъ онъ съ улыбкой, садясь на траву, — теперь она не скоро попадется въ кошечьи лапы. А вѣдь вѣрно бѣдняжкѣ казалось большимъ несчастіемъ то, что послѣ послужить ей благомъ...

— Какъ же страшно жить на свѣтѣ если добро и зло такъ перемѣшаны, что трудно отличить ихъ, замѣтила я.

— Да, жизнь не легка...

— Вы много страдали? Я ничего не знаю изъ вашего прошедшаго.

— Я расскажу вамъ его, если оно хоть немного интересуесть васъ.

— Не возбудить ли это слишкомъ тяжелыхъ воспоминаній?

— Самое тяжелое я пропущу, потому что, видите, все-таки не-пріятно смотрѣть на болото, въ которомъ едва не погибъ.

— Намъ остается немного времени быть вмѣстѣ, я боюсь, что не успѣю ничего узнать. Лиза и Катерина, можетъ-быть, ужь ищутъ насъ и думаютъ, что мы заблудились.

— Намъ остается еще нѣсколько часовъ. Лиза не придетъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ время идти домой. Судя по солнцу теперь часъ четвертый, а вы должны воротиться домой только къ чаю.

— Почему вы это знаете? живо спросила я.

— Потому что я просилъ ее объ этомъ.

— Вы! что же она подумаетъ?

— Подумаетъ, что мнѣ хотѣлось поговорить съ вами.

— Ахъ, что вы сдѣлали? знаете ли, что она васъ ненавидитъ?

— Да какое намъ дѣло до ея ненависти?

— И вы сдѣлали это тихонько отъ меня?

— Чтобы поймать птичку, надо всего больше стараться не спугнуть ее.

— Вы играете роль кошки, сказала я съ негодованіемъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ тихо и нѣжно, — скорѣе роль той маленькой, бѣлой ручки, которая поласкала и отпустила малиновку, давъ ей урокъ опытности. Пройдутъ годы, и, можетъ-быть, мысль ваша обратится съ любовью и благодарностью къ воспоминанію обо мнѣ. Это гордая мечта съ моей стороны; но я увѣренъ, что она сбудется, потому что она такъ же чиста и благородна, какъ любовь моя къ вамъ.

Я дружески протянула ему руку; я уважала и цѣнила его чувство. Вотъ, что разказалъ онъ мнѣ о себѣ:

II.

«Я родился въ двухъ стахъ верстахъ отсюда, въ селѣ Покровскомъ. Отецъ мой и теперь тамъ священникомъ. Это бодрый, умный старикъ, характера строгаго и взыскательнаго. Семейю свою онъ держитъ въ рукахъ, и нѣтъ удержи его родительскому деспотизму. Мать моя добрая, кроткая женщина. Насъ у батюшки семеро: два брата и пять сестеръ. Старшій братъ мой уже восьмой годъ священникомъ въ одномъ богатомъ, торговомъ селѣ. Я родился пятымъ и былъ такой хилый, такой блѣдный, такой бѣловолосый ребенокъ, тогда какъ сестры мои были всѣ полныя, красивыя дѣвочки, всѣ темноволосыя, черноглазыя, старшій братъ мой такой молодецъ и силачъ, что заглядѣнье; за то меня прозвали Нѣмцемъ, и это названіе осталось за мной и до сихъ поръ. Оно одно довольно ясно обозначаетъ положеніе мое въ родной семьѣ. Ребенокъ, прозванный Нѣмцемъ въ семьѣ приходскаго русскаго священника, долженъ былъ казаться чужимъ въ этой семьѣ. Никто не любилъ меня особенно, хотя я и не былъ, какъ говорится, въ загонѣ, и за общимъ столомъ меня не задѣляли кускомъ пирога.

«Рано началъ я скучать въ нашей душной, хотя просторной избѣ. Въ избѣ меня тянуло на воздухъ; на воздухъ я рвался дальше. Болѣзненная, преждевременная мечтательность налегла на мою дѣтскую душу безотвязнымъ сновидѣніемъ. Помню эти безконечныя, зимніе дни и таинственные для меня

вечера. вмѣстѣ съ наступленіемъ сумерекъ, вся семья уляжется сумерничать, то-есть спать часа на три. Помню, какъ я, выждавъ, когда все заснутъ, сѣлся на лавкѣ у окна, уставя съ трепетомъ лицо въ окошко. Глазамъ моимъ представлялась картина заманчивая и страшная, какъ глава изъ романа г-жи Радкливъ: кладбище и бѣлая церковь, озаренныя луной. Чтобъ видѣть эту картину, я дыханіемъ оттаивалъ замерзлое стекло.... Мнѣ было жутко.... Думы рождались и замирали въ моей головѣ, и все становилось такъ смутно, и, казалось, подымались съ кладбища бѣлыя, прозрачныя тѣни, и близились, и ловили меня.... Но почти всегда, въ самую критическую минуту, или просыпалась матушка, громко творя молитву, или батюшка вскрикивалъ:

«— А что вы это до сихъ поръ спите? что не вздуете огня? можно выспаться...»

«Или розвальни подѣзжали къ крыльцу, и кто-то кричалъ, стуча въ дверь: «Пустите, родимые!»»

«— Видно съ требой... говорила, обыкновенно, вторая сестра моя, имѣвшая очень тонкій сонъ, и потому нерѣдко бранившая меня за бессонницу, называя полночиномъ.»

«Фантастическія сновидѣнія замѣнялись говорливою радушною дѣйствительностью; изба освѣщалась пятериковою сальною свѣчей, и пріѣзжая баба или мужикъ смиренно усаживались на лавку, въ ожиданіи батюшки, который крехтя надѣвалъ широкій тулупъ...»

«Такъ шла жизнь моя по зимамъ. Воскресенья и господскіе праздники составляли также не маловажные случаи въ моей жизни. Съ какою радостью надѣвалъ я синій, длиннополый кафтанчикъ и бѣжалъ за батюшкой въ церковь; съ какою гордостью прислуживалъ ему; какъ смѣло, съ какими вѣжливыми поклонами протѣснялся между нарядными господами, отправляясь за теплою или холодною водой, смотря по приказанію батюшки!»

«Между прихожанами самый богатый и самый уважаемый былъ князь Кагорскій. Онъ былъ вдовъ, лѣтъ пятидесяти, и страстно любилъ своего единственнаго сына. Огромный, каменный домъ его, въ верстахъ въ двухъ отъ насъ, виднѣлся, осѣненный большимъ садомъ, съ кривыми, вьющимися дорожками (тогда я не

зналъ еще , что такой садъ называется англійскимъ). Вправо — рядъ надворныхъ строеній.

«Надобно вамъ сказать, что ни съ однимъ изъ дворовыхъ ребятишекъ не смѣлъ я, не только дружитья, но даже играть вмѣстѣ. И батюшка, и матушка оказывали въ этомъ отношеніи неумолимую строгость.... Я былъ совершенно одинокъ ; у дьякона дѣти были уже большіе ; у дьячка и пономаря было по одной дочери, и тѣ были уже замужемъ въ сосѣднихъ приходяхъ. Двѣ меньшія сестры мои играли между собой и всегда прогоняли меня отъ себя. Лѣтомъ я оживалъ совершенно: цѣлый день проводилъ на отмели рѣки , то ловя маленькихъ рыбокъ , то собирая камешки, то, просто, глядя на бѣгущія волны. Подъ вечеръ, я приставалъ къ сестрамъ , которыя отправлялись искать отставшей коровы или лошади.

«Мнѣ было лѣтъ восемь. Я уже бойко читалъ церковныя книги и надписи подъ лубочными картинками духовнаго содержанія, которыми испещрены были стѣны нашей избы и горницы. Эти картины были для меня предметомъ самой живой наблюдательности. Налюбовавшись ими вдоволь, я начиналъ всегда думать, какъ это рисуютъ? и неужели бы я также могъ нарисовать подобную картину, еслибъ поучили меня?

«Однажды, на закатѣ солнца , я сидѣлъ на ступеняхъ нашего крылечка. Батюшка выпрягалъ изъ телеги лошадь, матушка съ двумя сестрами шла съ поля, заложивъ серпы на плеча. Въ сѣняхъ кипѣлъ большой самоваръ , у котораго суетилась сестра Лиза.

«— Смотри-ко , попадая , сказалъ батюшка , подымаясь на крыльцо,—Нѣмецъ-то нашъ отдышался, хоть въ семинарію такъ въ ту же пору,

«— Слава тебѣ Господи ! отвѣчала матушка : дай ему Богъ здоровья и счастья !

«— Пойдемъ, Нѣмецъ, пить чай, сказалъ батюшка.

«По обыкновенію , я помѣстился у окошка ; въ это время Молодецъ, наша собака, залился громкимъ, визгливымъ лаемъ; каждый изъ насъ старался поглядѣть въ окно , хотя причина лая не могла быть для насъ чѣмъ-нибудь новымъ.... Но , на этотъ разъ, любопытство наше было потѣшено явленіемъ не совѣмъ обыкновеннымъ на нашей улицѣ: гувернантка князя Кагорскаго съ вос-

питанникомъ своимъ шла пѣшкомъ , сопровождаемая какимъ-то миниатюрнымъ экипажемъ въ одну лошадку. Маленькій князь дразнилъ хлыстикомъ задорливую собаку; гувернантка останавливала его непонятными для насъ словами.

«Матушка отогнала насъ отъ окна , и высунулась сама по подсь :

«— Амаля Карловна ! Амаля Карловна ! Милости просимъ , на перепутьи, чайку накушаться; одолжите, матушка! Батюшка, Эперъ Александрычъ ! пожалуйста , обяжите хоть на минуточку.

«Лиза , предпоследняя сестра моя , годомъ меня моложе, глаза уже на крыльцѣ , улыбаясь розовыми губками , и прищуря отъ косвенныхъ лучей солнца черные глазенки свои. Гувернантка колебалась ; князь что-то ласково говорилъ ей на томъ же непонятномъ языкѣ. Разговоръ этотъ кончился согласіемъ зайти къ намъ. Я совсѣмъ притихъ и сѣлъ въ уголь. Не знаю почему, но я желалъ остаться незамѣченнымъ.

«Князь весело вбѣжалъ , снялъ соломенную фуражку и подошелъ къ благословенію батюшки бойко и самоувѣренно; сказалъ даже , что его папа говорить , что ужъ давно не видалъ отца Ивана, что шахматы остаются въ бездѣйствіи.

«Какъ теперь гляжу я на этого красиваго , умнаго , бойкаго мальчика , съ темнорусыми кудрями , падавшими на бѣлый воротничокъ , съ большими карими глазами, стройнаго, тоненькаго, одѣтаго въ темносѣрую курточку. Голосъ его былъ звученъ и твердъ не по лѣтамъ и имѣлъ въ себѣ какую-то музыкальность, какую-то необъяснимую прелесть.

«Покуда матушка суетилась за самоваромъ , маленький князь осматривалъ стѣны , увѣшенныя знаменитыми произведеніями лубочной живописи ; онъ подходилъ отъ одной къ другой , пока наконецъ не приблизился ко мнѣ. Тутъ только онъ замѣтилъ меня, и будто на зло моему смущенію, остановился передо мной. Я покраснѣлъ отъ безотчетной, внутренней досады.

«— Который тебѣ годъ? спросилъ онъ меня.

«— Девятый.

«— А мнѣ тринадцать. Ты умѣешь читать?

«— Умѣю.

«— Писать?

«— Учусь.

«— Прочитай, пожалуйста, что на этой картинѣ подписано— я по церковному читать не умѣю,

«Я всталъ на лавку и сталъ читать исторію убіенія Авеля.

«— Ты любишь картины? спросилъ меня князь.

«— Люблю.

«— Да ты, я думаю, не видалъ хорошихъ.

«— Нѣтъ, кромѣ этихъ не видалъ, да въ церкви еще образа хороши.

«— Ну, такъ приходи ко мнѣ съ отцомъ, когда-нибудь въ воскресенье, я покажу тебѣ,— у меня много хорошихъ картинъ. Все въ нѣмецкихъ да въ англійскихъ книгахъ. Ты, я думаю, по нѣмецки не учишься?

«— Нѣтъ, кому меня учить?...

«— Ты, я думаю, все гуляешь?

«— Да, я все на рѣкѣ, да въ полѣ...

«— Приходи ко мнѣ.

«— Что это, князь, никакъ съ моимъ Нѣмцемъ разговаривался? сказалъ батюшка.

«— Развѣ онъ Нѣмецъ? сказалъ князь, смѣясь.

«— Да, такой же бѣлобрысый да жидконогій.

«— Нѣтъ, онъ точно дѣвочка! сказалъ князь.

«Уходя князь, ласково кивнулъ мнѣ головой и повторилъ свое: приходи!

«Насталъ какой-то праздникъ. Батюшка отправился къ князю, который въ самомъ дѣлѣ любилъ его. Я сказалъ, что батюшка человекъ умный, сужденія его здравы, и князь даже любилъ его грубоватую, простую манеру говорить. Батюшка пользовался его благосклонностью до такой степени, что имѣлъ позволеніе читать газеты и журналы, имъ получаемые; нѣкоторые изъ знакомыхъ князя почти завидовали батюшкѣ.

«Первый вопросъ молодого князя былъ:

«— А что же не съ вами вашъ Нѣмецъ?

«— Я не смѣлъ, не слыхавъ отъ вашего папеньки позволенія.

«Князекъ упростилъ отца послать за мною. Старый князь не могъ и не любилъ отказывать сыну.

«— Посмотримъ, что за Нѣмецъ, сказалъ онъ.— Да это тотъ мальчикъ, что на крылосѣ пищитъ?

«— Онъ, ваше сіятельство.

«Можете вообразить, какъ удивился я посланному челоѣку, какъ радъ я былъ посмотреть диковины богатаго дома, и, воображаю, какую смѣшную фигуру представлялъ я, въ своемъ длиннополомъ сюртукѣ въ этихъ большихъ, роскошныхъ комнатахъ!

«Мнѣ казалось, что я былъ въ раю, — столько очарованія было для меня и въ блестящихъ, пестрыхъ стѣнахъ, увѣшанныхъ картинами, и въ большихъ окнахъ, завѣшенныхъ бѣлою кисеей и голубымъ и пунцовымъ штофомъ, которые слегка волновались отъ теплаго, лѣтняго вѣтерка, вносившаго въ комнаты упоительный запахъ цвѣтовъ! Все это обаяло меня чуть не до оцѣпенѣнія.

«— Пойдемъ, я покажу тебѣ картинки, сказалъ мнѣ маленькій князь.

«И онъ потащилъ меня въ другую комнату, гдѣ представилъ моимъ взорамъ тысячу сокровищъ для дѣтскаго любопытства и воображенія; потомъ мы побѣжали въ садъ; князь весело смѣялся, все мнѣ показывалъ, и добрая натура его наслаждалась тѣмъ удовольствіемъ, которое выражалось во всемъ существѣ моемъ.

«Когда я уходилъ, маленькій князь поцѣловалъ меня.

«— Прощай, приходи... сказалъ онъ.— Папа позволить.

«— Да вотъ, ваше сіятельство, ужъ не долго ему шататься, сказалъ батюшка,—скоро въ семинарію отвезу, пора.

«Я воротился домой совсѣмъ инымъ, нежели какимъ вышелъ. Мнѣ казалось, я находился въ какомъ-то золотомъ снѣ. Всю ночь я былъ въ жару и бредилъ княземъ. На другой день все вчерашнее казалось мнѣ грезой. Греза эта стала однако повторяться довольно часто на яву. Двери дома князя отворились для бѣднаго мальчика. Я не могъ не замѣтить, что молодой князь все болѣе и болѣе привыкалъ ко мнѣ, все болѣе и болѣе любилъ меня. Старый князь снисходительно смотрѣлъ на это товарищество.

«Вмѣстѣ съ лѣтними цвѣтами суждено было завянуть и моему счастью.

«Въ одно сентябрьское утро, матушка разбудила меня.

«— Вставай, Павелъ! сказала она: — батька ѣдетъ въ городъ и отвезетъ тебя въ семинарію. Голубчикъ ты мой! прибавила она, заплакавъ.

«Я всталъ, какъ ошеломленный; при всемъ желаніи запла-

затъ, на сухихъ, пылающихъ глазахъ моихъ не выступили слезы. И безотчетно глядѣлъ я на телѣгу, нагруженную мѣшками и мѣшечками.

« Сентябрьское небо было мутно, мелкій дождь съ крупной стучалъ въ окна... А еще третьяго дня свѣтило солнце, сверкая яркими переливами на пожелтѣвшихъ листьяхъ... Я снова сталъ одинокъ и несчастливъ. Машинально простился я съ своею семьею, вскарабкался на телѣгу и безчувственнымъ взоромъ глядѣлъ, какъ мало-по-малу исчезалъ родной кровъ.

« Батюшка водворилъ меня у двоюродной сестры своей, жены столоначальника гражданской палаты. Пропускаю всѣ подробности житія моего у нея и ученія въ семинаріи. Я чувствовалъ, что трясилъ силы и время. Не стану также говорить о тѣхъ порывахъ сожалѣнія и отчаянія, которое, время отъ времени, глухо набѣгало на меня. Много слезъ лилось на мою жесткую постель и нестрядинную подушку. Грубы и чужды были мнѣ товарищи, чуждъ былъ и я имъ... Прозваніе Нѣмца ожило между ними, и къ фамиліи моей: Покровскій, прибавили *зуть*.

« Черезъ полгода, я получилъ отъ князя письмо. Оно всегда со мной:

« «Бѣдный мой Паша!» писалъ онъ, «какъ мнѣ безъ тебя скучно! Я плакалъ, когда узналъ, что тебя увезли. Я думаю, тебѣ тоже скучно. Меня везутъ въ Петербургъ, въ лицей. Прощай, «Паша! не забывай меня, а я тебя никогда не забуду. Пишу тебѣ тихонько. Ты не пиши мнѣ. Твой Эсперъ.»

« Я цѣловалъ и обливалъ слезами это посланіе. Когда черезъ годъ, меня взяли на вакацію домой,—князь былъ уже въ Петербургъ. На вакаціи ждала меня не свобода, не отдыхъ, а тяжелая для меня, непривычнаго, полевая работа.

« Хотя родители мои и дѣлали раза два въ гѣто *помочи*, но все-таки не мало оставалось и намъ съ сестрами на долю. Для помочанъ, также какъ и здѣсь, въ вашей сторонѣ, варится у насъ пиво, покупается вино, пекутся пироги,—и одни эти приготовленія, на неопредѣленное число добротныхъ работниковъ, погружали матушку и насъ въ цѣлое море хлопотъ и трудовъ. Помочане вообще работаютъ гнѣвно, потому что работаютъ не изъ шаты, а изъ одного угощенія,—и бѣда, если они къ вечеру разо-

Идутся не довольны, то-есть не пьяны и не сыты до-нельзя: въ будущее воскресенье, какъ бы вы ни заманивали ихъ, полосы ваши останутся не выжаты, и вамъ самимъ придется убирать все поле. Труды мои въ родительскомъ домѣ прибавлялись по мѣрѣ того, какъ прибавлялся счетъ моихъ лѣтъ. Я не былъ лѣнивъ и не захотѣлъ бы сидѣть, сложа руки, когда другіе работаютъ; но физическая дѣятельность не только не могла поглотить той безумной мечтательности, той пламенной жадности чего-то неопредѣленного, но лучшаго, а еще болѣе раздражала ее. Душа моя и умъ, жадный живыхъ познаній, рвались и кипѣли, заключенные въ тѣсную раму самой безцвѣтной жизни.

« — Батюшка! нѣтъ ли у васъ какой-нибудь книги? »

« — Мало ли книгъ лежитъ на полкѣ! »

« — Я ужь давно читалъ эго. Нѣтъ ли другихъ, свѣтскихъ? »

« — А какихъ прикажешь? не романы ли мнѣ читать? Въ моемъ званіи не приходится. Съ тѣхъ поръ, какъ князь уѣхалъ на житье въ Питеръ, я не знаю, что и на бѣломъ свѣтѣ дѣлается. Да оно и лучше, — покойнѣе спишь... Да и тебѣ, братъ, лучше голову не набивать пустяками: какъ ты съ глупостями-то при-
мешь высокій санъ священника? »

« Мнѣ быть священникомъ! Этого до сихъ поръ не приходило мнѣ въ голову... Мнѣ быть священникомъ! Я содрогнулся, такъ мало чувствовалъ я призванія къ такому великому дѣлу. Мысль о будущемъ молніей блеснула въ умѣ... Я рѣшился остаться свѣтскимъ, что бы со мной ни случилось, хотя бы пришлось умереть съ голоду, — рѣшился не принимать обязанности, которую добросовѣстно исполнить не достало бы у меня ни силъ, ни терпѣнія... Я чувствовалъ, что рѣшимости моей придется выдержать страшную борьбу съ батюшкиною настойчивостью; но былъ готовъ на все, и даже было еще что-то заманчивое для меня въ этой борьбѣ. »

« Семейство наше было знакомо съ управителемъ князя; это былъ радушный, веселый толстякъ, лѣтъ сорока пяти, вольноотпущенный того же князя. По странному стеченію обстоятельствъ его жизни, онъ былъ женатъ на бѣлокурой Минхенъ, которую звалъ просто Машей и старался какъ можно обрусить. »

Онъ жилъ бариномъ, въ особомъ флигелѣ, а надвору жены его былъ порученъ домъ.

« Однажды, несмотря на мою робость, я попросилъ у Мины Густавовны позволенія читать книги изъ большой библіотеки князя. Мина согласилась съ любезностью, только съ условіемъ— читать ихъ въ библіотекѣ, а не уносить домой.

« Съ этихъ поръ, я сдѣлался лѣнивѣе; убѣгалъ съ поля и читалъ съ упоеніемъ. Всѣ лучшія, старыя и новыя, произведенія нашей литературы были у меня подъ руками,.. Но увѣ! двѣ трети шкафовъ были наполнены книгами на иностранныхъ языкахъ.

« Однажды, когда я сидѣлъ, погружаясь весь въ чтеніе, дверь библіотеки растворилась, и Мина показала въ дверяхъ.

«— Ахъ, сказала она, краснѣя,—я не знала, что вы тутъ.

«— А еслибъ знали, то не пришли бы?.. Прекрасно, Мина Густавовна! чѣмъ я заслужилъ такое отвращеніе?

«— Ахъ, нѣтъ, что вы! ахъ, какой же вы! какъ вамъ не стыдно! но я мѣшаю вамъ. Я уйду; я пришла за книжкой, за нѣмецкою книжкой.

« Я, удивляясь самъ своей смѣлости и ловкости, увѣрилъ ее, что если бы она была такъ добра, посвятила нѣсколько минутъ на бесѣду со мной, то вѣрно это было бы для меня занимательнѣе всякихъ книгъ!..

«— Ахъ, какъ жаль, что вы не умѣете по-нѣмецки, ахъ, какія прекрасныя нѣмецкія книги, Ахъ, Шиллеръ! Вы не читали? Ахъ, какъ жаль, что вы не знаете по-нѣмецки!

«— Поучите меня, сказалъ я.

«— Пожалуй, только какъ, когда? Вѣдь здѣсь такіе злые языки, а мужъ мой человѣкъ вспыльчивый; но онъ, правда, часто не бываетъ дома, все на работахъ, а послѣ обѣда долго отдыхаетъ...

« Мало-по-малу мы договорились до откровенности; я узналъ, что бѣдная Мина была несчастна, что выдали ее почти насильно, что она дочь башмашника. Исторія ея и чувствительность тронули меня. Я, шутя, сказалъ, что самъ Нѣмецъ, по натурѣ; она засмѣялась и поглядѣла на меня такъ мило... Наконецъ, въ библіотекѣ маленькаго князя отыскалась нѣмецкая азбука и старыя лексиконы.

« Къ концу вакаціи я порядочно уже познакомился съ нѣмецкимъ языкомъ и страстно влюбился въ Мину, которая тоже была неравнодушна ко мнѣ.»

Въ этомъ мѣстѣ разказа меня какъ-то непріятно кольнуло въ сердце, отчего брови у меня нахмурились и губы сжались.

— Я васъ утомилъ? сказалъ онъ.

— Нѣтъ, напротивъ, я слушаю съ величайшимъ вниманіемъ.

« Возвратясь въ семинарію, я принялся за ученье съ непобѣдимымъ отвращеніемъ. Просидѣлъ два года въ философіи, и былъ выключенъ, къ большой моей радости и большому горю батюшки.

« По возвращеніи моемъ въ село, управителя съ женою уже не было при усадьбѣ князя, вслѣдствіе какого-то доноса на него. Онъ уѣхалъ и открылъ лавочку въ губернскомъ городѣ. Но я все-таки нашелъ средство читать въ библіотекѣ.

«— Ну, Павелъ, сказалъ мнѣ однажды батюшка, мѣсяца черезъ два по выходѣ моемъ изъ семинаріи, — что ты о себѣ думаешь?

«— Я еще ничего не думаю...

«— Такъ я о тебѣ подумалъ. У Воскресенья невѣсту тебѣ приглядѣлъ, дьяконову дочку; старикъ дьяконъ и мѣсто тебѣ сдаетъ; это не малое счастье-то, братъ: и богослову такъ въ пору. Ну, оно, конечно, дѣвица лѣтъ двадцати пяти, не красавица, косенька немного; да съ красотой развѣ жить? Полно тебѣ шататься; ты не живешь, а только небо коптишь.

«— Батюшка! я не пойду въ духовное званіе.

«— Куда же это ты намѣренъ идти? въ писцы, любезный, что-ли? Такъ по судамъ и палатамъ и безъ тебя много, и богословамъ съ трудомъ мѣста достаются. Поди, поди писцомъ, безъ жалованья! кто-то тебя одѣвать-то будетъ да содержать! А я и на глаза не пущу.

« Шутка была плохая... У меня темнѣло въ глазахъ и кружилась голова.

«— Батюшка! дайте мнѣ подумать по крайней мѣрѣ. Я вамъ дамъ отвѣтъ черезъ нѣсколько времени.

«— Да я и не спѣшу; теперь пора рабочая, эти дѣла лучше къ осени дѣлать. Да смотри, Павелъ, ты меня знаешь,

заупрямишься—отступлюсь; живи какъ хочешь, и съ глазъ моихъ долой!

« Я не знаю, до чего дошелъ бы я, еслибъ случай не выручилъ меня.

«Въ селѣ нашемъ бываетъ каждое воскресенье базаръ. На одномъ изъ такихъ базаровъ шатался я, глядя на толпу нарядныхъ поселянъ, слушая, безъ всякаго удовольствія, визгливый хоръ молодыхъ бабъ и дѣвокъ или споры полупьяныхъ мужиковъ. Не подальку остановилась крашенная телѣжка, запряженная добрымъ конемъ; изъ телѣжки выгѣзъ дюжій, рябой мужичина въ синемъ, тонкаго сукна, кафтанѣ.

«— Глянь—ка! это межовскій прикащикъ, говорили около меня.

« Черезъ нѣсколько минутъ, межовскій прикащикъ очутился возлѣ меня и осыпалъ меня вопросами о томъ, при мѣстѣ ли я? что думаю дѣлать до полученія мѣста? не пойду ли учить дѣтей къ его барынѣ, которая приказала ему прискаты смирнаго семинариста для двухъ ея сыновей?

« Я, не раздумывая долго, принялъ его предложеніе за ничтожную сумму, и на другой день отправился въ усадьбу Межи, унося на своей головѣ родительскій гнѣвъ.

« Цѣлые два года жилъ я покойно, если не счастливо. Межовская помѣщица, несмотря на свой вспыльчивый нравъ, была добра и снисходительна. Это была худая, высокая, черноглазая женщина, «не модная»,—какъ она сама выражалась,—утонувшая въ хозяйственныхъ хлопотахъ.

« На руки мои поступили двое рѣзвыхъ, балованныхъ мальчиковъ, воспитанныхъ не много лучше сына Марьи Ивановны. Черезъ два года, ихъ отдали въ гимназію; но межовская помѣщица позволила мнѣ остаться у нея до присканія мѣста.

« Однажды тишина длиннаго, зимняго вечера нарушена была прїѣздомъ нежданнаго гостя: къ помѣщицѣ прїѣхалъ двоюродный братъ ея, который не видался съ нею года три, хотя и жилъ не далѣе, какъ верстъ за семьдесятъ. Онъ прїѣхалъ по случаю открывшейся продажи одного выгоднаго для него имѣнница.

«— А шалуны твои гдѣ? спросилъ онъ сестру.

«— Въ гимназіи, братецъ, во второмъ классѣ.

«— Какъ въ гимназіи! я думалъ, что они никогда и въ уѣздное училище не поступятъ.

«— Это вотъ я Павлу Ивановичу обязана, сказала она.

«— Да ужь, разумѣется, не самой себѣ, отвѣчалъ братъ, за смѣявшись, довольный своею остротой.

«— Гдѣ же мнѣ, братецъ? сказала, слегка обидясь, Катерина Петровна.

«Катерина Петровна почему-то очень уважала своего двоюроднаго брата. Братъ этотъ былъ крѣпкій, не высокаго роста старикъ, съ румяными щеками и сѣдыми бровями. Честность и прямота была написаны на этомъ, нѣсколько грубомъ лицѣ.

«— Что же вы теперь? безъ мѣста? спросилъ онъ меня.

«Я отвѣчалъ утвердительно.

«— А хотите, я найду вамъ мѣсто?.. и славное мѣсто.

«Я поблагодарилъ...

«— Да вы не думайте, сказалъ онъ, — что я это говорю вамъ такъ. Нѣтъ, ужь если я сказалъ, что найду, такъ найду...

«На третій день онъ уѣхалъ, сдѣлавъ выгодную покупку.

«Прошло около двухъ недѣль. Однажды, помню, передъ обѣдомъ, читалъ я двадцатый разъ нѣмецкую книжку, которую подарила Минхенъ.

«— Братецъ-то вѣдь не обманулъ! вдругъ вскрикнула вошедшая Катерина Петровна: — за вами пріѣхали...

«Чувство грусти и лѣни мгновенно овладѣло мной: я такъ избаловался и обжился у доброй помѣщицы въ эти послѣдніе два мѣсяца! Но вскорѣ живое любопытство смѣнило это чувство. Что ждало меня, какія впечатлѣнія? Что были за люди, которые нанимали меня и, нанимая, дѣлали благодѣяніе? Были ли то новые и лучшіе характеры, или только повтореніе старыхъ съ очень незанимательными варіаціями?

«Всѣ эти вопросы молніей пробѣжали въ моей головѣ.

«— Дай Богъ вамъ счастья! сказала Катерина Петровна:—вы поступаете въ домъ богатый, тонный, къ Травянскимъ. Только сама она престранная, прекапризная, какъ я слышала,—чудиха такая, что и не приведи Богъ.... модная, въ Петербургѣ жила:

гордая такая , ни съ кѣмъ не знакомится , а мужа-то , говорятъ , не любить , и не кланяется , говорятъ , ни съ кѣмъ.... а мужъ на нее и рукой махнулъ. Онъ , говорятъ , молодець , красавецъ ; а она такая блѣдная , щедушная , муха крыломъ ушибеть. Это я отъ Лизаветы Семеновны слышала ; она въ той сторонѣ бывала.

«За мной былъ присланъ дворецкій Травянскихъ , ловкій , вѣжливый малый. Отъ него я узналъ , въ продолженіе моего пути , что господа его имѣютъ около семисотъ душъ крестьянъ , что у нихъ двое дѣтей — мальчикъ и дѣвочка ; что въ домѣ учитель Французъ и мадамъ Англичанка. Но на всѣ тонкія старанія мои узнать о характерѣ господъ , онъ отвѣчалъ неопредѣленными: баринъ у насъ добрый и барыня добрая...

«На другой день лихая тройка примчала меня къ Отрадину , усадьбѣ Травянскихъ. Видъ этой усадьбы , садъ , хотя и занесенный снѣгомъ , длинный рядъ оранжерей , большой , красивый домъ ,—все это живо напомнило мнѣ дни моего дѣтства , и свѣтлый образъ князя пронесся передо мною...

«Меня подвезли ко флигелю управителя , гдѣ я переодѣлся и скоро отправился въ домъ. Передняя была свѣтла и просторна , прислуга занимала комнату въ сторонѣ. Я вошелъ въ большую залу , гдѣ маленькая дѣвочка , съ книжкой въ рукахъ , ходила взадъ и впередъ , громко твердя свой урокъ. Увидѣвъ меня , она смѣшалась и хотѣла уйти ; въ дверяхъ ей встрѣтилась молодая дѣвушка , не красивая собой , но съ яркимъ румянцемъ , — гувернантка , какъ я узналъ послѣ. Она подошла ко мнѣ , я поклонился и сказалъ , кто я. Она предложила мнѣ очень ласково садиться. Черезъ минуту показался завитой , щедушный , въ сѣромъ , короткомъ сюртучкѣ господинъ , съ клочкомъ волосъ подъ нижнею губой , который я не умѣлъ тогда назвать настоящимъ именемъ. Это былъ гувернеръ monsieur Дювѣ. Онъ держалъ за руку полнаго , розоваго мальчика лѣтъ девяти , который вскорѣ пустился бѣгать по залѣ. Мосье Дювѣ протянулъ мнѣ руку , сказавъ нѣсколько словъ на русскомъ ломаномъ языкѣ.

«— Вотъ и папа!... вскричала дѣвочка , подбѣгая къ окну.

«По тропинкѣ къ крыльцу шелъ высокій , полный , молодева-
тый , румяный господинъ ; черезъ минуту онъ вошелъ въ залу.

Во всѣхъ движеніяхъ его проглядывали спѣсивость и самовольство.

«— А, вотъ и вы, мой милый, сказалъ онъ мнѣ:—очень радъ! Женѣ моей рекомендовалъ васъ Егоръ Петровичъ (имя брата Катерины Петровны). Я думаю, вы удивились, что мы васъ такъ далеко отыскали? Жена моя очень уважаетъ Егора Петровича; воспитаніе дѣтей — ея дѣло; я такъ занятъ, что мнѣ и подумать объ этомъ нѣтъ времени; мое дѣло думать о средствахъ.

«Тутъ онъ быстро повернулся къ гувернанткѣ и очень любезно заговорилъ съ ней по-французски. Она улыбалась и краснѣла еще болѣе.

«Вскорѣ онъ ушелъ. Я около часу просидѣлъ въ залѣ съ гувернеромъ и гувернанткой; бесѣда наша не была занимательна: и Французъ и Англичанка едва могли сказать нѣсколько русскихъ фразъ, дѣлая для этого большія усилія, стараясь пояснить свои мысли жестами и гримасами. Послѣ двухъ или трехъ такихъ попытокъ, они умолкли. Я заговорилъ было съ будущимъ ученикомъ моимъ, но тотъ такъ былъ занятъ своимъ мячикомъ, что едва отвѣчалъ мнѣ. Дѣвочка между тѣмъ исчезла изъ комнаты. Черезъ нѣсколько времени, она появилась въ дверяхъ съ правой стороны.

«— Идите къ маменькѣ, сказала она, обращаясь ко мнѣ, съ какою-то торопливостью,—къ маменькѣ идите!.. Идите все прямо, все прямо идите! прибавила она, пропуская меня и затворивъ за мной дверь.

«Передо мной открылся рядъ комнатъ, которыя своею роскошною меблировкой рѣзко противорѣчили простотѣ залы. Множество зелени и даже цвѣтовъ, несмотря на зимнее время, разставлено было по угламъ и по окнамъ. Шаги были почти не слышны на мягкихъ коврахъ, на меня вѣяло давно забытымъ очарованіемъ... Мнѣ стало хорошо и привольно. Грудь моя расширялась, я будто выросталъ. Меня не мучила мысль, что это чужое, не мое... мнѣ просто было весело въ покойной, свѣтлой комнатѣ, уставленной зеленью и красивою мебелью...

«Я вошелъ въ маленькій кабинетъ на концѣ анфилады... На диванѣ, передъ столикомъ, сидѣла молодая женщина. Она сидѣла, закинувъ голову назадъ, на спинку дивана, закрывъ глаза. Я пораженъ былъ не красотой ея, не оригинальностью позы, а ея

чрезвычайною, мраморною блѣдностью. Она казалась мертвою. Какой-то страхъ напалъ на меня, я боялся сдѣлать движеніе. Она открыла наконецъ большіе, темные глаза, и взглядъ этихъ глазъ былъ также холоденъ, какъ и всѣ черты лица ея. Казалось, кровь на всегда оставила эти черты, — однѣ только губы сохранили цвѣтъ жизни. Эти розовыя губы на блѣдномъ лицѣ производили такое же впечатлѣніе, какое произвела бы свѣжая роза среди снѣжнаго поля.

«Она подняла голову и осмотрѣла меня, какъ осматриваютъ вещь.

«— Вы тотъ молодой человѣкъ, о которомъ говорилъ мнѣ Егоръ Петровичъ.

«Этотъ осмотръ возмутилъ мое самолюбіе, я отвѣчалъ сухо и холодно. Взоръ ея еще разъ скользнулъ по мнѣ.

«— Хорошо, сказала она, — объ условіяхъ мы поговоримъ послѣ. Дѣти плохо знаютъ по-русски; вы займетесь съ ними этимъ предметомъ. Нашъ священникъ уже старъ.

«Она позвонила. Вошелъ слуга.

«— Покажи... Какъ васъ зовутъ? спросила она меня.—Покажи Павлу Ивановичу его комнату.

«Я вышелъ. Тайная горечь и досада волновали меня. Я былъ возмущенъ до глубины души этимъ холоднымъ, презрительнымъ обращеніемъ. Мнѣ казалось, я оскорбленъ былъ первый разъ въ жизни.

«Мнѣ указали мою комнату, мои обязанности, классную, и темный столъ въ углу, на которомъ лежало нѣсколько тетрадей, катихизисъ, русская грамматика Востокова, краткая священная исторія.

«Жизнь моя потекла довольно правильно. Свободное отъ уроковъ время не проходило у меня даромъ: я старался находиться при урокахъ французскаго языка и внимательно слѣдилъ за объясненіями и выговоромъ мосье Дювэ. Послѣ, тетради дѣтей, учебники и наконецъ участіе самого мосье Дювэ помогли мнѣ вскорѣ понимать этотъ языкъ.

«Ольга Александровна часто присутствовала при моихъ и другихъ дѣтскихъ урокахъ. Молчаливая и холодная повсюду, она однако слѣдила настойчиво за домашнимъ порядкомъ и походила на какое-то таинственное существо, по манію котораго все дви-

галось и дѣйствовало въ домѣ. Приказанія ея были тихи, но тверды. Къ дѣтямъ она была внимательна и ласкова; но въ самой ласкѣ этой проглядывало скорѣе чувство долга, нежели горячая, материнская нѣжность. Дочь она любила однако больше сына. Съ мужемъ обходилась съ тою сухою, безукоризненною ласковостію, кака была, мнѣ кажется, свойственна ей одной. Вліяніе ея на него было неограниченно, хотя она и старалась скрывать это отъ него и другихъ. Спокойствіе и безстрастіе этой женщины раздражали и мучили меня. Въ первое время, я то окружалъ ее ореоломъ моихъ мечтаній, приписывая равнодушіе ея какимъ-нибудь страшнымъ переворотамъ въ ея жизни; то досадовалъ и ненавидѣлъ ее, какъ натуру холодную, безчувственную, и, по временамъ, походилъ на бессмысленнаго ребенка, которому хочется бросить камень въ чистыя струи потока, изъ того только, чтобы посмотрѣть, какъ возмутится онъ.

«Однажды, послѣ обѣда, меня позвали къ Ольгѣ Александровнѣ. Она сидѣла съ ногами на диванѣ.

«— Вамъ не трудно будетъ почитать мнѣ въ слухъ?

«— Очень радъ, напротивъ...

«— Да вы, я думаю, дурно читаете, прибавила она.

«Это было въ мартѣ; мы обѣдали довольно рано, и читать еще можно было нѣсколько времени безъ огня. Лучи солнца ударили въ голубыя занавѣски. Я сталъ читать. На первыхъ страницахъ она остановила меня.

«— Пожалуста, не такъ торжественно. Напыщенная декламация ничего не прибавитъ къ дѣлу. Голосъ задрожитъ самъ по себѣ, когда душа будетъ сильно поражена.

«— Однако, сказалъ я,—еслибъ любимый вами человекъ сталъ увѣрять васъ въ любви холоднымъ, равнодушнымъ тономъ, вамъ это не было бы пріятно.

«— Да онъ не могъ бы этого сдѣлать, еслибъ говорилъ отъ души, сказала она нетерпѣливо.—Голосъ невольно былъ бы выраженіемъ чувства; но онъ ослабилъ бы чувство, еслибъ вздумалъ усилить его торжественностію.... Читайте! прибавила она съ обычною своею небрежностію.

«Всякое неправильное удареніе, невѣрность тона вызывали у нея рѣзкія, но убѣдительныя замѣчанія.

«— Вы строгій учитель, сказалъ я, окончивая чтеніе.

«Она не обратила вниманія на эти слова.

«Улыбнется ли когда нибудь эта женщина? подумалъ я, выходя изъ комнаты.

«— Ахъ, да! сказала она, когда я былъ уже въ дверяхъ:—я забыла поблагодарить васъ. Вы пожалуста не сердитесь на меня... Я бываю иногда несносна... Голосъ вашъ нравится мнѣ, и я бы очень была вамъ благодарна, еслибъ вы иногда приходили ко мнѣ читать.

«Съ этихъ поръ я читалъ ей почти каждое послѣ-обѣда. Послѣ чтенія нерѣдко завязывался между нами разговоръ, или скорѣе, споръ, предметомъ котораго, разумѣется, были характеры, или воззрѣніе, выраженное тѣмъ или другимъ авторомъ.

«Ольга Александровна обнаруживала умъ свѣтлый, своеобразный, живой, только растворенный какою-то мрачною насмѣшливостью. Лучшее средство заставить ее говорить было высказать какой-нибудь ложный, неправильный взглядъ на вещи. Она вспыхивала, одушевлялась и потокъ блестящихъ, убѣдительныхъ рѣчей лился изъ ея устъ. Я противорѣчилъ ей и дразнилъ ее искусно. Подъ конецъ, она сердилась, говорила, что я ей надоѣлъ, что она устала говорить, что въ другой разъ оставитъ меня думать, что мнѣ угодно, безъ возраженій.

«Я былъ счастливъ уже и тѣмъ, что холодная, равнодушная со всѣми,—со мною она была раздражительна и часто рѣзка, иногда даже улыбалась мнѣ непринужденно, иногда капризничала и выходила изъ терпѣнія. Она, казалось, находила особенное удовольствіе исправлять мои манеры, выраженія, образовывать и развивать мой вкусъ.

«Между тѣмъ это вниманіе, эти разговоры не могли не возбудить любопытства домашнихъ аргусовъ. Я сталъ догадываться, что мнѣ завидовали, меня ненавидѣли. Мосьѣ Дюве уже не дружелюбно, какъ-то нехотя, протягивалъ мнѣ руку, и случалось не разъ, что при выходѣ моемъ отъ Ольги Александровны, передо мной мелькала, исчезающая въ дверяхъ, пола сюртука его; это дало мнѣ поводъ подумать, что онъ подслушивалъ насъ. Гуввернантка почти отварачивалась отъ моего утренняго поклона и нерѣдко доносились до меня нелѣпые толки прислуги. Наконецъ,

самъ Травянской какъ-то безпокойно и косо сталъ поглядывать на меня за обѣдомъ. Все это тревожило и пугало меня, не за себя собственно, а за то впечатлѣніе, которое могли эти дразги произвести на Ольгу Александровну. Мнѣ тяжело было думать, какою горечью и презрѣніемъ возмутится эта гордая душа, когда узнаетъ, что эти люди безнаказанно бросаютъ въ нее грязью...

«Однажды, вечеромъ, доложили о пріѣздѣ Егора Петровича, и я въ первый разъ замѣтилъ, что взоръ Ольги Александровны блеснулъ особенною живостью. Она съ улыбкой подала руку старику, который съ благоговѣніемъ поцѣловалъ ее. Она сама разливала чай въ этотъ вечеръ, сама подала стаканъ Егору Петровичу.

«Непостижимое чувство грусти и зависти наполнило меня. Никогда еще сознание моего ничтожества не возрастало до такой степени. Чтò я въ ея глазахъ? Чтò такое самое ея вниманіе ко мнѣ? Моя неловкость и незнаніе свѣта оскорбляютъ ея эстетическій вкусъ; она образовываетъ меня съ тѣмъ же чувствомъ, съ какими мебелируютъ для себя комнату. Такой эгоизмъ возмущалъ меня. Я вышелъ въ другую комнату, сѣлъ у стола, закрывъ лицо руками, и—стыдно сказать—заплакалъ... Вся жизнь моя проходила передо мной пестрою панорамой. Немногіе образы улыбались мнѣ.

«— Дитя! о чемъ вы плачете? сказалъ возлѣ меня слишкомъ знакомый мнѣ голосъ.

«Я быстро всталъ и хотѣлъ уйти. Ольга Александровна удержала меня.

«— О чемъ вы плачете? сказала она настойчиво:—вамъ дурно здѣсь, васъ кто-нибудь обидѣлъ?

«— Никто. Извините меня, я такъ... мнѣ сгрустнулось!..

«Она покачала головой.

«— Подите въ залу, сказала она,—развеселитесь, дѣти танцуютъ,—слышите?..

«Звуки вальса долетали до насъ. Гувернантка играла на фортепьяно.

«— Напрасно вы считаете меня такимъ ребенкомъ, сказалъ я.

«— А между тѣмъ вы плачете, оттого что вамъ сгрустнулось; вы, мужчина!.. Ахъ вы нѣмецъ!—прибавила она полуласково:—сантиментальность насъ сгубила!..

«— Это названіе видно будетъ преслѣдовать мѣня вѣчно и по-

всюду, сказалъ я, — впрочемъ, съ нимъ связано все лучшее и вмѣстѣ все тяжелое моей жизни.

«— Кто же называлъ васъ такъ? спросила она.

«— Всѣ, съ самаго дѣтства: батюшка, матушка, старый князь Кагорскій...

«— Кто, что? спросила она вдругъ измѣнившимся голосомъ.

«— Князь Кагорскій.

«— Старикъ, говорите вы?

«— Старикъ. Но сынъ его, Эсперьъ, немного старѣе меня... Гдѣ онъ теперь и что съ нимъ? Безъ сомнѣнія блестящая драпировка жизни совсѣмъ заслонила отъ него бѣдную, щедушную фигуру маленькаго семинариста.

«— Князь Эсперь! сказала она, задыхаясь и дрожа всѣмъ тѣломъ... Эсперь! Вы знали его?

«— Да, я игралъ съ нимъ ребенкомъ.

«— Эсперь! повторила она: — вы знали его, а я не знала этого...

«Она сѣла въ кресло и будто ослабѣла отъ сильнаго волненія; руки ея были опущены, голова склонилась; она дышала тяжело, отрывисто. Я подумалъ, что, можетъ-быть, ей не пріятно будетъ имѣть во мнѣ свидѣтеля своего волненія, вышелъ и на весь вечеръ заперся въ своей комнатѣ.

«Мною овладѣла странная тревога при мысли, что передо мной женщина, любившая князя и любимая имъ.

«На другой день я жадно слѣдилъ за ней взоромъ: она была печальна, но въ движеніяхъ ея—мнѣ такъ казалось по крайней мѣрѣ—замѣтно было больше мягкости и нѣги.

«Послѣ обѣда, она подошла ко мнѣ.

«— Пойдемте ко мнѣ, милый мой нѣмецъ, сказала она и привела въ свой кабинетъ.

«— Садитесь, вотъ тутъ, противъ меня, и разкажите мнѣ про ваше дѣтство, про знакомство съ нимъ...

«Она сложила руки на столъ и положила на нихъ голову, съ сладкимъ любопытствомъ ребенка, приготовляющагося слушать волшебную сказку. Она будто преобразилась вся: черты лица дышали кроткою и нѣжною прелестью.

«— Не правда ли, сказала она, когда я пересталъ говорить,—

не правда ли, онъ былъ благородный, чудесный ребенокъ? Онъ родился прекраснымъ и добрымъ! О, Боже, Боже мой!...

«Она залилась горячими слезами и рыдала долго, отчаянно. Я не смѣлъ утѣшать ее. Когда первый порывъ горя прошелъ, она подозвала меня и указала мѣсто подлѣ себя.

«— Вы знали его!... Егоръ Петровичъ тоже знаетъ его... Онъ любилъ васъ!...

«Она положила мнѣ руку на плечо и смотрѣла мнѣ въ лицо, улыбаясь сквозь слезы.

«Въ эту минуту, въ другой комнатѣ, послышался шорохъ; я невольно отодвинулся, и мысль, что за нами подсматриваютъ, пришла мнѣ въ голову.

«— Тамъ кто-то есть, сказалъ я, отдернувъ портьеру, и очутился лицомъ къ лицу съ мосьё Дюве.

«— Что вамъ угодно? спросилъ я его.

«Онъ сказалъ мнѣ, что ищетъ книги, которую взяла у него Лиза. Находчивый Французъ попросилъ у Ольги Александровны позволенія войдти, очень свободно осмотрѣлъ всѣ уголки и, не найдя книги, вышелъ, разсыпаясь въ извиненіяхъ. Ольга Александровна проводила его медленнымъ, холоднымъ, проницательнымъ взглядомъ.

«Мы еще много и долго говорили съ ней. Неразъ какое-то темное, жгучее чувство шевелилось въ душѣ моей, когда развивалась и рисовалась передо мной цѣлая поэма любви—поэма, полная благородной борьбы, восторженныхъ радостей сердца, и вмѣстѣ безнадежнаго, безконечнаго горя.

«Ольга Александровна была потрясена до глубины души своими воспоминаніями, и весь вечеръ не выходила изъ своей комнаты.

«Послѣ ужина, въ тотъ же вечеръ, слуга позвалъ меня въ кабинетъ Травянскаго. Нѣсколько времени, Травянской молча ходилъ передо мной въ волненіи; потомъ, довольно нерѣшительно сказалъ мнѣ, что желаетъ по причинамъ, ни сколько не касающимся моихъ достоинствъ или недостатковъ, чтобъ я оставилъ домъ его, что этого требуютъ его *особенные* расчеты...

«— Я оставляю домъ вашъ сейчасъ же, сію минуту, сказалъ я, вставая и подходя къ дверямъ.

«Онъ остановилъ меня.

«— Я не хочу ссориться съ вами, и вы напрасно горячитесь...

Повторяю, что отказъ мой, по своей сущности, нисколько не оскорбляетъ вашего личнаго достоинства. Притомъ же я не хочу сдѣлать непріятности женѣ, которая... привыкла къ вамъ... Вотъ видите, я буду съ вами откровененъ, я хотѣлъ бы даже, чтобъ она не знала о моемъ отказѣ... она женщина нервная, слабая, притомъ же упряма ужасно... Я не хочу огорчать ее, вы придумайте мой милый,—прошу васъ, какъ благороднаго человѣка,—придумайте какую-нибудь причину вашего отъѣзда. Вы меня этимъ избавите отъ затрудненія и, въ такомъ случаѣ, получите деньги за годъ впередъ. Васъ отвезутъ въ одинъ домъ, гдѣ вы можете остаться до пріисканія мѣста.

«Отъ денегъ я отказался, но принять уголъ до пріисканія мѣста заставила меня необходимость.

«Оставалось самое трудное,—солгать передъ Ольгой Александровной. На другой день я сказалъ ей, что получилъ письмо отъ отца, что онъ зоветъ меня.

«— Ну, чтожъ! отвѣчала она:—поѣзжайте, повидайтесь съ старичкомъ...

«Мнѣ горька и тяжела была разлука съ этою женщиной, къ которой я имѣлъ непостижимую привязанность: печаль невольно выразилась на лицѣ моемъ.

«— Не оставайтесь тамъ долго, сказала она.

«— Мнѣ кажется, я уже не увижусь съ вами, сказалъ я.

«— Вы предчувствуете смерть мою. Полноте, я не умру такъ скоро; смерть приходитъ кстатѣ только въ трагедіяхъ, въ дѣйствительности она не такъ любезна...

«— Не смерть, а разлука...

«— Да вѣдь вы скоро возвратитесь?

«— Не знаю, можетъ-быть и не возвращусь.

«— Это отчего?

«— Можетъ-быть, найдутся причины...

«— Женитесь развѣ, сказала она, улыбаясь, — или пойдете въ священники. Тогда я выберу васъ своимъ духовникомъ.

«— Не шутите, Ольга Александровна, мнѣ и безъ шутокъ тяжело.

«Этими словами я испортилъ все дѣло. Она посмотрѣла на меня съ недоумѣніемъ, будто желая читать въ душѣ моей. Подобный

взглядъ не могъ я вынести безъ смущенія. Лицо ея вдругъ стало серьезно, отъ нея повѣяло прежнимъ холодомъ; передо мной опять была мраморная статуя...

«— Часто вамъ приходилось лгать въ жизни? спросила она меня.

«— Скрывать еще не значитъ лгать, сказалъ я, — я ненавижу лжи.

«— Конечно, сказала она холодно, — у всякаго свои секреты... и вышла изъ комнаты.

« Я былъ пораженъ. Такъ ли желалъ я разстаться съ ней!

«Прійдя въ мою комнату, я машинально собралъ свои бѣлье, пожитки и не имѣлъ силъ явиться ни къ обѣду, ни къ вечернему чаю, ни къ ужину. Я рѣшился какъ можно скорѣе оставить этотъ домъ.

«Наступилъ вечеръ, я не зажигалъ свѣчи; небо было звѣздно, луна свѣтила; стекла окошка, подернутаго морозомъ, сверкали брилліантами. Я сидѣлъ въ какомъ-то онѣмѣніи, покуда легкій шумъ не заставилъ меня оглянуться. Передо мной стояла Ольга Александровна.

«— Не сердитесь на меня, милый мой нѣмецъ, сказала она кротко и ласково. — Я пришла проститься съ вами. Мнѣ сказали, что вы завтра рано уѣзжаете. Да хранить васъ Провидѣніе...

«Она подала мнѣ руку.

«— Когда вамъ нужна будетъ дружеская помощь, обратитесь ко мнѣ... Да прощайте больше людямъ, прибавила она, — они жалки...

«Я не могъ удержаться отъ слезъ, она тоже плакала... На другой день я оставилъ домъ Травянскихъ.

«Судьба бросала меня изъ мѣста въ мѣсто, наталкивая на самыя горькія стороны жизни и человѣческой природы. Нѣсколько разъ я чуть не падалъ подъ гнетомъ невыносимо-тягостнаго положенія. Однажды хотѣлъ воротиться къ батюшкѣ; но непонятное мнѣ самому чувство удержало меня; притомъ же онъ хотѣлъ принять меня только тогда, когда я захочу идти въ духовное званіе, а это было выше силъ моихъ. Я дошелъ наконецъ до совершенной апатіи, и безъ борьбы, безъ ропота, предался теченію житейскаго моря, и вотъ волна его бросила меня сюда къ Марьѣ Ивановнѣ.

«Много безотрадныхъ, безнадежныхъ дней пережила я! И не нашлось добраго духа шепнуть мнѣ, въ тѣ горькіе дни, что со временемъ, вотъ здѣсь, подъ яснымъ небомъ, будетъ обращено на меня это милое личико, будутъ улыбаться эти розовыя губки... Это дало бы мнѣ силъ и твердости...

«Разказъ мой конченъ; «ау» Лизаветы Николаевны раздается ужъ не далеко. Сердитесь вы на меня за дерзость?»

— Нѣтъ, мнѣ только грустно, грустно за васъ...

III.

Лиза показалась въ эту минуту, сопровождаемая Катериной, съ полнымъ кузовомъ грибовъ.

— Ну, мать моя, наговорилась ли? сказала она вполголоса, идя со мною впередъ.

Я хотѣла благодарить ее, но взглядъ ея блисталъ такою холодною, что слова замерли у меня на языкѣ.

На дорогѣ вниманіе наше привлечено было экипажемъ, съ шумомъ и дребезгомъ обогнавшимъ насъ на поворотѣ, и направлявшимся къ намъ въ усадьбу.

— Это тетушка Татьяна Петровна! вскричала я почти съ испугомъ: — вѣдь она давно обѣщала съ гостить къ намъ; больше быть некому.

Мы удвоили шаги. Сердце мое будто сжалось предчувствіемъ чего-то недобраго. Прощаясь съ Павломъ Ивановичемъ, я чувствовала тоску, какой прежде не бывало.

Прибѣжавъ къ дому, я увидѣла на дворѣ волненіе: ключница бѣжала къ погребу, размахивая тарелками; половина дворни столпилась у дорожнаго экипажа.

— Кто пріѣхалъ? спросила я въ дѣвичьей.

— Тетушка Татьяна Петровна, отвѣчала мнѣ Катерина. — Посмотрите, барышня, на чтѣ вы похожи, — прибавила она, — загорѣли, волоски разбились, да и платье-то разорвали. Тетенька гнѣваться станутъ.

— Одѣнь меня, Катя.

Черезъ нѣсколько минутъ я преобразилась въ чопорную дере-

венскую барышню, причесанную, принаряженную въ платье, уже назначенное тетушкой для такого торжественнаго случая.

Съ боязнью приближалась я къ дверямъ гостиной. Тетушка Татьяна Петровна сидѣла на диванѣ, рядомъ съ *моею* тетушкой и разговаривала съ ней. Это была полная, съ важною физиономіей женщина. Дома, одна, она была всегда какъ при гостяхъ, разодѣта, надушена, немного чопорна, держалась всегда прямо, никогда не опиралась на подушку или на спинку кресель; послѣднее было для меня, въ продолженіе ея гощенья, источникомъ нескончаемыхъ выговоровъ: избалованная, изнѣженная дѣвочка, я всегда почти лежала на креслахъ гостиной, или на диванѣ угольной; мнѣ какъ-то лучше думалось такъ. Эта привычка осталась во мнѣ навсегда. Тетушка прощала мнѣ это, говоря, что я слабый ребенокъ, что косточки у меня тоненькія, что пусть я понѣжусь, пока она жива; но тетушка Татьяна Петровна смотрѣла на вещи иначе. Она жила въ свѣтѣ и была строга во всякому нарушенію этикета. Она всегда стыдила меня тѣмъ, что она, старуха, лучше меня держится.

— Рада ли ты мнѣ, Геничка? спросила она меня.

— Нечего, другъ мой, и спрашивать, сказала *моя* тетушка, — какъ же она можетъ быть тебѣ не рада.

Я покраснѣла и потупила глаза. Мнѣ смерть хотѣлось сказать, что я ей не рада, потому что сердце мое чувствовало, что я найду въ ней врага моему счастью.

Послѣ чаю, пришла Лиза съ матерью, тоже напомаженная, въ кисейномъ платьѣ. Она глядѣла иначе, держалась совершенно прямо, улыбалась съ какою-то граціозною почтительностью, когда тетушка Татьяна Петровна обращалась къ ней; два раза успѣла подать ей платокъ, подвинуть скамеечку. Тетушка осыпала ее похвалами.

— Я удивляюсь, говорила она, — Лиза какъ-будто вѣкъ жила въ знатныхъ домахъ. Ужъ это, право, такъ Богъ посылаетъ за вашу доброту, Марья Ивановна.

Я не могла надивиться такому знанію общежитія въ Лизѣ, и смотрѣла на нее съ уваженіемъ.

Наконецъ мы вырвались въ садъ.

— Какія мы съ тобой сегодня разфранченныя! сказала Лиза. —

Не изорвать бы мнѣ платья... Это все для твоей тетушки. « Ахъ, милая, благодарю васъ! »

И Лиза такъ живо и каррикатурно представила тетушку, что я не могла не расхохотаться. Тонъ голоса, жесты, взгляды, мина, все было подмѣчено съ неподражаемою наблюдательностью.

— Вы это тетушку дразните? сказала, неожиданно подошедшая къ намъ, гостившая у насъ бѣдная сосѣдка.

Лицо Лизы мгновенно приняло самое строгое выраженіе.

— Съ чего вы это взяли? сказала она съ досадою, — я и не думала, у насъ и разговоръ не было о тетушкѣ. Вы чего не выдумаете!...

Я, уже готовая засмѣяться и разказать сосѣдкѣ объ искусствѣ Лизы, смутилась и, на этотъ разъ, поняла новый урокъ общезжитія.

За нами, почти ту же минуту, пришла дѣвушка, и мы, скрѣпя сердце, побрели домой.

На другой день, часу въ одиннадцатомъ утра, нагулявшись и давнымъ давно напившись чаю, узнавъ, что тетушка-гостья уже «извоили проснуться», я вошла, по совѣту Кати, пожелать ей добраго утра.

Тетушка сидѣла передъ зеркаломъ; прѣхавшая съ нею горничная, пользовавшаяся полнымъ ея довѣріемъ, держала въ рукѣ тоненькую, сѣренькую косичку тетушки. Я съ неописаннымъ удивленіемъ смотрѣла на эти сѣдины, потому что днемъ изъ-подъ чепчика тетушки виднѣлись темные, густые волосы; но сомнѣніе мое разрѣшилось, когда на столѣ увидѣла я искусно сдѣланную накладку изъ волосъ. Я разсматривала ее со всѣмъ любопытствомъ дикаря, и не могла дать себѣ отчета, почему эта вещь наводила на меня самое непріятное ощущеніе, похожее на прикосновеніе къ мертвецу. Въ почтительномъ, но довольно близкомъ разстояніи отъ тетушки, стояла наша Федосья Петровна. Она что-то говорила въ полголоса, когда я входила; но тотчасъ замолчала при моемъ появленіи и вскорѣ вышла. На лицѣ тетушки выражалось что-то странное; губы ея были многозначительно сжаты, и взоръ ея остановился на мнѣ съ такимъ непріятнымъ, испытующимъ выраженіемъ, что я вся вспыхнула, подходя къ ней.

Когда обѣ сестры соединились въ гостиной , меня позвали туда же.

Та же торжественность, тотъ же испытующій взглядъ поразилъ меня, когда я взглянула на тетушку-гостью ; но сердце мое замерло непонятнымъ, тяжелымъ испугомъ , когда я увидѣла, что лицо *моей* тетушки было грустно и серьезно.

— Подойди сюда, Геничка! сказала тетушка-гостья.

— Да, поди сюда, Геничка ; садь, мой другъ, здѣсь , между нами, прибавила *моя* тетушка.

Холодный потъ выступилъ, въ первый разъ въ жизни, на лицѣ моемъ отъ мелькнувшей въ умѣ догадки ; я поблѣднѣла и дѣлала неимоверныя усилія встрѣтить грозу равнодушно. Невыразимый стыдъ и горечь овладѣли мной при мысли, что хотять, можетъ-быть, произвольно, грубо сорвать покровъ съ первыхъ, дѣвственныхъ чувствъ моего сердца , и то, что казалось мнѣ таинственнымъ и священнымъ, сейчасъ будетъ предметомъ осужденій, упрековъ и насмѣшекъ... Вѣдь она имѣла полное право смѣяться: я была ребенокъ. О, какъ бы я счастлива была , если бы въ эту минуту какой-нибудь добрый волшебникъ превратилъ меня въ старуху!

— Знаешь ли, Геничка, что ты стоишь на краю пропасти ? сказала тетушка-гостья.

— Ахъ, Геничка! ахъ, другъ мой, что было ты надѣлала! произнесла съ ужасомъ *моя* тетушка.

Я смотрѣла то на ту, то на другую изумленными, вопрошающими глазами.

— Да, ты стоишь на краю пропасти, и видно еще молитвы матери твоей услышаны, что Богъ послалъ тебѣ во мнѣ ангела-хранителя...

Тутъ тетушка-гостья долго , краснорѣчиво доказывала мнѣ неизбежность гибели *моей* , еслибъ она не пріѣхала и не узнала *всего*; не помню, что еще она говорила, но помню только, что къ концу рѣчи я чувствовала себя ужасною преступницей, а о немъ не смѣла и подумать безъ содроганія.

— Молись! молись! восклицала она грознымъ, патетическимъ тономъ:—иначе ты погибла...

Я рыдала безутѣшно и цѣлый день была какъ потерянная. Лизу

съ умысломъ не допускали ко мнѣ. Я страдала невыносимо, и почувствовала облегченіе только тогда, когда, дрожа отъ страха, ночью, когда все спало глубокимъ сномъ, пробралась темнымъ корридормъ въ залу, гдѣ передъ чудотворною иконой Богоматери горѣла неугасимая лампада, и простершись передъ иконой, облила полъ горячими слезами. Когда я почувствовала смѣлость взглянуть на божественный ликъ, мнѣ казалось, что онъ сіяетъ небесною благодатію, что какая-то тайна совершается во мнѣ, что сладкій голосъ говоритъ душѣ моей слова любви и прощенія.

На другой день, только что я проснулась, Катя подала мнѣ тихонько, въ мою кроватку, записку отъ него...

«Я уйду, писалъ онъ, меня нашли опаснымъ для васъ и выгнали. Прощайте! да хранить васъ Богъ... Уходя, я плачу о васъ. Помолитесь за преданнаго вамъ...»

— Вотъ, онъ идетъ, барышня! сказала Катя, стоявшая у окна;—бѣдняжка! прибавила она и отерла слезу рукавомъ своего набойчатаго платья.

Я подошла къ окошку... По дорогѣ, къ лѣсу, шелъ человекъ, не похожій на мужика, съ узелкомъ за плечами; я махнула ему платкомъ, онъ не могъ видѣть, и вскорѣ скрылся за лѣсомъ...

Къ вечеру я увидѣлась съ Лизой.

— Чтѣ у васъ случилось? спросила она меня, когда мы пошли съ ней въ садъ:—маменька вчера не велѣла мнѣ приходить сюда; Павла Иваныча выпроводили отъ насъ. Ты о чемъ плакала? глаза у тебя красные, сама блѣдная. Бранили тебя что ли?

Я разказала ей обо всемъ случившемся.

— Вотъ вѣдь какіе языки проклятые! сказала она, выслушавъ меня.—Нужно было говорить! я знала, что изъ этого ничего путнаго не выйдетъ. Говорила тебѣ, что должно быть осторожной. А я-то вчера какъ перепугалась: маменька пришла отъ васъ разстроенная, сегодня утромъ вызвала Павла Иваныча, что-то сперва тихонько начала ему говорить; я ужь и догадалась, что до тебя касается. Погода немного, Павелъ Иванычъ идетъ къ намъ въ «учебную»; мы съ братомъ сидимъ да пишемъ... Маменька тоже вошла за нимъ, да и говорить: «нѣтъ, ужь я васъ держать не могу, мнѣ маменькино расположеніе дороже всего.» А онъ говорить: «не безпокойтесь, ни минуты не останусь.» Тотчасъ свѣзалъ въ узелъ свои вещи, приходитъ; «прощайте, говорить,

Марья Ивановна, я совѣмъ». Маменька такъ и ахнула. «Погодите, говорить ему, Павелъ Иванычъ, я велю лошадь вамъ заложить.» А онъ ей: «Не надо, говорить,—я и пѣшкомъ дойду, есть у меня въ Федюкинѣ мужичокъ знакомый, я переночую у него, а завтра найму лошадь и поѣду къ Воскресенью, буду ждать мѣста у дядошки отца Алексѣя.» И со мной прощался: «Прощайте, говорить, Лизавета Николаевна! не поминайте меня лихомъ; желаю вамъ всего лучшаго.» Ужь тутъ мнѣ его и жалко стало. Богъ съ нимъ!

— Я видѣла, какъ онъ шелъ по дорогѣ, Лиза! сказала я, заливаясь слезами.

— Такъ это ты все о немъ плакала, сказала она мнѣ съ холоднымъ укоромъ.

— Да, о немъ, потому что я влюблена въ него, потому что я его никогда не забуду!

— Скажи мнѣ, пожалуста, какъ это у васъ съ нимъ все было? Чтò говорилъ онъ тебѣ? какъ любезничалъ? вѣдь ты, до сихъ поръ, не удостоила меня своей откровенности...

Я почувствовала нѣкоторую справедливость въ этомъ укорѣ, оправдывалась, какъ могла и облегчила душу мою полною исповѣдью моихъ чувствъ.

Съ этихъ поръ я пересказывала ей всѣ подробности нашихъ свиданій съ Павломъ Иванычемъ и находила въ этихъ пересказахъ невыразимое удовольствіе. Лиза слушала меня снисходительно, иногда какъ-то странно улыбалась и упорно настаивала на томъ, что она его терпѣть не могла.

— Но вѣдь не можетъ же быть, мой другъ, сказала я ей однажды,—чтобы ты безо всякой, рѣшительно безо всякой причины, возненавидѣла его?.. Ты сама что-то скрываешь отъ меня...

— Чтò мнѣ скрывать? я и сама удивляюсь.

— Лиза! не была ли ты влюблена въ него? простодушно спросила я ее, съ полнымъ желаніемъ помочь ей разрѣшить странную задачу.

Она вся вспыхнула, большіе глаза ея засверкали гнѣвомъ.

— Послушай, Геничка! ты никогда не говори мнѣ этого; не говори, а не то мы на вѣкъ поссоримся... Мнѣ любить его! чтò мнѣ замужъ что ли за него выходить? я получше найду... Да и притомъ же, сказала она, мгновенно овладѣвъ собой,—сама посудитъ

стала ли бы я доставлять вамъ свиданія, еслибъ что-нибудь такое было у меня въ сердцѣ?..

— Да! и въ самомъ дѣлѣ, ненавида его, зачѣмъ же ты исполняла его желанія, зачѣмъ оставила насъ однихъ въ дѣсу, по его просьбѣ?

— А что мнѣ! пускай... меня забавляли его продѣлки; я знала что это такъ кончится, хоть ты и не говорила мнѣ, что влюблена въ него... примолвила она съ скрытою досадою. — Хороша дружба, нечего сказать!

Сердцу моему было больно отъ этихъ словъ и тона, съ какимъ они были сказаны; я сознавала себя виноватою и умоляла Лизу забыть объ этомъ.

— Я все никакъ не могу понять, сказала я послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія:—отчего ты ненавидела его? Ты отъ меня скрываешь, Лиза: вѣрно есть какая-нибудь причина! Отчего ты не хочешь сказать ее мнѣ?

— А ты развѣ все мнѣ открываешь? видишь, какая! сама скрытничаетъ, а отъ другихъ требуетъ откровенности.

— Еслибы ты спросила меня прежде, я бы тебѣ во всемъ призналась.

— Слушай: такъ и быть скажу тебѣ всю правду: какъ мнѣ было его не возненавидѣть! Съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился у насъ, ты стала совсѣмъ другая: сидишь со мной, а думаешь о немъ; играть стала рѣже; дружбы ужъ прежней не было. Мы съ тобой съ малыхъ лѣтъ вмѣстѣ, а тутъ—явился чужой человѣкъ, съ боку припека, Богъ знаетъ откуда, ты сейчасъ и предалась всѣмъ сердцемъ,—меня и въ сторону! я только молчала, а мнѣ было очень обидно!. Онъ такъ мнѣ былъ противенъ, когда передъ тобой мелкимъ бѣсомъ разсыпался, что я такъ бы и убила его! А онъ былъ и радъ, что ты отъ его разговоровъ таяла! ты думаешь, что это было незамѣтно? очень замѣтно!

Я еще разъ увѣрила Лизу, что я никогда не переставала любить ее, что ужъ теперъ ничего отъ нея не скрою.

— Вотъ, такъ-то лучше! сказала она.

И мы возвратились домой совершенно примиренныя.

Садъ начиналъ желтѣть; тетушка Татьяна Петровна стала поговаривать объ отъѣздѣ.

Однажды, мы съ Лизой сидѣли на балконѣ; къ намъ изъ гостиной вышла Марья Ивановна и съѣла возлѣ насъ на приступокъ.

Марья Ивановна вообще была очень къ намъ снисходительна, судила и рядила съ нами обо всемъ и принимала во мнѣ живое участіе. Тетушка требовала отъ насъ разсудительности и любила, чтобы мы больше сидѣли съ большими; Марья Ивановна была того мнѣнія, что не слѣдовало бы стѣснять молодежи, а дать ей больше свободы и веселья, что все серьезное, положительное и разсудительное придетъ съ годами само по себѣ.

— Ну, кому онѣ мѣшаютъ? обращалась она, не рѣдко, къ какой-нибудь сосѣдкѣ, указывая на насъ:—вонъ, онѣ ходятъ да разговариваютъ... Придетъ время, всему научатся...

— Да и научатся! подхватывала сосѣдка, болѣе довольная риемой своего замѣчанія, нежели самымъ смысломъ.

— Ну вѣдь, гдѣ имъ сидѣть со старухами? продолжала Марья Ивановна:—и насъ съ тобой иногда тоска возьметъ, сиди на вытяжкѣ. Вѣдь, вотъ, ужь эдакъ при маменькѣ не развалишься, прибавляла она, протягиваясь на диванѣ. — Имъ и похохотать нельзя; маменька сейчасъ оговорить.

Я очень любила Марью Ивановну, несмотря на предостереженія тетушки не быть съ нею откровенною, что она хитрая... Въ послѣдствіи Марья Ивановна своею преданностью заставила тетушку переимѣнить это мнѣніе. Когда она являлась къ тетушкѣ въ своемъ вѣчномъ бѣломъ калецкоровомъ чепчикѣ, съ широкими оборками, мнѣ казалось, что все въ комнатѣ оживало и веселѣло. Безчисленное множество анекдотовъ, страшныхъ и занимательныхъ для молодого, незрѣлаго воображенія, лилось съ устъ ея и захватывало все наше вниманіе. Колдуны, злые духи, порчи, видѣнія, — все являлось въ разнообразнѣйшихъ картинахъ и случаяхъ деревенской жизни, и все это растворено было самымъ живымъ вѣрованіемъ въ сверхъ-естественное. Случалось, когда по уходѣ ея, я обращалась къ тетушкѣ съ вопросомъ: «Правда ли это?»—она отвѣчала мнѣ:

— Все можетъ быть, мой другъ, чего не случается на бѣломъ свѣтѣ? никакъ нельзя отвергать этихъ вещей.

И такое мнѣніе подтверждала иногда какимъ-нибудь анекдотомъ изъ тайнаго міра, заставлявшимъ меня долго содрагаться, и вечеромъ съ ужасомъ вглядываться въ темныя стекла окошекъ, за

которыми шумѣли, качаемыя ночнымъ вѣтромъ, полувѣковыя липы.... Потрясенное воображеніе раждало тысячи фантастическихъ призраковъ и съ ужасомъ отпращивало отъ своихъ же собственныхъ вымысловъ, прогоняя ихъ молитвой и крестомъ.

Но я уклонилась отъ настоящаго...

Итакъ, Марья Ивановна съѣла возлѣ насъ на ступеньки балкона, потомъ поглядѣла на меня какъ-будто съ сожалѣніемъ, и печально спросила: «Что мы тутъ подбываемъ?»

— А ничего, отвѣчала Лиза.—У васъ, маменька, чепчикъ на боку, прибавила она.

— Ну, матушка, кто меня осудить? отвѣчала Марья Ивановна, поправляя однако чепчикъ.

— Да что это, маменька!— не на ту сторону.

— Да ужъ, право, Лизавета, мнѣ не до этихъ пустяковъ: — Татьяна Петровна мнѣ такое сейчасъ предложеніе сдѣлала, что я не знаю какъ и быть...

— Что такое? спросили мы обѣ въ одинъ голосъ.

— Да просить отпустить Лизавету съ ней; я, говорить, ее на мѣсто дочери возьму, устрою ее участь на всю жизнь... Я, говорить, Марья Ивановна, ничего не потребую отъ тебя; одѣну ее, какъ куколку, вездѣ буду съ ней выѣзжать, всему ее выучу... Конечно, дай Богъ ей здоровья, — да жаль и съ ней-то разстаться....

Наступило общее молчаніе. Что чувствовала Лиза, не знаю, — только она долго, не говоря ни слова, вертѣла кончикъ своего шейнаго платочка, и румянецъ показался на ея щекахъ: видно было, что въ ней происходила внутренняя борьба. Что касается до меня, то сердце мое получило ударъ, отъ котораго ныло и болѣло; я невольно опустила голову и не могла удержать слезъ.

— Видишь, какъ она тебя любитъ, сказала разчувствовавшись Марья Ивановна.

Лиза взглянула на меня искоса.

— Я сама ее люблю не меньше, сказала она, — только я плакать не могу: вы сами знаете, и она знаетъ, что слезъ у меня не дождешься.

Добрая Марья Ивановна уговаривала и утѣшала меня.

— Знаю, говорила она, — что положеніе твое будетъ не легкое, одна-одинехонька, возьметъ горе. Да вѣдь, радость моя, нельзя

же все такъ жить , однимъ побытомъ вѣкъ не проживешь . Не на вѣкъ разстанетесь . Нѣтъ , вѣдь я навсегда не оставляю ее тамъ , а то и мать , пожалуй , забудеть...

Послѣднія слова Марьи Ивановны нѣсколько успокоили меня . Когда она оставила насъ , Лиза сказала мнѣ :

— Ты не плачь , Геничка ; тетушка замѣтитъ , что ты плакала , будетъ сердиться .

— Да развѣ она можетъ запретить мнѣ тосковать о тебѣ ?

— Э , да ты все не то говоришь ! Кто запретить ? да что за радость ? Она подумаетъ : вотъ , я всю жизнь ей посвящаю , а она промѣняла меня на кого ! Ну , и на меня она будетъ смотрѣть не ласково ; пожалуй , послѣ и совсѣмъ разлучить насъ .

Я не могла не признать справедливость этого замѣчанія и не мало удивлялась уму Лизы , что тотчасъ же выказала ей . Самодовольная улыбка озарила ея лицо .

— Я хоть и не умѣю , какъ ты , говорить о небѣ , звѣздахъ и чувствахъ , а тоже понимаю кой-что , сказала она .

— О , ты гораздо умнѣ меня ! вскричала я съ полнымъ убѣжденіемъ .

— Ну , нѣтъ , Геничка , я этого не скажу ; я не умѣю говорить какъ ты .

— Такъ ты уѣдешь , Лиза ! сказала я , быстро перемѣняя разговоръ .

— Да какже , Геничка ? Что я здѣсь увижу ? Чему научусь ? Надо и на людей посмотрѣть . Состояніе маменьки ты знаешь : какъ пропустить такой случай ?

— О , я никуда не хочу отсюда ! намъ здѣсь хорошо , — я бы цѣлый вѣкъ прожила такъ !...

— Между елками ? очень весело ! Это ты такъ только говоришь . Нѣтъ , сохрани Богъ , прожить здѣсь всю жизнь !

— Съ тобой я прожила бы счастливо...

Я говорила что чувствовала ; я такъ сроднилась съ тихимъ уголкомъ нашимъ , съ зеленымъ садомъ , съ каждымъ кусточкомъ тѣхъ мирныхъ мѣстъ , что мысль оставить ихъ , начать новую жизнь , обдавала меня холодомъ . Чувство привычки было во мнѣ чрезвычайно сильно .

— Э , полно , Геничка ! все это вадоръ , рѣшила Лиза .

Тетушка Татьяна Петровна крѣпко настаивала на томъ , чтобы

взять Лизу. *Моя* тетушка не отговаривала ее, и мало-по-малу приблизился день, когда четверная неуклюжихъ, старыхъ коней унесла отъ меня Лизу далеко, въ Т*** губернію.

Какая пустота, скука, тоска овладѣли мной по отъѣздѣ Лизы! Какъ одиноки и печальны были мои прогулки! Какъ невыносимы казались осенніе дни! Нѣтъ ея! не придетъ она больше будить меня по утру. Долго не услышу ея звонкаго смѣха! Долго, цѣлыя недѣли, мѣсяцы, можетъ-быть, годы... Будетъ ли она вспоминать обо мнѣ? Такъ ли же ей грустно безъ меня, какъ мнѣ безъ нея?..

Она увидитъ городъ,—думала я также по временамъ,—увидитъ новыя мѣста, новыя лица! Ей открывается цѣлый рядъ новыхъ впечатлѣній, между тѣмъ какъ я, день за днемъ, трачу свою юность, будто забытая судьбою, окруженная старыми людьми. Конечно, я люблю тетушку, и не хотѣла бы оставить ее, потому что знаю, чувствую, какъ печальна была бы ей разлука со мной; потому что меня замучила бы мысль о ея слезахъ, о ея тоскѣ... Но все же прожить такъ всю жизнь, въ этой пустынѣ, безъ Лизы, было ужасно. И мысль моя неслась за предѣлы тѣснаго горизонта моей жизни, улетала все дальше и тонула въ новыхъ мечтахъ, раждавшихъ жажду дѣйствительности. И мнѣ казалось, что передо мной открывается входъ въ другой міръ, и невидимая рука вводитъ меня на сцену великаго театра, гдѣ и мнѣ также назначено играть свою роль, — и страшно, и весело становилось мнѣ, и оглушена была я этимъ говоромъ, пестротой, и блескомъ... А старыя липы тихо и грустно шумѣли надо мной, роняя послѣдніе желтые листья; сорока насмѣшливо щекотала чуть не надъ самымъ ухомъ, и я, опомнившись, проникнутая холоднымъ воздухомъ осенняго вечера, брела къ дому, гдѣ за чайнымъ столомъ, при свѣтѣ сальныхъ свѣчекъ, ждала меня добрая тетушка, и готовый выговоръ замиралъ на ея устахъ при моемъ робкомъ появленіи, переходя въ нѣжный упрекъ за то, что я поздно гуляю въ такой холодъ и не берегу себя.

Послѣ чаю вытаскивался изъ-подъ кровати завѣтный ящикъ съ книгами, присланными отъ одного сосѣда, стариннаго знакомаго тетушки, когда-то неравнодушнаго къ ней и посѣщавшаго насъ аккуратно разъ въ годъ, въ именины тетушки.

Чего не было въ этомъ ящикѣ! — тутъ были и «Тайства

Удольскаго замка» и «Наталья, боярская дочь» и «Сенъ-Клеръ Островитянинъ», и много, много подобнаго.

Съ жадностью пробѣгала я заманчивыя страницы, и мой собственный голосъ, раздававшійся въ тишинѣ, волновалъ и раздражалъ до слезъ мои нервы.

Нерѣдко я думала и о Павлѣ Ивановичѣ, о которомъ не имѣла никакихъ извѣстій; нерѣдко воскрешала воспоминаніемъ и слезами любовь мою къ нему, и переживала вновь воображеніемъ невозвратныя, первые счастливыя дни моей жизни.

Отъ Лизы я рѣдко получала письма. Она писать не любила, за то я строчила ей длинныя, мечтательныя посланія, забывая ея положительность, предаваясь только своимъ собственнымъ чувствамъ.

Письма Лизы были сжаты и официальны; зная ея осторожность, я поняла, что она боится быть откровенною. Только въ одномъ письмѣ, присланномъ съ оброчнымъ мужикомъ Марьи Ивановны, написала она мнѣ, что, можетъ-быть, выйдетъ замужъ за воспитанника Татьяны Петровны, которому одинъ генералъ обѣщаетъ доставить хорошее мѣсто, что воспитанникъ не дурень и «молоденькій»; но что все-таки ей больше нравится одинъ офицеръ, который каждый день ѣздитъ мимо оконъ и даже потихоньку кланяется ей. Въ заключеніе, она просила изорвать это письмо, никому, даже маменькѣ, не показывать и не писать ей объ этомъ ничего, потому что Татьяна Петровна можетъ прочитать и разсердиться.

Время летѣло; прошла зима; тоска моя по Лизѣ начинала терять свою первую силу; желаніе свидѣться съ ней не уменьшалось, но воспоминаніе о ней не сопровождалось уже горькими слезами. Я привыкла къ одиночеству, какъ птица къ кѣткѣ, и приобрѣла даже нѣкоторое спокойствіе духа. Я привѣтствовала снова весну, какъ дорогую гостью, — и по прежнему, подъ яснымъ небомъ майскаго дня, находила минуты безотчетнаго упоенія.

Въ концѣ іюля, Марья Ивановна, не шутя, стала поговаривать, что она пошлетъ за Лизой, какъ управится съ уборкой хлѣба. Сердце мое забилося при этомъ извѣстии, и какъ только осталась я одна съ Марьей Ивановной, то бросилась къ ней на шею и разцѣловала ее. Это чуть не до слезъ умилило Марью Ивановну.

— Непременно пошлю, сказала она. — вѣтъ, она не думай, что я совсѣмъ отдала, надо и честь знать и мать вспомнить, — будетъ, повеселилась, поскучай-ка теперь съ нами. Да и что за скука! прибавила Марья Ивановна, — отчего скучать? вотъ вы, то въ саду погуляете, то между собой посмѣетесь; мы съ маменькой да съ Катериной Никитишной въ карты бьемся, — отчего скучать?

Я была рада, что такъ думала Марья Ивановна. Во мнѣ еще такъ много было тогда эгоизма.

Лиза! Лиза! повторила я въ восторгѣ, обѣгая съ живостью тѣнистыя аллеи и густыя куртены, наполненныя орѣшникомъ и яблонями, на которыхъ зрѣли янтарно-розовые плоды. Какъ она будетъ всему этому рада, думаю я. А грибовъ грибовъ-то сколько нынѣшній годъ.

V.

Уже прошло нѣсколько дней, какъ отправлена была за Лизой крытая тележка.

Однажды сидѣла я на крыльцѣ, въ ожиданіи радостнаго свиданія съ ней, въ сладкомъ раздумьи объ этомъ свиданіи, какъ вдали послышался звукъ колокольчика, и по дорогѣ отъ сосновой рощи поднялось облако пыли. — Посмотрите-ка, барышня, сказала подошедшая Дуняша, — вѣдь это Лизавета Николаевна ѣдутъ.

Въ эту минуту мнѣ показалось, что у меня выросли крылья, что я лечу на встрѣчу Лизѣ, — такая сильная радость наполнила мнѣ сердце.

Да, это, вправду, была Лиза. Тележка остановилась у крыльца Марьи Ивановны; только страхъ разсердить тетюшку удержалъ меня бѣжать туда, чтобъ броситься на шею пріѣзжей.

Но, вотъ, я пережила и минуты ожиданія, и уже она на дорогѣ къ нашему дому, я хочу бѣжать къ ней на встрѣчу и останавливаюсь, — она ли это? думаю я, — неужели она? эта нарядная, стройная барышня, съ косою обвитою вокругъ гребенки, въ прекрасномъ кисейномъ платьѣ...

— Здравствуй, Геничка! говорить она мнѣ слишкомъ знакомымъ голосомъ: — или ты меня не узнаешь?

И мы заключили другъ друга въ объятія.

Вотъ и Т-ская гостейка, сказала Марья Ивановна:—посмотри-ка на нее, Геничка, вѣдь ее узнать нельзя. А мы съ тобой, радость моя, такъ деревенщина, по-просту,—да оно и лучше....

Лиза точно перемѣнилась. Впервыхъ, она похорошѣла; вторыхъ, была очень порядочно одѣта, и манеры ея, противъ прежняго, получили нѣкоторую развязность и ловкость. Въ этой перемѣнѣ было для меня что-то наводящее грусть, въ которой я не могла и не умѣла дать себѣ отчета. Я неясно сознавала, что въ годъ, проведенный нами розно, соткалась довольно плотная сѣть, отдѣлявшая насъ другъ отъ друга.

Тетушка приняла Лизу привѣтливо, хотя въ душѣ и не очень любила ее. Старушка питала къ ней невольное чувство ревности и съ горечью думала, что привязанность къ Лизѣ можетъ ослабить во мнѣ всѣ другія привязанности. Тетушка видѣла, какъ я грустила и тосковала въ разлукѣ съ Лизой и поняла, что одна ея любовь, какъ ни была безгранична она, не была достаточна для моего счастья. Но эти чувства никогда не выражались у ней никакими желчными выходками, ни какою раздражительностью. Часто, въ отсутствіи Лизы, она говорила мнѣ:

— Тебѣ скучно со мной, моя милая! Я ужь стара, не могу быть для тебя подругой.

И была довольна, какъ дитя, когда я успокоивала ее и увѣряла неложно, что она мнѣ дороже всего на свѣтѣ.

— Вотъ, душа моя, обратилась она къ Лизѣ,—ты ужь теперь просвѣщенная, городская дѣвица. Пользуйся этимъ случаемъ и моли Бога за сестрицу.

— Ну, зачѣмъ маменька выписала меня сюда? сказала мнѣ Лиза, когда мы остались съ ней однѣ. — Она думаетъ, что мнѣ очень весело въ вашемъ медвѣжьемъ углу. Вѣдь она лишаетъ меня счастья. Кого я здѣсь вижу, чему научусь?

Хотя меня слегка и кольнули слова «медвѣжій уголъ», «кого вижу»; но я не противорѣчила Лизѣ, а только старалась уклониться отъ дальнѣйшихъ разсужденій объ этомъ предметѣ.

Лиза откровенно разказала мнѣ, что въ нее влюбленъ какой-то Федоръ Матвѣичъ, protégé Татьяны Петровны, и хочетъ непременно на ней жениться, что Татьяна Петровна обѣщала прислать за ней лошадей по первому зимнему пути, и устроить

судьбу ея съ Федоромъ Матвеевичемъ, что она, покуда, не говорить объ этомъ маменькѣ, потому что та не утерпитъ, всѣмъ разкажетъ.

— А что этотъ офицеръ, о которомъ ты мнѣ писала? спросила я ее.

— Онъ ужь уѣхалъ. Вѣдь это было, такъ, пустяки... онъ заинтересовалъ меня, каждый день проѣзжалъ мимо дома; я послѣ ужь и къ окошку не подходила, боялась, чтобъ Анфиса не замѣтила. Еще выдумала бы что-нибудь.

— Кто это Анфиса?

— Это воспитанница Татьяны Петровны. Такая хитрая. Такъ къ Татьянѣ Петровнѣ подбилась, что та безъ нея жить не можетъ. Вотъ, Геничка, попросись у тетеньки ко мнѣ на свадьбу, весело будетъ. Татьяна Петровна вѣрно будетъ звать тебя.

Отъ всѣхъ этихъ разговоровъ на душѣ у меня становилось холодно и непріятно: будто я не доискивалась въ ней чего-то, что мнѣ было дорого и мило.

Лиза слишкомъ переросла меня положительностью, и на прежнія наши мечты и забавы смотрѣла почти равнодушно, какъ взрослый на куклы. Игры наши не ладились, и послѣ двухъ, трехъ неудачныхъ попытокъ совсѣмъ прекратились. Другіе интересы, другія цѣли занимали ее; они ярко виднѣлись ей въ будущемъ, между тѣмъ какъ для меня все еще было покрыто туманомъ.

Между тѣмъ слухъ о пріѣздѣ Лизы занимательною новостью распространился между сосѣдями, во мнѣніи которыхъ она выиграла, по крайней мѣрѣ сто процентовъ, возвратясь изъ большаго города. Отъ нея ждали и новыхъ модныхъ нарядовъ на фасонъ и безконечныхъ любопытныхъ разказовъ о томъ, что она видѣла и слышала. Тѣ, которымъ удалось видѣть ее, разносили о ней слухи самые заманчивые, возбуждавшіе неодолимое любопытство посмотреть на «городскую барышню».

По воскресеньямъ въ нашей церквѣ стали появляться новыя лица и невиданные дотогѣ франты изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Многіе знакомились съ Марьей Ивановной. Ея незначительное состояніе давало поводъ къ надеждамъ, что Лиза не будетъ слишкомъ разборчивою невѣстой, и потому нѣкоторые даже рѣшались предлагать ей руку и сердце, но получили отказъ.

Лиза посмѣивалась надъ ними въ тихомолку, но все-таки.

кокетничала съ ними, несмотря на ихъ грубость и необразованность. Она съ нетерпѣніемъ ожидала приближенія зимы, чтобъ опять уѣхать въ Г***, гдѣ должна была рѣшиться ея судьба.

Теперь въ ея сердцѣ, въ свою очередь, я была въ сторонѣ... Теперь, болѣе нежели когда-нибудь, я мысленно, съ грустью и благодарностью обращалась къ Павлу Ивановичу, и горячія слезы мои нерѣдко капали на оголившіея корни старой березы, подъ которою мы такъ часто разговаривали съ нимъ.

Я не любила напоминать о немъ Лизѣ, потому что она относилась о немъ почти съ презрѣніемъ, а о чувствахъ моихъ такъ, какъ-будто была вполнѣ увѣрена, что въ сердцѣ моемъ не осталось никакого слѣда отъ этой встрѣчи.

Въ концѣ августа, въ одномъ большомъ богатомъ селѣ, верстахъ въ десяти отъ насъ, каждый годъ бываетъ ярмарка.

Во времена тетушкиной молодости, ярмарка эта была блестятельнымъ торжествомъ, временемъ различныхъ веселостей и всѣхъ замѣчательныхъ происшествій. Въ послѣдствіи, когда богатое дворянство, наполнявшее тотъ край, обмѣло, состарѣлось, перемерло, раздробилось, ярмарка утратила половину своего блеска. Была и другая причина: двадцать лѣтъ назадъ, по словамъ тетушки, въ ближайшемъ уѣздномъ городкѣ нельзя было ничего найти порядочнаго, кромѣ соли и муки, и потому Ивановская ярмарка доставляла, кромѣ удовольствій, многіе необходимые запасы для народа: огурцы, медъ, деревянное масло, лукъ, чеснокъ, разные крупы, изюмъ, миндаль и проч. (все это покупалось годовымъ запасомъ), и предметы роскоши для людей зажиточныхъ. Въ мое же время, въ нашемъ уѣздномъ городкѣ, были и лавки съ краснымъ товаромъ, и рыбный рядъ, и даже каждый день мягкіе калачи.

Но все-таки и въ настоящее время ярмарка была не маловажнымъ событіемъ хотя и не имѣла уже такой существенной необходимости, какъ двадцать лѣтъ назадъ.

Она манила еще православный людъ подъ рогожные балаганы. Мелкопомѣстные дворяне и остатокъ прежней аристократіи нашего края собирались туда, какъ на *partie de plaisir*; невѣсты и теперь на ходили въ толпѣ своихъ суженыхъ.

26-го августа, то-есть наканунѣ, въ домѣ у насъ каждый годъ бывало необыкновенное движеніе, вся дворян толпилась въ

прихожей и впускалась поочередно къ тетущкѣ испрашивать позволенія идти на ярмарку. Сперва являлись старшіе. Получали позволеніе и ежегодную награду деньгами, вслѣдствіе чего кланялись тетущкѣ въ ноги и выходили съ торжествующею улыбкой.

Такъ какъ ярмарка продолжалась почти цѣлую недѣлю, то тетущка и распредѣляла кому въ какой день идти, чтобъ не остаться безъ прислуги. Федосья Петровна съ горничными также ходила за десять верстъ пѣшкомъ смотрѣть на толпу и показать себя. Никакая погода, никакая слякоть не останавливали этихъ добрыхъ людей.

Не мало разказывала мнѣ тетущка романическихъ происшествій, случавшихся въ прежнее время на ярмаркѣ; живо описывала тогдашнюю жизнь, богатое сосѣдство, пиры и веселье, царствовавшее на нихъ, и нерѣдко заставляла меня сожалѣть, что я живу въ иное скучное время.

— Да, Геничка, мой другъ, говорила она, — въ мое время было не то: бывало, наканунѣ 27-го числа, съѣдемся мы всѣ къ сестрицѣ Прасковѣ Васильевнѣ...

— Развѣ она вамъ сестра, тетущка?

— А какже? покойнику батюшкѣ троюродная племянница. Домъ у ней огромный, двухъ-этажный, каменный и всего въ трехъ верстахъ отъ Ивановскаго. У ней была и музыка своя. Гостей наѣдетъ человѣкъ сорокъ; погостятъ денекъ, ночуютъ; на другой день кто-нибудь изъ гостей зоветъ всѣхъ къ себѣ; на третій тоже кто-нибудь зоветъ, — да такъ почти у всѣхъ сосѣдей придется перебивать; такъ цѣлымъ обществомъ и разѣзжаемъ, справляемъ годовые визиты.

— Да гдѣ же вы всѣ помѣщались, тетущка? Вѣдь не у всѣхъ такіе большіе дома, какъ у Прасковьи Васильевны.

— Э, мой другъ, въ старину были не причудливы; всѣ, бывало, барышни и дамы улягутся на полъ въ повалку, гдѣ придется ночевать, наладутъ перинъ, подушекъ цѣлая гора, — смѣху-то сколько, проказъ-то сколько! мушны, кто на сѣновалѣ, кто въ саду. — Помнишь, Катенька, какъ мы съ тобой гащивали у дялюшки Антона Иваныча? обратилась она къ сосѣдкѣ.

— Какъ не помнить, родная! отвѣчала та, поднимая отъ работы свое доброе морщинистое лицо. — Еще тогда влюбился въ васъ Николай Александрычъ. А ужъ вѣдь какъ недурны вы были,

родная! Какъ теперь гляжу: въ желтомъ платьѣ, — косы-то тогда высоко носили и локончики, — ну прелесть!

— Все-то прошло, мой другъ! Вотъ теперь какія мы съ тобой красавицы стали.

— Чтò дѣлать, родная, — молодое растеть, старое старѣется, заключила шестидесятилѣтняя Катенька, прежняя тетушкина подруга молодости и вѣрный другъ при старости, добрѣйшее созданіе, жившее всего въ верстѣ отъ насъ, въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, при которомъ, въ особой избѣ, помѣщалась вся ея вотчина, состоявшая изъ двухъ семействъ.

Катерина Никитишна рѣдкій день не была у насъ, а иногда и гостила по цѣлымъ недѣлямъ. Какъ часто встрѣчала я ее лѣтомъ, за воротами двора, бредущую къ намъ съ посошкомъ въ рукахъ, повязанную пестрымъ платочкомъ въ будни, и въ бѣломъ чепцѣ по воскресеньямъ. Въ воскресенье, она до обѣдни всегда заходила къ намъ; Марья Ивановна съ Лизой, одѣтыя по праздничному, тоже являлись и вмѣстѣ отправлялись, для сокращенія пути, черезъ садъ, покрытый утреннею росой, въ церковь.

Тетушка бывала у обѣдни только въ большіе праздники, тогда закладывались старинныя дрожки съ фартуками, называемыя архіерейскими, на которыя и мы съ Лизой усаживались и сопровождали тетушку.

Намъ съ Лизой запала въ голову дерзкая мысль съѣздить на ярмарку. Для этого я сочла необходимымъ предварительно осведомиться о состояніи тетушкиныхъ экипажей у бывшаго лейб-кучера дѣдушки, Карпа Иваныча, супруга Фодосьи Петровны, бодрого, плечистаго старика, съ сѣдою бородой, нахмуренными сѣдыми же бровями, придававшими ему суровый видъ, чтò однако не мѣшало ему быть очень добрымъ человекомъ.

Я нашла Карпа Иваныча у конюшни; онъ несъ корзину съ овсомъ.

— Здравствуй, Карпъ Иванычъ!

— Здравствуйте, матушка Евгенія Александровна!

— А чтò, Карпъ Иванычъ, можно ѣхать въ нашей линейкѣ?

— Вѣдь куда ѣхать, сударыня? до церкви-то можетъ доѣдетъ.

— Нѣтъ, такъ верстъ за десять?

— Ну, нѣтъ, сударыня, плоховата! вѣдь съ кончины покойнаго дѣдушки она такъ и стоитъ не починена, — и колеса-то того

и гляди на полверстѣ разсыплются... Вы изволите знать, какая тада у тетеньки, — только въ церковь Божью, такъ туда на дрожкахъ всегда.

— Ахъ, Боже мой! какъ же быть, Карпъ Иванычъ? намъ бы на ярмарку хотѣлось...

— Такъ что же, сударыня, прикажите коляску осмотрѣть, въ ней можно ѣхать; почистить ее да посмазать — коляска четверокошная, прекрасная... даромъ, что старинная, а и новымъ не уступить... Настоящая аглицкая.

— Какъ это хорошо, Карпъ Иванычъ! такъ ты, если тетенька спроситъ, такъ и скажи, что можно ѣхать...

— Слушаю-съ.

— Смотри же, такъ и скажи, что можно ѣхать...

И я полетѣла къ тетущкѣ.

Когда все пренятствія были устранены, я съ торжествующимъ видомъ объявила Лизѣ и Марьѣ Ивановнѣ, что тетущка отпускаетъ насъ на ярмарку, на что Марья Ивановна одобрительно сказала, что я «молодецъ!» а Лиза улыбнулась съ довольнымъ видомъ и проговорила: «ай да, Геничка!»

Насталъ и день, ожидаемый нами такъ нетерпѣливо. Я проснулась раньше обыкновеннаго. Утро было ясное. Первый предметъ, бросившійся мнѣ въ глаза, былъ — мое парадное бѣлое платье, чѣмъ свѣтъ разглаженное и развѣшенное на стѣнѣ Дуняшей; но увы! короткій лифъ и старинный покрой его только теперь вспомнились мнѣ. Я призадумалась, мнѣ стало не ловко; меня обуяло непостижимое малодушіе, чуть не вызвавшее слезы на глаза; но я поборола это чувство всею силой воли и храбро одѣлась...

Лиза явилась нарядная, праздничная, въ новенькомъ розовомъ платьѣ, съ тонкою тазіей и пышными оборками...

Я поручена была надзору Марьи Ефимовны, бѣдной и уже не молодой дѣвицы, имѣвшей претензію на свѣтскость, постоянно гостившей въ «хорошихъ домахъ», по ея выраженію, и, вправду, любимую всѣми за свой разсудительный, кроткій характеръ. Даже гордая старуха Прасковья Васильевна удостоивала ее своего вниманія. Она нерѣдко занимала роль временной гувернантки при молодыхъ дѣвицахъ, въ тѣхъ домахъ, гдѣ была принята и пользовалась всеобщимъ уваженіемъ за безукоризненную чистоту нравовъ.

Марья Ефимовна, къ счастью, посѣтила насъ наканунѣ, и потому тетушка предложила ей честь руководить меня на новомъ, незнакомомъ мнѣ поприщѣ.

Марья Ивановна не обидѣлась, что ей, какъ будто, не довѣряли, и, съ свойственною ей добротой и веселостью, заняла свое мѣсто.

Тетушка приказала намъ заѣхать къ знакомой ей помѣщицѣ, Аннѣ Андреевнѣ, у которой тоже когда-то пировала въ молодости. Анна Андреевна посѣщала насъ иногда разъ въ годъ, и тетушка, отправляя меня къ ней, все равно, что сама платила визитъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, должна была принять это Анна Андреевна, знавшая слабость тетушкинаго здоровья.

Когда мы, со всѣмъ одѣтыя, пришли къ тетушкѣ, она внимательно осмотрѣла меня и Лизу; потомъ, подозвавъ Марью Ефимовну, сказала, отдавая ей деньги:

— Потрудиись, другъ мой, купить Генчикъ кисей на платье, по ея вкусу...

На крыльцѣ ожидало насъ странное зрѣлище: Карпъ Ивановичъ въ синемъ, парадномъ, полинявшемъ отъ времени, кучерскомъ кафтанѣ, сидѣлъ на высочайшихъ козлахъ высочайшей коляски, походившей на огромнаго размѣра фантастическое насѣкомое.

Лиза померла со смѣху.

— Вотъ Ноевъ-то ковчегъ! вскрикнула она. — Удивимъ мы ярмарку. Да это...

Но восклицаніе ея прервано было легкимъ толчкомъ и выразительнымъ взглядомъ Марьи Ивановны, пораженной появленіемъ въ сѣняхъ тетушки, неожиданно поднявшейся проводить насъ.

— Ничего, милая, смѣйся! сказала тетушка, выходя на крыльцо, — въ твои годы простиительно смѣяться. Еслибъ я была въ состояніи сдѣлать для васъ новый экипажъ, то конечно не покупалась бы; но въ этой коляскѣ, другъ мой, ѣзжали люди не хуже тебя.

Барское самолюбіе тетушки, при иныхъ случаяхъ, бывало очень щекотливо.

Лиза, избалованная своею осторожностью, рѣдко допускавшее ее до промаховъ, раздражительно и тяжело принимала всякое замѣчаніе. Она ничего не отвѣчала, но сдѣлалась мрачна и холодна, какъ осенняя ночь. Для меня было всегда что-то страшное въ этомъ сосредоточенномъ, молчаливомъ гнѣвѣ... Мнѣ также стало

неловко и непріятно... Лучше бы тетушка меня побранила, а не Лизу, подумала я. Мы усѣлись; коляска, скрипя и побрякивая, покатилась по дорогѣ. Я съ безпокойствомъ поглядывала на Лизу.

— Вѣдь какая маменька, Богъ съ ней! сказала Марья Ивановна:—ну, что за важность, что Лизавета размѣялась... Какову она ей пику подпустила!—А ты, полно, не огорчайся, прибавила она, обращаясь къ Лизѣ,—это тебѣ въ новость, а вотъ какъ я, бывало, что отъ нея переносила! иной разъ не знаешь съ какой стороны и подойти,—да все терпишь, какъ быть. Нѣтъ, вѣдь на маменькинъ-то характеръ угодить ой-ой!

— Еще теперъ что! подхватила Марья Ефимовна:—еще нынче не то стала Авдотья Петровна—и годы, и горе ее убили, много кротче стала...

Эти разсужденія и другіе разговоры успѣли развеселить и разсѣять Лизу. Я смѣшила ее разными замѣчаніями на счетъ Карпа Иваныча и обратила ея вниманіе на тѣнь его фигуры, рисовавшейся на дорогѣ, ярко освѣщенной солнцемъ. Ночь Карпа Иваныча и вся его фигура принимали странную форму и необыкновенные размѣры.

Десять верстъ казались мнѣ, не выѣзжавшей далѣе церкви, неизмѣримымъ разстояніемъ. На половинѣ пути мною начала овладѣвать пріятная усталость, сливавшаяся съ какою-то свѣтлою, упоительною мечтательностью... Цѣпь очаровательныхъ призраковъ опутала меня—дремота сомкнула глаза...

— Душечка, Евгенія Александровна! уснули? разбудилъ меня голось Марьи Ефимовны:—пріѣхали, мой ангелъ...

Я открыла глаза. Коляска наша стояла передъ крыльцомъ незнакомаго, большаго деревяннаго дома, длинный и мрачный фасадъ котораго напомнилъ описаніе аббатствъ въ читанных мною романахъ.

Мы вышли изъ экипажа на широкое крыльцо; двое сѣдыхъ лакеевъ отворили намъ дверь въ залу, гдѣ накрытъ былъ столъ на довольно большое количество приборовъ. У входа въ гостиную толпилось нѣсколько мушкетеровъ; я была такъ смущена, что не могла отличить между ними ни одного лица, всѣ они сливались для меня въ одну темную, движущуюся массу, которая разступилась, чтобъ пропустить насъ въ гостиную, наполненную дамами

въ такихъ пестрыхъ, разнообразныхъ нарядахъ, что у меня зарыбило въ глазахъ.

Я въ первый разъ была въ такомъ многочисленномъ обществѣ. Машинально шла я за Марьей Ефимовной и Лизой и, слѣдуя ихъ примѣру, подошла къ хозяйкѣ, сидѣвшей на диванѣ въ огромнѣйшемъ чепцѣ съ лиловыми лентами и кружевами, въ турецкой шали и бѣломъ капотѣ.

Это была крошечная старушка съ восковымъ лицомъ и двумя длинными зубами напереди. Она поцѣловала меня, назвала «милушкой» и спросила о здоровьи тетушки. Я отвѣчала, что слѣдуетъ, и, совершенно сконфуженная, съ пылающими щеками, отошла, чтобъ занять первое попавшееся мнѣ на глаза кресло. Оно приходилось съ краю къ дверямъ, въ которыя мы вошли. Смущеніе мое было неописанно, когда я увидѣла себя съ одной стороны окруженною мужчинами, съ другой попомъ и дьякономъ, сидѣвшими чинно и молчаливо.

Лиза, помѣстившаяся недалеко отъ хозяйки, между дамами, насмѣшливо улыбалась мнѣ, показывая глазами на моихъ сосѣдей. Смущеніе начинало уже во мнѣ уступать мѣсто смѣху, когда Марья Ефимовна подозвала меня къ себѣ.

— Сядьте здѣсь, мой ангелъ, сказала она вполголоса, — ну, что вы тамъ сѣли — не хорошо!

Я была рада соединиться съ Лизой.

— Посмотри, сказала Лиза шепотомъ, — вонъ, — этотъ военный: кажется, не дурень. Онъ на насъ смотритъ...

И, вправду, глаза одного молодого человѣка въ военномъ мундирѣ были устремлены на нашу сторону. Лицо его было довольно красиво и принадлежало къ числу тѣхъ, которыя называютъ расписными. Русые усики его были вздернуты, и сѣрые глазки смотрѣли быстро и живо.

Лиза, говоря со мной, поглядывала на него изподтишка.

Оглядѣвшись, я была рада найти между гостями Анны Андреевны многихъ изъ нашихъ сосѣдокъ, въ томъ числѣ Катерину Семеновну и Машу Филиппову, барышню, гостившую иногда у насъ по праздникамъ, и стала смѣлѣе и развязнѣе.

Отъ нихъ узнали мы, что лицо, обратившее на себя вниманіе Лизы, былъ поручикъ Котаевъ, братъ девяти сестеръ и сынъ бѣдныхъ родителей. Пять изъ сестеръ его находились въ чи-

слѣ гостей; всѣ онѣ были нехороши собой, но бойки и говорливы.

Старшая Котаева предложила намъ идти въ садъ, и всѣ дѣвицы поднялись за нами. Поручикъ и еще одинъ рябоватый юноша послѣдовали за нами; послѣдній, черезъ нѣсколько минутъ, очутился со мной рядомъ и завелъ слѣдующій разговоръ:

— Какая прекрасная погода-съ!

— Да, сегодня хороша.

— Какъ вамъ вась нравится ярмарка?

— Мы еще не были.

— Тетушка ваша никуда не выѣзжаютъ-съ?

— Она слаба здоровьемъ.

— Какъ это *они* вась отпустили?

— Такъ и отпустила...

— Лаврентій Иванычъ! обратилась къ нему, шедшая воемъ меня Дуня Котаева, — вы что покупали на ярмаркѣ?

— Да ничего еще не покупалъ-съ; у жида супирчикъ торговалъ, да дорого просить, проклятый.

— На что вамъ супирчикъ?

— Такъ-съ, на рукъ носить; прехорошенькій, съ незабудочкой-съ.

— Вѣрно кому-нибудь на память хотите подарить?

— Вы, Авдотья Сергѣевна, сейчасъ и выведите Богъ знаетъ что...

— Что мнѣ выводить, — такъ сказала. А у вась видно совѣсть не чиста?...

— Нѣтъ, у меня совѣсть чиста-съ; у вась у самихъ-то, видно, не чиста-съ.

— Я думаю!...

— Вотъ, Евгения Александровна! рѣшите нашъ споръ, сказавъ, подходя къ намъ, вслѣдъ за Лизой, поручикъ, съ вѣткой акаціи въ рукахъ, — Лизавета Николаевна не вѣрять, что зеленый цвѣтъ значить надежда...

— Право не знаю, отвѣчала я, — но, мнѣ кажется, значеніе надежды прилично зеленому...

— Видите, Лизавета Николаевна!...

— Неправда, Геничка выдумываетъ...

— Зеленый цвѣтъ значить надежда, надежда! закричала одна

изъ Котаевыхъ:—я знаю, у меня есть тетрадка, и тамъ написано что каждый цвѣтъ значить.

— Видите, моя правда, Лизавета Николавна! повторилъ поручикъ.

— Неправда! сказала она съ кокетливымъ упрямствомъ.

— Отчего же вы не хотите надежды?

— Надежда обманываетъ...

— Помилуйте, да человекъ живетъ надеждой. Вотъ, я, напримеръ, я бы умеръ безъ надежды...

— Не умерли бы...

— Конечно, еслибъ я сталъ умирать передъ вами, вы и тогда, пожалуй не повѣрили бы...

Лиза засмѣялась и покраснѣла, Котаевы залились звонкимъ смѣхомъ, который однако тотчасъ былъ прекращенъ призывомъ къ обѣду.

Послѣ обѣда все общество, кромѣ хозяйки и нѣкоторыхъ пожилыхъ дамъ, отправилось на ярмарку.

Наша коляска ѣхала въ ряду шести или семи экипажей, столь же фантастическихъ, какъ и она сама. Лиза посмѣивалась надъ ними, потому что уже имѣла понятіе о лучшихъ. Шумъ, дребезгъ, покрываемые по временамъ взрывомъ хохота Котаевыхъ, были удивительные.

Наконецъ весь поѣздъ остановился передъ рядомъ низкихъ балагановъ, покрытыхъ рогожнымъ навѣсомъ, изъ-подъ котораго выглядывали любопытныя лица крестьянъ и крестьянокъ. Кругомъ также толпился народъ.

Пріѣздъ нашъ обратилъ общее вниманіе. Толпа слѣдовала за нами. Женщины старались подойти ближе, брали насъ за платья, произносили вслухъ свои сужденія о нашихъ нарядахъ. Иныя ласкали и приговаривали насъ. Слуги, сколько возможно, старались освободить насъ отъ этого прилива любопытныхъ зрителей. Эти усилія и собственные интересы вскорѣ отвлекли отъ насъ большую половину. Деревянная посуда красиво пестрѣла на солнцѣ, серьги и бусы плѣняли красныхъ дѣвущекъ.

Мнѣ становилось скучно. Я посмотрѣла на Лизу, рядомъ съ которою шелъ поручикъ. Онъ дѣлалъ такую плачевную физиономію, прикладывая руку къ сердцу, что я не могла удержаться отъ улыбки. Этой улыбкѣ суждено было быть замѣченной. Поручикъ

случайно посмотрѣвъ въ мою сторону. Какое-то безпокойство овладѣло имъ. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ подошелъ ко мнѣ.

— Вы большая насмѣшница! сказалъ онъ.

— Отчего вы такъ думаете?

— Такъ, я это замѣтилъ... Вы сейчасъ насмѣхались надо мной.

— Мнѣ кажется, я не смотрѣла на васъ.

— Нѣтъ, смотрѣли.

— Какая увѣренность!

— Вы, должно-быть, очень веселаго характера!

— Да, но мнѣ часто бываетъ грустно.

— Вамъ бываетъ грустно? отчего?

— Такъ. Неужели вамъ никогда не бываетъ грустно?

— Вѣрно есть причина?

— Можеть-быть и есть, сказала я и опять неволью улыбнулась.

— Вотъ, опять насмѣхаетесь. Я васъ буду бояться.

— Не бойтесь, я не опасна.

— Вы этого не можете знать. Впрочемъ, у васъ, какъ у всѣхъ насмѣшницъ, кажется, непреклонное сердце.

— Вотъ, и не угадали. Сердце у меня самое мягкое.

— Да? право?...

Онъ бросилъ на меня одинъ изъ самыхъ побѣдительныхъ взглядовъ. Но, увы! я снова не могла удержаться отъ улыбки; онъ смѣшался и проговорилъ:

— Нѣтъ, право, я васъ буду бояться,—и скользнулъ въ толпу къ Лизѣ, которая уже начинала замѣтно надувать губки.

Нагулявшись, мы, прежнимъ порядкомъ, возвратились къ Аннѣ Андреевнѣ, откуда, напившись чаю, отправились домой.

VI.

— Чтò ты влюбилась что-ли въ Котаева, спрашивала меня Лиза на другой день, голосомъ, который звучалъ скрытымъ безпокойствомъ,—что вы съ нимъ говорили такъ долго на ярмаркѣ?

— Неужели долго? Кажется, я сказала нѣсколько словъ. Мнѣ было скучно, Лиза.

— А я подумала, ужь не влюбилась ли ты въ Котаева, сказала она, помолчавъ.

— Полно, ты, кажется, сама-то къ нему равнодушна. Признайся, Лиза, равнодушна?

Лиза тихонько засмѣялась и отвернулась.

— Что, небось, неправда, не угадала? Что же ты скрытничаетъ со мной?

— Ахъ, Геничка! вѣдь онъ прехорошенькій! сказала она, вся покраснѣвъ.— Да ты не думай, что я такъ по уши въ него влюбилась... Нѣтъ, я немножко... Какъ онъ смотреть, Геничка! ужась, какъ смотреть... Ты замѣтила?

— Нѣтъ, не замѣтила.

— Какая ты разсѣянная! А какова у него талія? а? какова? ты, я думаю, и этого не замѣтила?

— Право, не замѣтила; я и не посмотрѣла на его талію.

— Знаешь ли, Геничка, вѣдь онъ пріѣдетъ къ намъ, онъ мнѣ говорилъ.

— Право? Ну, вотъ, видишь ли, значить онъ тобой заинтересовался.

— Мущинамъ, Геничка, вѣрить нельзя, важно замѣтила Лиза.

Въ первое воскресенье, поручикъ явился къ обѣднѣ въ нашъ приходъ и былъ приглашенъ тетушкой обѣдать и ночевать у насъ, потому что жилъ не близко, и вечера наступали раніе и темные. Веселый характеръ и военные разказы поручика понравились тетушкѣ.

Лиза, несмотря на свою скрытность, не могла не высказать мнѣ своей радости. Раскраснѣвшіяся щеки дѣлали ее прехорошенькой, и поручикъ очень часто на нее поглядывалъ.

Послѣ обѣда мы гуляли въ саду. Лизѣ пришлось даже остаться съ нимъ наединѣ, потому что меня отозвали на нѣсколько времени къ тетушкѣ найти какую-то нужную записку.

Я выпросила у тетушки позволеніе Лизѣ остаться со мной ночевать, что въ послѣднее время уже случалось не разъ, къ большому моему удовольствію.

Послѣ ужина, мы, я, Лиза и гость, опять пошли въ садъ. Сентябрь дарилъ насъ прекрасными лунными ночами. Звѣзды ярко блистали на небѣ, и нашъ домъ, въ окнахъ котораго свѣтился огонь, живописно смотрѣлъ изъ большихъ кленовъ, сохранившихъ еще половину своихъ листьевъ. Вечерняя тишина изрѣдка нарушалась встрепенувшеюся птицей, испуганною нашими шагами. Лиза и поручикъ шли рядомъ. Въ голосъ ихъ слышно было волнение; я видѣла, какъ рука его не разъ касалась руки Лизы. . . . Я отстала и шла уныло и одиноко по темной аллеѣ.

Мнѣ было грустно. Въ душѣ моей раждалась жажда любить и быть любимой. Я не завидовала Лизѣ: поручикъ рѣшительно не нравился мнѣ; но душа моя страстно звала и искала кого-то... Удивительно, только въ ту минуту я не думала о Павлѣ Ивановичѣ. Другой образъ, другой идеалъ создавался въ моемъ воображеніи... Совѣсть упрекнула меня... и я овладѣла странною настроенностью моей души.

VII.

Ночь. Луна бросаетъ косвенные лучи въ окна нашей спальни.

— Чтò ты вздыхаешь, Лиза? спрашиваю я мою подругу. Да ты сидишь на постелѣ! Чтò съ тобой?

— Такъ, Геничка, ничего, грустно отвѣчаетъ она.

— Какъ ничего, милая моя! ты никогда такъ не вздыхаешь.

— Ахъ, Геничка! меня очень тревожитъ одно обстоятельство.

— Чтò такое?

— Это можетъ погубить меня.

— Ради Бога, скажи; нельзя ли помочь?

— Вотъ, видишь ли, я не знаю, право, чтò со мной сдѣлалось: точно онъ колдунъ какой! Право, ужъ я думаю, это не даромъ, вѣдь есть приворотныя травы... видишь ли, я дала ему записку, онъ выпросилъ ее на память моего почерка; не могла ему отказать, точно съ ума сошла!...

— Ну, такъ чтò же? гдѣ же тутъ бѣда?

— Ахъ, какая ты! какъ гдѣ? да кто его знаетъ? онъ можетъ показать записку, будетъ хвастаться...

— Что ты, Лиза! какъ можно!

— Да развѣ мало такъ случается? Когда я гостила у Татьяны Петровны, такъ былъ ужасный случай съ одною ея знакомой: она также дала записку еще въ двѣушкахъ, потомъ вышла за-мужъ за другаго... Что жь? Прежній-то и прислалъ мужу ея записку, а тотъ чуть не застрѣлилъ ее. Такъ и развѣхались.

Я содрогнулась.

— Вотъ, Генничка, какія вещи бываютъ на бѣломъ свѣтѣ! А я въ театрѣ видѣла, какъ одинъ мужъ за платокъ задушилъ жену, а послѣ узналъ, что понапрасну, да и самъ убилъ себя. Я чуть не заплакала, какъ она пѣла: «Ива, ива зеленая...»

— Надо непременно достать записку, сказала я рѣшительно испуганная.—Хочешь, я завтра выпрошу ее у него?

— Онъ не отдастъ да и обидится. Нѣтъ, нельзя. Вотъ что: онъ положилъ ее въ карманъ жилета, и я видѣла, какъ Федосья Петровна раскладывала его платье въ загѣ, подлѣ его комнаты. При ней искать ~~нѣтъ~~ было нельзя. Прокрадемся тихонько...

— Ну, а если онъ не спитъ? спросила я съ ужасомъ.

— Вѣрно спитъ. Вѣдь пробило два часа... Какъ не спать! Мы сперва у двери послушаемъ. Ты только проводи меня.

— Милая! какъ мы пойдѣмъ?

— Такъ и пойдѣмъ, ты только проводи меня.

Я встала. Мы скоро одѣлись и какъ можно тише добрались до залы.

Лиза приложила ухо къ замочной скважинѣ и отворила дверь; когда увѣрилась, что все было тихо, она осторожнымъ, но безтрепетнымъ шагомъ вошла въ комнату, отыскала на стулѣ черный, шелковый жилетъ и, протянувъ впередъ руку съ запиской, на ципочкахъ, возвращалась къ двери, у которой я стояла на часахъ. Она, въ своемъ бѣленькомъ капотцѣ, показалась мнѣ легкимъ ночнымъ видѣніемъ.

Съ тихимъ скрипомъ притворяемой нами двери, раздался скрипъ другой двери и шумъ шаговъ; но мы находились уже въ

темномъ корридорѣ, слѣдовательно, внѣ опасности быть замѣченными.

Мы пришли въ свою комнату торжествующія.

— Рада ты, Лиза? спросила я.

— Еще бы не рада! отвѣчала она, разрывая на мелкіе кусочки записку.—Ну, Геничка! спасибо! сослужила службу!..

— Да что же я сдѣлала?

— Какъ что! да другая ни за что бы не пошла.... Я этого не забуду.

И она поцѣловала меня. Эта ласка пробудила всю мою прежнюю нѣжность къ ней.

— Ахъ, Лиза! сказала я, обнимая ее:—ты меня ужь не такъ любишь! А я все та же Геничка.

— Чего ты не выдумаешь, Геничка! Я все такъ же люблю тебя.. Ну, слава Богу! достали записку. Вѣришь ли, какъ это меня мучило!

— Не напрасно ли ты мучилась? Если онъ любить тебя, такъ записки не показалъ бы никому.

— А кто его знаетъ, любить онъ или нѣтъ!

— Онъ развѣ не говорилъ тебѣ? Зачѣмъ ему лгать?

— Нельзя вѣрить, Геничка, всему, что говорятъ... особливо мужины; они часто обманываютъ нашу сестру.

Мы долго не могли заснуть, и когда насъ разбудили къ утреннему чаю, на дворѣ уже побрякивали колокольчики на парѣ рыженькихъ лошадокъ, заложенныхъ въ крашеную телѣжку и готовыхъ умчаться отъ насъ поручика, который казался грустнымъ и часто вздыхалъ, глядя на Лизу.

Къ великому моему удивленію, Лиза была почти равнодушна и ко вздохамъ, и къ отъѣзду его; по временамъ, на лицѣ ея проглядывало даже легкое удовольствіе...

Послѣ завтрака онъ уѣхалъ. Когда колокольчикъ затихъ, Лиза, стоявшая задумчиво у окна, сказала, обращаясь ко мнѣ:

— Ну, и Богъ съ нимъ!

— Ты грустишь, Лиза? тебѣ жаль его!

— Все это пустяки, Геничка. Погрущу да и перестану, отвѣчала она со вздохомъ.

Точно, она не вспомнила болѣе о поручикѣ, который вскорѣ уѣхалъ въ полкъ.

VIII.

Конецъ сентября и весь октябрь прошли тихо и однообразно. Дурная погода удерживала сосѣдей по домамъ, и мы, по выраженію тетушки, жили какъ въ монастырѣ. Мнѣ нравилась такая жизнь; она вводила меня опять въ тотъ очарованный кругъ, изъ котораго вырывали меня гости и разсѣяніе. Я читала по вечерамъ тетушкѣ, и весь день была съ Лизой, которая снова сдѣлалась для меня доброю подругой.

Межъ тѣмъ деревья теряли послѣдніе свои листья, крутимые осеннимъ вѣтромъ; небо хмурилось, глядя на печальную картину осени, и мелкій снѣжокъ, время отъ времени, будто бѣлая кисея, покрывалъ землю. Начало ноября неожиданно подарило насъ раннею зимой. Ярко глянуть мнѣ въ окно первый морозный день, заискрились снѣжные узоры на стеклахъ окошекъ, голубые столбы дыма подымались надъ противоположною деревней, и сосновая роща рѣзко нарисовалась на бѣломъ полѣ. Садъ представлялъ сказочный хрустальный дворецъ, обледенѣлыя сучки березъ сіяли алмазами, и бѣлый покровъ дорожекъ былъ такъ ровень и блестящъ, что глазъ съ трудомъ выносилъ видъ его. Трескъ затопленныхъ печей и шумящій самоваръ разливали какое-то веселье и бодрость въ душѣ.

Однажды, Лиза не приходила долѣе обыкновеннаго. Наконецъ, я завидѣла ее въ окошко и выбѣжала къ ней на встрѣчу. Она вошла, дыша снѣжестью, съ разруманившимися щеками; на длинныхъ рѣсницахъ блестяли таявшія снѣжинки и придавали особенный блескъ ея глазамъ.

— Видишь, сказала она съ улыбкой, показывая запечатанный конвертъ.

— Чтò это, письмо?

— Отъ Татьяны Петровны къ Авдотѣ Петровнѣ. За мной приехали!..

У меня будто упало сердце. Я такъ мало думала о разлукѣ съ ней; и чѣмъ веселѣе принимала эту разлуку Лиза, тѣмъ грустнѣе и тяжелѣе было мнѣ скрывать свою печаль, а скрывать заставляла меня тайная, внутренняя гордость. Мнѣ было просто обидно казаться печальною и тоскующею о ней, безъ раздѣла и участія съ ея стороны.

Мы нетерпѣливо ждали, пока найдутся тетушкины очки, какъ нарочно затерявшіяся на этотъ разъ, и прочитается письмо. Очки нашлись, но тетушка читала такимъ тихимъ шепотомъ, что мы ничего не могли разслушать. Послѣ чтенія письма тетушка приняла серіозный и озабоченный видъ и бросила на меня взглядъ, давшій мнѣ ясно разумѣть, что письмо касалось и меня.

Видя, что тетушка отложила объясненіе, мы ушли къ себѣ, то-есть въ мою комнату.

— Вѣрно Татьяна Петровна проситъ тебя къ себѣ погостить, сказала Лиза. — Дай Богъ, чтобъ тебя отпустили! Какъ ты думаешь, отпустить она тебя?

— Не знаю, Лиза...

— Тебѣ хочется ѣхать?

— Я Татьяны Петровны не люблю.

— Да что тебѣ за дѣло до Татьяны Петровны. Было бы весело. Право, вѣдь ужъ здѣсь надоѣло, Геничка!

Меня позвали къ тетушкѣ.

— Мнѣ надо, другъ мой, поговорить съ тобой, сказала она. — Вотъ сестрица Татьяна Петровна проситъ тебя въ гости къ себѣ, то какъ ты думаешь, Геничка?

Этимъ вопросомъ тетушка поставила меня въ довольно затруднительное положеніе. Живя съ ней вмѣстѣ столько лѣтъ, я уже достаточно примѣнилась къ ея характеру, чтобы понять, что вопросъ этотъ былъ только одна форма. Этимъ я не хочу сказать, чтобы тетушка дѣйствовала деспотически; но она болѣе любила угадывать желанія, чѣмъ видѣть ихъ ясно и положительно выраженными. Она любила ставить людей въ подобныя затруднительныя положенія и всегда была довольна, когда изъ нихъ ловко вы-

путывались. Это, по ея мнѣнію, было задаткомъ ума и будущаго умѣнья жить въ свѣтѣ. Она очень хорошо понимала, что эта поѣздка была для меня занимательною новизной и средствомъ, пробыть еще нѣсколько времени съ Лизой, но была бы недовольна, еслибъ я настоятельно выразила ей это. Чтò же я могла отвѣчать? Сказать, что мнѣ хочется ѣхать — значило показать, что я съ радостью принимаю первую возможность разстаться съ ней. Отречься отъ желанія ѣхать, — очень легко могло случиться, что тетушка схватилась бы за это, чтобъ избавиться отъ неприятной для нея разлуки со мной.

Я, какъ умѣла, отклонила отъ прямаго отвѣта и сказала только, что тетушка Татьяна Петровна можетъ обидѣться отказомъ на ея приглашеніе, и что поѣздка моя въ настоящее время рѣшительно не зависитъ отъ желанія или нежеланія моего, а будетъ чисто дѣломъ домашней политики, для которой, по благоусмотрѣнію тетушки, я готова жертвовать моею волей. Я не забыла также выразить ей, что мнѣ не легко съ ней разстаться и что только мысль, что разлука не будетъ продолжительна, смягчаетъ мое горе.

Тетушка все время, пока я говорила, молча и задумчиво была по столу тактъ рукою.

— Геничка! сказала она, когда я перестала говорить: — ты умное дитя; поди, поцѣлуй меня, душа моя! Мнѣ грустно тебя отпустить, но это необходимо. Сестрица Татьяна Петровна имѣетъ, какъ родная, право этого требовать. Да вѣрно и тебѣ, мой другъ, хочется ѣхать?

— Тетушка! отчего бы вамъ не ѣхать со мной?

— Дитя мое! у меня болятъ ноги, да и сама я слаба. Какая ужъ я путешественница! ты меня замѣнишь передъ сестрицей. Смотри же, Геничка! веди себя осторожно, будь осмотрительна, какъ прилично молодой, воспитанной дѣвицѣ. Да я увѣрена, прибавила она съ торжественностью: — что дочь сестры моей не ударитъ себя лицомъ въ грязь, не сдѣлаетъ ничего такого, чтò было бы дурно или предосудительно; тебѣ уже минуло шестнадцать лѣтъ, ты должна обсуживать свои поступки... ну, да мы еще объ этомъ поговоримъ съ тобой; ступай теперь къ своей подругѣ, а мнѣ нужно потолковать со старостой...

— Ну, что? отпускаешь? спрашивала Лиза, когда я пришла къ ней.

— Отпускаешь.

— Что же ты голову-то повѣсила?

Мнѣ въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось очень грустно съ той минуты, когда поѣздка моя была уже дѣломъ рѣшеннымъ. Мысль оставить тетюшку, этотъ домъ, пригрѣвавшій меня столько лѣтъ подъ своимъ кровомъ, комнатку мою, освѣщаемую по утрамъ восходящимъ солнцемъ, гдѣ мнѣ такъ весело бывало просыпаться; всѣхъ этихъ добрыхъ людей, на глазахъ которыхъ я выросла. Здѣсь сердце мое пустило глубокіе корни привычки и привязанности; здѣсь я играла ребенкомъ, мечтала взрослой, плакала влюбленной... Каждый уголокъ печально говорилъ мнѣ прости, на каждомъ лицѣ читала я привѣтъ и сожалѣніе. Я чувствовала, что не быть мнѣ нигдѣ такъ любимой, — и вотъ, когда исполнялось мое желаніе увидѣть городъ, новыя лица и мѣста, у порога родной двери сердце мое обливалось горечью разлуки, страшившей меня и казавшейся безконечною.

Что жь? развѣ нельзя было остаться, не ѣхать? Нѣтъ, мнѣ, какъ вѣчному жиду, слышался могучій, повелительный голосъ: впередъ! — Это былъ голосъ молодости, голосъ того тайнаго, внутренняго закона, влекущаго человѣка противъ его воли къ познанію и страданію; закона, заставляющаго дерево расти и старѣться, цвѣтокъ распускаться и вянуть...

Начались мои сборы; нѣжнымъ заботамъ тетюшки не было конца.

Въ день отъѣзда, утромъ, какъ только я проснулась, пришла ко мнѣ Федосья Петровна.

— Вотъ матушка, вы и уѣзжаете отъ насъ! сказала она. — Тоскуютъ объ васъ тетенька... хоть *онь* и скрываютъ это. Сегодня еще гдѣ, до свѣту, поднялись, все сидѣли на постели, молились и плакали...

Я сама заплакала.

Утренній чай, завтракъ, за которымъ находились Катерина Никитишна и Лиза съ матерью, окончились тихо и молчаливо. Наконецъ веселая и добрая Марья Ивановна не могла долѣе выносить грусти, которая гнула насъ съ тетюшкой.

— Да что это вы, ангелъ мой, маменька, такъ призадумались!

вскрикнула она,—что и въ самомъ дѣлѣ, Господи помилуй, что за горе такое? не на вѣкъ расстаются... Полноте, родная, какъ это вамъ не грѣхъ такъ сокрушаться! Да и ты, Геничка, нось повѣсила! не на годъ уѣзжаешь, погостишь да и опять, къ намъ пріѣдешь! Вонъ, моя Лизавета веселехонька, умница, и мнѣ легче, а вотъ ты плачешь, а маменька пуще тоскуеть. А вотъ, ангелъ мой, погодите, мы ихъ отправимъ, а сами въ карты сядемъ играть. Катерина Никитишна опять будетъ козырять да ставить ремизы...

Но чувствительная Катерина Никитишна проливала горькія слезы. Она имѣла удивительную способность плакать о чужомъ горѣ больше, чѣмъ сами огорченные.

— Хорошо, мой другъ... могла только отвѣтить тетушка, и съ тревогой обратила глаза на вошедшую Федосью Петровну, которая торжественно доложила, что «лошади поданы».

Тутъ послѣдовали сцены прощанья, со слезами, молитвой и благословеніями, послѣ которыхъ мы съ Лизой и горничною Дунайшей, невообразимо закутанныя, усѣлись въ повозку, наполненную узелками съ подорожниками и разными разностями, и потонули во множествѣ подушекъ.

Полозья визгливо скрипѣли по снѣгу, бубенчики звенѣли, кучеръ пронзительно посвистывалъ, все это вмѣстѣ составило такой оглушительный, нестройный хоръ, что я сидѣла, какъ ошеломленная и нѣсколько минутъ не могла не только собраться съ мыслями, но даже разслушать голоса Лизы, и только по движенію губъ и улыбкѣ догадывалась, о чемъ она говорила.

Такъ отправилась я въ путь, который привелъ меня къ новымъ лицамъ, къ новымъ чувствамъ и впечатлѣніямъ...

Ю. Жадовская.

СОВРЕМЕННАЯ
ЛѢТОПИСЬ
РУССКАГО ВѢСТНИКА

ТОМЪ ВОСЬМОЙ

МОСКВА
Въ типографіи Каткова и К^о.

1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва 14-го марта 1857 года.**

Ценсоръ Н. Фоль-Крузе.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ПИСЬМА ИЗЪ ФЛОРЕНЦИИ (1)

IV.

Флоренція, января 30 (18-го)

... Мнѣ еще остается много кое-чего поразказать вамъ, но я право не знаю съ чего начать. Вотъ между прочимъ одинъ эпизодъ. Это было на Лунгарно. Я только что выбрался изъ кафе и шелъ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ прочитанныхъ журнальныхъ корреспонденцій изъ Неаполя и Испаніи о множествѣ новыхъ арестовъ. Вдругъ слышу позади голосъ моего пріятеля. Мы ужъ не встрѣчались нѣсколько дней.—Здравствуйте. Что вы такъ задумались? былъ первый вопросъ его ко мнѣ. Скучаете можетъ-быть?—На скуку не могу пожаловаться.—А то здѣсь всѣ скучаютъ. Такойужъ городъ.... совсѣмъ не хотятъ подумать объ иностранцахъ. Да и что это за погода! Холодно, сыро...—Однако, вотъ видите, мы съ вами гуляемъ?—Да, на минуту проглянуло солнце. Скажите, вы не были вчера вечеромъ у С**?—Я не могъ быть у нихъ, впервыхъ, потому что незнакомъ съ ними, а вовторыхъ, потому что провелъ этотъ вечеръ въ театрѣ.—Такъ я, значитъ, ошибся... Я и самъ не могъ быть у нихъ вчера; но мнѣ сказали... я стало-быть... смѣшалъ... Нѣтъ, это не вы, это я знаю кто. Вы вѣрно были въ Перголя?—Нѣтъ, въ Пальяно.—Тамъ теперь идетъ кажется... позвольте, какъ это? вотъ что Ристори играла...—Медео? отвѣчалъ я, смѣша разрешить трудное недоумѣніе моего пріятеля.—Да, Медео. Я все не соберусь... Вѣдь это та же самая Медео, только переложенная на стихи можетъ-быть?—Если хотите, та же самая, то-есть сюжетъ одинъ и тотъ же; но...—Это у нихъ часто бываетъ, что прозу перелагаютъ въ стихи.—Вы хотите сказать, что передѣлываютъ піесы для музыки, для оперы?—Я сколько разъ самъ слышалъ... Позвольте: слышали вы Соннамбулу?—Да.—Ну чтожъ они такъ кричатъ! У нея точно хорошъ голосъ, и поетъ хорошо, но какъ коверкается; а у него всего только и есть какія-нибудь двѣ три пріятныя ноты, да мастеръ, правда, подлаживаться подъ ея пѣніе.—Вы конечно говорите о Бискаччанти и Беларѣ? Въ такомъ случаѣ вы сильно расходитесь съ Флорентинцами. Они, напротивъ, въ такомъ

(1) См. «Русскій Вѣстникъ» 1857 г. № 4.

восторгѣ.—Пустой народъ ! Вотъ я, назадъ тому лѣтъ десять, слышалъ въ Соннамбулѣ Рубини и Вярдо Гарсію... Послушали бы они ! А то кричатъ о Бискаччанти.—Рубини намъ съ вами конечно никто здѣсь не замѣнить ; Вярдо-Гарсію — можетъ-быть тоже... Но отъ чего же, зная даже лучшее, не отдать справедливость хорошему? Мнѣ кажется, Флорентинцы тутъ совершенно правы.—Пустой народъ, повѣрьте мнѣ,—и шумятъ только по пустому.—Но зачѣмъ имъ шумѣть по пустому? Имъ нравится, и они имѣютъ полное право это высказать.—А вотъ здѣсь была одна пѣвица...забылъ ея имя... такъ знаете ли? Здѣсь чуть не на рукахъ носили ее, а поѣхала въ Лондонъ, и провалилась. Нѣтъ, повѣрьте мнѣ, этотъ народъ дѣлаетъ все на фу-фу...—Вы разумѣете Флорентинцевъ, или Итальянцевъ вообще?—Всѣхъ!

Вмѣсто отвѣта я могъ только посмотрѣть въ глаза моему собесѣднику. Если ужъ нельзя было кончить, то нужно было хоть перемѣнить разговоръ. Но прежде чѣмъ я собрался, онъ уже говорилъ :

— Ужъ за то же и отдѣлалъ ихъ одинъ Французъ... въ какомъ-то журналѣ, кажется. Вы чай слышали?—Немного.—О, какъ же ! Онъ такъ разсердилъ Итальянцевъ, что они ругаютъ теперь всѣхъ Французовъ. А чѣмъ виноваты Французы? Вѣдь онъ задѣлъ только одного человѣка, одного писателя...—Данта, помнится ?—Данта что ли... а они принялись ругать всю націю. Вотъ и судите !

Пріятель мой остановился, чтобы нѣсколько успокоиться отъ волненія. Я спѣшилъ воспользоваться этою минутою.

— Скоро два часа... Хочу зайти еще къ Вьесѣ.—Куда это ?—А вотъ — cabinet littéraire Вьесѣ. Вы не бываете тамъ ?—Все какъ-то нѣтъ времени. А что, скажите пожалуйста, тамъ дѣлаютъ ?—Читаютъ журналы.—Есть что-нибудь любопытное, новенькое?—Вы вѣрно слышали о смерти Сибура?—Нѣтъ, а что это такое?—Я долженъ былъ разказать.—Знаете, отвѣчалъ мнѣ пріятель, дослушавъ мой краткій разказъ; въ Швейцаріи одинъ разъ случилось такое же происшествіе. Я жилъ тамъ въ одномъ городѣ...

Послѣ разказа, который я нахожу бесполезнымъ передавать, послѣдовало опять обращеніе къ Франціи. — Вотъ народецъ-то, признаюсь ! Ну что же, скажите, сдѣлали съ убійцей ?—Еще ничего пока. Разумѣется, его будутъ судить присяжные, — и если вы хотите знать весь процессъ, то мы сейчасъ можемъ прочесть его въ одномъ изъ французскихъ журналовъ. Газеты кажется уже пришли...—Нѣтъ извините : мнѣ некогда. Я спѣшу къ одному знакомому : далъ слово. — И съ этими словами онъ отпустилъ меня въ кабинетъ чтенія.

У Вьесѣ нашлось довольно новостей, но не такихъ, которыя бы могли поправить начальныя впечатлѣнія дня. Кстати объ этомъ учрежденіи. Оно изъ тѣхъ, какихъ нельзя не пожелать для всякаго образованнаго города. Недостатокъ его былъ бы очень чувствителенъ для Флоренціи. Какъ я уже вамъ говорилъ, здѣсь можно найти въ раз-

ныхъ кафѣ разные французскіе журналы; нѣмецкіе, сколько по крайней мѣрѣ мнѣ извѣстно, находятся лишь въ одномъ кафѣ, которое — замѣтьте — называется не *tedesco*, а *elvetico*. Въ нѣкоторыхъ отеляхъ получаютъ и англійскіе. Но вамъ бы хотѣлось въ иной разъ перебрать и тѣ и другіе и третьи, посравнить, посличить кое-что и вывести отсюда свои сужденія: этой понятной всякому образованному человѣку потребности вы можете удовлетворить только въ «кабинетѣ» Вьесѣ. Онъ помѣщается въ одномъ изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ въ городѣ: *Piazza S. Trinita, palazzo Buonelmonti*. Желающіе могутъ абонироваться на годъ, на мѣсяцъ, на недѣлю; не имѣющіе абонементовъ также могутъ имѣть всегда свободный доступъ, платя 1 паоло (около 14 коп. сер.) за каждый сеансъ. Въ кабинетѣ ничего роскошнаго, но много удобствъ. Журналы расположены въ трехъ смежныхъ между собою залахъ. Первая занята итальянскими, вторая — англійскими, третья — французскими, съ примѣсью и нѣкоторыхъ другихъ. Здѣсь найдете почти всѣ замѣчательнѣйшіе органы современной политики и частію литературы. Въ нѣмецкихъ однако чувствуется недостатокъ даже у Вьесѣ. Что хотите? у романскихъ народовъ не лежитъ сердце къ нѣмецкому элементу. Австрійцы, пробующіе теперь съ Итальянцами (собственно съ Ломбардо-Венеціанцами) другую систему, болѣе сообразную съ духомъ вѣка, все-таки преслѣдуютъ неосуществимую мечту: сердца итальянскаго имъ никогда не покорить себѣ, а о мысли и говорить нечего, потому что они и сами мало знакомы съ этою лучшею стороною нѣмецкой народности. Но я отклонился отъ предмета. У Вьесѣ можно также читать *Journal de St. Pétersbourg, le Nord* (котораго я нигдѣ еще не встрѣчалъ во Флоренціи), *Diario Espagnol* и проч. Какъ видите, стоитъ только попасть сюда, а выйдешь не скоро. Одинъ паоло дастъ вамъ право провести нѣсколько пріятныхъ часовъ и побывать во всѣхъ странахъ міра. Право нельзя не пожелать подобнаго учрежденія всякому порядочному городу, который живетъ не одними только матеріальными интересами.

Между другими новостями у Вьесѣ получена также вторая январская книжка *Revue des deux Mondes*. Вы вѣроятно съ особеннымъ интересомъ остановились здѣсь на статьѣ объ «итальянскомъ вопросѣ». Я успѣлъ пробѣжать ее, и хоть у меня теперь нѣтъ подъ руками самой статьи, я однако могу возвратиться къ ея содержанію. Непредолимною силою обстоятельствъ и общественнаго мнѣнія въ Европѣ, «итальянскій вопросъ» — съ этимъ долженъ согласиться всякій — все больше и больше выдвигается впередъ. Напрасно Австрія хлопотала и хлопочетъ столько до сихъ поръ, чтобы заглушить его: онъ идетъ впередъ. Напрасно противники итальянскаго прогресса съ трудолюбіемъ пчелы собирали самая неблагопріятныя ему признанія изъ устъ самихъ участниковъ недавняго движенія, чтобы какъ можно болѣе заподозрить въ глазахъ публики итальянскій вопросъ и убить въ

ней всякое довѣріе къ нему: онъ не падаетъ, а напротивъ съ каждымъ днемъ растетъ въ глазахъ европейской публики и влечетъ къ себѣ съ неотразимою силою умы. На нѣкоторое время прикрывалъ его собою такъ — называемый восточный вопросъ, но за то, едва только затихло движеніе на Востокъ, общее вниманіе съ удвоенною силою опять обратилось на Италію. Публицисты, одни положительно, другіе отрицательно, всѣ впрочемъ даютъ чувствовать, что итальянскій вопросъ занимаетъ первое мѣсто между вопросами современной политики. Хотя или нехотя, имъ однако заняты. Надъ нимъ задумываются, качаютъ головою въ недоумѣніи, отчаиваются въ возможности его рѣшенія, — и черезъ минуту потомъ принимаются все за тотъ же нескончаемый итальянскій вопросъ. Самое искреннее сознаніе въ непобѣдимыхъ трудностяхъ, которыя онъ заключаетъ въ себѣ, не въ состояніи однако отдѣлаться отъ него: такъ неизбежна потребность его рѣшенія, условленная кажется не менѣ сильною необходимостью, какъ и та, которая противится его развязкѣ.

Когда встанутъ подобныя вопросы, напрасно было бы хотѣть произвольно устранить ихъ отъ себя, ещенепраснѣе — погасить ихъ въ самомъ источникѣ. Въ нихъ проявляется сила историческаго процесса, неизбежная и неотразимая. Это необходимый плодъ его и вмѣстѣ зачатокъ будущаго движенія, которое должно принести съ собою и свои органическія формы. Думать уклониться отъ ихъ рѣшенія значитъ хотѣть остановить движеніе исторической жизни и превратить существующія формы въ окаменѣлости. Но этого не бываетъ. Ссылаемся на прежніе опыты Европы. Какія силы, и матеріальныя и духовныя, не угрожали реформаціонной мысли, повидимому столько ничтожной въ своихъ первыхъ зачинаніяхъ? Въ какія не впадала она неразрѣшимыя трудности въ своей собственной теоріи, когда пробовала логически отвѣчать съ своей точки зрѣнія на всѣ представлявшіяся сомнѣнія? Повидимому не было никакой возможности выйти изъ этого лабиринта сомнѣній и трудностей. И дѣйствительно борьба съ ними наполнила много времени, заняла нѣсколько поколѣній; многія предчувствія были обмануты, не устояла почти ни одна теорія въ ея первоначальномъ видѣ, и всѣ предначертанія оказались ошибочными. Однако рано или поздно идея побѣдила, и развязка совершилась невозвратно. Исторія, поставившая задачу, нашла въ себѣ средства и разрѣшить ее, и тамъ, гдѣ не помогали никакіе расчеты, своими собственными силами создала необходимыя комбинаціи, чтобы подвинуть вопросъ къ разрѣшенію. Такъ и здѣсь — исторія поставила задачу, исторія сообщила ей свою неотразимую силу, она же конечно найдетъ средства со временемъ и для того, чтобы самыя непреодолимыя трудности мало-помалу уступили мѣсто вновь народившейся потребности.

Статья французскаго Обзорѣнія разсуждаетъ объ итальянскомъ вопросѣ по поводу двухъ сочиненій, изъ которыхъ одно принадлежитъ

Джоберти, а другое—Раналли. Первое носить названіе Ripuoamento, второе—le Istorie Italiane. Оба они относятся къ послѣднимъ событіямъ въ Италіи и стараются, каждое съ своей точки зрѣнія, опредѣлить условія будущаго ея прогресса. Раналли, какъ историкъ, говорить болѣе фактами. Джоберти, какъ публицистъ, занимается болѣе теоретическимъ рѣшеніемъ задачи. Впрочемъ, какъ о достоинствахъ, такъ и о недостаткахъ того и другаго сочиненія вы получите вѣрное понятіе изъ самой статьи. Взявши ихъ точкою своего отправленія, она также проходитъ одну за другою обѣ стороны вопроса: прошедшее и будущее. Прошедшее Италіи — ея недавнія попытки національнаго освобожденія, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго; будущее—это ея возможное, или предполагаемое возрожденіе въ новыхъ политическихъ и общественныхъ формахъ. Каждая часть представляетъ свои трудности; каждая требуетъ своихъ особенныхъ соображеній. Отсюда необходимость раздѣленія ихъ и въ самомъ изложеніи.

Причины послѣднихъ неудачъ... На этотъ счетъ въ Европѣ давно уже установилось мнѣніе, что Италія сама виновата въ своихъ несчастіяхъ. Дѣло обыкновенное: кто успѣлъ, тотъ и оправданъ, а кто потерпѣлъ неудачу, тотъ платится за нее осужденіемъ. Италія же, передъ началомъ дѣла, неосторожно выразила самонадѣянную увѣренность, что она *faga da se*, управится сама. Между тѣмъ силы, на которыя она возлагала свои лучшія надежды, измѣнили ей; смѣлое слово ея осталось неоправданнымъ, и вотъ она виновата кругомъ. Съ тѣхъ поръ не прекращаются упреки итальянской самонадѣянности и практической неспособности. Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ событій. Вопросъ сталъ мало-по-малу принимать характеръ вопроса историческаго, о которомъ наконецъ позволительно разсуждать безъ политическаго лицемерія. Начались признанія бывшихъ дѣятелей и участниковъ событій, или ихъ близкихъ свидѣтелей. Библіотека относящихся сюда сочиненій каждый годъ пополняется вновь нѣсколькими томами. Они являются въ свѣтъ одинъ за другимъ въ видѣ исторій, мемуаровъ, апологій и т. п. Что же? Историческая сторона много выиграла въ ясности и послѣдовательности, но къ обвиненію прибавилась еще новая тяжесть: спросите ихъ всѣхъ — Джоберти, Раналли, Фарини — о томъ, какія, по ихъ мнѣнію, были главныя причины неудачъ послѣдняго движенія, и они всѣ скажутъ вамъ, что вина лежитъ въ самихъ Итальянцахъ. Они сами повредили себѣ своимъ духомъ вражды, несогласія, раздѣленія, однимъ словомъ, отсутствіемъ всякаго единства, какъ въ направленіяхъ, такъ и въ самомъ образѣ дѣйствій. Противъ такихъ очевидныхъ фактовъ спорить нельзя, особенно, когда они засвидѣтельствованы и раскрыты въ подробностяхъ ближайшими свидѣтелями и самими участниками дѣла. При этомъ замѣчаютъ, что такова была Италія всегда, и что раздѣленіе на партіи и вражда ихъ между собою составляютъ господствующій характеръ ея исторіи. Всѣмъ извѣстна

средневѣковая вражда гвельфовъ и гибеллиновъ, которая охватывала всю Италію, вражда Венеціи съ Генуею, Флоренціи съ Пизою, флорентинскихъ и другихъ городскихъ партій между собою, и пр. и пр. Сюда надобно прибавить духъ мелочной муниципальной исключительности, столько свойственной почти каждому итальянскому городу и нерѣдко доводящей свои притязанія до смѣшнаго. Такъ, въ последнемъ движеніи, Пиаченца тотчасъ объявила желаніе отложиться отъ Пармы, Реджіо—отъ Модены. Въмѣсто того, чтобы дружно соединиться между собою для общаго дѣла, города прежде всего преслѣдуютъ свои мѣстные интересы и ставятъ ихъ на первомъ планѣ. И это не новость въ обычаяхъ Италіи: такъ было въ ней искони. Въ упрекъ Итальянцамъ ставятъ далѣе мягкость и даже извѣженность ихъ нравовъ, которая столько противорѣчитъ воинственнымъ кликамъ, время отъ времени раздающимся во всей странѣ. Итальянецъ не приученъ къ дисциплинѣ и не выдерживаетъ долго воинственнаго порыва. Итальянское движеніе никогда не могло найти себѣ способныхъ солдатъ, хотя повидимому отзывалось во всемъ народѣ. Дѣлая это замѣчаніе, опять ссылаются на старыхъ итальянскихъ писателей, на Маккиавеля въ особенности, который давно уже подмѣтилъ и высказалъ тоже самое. Разумѣется есть исключенія, но они не уничтожаютъ силы общаго правила. Присоедините ко всему ошибки и промахи тѣхъ, которые брались управлять движеніемъ и часто не умѣли за него взяться, недостатокъ согласія между ними, непростительныя крайности и излишество радикальной партіи, столько повредившія общему дѣлу, — и неуспѣхъ его покажется очень понятнымъ.

Довольно причинѣ, чтобы главную вину неудачи отнести къ самимъ дѣятелямъ; довольно уликъ, чтобы увеличить вдвое тяжесть лежащаго на нихъ обвиненія. И притомъ ни одного слова въ ихъ оправданіе? Признаюсь, каждый разъ, когда мнѣ приходится возвратиться къ этимъ событіямъ и обозрѣть ихъ вновь по тѣмъ или другимъ показаніямъ, мнѣ прежде всего представляются трудности самаго дѣла. Издали онѣ не такъ видны: вблизи онѣ поражаютъ своею непреодолимостью. Я не знаю, какая нація, поставленная въ то же самое положеніе, нашла бы въ себѣ довольно силъ, чтобы восторжествовать надъ ними. Двѣ огромныя задачи вдругъ, изъ которыхъ каждая требовала для себя всѣхъ способностей и всѣхъ усилій народа: дѣло внутреннихъ реформъ, имѣвшихъ своимъ назначеніемъ преобразовать весь государственный составъ, и возстановленіе національной независимости въ борьбѣ съ вѣнскимъ непріателемъ. Чтобы сколько-нибудь удовлетворительно исполнить первое, требовалось сосредоточить единственно на него всѣ умственныя средства націи; и чтобы съ успѣхомъ рѣшить вторую задачу, надобно было напередъ имѣть свободныя руки у себя дома. Въ исторіи новой Европы есть можетъ-быть одинъ примѣръ, когда обѣ эти геркулесовскія работы производились разомъ:

опытъ увѣнчался успѣхомъ, по крайней мѣрѣ въ одномъ направленіи, но едва ли кто рѣшится поставить его въ образецъ другимъ. Напряженіе, котораго онъ потребовалъ отъ націи, отозвалось въ ней такимъ упадкомъ силъ, что побѣдоносно отразивъ внѣшнюю опасность, она потомъ равнодушно видѣла у себя возвышеніе смѣлаго узурпатора.

Кто жь однако виноватъ, что Италія вдругъ взялась вести два предпріятія, изъ которыхъ одно парализовало другое? По крайней мѣрѣ въ этой инстанціи не будемъ поспѣшны на обвиненія. Припомнимъ немного послѣдовательный ходъ событій. Италія сначала повела одно дѣло, именно то, которое вытекало изъ ея насущныхъ потребностей, и которое самое благоразуміе требовало поставить напередъ, и хотя въ то же время не переставала думать о другомъ, не менѣе близкомъ ея сердцу, впрочемъ отлагала его до иного, болѣе благопріятнаго времени. На этомъ пути она успѣла пройти не одну стадию, безпрестанно привѣтствуемая одобрителными кличками образованнаго класса людей въ цѣлой Европѣ. Счастливое совпаденіе видовъ новаго правительства съ желаніями и дѣйствительными потребностями народа въ Римѣ положило здѣсь начало движенію, которое не замедлило потомъ отразиться въ Тосканѣ и Пиемонтѣ. Никто разумѣется не возьмется утверждать, что оно непременно пришло бы къ желаемой цѣли, еслибы только правильный ходъ не былъ нарушенъ неблагоприятными внѣшними обстоятельствами. Тогда уже начинали обнаруживаться важныя трудности, соединенныя съ дѣломъ внутреннихъ реформъ — въ Римѣ болѣе, чѣмъ во всякой другой части Италіи, — и могло случиться, что онѣ сами по себѣ надолго задержали бы движеніе, или измѣнили бы его характеръ. Но допустивъ одну возможность, мы съ равнымъ правомъ можемъ противопоставить ей и другую, болѣе благопріятную успѣшному исходу предпріятія. Ибо въ дѣлѣ возможностей, одно предположеніе совершенно равносильно другому. Какъ бы то ни было, въ то самое время какъ внутреннее движеніе довольно мирно совершало свое постепенное развитіе, оно внезапно застигнуто было страшнымъ ураганомъ, который, разразившись сначала въ другой странѣ, бросился потомъ на Италію и промчался по всему полуострову. Конечно, было бы несравненно благоразумнѣе — послѣдующія событія доказали это несомнѣнно — выдержать бурю и не увлекаться ея вихремъ. Но было ли это во власти тѣхъ, которые такъ неожиданно были застигнуты имъ? Умы въ Италіи находились въ самомъ возбужденномъ состояніи; они уже поднялись до того уровня, на которомъ несбыточное начинаетъ казаться возможнымъ и осуществимымъ. Въ такомъ состояніи опасенъ былъ всякій посторонній толчокъ, потому что онъ тотчасъ же могъ нарушить равновѣсіе; но когда атмосфера цѣлой сосѣдственной страны была потрясена страшнымъ взрывомъ, когда неминуемый переворотъ угрожалъ всей внутренней европейской политикѣ, когда

самыя старыя ея учрежденія зашатались въ своихъ основахъ, и отъ береговъ Океана до устьевъ Дуная ничто болѣе не казалось прочнымъ, какаа была возможность для Италіи, ловившей каждый благопріятный для нея моментъ, не поддаться искушенію и удержаться въ предѣлахъ умѣреннаго движенія? И дѣйствительно, тамъ, гдѣ всего больше накопилось нетерпѣнія, произошелъ первый взрывъ и отсюда сообщили другимъ частямъ полуострова. Когда Миланъ былъ уже въ огнѣ, какъ могли бы Пиемонтъ, Тоскана, Романья и наконецъ самый Римъ не отозваться на его призывный кличъ о помощи? Дѣлая упреки народу, нельзя однако не признать, что было нѣчто роковое въ самыхъ событіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ дѣйствовалъ, и которыхъ онъ ни измѣнить, ни отсрочить былъ не въ состояніи.

Тогда и самый итальянскій вопросъ принялъ тотъ сложный и запутанный видъ, который, по моему мнѣнію, всего болѣе повредилъ его успѣшному разрѣшенію. Еще далеко было отъ рѣшенія первой части вопроса, касавшейся внутреннихъ реформъ и уже стоившей Италіи, за исключеніемъ развѣ одного Рима, добраго согласія между народомъ и его правителями, какъ движеніе вдругъ бросилось совсѣмъ въ другую сторону и потребовало новыхъ усилій народа на борьбу за національную независимость. Всякій чувствовалъ, однако, что подобную борьбу можно выдержать съ успѣхомъ лишь соединенными силами націи и при полномъ единствѣ дѣйствія. Слѣдовательно, надобно было прежде всего подумать о томъ, чтобы добиться этого необходимаго соединенія. Такимъ образомъ, въ самое критическое для Италіи время, возникала еще задача политическаго единства народа, и вопросъ усложнился еще болѣе. За нее тотчасъ принялись съ жаромъ, даже съ избыткомъ рвенія; но гдѣ и когда рѣшались скоро такіа задачи? Франція употребила на то нѣсколько вѣковъ; Германия въ одно время съ Италіею пыталась разрѣшить для себя ту же задачу и сѣла на мель, даже не имѣя нужды защищаться отъ вѣшняго врага. Сколько вѣковъ взяло во Франціи дѣло національнаго единства, столько употребила Италія на свое политическое раздѣленіе, и ей надобно было стараться передѣлать разомъ всю свою исторію передъ лицомъ опаснаго вѣшняго непріятеля, который давно готовъ былъ и къ защитѣ и къ нападенію! И ей досталось думать о томъ, чтобы вновь пересоздать себя, когда уже поданъ былъ сигналъ къ рѣшительному бою. Понятно, что предпріятіе было внѣ расчетовъ человѣческой вѣроятности, и что оно должно было рухнуть съ обоихъ концовъ, потому что потерянь былъ центръ тяжести. Когда Франція, въ одну подобную эпоху, бросилась въ отчаянную вѣшнюю борьбу, у нея по крайней мѣрѣ давно уже выведены были основанія народнаго единства; Италія же не успѣла еще положить для него и перваго камня...

У Италіи былъ однако Пиемонтъ, всегда готовый принять вызовъ,

какъ это онъ и доказалъ на дѣлѣ? Но у нея былъ также и Неаполь. Пьемонтъ составлялъ, и составляетъ теперь, только передовой постъ; его успѣхи были бы обеспечены лишь въ томъ случаѣ, когда бы за нимъ стояла цѣлая армія. Онъ исполнилъ сколько было въ его силахъ; но чтобы выдержать всю борьбу, для этого надобно было имѣть силу и значеніе не одного лишь передоваго поста. Для успѣха требовалась по крайней мѣрѣ помощь диверсій: онѣ и были, то-есть готовились быть, но прежде чѣмъ достигли своей цѣли, были парализованы дѣйствіемъ другой силы, хотя также итальянской, имѣвшей свой центръ на югѣ. Страшное положеніе страны: въ то время какъ сѣверъ употреблялъ самыя отчаянныя усилія, чтобы выдержать натискъ враговъ до подрѣпленій, которыя ожидаемы были съ юга, югъ прибѣгалъ къ разнороднымъ маневрамъ, чтобы сдѣлать ожидаемую помощь недействительною, чтобы совершенно отвратить ее отъ назначенія. Когда особенно чувствовался недостатокъ центра, на двухъ концахъ народности дѣйствовали два противоположныя направленія, и притомъ одно — прямо во вредъ другому. Гдѣ тутъ было найдтись крѣпкому національному чувству, гдѣ было просто мѣсто ему? Нѣкоторые старались постановить всеобщій центръ тяготѣній въ Римѣ, чтобы дать единство національнымъ усиліямъ и направить ихъ всѣ къ одной цѣли. Но когда трясется земля, можно ли думать о томъ, чтобы положить твердую основу какому бы то ни было зданію? А въ Римѣ думали, что успѣютъ не только заложить фундаментъ, но и вывести цѣлое политическое сооруженіе, когда вся поверхность полуострова волновалась отъ различныхъ сотрясеній. Попытка была смѣлая, но химерическая. Она лишь увеличила то внутреннее раздѣленіе, которое и безъ того уже такъ много вредило успѣху національнаго дѣла. Не только въ Неаполѣ съ одной стороны, въ Пьемонтѣ съ другой, но даже въ срединной Тосканѣ слышались противорѣчащіе голоса между самыми горячими патриотами. И они были правы, когда противопоставляли римскимъ унитарнымъ стремленіямъ живыя потребности и дѣйствительные интересы каждой отдѣльной итальянской области, когда, не раздѣляя мечтаній римскихъ триумвировъ, отрицали благовременность всеобщаго переворота въ такую критическую минуту и предпочитали умѣренный образъ дѣйствія въ постановленныхъ границахъ и въ видахъ будущей федераціи.

Удивительно ли послѣ того, что Италия, задавши себѣ задачу, требовавшую наибольшаго единства національныхъ силъ, попадала скоро въ такое же хаотическое состояніе, въ какомъ находилась въ эпоху гвельфогибеллинскую? И въ самомъ дѣлѣ, иногда кажется, будто перечитываешь въ главныхъ чертахъ исторію XIV вѣка. Гибеллинскія стремленія на сѣверѣ, Неаполь, составляющій главную опору для гвельфской партіи и простирающій свое вліяніе даже на Тоскану, политическая вражда между югомъ и сѣверомъ, эмерная республика въ

центрѣ, то-есть въ Римѣ. Для полнаго сходства не достааетъ только священной войны за національную независимость. Но, повторяю, не своею только виною или слабостію нація была поставлена вновь въ такое безвыходное положеніе. Предшествующія историческія условія и постороннія событія имѣли тутъ гораздо болѣе вѣса. Недавно была у меня въ рукахъ апологія Гверрацци (*Apologia della vita politica di Guerrazzi scritta da lui medesimo, Firenze 1851*), сочиненіе, у насъ вовсе неизвѣстное, но крайне интересное во многихъ отношеніяхъ. Я не сомнѣваюсь, что въ рукахъ будущаго историка оно будетъ однимъ изъ важнѣйшихъ документовъ для исторіи послѣдняго движенія въ Италіи. Много новаго и часто неожиданнаго свѣта проливаетъ оно какъ на личность автора, такъ и на постановку и отношенія итальянскихъ партій между собою. Во первыхъ, о характерѣ дѣятельности самого Гверрацци нельзя составить даже приблизительно вѣрнаго понятія по доходившимъ до насъ газетнымъ извѣстіямъ. Издали онъ могъ казаться опаснымъ демагогомъ; но его признанія, снабженныя множествомъ офиціальныхъ и другихъ документовъ, показываютъ до очевидности, что радикальная партія въ Тосканѣ имѣла въ немъ самаго рѣшительнаго своего противника. Отъ начала до конца своего политическаго поприща Гверрацци былъ конституціонистомъ въ строгомъ смыслѣ слова. Какъ ни волновались его намѣренія, онъ остался до конца вѣренъ своимъ началамъ. Если по своему образу мыслей, какъ нововводитель онъ не могъ нравиться консерваторамъ, то демагоги имѣли еще болѣе причинъ ненавидѣть его. Управляя нѣкоторое время тосканскимъ министерствомъ, онъ постоянно противился уніи. О личномъ его характерѣ, кажется, тоже имѣютъ болѣею частію невѣрное понятіе. Кто бы подумалъ, напримѣръ, что Гверрацци долго отказывался отъ всякой дѣятельной роли въ движеніи, которое, начавшись въ Римѣ, отозвалось потомъ и въ Тосканѣ, и принялъ въ немъ участіе лишь вынужденный обстоятельствами и уступая требованіямъ большинства? Но это несомнѣнно выходитъ изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Событія увлекли его потомъ далеко, но обвиненіе противъ него можетъ состоять развѣ въ томъ, что онъ не въ состояніи былъ управиться съ ними, а не въ томъ чтобы онъ самъ былъ ихъ виновникомъ. Все это считаю не лишнимъ замѣтить, потому что событія начинаютъ принадлежать исторіи, и пора уже хлопотать о томъ, чтобы различить ложное отъ истиннаго, внѣ духа партій.

При всемъ своемъ итальянскомъ патриотизмѣ, авторъ «Апологіи» былъ противникомъ уніи, которую пытались основать въ Римѣ, и такъ же мало расположенъ былъ подать свой голосъ въ пользу присоединенія къ Пиемонту. Онъ хотѣлъ сохраненія самостоятельности Тосканы и имѣлъ на то свои причины, которыхъ нельзя не признать уважительными. Тоскана имѣетъ свои преданія, свою исторію и свои нравы, изъ которыхъ мало-по-малу выработался и свой особенный духъ.

У Тосканы есть свои промышленные, коммерческіе и другіе интересы, которые не всегда сходны съ интересами другихъ областей. У нея наконецъ есть своя особая жизнь, среди которой ей не достаетъ для благосостоянія лишь нѣкоторыхъ внутреннихъ реформъ. Отказаться отъ своей самостоятельности значило бы съ ея стороны принести величайшую возможную для нея жертву. А всякій пойметъ, что подобную жертву нельзя принести несбыточной мечтѣ или совершенной неизвѣстности будущаго. Надобно, чтобы столько существенная жертва и выкупалась чѣмъ—нибудь существеннымъ. Но положительные умы, къ которымъ принадлежалъ и авторъ «Апологіи», имѣли право не вѣрить сбывчивости того, о чемъ мечтали и что старались привести въ дѣйствіе въ Римѣ; событія вполне оправдали ихъ невѣріе,—и я не думаю, чтобы содѣйствіе Тосканы, еслибы оно состоялось, измѣнило ходъ ихъ въ обратномъ смыслѣ. Не менѣе велико было бы самопожертвованіе Тосканы, еслибы она рѣшилась подчиниться Пиемонту. Но что вѣрное она могла имѣть тогда въ виду за свою вѣрную жертву? Еслибъ по крайней мѣрѣ безопасное существованіе, хотя и подчиненное, подъ эгидою Пиемонта! Но вступая въ неравную борьбу, Пиемонтъ самъ ставилъ на карту свое политическое значеніе и въ свое паденіе могъ легко увлечь и своихъ вассаловъ... И въ томъ и въ другомъ случаѣ Тоскана отступилась бы отъ своей политической самостоятельности даже менѣе чѣмъ только за чечевицу. Гверрацци однако вовсе не исключалъ участія своей родины въ общемъ итальянскомъ дѣлѣ, но онъ думалъ дать этому участию совсѣмъ иной видъ. Его цѣль была не унія, уничтожающая самостоятельность отдѣльныхъ итальянскихъ государствъ, а ихъ тѣсная федерація. Въмѣсто того, чтобы дѣлать насильственный скачокъ, онъ полагалъ, что Италия пока можетъ думать только о постепенномъ приготовленіи своего единства, и на первый разъ хотѣлъ, пожалуй хоть въ Римѣ, конгресса всѣхъ итальянскихъ государствъ.

Но отъ чего же, говорятъ, и погребло итальянское дѣло, если не отъ того, что мѣстные интересы взяли верхъ надъ общими?—Жаль, если такъ. Но точно ли справедливо это требованіе? и заключалось ли оно въ предѣлахъ возможнаго. Что, спрашивается, сдѣлано было до того времени для итальянскаго единства? Какіе проложены пути для него, какія найдены формы? Дѣло единства послѣ вѣковаго раздѣленія—такая задача, которой никогда не въ состояніи будетъ выполнить одно поколѣніе. Свидѣтельствомъ тому служить нынѣшняя Германія, если мало Италия... У послѣдней, скажутъ, было единство не только языка и литературы, но и единство религіозное. Все это однако было у нея и въ эпоху глубочайшаго раздѣленія, когда развѣ только высокіе идеальные умы, какъ Дантъ, позволяли себѣ мечтать о единствѣ. Какимъ же чудомъ могли быть вдругъ и отысканы формы, и проложены пути, и наконецъ самая идея приведена въ исполненіе,—не скажу однимъ поколѣніемъ,—но въ одну критическую минуту для всей

страны? И въ порядкѣ ли вещей требовать, чтобы начальныя хаотическія стремленія къ великой цѣли и самая цѣль сходились между собою на ближайшее разстояніе? Если бы на нихъ употребленъ былъ и самый высокій героизмъ, историческій законъ остался бы все тотъ же. Безъ сомнѣнія, жалки и вполнѣ достойны осужденія такія сепаратныя стремленія, которыя основаны на упрямомъ желаніи каждаго города играть свою самостоятельную роль и даже первенствовать въ своей области; но съ ними нельзя равнять усилія сохранить свою самобытность со стороны отдѣльныхъ государственныхъ организмовъ, изъ которыхъ каждый пустилъ глубокіе корни въ почву и имѣетъ свой *raison d'être*. Тутъ необходимъ цѣлый рядъ различныхъ усилій и сдѣлокъ. Организмъ, живущій своею особенною жизнію, не можетъ отказаться отъ нея въ пользу того, что еще не существуетъ на дѣлѣ и имѣетъ въ его глазахъ видъ призрака....

Слѣдовало бы говорить объ этой мягкости, объ этой «mollesse», въ которой упрекаютъ Итальянцевъ, но на этотъ разъ довольно. Итакъ ужъ я ушелъ отъ статьи, которая дала мнѣ поводъ заговорить объ итальянскомъ вопросѣ. Постараюсь кончить съ нимъ въ слѣдующемъ письмѣ.

V.

Флоренція, февраля, 14 (2).

Помнится, мы дошли до упрека, который дѣлаютъ Итальянцамъ въ «мягкости», или даже изнѣженности ихъ нравовъ, дѣлающей ихъ неспособными къ военной выдержкѣ, просто невоинственными. Это фактъ: его отвергнуть нельзя; въ самой Италиі поражаешься имъ еще болѣе, чѣмъ изъ отдаленія. Невоинственность Итальянца написана на его лицѣ, какъ-то проглядываетъ во всѣхъ его движеніяхъ. Онъ что хотите — артистъ, негоціантъ, просто гражданинъ, только не воинъ. Мнѣ не случалось еще видѣть солдата, который бы смотрѣлъ менѣе воинственно, чѣмъ итальянскій. Онъ не прочь нарядиться въ мундиръ, но не видно, чтобы онъ для него былъ созданъ. Въ этомъ отношеніи Итальянцы менѣе всего могутъ назваться наследниками Римлянъ. Но всякій ли фактъ, взятый прямо изъ жизни народа, можно тотчасъ обращать въ упрекъ ему? Что дѣлать въ такомъ случаѣ, если данный фактъ есть произведеніе цѣлой исторіи народа и такъ-сказать отлился изъ нея какъ необходимая форма? Итальянцевъ упрекаютъ въ невоинственности; но откуда бы взялась у нихъ воинственность? Преобладающій элементъ въ итальянскомъ развитіи есть элементъ городской жизни. Въ Италиі процвѣтали уже городскія общины, когда въ Германіи только раждались большіе города. Даже феодальную эпоху Италиа разыграла у себя большею частью въ городскіихъ улицахъ. Борьбу съ завоевательнымъ нѣмецкимъ феодализмомъ

она также выдержала большею частию силами городских своих общинъ. Однако выдержала, стало-быть была довольно воинственна? замирать мнѣ. Да, для того, чтобы бороться со врагомъ, который угрожалъ развитой націи совершеннымъ порабоженіемъ, но не на столько, чтобы нація полюбила военные доспѣхи, какъ свою постоянную принадлежность, и осталась въ нихъ навсегда, даже по минованіи опасности. Напротивъ, Италия воспользовалась первымъ послабленіемъ чужеземнаго натиска, чтобы возложить всю военную службу на наемниковъ. Свои домашнія распри она обыкновенно рѣшала съ помощію кондотьеровъ. Воинственность развивзается въ народѣ особенно вслѣдствіе завоевательныхъ предпріятій. Но вспомните, когда, въ какую пору своей исторической жизни Итальянцы были завоевателями? Всѣ европейскіе народы были болѣе или менѣе подвержены этой слабости. Португальцы предпринимали дальнія странствованія для завоеваній, Датчане основывали колоніи въ чужихъ земляхъ, только Итальянцы никогда не были народомъ завоевательнымъ. Лишь двѣ республики, Генуя и Венеція, искали себѣ завоеваній внѣ Италиі: но онѣ были призваны къ тому не воинственностію народа, а самымъ своимъ положеніемъ. Остальной Италиі, то-есть болѣе чѣмъ девяти десятымъ страны, было вовсе не до того: она занята была разработкою другой стороны жизни; она жила по преимуществу успѣхомъ жизни городской, гражданской, она приготовляла у себя цвѣтъ гражданственности, который потомъ, въ видѣ кредитныхъ учрежденій и произведеній искусства, развела почти по всей Европѣ. Италия оставалась безъ дѣла, когда не была воинственною. За то конечно въ теченіе вѣковъ она приготовила въ себѣ беззащитную жертву для новыхъ завоеваній, она заплатилась дорого за то, что дала у себя слишкомъ чувствительный перевѣсъ мирному гражданскому элементу надъ воинственнымъ. Все такъ; но естественно ли требовать отъ народа, при такомъ ходѣ всей его исторіи, чтобы онъ отличался въ результатѣ воинственностію? естественно ли упрекать его, что онъ не сдѣлался вдругъ тѣмъ, чѣмъ никогда не былъ въ свою жизнь? Трудно передѣлать натуру народа, но не менѣе трудно бываетъ заставить его измѣнить и тѣ свойства, которыя мало-по-малу приобрѣтены имъ вмѣстѣ съ самымъ ходомъ его исторіи.

По моему мнѣнію, требованіе поставлено выше данныхъ условій. Нельзя хотѣть, чтобы невоинственный народъ вдругъ превратился въ воинственный. Но я не думаю, чтобы отдѣльные случаи героизма были рѣдки въ Италиі. Героическій духъ, духъ самопожертвованія, не вымеръ на этой утомленной долгимъ историческимъ процессомъ почвѣ. Онъ не прикованъ исключительно ни къ одной итальянской мѣстности и потому не всегда уловимъ, но онъ живетъ здѣсь и временемъ овладѣваетъ способными въ тому личностями въ самыхъ темныхъ углахъ полуострова. Кто бы подумалъ? Неаполь, даже Неаполь

нерѣдко высылаетъ отъ себя людей истинно античной доблести, которой не могутъ не отдать справедливости даже тѣ, кто не сочувствуетъ ея-политическому направленію. Но отыскивая подобныхъ людей среди противорѣчащихъ современныхъ извѣстій, не надобно забывать, что успѣхъ не служить имъ примѣтою. Затерянные въ массѣ общихъ неудачъ, эти частные подвиги, напротивъ того, остаются большею частію едва извѣстными, и вѣрная память о нихъ сохраняется лишь въ частномъ кругу людей, связанныхъ съ павшими дружбою или единствомъ интересовъ. Есть впрочемъ и замѣчательныя исключенія. Несмотря на всѣ обстоятельства, благопріятствующія забвенію, одно имя огласилось не только на цѣлую Италію, но даже на всю Европу. Кто въ самомъ дѣлѣ не встрѣчалъ имени Поэріо? А въ чемъ, скажите, его слава? Какая побѣда увѣнчала его, или какое исполнено имъ великое дѣло? Ничего подобнаго: симпатія европейской публики пріобрѣтена ему только тѣмъ непоколебимо-твердымъ духомъ, съ которымъ онъ переноситъ свои несчастія...

Знаменитый заключенникъ впрочемъ не вырождокъ изъ своей семьи. Почтенныя воспоминанія соединяются съ именемъ его отца, барона Джузеппа Поэріо ди Таверна. Кромѣ Карла, который до сихъ поръ несетъ тяжелое испытаніе, баронъ Джузеппо имѣлъ еще другаго сына, Александра Поэріо, погибшаго преждевременною смертію, но котораго память также долго не умретъ между итальянскими патриотами. Между прекрасными изданіями Лемонье я нашелъ здѣсь также небольшую книжку его стихотвореній, изданную еще въ 1852 году (*Poesie edite e postume di Alessandro Poerio, Firenze, Felice Le Monnier*). Къ изданію приложены черты изъ жизни автора, собранныя Дайялою (*Magiano d' Ayala*): жизнь, богатая развѣ только несчастіями и постоянствомъ духа, запечатлѣннымъ героическою смертію. Александръ Поэріо родился въ 1802 году. Уже тринадцати лѣтъ отъ роду досталось ему испытать горечь изгнанія, когда, вслѣдствіе паденія Мюрата, все семейство Поэріо должно было удалиться изъ Неаполя и искать себѣ убѣжища во Флоренціи. Но это первое изгнаніе продолжалось только три года. Событія 1820 года застали Александра Поэріо на 18 году жизни. Несмотря на свою молодость, онъ спѣшилъ стать въ ряды тѣхъ, которые шли сражаться противъ Австрійцевъ, и участвовалъ въ битвѣ при Ріети. Дѣло неаполитанскихъ патриотовъ впрочемъ скоро было проиграно, и баронъ Поэріо вмѣстѣ съ сыномъ долженъ былъ снова отправиться въ изгнаніе. На этотъ разъ мѣстомъ ссылки была Германія. Молодой человекъ воспользовался временемъ вторичнаго своего изгнанія, чтобы сколько можно болѣе расширить сферу своихъ познаній. Онъ посѣщалъ лекціи въ университетахъ Бреславскомъ, Кѣнигсбергскомъ, Берлинскомъ, Гиссенскомъ и Гейдельбергскомъ. Къ тому же времени относится знакомство его съ Гёте, съ которымъ у него была даже переписка. Наконецъ всемогу-

ицѣ тогда Меттернихъ смилоствивился надъ изгнанниками и позволилъ имъ возвратиться въ отечество. Однако они не рѣшились ѣхать въ Неаполь, и на полудорогѣ, во Флоренціи, основали свое пребываніе. Здѣсь главныя занятія молодого Поэріо обращены были на отечественную исторію; тутъ же пробудились въ немъ и первыя движенія поэтическаго духа, вызванныя славными воспоминаніями прошедшей жизни Италіи. Французская революція 1830 года застала его уже во Франціи. Но куда ни бросала его судьба, мысль объ отечествѣ была неразлучна съ нимъ. Обстоятельства, впрочемъ, не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя вновь возбуждены были въ италіянскихъ патріотахъ французскимъ движеніемъ, и Поэріо пока не оставалось ничего болѣе, какъ изливать свою душевную скорбь въ поэтическихъ строкахъ. Только въ 1835 году снова открылись для него предѣлы родной страны, но тутъ ждали его, одно за другимъ, новыя испытанія. Первое изъ нихъ было тюремное заключеніе брата его, Карла Поэріо. На этотъ разъ, впрочемъ, краснорѣчіе отца скоро возвратило свободу сыну. Не такъ было во второй разъ, когда не стало главы семейства, и Карлъ снова былъ схваченъ въ отеческомъ домѣ и отведенъ въ крѣпость Св. Эльма. Въ эти тяжелые дни Александръ былъ единственнымъ утѣщеніемъ для брата. Только въ 1846 году горизонтъ Италіи началъ нѣсколько разъясняться. Новыя надежды для патріотовъ зараждались въ Римѣ, во Флоренціи, въ Туринѣ. Первый особенно привлекалъ къ себѣ тогда симпатіи тѣхъ, которые мечтали о возрожденіи Италіи. Въ 1847 году Александръ Поэріо также отправился въ Римъ и участвовалъ въ его 27-лѣтнемъ юбилейѣ. Но еще не исполнилось и половины этого года, какъ младшій Поэріо въ третій разъ подвергнутъ былъ тюремному заключенію и снова нуждался въ утѣшеніяхъ старшаго.

Наступилъ бурный 1848 годъ. Въ Неаполѣ, какъ и на всемъ полуостровѣ, обозначилось сильное движеніе. Для человѣка съ такимъ популярнымъ именемъ, какъ Поэріо, открывалось широкое поприще дѣятельности у себя дома; но горячее сердце его рвалось туда, гдѣ кипѣлъ кровавый споръ за дѣло цѣлой Италіи. Ему предлагали постъ посланника или при Французской республикѣ, или въ Тосканѣ; но онъ отказался отъ того и другаго и поступилъ волонтеромъ въ ломбардскую экспедицію подъ начальствомъ генерала Пепе, съ которымъ дѣлилъ прежде горечь изгнанія. Известна роль, которую досталось играть этой экспедиціи. Ее отправили только для вида, чтобы лучше скрыть антипатію къ тому дѣлу, которое она послана была защищать, и вдругъ воротили назадъ, когда уже она почти готова была вступить въ предѣлы Ломбардіи. Въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась Италія, для нея ничего не могло быть пагубнѣе этого. Болѣе 2,000 человѣкъ впрочемъ продолжали свое движеніе въ Ломбардію. Александръ Поэріо перешелъ вмѣстѣ съ ними По, и когда

пала Виченца, направился въ Венецію, какъ въ тотъ пунктъ, которому угрожала неминуемая опасность со стороны непріятеля. Онъ, впрочемъ, прибылъ туда еще до начала блокады и все свободное время употребилъ на знакомство съ венеціанскимъ искусствомъ; когда же загремѣлъ громъ оружія, онъ опять спѣшилъ занять свое мѣсто въ передовыхъ рядахъ защитниковъ осажденнаго города. Его пылкому мужеству было тѣсно въ городскихъ улицахъ. Онъ хотѣлъ непременно участвовать во вѣдшихъ нападеніяхъ на непріятеля, и при встрѣчахъ съ нимъ каждый разъ давалъ новыя доказательства своей безрешетной храбрости. Напрасно люди, преданные ему и желавшіе сберечь его жизнь для отечества, старались умѣрить его порывы: Поэріо оскорблялся, если отъ него старались скрыть какое-нибудь смѣлое и потому особенно опасное предпріятіе. Такимъ образомъ должны были допустить его къ участию и въ нападеніи на Местре. Мало того: онъ выпросилъ себѣ мѣсто въ самыхъ переднихъ рядахъ нападающихъ. Дѣйствія отряда, въ которомъ онъ находился, скоро увѣнчались успѣхомъ. Австрійцы не выдержали натиска и отступили изъ занимаемаго ими укрѣпленнаго пункта, оставивъ въ рукахъ противниковъ два орудія. Александръ былъ одинъ изъ первыхъ, которые взопли на непріятельскій брустверъ, и тутъ получилъ первую контузію въ ногу. Его тотчасъ разули, чтобы освидѣтельствовать рану; онъ покорился требованію, но видя, что крови нѣтъ, вдругъ опять всталъ на ноги и бросился за непріятелемъ, съ крикомъ: Впередъ, товарищи! Viva l'Italia! Никакія убѣжденія друзей не могли остановить его порыва: онъ опять бросился туда, гдѣ происходило самое жаркое дѣло. Несмотря на упорное сопротивленіе, Австрійцы и на этотъ разъ были выбиты штыками, но во время преслѣдованія, Поэріо снова пораженъ былъ въ голову и въ ногу. Онъ упалъ съ тѣмъ же завѣтнымъ крикомъ: Viva l'Italia! Не прежде, какъ черезъ полчаса, его нашли плавающимъ въ крови и перенесли на перевязочное мѣсто. Тутъ окружили его товарищи по оружію, которые любили его какъ брата. Александръ имѣлъ еще духъ ободрять ихъ, когда они плакали, и безъ смущенія выслушалъ приговоръ медика, объявившаго ему, что необходимо отнять пораженную ногу. Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ, мнѣ останется только сѣсть на лошадь, чтобы идти вмѣстѣ съ вами въ бой, мои милые товарищи. Онъ самъ приготовился къ ампутаціи и не хотѣлъ даже, чтобы кто-нибудь держалъ ему ногу. Во время трудной операціи, которая по необходимости взяла много времени, онъ удивилъ всѣхъ присутствовавшихъ своимъ терпѣніемъ и силою духа. Когда наконецъ нога была отнята, Поэріо потребовалъ ее къ себѣ, обнялъ ее и потомъ положилъ у себя съ боку, прибавивъ: теперь успокойся въ мирѣ. Увидѣвъ потомъ хирурга, который дѣлалъ операцію, онъ обратился къ нему съ вопросомъ: нельзя ли будетъ ему продолжать военную службу хотя на лошади?—Между тѣмъ

бой кончился; на этотъ разъ нападающіе восторжествовали на всѣхъ пунктахъ. Это извѣстіе еще болѣе успокоило страдальца. Съ улыбкою встрѣтилъ онъ генерала, который пришелъ навѣстить его тотчасъ по окончаніи дѣла. Теперь, сказалъ онъ, когда мы побѣдили, я доволенъ, что потерялъ ногу, хоть и знаю, что мнѣ не пережить этой операціи. Вслѣдъ за тѣмъ, узнавши, что венеціанское правительство возвело его въ званіе капитана, онъ видимо былъ обрадованъ, но замѣтилъ тутъ же, что жалованья въ этомъ чинѣ ему ужъ не получать. И въ самомъ дѣлѣ, черезъ шесть дней онъ умеръ послѣ тяжелыхъ страданій, и Италія до конца не сходила у него съ языка.

Передаю, со словъ достовѣрнаго свидѣтеля, малоизвѣстныхъ обстоятельствъ этой смерти не съ тѣмъ, чтобы выставить ее за образецъ героизма: въ послѣдніе годы мы видѣли образцы гораздо крупнѣе. Я желалъ только показать на одномъ примѣрѣ, что Италійцы новаго времени также умѣютъ умирать за отечество. Поискавъ внимательнѣе, мы нашли бы конечно и другіе примѣры подобнаго самоотверженія. Я взялъ первый мнѣ встрѣтившійся.

Еще одно замѣчаніе относительно того исхода, какой напши послѣднія событія въ Италіи. Осыпая Италіанцевъ упреками, свои и чужіе какъ бы хотятъ этимъ сказать, что движеніе не произвело совершенно никакихъ результатовъ. Если измѣрять успѣхи тѣмъ мечтательнымъ идеаломъ, о которомъ мы говорили прежде, то конечно надобно согласиться съ этимъ строгимъ приговоромъ. Но за мечтательнымъ и потому большею частію призрачнымъ не должно терять изъ виду положительное, котораго корни всегда глубоко лежатъ въ исторической почвѣ. Собственное историческое развитіе идетъ часто помимо всякихъ теорій, и хотя медленно, но тѣмъ не менѣе вѣрно достигаетъ своихъ цѣлей. Такъ случилось и въ Италіи въ послѣднемъ политическомъ движеніи. Идеальное не достигнуто, скажу болѣе — оно уронено имъ, но есть одинъ положительный результатъ, въ которомъ нельзя не видѣть разумнаго историческаго прогресса. Я разумно возвышеніе Пиемонта. Правда, что онъ также имѣлъ свою долю въ общей неудачѣ; на него пало даже самое чувствительное пораженіе въ войнѣ за независимость полуострова, такъ какъ онъ принималъ въ ней и самое дѣятельное участіе: но несмотря на отступленіе изъ Ломбардіи, несмотря даже на Новару, дѣло его выиграно передъ лицомъ цѣлой Европы. Какъ бы ни былъ несчастливъ исходъ борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, все же Италія увидѣла изъ нея, что пока нѣтъ у нея другаго меча, кромѣ того, которымъ вооруженъ Пиемонтъ, и что слѣдовательно еслибъ она хотѣла воевать снова, ей точно также не обойдись было бы безъ Пиемонта. Несчастіе привнесло Пиемонту свою пользу: оно послужило для него доброю школою, послѣ которой онъ искренно вышелъ на дорогу реформъ. Это тѣснѣе связало его съ образованною Европою и дѣлало

его въ ея глазахъ главнымъ представителемъ интересовъ Италіи. Искусство государственныхъ людей Пиемонта довершило остальное. Благодаря ихъ искусной политикѣ, онъ занялъ довольно почетное мѣсто въ ряду европейскихъ державъ и приобрѣлъ право на уваженіе образованнаго большинства. Въ короткое время Пиемонтъ достигъ того, что голосъ его со вниманіемъ выслушивается на большомъ европейскомъ конгрессѣ, гдѣ трактуютъ вопросы первостепенной важности.

Всей важности этого явленія еще нельзя оцѣнить достаточно. Оно могло возникнуть только при условіи тѣхъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, которыя ему предшествовали. Въ немъ въ самомъ дѣлѣ сосредоточилась вся сумма большого національнаго итальянскаго движенія. И нельзя сказать, чтобы возвышеніе Пиемонта было полезно и важно только для него самого. Цѣлая Италія прикосновенна къ важности этого явленія. На европейскомъ конгрессѣ голосъ Пиемонта вѣситъ особенно въ качествѣ представителя общихъ итальянскихъ интересовъ. Черезъ преобразованный Пиемонтъ и вся Италія стала доступнѣе политическому дѣйствию на нее Европы. Реформы, уже совершенныя въ Пиемонтѣ, служатъ образцомъ для цѣлой страны. Онѣ показываютъ на дѣлѣ, что можетъ быть совершенно при доброй волѣ и въ другихъ частяхъ полуострова. И дѣйствительно, на Пиемонтъ въ настоящее время обращены глаза всей Италіи. Здѣсь только бьется пульсъ настоящей политической жизни, и биевіе его живо чувствуется по всей странѣ. Пиемонтомъ поддерживается и питается главнымъ образомъ движеніе національной итальянской мысли. Не спать Пиемонтъ — значить, вся Италія бодрствуетъ.

Для меня это явленіе, повидимому, столько скромное и умѣренное въ сравненіи съ пылкими мечтами о всецѣломъ возрожденіи страны, имѣетъ всю цѣну историческаго процесса, потому что вполне согласно со всею исторіею Италіи. Самобытное и независимое развитіе итальянской цивилизаціи кончилось въ XVI вѣкѣ. Отсюда же начинается ея упадокъ, тянувшійся цѣлые три вѣка и породившій потребность сторонняго возбужденія. Я хочу сказать, что Италіи невозможно было возрожденіе лишь изъ собственныхъ элементовъ, безъ посторонняго вліянія. Доказательствомъ служить то, что она коснѣла въ своемъ крайнемъ упадкѣ, моральномъ и политическомъ, вплоть до сильнаго толчка, даннаго ей первою французскою революціей. Итакъ, возбуждательное вліяніе европейскихъ идей было для нея необходимо. Но откуда могло пойти оно, изъ какого центра и какимъ путемъ? Съ материкомъ Европы Италія связана своею верхнею, или сѣверною частію. Здѣсь она соприкасается одною стороною съ Франціею, другою — съ нѣмецкими землями. Этими путями происходили всѣ ея сношенія съ среднею Европою и въ средніе вѣка. Остальные Европейцы всегда были для нея «ультрамонтаны». Въ прежнее время она думала

дѣйствовать на нихъ своею цивилизаціею , а не отъ нихъ принимать вліяніе. Но времена перемѣнились, и однимъ изъ означенныхъ путей должно было проникнуть въ нее образовательное вліяніе Европы. Но откуда именно ? съ сѣверо-востока , или съ сѣверо-запада ? Выборъ между этими направленіями зависѣлъ не отъ случая, а условленъ былъ, можно сказать, всѣмъ ходомъ предшествующей исторіи.

Всего непрерывнѣе и тѣснѣе были связи Италіи съ Германіею. Онѣ наполнили своими разнообразными превращеніями цѣлый рядъ вѣковъ и продолжаютъ до сего времени. Но эта непрерывность и продолжительность сношеній послужила только къ большому развитію антипатинъ между двумя народностями, хотя самые народы въ томъ и не виноваты. Старая нѣмецкая имперія постоянно видѣла въ Италіи цѣль для завоеванія и распространенія своей власти , и когда потомъ священная имперія пала , ея юные наслѣдники , несмотря на прогрессъ идей, положили впрочемъ за правило слѣдовать, относительно Италіи, той же самой политикѣ. Доказательствомъ можетъ служить нынѣшнее положеніе такъ-называемаго Ломбардо-Венеціанскаго королевства. На сколько съ этой стороны простиралось на Италію чужое вліяніе , настолько оно оказалось не образующимъ (bildend), а поглащающимъ... Еслибы оно въ состояніи было проникнуть еще ниже , и тамъ бы безъ сомнѣнія повторилось то же самое явленіе. Анкона и Болонья отчасти и теперь могутъ свидѣтельствовать въ пользу нашего мнѣнія. Такое вліяніе никогда не могло и не можетъ расположить въ свою пользу туземцевъ : на него всегда будутъ смотрѣть, какъ и смотрѣли до сихъ поръ , то—есть какъ на враждебное. Отъ него будутъ всегда желать избавиться, а не стараться усвоить его себѣ. Да еслибы впрочемъ на него смотрѣли здѣсь и менѣе непріязненно, какую бы пользу могла извлечь изъ него для себя Италія? Какою политическою мудростію, на примѣръ, могла бы она позаимствоваться отъ настоящей Германіи? Развѣ снять съ нея примѣръ несчастнаго раздѣленія? но Италія сама такъ давно уже страдаетъ этою политическою болѣзнію.

Нѣтъ, образовательное вліяніе должно было прійти сюда съ другой стороны. И всегда дорога ему была открыта со стороны Франціи , и нація всегда обнаруживала гораздо больше симпатій къ нему. Уже въ средніе вѣка происходилъ въ этомъ направленіи взаимный обмѣнъ идей , благотельный для обѣихъ странъ. Вспомнимъ общинныя движенія во Франціи и Италіи, почти современныя и параллельныя между собою; вспомнимъ потомъ вліяніе провансальской поэзіи на возраждавшуюся итальянскую литературу. Даже завоевательныя предпріятія Французовъ , начавшіяся въ концѣ XIV вѣка , встрѣчаемы были въ Италіи сравнительно болѣе симпатически, чѣмъ нѣмецкія. Но Франція сама скоро подверглась страшной порчѣ и долго не могла служить доброю школою для другихъ, такъ что все дѣйствіе ея ограничивалось вліяніемъ литературныхъ формъ. Собственно говоря, че-

резь Францію должны были сообщиться Апеннинскому полуострову ея усвоенныя, но выработанныя въ разныхъ частяхъ Европы идеи общаго образованія и политическаго устройства. Но Франціи самой еще надобно было напередъ раздѣлаться съ XVIII вѣкомъ, чтобы послужить этому назначенію. За то въ настоящемъ столѣтіи она вступила въ эту роль несомнѣнно, — и Пиемонтъ, какъ подверженный непосредственному ея дѣйствию, первый принялъ на себя ея вліяніе, то—естъ первый усвоилъ его себѣ. Онъ какъ бы искони предчувствовалъ свою будущую роль, и всегда держался политическихъ связей съ Франціей, родясь съ нею по временамъ и кровными узамъ. Пиемонтъ показалъ на себѣ, что Италія созрѣла для постепеннаго принятія образовательнаго вліянія Европы, какъ въ идеяхъ, такъ и въ самыхъ формахъ. Пиемонтъ нѣкоторымъ образомъ сократилъ пространство, отдѣлявшее прежде Италію отъ центровъ, къ которымъ приливаетъ современная европейская жизнь, и такъ—сказать бросилъ передъ нею мостъ для удобнѣйшаго перехода на другую сторону... Съ тѣхъ поръ какъ выросъ новый Пиемонтъ, раздѣленіе на живущихъ по сю сторону горъ и ультрамонтановъ съ каждымъ днемъ теряетъ свое значеніе.

Италія еще не готова къ тому, чтобы имѣть у себя одинъ центръ, который бы законодательствовалъ на всемъ ея протѣженіи и давалъ единство ея разрозненнымъ силамъ. Довольно, если у нея будетъ хотя одинъ твердый пунктъ для постояннаго противодѣйствія тѣмъ антипатичнымъ вліяніямъ, которыя, тяготя надъ нею съ сѣверо-востока, имѣютъ еще сверхъ того вѣрную точку опоры для себя на южной оконечности полуострова. Когда есть Неаполь на одномъ концѣ, Туринъ едва ли не важнѣе на другомъ, чѣмъ въ самомъ центрѣ страны. Такъ только могутъ уравновѣшиваться противоположныя вліянія. На Неаполь и Туринъ лучше всего можно наблюдать настоящія отношенія различныхъ частей Италіи къ историческому прогрессу и къ образовательному европейскому вліянію. Это какъ бы два противоположные полюса. Между тѣмъ какъ Турину всегда готова нравственная и матеріальная поддержка со стороны западной Европы, къ Неаполю она же шлетъ свои корабли, и хотя издали принуждена показывать ему жерла своихъ пушекъ. Сколько сѣверо—западъ Италіи воспріимчивъ къ европейскимъ идеямъ, столько неприязненъ къ нимъ югъ. Тогда какъ въ Пиемонтѣ находятъ себѣ не только убѣжище, но и покровительство ломбардскіе эмигранты, преслѣдуемые Австріею, Неаполь до сихъ поръ, несмотря на требованіе общественнаго мнѣнія въ цѣлой Европѣ, не можетъ рѣшиться отворить двери тюрьмы для своего Поэріо. Которому изъ двухъ полюсовъ принадлежитъ симпатія Италіи, и съ какой стороны она можетъ ожидать появленія зари своего болѣе свѣтлаго будущаго, на это въ вопросъ отвѣчать не трудно.

Мнѣ слѣдовало бы еще говорить о второй части статьи, посвященной французскимъ Обзорѣніемъ итальянскому вопросу. Но я не знаю, не будетъ ли это уже лишнее разглагольствіе. Эта вторая половина статьи содержитъ въ себѣ изложеніе послѣднихъ воззрѣній знаменитаго итальянскаго публициста. Послѣ событій 1848—49 года въ мнѣніяхъ Джоберти произошла значительная перемѣна. Нисколько не измѣняя своимъ кореннымъ убѣжденіямъ и по прежнему горячо любя Италію, онъ впрочемъ подъ конецъ совершенно разувѣрился въ дѣйствительности тѣхъ средствъ, которыя прежде самъ предлагалъ ей для спасенія, и старался по возможности замѣнить ихъ другими соображеніями. Въ свою очередь мы, пожалуй, также готовы были бы послѣдовать за авторомъ въ его новыхъ комбинаціяхъ, но къ сожалѣнію, мысли его мало поддаются анализу. Таковъ онъ былъ всегда: горячая голова, истинно патріотическое сердце, но умъ мало способный удовлетворить требованію строгой отчетливости и возвести свои понятія къ единству началъ. Непримиримый врагъ іезуитизма, онъ между тѣмъ мечталъ о возрожденіи Италіи подъ эгидою римскаго престола! На этомъ у него была построена цѣлая политическая теорія. Если чего не достаетъ его сочиненіямъ, такъ это именно философскаго синтеза, а между тѣмъ онъ долгое время считалъ занятіе философіею своимъ настоящимъ призваніемъ! Нетерпѣливыя желанія его сердца нерѣдко опережали ходъ его мысли, и онъ, за недостаткомъ ясныхъ воззрѣній, иногда самъ обманывалъ себя искусственною терминологіею, настаивая на различіи нѣкоторыхъ выраженій и думая замѣнить ими противоположность самыхъ понятій. Такъ, означивъ первую свою систему возрожденія Италіи словомъ *Risorgimento*, онъ изобрѣлъ для послѣдующей новое названіе *Rinascimento*. Правда, что вслѣдствіе обстоятельствъ многое дѣйствительно измѣнилось въ воззрѣніяхъ автора, что онъ отказался отъ прежней несбыточной мечты, которая заставляла его строить въ воображеніи какой-то идеальной римскій міръ и отъ него ждать спасенія всей Италіи; что въ послѣдніе свои годы, живя въ отдаленіи отъ Италіи, онъ сталъ смотрѣть на нее болѣе практическими глазами и лучше понимать ея настоящія потребности. Вслѣдствіе такой перемѣны, у Джоберти явилось много новыхъ требованій, но онъ не успѣлъ привязать ихъ къ одному началу и развитъ ихъ послѣдовательно одно изъ другаго. Въ этомъ отношеніи *Rinascimento* гораздо слабѣе даже *Risorgimento*. Мысль автора не одолеваетъ всѣхъ трудностей вопроса и не можетъ противопоставить имъ никакого опредѣленнаго плана, или твердо установленнаго образа дѣйствій. Есть можетъ-быть отдѣльныя замѣчанія, заслуживающія вниманія, но они такъ разрознены, что не могутъ составить одного цѣлаго воззрѣнія. Вообще, по моему мнѣнію, *Rinascimento* Джоберти мало подвигаетъ итальянскій вопросъ впередъ даже въ теоріи. Отсюда я опять вывожу необходимость рѣшенія его путемъ историческимъ.

На дняхъ, въ одной изъ здѣшнихъ книжныхъ лавокъ, бросилась мнѣ въ глаза брошюра подъ названіемъ « La question italienne et les parties en Angleterre, Leipzig et Paris, 1857 ». Вы вѣроятно встрѣчали ее и въ Москвѣ. Меня, признаюсь, соблазнило столько же это многообщающее заглавіе брошюры, сколько и ея «ешенебельная наружность». Изданіе сдѣлано роскошно, какъ-будто на показъ цѣлой Европѣ: стало-быть, думалъ я, издатель придавалъ ему особенную важность и надѣялся найти для него много избранныхъ читателей. Но я скоро разочаровался въ моихъ ожиданіяхъ и предположеніяхъ. Прежде всего поразило меня страшное *avant-propos*, открывающее собою брошюру и растянутое на 12 страницахъ, впрочемъ весьма крупнаго шрифта. Съ первыхъ же словъ своего предисловія неизвѣстный авторъ даетъ итальянскому вопросу совершенно неожиданный оборотъ, говоря, что для лучшаго разъясненія его, надобно прежде всего «заняться Англіею», *c'est donc principalement de l'Angleterre qu'il faut s'occuper à présent...* Вотъ что называется, подумалъ я, съ больной головы да на здоровую!.. Отъ чего же при итальянскомъ вопросѣ непременно надобно заняться Англіею? Отъ того, что она не перестаетъ интересоваться положеніемъ Италіи? Но къ чему же намъ лицемерить: мы очень хорошо знаемъ, что настоящее положеніе Италіи занимаетъ всю образованную Европу. Не въ одной только Англіи — общественное мнѣніе вездѣ съ одинаковымъ интересомъ слѣдитъ за итальянскимъ вопросомъ и нетерпѣливо ожидаетъ его рѣшенія. Исключеніе составляетъ развѣ только Австрія, гдѣ — по весьма понятнымъ причинамъ — очень желали бы никогда не касаться подобныхъ вопросовъ: поэтому намъ казалось бы гораздо приличнѣе, по поводу итальянскаго вопроса, «заняться» Австріею, чѣмъ отводить глаза читателя совсѣмъ въ иную сторону. Но авторъ стоитъ на своемъ и повторяетъ обыкновенныя обвиненія Англіи въ своекорыстіи, лицемерствѣ и злонамѣренности. Въ немногихъ строкахъ брошена черная тѣнь на каждый шагъ англійскаго правительства въ пользу итальянскаго дѣла. Англія нарочно старается раздуть страсти въ средней Европѣ, чтобы помѣшать возстановленію древняго торговаго пути, который нѣкогда связывалъ Италію съ Востокомъ и былъ источникомъ ея благосостоянія... Нерасположеніе Англіи къ Неаполю объясняется успѣхомъ неаполитанскихъ мануфактуръ... Наконецъ Англіи, сообща съ Пиемонтомъ, приписывается намѣреніе подорвать въ Италіи послѣднее... остающееся въ ней единство, то-есть единство религиозное...

Послѣднее обвиненіе особенно, въ которомъ Пиемонтъ ставится на одну доску съ Англіею, даетъ осязательно чувствовать, что такое рѣшеніе итальянскаго вопроса могло быть придумано — развѣ только въ Австріи!

Я однако спѣшилъ перейти къ самой брошюрѣ, въ надеждѣ, что она выкупитъ свое существованіе хотя одною серіозною мыслию. Но

каково же было мое удивленіе, когда вмѣсто того, что должно бы составлять зерно изданія, я нашелъ — « переводъ » одной статьи изъ *Quarterly Review*, написанной по поводу сочиненія Фарини о Римскомъ государствѣ и доставившей такимъ образомъ автору « Предисловія » самый простой и легкій способъ наполнить остальные листы его брошюры! Статья, разумѣется, неблагопріятная для новой Италіи; но какихъ мнѣній нельзя встрѣтить въ Англіи, гдѣ, благодаря чрезвычайному развитію гласности, ни одинъ оттѣнокъ мысли не остается безъ внѣшняго выраженія! Тамъ всѣ эти мнѣнія имѣютъ свой смыслъ и легко распознаются по цвѣтамъ тѣхъ партій, которыхъ носятъ на себѣ признаки. Тамъ, въ общемъ хорѣ всякаго рода голосовъ, не очень дико кажется самое исключительное мнѣніе; но оно же, вырванное изъ цѣлаго хора, перенесенное на другую почву и выданное за самое здравое изъ всѣхъ, становится оскорбительно, какъ самая недоброжелательная клевета.

Меня увѣряли потомъ, будто этотъ новый способъ рѣшенія итальянскаго вопроса принадлежитъ одному заслуженному австрійскому дипломату, который давно уже страдаетъ недугомъ англо-обіи. Не знаю, въ какой степени справедливо это увѣреніе, и вѣрно ли называютъ самое имя; но вижу и чувствую, что, несмотря на свою лейпцигскую фирму и французскій языкъ, брошюра есть австрійское издѣліе. У Австріи есть свои особенные приемы для рѣшенія великихъ вопросовъ.

Въ самой Италіи вопросъ также вызываетъ различныя попытки его рѣшенія. Патриотическая мысль не перестаетъ выискивать средства, чтобы облегчить развязку его въ будущемъ. Кромѣ журнальныхъ статей, время отъ времени здѣсь также появляются отдѣльныя брошюры, посвященныя или цѣлому вопросу, или какой-нибудь одной его сторонѣ. Назову изъ нихъ *Delle eventualità italiane*, нѣсколько извѣстную мнѣ по статьямъ въ журналѣ *Siècle, Macchi—De' conciliazione de' partiti*, вышедшую недавно въ Пиемонтѣ. Ими разумѣется стоило бы заняться особо, но къ сожалѣнію, мнѣ почти столько же трудно достать ихъ въ руки, какъ и вамъ. Въ Италіи для печатныхъ издѣлій существуетъ особеннаго рода градація, или нисхождение отъ сѣвера къ югу. Такъ не все то, что печатается въ Туринѣ, допускается къ чтенію во Флоренціи; печатаемое во Флоренціи очень часто не доходитъ до Рима; далеко не все римское можно найти въ Неаполѣ... Только произведенія неаполитанскихъ типографій нигдѣ по всей Италіи не встрѣчаютъ себѣ препятствія, но я, право, не знаю, что тамъ печатается въ настоящее время, кромѣ Журнала Обѣихъ Сицилій...

П. Кудрявцевъ.

НОВѢЙШІЕ НѢМЕЦКІЕ ЖУРНАЛЫ ПО ЛИТЕРАТУРѢ, СРЕДНЕ-ВѢКОВОЙ СТАРИНѢ И ПО НАРОДНОСТИ ВООБЩЕ.

Никогда не обращалось столько вниманія на изученіе изродности, какъ въ наше время, и, безъ всякаго сомнѣнія, нигдѣ такъ успѣшно не разрабатывается она, какъ въ Германіи. Уже болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, братья Гриммы, Вильгельмъ и особенно Яковъ, положили твердую основу этому изученію своими превосходными изслѣдованіями по языку, мѣологіи, правамъ, поэзи и вообще по литературѣ не только такъ-называемаго нѣмецкаго языка, но и другихъ родственныхъ ему нарѣчій: англосаксонскаго, скандинавскаго, готскаго. Якову Гримму выпалъ жребій — быть творцомъ новой науки, науки о народности. Въ настоящее время его Нѣмецкая Грамматика, его Нѣмецкая Мѣологія, Юридическія Древности, изданія различныхъ памятниковъ литературы, служатъ руководящими, настольными книгами для всякаго просвѣщеннаго изслѣдователя средневѣковой народности и ея остатковъ въ современной жизни не только Нѣмцевъ, но и другихъ, сосѣднихъ имъ народовъ. Настоящіе *славянофилы*, то-есть дѣйствительные знатоки и любители славянины, какъ Вукъ Стефановичъ Караджичъ, Копитаръ, Шафарикъ, высоко оцѣнили заслуги Якова Гримма. Славянскія Древности Шафарика (переведенныя на русскій языкъ профессоромъ Бодянскимъ) свидѣтельствуютъ о значительномъ вліяніи германскаго ученаго на это сочиненіе. Очень интересны отношенія Якова Гримма къ другому, столь же знаменитому дѣятелю по славянской народности, къ Вуку Караджичу. Еще въ двадцатыхъ годахъ дружба его съ знаменитымъ нѣмецкимъ ученымъ была скрѣплена совокупными учеными трудами. Въ 1824 году вышла Вукова Сербская Грамматика, съ любопытнѣйшимъ предисловіемъ Якова Гримма. Еще въ 1823 году этотъ нѣмецкій ученый, всегда любившій славянина и ею интересовавшійся, убѣждалъ знаменитаго собирателя сербскихъ народныхъ произведеній — издать сербскія сказки; и вотъ, черезъ тридцать лѣтъ, Вукъ издаетъ ихъ, и въ посвященіи ихъ *Славному Нѣмцу Якову Гримму, предрагому и многопочитоваему* (то-есть многоуважаемому) *пріятелю*, изъявляетъ свое увѣреніе, что эта книжка никому не можетъ быть столь *мила*, какъ его *нѣмецкому пріятелю*. И этотъ послѣдній не остался въ долгу у своего славянскаго друга. Въ слѣдующемъ, то-есть 1854 году, вышелъ нѣмецкій переводъ этихъ сказокъ, сдѣланной дочерью Вука Караджича, уже съ предисловіемъ Якова Гримма.

Благотворное, зиждительное вліяніе трудовъ Якова Гримма на науки о народности дѣйствовало медленно. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, въ эпоху философскаго энтузіазма и глубокаго изученія греко-римскихъ древностей, сочиненія этого великаго человѣка пользовались извѣстностью только между людьми, спеціально занимавшимися нѣмецкою стариною. Въ сороковыхъ годахъ, при постоянной, неутомимой его дѣятельности, болѣе и болѣе возрастала и слава его великихъ открытій, такъ что теперь всѣ многочисленныя труды нѣмецкихъ ученыхъ по средневѣковой старинѣ и народности не только представляютъ развитіе и полное оправданіе началъ, положенныхъ въ основу Яковомъ Гриммомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они проникнуты воодушевленіемъ, которое этотъ замѣчательный человѣкъ своими классическими изслѣдованіями, при глубокомъ и какомъ-то особенно симпатичномъ возрѣніи на народность вообще, умѣлъ возбуждать въ современныхъ ученыхъ Германіи. Такъ составилась цѣлая *Гриммовская школа*, а къ ней принадлежитъ всякій, кто надлежащимъ образомъ, то-есть основательно, изучаетъ народныя пѣсни, сказки, обычаи, преданія, старинныя средневѣковые памятники словесности, въ ихъ живой связи съ цѣлымъ бытомъ народа. И надобно сказать къ чести основателя этой прекрасной школы, что, кромѣ духовнаго родства мысли, труда, живѣйшаго увлеченія, онъ связанъ съ многочисленною толпою своихъ почитателей, и во внѣшнемъ отношеніи, не одними искренними посвященіями его громкому имени цѣлаго ряда сочиненій по народности, но и дѣятельнымъ участіемъ его самого во многихъ изъ нихъ. Сколько вышло изданій съ предисловіями Якова Гримма! И каждое его предисловіе не оффиціальное только изъясненіе вѣжливости, а самостоятельное изслѣдованіе, рѣшеніе какого-нибудь вопроса науки.

Желая познакомить читателей «Русскаго Вѣстника» съ современнымъ состояніемъ этой столь интересной науки о народности, объемяющей вмѣстѣ съ литературою и языкъ и весь бытъ народа, бросимъ взглядъ на нѣкоторые изъ спеціальныхъ журналовъ по этому предмету. Гауптъ издаетъ *Журналъ для нѣмецкой старины*; Пейфферъ—*Германію*, по тому же предмету; Гофманнъ фонъ Фаллерслебенъ и Оскаръ Шаде — *Веймарскую Лѣтопись*, тоже по нѣмецкой старинѣ, впрочемъ съ изслѣдованіями литературы и позднѣйшихъ вѣковъ; Маннгардтъ продолжаетъ изданіе *Журнала для нѣмецкой мѣологии и нравовъ*, начатое Вольфомъ; Фромманъ—періодическое изданіе, подъ названіемъ: *Нѣмецкія Нарчія*. Нужно ли упоминать, что братья Гриммы принимаютъ дѣятельное участіе въ этой спеціальной журналистикѣ? И каждая статья ихъ, какъ бы мала она ни была, представляется въ глазахъ издателя лучшимъ, драгоценнѣйшимъ украшеніемъ его журнала.

Германія издается четырьмя книжками въ годъ; выходитъ только

съ 1856-го. Опуская статьи слишкомъ спеціальныя по нѣмецкой старинной литературѣ, обратимъ вниманіе читателей на болѣе интересныя для нихъ по содержанію.

Первое мѣсто, въ этомъ отношеніи, безспорно принадлежитъ статьѣ Бутервека (въ 4-ой книжкѣ), содержащей въ себѣ подробное изложеніе содержанія англо-саксонской поэмы IX вѣка о *Беовульфѣ*, этого древнѣйшаго поэтическаго памятника нѣмецкой старины, которому уступаетъ даже сама Скандинавская Эдда (1). Поэма о Беовульфѣ относится къ языческому эпохѣ, впрочемъ выказываетъ кое-гдѣ темныя намеки на христіанство. Мѣсто дѣйствія во всей точности доселѣ не опредѣлено; вѣроятно, на датскіяхъ островахъ, по южнымъ берегамъ Скандинавскаго полуострова, а также по берегамъ между Эльбою и Вислою, и даже до острова Готланда. Нація — Датчане и морскіе Готы. Кромѣ высокаго интереса въ самомъ содержаніи этой древнѣйшей поэмы, она имѣетъ для насъ, Русскихъ, интересъ особенный, по замѣчательному своему сходству съ поэтическими преданіями о Владимірѣ и его богатыряхъ. Содержаніе ея слѣдующее: Въ отдаленныя времена жилъ Датскій король, по имени Сцильдъ, то-есть *Щитъ*. Былъ онъ изъ невѣдомой страны и чужаго рода. Въ смутное, безгосударное время, нашли младенца въ лодкѣ, приплывшей издалека: онъ былъ одинъ, возлѣ него лежало оружіе. То былъ Сцильдъ, будущій король. До старости мудро управлялъ онъ своимъ народомъ, и мирно скончался. Море было его колыбелью; оно же было ему и могилою. Трупъ его отослали въ далекое море на богато-разукрашенной ладѣ. Потомкомъ этого загадочнаго героя былъ благодущный король Гродгаръ, образецъ царственныхъ доблестей. Его витязи были ему товарищами у очага и за пиршественнымъ столомъ, сопутствовали ему повсюду; его *подручники* (*handscolu*), всегда были у него подъ рукою; за плечомъ были у него мудрые совѣтники; его витія сидѣль, по обычаю двора, у ногъ его, а также и его пѣвецъ, прославлявшій подвиги своего повелителя. Щедро раздавалъ онъ своимъ витязямъ сокровища, гривны и кольца, оружіе и коней; потому что онъ былъ *стражъ* богатства. Съ любовью и благодарностью, съ благоговѣніемъ и преданностью обращались къ нему взоры его подданныхъ; онъ былъ полновластный господинъ и повелитель, любимецъ и защитникъ народа. И вздумалось ему построить на горѣ великолѣпныя, огромныя палаты, чтобы слава о нихъ навсегда сохранялась между сынами человѣческими, палаты на радость и пированье.

---

(1) Сколько интересуетъ Беовульфъ нѣмецкую ученую публику въ настоящее время, свидѣтельствуетъ другая статья того же Бутервека, помѣщенная тоже въ 1856 г., въ журналѣ Гаушта, объ изданіяхъ этого памятника. Въ 1854 г. Бутервекъ выдалъ: *Sædmon's des Angelsachsen Biblische Dichtungen*, въ двухъ частяхъ.

Тутъ хотѣлъ онъ раздѣлить между старымъ и малымъ все, что ни дастъ ему Богъ. Изъ далекихъ странъ призваны были искусные мастера, и соорудили они палаты изъ каменныхъ плитъ, связавъ ихъ желѣзными крючьями. Крышу крыли изъ золота: и свѣтилась она далеко по землѣ. Къ палатамъ сдѣлали изъ разноцвѣтныхъ камней и дорогу, которая называлась *Медвяною*. И внутри хорошо были палаты разукрашены: кругомъ стѣны шли скамьи, отдѣланныя въ золотѣ, такъ хитро и прочно, что развѣ одинъ огонь повредилъ бы ихъ. По стѣнамъ были развѣшены златотканые ковры. Милостивый Гродгаръ называлъ свои златоверховатыя палаты *Геортъ* (олень), — можетъ-быть отъ хитрыхъ вырѣзовъ и украшеній, и пировалъ съ своею дружиною ежедневно, при громкомъ и веселомъ шумѣ гостей, или же внимая пѣснямъ пѣвца; и только къ вечеру уходилъ король съ королевою изъ Георта, а витязи оставались и проводили ночь въ спокойномъ снѣ.

Нужно ли упоминать, что этотъ милостивый Гродгаръ, съ своею храброю дружиною проводящій дни въ пирахъ и весельѣ, есть древнѣйшій поэтический первообразъ царственныхъ героевъ, не только нѣмецкаго и романскаго, но и нашего древне-русскаго эпоса? Не такъ ли, какъ въ Оленьихъ палатахъ Датскаго короля, и у насъ, въ стольномъ городѣ Кіевѣ, у ласковаго князя Владиміра, было пированье, почетный пиръ, было столованье на многихъ князей и бояръ, и могучихъ богатырей? Ибо, безъ всякаго сомнѣнія, наши эпическія пѣсни о богатыряхъ Владиміра, первоначальнымъ своимъ происхожденіемъ, восходятъ къ отдаленной до-христіанской эпохѣ, и только въ послѣдствіи были приурочены къ извѣстнымъ лицамъ и событіямъ. И самый Владиміръ нашихъ эпическихъ преданій есть лицо чисто поэтическое, которое надобно строго отличать отъ историческаго, отъ князя, просвѣтителя Руси христіанскою вѣрою. Слѣдовательно никому не должно казаться страннымъ это сближеніе нашего сказочнаго героя съ англо-саксонскимъ эпохи доисторической. Нельзя не замѣтить здѣсь кстати, что, несмотря на грубость нравовъ и вѣрований, возрѣнія англо-саксонскаго пѣвца на жизнь, его понятія о вѣсахъ, гораздо шире, болѣе развиты, нежели возрѣнія и понятія слагателей нашихъ пѣсень о богатыряхъ. Видно, что поэма о Беовульфѣ была уже плодомъ многовѣковаго развитія. Пѣвецъ умѣетъ уже цѣнить нѣкоторыя удобства цивилизаціи, хотя и на низшей ея степени; онъ уже указываетъ на иностранныхъ мастеровъ, и интересуется подробностями при описаніи постройки Оленьихъ палатъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и наша эпическая поэзія когда-нибудь, въ отдаленную эпоху своего ближайшаго сродства съ поэзією другихъ индоевропейскихъ народовъ, отличалась болѣею широтою возрѣній, но въ послѣдствіи, предоставленная исключительной національности, удаленной отъ интересовъ общечеловѣческаго развитія, она закрубилась и

сузлася въ своихъ воззрѣніяхъ на природу и человѣка, или же, при недостаткѣ красокъ въ жизни дѣйствительной, ограничилась общими, неопредѣленными чертами. Но возвратимся къ англо-саксонской поэмѣ.

Веселье и спокойствіе въ палатахъ Гродгара было нарушено самымъ ужаснымъ образомъ. Не подалеку находилось страшное мѣсто около Волчьихъ скалъ, въ омутахъ и пропастяхъ, жилище какихъ-то враждебныхъ демоновъ, *никсъ* и морскихъ змѣевъ. Это мѣсто было ужасное. Жилъ тамъ Грендель, людодѣдъ, существо сверхъ-естественное, *дьяволъ, изъ рода Каинова*, и со своею матерью, такую же людодѣдку. Замѣчательно, что въ описаніи этихъ демоническихъ существъ смѣшаны языческія преданія съ апокрифическими и еретическими сказаніями эпохи христіанской. Повалился Грендель въ Оленьи палаты по ночамъ, какъ только, попирсавъ, улягутся богатыри; душитъ и грызетъ ихъ, а мертвыя тѣла десятками таскаетъ къ себѣ. Опустѣли палаты, и по-мрачился печалью добрый король. Именно здѣсь-то и выступаетъ на сцену самъ герой поэмы, Беовульфъ, изъ княжескаго рода морскихъ Готовъ или Готовъ-островитянъ. Пѣвцы и гости-корабельщики занесли и на ихъ берега печальную вѣсть о гибели богатырей въ Оленьихъ палатахъ. Беовульфъ, вспомнивъ, что Гродгаръ нѣкогда облагодѣтельствовалъ его отца, отправился сослужить службу Датскому королю, извести лютаго Гренделя. Еще въ юномъ возрастѣ Беовульфъ прославился быстротою и неутомимостью въ плаваньи по морю, а также подвигами храбрости въ поражении морскихъ чудовищъ. Приплывъ съ своею дружиною въ Датскую страну, онъ былъ съ честью и радостью принятъ Гродгаромъ. Готскій герой принимаетъ твердое намѣреніе убить чудовище или погибнуть, если уже *Гильда*, богиня войны, рѣшила взять его къ себѣ; товарищамъ же своимъ даетъ онъ на великій подвигъ какіе-то предохранительные талисманы: *наузы*, или *навязы воинскаго счастья* (1). И вотъ на ночь остаются они спать въ Оленьихъ палатахъ. Въ урочный часъ является Грендель, схватываетъ одного изъ спящихъ, потомъ кидается на другаго. Но то-былъ самъ Беовульфъ: послѣ страшной борьбы, онъ наноситъ чудовищу смертельный ударъ, и Грендель, истекая кровью и оставивъ свою отрубленную руку, скрывается въ свою пропасть. Снова водворилась радость съ пиршествами въ палатахъ Датскаго короля. Не только онъ самъ, но и благородная супруга его осыпаютъ высокими почестями своего избавителя. Последняя, между прочимъ, даритъ ему знаменитѣйшую въ мірѣ гривну—украшеніе съ шею самой богини Фрей, которая добыла его отъ четырехъ карликовъ. Но подвигъ еще не конченъ. Мать Гренделя, этотъ первообразъ нашей Яги-Бабы

(1) Собственно тканье воинскаго счастья (wigs pēda gewiðfa).

или Бабы Горынишны.—мститъ за смерть своего сына. Герои отправляются на берегъ страшной пучины, чтобы вступить въ рѣшительную борьбу съ чудовищною неприятельницею. Беовульфъ бросается въ море, достигаетъ морскихъ палатъ Гренделя и убиваетъ его мать. Съ трепетомъ ждутъ Беовульфа его спутники, стоя на берегу. Вотъ волна побагровѣла отъ крови, и вслѣдъ за тѣмъ вынырнулъ самъ герой, въ одной рукѣ съ великанскимъ мечемъ, добытымъ въ палатахъ вѣдьмы,—въ другой съ отсѣченною головою самого Гренделя. На другое утро Беовульфъ отправляется домой. Его подвигами скрѣпилась вѣчная дружба между Датчанами и морскими Готами. Возвратившись домой, нашъ герой вѣрою и правдою служить своему королю; а по смерти послѣдняго, когда народъ предлагалъ ему корону, онъ благородно отказался отъ нея въ пользу королевича, оставаясь вѣрнымъ ему вассаломъ и воспитателемъ. И только по смерти уже и этого, когда не осталось никого изъ царскаго рода, онъ почелъ себя въ правѣ принять предлагаемую ему королевскую власть. Нужно ли говорить, что онъ былъ благодѣтелемъ своего народа? Онъ даже самую жизнь свою принесъ въ жертву своей любви къ подданнымъ. Въ одномъ пустынномъ мѣстѣ, въ горной пещерѣ, кто-то, послѣдній уже въ своемъ родѣ; проливая слезы о смерти своихъ, спряталъ оставшееся послѣ нихъ золотое сокровище. Его стережетъ алчный до золота *стражъ горы* (*beorges weard*), какъ бы нашъ *горыничъ*. И повадился этотъ огненный змѣй летать по Готской землѣ; все палитъ своимъ пламенемъ и опустошаетъ. Чтобъ спасти свой народъ, а вмѣстѣ и обогатить его сокровищемъ, Беовульфъ рѣшился сразиться съ змѣемъ. Онъ его убилъ, но и самъ погибъ отъ его яда. О высококомъ нравственномъ чувствѣ героя англо-саксонской поэмы можно судить по его послѣднимъ словамъ: «своихъ я держалъ хорошо, никого не предавалъ, не клялся въ неправдѣ. Теперь, раненый на смерть, утѣшаюсь этимъ; потому что отецъ человѣковъ не накажетъ меня за убійство родныхъ, когда жизнь вылетитъ изъ тѣла.» Подданные хоронили тѣло Беовульфа уже по позднѣйшему обычаю; сожгли его на великолѣпно убранномъ кострѣ.

Если въ Гродгарѣ можно видѣть первообразъ нашего поэтическаго, сказочнаго, а не историческаго, Владимира Красное-Солнышко; то въ отношеніяхъ его къ Беовульфу, сослужившему ему службу своимъ великимъ подвигомъ, легко увидимъ отношеніе нашего Краснаго-Солнышка къ дѣятельнымъ богатырямъ, очищающимъ Русь отъ всякой нечистой силы. Но мало того: именно въ Добрынь Никитичѣ сохранились ясные слѣды преданія о Беовульфѣ. Важнѣйшіе воинскіе подвиги героя англо-саксонской поэмы — поражение морскихъ чудовищъ и огненнаго змѣя, хранителя сокровища. Добрыня тоже плаваетъ, только не по морю, а въ Израй рѣкѣ; третья струя его подхватила и унесла въ пещеры бѣлокаменныя къ лютому огненному

змѣю Горынчицу, то-есть жителю или — какъ въ англо-саксонской поэмѣ — къ стражу горы; онъ убиваетъ чудовище и находитъ въ его пещерахъ много золота и серебра. Подобно Беовульфу, онъ входитъ въ борьбу съ чародѣйкой, съ женщиной сверхъестественною, съ соумышленницею нечистой силы и пріятельницею самого змѣя (1).

Выставленное здѣсь на видъ сближеніе поэтическихъ сказаній русскихъ съ древнѣйшимъ англо-саксонскимъ, безъ всякаго сомнѣнія, должно быть понято не въ смыслѣ заимствованія, а какъ результатъ распространенія одного и того же древнѣйшаго преданія у народовъ родственныхъ во множествѣ сказаній о борьбѣ героевъ съ змѣями и существами сверхъестественными. Нѣмецкіе изслѣдователи старяны, съ свойственною имъ тщательностью, особенно хорошо умѣютъ слѣдить за безконечнымъ разнообразіемъ поэтическихъ сказаній, въ различное время развившихся изъ одного общаго имъ преданія. Такова статья В. Мюллера: *Сказаніе о рыцарѣ Лебедь* (въ 4-й книжкѣ). Это сказаніе выразилось въ цѣломъ рядѣ поэмъ, сказокъ, романовъ, не только на романскихъ и нѣмецкихъ нарѣчійхъ, но и у насъ въ народныхъ сказкахъ, конечно, съ большими или меньшими искаженіями и подновленіями древняго преданія. Вотъ главнѣйшее содержаніе этого преданія по древне-французской поэмѣ: *Le Chevalier au Cygne*. Орланъ, король Лилле-фортскій, однажды на охотѣ преслѣдуя оленя, находитъ у источника прекрасную Беатрису, госпожу лѣса, и беретъ ее себѣ въ супруги, противъ воли своей матери Матабруны. Когда царь былъ на войнѣ, она рождаетъ ему за одинъ разъ семерыхъ дѣтей, шесть сыновей и одну дочь: у всѣхъ у нихъ на шеѣ было по серебряной цѣпи. Злая свекровь выдаетъ ихъ за цѣпять и велитъ слугителю убить ихъ въ лѣсу. Но этотъ послѣдній вполнину исполнилъ приказаніе, только вынесъ дѣтей въ лѣсъ, гдѣ нашелъ ихъ пустынникъ Геліасъ, призрѣлъ и воспиталъ. Лань кормила найденнышей своимъ молокомъ. Между тѣмъ возвращается съ войны король и заключаетъ свою невинную супругу въ темницу. Послѣ того одинъ охотникъ находитъ дѣтей въ лѣсу. Матабруна поручаетъ ему убить ихъ и принести къ ней украшавшія ихъ цѣпи. Но онъ находитъ только шестерыхъ, и только что снялъ съ нихъ цѣпи, всѣ до одного превратились въ лебедей. Старшаго сына, называвшагося, по имени пустынника, Геліасомъ, тогда не случилось, почему онъ и остался въ своемъ не превращенномъ видѣ. Изъ цѣпей Матабруна велѣла кузнецу сковать сосудъ; но онъ употребилъ на работу только одну цѣпь, оставивъ прочія пять. Наконецъ, по наущенію матери, король приговорилъ свою супругу къ сожженію на кострѣ, если только не явится ей на помощь какой-нибудь защитникъ. Тогда-то вступается за

(1) Смотр. Древнія Россійскія Стихотворенія 1818 г. стр. 61, 345.

свою мать юный Гелиасъ, защищаетъ ее мечомъ и спасаетъ. Злая свекровь предана сожженію; а пятеро дѣтей, съ возвращеніемъ ихъ цѣль, оборачиваются изъ птицъ въ свой первоначальный видъ; и только одинъ, котораго цѣль была уничтожена, остался лебедемъ. Къ этому сказанію присоединяется другое, составляющее второй отдѣлъ поэмы. Герцогиня Бульфонская обвинена въ томъ, что отравила своего мужа, и, въ его отсутствіе, родила незаконную дочь. Обвиненной предоставлено въ назначенный день взять себѣ защитника противъ обвинителя. Гелиасъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Лебедемъ, пріѣзжаетъ въ лодкѣ на мѣсто поединка, побѣждаетъ противника, спасаетъ герцогиню и женится на ея дочери, но только подъ условіемъ, чтобъ его не спрашивали объ его происхожденіи. Долгое время жили супруги счастливо; но жена не могла удержаться отъ роковаго вопроса, и Лебедь увозитъ отъ нея Гелиаса въ лодкѣ. — Таково въ общихъ чертахъ содержаніе французской поэмы. По нѣмецкой передѣлкѣ XV-го вѣка, рыцарь находитъ купающуюся въ рѣкѣ дѣвицу, вѣнчается на ней *es lyeu*, какъ дѣлывали и наши богатыри эпохи Владиміровой. Когда же была она оклеветана, велитъ ее по груди зарыть въ землю — жестокой обычай, не чуждый и нашей старинѣ. Изъ любопытныхъ изслѣдованій автора явствуетъ, что сказаніе о рыцарѣ Лебедя относится къ цѣлому ряду родственныхъ поэтическихъ преданій, въ которыхъ выражается идея о вѣнно-пострадавшей прекрасной женщинѣ, — идея, связанная съ повѣріемъ о превращеніи умершихъ въ птицъ и о таинственной связи съ міромъ загробнымъ. Сюда принадлежатъ сказанія не только нѣмецкаго и романскаго происхожденія, но и древнѣйшаго кельтическаго; сказанія изъ цикла Нибелунговъ, Санграла и др. Сюда относятся сказки о красавицѣ Беафлоръ (*Blanchefleur*) и о супругѣ ея Маѣ, которые въ теченіи осмигѣтней своей разлучи *ни одного раза не улыбнулись*; о Женевьевѣ, или Геновевѣ, которая, воротившись изъ глухаго лѣсу къ своему супругу, *не можетъ уже вкушать человѣческой пищи*; о Кресценціи, супругѣ царя Дитриха, которая, въ изгнаніи и злополучіи, за свои добродѣтели получаетъ даръ исцѣлять всѣ недуги, если только болящій чистосердечно признается передъ нею въ своихъ грѣхахъ. Въ заключеніе позволимъ себѣ одно сближеніе. Таинственному дѣйствію цѣпи или ожерелья на жизнь того, кто носить цѣпь на шеѣ, соответствуетъ нѣмецкое представленіе, въ нашемъ Словѣ о Полку Игоря, о томъ, какъ князь *выронилъ свою жемчужную душу изъ тѣла черезъ золотое ожерелье*. Что же касается до раздора снохи съ свекровью, то онъ — конечно по побужденіямъ чисто національнымъ — послужилъ содержаніемъ множеству русскихъ пѣсней и сказокъ.

Вольгангъ Менцель, въ 1855 году издавшій первый томъ своей

Нѣмецкой Мнѳеологіи, именно Сказаніи объ Оливѣ (1), помѣстилъ въ журналѣ «Германія» (въ 1-ой книжкѣ) любопытную статью о вѣрваньяхъ въ солнце, въ связи съ правомъ на владѣніе, состоявшимъ будто-бы въ какой-то мнѳической зависимости отъ этого свѣтила (Das alte deutsche Sonnenleben). Полученіе власти надъ землею отъ солнца, вѣроятно, сопровождалось какими-нибудь символическими обрядами, что видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго мѣста въ одной Скандинавской Сагѣ. Торбиорнъ ѣдетъ однажды по пожарищу, поднимаетъ пылающую головню къ солнцу и объявляетъ все это пространство своимъ, потому что оно теперь уже не заселено. Что этотъ обрядъ восходитъ къ временамъ отдаленнаго язычества, свидѣлствуетъ Тацитъ въ повѣствованіи о Бойокалѣ, который, требуя землю вѣтѣсеннымъ Амписиварамъ, говоритъ: какъ небо для боговъ, такъ земля для людей, и не заселенная земля принадлежитъ всякому, кто первый на нее ступитъ; потомъ обращаясь къ солнцу, спрашиваетъ его, благосклонно ли оно зритъ на это пустынное пространство?— Съ полученіемъ власти отъ солнца, Менцель сближаетъ цѣлый рядъ повѣрій и обрядовъ, состоящихъ въ связи съ поклоненіемъ этому свѣтилу. Сюда онъ относитъ обычай исполнять судебный приговоръ надъ виновнымъ до заката солнца; молиться солнцу на горѣ утромъ въ Свѣтлое Христово Воскресеніе, въ день, въ который это свѣтило будто-бы пляшетъ. Въ древнѣйшихъ германскихъ могилахъ, относящихся къ эпохѣ доисторической, покойники полагались лицомъ къ солнцу, въ ожиданіи великаго утра воскресенія, символъ котораго — ежедневный восходъ солнца. Одинъ путешественникъ по Египту (Баумгертнеръ) разказываетъ, что въ Каирѣ 25-го марта народъ собирается на гору смотрѣть, будто-бы, воскресеніе мертвыхъ. Не будемъ говорить здѣсь о высокихъ символическихъ представленіяхъ русскаго оратора XII вѣка, Кирилла Туровскаго, который въ одномъ своемъ словѣ идею жизни, свѣта духовнаго, воскресенія, знаменуетъ символомъ солнца и весны (2); но укажемъ на любопытное

(1) Въ 1856 г. вышла вторымъ изданіемъ его Христіанская Символика, въ двухъ частяхъ. Значительно уступаая извѣстному сочиненію Пипера о Мнѳеологіи Средне-вѣковаго Искусства, въ отношеніи свѣдѣній по исторіи художествъ, Символика Менцеля тѣмъ не менѣе предлагаетъ интереснѣйшія подробности о различныхъ поэтическихъ и религіозныхъ преданіяхъ.

(2) Смotr. Памятники русскаго словесности XII в., въ 3-мъ словѣ, стр. 21 и слѣд. - Нынѣ солнце красуясь въ высотѣ восходитъ и радуясь землю огрѣваетъ - и проч. Въ Подлинникахъ, или наставленіяхъ для иконописцевъ, изъ этого слова взято описаніе символическаго представленія весны въ образѣ царственнаго юноши. Напримѣръ: - Небо свѣтлѣетъ, темныхъ облаковъ, какъ ризы, совлекшись — волны тихостію брегъ цѣлуютъ, земля знакъ провзращаетъ, и дерева процвѣтаютъ, и птицы воспѣваютъ, рѣки наводняются, и источники тихо текутъ, и огороды сладкую испускаютъ воню, и агнцы на зеленой травѣ скачутъ - и проч. Изъ рукописи конца XVII в., въ библиотекѣ графа С. Г. Строганова.

танствѣнное отношеніе челоѣка къ солнцу, приведенное другимъ писателемъ того же вѣка, нѣкоторымъ черноризцемъ Кирикомъ въ его вопросахъ Новгородскому Никѡнту, именно въ вопросѣ о томъ, слѣдуетъ ли хоронить мертвеца послѣ заката солнечнаго (1)?

Рохгольцъ, изготовившій къ изданію очень важное для исторіи нравовъ сочиненіе о дѣтскихъ пѣсняхъ и играхъ (2), помѣстилъ занимательную статью о наказаніи дѣтей розгами и о странномъ обычаѣ *цѣловать розы* (Die Ruthe küssen, во 2-й книжкѣ). Хотя эта жестокая мѣра значительно была въ Германіи распространена и особенно поддерживалась педантами; однако между людьми благомыслящими рано уже возбуждала подозрѣніе въ своей дѣйствительной пользѣ, и даже отвращеніе. Отъ XV и XVII вѣка осталось много нѣмецкихъ похвальныхъ стиховъ розгѣ. Вѣроятно оттуда, черезъ Польшу, перешли они и въ наши вирши. Западному обычаю—поднимать дѣтей съ постели розгами утромъ 28-го декабря (auskindeln, франц. innocent, donner les innocens) — соответствуетъ у насъ съѣчь вербою въ Вербное Воскресенье, приговаривая: «верба хлѣсть, бей до слезъ». За проступки дѣтей высокихъ особъ, въ Англіи и Франціи, наказывались нарочно для того назначенные невинные страдалцы. Этотъ обычай былъ заведенъ и у насъ въ старинныхъ барскихъ домахъ.

Людвигъ Уландъ, издавшій въ 1844—1845 г. интересное собраніе нѣмецкихъ народныхъ пѣсенъ, помѣстилъ двѣ статьи о швабскихъ сказаніяхъ (въ 1-й и 3-й кн.) Въ первой говоритъ объ охотничьемъ бытѣ пфальцграфовъ Тюбингенскихъ и о различныхъ преданіяхъ и повѣрьяхъ, съ этимъ бытомъ связанныхъ. Во второй—о преданіяхъ, соединенныхъ съ мѣстомъ и съ именемъ Дитриха Бернскаго, то-есть Теодорика Веронскаго. Замѣчательно, что въ письменныхъ памятникахъ изъ Вестфалии, съ Мозеля, изъ Аугсбурга, изъ Верхней Баваріи и съ верховьевъ Рейна, отъ XII-го и до второй половины XIV-го вѣка, постоянно встрѣчаются историческія лица той эпохи съ мѣстическимъ именемъ Дитриха Бернскаго. Ясные намеки на подвиги этого героя встрѣчаются даже въ художественныхъ произведеніяхъ отдаленныхъ среднихъ временъ; въ церковной живописи и на капителяхъ колоннъ въ храмахъ. Такъ широко пустилъ свои корни нѣмецкій эпосъ въ средневѣковой Германіи!

Для сравненія съ произведеніями древне-русской литературы и съ народными стихами особенно любопытно въ этомъ журналѣ изданіе нѣмецкихъ проповѣдей, въ отрывкахъ XII-го вѣка, и драматическаго сочиненія въ стихахъ о св. Георгіи XV-го вѣка.

(1). Памятн. Рос. Слов. XII в. стр. 184.

(2) Alemannisches Kinderlied und Kinderspiel aus der Schweiz. Въ двухъ частяхъ.

Не желая утомлять вниманія читателей перечнемъ изслѣдованій болѣе специальныхъ, почитаемъ обязанностию упомянуть въ заключеніе, что Я. Гриммъ почталъ этотъ новый нѣмецкій журналъ нѣсколькими статьями своего сочиненія, изъ которыхъ замѣчательнѣйшія: о составныхъ числительныхъ именахъ (въ 1-й кн.), о буквѣ *lu* въ готскомъ алфавитѣ и о пѣснѣ о Лудовикѣ (обѣ во 2-й кн.).

Ө. БУСЛАЕВЪ.

Труды членовъ Россійской Духовной Мисси въ Пекинѣ.
Томы 1, 2 и 3. Спб., 1852—1857.

Ровно двѣсти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ начались непосредственныя сношенія между Россіею и Китаемъ. Первое посольство русское, достигнувшее Пекина, относится къ 1655 и 1656 годамъ. Посломъ былъ Федоръ Исаковъ Бойковъ, боярскій сынъ изъ города Тобольска. Въ Китаѣ только что утвердилось тогда владычество маньчжурской династіи, столь непрочное въ наше время. Изъ европейскихъ народовъ въ наиболѣе тѣсныхъ связяхъ съ Небесною имперіею были Голландцы, за ними Французы и Испанцы. Католическіе миссіонеры, преимущественно іезуиты, пользовались даже нѣкоторымъ вліяніемъ на дѣла страны. Русскихъ же людей жители Пекина еще ни разу не видали въ стѣнахъ своего города. Не удивительно, что Бойкову все было въ немъ ново, непривычно. Къ тому же, переступивъ границы Сибири, Бойковъ не покинулъ привычекъ московскихъ дипломатовъ; онъ и въ Китаѣ остался вѣрнѣй преданіямъ посольскаго приказа, поступалъ такъ же, какъ поступали его товарищи— послы, отправляемые московскими царями къ государямъ западной Европы. Но что прощалось невзыскательною дипломатіею Запада, того не хотѣлъ знать упорный въ своихъ обычаяхъ церемоніалъ Китая. Отъ Бойкова требовали, чтобы онъ присланные съ нимъ подарки и грамоту царя вручилъ не самому хану, а нарочно назначеннымъ для того людямъ. Отпустить съ ними подарки Бойковъ согласился, но не сдался ни на какія представленія относительно передачи грамоты. Дѣло кончилось тѣмъ, что китайскіе дипломаты присудили возвратить ему подарки на томъ основаніи, что «нѣтъ въ Китаѣ того обыкновенія, чтобъ чужестранныхъ пословъ допускать на аудіенцію предъ самого хана: ибо де онъ кромѣ знатныхъ персонъ двора своего никому не кажется; а впрочемъ и свои подданные никогда его не выдаютъ» (1).

(1) О первыхъ русскіихъ путешествіяхъ и посольствахъ въ Китаѣ, въ Кземъс. сочин., къ пользѣ и увеселенію служащихъ, июль 1755 года, стр. 38 и слѣд.

Иначе поступали голландскіе послы, бывшіе въ Пекинѣ въ одно время съ Бойковымъ: подчинившись всѣмъ китайскимъ церемоніямъ, они успѣли въ своихъ намѣреніяхъ.

Послѣ неудавшагося посольства Бойкова, между Россіей и Китаемъ долго не было никакихъ сношеній дипломатическимъ путемъ. Только пограничныя споры заставили Петра Великаго возвратиться къ переговорамъ съ китайскимъ правительствомъ. Непосредственнымъ слѣдствіемъ отправленнаго имъ туда посольства было право имѣть въ Пекинѣ русскую духовную миссію. Не станемъ говорить здѣсь о тѣхъ заслугахъ, которыя были оказаны миссіею нашей дипломатіи и литературѣ въ продолженіе ея болѣе чѣмъ столѣтняго существованія. Правдивый историческій разказъ о дѣлахъ миссіи есть неотъемлемое право и вмѣстѣ съ тѣмъ счастливая обязанность ея членовъ. Скажемъ лишь нѣсколько словъ о «Трудахъ», издаваемыхъ ею въ настоящее время.

Всѣ три тома «Трудовъ» наполнены статьями чрезвычайно разнообразнаго содержанія, составленными большею частію по китайскимъ сочиненіямъ; иногда встрѣчаются переводы изъ послѣднихъ. Черезъ нихъ читатель можетъ знакомиться не только съ исторіей Китая, его современнымъ состояніемъ, административными учрежденіями, промышленностію, торговлею и вообще экономическимъ бытомъ; но получаетъ нѣкоторое понятіе и о характерѣ китайскихъ знаній, китайской ученой литературы. Между статьями историческаго содержанія особенно любопытны двѣ: *Начало и первая дѣла манджурскаго дома* (В. Горскаго) и *Событія при паденіи минской династіи* (М. Храповицкаго). Обѣ статьи служатъ взаимнымъ дополненіемъ одна другой: въ нихъ разказана та долгая, томительная борьба, которою сопровождалось паденіе минской династіи, смѣненной манджурскою. Съ одной стороны дикое, постоянно возрастающее могущество, не чуждающееся впрочемъ въ борьбѣ со врагомъ хитрыхъ и лукавыхъ средствъ; съ другой—полная внутренняя слабость, совершенное распаденіе всѣхъ нравственныхъ узъ, связывавшихъ минскую династію со странюю. Главное управленіе сосредоточено въ рукахъ чиновниковъ-евнуховъ, выставляющихъ предъ падающимъ богдыханомъ въ ложномъ свѣтѣ печальное состояніе его дѣлъ. Въ минуты самой крайней опасности они интригуютъ противъ способныхъ военачальниковъ, удаляютъ ихъ отъ арміи и допускаютъ опять къ дѣламъ только по прошествіи видимой опасности. Когда же снова представляется дѣйствительная необходимость въ нихъ, тогда назначаются люди, засвидѣтельствовавшіе свои воинскія дарованія щедростію къ совѣтникамъ богдыхана и злоупотребленіями въ администраціи. Къ этому присоединяются безпрестанныя возмущенія во внутреннихъ и южныхъ провинціяхъ, именно тѣхъ, куда еще не проникъ непріатель:

возмущенія эти обыкновенно вызваны несправедливостью областных правителей, грабежемъ чиновниковъ, притѣсненіемъ торговаго класса. А дворъ богдыханскій занимается въ это время самыми ничтожными дѣлами; предается разсужденіямъ о томъ, какія награды должно назначить военачальникамъ за предстоящія побѣды. Наконецъ, въ послѣдніе годы существованія мивской династіи обнаруживаются измѣны; въ числѣ измѣнчившихъ богдыхану поодаются имена его прежнихъ совѣтниковъ-евнуховъ. И несмотря на то, борьба эта длится чуть ли не тридцать лѣтъ. Весь переворотъ разрѣшился страшною катастрофой. Видя безнадежное положеніе свое, оставленный евузами, получивъ извѣстіе, что непріятель занялъ уже внѣшнюю часть столицы и приступаетъ ко внутренней, богдыханъ приказалъ подать вина, и вмѣстѣ съ императрицей Чжэу-хоу и второстепенною, любимѣйшею женою Юань-фэй, выпилъ по нѣсколько золотыхъ чарокъ; освободившись немного отъ внутренней горести и сдѣлавшись рѣшительнѣе, государь со вздохомъ сказалъ: «жалко народа», приказалъ трехъ сыновей своихъ отнести въ дома родственниковъ по женской линіи; потомъ, обратившись къ императрицѣ, сказалъ: «великое дѣло кончено», — и всѣ вмѣстѣ заплакали. Прислуга послѣдовала ихъ примѣру. Государь приказалъ имъ удалиться, внушивъ, чтобы сами помышляли о себѣ. Тогда императрица, склонивъ голову, отвѣчала: «Восьмнадцать лѣтъ живу я съ тобою, ни одного разу ты не слѣдовалъ моему совѣту, и вотъ мы дожили до настоящаго дня», — за тѣмъ обняла наслѣдника и двухъ князей съ невыразимою горестію, повторила это въ другой и третій разъ и отошла ихъ, — сама отправилась во дворецъ Кунь-нинъ-гунъ и тамъ повѣсилась. Государь, проходя мимо дворца, увидѣлъ это зрѣлище и сказалъ: «Хорошо, хорошо», за тѣмъ призвалъ старшую княжну, достигшую тогда пятнадцати-лѣтняго возраста; княжна пришла, обливаясь горькими слезами. Государь съ сокрушеніемъ сказалъ: «Зачѣмъ ты родилась въ моемъ домѣ?» закрылъ себѣ глаза рукавомъ лѣвой руки, а правою извлекъ мечъ и нанесъ ей ударъ; — княжна хотѣла защищаться рукою, ударъ нанесенъ былъ въ лѣвое плечо, и рука отвалилась; несчастная упала безъ чувствъ на землю; кровь текла потокомъ; но у государя опустилась рука, и онъ не въ состояніи былъ далѣе дѣйствовать мечемъ. По дворцу вдругъ пронеслась молва объ этомъ, и нѣкоторые закричали: «государь поднялъ мечъ». Отсюда государь направился во дворецъ Си-гунъ и приказалъ любимой женѣ Юань-фэй самой наложить на себя руки; она не задумалась и тотчасъ повѣсилась, но веревка оборвалась, и несчастная упала на землю; вскорѣ она опять пришла въ чувство; государь мечемъ нанесъ ей три удара. За тѣмъ призваны были остальные жены и наложницы, государь всѣхъ ихъ предалъ смерти собственнымъ мечемъ, и въ то же время послалъ сказать императрицѣ-матери, чтобъ она поторо-

лилась умереть. Въ этомъ же родѣ сцены происходили и въ самомъ городѣ. Истребивъ семью свою, послѣдній богдыханъ изъ минской династии думалъ спастись бѣгствомъ; но это ему не удалось, между прочимъ и потому, что ворота, оставшіяся свободными, были заперты ихъ охранителемъ, уѣхавшимъ куда-то за городъ на пирушку. И съ 1644 года на престолѣ китайскомъ сидятъ богдыханы изъ манджурскаго дома.

Не менѣе интересны статьи, касающіяся исторіи религиозныхъ вѣрованій въ Китаѣ. Сюда относятся: *Жизнеописаніе Будды* (архим. Палладія), *Историческій очеркъ древняго буддизма* (его же), *Обычи буддистовъ и обрядъ возложенія ихъ у Китайцевъ* (архим. Гурія), *О христіанствѣ въ Китаѣ* (іеромонаха П. Цвѣткова), *Несторіанскій памятникъ VII вѣка* (его же), *О сектѣ даосовъ* (его же). Сюда же можно причислить статью «*Домашніе обряды Китайцевъ*»: обрядъ надѣванія шапки на юношей, обрядъ украшенія дѣвицъ женскимъ головнымъ уборомъ (иглой), обряды брачныя, церемонія погребенія умершихъ, и т. п.

Всѣ остальные статьи (числомъ до 15) касаются экономического и хозяйственнаго быта Китайцевъ. Первое мѣсто между ними занимаютъ: *Историческое обозрѣніе народонаселенія Китая* (И. Захарова) и *Поземельная собственность въ Китаѣ* (его же). Наконецъ есть любопытныя замѣтки о Хонконгѣ І. Гошкевича, бывшаго тамъ въ плѣну и заглянувашаго въ отдѣленіе Лондонскаго Азіатскаго Общества, находящееся въ этомъ городѣ. По поводу своего посѣщенія, авторъ говоритъ: «Президентъ общества, сэръ-Джонъ Боурингъ, бывшій недавно въ Россіи, выразилъ нѣкогда мнѣніе, будто «россійское правительство такъ завидливо, что никогда не было примѣра, чтобы посланъ былъ въ пекинскую миссію хоть одинъ человекъ, который бы могъ объясняться на другомъ языкѣ, кромѣ своего роднаго русскаго, и это именно съ тою цѣлю, чтобы предотвратить возможность сообщенія въ Европу свѣдѣній, приобрѣтенныхъ въ Пекинѣ». Теперь одинъ изъ членовъ Общества, г. Шортредъ, предложилъ исправить это мнѣніе и указалъ на меня, какъ бывшаго въ миссіи и могущаго дать положительныя свѣдѣнія. Я отвѣчалъ, что россійское правительство никогда не имѣло въ виду подобной мысли; оно, напротивъ, само даже старается распространять свѣдѣнія, полученныя изъ Пекина; что прежде выбирались въ миссію большею частію студенты семинарій, гдѣ хотя преподавались и другіе языки, но господствующимъ былъ латинскій; въ послѣднее же время стали посылать туда изъ духовныхъ академій и университетовъ—высшихъ учебныхъ заведеній, гдѣ каждый приобрѣтаетъ основательное знаніе нѣсколькихъ европейскихъ языковъ. Что же касается до мнѣнія г. президента, то очень возможно, что вскорѣ по возвращеніи изъ Пекина, видѣнные имъ члены

миссии не въ состояніи были свободно объясняться на европейскіхъ языкахъ, просто потому, что не имѣли практики въ теченіи десяти лѣтъ, хотя каждый изъ нихъ читаетъ и вѣроятно даже пишетъ на какомъ-нибудь изъ европейскихъ языковъ. Сэръ-Джонъ Боурингъ выразился, что «со времени посѣщенія имъ Россіи, безъ сомнѣнія многое измѣнилось въ ней».

Н. Поповъ.

Руководство къ лѣсоводству, составленное подполковникомъ Арнольдомъ. Изданіе второе, С.—Петербургъ, 1856, въ типографіи Третьякова.

Курсъ дрововодства Дю-Брейля, переводъ съ французскаго, 2 тома, Спб. 1852, издан. учен. комит. министерства государственныхъ имуществъ.

Путешествіе Александра фонъ-Гумбольдта по Россіи, составленное господиномъ Клетке (A. von Humboldt's Reisen im Europäischn und Asiatischen Russland. 2 Bde. Berlin 1856).

Все, что касается сельскаго хозяйства, безъ сомнѣнія должно близко лежать къ сердцу Русскаго, а-потому думаемъ, что въ книгахъ Арнольда и Дю-Брейля будутъ искать себѣ совѣтовъ и наученія не только владѣльцы или управляющіе лѣсами, но также и жители степной полосы государства. Послѣдніе можетъ-быть еще скорѣе первыхъ обратятся къ названнымъ книгамъ, потому что ихъ понуждаетъ къ этому недостатокъ дровъ, строительнаго и подѣлочнаго матеріала. Для жителей лѣсной части Россіи нужно особенно руководство къ *правильному пользованію* лѣсами, для степныхъ же жителей къ *лѣсоразведенію*. Книги гг. Арнольда и Дю-Брейля выполняютъ оба эти требованія: первая содержитъ весьма хорошее и полное руководство къ лѣсному хозяйству, то-есть изложеніе правильной рубки лѣсовъ, ихъ таксаци, устройства и управленія. Остальная часть сочиненія г. Арнольда весьма коротка и слаба. Книга Дю-Брейля, напротивъ того, заключаетъ въ себѣ не только правила пользованія лѣсами, изложенныя съ меньшею полнотою, нежели у Арнольда, но главнѣйше способы разведенія и ухода какъ за лѣсными, такъ и за садовыми деревьями. Господинъ Арнольдъ, какъ видно, писалъ болѣе всего для лѣсничихъ, и частію для владѣльцевъ лѣсныхъ губерній; онъ не описываетъ даже древесныхъ породъ нашихъ и только перечисляетъ въ своемъ введеніи главнѣйшія изъ нихъ, съ краткими замѣчаніями!

Для лѣсныхъ жителей, вовсе не нуждающихся въ искусственномъ разведеніи лѣсовъ, статья г. Арнольда объ этомъ предметѣ вовсе не нужна. Для жителей же безлѣсныхъ частей государства, статья эта

черезъ—чуръ коротка и совершенно не пригодна. И точно : какъ разводить какое—либо растеніе, не узнавъ по крайней мѣрѣ какъ его зовутъ и что ему нужно? А г. Арнольдъ не выказываетъ на то даже и претензій. Статья о сохраненіи лѣсовъ у почтеннаго подполковника тоже весьма слаба ; мы замѣтили въ ней даже нѣкоторыя наивности, такъ напримѣръ, говоря о предупрежденіи пожаровъ, онъ совѣтуетъ не дозволить разведенія огня въ лѣсахъ, а если ужъ безъ этого обойтись невозможно, то увѣщаетъ тушить *водою* или *землею* (стр. 64).

Говоря объ истребленіи вредныхъ животныхъ, г. Арнольдъ называетъ только нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ насѣкомыхъ, сюда относящихся и притомъ называетъ варварскими именами, какъ напримѣръ: *восьми-зубчатый еловый короѣдъ*, чѣмъ и ограничивается (стр. 68). Такъ какъ, несмотря на латинское названіе, тутъ же приложенное, весьма немногіе отгадаютъ, что за звѣрь восьми-зубчатый еловый короѣдъ, или напримѣръ свиноголовка, то полагаемъ, что и эта статья въ книгѣ г. Арнольда совершенно излишняя, тѣмъ болѣе, что, по совѣту его, истреблять этихъ насѣкомыхъ можно, между прочимъ собирая и просто умерщвляя ихъ (стр. 69). Итакъ, намъ кзжется, что «Руководство къ лѣсоводству» вѣрнѣе могло бы назваться *руководствомъ къ правильному пользованію лѣсами*. Въ этомъ—то отношеніи книга, о которой идетъ рѣчь, вѣроятно и заслужила втораго изданія, а также и потому, что служила учебникомъ. Г. Арнольдъ не обратилъ вниманія на то, что въ Европейской Россіи несравненно болѣе безлѣсныхъ, нежели лѣсныхъ губерній, и что потребность искусственнаго лѣсоразведенія съ каждымъ годомъ у насъ возрастаетъ. Замѣтимъ притомъ, что искусственное разведеніе лѣсовъ само по себѣ сложнѣе устройства и управленія уже существующихъ лѣсовъ. Впрочемъ, на это могутъ намъ справедливо возразить, что авторъ воленъ въ своемъ предметѣ, и мы все—таки должны быть весьма благодарны за ясное и полное изложеніе правилъ пользованія лѣсами, составленное г. Арнольдомъ.

Сочиненіе Дю—Брейля, хотя и написано Французомъ, какъ нельзя болѣе удовлетворяетъ потребностямъ русскихъ хозяевъ вообще. Это сочиненіе содержитъ подробное описаніе и рисунки всѣхъ хорошихъ лѣсныхъ и плодовыхъ деревьевъ, съ означеніемъ образа ихъ жизни, пользы изъ нихъ извлекаемой и свойственной каждому изъ нихъ обработки. Особенно подробно у Дю—Брейля описаніе садовыхъ деревьевъ. Нечего пѣнять на описаніе нѣжныхъ плодовыхъ деревьевъ, какъ бы не подходящихъ къ нашему суровому климату: у насъ есть Кавказское намѣстничество и Астраханская губернія съ Новороссійскимъ краемъ и Крымомъ, далеко превосходящіе обширностію Францію и весьма близкіе съ нею по климату. Съ этой точки зрѣнія каждая статья въ книгѣ Дю—Брейля найдетъ свое примѣненіе въ Россіи, кромѣ, впрочемъ, ботанической части, отъ которой, по на—

шему мнѣнію, нужно совершенно отступиться. Дю-Брейль оказывается въ ней отставшимъ отъ науки по крайней мѣрѣ на 50 лѣтъ.

Онъ до сихъ поръ полагаетъ, что *нѣкоторые физиологи* сомнѣваются въ дѣйствительномъ существованіи оплодотворенія растеній, и въ доказательство тому разказываетъ много забавныхъ, но старыхъ анекдотовъ. Самая форма оплодотворенія растеній, занимающая въ послѣдніе 25 лѣтъ первѣйшихъ ученыхъ, ему вовсе неизвѣстна, и все въ этомъ родѣ. Къ нашему успокоенію въ настоящемъ служитъ то, что ботаника еще не достигла той степени совершенства, при которой наука приноситъ практическую пользу, а потому Дю-Брейль, будучи плохимъ ботаникомъ, все-таки остается ученымъ и практически образованнымъ древоводомъ.

Обращаемся теперь къ *Путешествію* Александра фонъ-Гумбольдта.

Прежде всего спѣшимъ предупредить читателей, что это сочиненіе г. Клетке, а не Гумбольдта; въ обоихъ томахъ нѣтъ ни одной страницы Гумбольдтова пера, за исключеніемъ тѣхъ, которыя Клетке выбралъ изъ прежнихъ сочиненій знаменитаго путешественника.

Повидимому сочинитель имѣлъ въ рукахъ дневникъ путешествія Александра Гумбольдта, который послужилъ канвою для его книги, составленной съ помощію уже изданныхъ сочиненій самого Гумбольдта (и въ особенности его *Asie Centrale*); также какъ твореній Густава Розе, Эренберга, Ганстена, Оммеръ-де-Геля; даже Палласа, русскихъ журналовъ и проч. Можно сказать, что эта книга не есть путешествіе Гумбольдта, а скорѣе описаніе тѣхъ мѣстъ въ Россіи, гдѣ былъ Александръ Гумбольдтъ. Такъ какъ онъ остановившаясь больше всего на Уралѣ, въ Алтаѣ и въ Астраханскихъ степяхъ, то эти части Россіи и описаны несравненно подробнѣе остальныхъ. Всего обстоятельнѣе описаны минеральныя богатства и заводы Уральскихъ и Алтайскихъ горъ.

Гумбольдтъ совершилъ свое путешествіе въ восемь съ половиною мѣсяцевъ. Выѣхавъ изъ Берлина 12 апрѣля 1829 года, онъ возвратился 28 декабря того же года. Путь его лежалъ изъ Берлина чрезъ Кёнигсбергъ и Ревель въ С.-Петербургъ. Отсюда путешественники двинулись на Москву, Нижній, Казань и Екатеринбургъ, смотрѣли уральскіе заводы, переѣхали до Тобольска, оттуда осмотрѣли Алтайскій край и пустились въ обратный путь чрезъ Омскъ, южный Уралъ, на Саратовъ; оттуда въ Астрахань, гдѣ пробыли нѣкоторое время, и за тѣмъ предприняли окончательное обратное путешествіе чрезъ Воронежъ и Тулу въ Москву, С.-Петербургъ и наконецъ въ Берлинъ. Свѣдѣнія, сообщенныя г-мъ Клетке о Россіи, подробны и вѣрны, но устарѣли. Русскому нечего искать поученія въ этой книгѣ, весьма впрочемъ пригодной для Нѣмца и вообще для иностранцевъ. Интереснѣе другихъ показались намъ въ сочиненіи Клетке тѣ мѣста,

гдѣ говорится о личности самого Гумбольдта, и о томъ уваженіи, которое повсюду сопровождало величайшаго ученаго нашего вѣка.

Между прочимъ, намъ было особенно пріятно прочесть въ книгѣ г. Клетке эпизодъ встрѣчи Гумбольдта въ Астрахани. Путешественники вышли на астраханскій берегъ съ парохода, который былъ высланъ генералъ-губернаторомъ, въ половинѣ октября, нарочно для перевоза ихъ чрезъ Волгу. Вскорѣ по прибытіи ихъ, въ одно утро, къ знаменитому путешественнику явились представители всего астраханскаго народонаселенія. Сначала показался градской глава, въ сопровожденіи главныхъ купцовъ; онъ держалъ въ рукахъ большое блюдо, наполненное виноградомъ, яблоками, сливами и грушами; тутъ же поднесены Гумбольдту хлѣбъ и соль. За тѣмъ слѣдовало дворянство, офицеры гарнизона, представители Армянъ, Татаръ, Индусовъ, Персіянъ, Бухарцевъ и Туркменцевъ. Разнообразіе лицъ и костюмовъ, не мало поразило путешественниковъ, и радостны должны были быть чувства того, кто заслужилъ столь радушный и почетный приемъ въ такомъ отдаленномъ уголкѣ земли, и заслужилъ однимъ только мирнымъ служеніемъ наукъ и человечеству!

Черезъ нѣсколько недѣль по отъѣздѣ Гумбольдта изъ Астрахани, Ганстенъ, бывшій въ то время при немъ, но не послѣдовавшій за нимъ въ Берлинъ, получилъ слѣдующее велерѣчивое сочиненіе для передачи Гумбольдту, отъ имени Мирзы-Абдаллы, бывшаго шахскаго визиря, но тогда занимавшаго скромную должность учителя гимназіи:

«Достопочтеннѣйшій ага, источникъ благороднѣйшихъ качествъ и всякихъ совершенствъ, сокровищница драгоцѣнныхъ перловъ мудрости и учености! Хотя нижайшій рабъ вашъ не въ силахъ выразить словами всей радости и ликования сердець нашихъ, когда на горизонтѣ Астрахани увидѣли мы восходящее свѣтило вашего всеосвѣщающаго присутствія, отъ котораго исходить всякое добро и благолѣпіе; но воспоминаніе о счастіи, которое милостивая судьба доставила намъ нынѣ, дозволяя какъ пылинкамъ въ лучѣ солнечномъ вращаться въ сіяющей близости одного изъ ученѣйшихъ мужей сего міра, новаго Платона нашего времени — и наслаждаться честію лично видѣть лучезарное лицо вашего превосходительства — это воспоминаніе, досточтеннѣйшій ага, никогда не потухнетъ и не сотрется со стѣнъ сердца вашего нижайшаго слуги.»

А. Бекетовъ.

АРХЕОЛОГИЯ И НОВѢЙШЕЕ ИСКУССТВО.

Великолѣпное изданіе средневѣковыхъ памятниковъ искусства Австрійской имперіи.—Когда знаменитый французскій архіепископъ и проповѣдникъ, воспитатель внуковъ Лудовика XIV, Фенелонъ, былъ принятъ въ члены Французской Академіи, онъ произнесъ вступительную рѣчь, въ которой порицалъ, въ весьма строгихъ выраженіяхъ, средневѣковую архитектуру и въ особенности

одинъ изъ лучшихъ перловъ этого искусства—знаменитый соборъ въ Шартрѣ. Другой славный французскій проповѣдникъ, Флѣри, въ свою очередь сказалъ о ней, что это — архитектура «въ самомъ дѣлѣ странно-причудливая и недостойная никакого особаго уваженія». Судя по дальнѣйшимъ словамъ его, можно вывести заключеніе, что тѣ изъ его современниковъ, которые считали себя одаренными тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, не вступали ногою въ готическіе храмы. Такія сужденія лучшихъ умовъ XVII-го вѣка не должны нисколько насъ удивлять: со времени такъ-называемаго возрожденія наукъ и искусствъ въ XVI столѣтіи, когда любовь къ классической древности и ея произведеніямъ была перенесена изъ Италіи во Францію, Германію и остальную Европу, созданія искусства всего періода среднихъ вѣковъ отъ IV-го до XV-го вѣка—считались произведеніями грубыми и варварскими. Атеистическое невѣжество безмысленной толпы, господствовавшей во время французской революціи, истребило безчисленное число драгоценныхъ средневѣковыхъ произведеній. Почти не менѣе губительно было для нихъ господство ложно-классическаго вкуса, владычествовавшего въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Еще за нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ глубочайшихъ знатоковъ древности, считавшій себя оракуломъ въ дѣлѣ архитектуры, Катрмеръ-де-Кенси, называлъ средневѣковую архитектуру «нестройною смѣсью, составленною изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, собранныхъ воедино невѣжественною и безпорядочною фантазіею». Объ историческомъ развитіи художественныхъ формъ тогда еще не имѣли никакого понятія; не предчувствовали, что въ основаніи средневѣковыхъ художественныхъ произведеній лежатъ такіе же строгіе эстетическіе законы, какъ и въ классическомъ искусствѣ. Когда, въ началѣ нынѣшняго вѣка, противъ господства ложно-классическаго вкуса не только въ искусствѣ, но и въ литературѣ, произошла благотворная реакція, то лучшіе ученые нашего времени начали описывать, объяснять, классифицировать хронологически не только произведенія архитектуры, скульптуры и живописи, но даже и ремеслъ среднихъ вѣковъ. На ряду съ классическими музеями возникли вездѣ собранія произведеній средневѣковыхъ искусствъ. Ученые обратили вниманіе просвѣщенныхъ правительствъ на необходимость возстановить приходившіе въ ветхость памятники и строго запретить ихъ произвольное разрушеніе. Вездѣ назначены были съ этою цѣлью коммиссіи и хранители средневѣковыхъ древностей. Учреждены были ученые конгрессы для археологическихъ обществъ, возникшихъ вездѣ во множествѣ. Мѣстный патріотизмъ нашелъ въ объясненіи важности своихъ мѣстныхъ памятниковъ обильный матеріалъ для своихъ изысканій; новые журналы, органы средневѣковаго искусства, начали знакомить съ открытіями и результатами науки образованную публику. Нельзя не радоваться этой блистательной зарѣ науки о средневѣко-

вомъ искусствѣ, этимъ великолѣпнымъ изданіемъ, обнимающимъ всю область ея, начиная отъ фресокъ въ мрачныхъ катакомбахъ Рима, до монографій соборовъ Шартрскаго, Нойонскаго и церкви въ Бру. Не должно однако думать, чтобы изученіе среднихъ вѣковъ оставалось совершенно забытымъ въ ту грустную эпоху, о которой мы говорили выше. Напротивъ, неутомимые бенедиктинскіе монахи, оставившіе намъ огромныя сочиненія съ гравюрами, прочли и истолковали всѣ хартии и законы среднихъ вѣковъ, объяснили ихъ палеографію, обычаи, гербы и монеты. Только въ одномъ дѣлѣ оказался въ ихъ знаніи огромный пробѣлъ: памятники архитектуры, скульптуры и живописи, которыхъ формы говорятъ для насъ живымъ языкомъ, остались для нихъ инымы. Для нихъ камень былъ камнемъ, а не выраженіемъ идеи. Монеты и Мабильоны путешествовали, но взоры ихъ не были поражены разнообразіемъ языка формъ. Изданныя ими гравюры, въ которыхъ произведенія XIII столѣтія приписаны временамъ Меровинговъ, грубо и невѣрно передаютъ извѣстные намъ предметы. Неточность всѣхъ рисунковъ, изданныхъ отъ XVI до конца XVIII вѣка, есть потеря, невознаграждаемая для археологіи, потому что въ эти времена, вслѣдствіе причинъ, названныхъ выше (къ которымъ можно присоединить еще религиозный фанатизмъ протестантовъ), существовало въ десятеро болѣе памятниковъ средневѣковаго искусства, чѣмъ въ наши дни. Умѣнье передавать характеристически въ рисунокъ художественный стиль памятника есть исключительное наше пріобрѣтеніе. Живописецъ Каррей, срисовывавшій въ XVII столѣтіи статуи Паренона, умѣлъ же придать произведеніямъ школы Фидіаса—фламандскій характеръ!

Германія, одна изъ первыхъ посвятившая себя изученію среднихъ вѣковъ, начала это изученіе подробнымъ описаніемъ памятниковъ средневѣковаго искусства. Нынѣ предметъ этотъ имѣетъ весьма обширную литературу. Не только отдѣльнымъ соборамъ или церквамъ, но цѣлымъ городамъ, мѣстностямъ и провинціямъ посвящены монографіи, украшенныя отчетливыми, а иногда и превосходными изображеніями. Такъ одинъ изъ основателей средневѣковой археологіи въ Германіи, Сульпицъ Буассере, описалъ въ великолѣпномъ изданіи знаменитый Кѣльнскій соборъ — лучшее произведеніе готической архитектуры въ Германіи; другіе ученые описали памятники цѣлыхъ провинцій, напримѣръ Куглеръ — Померанію, Любке — Вестфалію, Путтрихъ — Саксонію, Гейделовъ — Швабію и т. д. Тѣмъ же не менѣе, на этомъ пространномъ полѣ еще много необработанныхъ полосъ. Памятники обширной Австрійской монархіи оставались до этого времени неизслѣдованными съ новѣйшей точки зрѣнія науки: нынѣ принятое великолѣпное изданіе подъ заглавіемъ: «Mittelalterliche Baudenkmale des Oesterreichischen Kaiserstaates, herausgegeben von Dr. Gustav Heider, Prof. Rud. v. Eitelberger u. Architekten J. Hieser

(Stuttgart, Ebner und Seubert), и посвященное нынѣшнему императору австрійскому, имѣетъ цѣлью пополнить весьма важный пробѣлъ въ средневѣковой археологіи. Не только въ политическомъ, но и въ археологическомъ мірѣ, Австрійская имперія занимаетъ весьма многозначительное мѣсто: это центральная область, въ которой сталкиваются различныя цивилизаціи и народности, западная и восточная, Нѣмцы и Славяне, Мадыяры и Итальянцы. Само собою разумѣется, что эти разнородные элементы во многихъ мѣстахъ высказываются съ рѣзкою «физиогноміею, въ другихъ — формы принимаютъ переходный характеръ. Изученіе памятниковъ, созданныхъ тѣми различными народами въ разныя эпохи, не только любопытно, но и поучительно: оно познакомитъ насъ съ великими народными движеніями, тутъ бывшими въ отдаленныя времена, и прольетъ новый свѣтъ на исторію просвѣщенія въ мало изслѣдованныхъ и отдаленныхъ провинціяхъ Австрійской имперіи. Мы познакомимся съ богатою художественною исторіею собственной Австріи, Богеміи и Моравіи, Венгріи, Штирии, Тироля, Истріи и побережьевъ Адриатическаго моря. Издатели необыкновенно совѣстливо исполняютъ начатое предпріятіе: историки, спеціально знакомые съ мѣстною исторіею своей провинціи, пишутъ историческія введенія; археологамъ и архитекторамъ поручена художественная часть изданія. Вышедшіе до нынѣ три выпуска отвѣчаютъ самымъ строгимъ требованіямъ науки, и нельзя не указать на гравюры и полиטיפажи, украшающіе это изданіе, какъ на образцы для подобнаго рода предпріятій.

Художественные журналы и газеты, нынѣ выходящія въ Германіи, Франціи и Англии. — При подобной, вездѣ въ западной Европѣ распространенной любви къ искусству и наукѣ о немъ, любопытно бросить взглядъ на лучшія періодическія изданія, посвященныя этому предмету и въ значительномъ числѣ выходящія въ названныхъ странахъ. Самое число и разнообразіе ихъ доказываютъ, что они появляются въ свѣтъ вслѣдствіе того, что составляютъ одну изъ ежедневныхъ умственныхъ потребностей, которыя ищутъ точно также ежедневнаго удовлетворенія, какъ и прочія жизненныя потребности. Начнемъ съ Германіи. Классическому искусству и археологіи посвящена «die Archäologische Zeitung», которую съ 1843 г. издаетъ въ Берлинѣ извѣстный ученый, профессоръ и одинъ изъ директоровъ Археологическаго института въ Римѣ, Гергардъ. Направленіе этой газеты чисто-ученое. Средневѣковому искусству посвящены два журнала. «Zeitschrift für christliche Archäologie und Kunst», издается съ 1856 г. Отте, авторомъ весьма уважаемаго «Учебника средневѣковаго искусства въ Германіи» и фонъ-Квастомъ, консерваторомъ памятниковъ въ Прусскомъ королевствѣ и авторомъ превосходнаго сочиненія о древне-христіанскихъ памятникахъ города Равенны. Этотъ журналъ, выходящій тетрадами, — такое же образцовое изданіе, какъ

и предыдущий. Хотя издателя и сотрудники его протестанты, но они питаютъ къ католическимъ среднимъ вѣкамъ сознательную и нелицемерную любовь. Особенно превосходны архитектурныя статьи новаго журнала; не менѣе любопытны изслѣдованія Ваагена о византийской живописи и Пассавана о памятникахъ родственныхъ намъ славянскихъ земель, Моравии и Богемии. Многочисленные рисунки; украшающіе каждую тетрадь, превосходно исполнены на стали. Другая газета: «Organ für christliche Kunst», издаваемая съ 1851 г. въ Кельнѣ живописцемъ Бодри, смотритъ на искусство съ ультракатолической точки зрѣнія. Она признаетъ идеаломъ искусства для всѣхъ будущихъ временъ созданія среднихъ вѣковъ, и кромѣ ихъ формъ не допускаетъ дальнѣйшаго развитія въ искусствѣ. Искусству вообще, художественнымъ ремесламъ и интересамъ художественныхъ обществъ посвящена еженедѣльная газета: «Deutsches Kunstblatt», издаваемая съ 1850 г. въ Берлинѣ докторомъ Эггерсомъ. Въ ней принимаютъ дѣятельное участіе лучшіе археологи Германіи: Ферстеръ, Пассаванъ, Ваагенъ, Куглеръ. Почти исключительно занята корреспонденціею объ искусствѣ и художникахъ нашихъ дней газета: «Die Dioskuren», съ прошлаго года издаваемая въ Берлинѣ докторомъ Шаслеромъ. Кромѣ того, въ Берлинѣ и Вѣнѣ выходятъ два архитектурные журнала, изъ которыхъ берлинскій содержитъ много превосходныхъ статей ученаго содержанія. Замѣчательнѣйшіе художественные журналы, выходящіе во Франціи, суть: «Bulletin archéologique», издававшійся ежемѣсячно съ 1855 г. при газетѣ «l'Atheneum français». Нынѣ, по прекращеніи Атенеума (который какъ извѣстно слился съ Revue Contemporaine), онъ издается отдѣльно подъ редакціею одного изъ консерваторовъ Луврскаго Музея въ Парижѣ, извѣстнаго ученаго Лопперрье. Онъ преслѣдуетъ то же самое направленіе, какъ и газета Гергарда, хотя даетъ болѣе мѣста искусству древне-восточныхъ народовъ. Къ послѣднему относятся превосходныя изслѣдованія Мариетта объ открытомъ имъ храмѣ Сераписа близъ Мемфиса въ Египтѣ. Исключительно средневѣковому искусству посвящены: «Annales archéologiques», издаваемая съ 1844 года однимъ изъ ученѣйшихъ людей Франціи, Дидрономъ. Воззрѣніе этого журнала чисто-католическое: Дидронъ не только безусловный поклонникъ средневѣковаго искусства, но и исключительно искусства XIII столѣтія во Франціи. Онъ ненавидитъ искусство временъ возрожденія. Въ превосходныхъ и ученыхъ статьяхъ его журнала часто господствуетъ чрезвычайно рѣзкій полемическій тонъ, одностороннее направленіе и духъ партіи; тѣмъ не менѣе энергическій издатель оказалъ много услугъ сохраненію памятниковъ и распространенію любви къ средневѣковому искусству во Франціи. «Revue archéologique» началъ въ 1844 г. издавать знаменитый Летроннъ; вскорѣ послѣ смерти его этотъ ежемѣсячный журналъ оставилъ клас-

сическое искусство и посвятилъ себя преимущественно среднѣ-ковому. Онъ имѣетъ много отличныхъ сотрудниковъ и достоинъ похвалы за безпристрастіе, приличное ученымъ разысканіямъ. «Revue universelle des Arts», ежемѣсячное обозрѣніе, издаваемое съ 1855 г. подъ именемъ Библюѳила Жакоба разными бельгійскими учеными, содержитъ хорошія статьи о древне-фламандскомъ искусствѣ. Критика новѣйшихъ произведеній очень не зрѣла.—Журналъ «l'Artiste», уже съ издавна выходящій въ Парижѣ и часто мѣняющій свою редакцію, больше замѣчательнъ хорошенкими гравюрами и литографіями съ новѣйшихъ произведеній французскихъ художниковъ. Литературная часть его почти ничтожна съ научной точки зрѣнія.—Изъ англійскихъ журналовъ намъ извѣстенъ только одинъ «Art-Journal» тоже замѣчательный болѣе своими гравюрами на стали, нежели статьями, имѣющими какой-то практической и специально-англійскій характеръ. О чисто-мѣстныхъ, небольшихъ журналахъ по этому предмету мы умалчиваемъ.

К. ГЕРЦЪ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

По окончаніи восточной войны, дѣла европейскія, какъ извѣстно, нѣсколько времени не могли прійти въ прежнее нормальное положеніе. По минованіи грозы, въ политическомъ мѣрѣ не вдругъ наступаетъ ясная погода. Уже послѣ заключенія парижскаго мира, мы были свидѣтелями дипломатической борьбы за пограничную черту между Бессарабією и Молдавією и за вопросъ о соединеніи Дунайскихъ княжествъ; Греція, долгое время занятая англо-французскими войсками, была предметомъ другаго вопроса, который только въ последнее время разрѣшенъ отозваніемъ этихъ войскъ въ Англію и во Францію; Италия, волнуемая затаеннымъ и глубокимъ неудовольствіемъ, возбудила вниманіе кабинетовъ и дипломатическое изъ посредничество. Наконецъ, почти одновременно съ этими вопросами, былъ поднятъ вопросъ нешательскій.

Нашимъ читателямъ извѣстно, какъ разрѣшились спорные пункты по исполненію парижскаго трактата; но одинъ изъ нихъ, быть-можетъ самый трудный, остается въ полной силѣ: мы разумѣемъ вопросъ о соединеніи Дунайскихъ княжествъ. Къ этому вопросу, столь тѣсно связанному съ судьбами Востока, обращены теперь уся-

дія дипломатіи. Извѣстно, что парижскій трактатъ подтвердилъ всѣ права и привилегіи, которыми пользовались Дунайскія княжества: они должны сохранить свою армію, независимое управленіе при верховныхъ правахъ Порты; въ то же время положено подвергнуть пересмотру органическіе статуты обѣихъ провинцій. Назначена была коммиссія, которой поручено изучить дѣйствительное положеніе дѣлъ въ княжествахъ и приготовить, отъ имени Европы, проектъ новаго устройства. Въ Молдавіи и Валахіи положено созвать диваны, чтобы народонаселеніе, черезъ посредство ихъ, могло свободно выразить свои желанія и нужды. Еще прошлымъ лѣтомъ Порты, желая ускорить исполненіе трактата, спѣшила составить фирманъ о созваніи дивановъ и разослать циркуляры, въ которыхъ заранѣе отвергала мысли о соединеніи княжествъ. Порты забыла, что отнынѣ не ей одной принадлежитъ разрѣшеніе этого вопроса, что оно перешло къ Европѣ, и что существуетъ нарочно для того назначенная коммиссія. Эти попытки Порты возбудили сильное неудовольствіе, подъ тяжестію котораго пало министерство Али-паши, тогдашняго великаго визиря. Результатомъ его паденія были новыя распоряженія, установленныя на международныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ Константинополѣ.

Въ настоящее время можно сравнить оба фирмана: прежній и новый. Существенное различіе между ними заключается въ слѣдующихъ пунктахъ. Впервыхъ, въ прежнемъ фирманѣ, предоставлявшемъ митрополиту и епископамъ право засѣдать въ диванѣ, а администраторамъ церковныхъ имѣній, какъ и простымъ священникамъ, право избрать троихъ представителей, было упущено изъ виду, что въ Молдавіи и Валахіи два рода монастырей: одни зависятъ отъ греческихъ патріарховъ константинопольскаго и іерусалимскаго, или отъ святой Аѳонской горы, другіе принадлежатъ духовенству Молдавіи и Валахіи. Послѣдніе платятъ подать, часть своихъ доходовъ, а первые свободны отъ податей. Диванамъ предоставлено рѣшеніе вопроса о томъ, слѣдуетъ ли взимать подать съ этихъ монастырей, и потому послѣдніе должны имѣть своихъ представителей. Въ новомъ фирманѣ восстановлено различіе между упомянутыми двумя классами монастырей. Другое затрудненіе представилось относительно депутатовъ отъ простыхъ священниковъ. — Предстояло выбрать одно изъ двухъ: или предоставить епископамъ назначеніе депутатовъ низшаго духовенства, или устроить правильные выборы; новый фирманъ предпочелъ однако средній нуть, постановивъ, что наиболѣе способные священники, живущіе въ епархіальныхъ городахъ, изберутъ по одному депутату на епархію. Такимъ образомъ, въ Валахіи духовенство будетъ имѣть представителей въ лицѣ одного митрополита, троихъ епископовъ, четверыхъ депутатовъ отъ монастырей обоеихъ классовъ, и четверыхъ депутатовъ отъ низшаго духовенства. Молдавское духо-

венство будетъ имѣть не болѣе десяти депутатовъ, ибо въ Молдавіи только три епархіи.

Способъ избранія бояровъ представлялъ еще болѣе задрудней. Прежній фирманъ далъ исключительное положеніе боярамъ перваго разряда. Турція, въ этомъ случаѣ, дѣйствовала подъ влияніемъ преданій, которому, по видимому, подвергся и англійскій посланникъ въ Константинополь, лордъ Стратфордъ Редклифъ, полагая, что высшій разрядъ бояровъ, составля особый комитетъ въ диванѣ, будетъ тѣмъ-то въ родѣ верхней палаты. Но классъ бояровъ въ княжествахъ вовсе не имѣетъ характера настоящей аристократіи; званіе это не передается наследственно, оно пожизненное. Сыновья, разумѣется, могутъ достигнуть того общественнаго положенія, которымъ пользовались отцы ихъ, но не по наследственному праву. Къ тому же, если допустить представительство для бояровъ перваго класса, то невозможно отказать въ немъ боярамъ низшихъ разрядовъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе участвуютъ въ назначеніи господарей. Ясно, что бояры перваго класса не могли быть признаны исключительными представителями желаній и нуждъ народонаселенія; но не составля важной и серьезной аристократіи, они самые значительные землевладѣльцы, и потому имѣютъ неоспоримое право на извѣстную степень представительства въ диванахъ. Этими соображеніями руководствовались въ Константинополь при составленіи новаго фирмана, допускающаго представительство бояръ безъ различія классовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшенъ такъ-называемый избирательный ценсъ. По прежнему фирману, надо было имѣть пятьсотъ мѣстныхъ десятинъ земли, чтобы быть избирателемъ; новый фирманъ уменьшилъ это число до ста десятинъ. Избранъ (можетъ быть лишь тотъ, кто имѣетъ не менѣе трехъ сотъ десятинъ обработанной земли. Великій визирь Решид-паша и министръ иностранныхъ дѣлъ Этемъ-паша сначала не рѣшались одобрить эти измѣненія, но подъ конецъ согласились съ представителями европейскихъ державъ; лордъ Редклифъ обратился къ тому же мнѣнію.

Другія постановленія прежняго фирмана относительно представительства простыхъ землевладѣльцевъ, городовъ и крестьянъ, подверглись подобнымъ же измѣненіямъ, въ пользу которыхъ употребилъ все свое влияніе французскій посланникъ въ Константинополь, г. Тувенель.

Оставался еще самый важный пунктъ — вопросъ о соединеніи княжествъ. Въ прежнемъ своемъ фирманѣ, Порты запрещала диванамъ разсуждать объ этомъ вопросѣ. Турецкому комиссару въ Бухарестѣ предписано было наблюдать за исполненіемъ этого приказанія и предоставлена роль посредника между княжествами и европейскою международною комиссіей, тогда какъ парижскій трактатъ не присвоиваетъ ему такой исключительной роли. Въ новомъ фирманѣ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, многіе увидѣли *косвенный* намекъ противъ соеди-

ленія княжествъ; тѣмъ не менѣ въ текстѣ фирмана уже нѣтъ прямого запрещенія разсуждать объ этомъ вопросѣ, и по настоятельному требованію Франціи, рѣшеніе предоставлено диванамъ. Во время международныхъ совѣщаній о фирманѣ, происходившихъ въ Константинополѣ, Решидъ-паша ограничился замѣчаніемъ, что предоставляетъ себѣ со временемъ формально высказать мнѣніе Порты на конгрессѣ, который долженъ собраться для окончательнаго рѣшенія вопроса о княжествахъ. Извѣстно, что Франція открыто и гласно зъявила свое мнѣніе въ пользу соединенія; нынѣ утверждаютъ, что и Англія готова переменить свою политику относительно этого вопроса. Если это извѣстіе справедливо, то Австрія и Турція останутся единственными противниками соединенія Дунайскихъ княжествъ въ одно государство, вассальное, но не подчиненное Турціи.

Считаемъ не лишнимъ напомнить въ заключеніе о намѣреніяхъ парижскаго конгресса относительно княжествъ, намѣреніяхъ, которыя торжественно выражены въ трактатѣ 30-го марта. 23-я статья этого трактата требуетъ, чтобы европейская международная коммиссія, по серіозномъ изученіи нуждъ и интересовъ Княжествъ, предложила основанія, на которыхъ они должны быть преобразованы; въ силу 24-й статьи, коммиссія должна преимущественно руководствоваться желаніями, выраженными народонаселеніемъ черезъ посредство дивановъ; наконецъ, согласно съ статьею 25-ю, результаты трудовъ коммиссіи, основанные на желаніяхъ народонаселенія, должны быть разсмотрѣны на парижскихъ конференціяхъ и войти въ составъ окончательной конвенціи, утвержденной Турціею. Слѣдовательно, конгрессъ имѣлъ въ виду предоставить рѣшеніе вопроса о соединеніи Княжествъ самому народонаселенію, то-есть его представителямъ въ диванахъ, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что рѣшеніе ихъ должно быть признано и Портою.

Обратимся къ итальянскому вопросу. Наши читатели, конечно, обратили вниманіе на двѣ дипломатическія ноты, которыми обмѣнялись правительства австрійское и піемонтское въ прошломъ февралѣ.

Какъ бы сильны и рѣзки ни были жалобы Австріи и отвѣтъ Сардиніи, миръ едва ли можетъ быть нарушенъ между этими двумя государствами. Австрія, которая можетъ по желанію остановиться или идти далѣе въ этомъ дѣлѣ, и одна въ состояніи нарушить миръ, быть можетъ болѣе Піемонта желаетъ сохраненія мира, ради собственныхъ интересовъ. Она знаетъ, что Европа, которая и въ послѣднюю итальянскую войну не допустила бы чрезмѣрно ослабить Піемонтъ, въ настоящее время меньше чѣмъ когда-нибудь расположена допустить его ослабленіе. Въ случаѣ войны съ Піемонтомъ, Австріи трудно было бы найти поддержку со стороны хотя одной изъ европейскихъ державъ. Въ послѣднее время политика ея, по исполненію парижскаго трактата и по нешательскому вопросу (Австрія противилась пропуску прусскихъ войскъ черезъ южную Германію, и требовала, чтобы

вопросъ объ этомъ былъ перенесенъ на разсмотрѣніе Германскаго Сейма). возбудила неудовольствіе Пруссіи; Франція ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть на сторонѣ Австріи при войнѣ между послѣднею и Пиемонтомъ: ея историческія преданія и политическіе интересы настоятельно требуютъ сохраненія независимости и неприкосновенности Сардинскаго королевства; остается Англія, сближаясь съ Австріею въ то время, когда возникли затрудненія по исполненію парижскаго трактата; но это сближеніе, временное и случайное, далеко не такъ прочно, какъ союзъ Англіи съ Пиемонтомъ какъ популярность, которою пользуются въ Англіи Пиемонтъ и его правительство.

Ограничиваясь этими соображеніями, переходимъ къ другому видоизмѣненію итальянскаго вопроса—къ дѣламъ неаполитанскимъ. Мы уже неоднократно извѣщали нашихъ читателей, что они не подвигаются впередъ, то-есть не приближаются къ разрѣшенію, и на этотъ разъ должны повторить то же самое, только съ нѣкоторымъ дополненіемъ. Въ послѣднее время ожидали провозглашенія амнистіи въ Неаполѣ по поводу благополучнаго разрѣшенія отъ бремени королевы Неаполитанской (1). Полагали, что неаполитанское правительство воспользуется этимъ случаемъ, чтобъ хотя въ нѣкоторой степени удовлетворить западныя державы. Но ожиданія эти не осуществились. Въ Неаполитанской офиціальной газетѣ дѣйствительно обнародованъ декретъ о прощеніи, но не имѣющій политическаго характера. Этотъ декретомъ даруется прощеніе или смягченіе наказанія только за проступки, подлежащіе полицейскому суду (2).

Невшательскій вопросъ, по всей вѣроятности, вскорѣ будетъ рѣшенъ окончательно. Уполномоченные великихъ державъ въ Парижѣ уже имѣли два засѣданія (5-го и 7-го марта), посвященные исключительно этому вопросу. Результаты происходившихъ совѣщаній сохраняются пока въ глубокой тайнѣ: сообщаютъ только, что прусскій уполномоченный присутствовалъ уже во второмъ засѣданіи, а приглашеніе швейцарскаго уполномоченнаго послѣдуетъ еще позднѣе. Читателямъ уже извѣстно, что шлѣнные невшательскіе роялисты освобождены швейцарскимъ правительствомъ, подъ тѣмъ условіемъ, правда не выраженнымъ формально, а только подразумеваемымъ, что король Пруссій расположенъ отказаться отъ правъ своихъ на Невшательское княжество. Нынѣ остается рѣшить, на какихъ условіяхъ произойдетъ это отреченіе. Во время самаго разгара невшательскаго вопроса, журналы сообщали, будто берлинскій кабинетъ настоя-

(1) Новорожденный принцъ получилъ имена Дженера-Марія и титулъ графа Кастельжиронскаго.

(2) Говорятъ, что недовольные, пользуясь слухами о всепрощеніи, нарочно распространили извѣстіе объ отреченіи короля въ пользу герцога Калабріискаго.

тельно требуетъ, чтобы на нешательскомъ зѣмкѣ продолжало развѣваться прусское знамя, чтобы въ княжествѣ сохранились феодальныя городовыя корпораціи, и чтобы частная собственность короля прусскаго въ княжествѣ осталось неприкосновенною. Но таковы ли въ дѣйствительности условія, предъявленныя берлинскимъ кабинетомъ,—мы узнаемъ тогда только, когда будутъ обнародованы результаты нынѣшнихъ международныхъ совѣщаній въ Парижѣ, которыя съ 7 марта приостановились. Нѣкоторые журналы объясняютъ эту остановку тѣмъ, что происходило во второмъ засѣданіи, въ которомъ; какъ упомянуто выше, прусскій уполномоченный, графъ Гацфельдъ присутствовалъ въ первый разъ. Говорятъ, что въ этомъ засѣданіи графъ Валевскій, предсѣдательствующій на конференціяхъ, сообщилъ представителю Пруссіи рѣшенія, принятые уполномоченными державами, подписавшихъ лондонскій протоколъ, и между прочимъ о необходимости принять за исходную точку для переговоровъ добровольное отреченіе Прусскаго короля отъ правъ на Нешательское княжество. Графъ Гацфельдъ нашелъ нужнымъ обратиться за отвѣтомъ къ своему правительству и въ настоящее время ожидаетъ этого отвѣта. Если такое объясненіе остановки въ совѣщаніяхъ справедливо, то изъ него можно заключить, что между великими державами и Пруссіею не было опредѣленнаго предварительнаго соглашенія по нешательскому вопросу, и что слѣдовательно разрѣшеніе его потребуетъ больше времени, чѣмъ сколько полагали.

Между тѣмъ Англо-Персидское разногласіе разрѣшено тоже въ Парижѣ. Между представителями Англии и Персіи, лордомъ Коули и Ферукъ-Ханомъ, состоялся, при дѣятельномъ посредничествѣ Франціи, проектъ трактата, который впрочемъ еще долженъ быть ратификованъ персидскимъ правительствомъ. Что касается до англійскаго правительства, то министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Кларендонъ уже объявилъ въ верхней палатѣ, что правительство считаетъ состоявшійся проектъ трактата вполне удовлетворительнымъ; слѣдовательно, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ будетъ ратификованъ Англіею. Едва ли можно сомнѣваться и въ ратификаціи трактата со стороны персидскаго правительства. Взятіе Англичанами Бушира, единственной персидской гавани при Персидскомъ заливѣ, и движеніе Англичанъ и Афгановъ съ Остъ-Индской границы по направленію къ Герату поставили Персію въ весьма затруднительное положеніе, изъ котораго она поспѣшитъ освободиться. Проектъ трактата состоитъ изъ пятнадцати статей. Персидское правительство обязывается обнародовать полное прощеніе всѣмъ персидскимъ подданнымъ, замѣшаннымъ въ сношенія съ англійскими войсками; отозвать войска свои изъ Гератской области и Герата въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ со дня обмѣна ратификаціей; отказаться отъ всякихъ притязаній на Гератскую область и другія части Афганистана, и отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Афганистана; признать неза-

вѣдомость Герата и всего Афганистана и никогда не посягать на эту независимость; прибѣгать, въ случаѣ споровъ съ афганскими или гератскими властями, къ дружественному посредничеству англійскаго правительства, и тогда только братья за оружіе, когда это посредничество окажется безуспѣшнымъ; освободить безъ выкупа всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ во время войны въ Афганистанѣ; принять возвращающееся въ Тегеранъ британское посольство съ почестями и церемоніями, определенными въ особой нотѣ, подписанной обоими уполномоченными; назначить, по возвращеніи англійскаго посольства въ Тегеранъ, особаго комиссара, который вмѣстѣ съ англійскимъ комиссаромъ разсмотритъ денежные требованія, которыя могутъ быть предъявлены какъ англійскими подданными, такъ подданными персидскими и другими, пользовавшимися покровительствомъ Англій, на персидское правительство, и уплатить по требованіямъ, признаннымъ справедливыми, въ теченіе одного года, считая со дня рѣшенія комиссаровъ.

Таковы условія, которыя предстоитъ одобрить персидскому правительству. Англія, съ своей стороны, обязалась: употребить все свое вліяніе на Афганистанъ, чтобы Афганцы не тревожили персидскихъ владѣній, не отказываться отъ посреднической роли между Персією и Афганистаномъ; признать за персидскимъ правительствомъ право, въ случаѣ вторженія Афгановъ въ Персію, приступать къ военнымъ дѣйствіямъ для отраженія и наказанія нападающихъ, съ тѣмъ однако ограниченіемъ, что персидскія войска, перешедшія за пограничную черту, по исполненіи порученнаго имъ дѣла, должны возвращаться въ Персію, и что пользованіе этимъ правомъ не будетъ служить предлогомъ къ занятію афганскихъ областей; отказаться отъ покровительства персидскимъ подданнымъ, которые не состоятъ въ службѣ при англійскомъ посольствѣ, генеральныхъ консулахъ, вице-консулахъ или консульскихъ агентахъ, съ тѣмъ однако, что право покровительствовать не будетъ дано никакой другой державѣ; прекратить военныя дѣйствія противъ Персіи немедленно по обмѣнѣ ратификацій, и вывести войска изъ персидскихъ владѣній, когда Персія отзоветъ свои войска изъ Гератской области и Афганистана и исполнитъ заключенное условіе относительно торжественнаго приѣма англійскаго посольства.

Кромѣ исчисленныхъ нами условій, обязывающихъ съ одной стороны Персію, съ другой Англію, въ трактатѣ есть условія обоюдныя, одинаково обязательныя для обѣихъ сторонъ. Сюда относится освобожденіе плѣнныхъ, взаимное обязательство руководствоваться, при учрежденіи генеральныхъ консуловъ, консуловъ, вице-консуловъ и консульскихъ агентовъ, тѣми правилами, которыя существуютъ для націй, находящихся въ самыхъ пріязненныхъ между собою отношеніяхъ, сохраненіе условія 1851 года о прекращеніи торго-

невольниками въ Персидскомъ заливѣ по 1872 годъ. Обиѣтъ ратификаціей долженъ послѣдовать въ Багдадѣ черезъ три мѣсяца, то-есть не позднѣе 4-го іюня текущаго года.

Въ иномъ положеніи находятся англійскія дѣла въ Китаѣ, гдѣ оцѣнена голова каждаго Англичанина, и самъ англійскій уполномоченный, сэръ-Джонъ Боурингъ, едва не сдѣлался жертвою отравленія. Ограничиваясь пока неизбежными военными дѣйствіями и необходимыми мѣрами предосторожности въ тѣхъ портахъ, гдѣ торгуютъ Европейцы, Англичане намѣрены открыть переговоры съ самимъ пекинскимъ правительствомъ, назначая посломъ своимъ лорда Эльгина. Одновременно съ нимъ англійское правительство отправляетъ морскія и сухопутныя силы, которыя должны быть употреблены въ дѣло, если пекинское правительство не удовлетворитъ требованіямъ Англии. Не подлежитъ сомнѣнію, что Франція и Соединенные Штаты не останутся безучастными зрителями новыхъ сношеній или новой борьбы Англии съ Китаемъ, и должны будутъ дѣйствовать за одно съ ними. Французскія полу-офиціальныя газеты недаромъ говорятъ въ этомъ смыслѣ; сверхъ того, уже давно извѣстно, что французское правительство заблаговременно отправило значительныя подкрѣпленія къ своей эскадрѣ, находящейся на китайскихъ моряхъ.

Намъ остается обратиться къ датско-германскому вопросу, о происхожденіи котораго мы въ свое время подробно сообщили нашимъ читателямъ. По поводу обнародованія общей конституціи для всей Даніи возобновилась, какъ извѣстно, сильная борьба между элементами датскимъ и германскимъ, представителями коего являются герцогства Шлезвигское, Голштинское и Лауенбургское.

Извѣстно также, что Австрія и Пруссія, какъ первенствующія германскія державы, отъ имени Германскаго Союза приняли на себя защиту герцогствъ; содержаніе нотъ австрійской и пруской по этому дѣлу было сообщено въ свое время. Въ настоящее время въ Вѣнѣ и Берлинѣ полученъ отвѣтъ на эти ноты. Въ этомъ документѣ, подписанномъ 3-го февраля, датскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Шеле, напоминаетъ, что голштинскому представительному собранію были предложены на обсужденіе тѣ измѣненія, которымъ подверглась частная конституція Голштиніи, но что правительство не было обязано исполнить ту же формальность относительно общей датской конституціи, ибо послѣдняя не противорѣчитъ первой. Г. Шеле отвѣчаетъ также на сдѣланный датскому правительству упрекъ въ томъ, будто оно измѣнило своимъ обязательствамъ относительно двухъ первостепенныхъ германскихъ державъ по вопросу о герцогствахъ. Общая конституція составляетъ необходимое условіе политическаго существованія Даніи, какъ самостоятельнаго государства. Что касается до государственныхъ имуществъ, находящихся въ герцогствахъ, то г. Шеле отстаиваетъ право правительства отнести дѣла ихъ къ разряду общихъ дѣлъ; но въ то же время присоединяетъ,

что датское правительство охотно приметъ всякое соглашеніе по этому частному вопросу, удовлетворительное для обѣихъ сторонъ; онъ отказывается только отъ всякой уступки, несогласной съ единствомъ монархіи и съ нынѣшнею общео конституціею.

Между тѣмъ, какъ въ предѣлахъ Датскаго королевства, такъ и въ Германіи, вопросъ о герцогствахъ возбудилъ общее вниманіе и составляетъ предметъ жаркой полемики между журналами, выражающими направленіе общественнаго мнѣнія. Особенный интересъ возбудилъ послѣдній періодъ засѣданій Шлезвигскаго сейма, въ которомъ съ самаго начала былъ поднятъ вопросъ о томъ, какой языкъ долженъ быть въ официальномъ употребленіи въ Шлезвигѣ — датскій или нѣмецкій. Въ сѣверной части герцогства, въ послѣднія два столѣтія утвердился датскій языкъ, въ южной дозволено употребленіе того и другаго языка. Большинство сейма выразило желаніе, чтобы послѣднее право было распространено на все герцогство относительно церкви, школъ и судебныхъ мѣстъ. Вопросъ этотъ послужилъ поводомъ къ сильнымъ преніямъ; члены сейма упрекали датское правительство въ желаніи подавить нѣмецкую національность, и требовали учрежденія нѣмецкихъ школъ для ея поддержанія. Одинъ депутатъ представилъ даже прошеніе, подписанное 7,000 гражданъ, убѣждающихъ сеймъ принять подъ свою защиту нѣмецкую національность. Другой депутатъ требовалъ востановленія стариннаго закона, въ силу котораго никакая общественная должность въ герцогствѣ Шлезвигскомъ не можетъ быть ввѣрена челоуѣку, не прошедшему двухъ-годичнаго курса въ Кильскомъ (нѣмецкомъ) университетѣ. Наконецъ сеймъ утвердилъ, несмотря на сопротивленіе королевскаго комиссара, дозволеніе общинамъ уплачивать форсированные займы, заключенные революціоннымъ правительствомъ въ 1849 году. Почти всѣ проекты законовъ, представленные министерствомъ, были отвергнуты, не исключая такихъ, которыхъ польза была очевидна, каковы проекты о допущеніи апелляціи на полицейскій судъ, объ установленіи правилъ для погребенія мертвыхъ и проч.

Но все это было только вступленіемъ къ двумъ важнымъ рѣшеніямъ, которыя приняты сеймомъ въ послѣднихъ засѣданіяхъ. Большинство 22 голосовъ противъ 10, сеймъ положилъ просить короля датскаго объ измѣненіи шлезвигской конституціи въ либеральномъ смыслѣ, и объ уравниеніи всѣхъ частей Датской монархіи относительно представительства на общемъ сеймѣ, а вслѣдъ за тѣмъ, большинствомъ 22 голосовъ противъ 15, отказался произвести раскладку суммы, которую обязано вносить Шлезвигское герцогство на покрытие общихъ расходовъ государства. Въ силу 2-й статьи шлезвигской конституціи, это рѣшеніе лишаетъ правительство возможности приступить ко взиманію установленнаго налога.

Когда это рѣшеніе было объявлено президентомъ, королевскій ком-

миссаръ сказалъ , что сеймъ нарушилъ священнѣйшій долгъ свой , и тотчасъ объявилъ засѣданія сейма закрытыми .

При такомъ положеніи дѣлъ , датское правительство не можетъ распустить сеймъ и произвести новые выборы , ибо это противно шлезвигской конституціи : сеймы въ герцогствахъ созываются на шесть лѣтъ , а нынѣшнему шлезвигскому сейму остается существовать еще два года . Правительство прибѣгло къ возстановленію раскладки податей , произведенной самимъ шлезвигскимъ сеймомъ въ 1855 году , и предписало взимать налогъ на тогдашнемъ основаніи .

Говорятъ , что датская отвѣтная нота не удовлетворила кабинеты вѣнскій и берлинскій , ибо не заключаетъ въ себѣ никакой существенной уступки въ пользу нѣмецкаго элемента , входящаго въ составъ Датской монархіи . Дальнѣйшій ходъ этого дѣла представляетъ большой интересъ , и мы не замедлимъ познакомить съ нимъ нашихъ читателей .

Другой международный вопросъ , въ которомъ непосредственно заинтересована Данія , разрѣшенъ окончательно . 14-го марта въ Копенгагенѣ подписанъ трактатъ объ отменѣ зундскихъ пошлинъ . Данія получить , въ видѣ выкупа , 35 милл. риксдаеровъ въ сорокъ сроковъ . Такимъ образомъ , торговля на Балтійскомъ морѣ освободится отъ одного изъ важнѣйшихъ препятствій къ полному ея развитію . Мѣра участія каждаго государства въ уплатѣ означенной суммы еще не известна офиціально . Сообщаютъ , что на долю одной Англійи приходится болѣе 10 милліоновъ , на долю Россіи немного менѣе , болѣе 4 милл. заплатитъ Пруссія , по 1½ милл. Швеція и Нидерланды , немного болѣе 1 милл. приходится на долю Франціи , самой Даніи и Испаніи ; менѣе 1 милл. заплатятъ Соединенные Штаты , Норвегія , Бразилія , герцогство Мекленбургское , Бельгія , Португалія и проч . Основаніемъ для такого распредѣленія выкупной суммы послужили статистическія свѣдѣнія о доходахъ , полученныхъ Даніею съ судовъ разныхъ націй въ теченіе 1842—47 и 1851—53 годовъ .

Переходимъ къ политической хроникѣ отдѣльныхъ государствъ .

Въ Англійи , министерство лорда Пальмерстона окончательно объявило о своемъ намѣреніи распустить парламентъ и созвать новый въ маѣ мѣсяцѣ . Распущеніе вѣроятно послѣдуетъ въ концѣ марта , по утвержденіи нижнею палатою бюджета . Нашимъ читателямъ уже известно , что всѣ отѣнки оппозиціи : такъ-называемая манчестерская партія , пилиты , во главѣ которыхъ стоитъ г. Гладстонъ , торіи , предводительствуемые г. Дизраэли , и наконецъ фаланга лорда Джона Росселя , соединились противъ министерства по англо-китайскому вопросу . Слѣдствіемъ этого союза , для котораго англо-китайскія дѣла послужили только предлогомъ , было объявленіе неудовольствія министерству за ссору съ китайскими начальствами въ Кантонѣ и за бом-

бардированіе этого города. Въ силу парламентскихъ обычаевъ и конституціи, министерство должно было выйти въ отставку или распустить нынѣшній парламентъ, то-есть сдѣлать воззваніе къ народу, приглашая его произвести новые выборы, чтобы чрезъ посредство новыхъ депутатовъ объявить свое одобреніе или осужденіе министерству. Считая свой образъ дѣйствій совершенно справедливымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, принимая въ соображеніе разрозненность нынѣшнихъ парламентскихъ партій, изъ которыхъ ни одна, по видимому, не имѣетъ большинства на своей сторонѣ, министерство рѣшилось на послѣднюю мѣру. Быть-можетъ, совершенно исключительное положеніе лорда Пальмерстона, какъ государственнаго человѣка, въ свою очередь не мало способствовало такому выбору. По самому характеру своей политической дѣятельности, онъ поставленъ въ необходимость до крайности дорожить теперешнимъ своимъ прѣстомъ. Сэръ-Робертъ Пиль, графъ Дерби, лордъ Джонъ Россель, покидая свои портфели, сохраняли каждый свое значеніе и свое вліяніе на общественное мнѣніе, оставаясь предводителями (leaders) своихъ партій. Напротивъ, значеніе лорда Пальмерстона тѣсно связано съ сохраненіемъ министерскаго мѣста. Такъ-называемая либеральная партія едва ли изберетъ его своимъ главою, ибо онъ никогда не занимался внутреннею политикой и не представляетъ собою ни одного изъ тѣхъ важныхъ началъ, которыхъ придерживаются различныя партіи. Еслибъ управленіе перешло въ руки торіевъ, главою либеральной партіи явился бы лордъ Джонъ Россель.

Послѣ враждебнаго министерству рѣшенія по англо-китайскимъ дѣламъ, нижняя палата почти исключительно занималась обсужденіемъ бюджета и уже одобрила часть его безъ измѣненій. Будучи враждебно министерству, большинство палаты тѣмъ не менѣе разрѣшаетъ суммы на покрытіе государственныхъ расходовъ, необходимыхъ до открытія новаго парламента. Попытка г. Гладстона произвести нѣкоторые измѣненія въ проектѣ налога на чай, составленномъ канцлеромъ казначейства (1), не имѣла успѣха. Министерство ожидаетъ только окончанія преній о бюджетѣ, чтобы распустить парламентъ.

Между тѣмъ, рѣшеніе нижней палаты по англо-китайскимъ дѣламъ произвело сильное волненіе во всей Англіи. Повсюду раздались голоса въ пользу лорда Пальмерстона и его политики. Нѣкоторые города, въ томъ числѣ Лондонъ, поднесли ему благодарственные адреса; Лондонъ даже предложилъ ему явиться кандидатомъ на предстоящихъ выборахъ, но лордъ Пальмерстонъ предпочелъ остаться представителемъ мѣстечка Тивертонъ. Судя по этимъ демонстраціямъ, можно полагать, что новый парламентъ не будетъ враждебенъ министерству лорда Пальмерстона. Вообще предстоящіе выборы сдѣлались въ Англіи

(1) См. Политическое Обзорѣніе во 2-й февральской книгѣ - Русскаго Вѣстника.

главнѣйшимъ вопросомъ въ настоящее время. Лордъ Джонъ Россель, будучи шестнадцати лѣтъ депутатомъ Лондонскаго Города въ нижней палатѣ, снова предложилъ свои услуги лондонскимъ избирателямъ и обнародовалъ по этому поводу объясненіе своей прежней политической дѣятельности. Это объясненіе есть какъ бы избирательный манифестъ либеральной и реформистской партіи, которую лордъ Джонъ Россель представляетъ собою. Еще неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ манифестъ въ Англіи, но нельзя не замѣтить, что онъ составленъ съ большимъ достоинствомъ и умѣренностію. Неблагопріятная оцѣнка министерской политики занимаетъ въ немъ болѣе мѣста чѣмъ самовосхваленіе, хотя лордъ Джонъ Россель и счелъ нужнымъ сказать нѣсколько объяснительныхъ словъ относительно весьма щекотливаго для него обстоятельства, именно Вѣнскихъ конференцій, происходившихъ во время восточной войны, въ которыхъ онъ участвовалъ, какъ представитель Англіи. Но объ этомъ онъ говоритъ мимоходомъ и тотчасъ обращается къ послѣднимъ парламентскимъ преніямъ объ англо-китайскихъ дѣлахъ, разрѣшившихся неблагопріятно для министерства, объясняя свою оппозицію неумѣренною заносчивостію англійскихъ агентовъ въ Китаѣ и ссылаясь на представленную парламенту офиціальную переписку съ китайскими начальствами, изъ которой видно, что послѣдніе соглашались дать удовольвореніе, но не хотѣли только, чтобы генералъ Сеймуръ прибылъ въ Кантонъ для свиданія съ губернаторомъ. Всего замѣчательнѣе въ объясненіи лорда Джона Росселя то обстоятельство, что онъ распространяетъ осужденіе министерской политики не на одни китайскія дѣла, но ставитъ вопросъ гораздо шире; онъ говоритъ даже, что споръ о китайскихъ дѣлахъ почти поконченъ, и что по всей вѣроятности новому парламенту придется посвятить имъ не много времени. Въ чемъ же разногласіе между министерствомъ и лордомъ Джономъ Росселемъ? Манифестъ послѣдняго достаточно объясняетъ это: «Управленіе дѣлами внѣшней политики тѣсно связано съ нашею внутреннею политикою, говоритъ онъ. Только съ помощію твердаго и примирительнаго образа дѣйствій, энергическаго поддержанія нашихъ правъ и справедливаго уваженія къ правамъ другихъ націй можемъ мы упрочить миръ на долгое время». Мысль лорда Джона Росселя угадать не трудно: онъ осуждаетъ всю внѣшнюю политику лорда Пальмерстона, ея преобладаніе надъ внутреннею. Въ концѣ манифеста онъ противопоставляетъ политикѣ нынѣшняго министерства свою политическую программу, выражая ее тремя словами: миръ, экономія, реформа. По всей вѣроятности, этотъ манифестъ произведетъ нѣкоторое впечатлѣніе въ Англіи.

Во Франціи наконецъ рѣшенъ въ послѣдней инстанціи уже извѣстный нашимъ читателямъ политико-юридическій вопросъ объ избирательныхъ бюллетеняхъ. Буржскій судъ, въ который было перенесено это дѣло изъ кассационнаго суда, только подтвердилъ рѣшеніе

этого суда, который, какъ извѣстно, отнесъ избирательные бюллетени къ разряду тѣхъ предметовъ (книги, брошюры, листы гравюры, литографіи), коихъ продажа и раздача можетъ производиться не иначе какъ съ дозволенія префекта полиціи въ сенскомъ департаментѣ и префектовъ въ другихъ департаментахъ, то—есть кассировалъ рѣшеніе Пюискаго суда. Надо замѣтить, что рѣшеніе кассационнаго суда было окончательное, и что Буржскій судъ, въ который было передано дѣло, долженъ былъ сообразоваться съ этимъ рѣшеніемъ и только окончательно отиѣнить рѣшеніе Пюискаго суда. По существующимъ законамъ, если по кассированіи перваго судебного рѣшенія или мнѣнія, послѣдуетъ второе рѣшеніе или мнѣніе по тому же предмету, то и оно обсуживается кассационнымъ судомъ, въ полномъ его собраніи; если же второе рѣшеніе или мнѣніе кассировано по тѣмъ же причинамъ, по которымъ и первое, то судъ, въ который передано дѣло, долженъ сообразоваться со вторымъ рѣшеніемъ или мнѣніемъ кассационнаго суда относительно юридической стороны вопроса. Этимъ объясняется продолжительное блужданіе дѣла объ избирательныхъ бюллетеняхъ по разнымъ судамъ (пюискому, люнскому и кассационному).

Такимъ образомъ во Франціи, передъ выборами, никто не можетъ раздавать избирательныхъ бюллетеней, на которыхъ написаны имена кандидатовъ, если не имѣетъ дозволенія, префекта естественно отставившаго правительственныхъ кандидатовъ. За продажу и раздачу книгъ, брошюръ, листовъ, гравюръ и литографій, безъ дозволенія префекта, виновный, въ силу закона 1849 года, подвергается тюремному заключенію срокомъ отъ одного до шести мѣсяцевъ и денежному штрафу отъ 25 до 500 фр. Нынѣ законъ этотъ распространенъ мнѣніемъ кассационнаго суда на раздающихъ безъ дозволенія избирательные бюллетени. Французскіе оппозиціонные журналы, крайне недовольные такимъ рѣшеніемъ вопроса, но стѣсненные въ проявленіи своего неудовольствія, глухо отзывзуются объ этомъ дѣлѣ.

Считаемъ далеко нелишнимъ сообщить здѣсь объ одномъ чрезвычайно замѣчательномъ экономическомъ явленіи, которое сильно поразило умы во Франціи. Народная перепись, совершенная въ прошломъ году, обнаружила, что народонаселеніе Франціи увеличивается въ самой незначительной степени, и что притомъ это увеличеніе съ каждымъ пятилѣтіемъ принимаетъ болѣе скромные размѣры. Въ періодъ времени отъ 1841 по 1846 г. народонаселеніе Франціи увеличилось 1,200,000-ми душъ; съ 1846 по 1851 годъ—только на 400,000 душъ, а въ теченіи послѣдняго пятилѣтія увеличеніе народонаселенія понизилось до 257,000 душъ. Населеніе уменьшилось въ этотъ періодъ времени въ пятидесяти слишкомъ департаментахъ: въ Изерскомъ на 26,000 душъ, въ департаментѣ Верхней-Соны на 36,000, такъ что этому департаменту придется имѣть однимъ депутатомъ

меньше противъ прежняго. Явленіе это возбудило вниманіе академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, гдѣ вопросъ о движеніи народонаселенія во Франціи былъ поднятъ извѣстнымъ экономистомъ Лаввернемъ, и Общества политико-экономическаго. Война, эпидеміи и переселенія, конечно, не остались тутъ безъ вліянія; но кромѣ этихъ причинъ, изъ коихъ эпидеміи и переселенія составляютъ нѣчто случайное и ограниченное опредѣленными мѣстностями, должна быть какая-нибудь общая причина, производящая столь общее и притомъ постоянно повторяющееся явленіе. Еслибы можно было объяснить его закономъ естественнаго равновѣсія между народонаселеніемъ и средствами существованія, то вопросъ разрѣшился бы очень просто; но въ такомъ случаѣ, менѣе огромное народонаселеніе пользовалось бы бѣльшимъ благосостояніемъ, тогда какъ во Франціи замѣчаютъ въ настоящее время совершенно противное. Оптимисты всѣми средствами стараются доказать небывалое развитіе народнаго богатства и уменьшеніе смертности; но вдругъ представляется нѣсколько цифръ; свидѣтельствующихъ, что народонаселеніе не увеличивается, обличающихъ печальную ошибку оптимистовъ и приводящихъ къ мысли о какой-то неизвѣстной причинѣ, которая незамѣтнымъ образомъ дѣйствуетъ на современныя поколѣнія. Тѣ же цифры показываютъ, что уменьшеніе населенія произошло преимущественно въ селахъ и деревняхъ, тогда какъ населеніе городовъ возрастаетъ. Населеніе Парижа увеличилось на 300,000 человекъ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, населеніе Ліона на 50,000. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ городское населеніе во Франціи увеличилось слишкомъ на миллионъ душъ. Напротивъ, населеніе уменьшилось именно въ тѣхъ департаментахъ, которые отличаются земледѣльческимъ характеромъ. Французскіе экономисты съ скорбнымъ чувствомъ сознаются, что такое явленіе произошло не вслѣдствіе естественнаго перехода рабочихъ рукъ туда, гдѣ онѣ нужныѣ, и что увеличеніе населенія въ городахъ совершается безъ соотвѣстнаго усиленія народнаго богатства. Они считаютъ это явленіе искусственнымъ, намекая между прочимъ на нынѣшнія политическія обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ въ городахъ предпринимаются ненужныя общественныя работы огромныхъ размѣровъ для прокормленія рабочаго класса. Если это явленіе будетъ продолжительно, то можно опасаться за будущность земледѣльской промышленности, которую бросаетъ рабочій классъ, какъ неблагодарную, въ надеждѣ снискать себѣ пропитаніе болѣе легкимъ трудомъ.

Въ Испаніи, какъ уже было извѣщено, выборы въ Кортесы назначены на 25-е марта. Извѣстно также, что имъ предшествовали муниципальные выборы, въ которыхъ принимали участіе всѣ партіи отъ прогрессистовъ до крайнихъ абсолютистовъ. Результатъ ихъ положительно не извѣстенъ; но правительство, повидимому, довольно ими. Слухи и опасенія относительно новаго переворота въ смыслѣ

окончательно абсолютистскомъ прекратились. Нынѣшнее министерство, во главѣ котораго стоитъ маршалъ Нарвазъ, очевидно держится прочно, а оно вполне сознало невозможность управлять Испаніею безъ содѣйствія кортесовъ.

Прибавимъ въ нѣсколькихъ словахъ, что пренія *прусскихъ* палатъ медленно подвигаются впередъ, и что изъ *Соединенныхъ Штатовъ* со дня на день ожидаютъ посланія новаго президента къ конгрессу, ибо, какъ извѣстно, г. Букананъ долженъ былъ вступить въ должность 4-го марта.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОБОЗРѢНІЮ.

ДЕКЛАРАЦІЯ,

обмѣненная между Россіею и Пруссіею, о порядкѣ участія Россійскихъ Консуловъ въ Пруссіи и Прусскихъ въ Имперіи и Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ въ дѣлахъ о наслѣдствахъ ихъ единоземцевъ.

Императорское Россійское и Королевское Прусское Правительства, желая постановить правила для участія ихъ консульствъ въ дѣлахъ о наслѣдствахъ, могущихъ возникнуть въ случаѣ смерти руссійскихъ подданныхъ во владѣніяхъ Королевства Прусскаго и прусскихъ подданныхъ въ Россійской Имперіи и въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, заключили между собою условіе о нижеслѣдующемъ :

Въ случаѣ смерти подданныхъ договаривающихся державъ, ихъ консуламъ, вице-консуламъ и торговымъ агентамъ предоставляется право какъ по ходатайству участвующихъ лицъ, такъ и прямо отъ себя, прилагать печать консульства вмѣстѣ съ печатами подлежащаго мѣстнаго начальства къ пожиткамъ, движимости и бумагамъ, принадлежащимъ къ оставшемуся наслѣдству. Эти двоякія печати могутъ быть сняты не иначе какъ по распоряженію мѣстнаго начальства и въ присутствіи подлежащаго консула.

По снятіи печатей должно быть немедленно приступлено къ описи наслѣдства. Консулъ будетъ при семъ присутствовать и ему должны быть выданы копіи какъ съ учиненной описи, такъ и духовнаго завѣщанія, когда таковое существуетъ.

Если консулы, вице-консулы и торговые агенты снабжены законными довѣренностями отъ надлежащимъ образомъ признанныхъ наслѣдниковъ, то наслѣдство должно быть выдано имъ, если только не будетъ противъ сего объявлено спора со стороны какого-либо кредитора, отечественнаго или иностраннаго.

Для выдачи ему наслѣдства, консулъ долженъ озаботиться принятіемъ совокупно съ подлежащимъ мѣстнымъ начальствомъ, всѣхъ необходимыхъ для сохраненія наслѣдства мѣръ. Консулъ, вице-консулъ и торговый агентъ, по выдачѣ ему наслѣдства, согласно изложенному выше, долженъ, по предварительномъ сообщеніи о томъ мѣстному начальству, исполнить всѣ надлежащія формальности для огражденія пользы наслѣдниковъ, сдѣлать ликвидацію наслѣдству и онымъ управлять, лично или

чрезъ повѣренныхъ, имъ для сего назначенныхъ, подѣ собственною его отвѣтственностію.

Настоящее условіе будетъ оставаться въ дѣйствиі въ продолженіи шести лѣтъ, и даже по прошествіи сего срока, если ни которое изъ двухъ правительствъ не объявитъ другому офиціальною нотою о желаніи своемъ прекратить дѣйствиі онаго; въ послѣднемъ же случаѣ, — въ продолженіе еще одного года послѣ того какъ послѣдуетъ таковая нотификація.

Въ удостовѣреніе чего нижеподписавшійся, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Его Величества Императора Всероссійскаго, подписалъ, съ приложеніемъ печати своего герба, настоящую декларацию, которая имѣетъ быть обмѣнена на подобную же декларацию Г. Предсѣдателя Совѣта и Министра Иностранныхъ Дѣлъ Его Величества Короля Прусскаго.

Учинено въ С.-Петербургѣ, 25-го декабря 1856 (6-го января 1857).

(Под.) *Кн. Горчаковъ.*

ПОЛОЖЕНІЕ О НАГРАДАХЪ ГРАФА УВАРОВА.

1) Въ память о бывшемъ президентѣ Императорской Академіи Наукъ, дѣйствительномъ тайномъ совѣтникѣ графѣ Сергіи Семеновичѣ Уваровѣ, и особенной любви его къ отечественной исторіи и изслѣдованіямъ филологическимъ, сынъ его, графъ Алексій Сергіевичъ Уваровъ, учреждаетъ на вѣчныя времена награды, подѣ названіемъ *наградъ графа Уварова*. Для сей цѣли ежегодно, къ 25-му сентября, будетъ вносимо въ Академію Наукъ *по три тысячи рублей серебромъ* (1). Изъ этой суммы: 2,500 руб. назначаются на выдачу наградъ (одной большой въ 1,500 и двухъ меньшихъ, каждой въ 500 руб.) за сочиненія, изданныя или приготовленныя къ изданію, по означеннымъ ниже сего предметамъ; а 500 руб. подѣ названіемъ *поощрительной* награды, за удовлетворительныя рѣшенія задачъ, предлагаемыхъ ежегодно академію.

2) Учрежденіе наградъ графа Уварова имѣетъ цѣлю поощрить русскихъ писателей къ занятіямъ русскою и славянскою исторіею, въ обширномъ значеніи слова, и драматическою словесностію.

3) Къ соисканію допускаются всѣ сочиненія, относящіяся къ политической исторіи Россіи и другихъ славянскихъ странъ, къ исторіи церкви, законодательства, древностей, языка, словесности, искусствъ и художествъ въ тѣхъ же странахъ, а равно драматическія произведенія.

4) Къ соисканію наградъ графа Уварова допускаются писанныя на русскомъ языкѣ оригинальныя сочиненія, напечатанныя или рукописныя, одобренныя цензурою къ печатанію.

5) Не допускаются: 1) сочиненія, хотя и относящіяся къ Русской или Славянской исторіи, но переведенныя съ иностранныхъ языковъ; 2) простыя собранія актовъ, грамотъ или вообще необработанныхъ матеріаловъ; 3) книги, хотя и касающіяся отечественной исторіи, но изданныя по распоряженію правительства; 4) грамматики, словари и вообще учебныя пособия; 5) послѣдующія изданія книгъ, которыя уже

(1) Учредитель обязуется сдѣлать распоряженіе, вслѣдствіе котораго, и послѣ его смерти, означенная сумма будетъ ежегодно вносима въ Академію, или же разъ навсегда внесенъ будетъ капиталъ 75,000 рублей.

были удостоены наградъ въ одномъ изъ предшествовавшихъ изданій; 6) сочиненія дѣйствительныхъ членовъ Академіи.

6) При обсужденіи представленныхъ къ соисканію историческихъ сочиненій должно быть обращено преимущественное вниманіе на то, въ какой мѣрѣ сочиненіе способствуетъ къ полному познанію избраннаго авторомъ предмета. При всемъ уваженіи къ объему сочиненія и къ труду, для составленія его употребленному, не должно быть упускаемо изъ виду, дѣйствительно ли отечественной наукѣ не доставало подобнаго творенія и соотвѣтствуетъ ли оно современнымъ требованіямъ науки и критики.

7) Награды графа Уварова не состоятъ ни въ какой связи съ Демидовскими преміями. Сочиненія, увѣнчанныя сими послѣдними преміями, могутъ быть представляемы на соисканіе Уваровскихъ наградъ, если подходятъ подъ условія настоящаго положенія. Равномѣрно не лишаются права представленія своихъ трудовъ тѣ авторы, которые не получили Демидовскихъ премій.

8) Многотомныя ученые сочиненія могутъ быть допускаемы къ соисканію по выпускѣ въ свѣтъ одного или нѣсколькихъ томовъ, въ томъ лишь случаѣ, если изданная часть относится къ такому отдѣльному предмету, который могъ бы быть разсматриваемъ какъ самостоятельное цѣлое. Авторы, первыя части сочиненій которыхъ были увѣнчаны Демидовскою премією, могутъ представлять послѣдующія части для соисканія наградъ графа Уварова.

9) При обсужденіи драматическихъ произведеній, должно обращать вниманіе на слѣдующія необходимыя условія: 1) Допускаются только трагедіи, драмы и комедіи (*haute comédie*), имѣющія не менѣе трехъ дѣйствій, писанныя прозою или стихами. 2) Драматическія произведенія должны быть оригинальныя сочиненія, а не переводы, передѣлки или подражанія иностраннымъ піесамъ. 3) Содержаніе должно быть заимствовано изъ отечественной исторіи, изъ жизни нашихъ предковъ, или изъ современнаго русскаго быта. 4) Драматическія произведенія должны обличать въ писателѣ несомнѣнный литературный талантъ и добросовѣстное изученіе представленной имъ эпохи. По слогу и ходу, піеса должна быть созданіемъ художественнымъ и слѣдовательно соотвѣтствовать главнымъ требованіямъ драматическаго искусства и строгой критики.

10) Присужденіе наградъ графа Уварова за соискательныя сочиненія предоставляется собранію членовъ втораго и третьяго отдѣленій Императорской Академіи Наукъ, засѣданіями котораго завѣдываетъ непремѣнный секретарь академіи.

11) Для присужденія наградъ драматическимъ произведеніямъ назначается особая коммиссія, составленная изъ членовъ втораго отдѣленія Академіи и постороннихъ лицъ, извѣстныхъ своими сочиненіями по части русской литературы. Выборъ этихъ лицъ рѣшается балотировкою въ отдѣленіи, и только тѣ лица приглашаются, которые не получили ни одного отрицательнаго шара. Коммиссія должна состоять изъ равнаго числа академиковъ и приглашенныхъ писателей подъ предсѣдательствомъ непремѣннаго секретаря.

12) Академія сама назначаетъ изъ cadaго отдѣленія тѣхъ членовъ,

которые своими трудами приобрѣли право быть судьями. Назначивъ трехъ или четырехъ членовъ изъ каждаго отдѣленія, академія предоставляетъ имъ право приговора, и въ ихъ рѣшеніе сама не вмѣшивается.

13) Депутатамъ симъ предоставлено право присуждать *поощрительную* награду за удовлетворительное рѣшеніе ученой задачи, съ слѣдующими условіями: 1) Депутаты, по большинству голосовъ, назначаютъ задачу для получения поощрительной награды, и срокъ для ея исполненія; 2) задача объявляется въ журналахъ и газетахъ; 3) задачи должны состоять изъ отдѣльныхъ монографій, обработки отдѣльнаго періода или историческаго матеріала; 4) предметъ выбирается единственно изъ исторіи и древностей русскихъ; другіе предметы, допускаемые въ соисканію остальныхъ наградъ, не могутъ быть предложены для этой поощрительной награды; 5) при полученіи рѣшеній на эти задачи поступаютъ съ ними, какъ обыкновенно дѣлается съ сочиненіями, авторы которыхъ остаются неизвѣстными до присужденія. Авторъ, не подписывая подъ рукописью своего имени, снабжаетъ ее какимъ-либо девизомъ, который равномерно долженъ находиться на особомъ, приложенномъ къ рукописи запечатанномъ конвертѣ, содержащемъ означеніе имени и мѣста жительства автора. Въ случаѣ одобренія рѣшенія, конвертъ съ означеніемъ имени автора распечатывается въ собраніи академіи (25-го сентября); въ случаѣ же неодобренія сжигается нераспечатаннымъ. Всѣ остальные §§ настоящаго положенія принимаются въ соображеніе и при присужденіи этой поощрительной награды.

14) Если какая-нибудь изъ наградъ не будетъ присуждена, то оставляется до слѣдующаго года, и оставшаяся сумма хранится въ кредитномъ установленіи, о чемъ должно быть объявлено въ газетахъ. Накопляющіеся годъ отъ году проценты служатъ къ составленію капитала, который, по усмотрѣнію академіи, раздается постороннимъ рецензентамъ, за ихъ труды, въ видѣ медалей, или иначе.

15) На заглавномъ листѣ сочиненія, увѣнчаннаго Уваровскою наградою, при печатаніи именно означается награда, какой оно удостоено.

16) Къ соисканію Уваровскихъ наградъ допускаются сочиненія, соотвѣтствующія условіямъ, изложеннымъ въ §§ 3, 4 и 9, и выходящія ежегодно отъ 1-го до 1-го мая.

17) Перваго мая закрывается конкурсъ и за тѣмъ авторы лишаются права представлять свои сочиненія къ соисканію наградъ. До наступленія сего срока однимъ лишь авторамъ предоставляется право присылать свои сочиненія, при письмахъ на имя г. непремѣннаго секретаря академіи (1).

18) Въ началѣ мая мѣсяца каждаго года назначается особое засѣданіе (§§ 10 и 11), для опредѣленія, какія изъ сочиненій, поступившихъ въ конкурсъ, могутъ быть допущены къ соисканію наградъ и какія, не соотвѣтствуя цѣли и правиламъ сего учрежденія, должны быть оставлены безъ разсмотрѣнія.

(1) Въ теченіи декабря и въ январѣ мѣсяцахъ непремѣнный секретарь академіи наукъ напоминаетъ объявленіями, въ Санктпетербургскихъ, Московскихъ и Губернскихъ Вѣдомостяхъ, что только до 1-го мая принимаются сочиненія для соисканія наградъ графа Уварова, и что представленные послѣ сего сроки сочиненія будутъ отложены до слѣдующаго года.

19) Въ томъ же засѣданіи сочиненія, принятыя въ конкурсъ, распределяются для обсужденія ихъ достоинства между членами академіи или посторонними учеными, по выбору и согласію собранія.

20) Рецензіи должны быть приготовлены къ 15-му августа и читаются въ особыхъ собраніяхъ академіи (§§ 10 и 11). Рецензенты обязаны основывать свой приговоръ на отчетливомъ разсмотрѣніи содержанія сочиненія и его достоинствъ и недостатковъ, подробно объясняя тѣ и другіе въ своихъ рецензіяхъ.

21) По выслушаніи разборовъ всѣхъ представленныхъ къ конкурсу сочиненій, непремѣнный секретарь дѣлаетъ сводъ изложенныхъ рецензентами мнѣній и отбираетъ голоса отъ членовъ собранія. Вместе съ тѣмъ непремѣнный секретарь сводитъ мнѣнія о рѣшеніяхъ предложенной академіею задачи, и равнымъ образомъ отбираетъ голоса.

22) Присужденіе наградъ производится по большинству голосовъ.

23) 25-го сентября, въ день именинъ покойнаго графа Сергія Семеновича Уварова, назначается торжественное собраніе академіи, въ которомъ читается отчетъ о присужденіи всѣхъ наградъ графа Уварова, предварительно подписанный всѣми членами, а также вскрывается пакетъ съ означеніемъ имени автора, удостоеннаго поощрительной награды за разрѣшеніе предложенной задачи. Въ томъ же засѣданіи объявляются предлагаемыя академіею на будущее время задачи для соисканія означенныхъ наградъ.

24) О послѣдствіяхъ каждаго конкурса непремѣнный секретарь доводитъ до свѣдѣнія публики подробными отчетами, печатаемыми въ повременныхъ изданіяхъ академіи наукъ и въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». При отчетѣ печатаются и всѣ одобрительныя рецензіи, на основаніи которыхъ присуждены награды, или за неизмѣнимъ суммъ, почетныя отзывы.

25) Дополненія или измѣненія, которыхъ, съ теченіемъ времени, могло бы потребовать настоящее положеніе, дѣлаются особенными собраніями втораго и третьяго отдѣленій академіи наукъ (§§ 10 и 11), съ согласія всякій разъ учредителя наградъ, а послѣ него старшаго члена изъ рода графа Уварова. Сверхъ того учредитель предбываетъ себѣ право представлять свои мнѣнія о правилахъ, требующихъ измѣненія, если это, по ходу дѣла, сочтется нужнымъ и выгоднымъ для цѣли учрежденныхъ имъ наградъ.

Подлинное подписалъ: Графъ А. Уваровъ.

— Высочайшимъ Указомъ, въ 29-й день августа 1855 года кабинету даннымъ, повелѣно: для улучшенія быта крестьянъ, приписныхъ къ Алтайскимъ горнымъ заводамъ, распространить на нихъ правило удѣльнаго управленія, на сколько сіе согласоваться можетъ съ лежащими на сихъ крестьянахъ обязанностями, относительно тѣхъ заводовъ.

Имѣя въ виду, что крестьяне удѣльныхъ имѣній отправляютъ рекрутскую повинность на основаніи Рекрутскаго Устава очереднымъ порядкомъ, и что съ 1851 года, по особому Высочайшему повелѣнію, въ Алтайскомъ округѣ порядокъ сей замѣненъ жеребьевыми рекрутскими наборами, управлявшимъ кабинетомъ Его Императорскаго Величества графъ Перовскій считалъ полезнымъ узнать мнѣніе самихъ крестьянъ о сей переизмѣнѣ въ исполненіи одной изъ главнѣйшихъ по-

винностей, закономъ на нихъ возлагаемыхъ. Спрошенныя объ этомъ предметѣ общества приписныхъ крестьянъ, всѣхъ 40 волостей горнаго округа, единогласно объявили, что они предпочитаютъ прежніе очередные рекрутскіе наборы жеребьевымъ. Принимая во вниманіе, что замѣна сія не только не будетъ имѣть неблагоприятныхъ послѣдствій для выгодъ кабинета Его Величества, но еще признается заводскимъ начальствомъ полезною, г. генералъ-адъютантъ графъ Адлербергъ 1-й доводитъ о семъ до Высочайшаго свѣдѣнія, и Государь Императоръ, въ 26-й день минувшаго января, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: « ввести между алтайскими приписными крестьянами прежнюю очередную систему отправленія рекрутской повинности, съ тѣми лишь измѣненіями, которыя приняты по удѣльному вѣдомству. При этомъ переходѣ отъ одного рекрутскаго порядка къ другому, составляющему случай исключительный, въ законѣ непредвидѣнный, зачестъ послуги, отбытыя по жеребьевой системѣ въ послѣдніе пять наборовъ, собственно членамъ той части семействъ, которая поставила одного или нѣсколько рекрутъ, а не всему семейству, подъ однимъ номеромъ по ревизіи состоящему, съ тѣмъ чтобы зачетъ сей производимъ былъ по взаимному согласію членовъ семействъ, или, при разнорѣчьи ихъ, по приговорамъ рекрутскихъ участковъ, къ которымъ семейства принадлежатъ, безъ вмѣшательства въ это дѣло начальства крестьянъ, и сей порядокъ наблюдать пока не будутъ вознаграждены всѣ послуги, отбытыя по жеребьевой системѣ; послѣ того опредѣлять очереди и зачитать послуги на точномъ основаніи Рекрутскаго Устава.»

С М Ъ С Ъ

Музыкальная хроника. — Со дня пріѣзда г-на Серве въ Москву, имя его перелетало изъ устъ въ уста во всѣхъ московскихъ обществахъ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Москва слышала этого знаменитаго артиста, многихъ изъ слышавшихъ его уже не стало; но имя Франсуа Серве принадлежитъ къ числу тѣхъ именъ, которыя одно поколѣніе передаетъ другому, какъ преданія памятныхъ событій. Концертъ 10-го марта доказалъ, что слава его здѣсь упрочена: зала Благороднаго Собранія была полна публикою, на хорахъ не доставало мѣстъ, такъ что даже многія дамы слушали стоя неподражаемую игру артиста.

Музыкальное утро началось par un morceau de concert на мотивъ изъ оперы «Норма». Піесу эту исполнилъ на фортепьяно, съ аккомпаниментомъ квартета (accompagnement obligé), самъ сочинитель, молодой пианистъ Дженнаро Перелли, сопутствующій г-ну Серве въ его артистическомъ путешествіи. О сочиненіяхъ и игрѣ г-на Перелли мы поговоримъ послѣ.

Вторую піесу: *morceau de concert* на мотивы изъ оперы «Дочь полка» исполнилъ г. Серве. Едва ступилъ онъ на эстраду, публика привѣтствовала его оглушительными рукоплесканіями. Въ первомъ штрихѣ смычка, въ первомъ звукѣ струны, отозвалось все искусство неподражаемаго виолончелиста. Полнота, мягкость, мелодичность звука,—отличительныя достоинства игры г-на Серве, его исключительная особенность, камень преткновенія, который онъ бросилъ на пути другихъ виолончелистовъ, и за который не перешелъ еще ни одинъ, даже изъ первоклассныхъ артистовъ. Какъ сказочный скрипачъ Балъзака, онъ вложилъ въ безжизненный инструментъ душу; въ рукахъ его виолончель дышитъ, поетъ: онъ извлекаетъ изъ нея глубокія, грудныя ноты, какихъ не издаетъ ни одинъ инструментъ, какія слышатся только въ человѣческомъ голосѣ.

Мы не оскорбимъ г-на Серве похвалою механизма его игры. Изумительная вѣрность хватки въ лѣвой рукѣ, отчетливость, такъ сказать разсыпчатость звуковъ въ самыхъ трудныхъ гаммахъ (*gammes sorcières*), четкая ровность въ *staccato*, ходы двойными нотами, текучая непрерывность звука въ арпеджіяхъ, не стоятъ г-ну Серве ни малѣйшаго усилія; но нельзя умолчать о неподражаемыхъ достоинствахъ его смычка. Штрихъ его до того мягокъ, что трудно уловить мгновенныя интонаціи. Обобщенный слухъ встрѣчаетъ не раждающійся звукъ, а будто продолженіе не слышно-начатаго звука; такъ мягко, такъ постепенно ложится вѣсь смычка на струну. Смычка въ ходѣ штриха (*le va-et-vient de l'archet*) вовсе неслышна; кажется, что безконечный смычокъ идетъ по струнѣ, все впередъ, впередъ, не возвращаясь,—такъ непрерывно льется звукъ. Если смычокъ падаетъ на струну всею силою руки, струна задрожитъ, занеетъ, но и въ этой усиленной вибраціи звука, онъ остается чистъ; не слышно скрипа, почти неизбѣжнаго у всѣхъ виолончелистовъ. Иногда искусная рука артиста налегаетъ на струну только половиной, только третью тяжесть смычка, и струна отзывается неизменно звонко, металлическимъ, серебрянымъ звукомъ. Многолѣтнее упражненіе до того разобщило руки артиста, что онѣ совершенно независимы одна отъ другой; а самобытный произволъ въ движеніяхъ каждой руки есть неизбѣжное условіе совершенства въ игрѣ на всѣхъ струнныхъ инструментахъ.

Г. Серве игралъ въ этомъ концертѣ три піесы своего сочиненія: *morceau de concert*, о которомъ мы уже говорили, фантазію на мотивы изъ оперы «Севильскій Цирюльникъ» и *Grand Caprice* на мотивы изъ балета «*Weselo w Oycowie*»; кромѣ того «*Romanesca*», танецъ XVI столѣтія. Всѣ эти піесы были исполнены съ неподражаемымъ совершенствомъ. Какъ композиція, г-нъ Серве замѣчательнъ свѣжестью и игривостію мысли и истинно художественною отдѣлкою въ инструментациі. Последняя піеса: *Grand Caprice*, написана на мотивы извѣстнаго на варшавскомъ театрѣ балета: «Свадьба въ Ойцовѣ» (Ойцовъ мѣстечко близъ Кракова). Музыка этого балета сочинена изъ народныхъ мелодій, кажется г-нъ Слесани, дирижоромъ варшавскаго балетнаго оркестра. Г. Серве воспользовался мотивами, но не ввелъ ихъ цѣльно въ свой *caprice*; они звучатъ въ его музыкальной фантазіи, какъ темное воспоминаніе. Мысль автора носится среди самыхъ мелодическихъ, самыхъ разнообразныхъ

музыкальныхъ фигуръ; вдругъ нападаетъ она на знакомую тему, повторяетъ памятыя фразы, потомъ сбивается, снова старается вспомнить любимый мотивъ, ловить его отрывками и снова уносится далеко, забывается его и предается самымъ прихотливымъ мечтамъ; но и въ нихъ звучитъ любимая канцонетта, приваряженная воображеніемъ автора. Этотъ капризъ прекрасно задуманъ, входящія въ него чужіе мотивы искусно сгруппированы, въ немъ много музыкальнаго краснорѣчія, а смѣтливая, истинно художественная инструментировка доказываетъ, что г-нъ Серве по праву почитается замѣчательнымъ симфонистомъ.

Теперь очередь г-на Перелли. Онъ игралъ три пьесы своего сочиненія: *morceau de concert* на мотивы изъ «Нормы», фантазію на мотивы изъ оперы *Robert le Diable* и *Болеро*; кромѣ того *La Regata Veneziana*, Листа.

Г-нъ Перелли много трудился, это доказываетъ чистота и бѣглость его игры. Пассажи октавами у него замѣчательно хороши; въ арпеджіяхъ есть плавность, даже пѣвучесть; *les passages perlés* быстры и чисты; нѣтъ въ его игрѣ большой силы, но онъ самъ, зная этотъ недостатокъ, старается вознаградить его нѣжностію игры въ *pianissimo*, и нельзя не похвалить его за это усердіе. Въ *adagio* замѣтна измѣняющаяся чувствительность, притязанія на эффектъ; но г-нъ Перелли такъ молодъ, что ему нельзя не простить избытка чувствъ, о недостаткѣ которыхъ такъ искренно сожалѣютъ многіе пожилые артисты. Скажемъ рѣшительно, что бѣглость, чистота и отчетливость игры г-на Перелли даютъ ему неотъемлемое право играть предъ публикою; московскіе меломаны явно выразили ему свое сочувствіе громкими аплодисментами и вызовами. Мы позволимъ себѣ одинъ упрекъ: въ фантазіи на мотивы Нормы, г-нъ Перелли придумалъ новый эффектъ, играя тему прыжками попеременно то правой, то лѣвой руки черезъ другую, которая въ это время аккомпанируетъ мотивъ. Такой фокусъ оскорбляетъ искусство; этотъ эффектъ хороше на берегахъ Нила (1), но въ Европѣ врядъ ли онъ найдетъ поклонниковъ. Сочиненія г-на Перелли не лишены достоинствъ и отличаются добросовѣстною покорностію правиламъ искусства. Аккомпаниментъ на фантазію изъ Нормы написанъ имъ на цѣлый оркестръ; жалко, что мы слышали его въ квартетѣ; при передыжкѣ весь эффектъ инструментировки потерянь. Благодаримъ г-на Перелли за доставленное намъ удовольствіе похвалить и сочиненія и игру его.

— 8-го февраля слышали мы концертъ Салтыково-Голицынской капеллы. Концертъ раздѣлялся на два отдѣленія: въ первомъ оркестръ императорскаго театра превосходно исполнилъ увертюру изъ оперы Вильгельмъ Тель или Карлъ Смѣлый, лучшую увертюру Россіи. Капелла исполнила два хора изъ той же оперы: «*Во чувствахъ вѣрный, друиъ примырный*» и «*Какъ ярко солнца лучъ играетъ*», и два хора изъ Семирамиды.

Чрезвычайная согласность и вѣрность въ интонаціи, выработанность голосовъ, вотъ что перазило насъ въ исполненіи упомянутыхъ пьесъ.

(1) Г. Перелли, въ свое артистическое странствіе былъ даже въ Каирѣ и тамъ давалъ концертъ.

Но мы еще не слышали той артистической оконченности, того совершенства въ исполненіи, которое составляетъ главное достоинство нѣмецкой капеллы.

Началось второе отдѣленіе концерта.

Оркестръ исполнилъ увертюру изъ оперы «Оберонъ» Вебера. Что сказать объ этой музыкальной поэмѣ великаго маэстро? Въ ней такое изобиліе возвышенныхъ, грандіозныхъ мыслей, что ихъ стало бы на двѣ лирическія оперы современныхъ композиторовъ. Что можетъ сравниться съ величіемъ этого спокойнаго изложенія (exposition), съ энергіею этого crescendo, съ финаломъ, отличающимся неподражаемымъ искусствомъ и роскошнымъ богатствомъ инструментировки? Вся внутренняя, созерцательная жизнь автора отразилась въ этомъ созданіи... Увертюра была исполнена съ безукоризненнымъ совершенствомъ, не удивительнымъ въ такомъ превосходномъ оркестрѣ. Послѣ увертюры владыцъ капеллы вошелъ на эстраду и занялъ мѣсто дирижора. Раздался хоръ изъ оперы «Сомнамбула» и съ первыхъ тактовъ слушатели были изумлены. Это былъ уже не тотъ хоръ, который мы слышали въ первомъ отдѣленіи концерта; не согласное сочетаніе голосовъ, за каждымъ изъ которыхъ могло еще слѣдить внимательное ухо, а гармоническій гулъ, аккордъ, выравшійся изъ груди Стентора; ни одинъ звукъ не отдѣлялся изъ общей волны звуковъ: такъ согласно, такъ слитно пѣли сто голосовъ хора. Подымался волшебный жезлъ дирижора, и звуки крѣпчали или затихали съ такимъ согласіемъ, какъ струны золотой арфы подъ набѣгомъ вѣтра. Crescendo и decrescendo изумительно исполняются капеллою. Въ послѣднихъ тактахъ хора изъ Сомнамбулы, diminuendo достигло до того, что, при совершенной тишинѣ въ залѣ, аккордъ едва былъ слышатъ.

Послѣ хора изъ Сомнамбулы, исполнены были: хоровая охотничья пѣсня Каливоды: «Гей отправимся въ дубраву», хоръ изъ оперы «Жизнь за царя», соч. Глинки: «Славься, славься», и въ заключеніе концерта, народный гимнъ «*Боже, царя храни!*» Всѣ эти пѣсы исполнены подъ дирекціею самого хозяина съ возможнымъ совершенствомъ.

6-го числа былъ въ залѣ Благороднаго Собранія концертъ г. Тропянскаго (кларнетиста и скрипача); мы не будемъ говорить о немъ. Это громадное *fiasco*, вполне заслуженное. Скажемъ лучше нѣсколько словъ о заслуженномъ успѣхѣ, о концертѣ г. Соколовскаго.

Г. Соколовскій играетъ на гитарѣ. Талантъ его снискалъ ему особенное расположеніе московской публики, г. Соколовскій можетъ назваться совершеннымъ артистомъ на этомъ несовершенномъ инструментѣ. При чрезвычайной бѣглости, игра его отличается необыкновенною чистотою: при самыхъ сильныхъ хваткахъ правой руки, струна не звякнетъ, не задрезжитъ подъ пальцемъ, въ аккордахъ каждая нота звучитъ отчетливо, а въ *adagio* г-нъ Соколовскій умѣетъ придать игрѣ своей возможное на гитарѣ выраженіе. Изъ пѣсень, сыгранныхъ г-мъ Соколовскимъ въ этомъ концертѣ, отличаются превосходствомъ исполненія: *Rondo alla polacca* Джульяни, *понури* Нейланда и *фантазія* его сочиненія на мотивы оперы «*Любовный напитокъ*». Заглянувъ въ афишу, мы увидѣли, что говоря о пѣсахъ, предпочтительно хорошо исполненныхъ г-мъ Соколовскимъ, мы невольно назвали всѣ игранныя имъ въ этомъ концертѣ пѣсы. Тѣмъ лучше, мы сказали правду; онъ всѣ исполнилъ превос-

ходно. Въ этомъ концертѣ г. Н. Рубинштейнъ игралъ польскій сочиненія своего брата А. Рубинштейна. Похвалы наши таланту г. Н. Рубинштейна не скажутъ ничего новаго московской публикѣ; она давно знаетъ и вполне умѣетъ цѣнить его. Игра г-на Рубинштейна замѣчательна необыкновенною силою и искусствомъ брать ноту (*la manière d'attaquer la note*); тушь у него мягкій, при всей своей энергій; ровность въ гаммахъ безукоризненна; триллеръ силенъ и отчетливо ровень; въ адажіо увлекательная пѣвучесть. Мы часто слышали игру г. Рубинштейна и всегда съ новымъ удовольствіемъ. Исполненная имъ піеса одно изъ замѣчательныхъ сочиненій его брата, о которомъ иностранные журналы вообще отзываются съ большимъ удовольствіемъ. Г. Герберъ игралъ въ концертѣ г-на Соколовскаго большую фантазію соч. Г. Щепина, и исполнилъ ее удачно. Г. Владиславлевъ пропѣлъ нѣжный романсъ Флотова изъ оперы «Марта», который давно уже прислушался московской публикѣ, хотя многіе увѣряютъ, что она его наслушаться не можетъ. Въ голосѣ г-на Владиславлева мало грудныхъ нотъ, но звукъ (*timbre*) его приятенъ, хотя и не совершенно чистъ (*une voix voilé*). Г. Владиславлевъ всегда старается придать выраженіе своему пѣнію, и Москва любить этого пѣвца. Но пусть г-нъ Владиславлевъ помнить, что Москва любить въ немъ свои надежды на его природное дарованіе и пусть, въ благодарность за вниманіе публики, постарается обработать это дарованіе тщательнымъ изученіемъ искусства; при любви г. Владиславлева къ музыкѣ, это дѣло быточное. Мы ожидаемъ увидѣть въ немъ, со временемъ, замѣчательнаго пѣвца московской сцены, тѣмъ болѣе, что какъ въ игрѣ его, такъ и въ голосѣ нрѣдко оказывается драматическое движеніе. Во второмъ отдѣленіи концерта, гг. Бажановскій и Владиславлевъ удачно исполнили дуэтъ Россини: «I Maginari».

Н. П.

Изданіе ГАЛЛЕРЕЙ КІЕВСКИХЪ ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ВИДОВЪ И ДРЕВНОСТЕЙ. — Изданныя до нашего времени описанія Кіева за отсутствіемъ рисунковъ не вполне удовлетворяютъ каждаго, желающаго изучить этотъ городъ и его древніе памятники. Изданіе: «Обозрѣнія Кіева въ отношеніи къ древностямъ», имѣетъ при себѣ лишь нѣсколько архитектурныхъ чертежей, изображающихъ фасады зданій. Изданныя въ свѣтъ литографіи нѣкоторыхъ кіевскихъ церквей, болшею частію невѣрны и не сопровождаются описаніями изображаемыхъ предметовъ. Съ цѣлію пополнить этотъ литературно-историческій недостатокъ предпринимается теперь изданіе «Галлерей кіевскихъ достопримѣчательныхъ видовъ и древностей». Она заключитъ въ себѣ всѣ безъ изыятія замѣчательные виды Кіева и его окрестностей, храмы, памятники и другіе достопримѣчательные предметы, и каждый рисунокъ будетъ объясненъ текстомъ. Рисунки будутъ сдѣланы на камнѣ художникомъ А. Ф. Ланге. «Галлерей» будетъ выходить по двѣ тетради, въ мѣсяцъ, каждая съ двумя рисунками. Цѣна изданія 10 рублей серебромъ. Издателями объявили себя члены Императорскихъ Русскихъ Географическаго и Археологическаго Обществъ Н. Сементовскій и А. Гаммершмидъ.

Селитряное дѣло въ Казани. — Замѣтки о селитряномъ дѣлѣ въ Казани заимствуемъ мы изъ статьи М. Я. Киттары, ученаго технолога, хорошо знающаго Казанскую губернію. Г. Киттары полагаетъ, что развитіе этой чрезвычайно полезной отрасли промышленности задерживается въ Казанской губерніи: 1) недостаткомъ скотоводства у государственныхъ крестьянъ, которые получаютъ такъ мало удобренія для полей своихъ, что имъ нечего и думать о насыпкѣ буртъ; 2) качествъ почвы Казанской губерніи, которая большею частію глинисто-песчаная съ малою частію извести; такъ, что явится необходимость вводить въ бурты или известку, или золу, что весьма усложняетъ дѣло, и наконецъ 3) климатомъ губерніи, въ которой закладка буртъ должна совпадать съ рабочею порой въ полѣ. Возставая такимъ образомъ противъ введенія буртъ въ хозяйствѣ государственныхъ крестьянъ Казанской губерніи, г. Киттары предлагаетъ соединить это дѣло съ городскою опрятностію и тому, кто за него примется, пророчить огромныя выгоды. Самый городъ Казань, какъ по близости къ пороховому заводу, такъ и по сосѣдству съ Волгой, представляетъ для этой цѣли прекрасный операционный пунктъ. При 8,000 домовъ, въ числѣ которыхъ такъ много казенныхъ заведеній и гостинницъ, можно смѣло предположить до 200,000 назема, и сюда не войдетъ еще весенняя уличная грязь, которою Казань такъ богата. Очищеніе города отъ этой нечистоты, кидаемой зря въ поле, стѣитъ большихъ денегъ; тогда какъ она составляетъ огромный матеріалъ для селитряныхъ буртъ и можетъ даже доставлять выгоды своимъ владельцамъ. Г. Киттары обѣщаетъ развить эту мысль подробнѣе и даже составить приблизительный проектъ предпріятія, если оно заслужитъ вниманіе практиковъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

Письма изъ Флоренціи. — IV. — V. — П. Н. КУДРЯВЦЕВА.
Новѣйшіе нѣмецкіе журналы по средневѣковой старинѣ и народности
вообще. О. И. БУСЛАЕВА.
Труды членовъ Россійской Духовной Миссіи въ Пекинѣ. Н. А. ПОПОВА.
Руководство къ лѣсоводству, составленное подполковникомъ Арнольдъ-
домъ. — Курсъ древоводства Дю-Брейля. — Путешествіе Але-
ксандра фонъ-Гумбольдта по Россіи. А. Н. БЕКЕТОВА.
Археологія и новѣйшее искусство. К. К. ГѢРЦА.
Политическое обозрѣніе съ приложеніями.
Смѣсь : — Музыкальная хроника. — Изданіе галлерей кievскихъ досто-
примѣчательныхъ видовъ и древностей. — Селитряное дѣло въ
Казани.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ КОНТОРАХЪ РУССКАГО ВѢСТНИКА:

ВЪ МОСКВѢ

Въ книжной лавкѣ И. В. Базунова,
на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ
Загряжскаго, и въ Конторѣ Типо-
графіи Каткова и К^о. въ Армянскомъ
переулкѣ.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжной лавкѣ С. В. Базунова,
на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ
Энгельгардтъ.

Иногородные адресуются: въ Редакцію Русскаго Вѣстника,
въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію пятнадцать рублей; съ пересылкою и до-
ставкою на домъ шестнадцать рублей пятьдесятъ коп. сер.

*Русскій Вѣстникъ, въ текущемъ году, выходитъ посто-
янно въ половинѣ и концѣ каждаго мѣсяца.*

Печатать позволяется. Марта 15-го, 1857 года.

Цензоръ Н. Фонъ-Крузе.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ОСЬМОЙ.

1857

МАРТЪ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- I.—ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА ВЪ ЦАРСТВОВА-
НІЕ ОЕОДОРА АЛЕКСѢВВИЧА—I.— А. Н. ПОПОВА.
- II.—О РАЗВИТІИ И СОВРЕМЕННОМЪ
СОСТОЯНІИ ТОРГОВАГО ПАРОХОД-
СТВА ВЪ ЕВРОПѢ . . . . . А. С. ЕРШОВА.
- III.—БИОГРАФЪ-ОРИЕНТАЛИСТЪ . . . Н. Ф. ПАВЛОВА.
- IV.—АМФІОНЪ. (Повѣсть Рила.)
- V.—СЛУГА. (Современный физиологиче-
скій очеркъ.) . . . . . К. Д. КАВЕЛИНА.
- VI.—СТИХОТВОРЕНІЯ:
На смерть М. И. Глинки . . . . . А. Н. МАЙКОВА.
Воронъ . . . . . Ф. Б. МИЛЛЕРА.
- VII.—ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО
СВѢТА. Романъ въ трехъ частяхъ.
Часть вторая: I. — V. . . . . Ю. В. ЖАДОВСКОЙ.
- VIII.—СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ *(см. на оборотѣ).*

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА

ВЪ

ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕОДОРА АЛЕКСѢВИЧА

I.

Нимвегенскій миръ успокоилъ западную Европу послѣ долгой и трудной войны, возбужденной властолюбивыми замыслами Лудовика XIV противъ Голландіи. Онъ началъ войну въ союзъ почти со всѣми европейскими державами, и несмотря на успѣхи оружія, долженъ былъ окончить ее, потому что почти вся Европа обратилась противъ него. Передъ началомъ мирныхъ переговоровъ въ Нимвегенѣ, Голландія уже находилась въ союзѣ съ Римскою имперіею, Бранденбургомъ, Испаніею и Англіею. Одна Швеція оставалась на сторонѣ Франціи и, конечно, не могла оказать ей значительной помощи. Лудовикъ XIV принужденъ былъ заключить миръ, который имѣлъ важное вліяніе на судьбы государствъ западной Европы. Но еще большее значеніе имѣли эта война и миръ въ отношеніи къ восточной Европѣ. Съ этого времени она входитъ въ союзъ съ государствами Запада, и въ смыслѣ политическомъ Европа начинаетъ составлять одно цѣлое. Конечно, то время, о которомъ мы говоримъ, представляетъ только начало, и первая попытка западной Европы привлечь къ союзу государства восточной была неудачна, однако же съ этого времени очевидно утверждаются болѣе и болѣе постоянныя связи восточной и западной Европы.

Польша, съ которою Франція издавна была въ сношеніяхъ, находилась въ войнѣ съ Турками, тогда какъ Лудовикъ XIV началъ военныя дѣйствія противъ Голландіи. Въ то же время возмущенная Венгрія враждовала противъ Имперіи. Такое положеніе дѣлъ представляло французской политикѣ важную задачу помирить Турокъ съ Поляками и тѣхъ и другихъ обратить противъ Имперіи подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы оказать помощь Венгріи. Возбуждая вражду между Польшею и Имперіею, Франція необходимо, сверхъ того, поставила бы Польшу въ отношеніе, враждебное къ Бранденбургу. Съ одной стороны Поляки, съ другою союзница Франціи, Швеція, пославъ войска въ Померанію, конечно отклонили бы курфирста отъ дѣятельной помощи Голландіи.

Такимъ образомъ, Франціи удалось бы разрушить непріязненный ей союзъ государствъ, уменьшить число своихъ враговъ, и потому съ бѣльшимъ успѣхомъ дѣйствовать противъ Голландіи. Польша, ослабленная внутренними распрями и опустошительными походами Турокъ, должна была желать мира. Но люди, дорожившіе славою отечества, конечно понимали, что миръ только и возможенъ безславный, и потому желали поддержать союзъ съ Имперіею и Бранденбургомъ, и особенно съ Россіею, и слѣдовательно, продолжать войну. По Андрусовскому договору, Россія обязалась помогать Польшѣ въ войнѣ съ Татарами и Турками. Ея войска дѣйствовали на Днѣпрѣ противъ гетмана Дорошенка, который, отказавшись отъ подданства Польшѣ, предался со всею заднѣпровскою Украйною Туркамъ. Польша не могла заключить мира иначе, какъ вмѣстѣ съ Россіею, которая однако же вовсе не желала мира. Вліяніе Франціи привлекало Польшу въ союзъ съ нѣкоторыми западными державами; вліяніе Россіи удерживало ее отъ этого союза, вслѣдствіе особенныхъ видовъ московскаго правительства того времени на заднѣпровскую Малороссію, и также потому, что Россія находилась въ союзѣ съ другими изъ державъ западной Европы, которыя враждовали съ Франціею.

Голландія, давно находившаяся въ торговыхъ сношеніяхъ съ Россіею, старалась въ это время заключить съ нею и политическій союзъ, наступательный и оборонительный. Она хотѣла возбудить Россію къ войнѣ съ ея старинною соперницею на сѣверѣ, съ Швеціею, обѣщая дѣятельную помощь съ своей стороны. Сверхъ того ея цѣль заключалась въ томъ, чтобы продлить союзъ

Россіи съ Польшею и тѣмъ отклонить возможность заключенія преждевременнаго мира съ Турками.

Задача голландской политики заключалась въ томъ, чтобы Швецію лишить возможности помогать Французамъ, дѣйствуя противъ ея союзника курфирста Бранденбургскаго, и упрочить свой союзъ съ Римскою имперіею. Не опасаясь ни Турокъ, ни Поляковъ, Имперія свободно могла помогать Голландіи въ войнѣ противъ Лудовика XIV.

Два враждебные между собою европейскіе союза одновременно обратили вниманіе на восточную Европу: одинъ желалъ присоединить къ себѣ Россію, другой Польшу. Но первыя попытки къ тому оказались неудачными. Хотя Франціи и удалось склонить Польшу къ заключенію мира съ Турками, но этотъ миръ, безславный для Польши, заключенъ былъ уже въ то время, когда сама Франція, истощенная войною, приступила къ переговорамъ съ своими врагами. Голландіи вовсе не удалось вовлечь Россію въ войну съ Швеціею, хотя политика московскаго двора, согласная въ этомъ случаѣ съ ея видами, старалась продлить войну Поляковъ съ Турками. Государства восточной Европы еще не составляли одной политической системы съ государствами западной, и потому послѣдствія дѣйствій вовсе не соответствовали намѣреніямъ и желаніямъ.

Ни Польша, ни Россія не принимали участія въ Нимвегенскомъ конгрессѣ. Миръ съ Турціею, заключенный Поляками подъ влияніемъ Франціи, только отклонилъ Польшу отъ союза съ нею и привелъ, напротивъ, къ союзу съ Имперіею. Не долго спустя польскія войска дрались вмѣстѣ съ имперскими противъ Турокъ, и Собѣскій спасъ Вѣну. Въ отношеніи къ Россіи заключеніе этого мира имѣло еще большее значеніе. Вражда съ Польшею, скрывавшаяся подъ видомъ союза, выразилась явно, пока еще только въ дипломатической перепискѣ, и то лишь потому, что Польша не въ силахъ была начать войну съ Россіею не только одна, а даже и въ союзѣ съ Турками. Но заключивъ отдѣльный мирный договоръ съ ними, она, конечно, оставляла свою союзницу, Россію, въ войнѣ съ Портою. Россія не могла, въ свой чередъ, заключить отдѣльнаго мира съ Турками: она владѣла Чигириномъ и тою частію Заднѣпровья, которую Польша, послѣднимъ мирнымъ договоромъ, уступила Портѣ. Такимъ образомъ, дѣятельное вмѣ-

шательство въ дѣла европейскія окончилось для одной Россіи войною, для всѣхъ другихъ державъ — миромъ. Во время войны, европейскія государства призывали Россію къ союзу; Голландія, Имперія, Польша, Данія и Бранденбургъ искали ея помощи. Во время мира, когда для одной Россіи началась война, никто не думалъ помогать ей. Москва всего болѣе могла желать помощи со стороны Польши; но знала напередъ, что Польша не окажетъ помощи, и приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы одной выдержать войну съ новыми врагами, которыхъ сила еще ужасала западную Европу. До сихъ поръ она еще не воевала съ Турками: въ 1677 году въ первый разъ принуждена была готовиться встрѣтить ихъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Чигиринъ, оставленный гетманомъ Дорошенкомъ во власть Русскимъ, средоточіе въ это время заднѣпровской Малороссіи, составлялъ послѣднее приобрѣтеніе Россіи: на него преимущественно слѣдовало ожидать нападенія Турокъ. Уступленный Портъ со всѣмъ Заднѣпровьемъ Поляками, отданный еще прежде въ ея подданство самимъ гетманомъ Дорошенкомъ, Чигиринъ со всею странюю, ему подвластною, по убѣжденію Турокъ, принадлежалъ имъ по праву и былъ несправедливо занятъ Россією. Послѣ того, какъ сложивъ гетманство, Дорошенко сдалъ Чигиринъ воеводѣ царскому, князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому и гетману Самойловичу, тамъ начальствовалъ стольникъ и полковникъ Матвей Кравковъ, состоявшій въ полку генерала Аггея Шепелева (1). Въ ожиданіи нападеній, исправленіе укрѣпленій Чигирина и усиленіе гарнизона составляло первую заботу московскаго правительства. Но, въ этомъ отношеніи, важный вопросъ представляло слѣдующее обстоятельство: въ Чигиринѣ былъ верхній и нижній городъ, собственно крѣпость и посады, какъ это бывало во всѣхъ городахъ русскихъ: кто станетъ защищать тотъ и другой, гдѣ будутъ находиться московскія войска и гдѣ малороссійскія? Чигиринъ составлялъ часть Малороссіи, подданную въ собственномъ смыслѣ гетманству малороссійскому, и потому московскимъ войскамъ не могла быть поручена исключительная защита Чигирина. Между тѣмъ, не исполнѣ довѣрія Малороссіи, естественно, что Москва, въ то время какъ помогала ей въ защитѣ Чигирина, должна была позаботиться о безопасности своихъ войскъ. Поэтому вопросъ, гдѣ будетъ находиться

собственно московскій гарнизонъ, былъ для правительства однимъ изъ важныхъ вопросовъ. Кромѣ того взгляды Москвы и Малороссіи на Чигиринъ совершенно различались. Москва не придавала ему особенной важности и предполагала даже вовсе уничтожить укрѣпленія чигиринскія; Малороссія, напротивъ, считала его ключомъ ко всей заднѣпровской Украинѣ, и потому гетманъ Самойловичъ считалъ необходимымъ сильнѣе прежняго укрѣпить Чигиринъ и усилить его защиту.

Важнѣе Чигирина въ глазахъ Москвы, впрочемъ и всей Малороссіи, былъ Кіевъ. По Буджановскому договору Польша уступила его Туркамъ со всѣмъ Заднѣпровьемъ. По договору Журавинскому, хотя вновь она приобрѣла отъ Турціи часть Заднѣпровья и Кіевъ, но онъ находился въ рукахъ Русскихъ, и виды на него какъ Москвы, такъ и Малороссіи, совершенно измѣнились въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. Россія считала его своею собственностію, а не простымъ временнымъ залогомъ, какъ это было по договору Андрусовскому. Необходимость принудила Россію принять послѣднее условіе, впрочемъ какъ временную мѣру въ простомъ срочномъ перемиріи, какимъ и былъ Андрусовскій договоръ. Сама Польша избавила Россію отъ тяжелой необходимости возвратитъ ей современемъ Кіевъ: она уступила его Портъ договоромъ Буджановскимъ. Съ тѣхъ поръ Москва считала Кіевъ взятымъ у Турокъ и даже отстраняла всякое на него притязаніе со стороны Польши. Это мнѣніе еще болѣе утвердилось, когда Дорошенко, гетманъ всей заднѣпровской Украины, принявшій турецкое подданство, предался потомъ Россіи со всею странюю, ему подвластною если не на самомъ дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ по праву.

Готовясь къ войнѣ съ Турками, опасаясь въ то же время и Поляковъ, Россія всѣми способами старалась защищать Кіевъ. Въ мартъ мѣсяцъ уже произведенъ былъ осмотръ всѣхъ кіевскихъ укрѣпленій, и составлена опись того, что нужно исправить или вновь устроить. Немедленно, по полученіи въ Москвѣ, эта опись была доложена малороссійскимъ приказомъ въ царской думѣ, которая постановила «послать въ Кіевъ государеву грамоту тотъ часъ», поручая воеводѣ исправить по описи укрѣпленія и вообще «учинить, гдѣ пристойно, всякія крѣпости, чтобы во время непріятельскаго прихода за помощію Божіею сидѣть было без-

страшно». Въ Кіевѣ, по распоряженію Иноземнаго приказа, постоянно находились иностранные инженеры, которымъ поручено было производить работы, заготавливались запасы и сосредоточивались войска. Въ продолженіе короткаго времени воеводы смѣнялись тамъ три раза. Въ началѣ года тамъ воеводствовалъ бояринъ князь Алексѣй Андреевичъ Голицынъ; за тѣмъ окольнічій Алексѣй Андреевичъ Головинъ и потомъ бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ (2).

Несмотря на то, что преимущественное вниманіе московскаго правительства устремлено было на Кіевъ, однако же оно заботилось и объ укрѣпленіи Чигирина, уступая въ этомъ случаѣ желанію малороссійскаго гетмана. Въ январѣ уже мѣсяцъ чигиринскій воевода увѣдомлялъ, что «верхній и нижній городъ деревянный» слѣдуетъ совершенно исправить. Вслѣдствіе его донесенія, къ гетману Самойловичу былъ посланъ указъ, которымъ повелѣвалось сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы чигиринскіе и другихъ малороссійскихъ городовъ жители заготовили необходимые для исправленія укрѣпленій дѣсъ и другіе припасы. Но гетманъ, еще до полученія царскаго указа, отправилъ генеральнаго хорунжаго, Григорья Карпова, полковникомъ въ Чигиринъ, и поручилъ ему исправить укрѣпленія нижняго города своими ратными людьми, а верхній городъ должны были по его распоряженію укрѣплять Русскіе. Жителямъ городскимъ онъ предписалъ приготовить дѣсъ. Такимъ образомъ, защиту Чигирина, еще до утвержденія царскаго, по общему порядку, заведенному въ Малороссіи, гетманъ раздѣлил между войсками московскими и малороссійскими. Когда въ Москвѣ получили извѣстіе о распоряженіяхъ Самойловича, кіевскому воеводѣ поручено было предписать Кравкову немедленно приступить къ починкѣ чигиринскихъ укрѣпленій по соглашенію съ полковникомъ Карповымъ. Но вслѣдъ за тѣмъ, вѣроятно не полагаясь на достаточныя познанія чигиринскаго воеводы въ дѣлѣ укрѣпленія, на его мѣсто былъ назначенъ иностранецъ, генералъ-майоръ Трауернихтъ, которому въ помощь отправленъ изъ Кіева инженеръ фонъ-Фростенъ (3).

Трауернихту поручалось немедленно ѣхать въ Кіевъ и потомъ, когда отпустить его воевода Троекуровъ, спѣшить въ Чигиринъ. Извѣстія о намѣреніяхъ Турокъ напасть на Украину, постоянно приходившія въ Москву, усиливали послѣдность къ принятію

всѣхъ мѣръ для обороны. Самойловичу, въ началѣ апрѣля, вновь было предписано распорядиться о скорѣйшемъ укрѣпленіи нижняго города Чигирина, которымъ завѣдывали Малороссіяне. Извѣстія о случившемся тамъ пожарѣ, истребившемъ часть деревянныхъ укрѣпленій, и о побѣгахъ стрѣльцовъ со сторожъ, еще болѣе заставляли спѣшить московское правительство (4). Трауернихта; на пути къ Кіеву, въ Сѣвскѣ, настигло новое предписаніе царское, которымъ повелѣвалось ему, не заѣзжая уже въ Кіевъ, ѣхать прямо въ Чигиринъ, куда направлены были и стрѣleckіе приказы, ему приданные въ Москвѣ для усиленія чигиринскаго гарнизона. Прибывъ въ крѣпость, онъ долженъ былъ принять «воинскій нарядъ и запасы»; составить, по обычаю, опись всему и сообщить въ приказъ малороссійскій. Ему вмѣнено было въ обязанность, «о службѣ государевой дѣломъ радѣть неоплошно», держать караулы по городу, острогу, башнямъ и стѣнамъ крѣпостнымъ и часто ихъ осматривать, чтобы какъ-нибудь Татары и Турки нечаянно не пришли къ Чигирину и «дурна какого не учинили»; въ отношеніи къ жителямъ—«ласку и привѣтъ держать и во всемъ ихъ оберегать», и стараться, чтобы Русскіе жили въ мирѣ съ Малороссіянами, и наблюдать, чтобы не было перебѣжчиковъ съ нашей стороны, а выходцевъ изъ Польши строго допрашивать о Туркахъ, крымскомъ ханѣ, польскомъ королѣ, и «о всякихъ вѣстяхъ», которыя узнаетъ, немедленно сообщать въ Москву, въ приказъ малороссійскій, и кіевскому воеводѣ (5).

Чигиринъ составлялъ передовое укрѣпленіе, на которое прежде всего должны были напасть Турки, дабы не оставить его въ тылу у себя, еслибъ задумали идти къ Кіеву. Но за нимъ находилось Запорожье. Въ борьбѣ противъ Турокъ оно могло оказать важную помощь, угрожая съ тылу турецкимъ войскамъ, еслибъ они предприняли осаду Чигирина, или отвлекая Татаръ нападеніемъ на ихъ отряды и даже на самый Крымъ. Но Запорожье, несмотря на присоединеніе Заднѣпровья, еще не вполне считалось въ подданствѣ одной Россіи. Хотя московское правительство обходилось съ Запорожцами, какъ съ своими подданными, но въ то же время и не отрицало ихъ подданства Польшѣ, признаннаго Андрусовскимъ договоромъ. Запорожье, собственно говоря, только находилось подъ покровительствомъ обѣихъ державъ, равно желавшихъ полнаго его подданства. Это обоюдное покровительство давало воз-

возможность полной свободы въ дѣйствіяхъ Запорожью въ войнѣ Россіи съ Турками, съ которыми Польша заключила уже миръ. Естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ московское правительство должно было заботиться о томъ, чтобы склонить Запорожцевъ на свою сторону и возбудить къ войнѣ противъ Турокъ. Того же, конечно, желалъ и гетманъ малороссійскій; но Самойловичъ, мечтавшій о владычествѣ надъ всею Украиною, не былъ расположенъ къ Запорожью, ему неподвластному; и между нимъ и кошевымъ Сѣрко таилась вражда. Храбрый, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ не только своихъ казаковъ, но и всѣхъ сосѣдей, кошевой запорожскій твердо отстаивалъ самостоятельное положеніе своего войска. Онъ желалъ блага Украинѣ, не любилъ ни Татаръ, ни Турокъ, ни Поляковъ, но не хотѣлъ считать себя подвластнымъ Самойловичу. Такимъ образомъ, отношенія къ запорожскому кошевому московскаго правительства и гетмана малороссійскаго существенно различались.

Москва постоянно ласкала Сѣрка, желая привлечь его на свою сторону; но всѣ сношенія съ Запорожьемъ однако же производились не иначе, какъ черезъ гетмана, или съ его вѣдома. Самойловичъ исполнялъ порученія правительства московскаго, но въ то же время старался всѣми способами внушить недовѣріе къ запорожскому кошевому. Поэтому въ этихъ отношеніяхъ не было искренности, таились подозрѣнія; московское правительство не могло вполне полагаться и на самую Малороссію: тамъ постоянно продолжалось волненіе. Хотя Дорошенко и сошелъ съ поприща дѣйствій, но былъ еще гетманъ польскій; Турція приготовляла своего; Малороссія оставалась раздробленною по прежнему. Выходцы, казаки изъ Польши, приверженцы Дорошенка, лазутчики Турціи, волновали народъ, внушали недовѣріе къ Самойловичу, который самъ держался наиболѣе силою Москвы. Сулъ надъ Рославцемъ и его товарищами, составившими заговоръ противъ гетмана, еще продолжался въ это время, а между тѣмъ Рославецъ пользовался народнымъ уваженіемъ. Государь разрѣшилъ гетману судить его и сообщниковъ по законамъ малороссійскимъ, по войсковому праву. Войсковою судъ присудилъ ихъ къ смертной казни; но Самойловичъ, желая показать Малороссіянамъ, впрочемъ уже привыкшимъ къ жестокостямъ гетмановъ, свое милосердіе, даровалъ имъ жизнь, и просилъ у государя дозволенія прислать

ихъ въ Москву съ тѣмъ, чтобы они были сосланы въ Сибирь (6). Государь согласился на желаніе гетмана, который въ то же время напелъ случай удалить и Дорошенка изъ Украйны, гдѣ онъ проживалъ въ своихъ помѣстьяхъ: онъ отправилъ его въ Москву, опасаясь, вѣроятно и не безъ основанія, что такой человѣкъ, какъ Дорошенко, не останется спокойнымъ зрителемъ происшествій и при первомъ удобномъ случаѣ можетъ вмѣшаться въ дѣла общественныя (7). Гетманъ искалъ всеми способами пріобрѣсти довѣріе къ себѣ московскаго правительства: одинъ, а иногда и двое изъ его сыновей постоянно пребывали въ Москвѣ, какъ гости, но въ то же время, какъ заложники, хотя правительство вовсе этого не требовало отъ него; оно принимало и содержало сыновей со всеми возможными почестями. Въ это время онъ прислалъ меньшихъ сыновей, Григорья и Якова, а старшаго Симеона выписалъ обратно въ Малороссію. Симеонъ былъ уже въ полномъ возрастѣ и потомъ дѣйствовалъ въ войнѣ противъ Турокъ (8).

Хотя московское правительство и довѣряло лично Самойловичу, однако же, не рассчитывая на спокойную преданность всей Малороссіи, постоянно ласкало Запорожье, несмотря на нерасположеніе къ нему гетмана.

Въ Запорожье ежегодно посылалось «царское жалованье», запасы военные и подарки старшинамъ и кошевому, а иногда и всѣмъ казакамъ, если бывала съ ихъ стороны особенная заслуга. И въ этомъ году, въ маѣ мѣсяцѣ, съ такимъ порученіемъ и грамотою къ Сѣрку и «всему посольству», отправился изъ Москвы стряпчій Перхуровъ въ Сѣчу. Проѣздомъ въ Запорожье, онъ долженъ былъ захватить въ Батурино, явиться къ гетману и съ его проводниками отправиться въ Сѣчу. Прибывъ туда, онъ не засталъ кошевого, который находился на пастѣхъ, верстахъ въ пяти отъ Сѣчи. Извѣщенный о пріѣздѣ московскаго гонца, Сѣрко на другой же день прибылъ въ Сѣчу и позвалъ Перхурова на кошъ: его встрѣчали торжественно съ пушечными выстрѣлами. Послѣ свиданія съ гонцомъ, когда Сѣрко узналъ, что онъ привезъ грамоту царскую и жалованье войску запорожскому, онъ собралъ раду. На радѣ онъ выслушалъ рѣчь гонца, принявъ грамоту изъ его рукъ и въ знакъ уваженія положилъ ее на голову, поцѣловалъ печать и отдалъ войсковому писарю для прочтенія. Выслушавъ грамоту, казаки «били челомъ государю на его жалованье», однако

же кричали, что прислано мало суконъ, «подбѣяться не тѣмъ, только де прислано имъ по одной рукавкѣ», между тѣмъ какъ они - всегда вѣрно служили отцу государеву и ему служить готовы постоянно и сражаться противъ бусурмановъ». Кошевой съ своей стороны жаловался на радѣ Перхурову, что будто бы казаки ему недостаточно повинуются, потому что у него «государева жалованья, знамени и булавы нѣтъ». Ему хотѣлось знаковъ гетманскаго достоинства, или точнѣе сказать, ему хотѣлось быть гетманомъ заднѣпровской Украйны, вмѣсто Дорошенка. Но въ этомъ отношеніи московское правительство поставлено было въ затруднительное положеніе; оно всегда было готово признать заднѣпровскимъ гетманомъ кого бы то ни было; даже соглашалось прежде признать это достоинство за Дорошенкомъ, если того захотятъ казаки; но эта мысль была противна Самойловичу, стремившемуся къ полному обладанію всею Малороссіею, не любя и самимъ Малороссіянамъ, сколько-нибудь понимавшимъ политическое положеніе своей родины. Но воззрѣнія государственныя не могли быть понятны запорожскимъ казакамъ. Желая гетманства своему кошевому, Запорожцы постоянно негодовали на Самойловича, постоянно придирались къ различнымъ мелочнымъ обстоятельствамъ. На этой радѣ они, между прочимъ, кричали противъ него, говоря, что онъ отнялъ у нихъ Переволошинскій перевозъ, безъ платы переѣзжать черезъ него не позволяетъ, и не присылаетъ запасовъ для войска (9). Между тѣмъ и Самойловичъ постоянно жаловался на Сѣрко, и эти жалобы тоже имѣли основаніе. Въ листѣ отъ 2 іюня онъ писалъ государю: «До сего времени никогда ничего добраго отъ него кошевого не исходило, такъ и нынѣ дѣется.» Гетманъ писалъ къ нему и просилъ, чтобы онъ не входилъ ни въ какія сношенія съ крымскимъ ханомъ; несмотря на то, Сѣрко заключилъ съ нимъ перемиріе. «Часть навсегда,» прибавляетъ Самойловичъ, донося объ этомъ въ Москву, хотя перемиріе Запорожцевъ съ Крымомъ было заключено только до Петрова дня. Хотя подобныя перемирія съ Татарами постоянно заключали Запорожцы, находясь съ ними въ близкихъ сношеніяхъ, но, быть-можетъ однакожь, Сѣрко заключилъ его безъ вѣдома и противъ воли гетмана, желая показать свою самостоятельность. На его приглашеніе, пріѣхать въ Батурино для совѣщанія о совокупной защитѣ края, онъ явно выразилъ свое недовѣріе къ Самойло-

внучу, говоря, что опасается ѣхать, чтобъ онъ не захватилъ его и не «заслалъ въ Сибирь на вѣчное житье, какъ Дорошенка». Преданные Дорошенку казаки истолковывали отправленіе его въ Москву, какъ ссылку, и обвиняли Самойловича. Сѣрко не только показывалъ нерасположеніе къ гетману, но даже жаловался ему и на московское правительство. «Великимъ удивленіемъ дивляюсь, писалъ онъ къ нему, — что не получалъ даровъ, какіе посылались ему при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; для чего то дѣло дѣлается, вѣдаешь, ваша милость! я здѣсь на славномъ Запорожьѣ много времени не стадо пасу, но по волѣ Божіей и по любви всего войска есть надъ войскомъ начальный сего мѣста вождь; не домашнія дѣла дѣлаю, но служа великому государю, для цѣлости отчизны воински тружась.» Сообщая это письмо Сѣрка въ Москву, Самойловичъ писалъ къ думному дьяку Иларіону Ивановичу, что получивъ царскую грамоту, Сѣрко вслухъ, предъ всѣмъ войскомъ, говорилъ, что письмами насъ только «манять, на которыя не надѣючися, надо намъ самимъ о своей цѣлости промышлять. Вѣдаете ихъ оборону, далася намъ знать». (10) Несмотря на взаимныя ссоры, въ кошевомъ запорожскомъ было не менѣе любви къ своей родинѣ, какъ и въ гетманѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра; но характеры ихъ существенно различались: Самойловичъ, хотя и въ грубомъ видѣ, былъ уже человѣкомъ государственнымъ и смотрѣлъ далеко впередъ; Сѣрко былъ предводитель дружины, блистательно-храбрый, но вовсе не понимавшій политическаго значенія Украйны въ это время.

Между тѣмъ, Турція готовилась къ походу еще съ осени прошлаго года. Заключивъ миръ съ Поляками, Турки намѣревались оказать помощь Венгріи и начать войну съ Имперією. Это предположеніе казалось въ настоящее время вѣроятнѣе, нежели когда-либо, ибо верховный визирь Ахметъ-Кюприлю внезапно умеръ, и на его мѣсто назначенъ былъ Кара-Мустафа, благосклонно расположенный къ Венграмъ. О томъ же старался и французскій посланникъ въ Константинополь, Нуантель; но извѣстіе, что Дорошенко со всѣмъ Заднѣпровьемъ покорился Россіи, принудило Турцію начать войну съ нею. Но прежде, нежели начать войну, Турція употребила то же самое средство, какимъ постоянно пользовалась Польша, теряя владычество надъ Украйною. Ей нужно было создать внѣшній призракъ обладанія надъ странюю,

не находившеюся уже въ ея власти, выставить знамя, подъ которое бы стекались всѣ безпріютные сыны несчастной Малороссіи; ей нужно было назначить гетмана, признающаго ея верховную власть. Силы оружія не слишкомъ было бы достаточно дѣйствовать въ странѣ, привыкшей къ битвамъ, защищаемой войсками могущественной державы Московской. Сила измѣны скорѣе всего могла бы даровать удачу мусульманскому оружію. Въ примѣрахъ возможности такого предпріятія не было недостатка: Дорошенко былъ самымъ недавнимъ.

Но кого сдѣлать гетманомъ Малороссіи? Совѣтъ патріарха цареградскаго какъ нельзя лучше помогъ Турціи въ обстоятельстве затруднительномъ.—Въ темницахъ Цареграда шесть лѣтъ томился человекъ, носившій великое для Малороссіи имя; это не былъ *Богомъ данный* ея избавитель, но родной и единственный сынъ *Богдана*, Юрій Хмѣльницкій. Ребенкомъ онъ остался по смерти отца, и несмотря на малолѣтство, былъ избранъ въ санъ гетмана. Любовь народа къ Богдану была причиною избранія, а въ то же время и происки генеральнаго писаря Виговскаго, назначеннаго въ опекуны къ Юрію. Но это опекунство было не продолжительно: удаливъ Хмѣльницкаго въ Кіевъ для того будто, чтобы продолжать ученіе, Виговскій сдѣлался гетманомъ, съ цѣлю подчинить Украину, по прежнему, Польшѣ. Намѣреніе это произвело рядъ кровавыхъ войнъ, стоившихъ Малороссіи безчисленныхъ жертвъ. Андрусовскимъ перемиріемъ были приостановлены войны, но не были окончены. Раздѣливъ на части Малороссію, этотъ договоръ самъ послужилъ поводомъ къ новымъ войнамъ. Походъ Турокъ подъ Чигиринъ былъ ихъ продолженіемъ. Во все это время Юрій Хмѣльницкій два раза получалъ гетманскую булаву, но не умѣлъ удержать ее, постригся въ монахи, попалъ въ плѣнъ къ Полякамъ, вмѣстѣ съ епископомъ Тукальскимъ, и выреченный оттуда, снова плѣненъ былъ Татарами, которые отправили его къ султану. Узникъ Семибашеннаго Замка, онъ ожидалъ казни за попытку къ побѣгу, когда ему пришли возвѣстить о назначеніи его по волѣ султана княземъ всей Украины. Патріархъ Пареній вывелъ его изъ темницы; драгоманъ порты, Маврокордато, снялъ съ него монашескую одежду и облекъ его въ золотой кафтанъ, далъ ему оружіе, денегъ, лошадей изъ султанской конюшни и отправилъ его волновать Малороссію. Въ мартѣ мѣсяцѣ онъ тор-

жественно выѣхалъ изъ Царьграда къ войскамъ турецкимъ, которымъ назначенъ былъ походъ къ Чигирину подъ предводительствомъ Ибрагима-паши. Крымскому хану также предписано было соединиться съ Турками и дѣйствовать противъ Малороссіи (11).

Юрій Хмѣльницкій, отправившись въ походъ, передъ появленіемъ въ Украинѣ, разослалъ повсюду универсалы, приглашалъ казаковъ вспомнить его отца и подчиниться ему безъ сопротивленія, какъ законному владѣтелю Малороссіи. По свидѣтельству гѣтописцевъ, универсалы Хмѣльницкаго поразили казаковъ неожиданностью: его считали давно умершимъ, имя Хмѣльницкаго звучало преданіемъ дорогой старины, и вдругъ воскресло великое имя и снова взволновало Украину. Признаки волненія народнаго прежде всего оказались въ Запорожьи; по крайней мѣрѣ гетманъ Самойловичъ увѣрилъ царя, что Запорожцы желаютъ поддаться Хмѣльницкому. «Я писалъ къ Сѣрку, чтобъ онъ не мирился съ Татарами, а паче, чтобъ къ Хмѣльниченку не предавался, однако вижу—свое дѣлаетъ, и къ Хмѣльниченку многожды посылаетъ,» писалъ гетманъ къ царю въ началѣ іюля (12). Дѣйствительно, послѣ полученія универсала Юрія Хмѣльницкаго, Запорожцы отправили къ нему посланцевъ въ Тягинь (Бендеры), но съ тѣмъ, чтобъ онъ упросилъ султана отпустить ихъ пѣвниковъ. Вѣроятно, только съ этою цѣлію Запорожцы показывали видимое расположеніе къ Хмѣльницкому, которое въ глазахъ не любившаго ихъ Самойловича казалось предательствомъ. Впрочемъ, онъ скоро и самъ измѣнилъ свое мнѣніе о Запорожьи, и московскому гонцу Карандѣеву въ іюнѣ мѣсяцѣ говорилъ, что онъ уже согласился съ Сѣрко, какъ дѣйствовать совокупно противъ Турокъ. Когда гетманъ и князь Ромодановскій подойдутъ къ Чигирину, кошевой запорожскій съ своей стороны общалъ ударить на непріятеля. Говоря объ универсалахъ Хмѣльницкаго, гетманъ разказалъ, какое впечатлѣніе произвело на Запорожцевъ его приглашеніе, чтобы Сѣрко вышелъ къ нему на встрѣчу со всѣмъ войскомъ. Когда на радѣ прочли универсалъ, казаки закричали: «Турки то же хотятъ съ нами сдѣлать, что сдѣлали съ Уманью,—насъ выманить въ поле, а кошь разорить и остальныхъ побрать въ плѣнъ.» Къ счастью передъ войною водворилось согласіе между Самойловичемъ и Сѣркомъ, чего и желалъ постоянно московскій дворъ. Несмотря на извѣты гетмана, онъ

ласкалъ Запорожцевъ и постоянно внушалъ ему дѣйствовать согласно съ Сѣркою, уговаривать его не мириться съ Крымомъ и защитить Запорожье, отправивъ часть своихъ войскъ въ Кайдакъ. На послѣднее предложеніе Самойловичъ отвѣчалъ, «что Кайдакъ находится подъ обороною запорожскаго войска и тѣмъ городомъ завѣдываетъ Сѣрко, для обереганья туда посылаются Запорожцы. Они для обороны Кайдака людей не просятъ, и потому не согласясь напередъ съ ними, значило бы учинить имъ злобу.» Въ такое важное время благоразумный гетманъ отложилъ личное нерасположеніе къ Сѣрку и, какъ доказываютъ его послѣднія слова, избѣгалъ уже всякаго случая къ ссорѣ или недоразумѣнію: Впрочемъ, онъ обѣщалъ царю, когда пойдетъ съ княземъ Ромадановскимъ къ Чигирину, писать объ этомъ къ Сѣрку (13). Появленіе въ Кайдакъ малороссійскихъ войскъ Самойловича могло показаться Запорожцамъ желаніемъ, съ его стороны, подчинить ихъ постепенно своей власти и, вѣроятно, не могло быть пріятно Сѣрку во всякое другое время. Но Сѣрко въ этомъ случаѣ поступилъ не хуже гетмана; онъ предупредилъ его сношенія и самъ предложилъ ему, вмѣстѣ съ товариществомъ кайдацкимъ, прислать туда запасовъ и усилить гарнизонъ своими войсками (14). Но нѣкоторые изъ городовъ заднѣпровской Украйны, опустошенные прежними нашествіями Турокъ и Поляковъ, почти беззащитные, послушались универсаловъ Хмѣльницкаго. Кальникъ, Немировъ, Умань и нѣкоторые другіе признали его гетманомъ. Бездомные казаки также являлись къ нему на службу; но вообще ихъ было весьма не много: во главѣ двухъ или трехъ сотъ казаковъ онъ явился въ Украйну, вмѣстѣ съ Турками и Татарами.

Вѣсти о движеніи Турокъ постоянно приходили въ Москву и служили поводомъ къ распоряженію объ отраженіи непріятелей. Желая имѣть болѣе точныя свѣдѣнія о пути, которымъ Турки пойдутъ къ Чигирину и Кіеву, призвали еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ Посольскій приказъ для распросовъ, бывшаго гетмана Дорошенка, знакомаго съ мѣстностію южной Украйны и Турціи. Думный дьякъ, Ларіонъ Ивановъ, спрашивалъ его, во сколько времени и какими путями Турки могутъ прійти къ Кіеву. Дорошенко объяснилъ три пути—на Каменецъ, Тягинъ и Запорожье, каждый отъ пяти и болѣе недѣль ходьбы, и прибавилъ, что у рѣки Хартиты, близъ урочища Докучкасъ, Турки замышляютъ построить крѣпость;

и еще другую у Кайдака. «Если, Боже оборони, тѣ мѣста непріатели осядутъ, то ужь ни единого въ Запороги козака не пропустятъ, а на нихъ уже нельзя наступать будетъ и водою въ землю ихъ ходить, на море не пропустятъ уже козацкихъ челновъ. Тогда, заключилъ Дорошенко, навѣчно пропадетъ Запорожье.» (5) Показанія Дорошенка послужили поводомъ къ предписаніямъ о поспѣшномъ продолженіи укрѣпленій Кіева и Чигирина, усиленіи гарнизоновъ и приготовленіи къ походу какъ гетмана Самойловича, такъ и князя Ромодановскаго. Въ началѣ іюня гетманъ уже прислалъ въ Москву турецкихъ плѣнниковъ. Около Юрьева дня онъ посылалъ станицу изъ ста казаковъ къ Каменцу; они въ расплохъ напали на Турокъ, перебили ихъ и привели плѣнниковъ, которые сообщали уже о движеніи всего турецкаго войска къ Днѣпру. Желая показать особенное расположеніе къ малороссійскому гетману и тѣмъ болѣе привязать его къ себѣ, московское правительство отправило къ нему нарочнаго гонца съ подарками. Прибывъ въ Батуринъ, стрѣлецкій голова Карандзевъ объявилъ гетману милостивое царское слово, вручилъ ему соболей на 375 рублей и «атласу бѣлаго веницейскаго самаго добраго», а также значительные подарки и всѣмъ старшинамъ войсковымъ. Карандзеву поручено было объявить также гетману, что въ отношеніи къ дѣлу Рославца съ его товарищами царь согласенъ исполнить его желаніе: они будутъ сосланы въ Сибирь. Сверхъ того были и еще дѣла, о которыхъ поручено было гонцу переговорить съ гетманомъ.

Дорошенко скучалъ въ Москвѣ. Буйная, воинственная его природа рвалась на родину, гдѣ загорѣлась война. Ему, столько лѣтъ постоянно дѣйствовавшему съ оружіемъ въ рукахъ и въ переговорахъ съ сосѣдними державами, не сидѣлось въ Москвѣ, подъ бдительнымъ надзоромъ правительства; ему хотѣлось на волю, въ степи украинскія. Конечно, его бы не отпустили по его только желанію, и потому онъ, по всегдашнему своему обычаю, употребилъ хитрость. Въ Москвѣ постоянно жаловался правительству на Самойловича, будто бы онъ по личному недоброжелательству не отпускаетъ къ нему его жену и удерживаетъ ее въ Малороссіи; къ Самойловичу, напротивъ, писалъ постоянно и просилъ: «ради Бога не уморить его съ печали» и вызвать въ Малороссію, согласно съ присягою, которую дали гетманъ и русскій воевода, что ему дозволено будетъ жить въ его помѣстьяхъ. Посольство Каран-

дѣва объяснило дѣло: гетманъ никогда не думалъ задерживать жены Дорошенка; ему и хотѣлось, можетъ-быть, повидаться съ женою, но не въ Москвѣ, а на родинѣ. Главная же цѣль Дорошенка заключалась въ томъ, чтобы находиться въ Украинѣ въ смутное время. Но онъ не возвратился уже на родину, а прожилъ вѣкъ и умеръ въ Ярополчей слободѣ, отданной ему въ помѣстье, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, близъ Москвы. Лаская Самойловича, московское правительство однакожь опасалось Малороссіянъ. Карандѣву поручено было повидаться съ княземъ Ромодановскимъ и тайно спросить его, что въ случаѣ измѣны малороссійскихъ войскъ въ Чигиринѣ, могутъ ли Русскіе одни держаться въ верхнемъ городѣ. Удовлетворительный отвѣтъ воеводы, который доказывалъ возможность держаться однимъ даже Русскимъ противъ Турокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ довѣренность его къ Малороссіянамъ успокоили московскій дворъ. Не одно московское правительство, но и гетманъ съ своей стороны опасался Малороссіянъ, не всѣмъ къ нему расположенныхъ, и желалъ дѣйствовать не иначе, какъ вмѣстѣ съ московскими войсками. Поэтому онъ просилъ царя предписать князю Ромодановскому соединиться съ нимъ, поручить ему устроить мостъ на Днѣпрѣ, и оставаясь по сю сторону рѣки, охранять переправу въ то время, когда гетманъ поведетъ свои полки за Днѣпръ; но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ желалъ, чтобы при немъ постоянно находились хотя человекъ триста русскихъ воиновъ. Опасаясь, чтобы въ то время, когда всѣ московскія и малороссійскія войска соберутся близъ Чигирина, ханъ крымскій не ударилъ на Малороссію, Самойловичъ просилъ царя послать къ Переяславлю «хотя малую часть войскъ для славы имени своего». Онъ же съ своей стороны отправилъ снова два полка въ Чигиринъ, Рубана и Жураковскаго, жалованье тамошнему гарнизону и взялъ съ него присягу на вѣрную службу царю и гетману, и чтобы никакихъ сношеній ни съ Турціей, ни съ Хмѣльницкимъ не имѣть (16).

Но въ Москвѣ не менѣе гетмана заботились о защитѣ Украины. Бѣлгородское войско, усиленное новыми отрядами, присланными изъ Москвы, простиралось уже до сорока двухъ тысячъ. Изъ Смоленска бояринъ князь Владиміръ Дмитріевичъ Долгоруковъ и думный дворянинъ Богданъ Ивановичъ Ордынъ-Нащокинъ привели новые полки къ князю Ромодановскому. По желанію гетмана, ему

велѣно было выступить въ походъ. На мѣсто его рати въ малороссійскіе города послана была новая, подъ предводительствомъ князя Василья Васильевича Голицына.

Изъ Кіева постоянно приходили вѣсти о Туркахъ, но еще не были извѣстны ихъ намѣренія. Еще въ началѣ іюня гетманскій гонецъ говорилъ въ Посольскомъ приказѣ, что въ «Малороссіи все смирно, всѣ полки по домамъ, но готовы къ походу; про Турокъ ничего не слышно»; три станицы, посланныя гетманомъ въ степь для развѣдыванья о движеніи Турокъ, еще не возвращались. Однако, въ то же время получено было достовѣрное извѣстіе о переправѣ всего турецкаго войска черезъ Днѣстръ подъ Тягинымъ, и движеніи къ Чигирину, съ тѣмъ чтобъ, взявъ эту крѣпость, идти на Кіевъ. Шестъ дней простояло тамъ турецкое войско въ ожиданіи Татаръ, и соединившись съ ними 13-го іюля, двинулись къ Чигирину, предположивъ въ шестнадцать дней прійти къ городу. Немировскій староста Куницкій, ища случая поддаться Россіи, увѣдомлялъ о Туркахъ гетмана и архимандрита Гизеля; его извѣстія подтверждались и другими лицами. Носились слухи, что турецкое войско простирается до ста тысячъ, что первоначальное намѣреніе Ибрагима было ударить на Запорожье, но будто бы Сърко обѣщавъ поддаться Хмѣльницкому и тѣмъ заставилъ пашу измѣнить свое предположеніе и двинуться прямо на Чигиринъ.

Вслѣдствіе такихъ извѣстій, гетманъ немедленно велѣлъ двинуться всѣмъ малороссійскимъ полкамъ къ Днѣпру, извѣстивъ князя Ромодановскаго о своемъ походѣ и просилъ царя прислать ему драгунскій полкъ, находившійся подъ начальствомъ полковника Гамильтона. Царь немедленно предписалъ Гамильтону выступить изъ Сѣвска, гдѣ онъ находился съ полкомъ, идти къ Самойловичу и поступить въ его распоряженіе. Въ половинѣ іюля полкъ уже прибылъ въ Батуринъ, а 1-го августа вмѣстѣ съ гетманомъ выступилъ въ походъ (17).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе извѣстій о движеніи Турокъ къ Чигирину, изъ Москвы былъ отправленъ стряпчій Леонтьевъ съ грамотами къ гетману и князю Ромодановскому, которымъ предписывалось сѣхаться и, переговоривъ между собою, составить планъ совокупныхъ дѣйствій, къ которымъ и приступить немедленно. Для соображенія воеводѣ и гетману отправлены были предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ, составленныя въ Москвѣ. Имъ пред-

лагалось посылать за Днѣпръ разъѣзжія станицы, чтобъ имѣть вѣрныя извѣстія о движеніи Турокъ къ Чигирину или къ Кіеву. Если же Турки пойдутъ за Днѣпръ Муравскимъ шляхомъ, на полки князя В. В. Голицына, то гетману и воеводѣ предписывалось помогать ему своими войсками. Полкъ князя Голицына былъ незначителенъ; ему предписано было двинуться къ Перелаславу, если гетманъ и воевода и сочтутъ это за нужное, и даже къ Лубнамъ и Днѣпру, и вообще дѣйствовать совокупно съ ними. Леонтьеву поручено было подробно переговорить съ Самойловичемъ и княземъ Ромодановскимъ, всѣ ихъ рѣчи записать въ статейный списокъ и представить потомъ въ Москвѣ.

Россія вовсе не могла надѣяться на помощь Польши, однакоже князю Ромодановскому поручено было писать къ гетманамъ литовскому и коронному, и требовать, чтобы они съ своей стороны «чинили промыслъ надъ Турками»; но Поляки находились уже въ мирѣ съ Турками и недоброжелательно смотрѣли на Россію. Запорожье колебалось и, какъ кажется, боялось принять рѣшительно сторону Россіи; въ самой Малороссіи, привыкшей уже къ войнахъ междоусобнымъ, казаки постоянно волновались въ это время. Была одна надежда на войска московскія; но они еще далеко находились отъ Чигирина, къ которому приближались уже Турки. При такихъ обстоятельствахъ естественно, что положеніе Украины сильно беспокоило московскій дворъ. Одинъ вслѣдъ за другимъ отправлялись гонцы къ гетману и князю Ромодановскому. Вслѣдъ за Леонтьевымъ отправленъ былъ стольникъ Карандѣевъ. Поводомъ къ его отправленію были извѣстія, полученные отъ Трауернихта и гетмана Самойловича о томъ, что Турки уже появились въ виду Чигирина; а между тѣмъ въ Москвѣ не имѣли еще свѣдѣній о томъ, достигли ли мѣста своего назначенія войска московскія и малороссійскія. Карандѣеву поручалось ѣхать «на спѣхъ днемъ и ночью» и напомнить гетману, что онъ «обѣщалъ государю приходомъ своимъ не токмо къ Днѣпру, но и къ самому Чигирину помочи подавать и отъ непріятеля ихъ оборонять, а нынѣ великому князю извѣстно подлинно, что они августа 8-го были около Ромна, а Ромны не только отъ Чигирина, но и отъ Бужина въ дальнихъ мѣстахъ, и имъ слѣдовало поспѣшать, чтобъ обнадежить чигиринскихъ сидѣльцевъ». Боярину, гдѣ бы его ни встрѣтилъ Карандѣевъ, ему поручалось «выговаривать» за медленность похода, однакоже «по-

легче, только напомнать о Чигиринѣ общительный промыслъ». Вообще, какъ гетману, такъ и воеводѣ поручалось спѣшить къ Чигирину, укрѣпить переправу на Днѣпрѣ и всѣми силами помогать осажденному городу, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ можно чаще увѣдомлять государя о своихъ дѣйствіяхъ. Съ этою цѣлю устроена была особая скорая почта по Калужской дорогѣ (18).

Въ это время войска русскія и малороссійскія уже приближались къ Днѣпру; августа 1-го гетманъ выступилъ изъ Батурина, а князь Ромодановскій 18-го числа того же мѣсяца изъ Курска. По взаимному условію между собою они должны были соединиться въ 25 верстахъ отъ Ромновъ, у рѣки Псела. Приближаясь къ Ромнамъ, гетманъ получилъ извѣстіе изъ Чигирина, 4-го августа, что Турки уже показались въ виду этой крѣпости. Черезъ три дня, когда его полки прошли Сулу и стояли на Бѣлой Водѣ, новый гоноецъ привезъ ему извѣстіе о началѣ осады. Увѣдомивъ царя и князя Ромодановскаго, гетманъ просилъ воеводу поспѣшить походомъ. Августа 10-го, войска московскія и малороссійскія соединились на Артаполатѣ и вмѣстѣ продолжали походъ къ Днѣпру. Безпрерывно встрѣчали ихъ новые вѣстники изъ Чигирина, рассказывали о трудномъ положеніи осажденныхъ и просили помощи. Изъ-подъ Снятина воевода и гетманъ рѣшились наскоро отправить вспомогательный отрядъ въ Чигиринъ, состоявшій изъ одного полка сердюковъ и тысячи русскихъ драгунъ. Отправивъ напередъ этотъ отрядъ, соединенныя войска медленно продолжали походъ и только въ концѣ августа (24-го) подошли къ Днѣпру, къ Чигиринской Дубравѣ; но замѣтивъ, что берегъ въ этомъ мѣстѣ неудобенъ для переправы, подвинулись къ Бужинскому перевозу (19).

Между тѣмъ Чигиринъ уже цѣлый мѣсяцъ находился въ осадѣ. Юля 28-го пришелъ въ городъ казакъ, находившійся въ плѣну у Турокъ, и увѣдомилъ о приближеніи непріятеля. Черезъ два дня появился въ виду города отрядъ татарскій, человекъ въ полтараста, и отогналъ городское стадо, которое паслось на лугу въ виду города. Августа 2-го, снова показались Татары уже вмѣстѣ съ Турками, и пробывъ нѣсколько времени, возвратились назадъ. Это были передовыя станицы, которыя въ то же время показывались и въ виду Канева. Полковникъ каневскій, Пушкаренко, лишь только замѣтилъ татарскій отрядъ, человекъ въ двѣсти пятьдесятъ, какъ сдѣлалъ вылазку,

отбилъ ихъ и взялъ нѣсколько плѣнныхъ. Наконецъ, 3-го августа, подошло къ Чигирину все турецкое войско и остановилось на Крымскомъ подѣ. Двѣ незначительныя вылазки были отбиты и возвратились съ потерей назадъ. На другой день Турки подошли ближе къ городу и расположились на возвышеніяхъ, его окружающихъ, въ 216 сажняхъ, гдѣ былъ старый валъ. Турки немедленно начали дѣлать траншеи и апроши. Въ продолженіи одной ночи они успѣли построить двѣ батареи, вооруженныя, каждая, двумя 20-фунтовыми пушками, и на другой день открыли огонь по верхнему городу. Восемь дней они не стрѣляли въ нижній городъ, вѣроятно въ надеждѣ склонить Малороссіянъ, которые его защищали, къ добровольной сдачѣ. Дѣйствительно, Юрій Хмѣльницкій прислалъ листъ въ Чигиринъ, въ которомъ предлагалъ Малороссіянамъ признать его гетманомъ и сдаться безъ бою. Постановленный султаномъ въ гетманы, онъ однакоже не стыдился подписаться: «Божіею милостію Юрій Геденъ Венжикъ Хмѣльницкій, князь Сарматскій и Малороссіейской Украйны, и вождь войска Запорожскаго». Но приглашеніе не произвело дѣйствія, какъ и выставленныя имъ знамена съ изображеніемъ креста. Чигиринскіе воеводы отправили листъ его въ Москву и приготовились къ защитѣ; но имѣя свѣдѣнія о значительныхъ силахъ Турокъ и Татаръ, просили помощи.

Осажденные не унывали, узнавъ въ тотъ самый день, какъ началось бомбардированіе, что полки московскіе и малороссіейскіе приближаются къ Днѣпру къ нимъ на помощь. Эту вѣсть имъ принесъ казацкій отрядъ, состоявшій изъ пятисотъ человекъ, посланный для подкрѣпленія чигиринскаго гарнизона гетманомъ Самойловичемъ, который въ этотъ день вошелъ въ крѣпость, не будучи замѣченъ неприятелемъ.

Въ продолженіи слѣдующихъ двухъ дней, Турки съ удивительною быстротою строили вмѣеобразно траншеи, постоянно подвигаясь впередъ, и въ близкомъ разстояніи отъ стѣнъ успѣли построить новую батарею. Дѣйствіе Турокъ противъ одного верхняго города, дѣйствительно, если не поколебало довѣріе Русскихъ къ Малороссіянамъ, то внушило однакоже подозрѣніе генералу Трауернихту. Чтобы увѣриться въ преданности казаковъ, онъ назначилъ въ ночь на 7-е число вылазку изъ тысячи Малороссіянъ и восьмисотъ Русскихъ на передовыя траншеи непріятели. Въ полночь отправилась вылазка, вооруженная съкирами, полупиками и

ручными гранатами, и въ расплохъ, во снѣ, захватила Турокъ, не ожидавшихъ нападенія. Подлѣ вала, у контръ-эскарпа, находился резервъ изъ мушкетеровъ. Турки бѣжали съ передовыхъ траншей, до тысячи ихъ было побито, по сказанію пѣвниковъ, между тѣмъ какъ Русскіе потеряли до 30 убитыми и 48 было ранено. Удачная вылазка однако же не могла разстроить осады, производившейся огромными силами въ сравненіи съ осажденными. Въ ту же ночь, усиливъ стражу, Турки все ближе и ближе подвигались къ городу. Въ тридцати саженьяхъ отъ вала возвели новые шанцы, противъ Спасской башни устроили батарею, а прежнія двѣ вооружили большимъ числомъ пушекъ 36-фунтовыхъ и мортирами, бросавшими 80-фунтовыя бомбы въ верхній городъ. Спасская башня, стѣна вокругъ нея и церковь Николая Чудотворца, находившаяся неподалеку отъ стѣны, были сильно повреждены. Въ нѣсколько дней семнадцать пушекъ были совершенно подбиты и башня обезоружена. Но осажденные однако же не унывали: за стѣною была устроена новая, хотя тоже деревянная, а между обѣими стѣнами насыпана земля; приготовлялась и новая вылазка. Хотя, какъ говоритъ современное сказаніе, «Русскимъ людямъ и казакамъ было великое утѣшеніе отъ верховыхъ нарядныхъ гранатъ, телѣги, запаны и платье разметало и пожгло», однако же по жеребью досталось стрѣльцкому головѣ Ильѣ Дурову вести вылазку на турецкіе шанцы, и онъ повелъ ее какъ на праздникъ. По двѣсти избранныхъ изъ трехъ стрѣleckихъ полковъ, въ нарядныхъ платьяхъ, вмѣстѣ съ 800-ми казаковъ отправились 9-го августа въ полдень изъ крѣпости, напали на передовыя укрѣпленія и прогнали Турокъ. Разбитые въ передовыхъ траншеяхъ, они бѣжали съ большимъ урономъ за второй рядъ укрѣпленій, откуда имъ не было подано помощи. Русскіе потеряли 26 убитыми и почти вдвое болѣе ранено. Но удачныя вылазки не останавливали общаго хода осадныхъ работъ. Послѣ этой вылазки Турки приняли болѣе предосторожностей отъ внезапныхъ нападеній, фашинами покрыли траншеи, удвоили въ нихъ стражу и вооружили пиками и длинными шестами съ желѣзными крючьями на концахъ. До этого времени они щадили нижній городъ, ихъ батареи дѣйствовали преимущественно на верхнюю крѣпость, рассчитывая на измѣну Малороссіянъ, какъ ожидалъ Юрій Хмѣльницкій. Последняя вылазка, въ которой болѣею частію дѣйствовали казаки, убѣдила ихъ въ про-

тивномъ, и съ тѣхъ поръ съ возрастающею силою артиллерія ихъ дѣйствовала на нижній Чигиринъ, траншеи все болѣе и болѣе приближались къ стѣнамъ и строились новыя батареи. Но упорно защищались осажденные, быстро исправляли поврежденія и съ своей стороны не переставали перестрѣливаться, хотя уже много пушекъ было сбито и уничтожено Турками, стѣны верхняго города во многихъ мѣстахъ повреждены, и въ нижнемъ городѣ множество домовъ совершенно разрушено.

Потерявъ надежду принудить городъ къ сдачѣ, Турки рѣшились на приступъ. Единовременно начаты были три подкопа, но счастливый случай спасъ осажденныхъ. Негръ, находившійся въ услуженіи у одного изъ пашей, поссорился съ своими, бѣжалъ въ городъ и указалъ, въ какихъ мѣстахъ дѣлаются подкопы. Осажденные принялись за работу и начали копать глубокой ровъ у самой стѣны; но это не помогло. Одинъ подкопъ у Спасской башни былъ взорванъ Турками 17-го числа, около 5 часовъ по полудни; часть вала разрушилась, и Турки бросились на приступъ, обили Русскихъ и заняли проломъ; но чрезъ нѣсколько времени осажденные прогнали ихъ съ сильнымъ урономъ, дѣйствуя преимущественно ручными гранатами, и ночью снова задылали проломъ. Два другіе подкопа обрушились сами собой, отъ сильной пальбы изъ орудій.

Неудача однако же не остановила Турокъ: они еще сильнѣе открыли огонь, подыали вновь четыре пушки въ крѣпости и ближе подводили траншеи къ городскому валу. Укрытые фашинами, они работали какъ подъ землею, находясь уже въ полутора шагахъ отъ городской стѣны. Осажденные почти не могли вредить имъ, владѣя незначительнымъ уже количествомъ пушекъ, которыя большею частію находились безъ лафетовъ, между тѣмъ какъ непріатели продолжали непрерывно пальбу, бросали горячіе снаряды на деревянныя укрѣпленія города и производили пожары. Только пять мортиръ съ успѣхомъ дѣйствовали у осажденныхъ, но и для тѣхъ не доставало бомбъ; днемъ и ночью они обтачивали камни, которыми и стрѣляли.

Турки заложили новыя мины. Еще 17-го числа одинъ перебѣжчикъ Молдаванъ увѣдомилъ объ этомъ осажденныхъ. Подкопы шли къ башнѣ Козій-Рогъ и къ Крымскому и Дорошенкову бастионамъ. Осажденные укрѣпляли стѣны и въ этомъ направленіи

стрѣляли изъ тяжелыхъ орудій, въ надеждѣ, что отъ пальбы подкопы обрушатся сами собою. Но приходилось уже трудно отсиживаться: десять вылазокъ въ продолженіе трехъ недѣль убавили число войскъ; снарядовъ и орудій почти не было; стѣны укрѣпленій во многихъ мѣстахъ были разрушены.

Въ такомъ положеніи находились осажденные, когда 20-го числа, рано утромъ, по мосту черезъ Тясминъ, съ распущенными знаменами, при звукѣ трубъ вошелъ въ Чигиринъ вспомогательный отрядъ, отправленный къ нимъ на помощь княземъ Ромодановскимъ и гетманомъ. Отрядъ состоялъ изъ шестисотъ пятнадцати бѣлгородскихъ драгунъ, подъ предводительствомъ полуполковника Фаддея Тумашева, и восьмисотъ сердюковъ. Они принесли вѣсть о скоромъ прибытіи русскихъ и малороссійскихъ войскъ. Князь Ромодановскій просилъ осажденныхъ продержаться еще нѣсколько дней, обѣщая выручить ихъ. Дѣйствительно соединенныя войска уже приближались къ Днѣпру.

Отрядъ, посланный въ помощь Чигирину, шелъ быстро и терялъ по дорогѣ много людей. Солдаты и лошади были утомлены. Ночью онъ переправился черезъ Днѣпръ и, незамѣченный непріателемъ, вошелъ въ городъ. Отъ стороны Днѣпра Татары осаждали Чигиринъ. Они пришли въ турецкій станъ поздно и въ незначительномъ количествѣ. Крымцы, вмѣстѣ съ бѣлгородскими Татарами, составляли не болѣе пятнадцати тысячъ. Но во всякомъ случаѣ ихъ было достаточно для того, чтобы не пропустить въ Чигиринъ вспомогательнаго отряда. По разказамъ плѣнныхъ, Ибрагимъ-паша былъ чрезвычайно недоволенъ ханомъ, упрекалъ его за нерадѣніе и грозилъ гнѣвомъ султана. Но, кажется, не простое нерадѣніе заставляло такъ дѣйствовать Татаръ: они находились въ перемиріи съ Запорожцами и вовсе не желали войны.

Вступленіе вспомогательнаго отряда въ городъ, ожиданіе скорого прибытія соединенныхъ московскихъ и малороссійскихъ войскъ вдохнуло мужество въ осажденныхъ. Турки упали духомъ, однако же не оставили осады, но еще усилили ее, въ надеждѣ взять городъ до прибытія русскихъ войскъ. Августа 22-го взлетѣлъ на воздухъ подкопъ близъ Дорошенкова укрѣпленія и взорвана часть вала. Самое укрѣпленіе обрушилось отъ силы удара, и развалины упали на турецкіе отряды, приготовленные для приступа. Этотъ случай такъ перепугалъ Турокъ, что они не отважились начать

приступъ. На другой день взлетѣлъ на воздухъ новый подкопъ, близь самой крѣпости, съ частію городского вала. Но осажденные знали напередъ объ этомъ подкопѣ и потому заранѣе отвели отсюда войска и сзади вала устроили ретраншементъ. Въ сторонѣ они держали наготовѣ триста избранныхъ казаковъ, которымъ поручено было немедленно послѣ взрыва занять проломъ и удерживать приступъ. Лишь только открылся проломъ, Турки бросились было на приступъ, но замѣтивъ казаковъ, готовыхъ уже встрѣтить ихъ съ оружіемъ, и новый ретраншементъ за валомъ, отступили назадъ. Пальба съ непріятельскихъ батарей продолжалась по прежнему и даже съ большею силою; но несмотря на то, часто казаки выходили изъ города ночью, врывались въ укрѣпленный турецкій лагерь и возвращались съ добычею. Осажденные не теряли духа, ожидая скорого прибытія русскихъ войскъ.

Августа 23-го, въ Чигиринѣ, слышали сильную пальбу и положили, что Турки встрѣтили русскія войска у Днѣпра и дали сраженіе. Въ слѣдующіе дни осада продолжалась съ большею силою; но въ турецкомъ лагерѣ, однако же, замѣтно было особенное движеніе. Осажденные ожидали общаго приступа, какъ 28-го августа замѣтили, что Турки сняли лагерь. Посланный для развѣдыванія отрядъ нашелъ уже, что всѣ траншеи и подступы были оставлены непріателемъ. Турки потянулись въ обратный путь къ Дунаю, бросая по дорогѣ боевые снаряды и запасы, между тѣмъ какъ ихъ вовсе не преслѣдовали, «чая какого обмана», какъ разказывали послѣ чигиринскіе *сидльцы*. Въ городѣ оставалось боевыхъ припасовъ уже не болѣе, какъ на три дня; укрѣпленія были почти разрушены. Еслибъ русское войско нѣсколько дней опоздало подойти къ Днѣпру, Чигиринъ былъ бы взятъ; но недостатокъ продовольствія въ лагерѣ и страхъ сразиться съ сильнымъ непріателемъ принудили Турокъ къ поспѣшному отступленію.

Между тѣмъ, въ концѣ августа, князь Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ подошли къ Днѣпру. Татары уже занимали противоположный берегъ. Узнавъ о приближеніи Русскихъ, Ибрагимъ-паша отправилъ хана съ частію турецкихъ войскъ препятствовать переправѣ. Весь противоположный берегъ былъ занятъ непріателемъ, котораго силы все росли и росли. Почти двое сутокъ съ обѣихъ сторонъ не прерывалась пальба изъ ружей и пушекъ. Трудная предстояла переправа, и медленность началь-

никовъ соединенныхъ московскихъ и малороссійскихъ войскъ въ этомъ случаѣ съ каждымъ часомъ затрудняли ее болѣе и болѣе. Наконецъ, по совѣщаніи между собою, гетманъ и воевода рѣшились на судахъ отправить передовыя дружины, которыя ночью смѣло перешли черезъ рѣку, и ударивъ на передовыя сторожи непріятелей, прогнали ихъ. Вслѣдъ за ними показался сильный отрядъ Татаръ, но былъ разсѣянъ пушечною пальбою съ другой стороны Днѣпра. Первый успѣхъ обезопасилъ переправу. Во всю ночь, наканунѣ 27 августа, перевозились войска черезъ Днѣпръ. Нѣсколько барокъ достигли благополучно до берега, но одна пошла ко дну; люди были однакоже спасены. Князь Ромодановскій постоянно находился на берегу, распорядясь переправой. Когда потонула одна изъ барокъ, онъ призвалъ къ себѣ генерала Гордона, поручилъ ему вынуть изъ воды барку и переправить на ней свой полкъ. Гордонъ принялся за дѣло, а между тѣмъ къ слѣдующему утру переправилось уже до 5,000 войска на противоположный берегъ Днѣпра. Воевода, ожидая нападеній со стороны непріятеля, предписалъ немедленно строить земляныя укрѣпленія. Въ то время, какъ передовой отрядъ укрѣплялся на одной сторонѣ Днѣпра, съ другой, къ слѣдующему дню (28-го августа), переправились три казацкіе полка: Нѣжинскій, Гадячскій и Полтавскій, и часть полка генерала Кравкова. За ними вплавъ переправились казаки-охотники и немедленно, въ числѣ сорока всадниковъ, отправились въ лѣсъ, въ надеждѣ на добычу. За ними пошли пѣшіе московскіе люди и казаки за дровами, безъ всякаго оружія, между тѣмъ какъ въ лѣсу сидѣла засада; замѣтивъ казаковъ, Турки сдѣлали залпъ изъ ружей. Не ожидая нападенія, казаки въ безпорядкѣ бросились назадъ. Турки напали на пѣшихъ и безоружныхъ. Преслѣдуя ихъ, они приблизились къ укрѣпленіямъ, которыя успѣли уже построить Русскіе. Конные казаки послѣ первой неудачи возвратились и завязали дѣло, но Турки подвигались впередъ, пока залпъ изъ небольшихъ пушекъ съ укрѣпленій, находившихся по сю сторону Днѣпра, и пальба съ другаго берега не остановили ихъ напора. Турецкій отрядъ состоялъ не болѣе, какъ изъ ста человѣкъ; онъ ожидалъ подкрѣпленія, но другой отрядъ въ двѣсти человѣкъ подходилъ иною дорогою, а потому, вслѣдъ за новымъ залпомъ изъ девяти орудій съ противоположнаго берега Днѣпра, они отступили, по-

терявъ однакоже трехъ человекъ и семь лошадей, тогда какъ Русскихъ и казаковъ пало тридцать семь человекъ.

Первое нападеніе произвело тревогу. Князь Ромодановскій, опасаясь, чтобы вслѣдъ за тѣмъ непріатели съ большими силами не напали на передовые отряды Русскихъ, только что переправившіеся за Днѣпръ, хлопоталъ, какъ можно болѣе перевести войскъ на другой берегъ. Встрѣтившись съ генераломъ Гордономъ, онъ спрашивалъ его мнѣнія. Гордонъ отвѣчалъ, что переправившееся войско укрѣпило слишкомъ малое пространство, которое и такъ наполнено людьми. При переправѣ большаго количества необходимо укрѣпить большее пространство; онъ полагалъ, что бояринъ хочетъ переправить все войско. Особенно считалъ онъ необходимымъ занять гѣсъ, находившійся не вдалекѣ отъ берега, откуда Турки и дѣлали нападенія. Бояринъ нашелъ совершенно правильнымъ предложеніе Гордона и поручилъ ему немедленно съ его полкомъ и другими, которые онъ вслѣдъ за нимъ переправить намѣревался, привести его въ исполненіе. Гордонъ переправился съ своимъ полкомъ черезъ Днѣпръ, и встрѣтивъ генерала Шепелева, убѣдилъ его занять большее пространство земли укрѣпленіями. Хотя онъ и отказывался недостаткомъ людей для работъ, однакоже, убѣжденный доводами Гордона, согласился и отправилъ подковника Росеворма къ князю Ромодановскому просить подкрѣпленій. Бояринъ немедленно послалъ цѣлый пѣхотный полкъ.

Осмотрѣвъ мѣстность, Гордонъ, послѣ долгихъ споровъ съ начальниками полковъ, убѣдилъ ихъ однакоже приступить къ постройкѣ новыхъ укрѣпленій и занять сосѣдній гѣсъ. Подъ вечеръ всѣ полки двинулись къ своимъ мѣстамъ и начали строить укрѣпленія на протяженіи слишкомъ 1,500 саженей. Часа два продолжалась работа, какъ замѣтили сильный огонь со стороны Чигирина. Полагали, что Турки идутъ къ Днѣпру, чтобы напасть на русское войско. Это обстоятельство заставило работать съ большею ревностію, и укрѣпленія были готовы къ утру 29-го августа. На разсвѣтѣ этого дня, передъ русскимъ станомъ, на холмѣ, показались Татары; но встрѣченные выстрѣлами съ батареи, устроенной Гордономъ передъ его полкомъ, обратились вспять. Полковникъ Косоговъ, немного спустя, съ сотнею казаковъ и нѣсколькими охотниками пошелъ за ними. Онъ раздѣлил свой от-

рядъ на двѣ части: одну поставилъ въ засаду, съ другою самъ дѣйствовалъ около непріятеля, желая завлечь его между двухъ огней. Но Татары, съ своей стороны, дѣлали точно то же; главные ихъ силы скрывались за лѣсомъ; наткнувшійся на батарею былъ только передовой отрядъ, который, не вступая въ открытый бой, мѣнялся нѣсколькими выстрѣлами съ отрядомъ Косогова, надѣялся съ своей стороны завлечь его въ опасное положеніе. Однакоже ни русскому полковнику, ни Татарамъ не удался ихъ маневръ; дѣло окончилось ничѣмъ. Но Татары оставили однакоже свои посты и потянулись къ Чигирину. Русскіе не преслѣдовали ихъ, опасаясь засады.

Въ этотъ день съ отдѣльнымъ отрядомъ, въ которомъ было болѣе пятнадцати тысячъ человекъ, пришелъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ и сталъ лагеремъ противъ разрушеннаго мѣстечка Вороновки. Хотя новый воевода враждовалъ по мѣстническимъ счетамъ съ княземъ Ромодановскимъ и не входилъ съ нимъ ни въ какія сношенія, но во всякомъ случаѣ значительныя силы, уже сосредоточенныя, общали успѣхъ надъ непріятелями. Сильный огонь, замѣченный со стороны Чигирина, смущалъ однако воеводу. Полагая, не взять ли уже Турками городъ, князь Ромодановскій послалъ шестьдесятъ рейтаровъ для развѣдыванья. Шесть изъ нихъ въ полночь возвратились въ главную квартиру генерала Шепелева съ извѣстіемъ, что вслѣдъ за ними идетъ все турецкое и татарское войско на Русскихъ. Извѣстіе взволновало весь станъ, но чрезъ нѣсколько часовъ оказалось ложнымъ. Небольшой татарскій отрядъ, вѣроятно посланный для наблюденія за движеніями русскаго войска, завидѣвъ приближавшихся къ нему русскихъ рейтаровъ, спрятался въ лѣсъ. Не замѣтивъ ихъ присутствія, рейтары спокойно подавались впередъ. Вдругъ Татары съ гикомъ бросились на нихъ. Испуганные нечаяннымъ нападеніемъ, не зная силъ непріятеля, рейтары побѣжали въ станъ и принесли вѣсть о приближеніи войскъ въ то время, какъ въ свой чередъ испуганный малочисленный татарскій отрядъ безъ оглядки бѣжалъ къ Чигирину. Вслѣдъ за этою тревогою явился изъ Чигирина капитанъ и увѣдомилъ воеводу, что Турки сняли осаду и, побросавъ запасы и пушки, поспѣшно отступаютъ. Отправивъ его съ этимъ извѣстіемъ къ государю, князь Ромодановскій созвалъ всѣхъ начальныхъ людей своихъ войскъ вы-

слушать милостивое слово царское, привезенное къ нимъ гонцомъ Карандѣевымъ. Гонецъ ѣхалъ съ предписаніемъ о немедленномъ продолженіи похода къ Чигирину и дѣйствій противъ Турокъ, и прибылъ въ станъ воеводы и гетмана въ то время, когда война уже окончилась. Переправивъ всѣ остальные войска черезъ Днѣпръ, князь Ромодановскій и гетманъ 5-го сентября пошли къ Чигирину. Осмотрѣвъ городъ, распорядившись о починкѣ укрѣпленій, воеводы не преслѣдовали непріятеля. Трехтысячный отрядъ отправленъ былъ только къ Черному Лѣсу, чтобы разузнать о Туркахъ. Черезъ три дня онъ возвратился и привезъ плѣнныхъ, которые извѣстили, что Турки перешли Ингуль и Ингулецъ; Татары провожали ихъ до Буга и потомъ отправились въ Крымъ. Преслѣдовать непріятеля дѣйствительно уже было невозможно: слишкомъ много было пропущено времени. Медленно переправлялись соединенныя войска черезъ Днѣпръ, и еще медленнѣе рѣшались воеводы на дѣйствія наступательныя.

Такимъ образомъ окончился походъ, и 10-го сентября войска уже вновь начали переправу черезъ Днѣпръ и движеніе на зимнія квартиры. Одно приближеніе войскъ устрало Турокъ, бѣжавшихъ безъ оглядки, и освободило чигиринскихъ сидѣльцевъ, блистательно выдержавшихъ осаду. Въ Москвѣ не надѣялись на казаковъ, опасались, чтобы въ Чигиринѣ не возникли ссоры у нихъ съ Москвитянами. Однако, во время осады, они были въ полномъ согласіи между собою: «казаки приходили изъ нижняго города въ верхній и русскимъ людямъ помогали, и русскіе люди ходили въ нижній, бились вмѣстѣ съ казаками. Начальные люди исполнили свои обязанности и генералу были во всемъ послушны. Траурныхъ, несмотря на его происхожденіе, полюбили казаки и Русскіе и потомъ говорили, что «онъ къ ратному осадному дѣлу знающъ и недробокъ».

Турки отступили отъ Чигирина 27-го августа, въ день празднованія преподобнаго Пимена, когда въ Кіевѣ по случаю войны совершался торжественный крестный ходъ, «какихъ не бывало прежде». Малороссійскіе лѣтописцы считаютъ это отступленіе чудомъ (20).

Что принудило Турокъ къ такому быстрому отступленію, которое скорѣе можно назвать бѣгствомъ? По ихъ сказаніямъ, войско Ибрагима-паши состояло изъ сорока тысячъ. На пути къ Чигирину, къ нему присоединились небольшіе отряды Молдаванъ,

Валаховъ , и ханъ крымскій съ значительною ордою . До трехъ сотъ казаковъ , находившихся при Хмѣльницкомъ , можно и не брать въ расчетъ . Но Крымцы , находясь въ мирѣ съ Запорожцами , неохотно помогали Туркамъ . Упорная защита Чигирина , въ продолженіе цѣлаго мѣсяца , вѣроятно много поубавила числительную силу ихъ войска . Неудачное дѣло при переправѣ черезъ Днѣпръ , гдѣ , по сказанію Турокъ , легло до десяти тысячъ , и страхъ сразиться съ свѣжимъ русскимъ войскомъ , значительно превышавшимъ силу Турокъ , представляютъ не только естественнымъ бѣгство Ибрагима-паши , но и необходимымъ : онъ могъ бы потерять все войско .

Но въ этомъ случаѣ показанія нашихъ источниковъ не совсѣмъ согласны съ турецкими . Войско Ибрагима-паши , по извѣстіямъ пѣвннхъ Турокъ , простиралось до 80 тысячъ . Къ нимъ присоединилось 400 Валаховъ , 1000 Молдаванъ , и крымскій ханъ , по всей вѣроятности , съ ордою не менѣе какъ въ 15 или 20 тысячъ . Русское войско въ полномъ своемъ составѣ едва ли не было малочисленнѣе , считая даже и чигиринскій гарнизонъ , простиравшійся до 10 тысячъ , изъ которыхъ однакоже послѣ долгой осады болѣе трети выбыло изъ рядовъ . Въ войскахъ князя Ромодановскаго считалось слишкомъ сорокъ тысячъ ; число гетманскихъ войскъ неизвѣстно , но конечно , не превышало числа московскихъ и даже , по всей вѣроятности , было малочисленнѣе . Присоединивъ къ этому отрядъ князя Голицына , простиравшійся до 15-ти тысячъ , получимъ такое число военныхъ силъ , противъ котораго дѣйствительно было трудно держаться Туркамъ , изнуреннымъ продолжительною осадю .

Но даже современники происшествій не довѣряли показаніямъ пѣвннхъ ; Гордонъ , говоря , что число турецкихъ войскъ не было извѣстно положительно , думаетъ однакоже , что оно простиралось въ полномъ составѣ только до 65 тысячъ . Конечно , послѣ неудачной четырехнедѣльной осады Чигирина и сраженія при Днѣпрѣ , ему ничего не оставалось болѣе дѣлать , какъ отступить со всею послѣдностію , особенно если принять въ соображеніе недостатокъ провіанта , аммуниціи , болѣзни и приближеніе осени .

Другое противорѣчіе находимъ въ показаніяхъ Турокъ и Русскихъ о битвѣ при переправѣ черезъ Днѣпръ . Первые говорятъ ,

что при этой битвѣ пало на мѣстѣ до десяти тысячъ человекъ. Такая потеря свидѣтельствуетъ о сильномъ пораженіи, между тѣмъ какъ ни гетманъ, ни московскій воевода, ни Гордонъ, свидѣтель битвы, не придаютъ ей такого важнаго значенія. Естественно, Турки оправдывали свое отступленіе отъ Чигирина пораженіемъ при Днѣпрѣ, сваливая всю вину на Татаръ. Но, очевидно, битва не была такъ значительна: иначе русскіе воеводы не упустили бы случая описать ее въ донесеніяхъ государю.

Меньшее число войска, истомленнаго долгою осадю, недостатки въ пищѣ и военныхъ припасахъ, неохотное участіе Татаръ въ военныхъ дѣйствіяхъ и отчасти страхъ — вотъ причины, принудившія Турокъ къ постыдному бѣгству, которымъ окончился ихъ первый походъ подъ Чигиринъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

---

(1) Малоросс. дѣла въ Москов. архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. 1677 г. № 8.

(2) Малоросс. дѣла въ архивѣ мин. иностр. дѣлъ въ Москвѣ 1677 г. № 5. Приводимъ подлинную опись кievскихъ укрѣпленій: «Городъ Кіевъ большой: деревяннаго рубленого острогу черезъ ровъ, въ которомъ Михайловская калитка, 24 сажени с полусаженью, и обрубъ—ветки и згнили. Отъ того по стѣнѣ старому городу до роскату 48 сажень, во многихъ мѣстехъ стена осыпалась и ходить по ней не мочно; бес передѣлки быть нельзя. Роскатъ 15 сажень, тарасы и обламы згнили и развалились; въ томъ мѣсте довелось здѣлать выводъ земляной для очищенья вала обоихъ сторонъ. Отъ того роскату до новаго вала 107 сажень; стена осыпалась. Отъ новаго вала до боеарку, въ которомъ калитка к малому городку, 94 сажени, бой земляной, во многихъ мѣстехъ обламы развалились. Боеаркъ поперекъ 27 сажень, въ немъ кѣтки рубленые шириною 3 сажени насыпаны землею и отъ кѣтокъ до башни острогъ згнили, башня не покрыта. Отъ той башни земляного вала 37 сажень,

здѣлаю уско, ходить нельзя, в томъ же мѣсте ниско; доведетца здѣлать върубъ вышиною противъ большого вала. Отъ того до Печерскихъ воротъ на 60 саженьхъ тарасы развалились. 21 сажень острогу в городе передъ Печерскими вороты у выводу около башни доведетца здѣлать. Отъ Троицкого выводу до нового поперечного вала 132 сажени съ полу-саженью, тарасы и обламы ветхи.»

Окончаніе описи найдено мною въ другомъ мѣстѣ:

«Отъ Золотыхъ воротъ к Егоргиевскому выводу 73 сажени, тарасы и обламы згнили. Отъ угла пробитого вала до Лвовского 87 сажень, валъ и бой худъ. Башня пол-3 сажени ветха и кровли нѣтъ. 30 сажень обламы развалились. *Меншой городѣ.* Половина Михайловскаго вывода внутри не выкладено дерномъ, мѣрою 20 сажень. Бой земляной изнутри дерномъ не выкладенъ, мѣрою пол-3 аршина. Около Киевскихъ воротъ 26 сажень тарасы ветхи. У дву воротъ и у дву калитокъ притворовъ и черезъ ровъ подъемныхъ мостовъ нѣтъ. Впроѣзжихъ воротехъ притворовъ и подъему мосту нѣтъ. У калитки притворовъ нѣтъ и мостъ не додѣланъ. У проѣзжихъ воротъ притворовъ и подъему мосту нѣтъ. У калитки дверей нѣтъ.

«Всего в большомъ городѣ по стене вала, осыпалось на 155 саженехъ. На 87 саженехъ валъ и бой худъ. На 404 саженехъ тарасы и обламы ветхи, а иные развалились, на 27 сажень въ боераке кѣтки рубленые и острогъ згнили. На 27 саженехъ доведетца здѣлать върубъ. На 21 сажени доведетца здѣлать острогъ. Башня доведетца здѣлать 3-хъ сажень. *В меншомуъ городѣ:* довелось выкласть дерномъ половину вывода мѣрою 20 сажень, да бой помы 3-я аршина. На 26 саженехъ тарасы и обламы ветхи. У двупроѣзжихъ воротъ и у дву калитокъ притворовъ и черезъ ровъ подъемныхъ мостовъ нѣтъ. У проѣзжихъ воротъ притворовъ и подъему мосту нѣтъ. У калитки притворовъ нѣтъ и мостъ не додѣланъ. У калитки дверей нѣтъ.

«Обоего большомъ и маломъ городе кромѣ воротъ и мостовъ и калитокъ довелось починить и вновь здѣлать на 772 саженехъ.»

Построеніемъ новыхъ укрѣпленій и исправленіемъ старыхъ завѣдывали сначала полковникъ и инженеръ Николай фонъ-Заленъ и потомъ полковникъ и инженеръ Яковъ фонъ-Фростенъ. Заготовленіе хлѣбныхъ запасовъ дѣлалось различно: покупали привозимый въ Кіевъ хлѣбъ, давали подряды кіевскимъ мѣщанамъ; привозили, частью сухимъ путемъ, частью по Деснѣ на стругахъ изъ Брянска и Трубчевска; сдѣланъ былъ даже опытъ денежной выдачи полковникамъ, которые должны были сами закупать запасы по числу стрѣльцовъ и отдавать отчетъ воеводамъ, деньги же имъ выдавали «противъ настоящей меншой цѣны» хлѣба.

(3) Тамъ же № 8. Указъ царя гетману Самойловичу отъ 29-го февраля. Въ мартѣ явились въ Москву отъ гетмана судья Домонтовичъ и писарь Прокоповъ объявить о распоряженіяхъ гетмана въ отношеніи къ чигиринскимъ укрѣпленіямъ. 7-го апрѣля посланъ царскій указъ кіевскому воеводѣ и въ этомъ же мѣсяцѣ отправленъ Трауернихтъ. По случаю его отправленія Ямской приказъ не нашель «примѣровъ», по скольку давать подводъ генералъ-майорамъ, и поэтому Трауернихта пожаловали въ стольники. Но послѣ однакоже примѣры были сысканы,—

Царскій указъ отъ 19 апр. къ Троекурову объ отпускѣ въ Чигиринъ фонъ-Фростена.

(4) Пожаръ въ Чигиринѣ случился 24-го апрѣля: сгорѣла Крымская башня и вокругъ нея стѣны. Кравковъ въ концѣ марта извѣщалъ, что «съ караулу съ Крымскихъ воротъ бѣжало съ ружьемъ Московскаго выборнаго Аггея Шепелева полку 324 человекъ». Въ наказѣ Трауернихту отъ 14-го апрѣля поручается, между прочимъ, наблюдать, «чтобъ русскіе люди воровски или какою измѣною чрезъ Чигиринъ въ *шымское* и въ чернеческомъ платѣ за рубежъ въ Полскую и Литовскую сторону и въ иные ни въ которые государства, въ Турки и въ Крымъ ни каковъ человекъ не проѣхалъ и не прокрался никакими мѣрами.» Тамъ же № 8.

(5) Въ Стѣвскѣ Трауернихтъ прибылъ 4-го мая, въ іюнѣ былъ уже въ Чигиринѣ и 26-го іюля прислалъ въ малороссійскій приказъ извѣщеніе о принятіи города. Тамъ же № 8, и P. Gordon's Tagebuch II гл. 2, стр. 418. Съ Трауернихтомъ отправлены въ Чигиринъ стрѣлцкіе приказы Григорья Титова, Никиты Борисова и Ильи Дурова.

(6) Тамъ же. Малоросс. дѣла этого года №№ 12 и 14.

(7) Тамъ же №№ 2 и 8. Gordon's Tagebuch II, стр. 416. Февраля 17-го Дорошенко прибылъ въ Москву, на другой день представлялся Государю. Онъ помѣщался на новомъ Греческомъ дворѣ и получалъ по 6 алтынъ и 4 деньги въ сутки жалованья, да на мелкое по 3 алтына по 2 деньги.

(8) Малоросс. дѣла №№ 2, 4 и 19. Симеонъ Самойловичъ съ своею свитою получалъ жалованья по 27 руб. въ день.

(9) Тамъ же № 10. Перкуровъ выѣхалъ изъ Москвы 12-го мая; 1-го іюня прибылъ въ Батуринъ; 4-го, съ двумя провожатыми отпущенъ въ Запорожье, куда прибылъ 19-го и пробылъ тамъ до 25-го іюня. На возвратномъ пути, 30-го іюня, былъ въ Батуринѣ, откуда выѣхалъ 2-го іюля и возвратился въ Москву 12-го.

(10) Малоросс. дѣла № 11. Письмо гетмана къ Ларіону Иванову 11-го іюля: привезъ его посланецъ казакъ Евстратовъ.

(11) Ригельмана: Лѣтоп. повѣств. о Малой Россіи, кн. IV, гл. XXII, XXIII. Бантышъ-Каменскаго Исторія Мал. Росс. часть II, гл. XXII, XXIII. Маркевича Ист. Малорос., ч. II, гл. XXIII, XXIV, XXV. Гаммеръ: Histoire de l'Empire Ottoman liv. LVIII.

(12) Письмо отъ 2-го іюля. Малоросс. дѣла № 14. Маркевича Исторія Малороссіи, т. IV, № XIX.

(13) Тамъ же № 12. Карандѣевъ поѣхалъ изъ Москвы 21-го іюня съ дарами къ гетману; 5-го іюля былъ въ Батуринѣ.

(14) Письмо Сѣрка къ Самойловичу отъ 20-го мая, а товарищества казацкаго отъ 24-го. Малоросс. дѣла № 13.

(15) Тамъ же № 8. Апрѣля 10-го Дорошенко былъ на разговорахъ у думнаго дьяка Ларіона Иванова въ Посольскомъ приказѣ.

(16) Малоросс. дѣла № 13.

(17) «Въ поляхъ же къ Каменцу и около Дуная лежатъ на разныхъ мѣстахъ три ватаги», объявилъ 12-го іюля посланный отъ Самойловича гонецъ Савва Гавриловъ въ Посольскомъ приказѣ, каждая ватага въ сто

человѣкъ. Одна подъ начальствомъ Щербины-Торговицкаго, другая сына гетманскаго, а третья Бабченка: Малоросс. дѣла № № 15 и 20. Царская грамота, предписавшая походъ войскамъ къ Днѣпру и Гамильтону о соединеніи съ Самойловичемъ отъ 18-го іюля. Листъ Самойловича съ увѣдомленіемъ о движеніи Турокъ отъ 28-го іюля.

(18) Малоросс. дѣла № 17. 24-го іюля велѣно Леонтьеву выѣхать изъ Москвы. Грамота царская къ князю Ромодановскому отъ 3-го августа № 22. Авг. 18-го посланъ Карандѣевъ.

(19) Тамъ же № 20. Романъ Кнышъ, гонецъ отъ гетмана, сообщилъ эти извѣстія августа 11-го Посольскому приказу. Тамъ же № 32. Письмо гетмана Самойловича отъ 21-го октября къ литовскому гетману Пацу. Gordon's Tagebuch, т. II, гл. 2.

(20) Осада Чигирина подробно описана у Гордона, Tagebuch, т. II гл. 2-я; но онъ находился въ войскахъ князя Ромодановскаго и потому гораздо вѣрнѣе его указаній Трауернихтовъ дневникъ осады, который Гордонъ переписалъ въ своихъ запискахъ. Въ нашемъ разказѣ мы преимущественно пользовались этимъ дневникомъ (Gordon's Tagebuch т. II. стр. 434 — 446), соображая оный съ показаніями пѣвннхъ Турокъ, записанными въ то время въ Посольскомъ московскомъ приказѣ (малоросс. дѣла № № 26 и 29. Сравни 1678 № 2), и съ «описаніемъ Турского бою подъ Чигиринимъ», которое гетманъ Самойловичъ при письмѣ отъ 21-го октября отправилъ къ литовскому гетману Пацу. Этотъ послѣдній документъ, весьма замѣчательный и доселѣ бывшій неизвѣстнымъ, мы прилагаемъ вполнѣ; онъ сохранился въ малоросс. дѣлахъ этого года въ Московскомъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

«Еще зимою и на весну 1677 года господинъ гетманъ имѣлъ вѣдомость отъ розныхъ языковъ о намѣреніи турскомъ, что они съ силами своими погаными въ Украйну, именно подъ Чигиринъ прійти имѣли, чего ради съ своего начальническаго мѣста по обыкновенной своей бодрости прилежное имѣлъ попеченіе, чтобъ тѣмъ злымъ бусурманскимъ замысломъ упредить возможно было. Вскоромъ времени его царскому пресвѣтлому величеству о томъ извѣстивъ, бивалъ челомъ, чтобъ онъ великій государь своими государскими ратными людьми Украйнѣ подавалъ помощь: тогда великій государь по своей милости, кромѣ ближняго своего боярина князя Гр. Гр. Ромодановскаго, всегда въ Украйнѣ съ войсками его государскими обрѣтающагося, изволилъ на оборону Украйны вновь послать б. кн. В. В. Голицына съ тов. со многими своими государскими ратми, и указалъ особыхъ своихъ людей послать въ Чигиринъ, гдѣ и г. гетманъ regimentу своего выборныхъ людей выслалъ ис полковъ съ хлѣбными и воинскими запасы, а полкамъ всѣмъ приказалъ на войну готовитца. Потомъ въ іюль мѣсяцѣ, когда и языки и подлинныя вѣдомости г. гетману прилучалися, что ужъ подлинно и непремѣнно тѣ непріатели отъ Дуная рушились, и переправляяся на Днѣстръ, къ Чигирину правились, тогда вѣдая, что въ Чигиринѣ ратныхъ людей къ оборонѣ мало обрѣталось, покаместъ самъ с войски рушился, выслалъ на оборону той крѣпости полкъ пѣхоты доброй съ полковникомъ Герасимомъ. также роту драганіи своей и 3 сотни городовые ис полку Гадицкаго и Ду-

бенского, которые люди прежде непріятельскаго пришествія въ Чигиринъ вошли. Самъ г. гетманъ съ войсковыми тягостми рушился изъ Батурина 1-е число м-ца августа, и когда с полками уже в поле стоящими, совокупився, приближался къ Ромнѣ, тогда 4-го числа м-ца августа пришла изъ Чигирина вѣдомость, что изъ дикихъ полъ отъ турецкихъ войскъ сильною подъѣздомъ 30-го числа іюля въ понедѣльникъ подъ Чигиринъ ударилъ, съ котораго подъѣзду чигиринское войско, взявъ языка, увѣдомилися, что уже недалече Ибрагимъ-Шайтанъ-Паша съ войски своими погаными идетъ къ Чигирину, тогда тотчасъ ту вѣдомость г. гетманъ послалъ къ Москвѣ къ его царскому пресвѣтлому величеству, также и къ бояромъ съ ратными его государевыми людьми будущимъ, и zelo просилъ, чтобъ войска государскіе вскоре поспѣшили на отпоръ тому непріятелю. И когда г. гетманъ со всѣми своими полками, перешедъ Сулу, сталъ таборомъ в поляхъ на Бѣлой Водѣ, тогда въ 7 день августа, пришла вѣдомость изъ Чигирина, что тѣ непріатели с великими своими силами съ 3-го дни на 4-е число августа подъ Чигиринымъ стали, гдѣ, имѣя с собою воинскіе промыслы, тотъ городъ осаждали и шанцовыми промыслами и великимъ наступленіемъ учали приступать: тогда и о томъ г. гетманъ вѣдомость учинилъ великому государю, также и бояромъ, паче же кн. Гр. Гр. Ромодановскому, прося, чтобы поспѣшалъ с войсками государскими. И бояринъ поспѣшилъ со всѣми при немъ обрѣтающимися войсками государскими, и совокупився съ г. гетманомъ и с войскомъ запорожскимъ на Артаполоте въ 10 числѣ августа, и совокупяся бояринъ з гетманомъ, с войсками своими шли къ Днѣпру.

« В томъ шествіи встрѣчали ис Чигирина посланные изъ осады в лазутчикахъ с прилежнымъ прошеніемъ, чтобъ Чигирину и ратнымъ осаднымъ людямъ учинить помочь и отъ непріятелей свободу, и о томъ учинили вѣдомо, что непріатели сильно на Чигиринъ наступая, великую чинятъ трудность, также в нѣсколко дней всѣ пушки на роскатехъ и на стенахъ в нижнемъ и в верхнемъ городехъ из ломовыхъ своихъ пушекъ позбивали и примѣтнымъ своимъ ис пушекъ стреляніемъ не дали нашимъ людямъ появитися на верху стены для отпору. И когда ближе свои шанцы непріатели приводили, такъ пушечною стрелбою, какъ метаніемъ страшныхъ гранатовъ, zelo нашимъ досаждали. Тогда Государскіе ратные люди сами не возмогли крѣпости оборонить, и для того по нѣсколко сотъ Казаковъ из Нижнего города всегда перемѣною къ себѣ призывали. В той осадѣ чигиринской турецкіе войска обрѣталися отъ страны татарской, а на сей странѣ Тясмины отъ Черкасъ вездѣ стояли орды с Нурадынъ Салтаномъ и с частью янычанъ, не дая нимало отдохнуть. Тогда на помощь из своего шествія из под Снятина г. Гетманъ полкъ пехоты Сердюковъ с полковникомъ Дмитромъ, а бояринъ тысячу драгуновъ в Чигиринъ послали в 17 числѣ августа и приказали имъ, чтобъ поспѣшали днемъ и ноцію, которые, поспѣшивъ къ Днѣпру, ночь переправився на ту сторону, смѣло шли къ Чигирину и в друтую ночь под городомъ, сквозь орду прошедъ и янычанъ, с Ордою побивъ, предъ очима войскъ Турскихъ, в городъ вошли, чего ради в осадѣ великая учинилась радость. О чемъ непріатели не печалились, понежъ свои шанцы в самой ровъ под валъ верхнего городка и ниж-

яго привесть не только из ломовыхъ пушекъ стену с кѣтокъ деревянныхъ, землю насыпанныхъ, збивали, но и силою стрелбою и ручными дробными гранатами великое врежденіе безпрестанно чинили, обаче нѣсколько подкоповъ в подлинныхъ мѣстехъ учинивъ, надежны были ко своимъ злымъ намѣреніемъ и благополучію ихъ, когда еще в то время с своими силами ханъ Крымской пришелъ на помощь, о чемъ Турки zelo величались. Бояринъ и г. Гетманъ с войсками къ Чигиринъ-дуброве пришедъ, выразумѣли, что берегъ Днѣпровый неспособенъ к переправе войскамъ и обратились к Бужинской пристани ускимъ путемъ черезъ Сулу на строеніе моста не возмогли со всѣми силами итти, особно шелъ г. Гетманъ с своими полками к Днѣпру и тамъ сталъ у Днѣпра у Бужинской пристани въ 24 числѣ августа, гдѣ когда у пристани съ полками своими появился, тотчасъ множество Татаръ с сыномъ ханскимъ и с Нурадынь Салтаномъ будущихъ, в поляхъ Бужинскихъ с той страны явились, измежъ которыхъ и янычаны отстреливали нашихъ черезъ Днѣпръ отъ берега, наши тожъ противъ ихъ стреляли и в той день до вечера, и потомъ въ 25 числѣ августа черезъ Днѣпръ противно стрелялижъ. Бояринъ кн. Ромодановскій с войсками государскими пришелъ тамъ же к пристани въ томъ же числѣ на ночь, купножъ пришелъ на оборону той стороны пристани самъ ханъ с Ордами и Ибрагимъ-Шайтанъ-Паша со всѣми шпаги и с выборными янычаны, имѣя при себѣ нѣсколко пушекъ, также Волоское и Мулятское войско, оставивъ подъ Чигиринымъ пехоту: тогда жестоко нашихъ войскамъ с той стороны непріатели стояли и широко поля Бужинскіе заняли к горе; и когда г. Гетманъ з бояриномъ на берегъ Днѣпровской свои полки устроили, непріатели силою стрѣляли и с пушекъ и из мелкаго ружья черезъ Днепръ, понежъ на мѣстехъ прикладныхъ янычанъ своихъ понадъ Днѣпру поставили, которые нашихъ смѣло отъ пристани отбивали, противъ которыхъ и наши из пушекъ и из мелкаго ружья стреляли и черезъ весь той день в бою пребыли. Потомъ бояринъ и гетманъ, посовѣтовавъ межъ себя, прежде суды, сколько ихъ было, собрали на пристань и потомъ такъ из московскихъ войскъ, какъ и с черкасскихъ добрыхъ людей устроивъ полки, в 3-мъ часу ночи противъ 24 числа августа, выслали ихъ вскорѣ на тѣхъ судахъ на ту сторону Днѣпра и на помощь имъ с сей стороны Днепра всѣ войска и пушки войскъ обонхъ навели; тогда какъ тѣ войска наши на ту сторону смѣло шли, янычаны, которые пристани той стороны берегли, увидѣвъ, учали кричать и силою стрелять противъ нашихъ на воду и потомъ всѣ силы турскіе и татарскіе на отпоръ пришли было; но когда высланные черезъ Днепръ с сей стороны войска крѣпкой давали имъ отпоръ, ис пушекъ по нихъ стреляли, тогда, хотя ночью то было, однако множество непріателей побито было, гдѣ видя непріатели жестоко на себя наступленіе, возвратились назадъ отъ пристани, однако чрезъ всю ночь на нашихъ наступали, а наши помощію Божіею и счастіемъ великаго государя на той сторонѣ пристани одерживая, тотчасъ опанцовались и крѣпко непріателемъ давали отпоръ. Войска всѣ московскіе и казацкіе, видя нетрудную переправу, безпрестанно на ту сторону возились и пушки переправляли. Видя то, непріатели

жалобы были zelo, что ихъ силы отъ войскъ нашихъ побѣждены были и не оборонили пристани: о семъ же напротивъ печались, что Чигиринская крѣпость подведеніемъ подъ валъ шанцовъ и подкоповъ, аки бы в устахъ ихъ будущая, костью имъ в гору стала, понеже прежде 3 подкопы на караулахъ черкасскихъ уготовивъ, когда въ нихъ положенные порохи одні по однихъ зажигали и тѣми учиненные дыры въ валу видя, ко взятію града обратились: были, гдѣ zelo много своихъ янычанъ потеряли, понеже казаки крѣпкой имъ отпоръ давали и здѣсь противъ войскъ государскихъ и казацкихъ не имѣли благополучія. Тогда всѣ съ ханомъ и съ Ибрагимъ-Шайтанъ-Пашею непріятельскіе силы подъ Бужинюмъ черезъ понедѣльникъ и вторникъ 27 и 28-го числа мѣсяца августа сильно наступали на войска наши, на томъ боку будучіе; обаче наши крѣпко имъ сопротивились, понеже в тѣхъ бояхъ много шпаговъ турскихъ, и муръ и агъ татарскихъ, межъ которыхъ, по сказкѣ языковъ, и сына ханскаго и двоихъ сыновъ нѣкотораго паши убили; особо же янычанъ и черныхъ Татаръ множество полегли. Тогда побѣждены непріатели zelo убоялись, видя силу войскъ государскихъ и казацкихъ и тиснулись к переправѣ Днепровой, опасаясь вѣщаго разоренія своего. И 28 числа мѣсяца августа к вечеру исчезли отъ оной войскъ нашихъ: гнались наши за ними, обаче они не оглядываясь, бѣжали к Крылову и оттуда поза Тясминомъ поспѣшали къ Чигирину, гдѣ в ночную пору пришедъ, тотчасъ янычанъ своихъ из шанцовъ испод крѣпости Чигиринской взяли и бесчестно съ трепетомъ въ ту же ночь ушли, гдѣ ода не всѣ свои воинскіе тяжести и запасы войны, гранаты, зерна, пушечные и иные наряды и всякую рухлядь к нуждѣ и прокормленію войсковому надлежащую при шанцахъ и подкопахъ своихъ, под крѣпость подведенныхъ, покинули: откуда со страхомъ ушли и прилежно днемъ и ночью со тщаніемъ оставляя по долинамъ буйволы, паче же Турки съ Бѣлгородскою Ордою бѣжали, не оглядываясь ни мало на войска наши, за которыми гонясь и не имѣя себѣ нигдѣ до самого Днестра не только ночлегу, но и пристанища никакова на пути, а орда особо за великимъ Ингуломъ въ три дни испод Чигирина, паки отъ Ингула въ 4-й день стали у Днестра подъ городнами своими въ 4 день сентября, не смотрели какъ давно прежде перевозу; но шли въ плавь всѣ, занявъ пристани, на 5 версть черезъ Днестръ тѣснились. Тогда Чигиринъ съ людьми, будучими н немъ, выдержавъ толикое насильство непріятельское, послѣ четырехнедельной осады, свободился въ 29 число мѣсяца августа.

«Г-нъ гетманъ и бояринъ кн. Ромодановскій, переправився черезъ Днестръ, посылали выборные государскіе войска конные въ погоню за непріателемъ, московское войско с столпникомъ и полковникомъ з Гринъ Косаговымъ, а черкасское войско с полковникомъ Переваславскимъ с Лысенкомъ, но оные, бывъ в поляхъ джмхъ у Ингула, не нагнали непріателей, понеже они, убоюся, zelo скоро бѣжали назадъ полями въ свою сторону, метая запасы и статки по дорозе. Бояринъ и г. гетманъ с войска своими, будучи подъ Чигиринымъ, чинили промыслы и направу в томъ разореніи, которое учинилось отъ непріателей. Тамъ же видѣли есмь вси дивные промыслы непріятельскіе и шанцы, которыми всю гору

передъ крѣпостію и кругъ крѣпости и передъ стеною городовою всё мѣста отвсюду обступили страшные рвы и ямы неслыханныя, частые и плетеные, которыми ежедень близъ крѣпости шанцовались. Но понеже наши осадные ратные люди начали ихъ вымасками вредить, тогда хитро в тѣхъ рвахъ поганый народъ лесами и землею покрывался, при которыхъ и роскатоу 340 высоко высыпано было и высокими шанцами путь к нимъ заложенъ, построено. И то учинено для нетруднаго преведенія пушекъ и для частаго прїѣзду дозирателей и начальныхъ людей. И с тѣхъ роскатоу из ломовыхъ и из малыхъ пушекъ безпрестанно стреляли на городъ и на крѣпость, которымъ стреляніемъ всю крѣпость и стены башни и роскаты подыравили и стены зело вредили и хоромы въ нихъ всё сокрушили. В копаніи шанцовъ и камень единъ непріателемъ не былъ препною, понеже в нѣсколькихъ мѣстехъ в самую скалу, ко пробитію неудобную, пробивали. Тамъ же и подкопы чинили, каменія сокрушая, ис которыхъ три, какъ прежде речеся, злый случай принесли; и несколько ихъ самыхъ трудныхъ скалоу подъ роскаты крепостныя подведенныхъ, несовершенныхъ осталось. Передъ самыми воротами крепостными давній шанецъ кирпичной одау выведенъ: непріатели тотъ шанецъ отнявъ, с того мѣста зело великій валъ земляной передъ собою копали, которымъ между иными промыслы ровъ заставили и нетрудно в самыхъ воротехъ проходъ себѣ учинить и крепость отнять мыслили, что едва уже не учинилося. Отъ всѣхъ тѣхъ набеговъ сильно оборонилися в осадѣ, сколко кратъ на выдаскахъ непріателя зело поразили и много ихъ побиили в дырахъ, подкопами починеныхъ, наипаче же в одномъ ихъ непріателскомъ приступѣ, когда на самый валъ крепосной учали наступать. Подлинныхъ такоужъ г. гетманъ, какъ тѣ непріатели стояли подъ Чигиринымъ, приказалъ ис полковъ своихъ выслать конныхъ охотныхъ в дикіе поля на шяхи непріателскіе, которые охотники непріателскихъ людей из ихъ земли подъ Чигиринъ и назадъ из подъ Чигирина идучихъ в поляхъ часто громили; охотники жъ Полтавскаго полку не малый табаръ из подъ Чигирина высланъ, надъ которымъ было 300 Турковъ ратныхъ, прежде ихъ непріателскаго пришествія, на Великому Пугале перенявъ, побиили, Турковъ всѣхъ вырубилы, с добычею и лошадей множество и воловъ нѣсколко сотъ и буйволовъ немало в города на корысть себѣ привели. Тѣ побитые непріатели видены были отъ всѣхъ непріателскихъ силъ, изподъ Чигирина бежащихъ,—зело убоилися. Бояринъ князь Голицынъ с войсками государскими по непріателскомъ отступленіи к Днепру и подъ Максимкою таборомъ стаа. Бояринъ з гетманомъ все, что надлежало, в Чигиринѣ устроивъ и шанцы непріателскіе войсковымъ трудомъ загладивъ, возвратилися и перевезлися черезъ Днепръ на сю сторону въ 9-й день сентября; потомъ бояра кн. Голицынъ и кн. Ромодановскій, также и г. гетманъ со всѣми войсками государскими рушилися отъ Днепра въ 11-й день м-ца сентября и шли хваля Бога, во свояси.»

Считаемъ долгомъ указать, вмѣстѣ съ источниками, на которыхъ основанъ нашъ разказъ, и на предшествовавшія сочиненія, служившія намъ нѣкотораго рода руководствомъ. Лѣтопись Велички. Т. II гл. XVIII. Лѣтопись самовидца стр. 66 — 67. Лѣтопись Грабянки стр. 301 — 303;

Синописиъ Гизеля изд. 1823 г. стр. 144 — 147 повторяетъ слова Грабянки; а напечатанное г. Калачевымъ, въ № 20, «Временника», стр. 2—3 Смѣси, сказаніе «О турецкомъ приходѣ подъ Чигиринъ» есть не болѣе, какъ извлеченіе изъ Синописиса. Конисскаго: *Исторія Руссовъ* стр. 177—178. Ригельмана *Лѣтописное Повѣствованіе о Мал. Росс. кн. IV* стр. 156 и д.; Бантышъ-Каменскаго: *Исторія Мал. Россіи. Т. II* стр. 153 и слѣд.; Маркевича: *Исторія Малороссіи, Т. II* стр. 249—251. Изъ иностранныхъ писателей: сл. *Theatrum Europeum. Т. XI* изд. 1679 г. стр. 1051. *La Croix: Guerres des Turcs avec la Pologne, la Moscovie etc.* изд. 1689 г. стр. 101—103. Engel: *Geschichte der Ukraine* стр. 267 и слѣд.—Hammer: *Histoire de l'empire Ottoman. liv. LVII.*

А. Поповъ.

О РАЗВИТІИ И СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ

ТОРГОВОГО ПАРОВОДСТВА ВЪ ЕВРОПѢ

ПО ПОВОДУ УЧРЕЖДЕНІЯ

РУССКАГО ОБЩЕСТВА ПАРОВОДСТВА И ТОРГОВЛИ

Въ виду исполинскихъ предпріятій нашего времени, въ виду самыхъ энергическихъ дѣйствій народовъ, стоящихъ во главѣ промышленнаго движенія, пора, кажется, перестать говорить о томъ, что это новое направленіе дѣятельности разслабляетъ человѣчество, умаляетъ его нравственную силу. Гораздо основательнѣе пожалѣть, что всякій замѣтный успѣхъ въ этомъ дѣлѣ требуетъ громадныхъ пожертвованій и страшныхъ усилій. Такъ замѣненіе обыкновенныхъ дорогъ желѣзными есть великій шагъ впередъ; но какихъ огромнымъ суммъ стобитъ ихъ построеніе, какихъ трудовъ — извлеченіе каменнаго угля изъ нѣдръ земли, и наконецъ сколько нужно искусства для построенія паровоза!

И въ дѣлѣ мореплаванія, чего, казалось бы, лучше употребленія пара, вмѣсто самаго непостояннаго, самаго капризнаго двигателя, каковъ вѣтеръ? Парь—дѣятель послушный и правильный, всегда и вездѣ готовый,—вездѣ, гдѣ есть горючій матеріалъ. Онъ удовлетворяетъ двумъ главнымъ условіямъ успѣха торговли: быстротѣ и правильности доставки.

Но вотъ другая сторона медали: чрезвычайная дороговизна

содержанія пароходовъ и топлива (1) полагаетъ доселѣ предѣлъ развитію приложеній пара, препятствуетъ окончательной побѣдѣ новаго двигателя надъ старымъ. Океанъ остается еще преимущественно поприщемъ парусныхъ судовъ, и только на небольшихъ разстояніяхъ, въ каботажномъ судоходствѣ, перевѣсъ склоняется на сторону смѣшанныхъ судовъ, то-есть, приводимыхъ въ движеніе и вѣтромъ, и паромъ. Однакожь борьба еще не прекратилась.

Прослѣдимъ же за ходомъ этого дѣла въ странахъ, гдѣ процвѣтаетъ механическое искусство, воспользуемся опытомъ народовъ, опередившихъ насъ въ дѣлѣ торговаго мореплаванія, и посмотримъ, при какихъ условіяхъ сила пара приноситъ наибольшую пользу, изъ какихъ элементовъ слагается успѣхъ предпріятій пароходства.

При этомъ обратимъ особенное вниманіе на дешевую перевозку каменнаго угля, задачу удовлетворительно разрѣшенную между Ньюкастлемъ и Лондономъ. И у насъ, когда богатые каменноугольныя (антрацитовыя) копи будутъ разрабатываемы въ большомъ размѣрѣ, и когда учредится паровое сообщеніе между Дономъ и Волгою, — откроется возможность снабженія Москвы донецкимъ углемъ, и тогда-то многолѣтній опытъ предприимчиваго народа можетъ послужить намъ примѣромъ. Дѣятельность Австріи будетъ для насъ также поучительна: она какъ-бы преществуетъ намъ на пути торговаго и промышленнаго развитія. Читатель найдетъ въ концѣ статьи нашей очеркъ ея успѣховъ въ коммерческомъ пароходствѣ и указаніе на важное политическое значеніе этихъ успѣховъ.

Мы многого ждемъ отъ учредителей пароходства и на Черномъ морѣ; одинъ изъ нихъ — опытный и ученый морякъ, другой уже приобрѣлъ извѣстность дѣятельнымъ участіемъ въ дѣлахъ пароходства на Волгѣ, и мы, съ живымъ сочувствіемъ, предвидимъ то время, когда оба общества, соединенныя паровымъ путемъ между Дономъ и Волгою, подадутъ другъ другу руку какъ для своего собственнаго процвѣтанія, такъ и для оживленія всей нашей торговли и промышленности.

---

(1) Пароходъ Наполеонъ сожигаетъ въ день угля на 4,000 франковъ.

I.

24-го февраля 1815 года умеръ Фультонъ, пятидесяти лѣтъ отъ роду. Никогда смерть частнаго человѣка не вызывала въ Соединенныхъ Штатахъ такихъ единодушныхъ изъясненій уваженія и скорби. Журналы, объявившіе о несчастномъ событіи, вышли съ черною рамкою. Ученыя общества Нью-Йорка облеклись въ трауръ на нѣкоторое время, а законодательная палата того же города, засѣдавшая тогда въ Альбани, носила его тридцать дней. Это единственный примѣръ уваженія къ частному лицу, не занимавшему никакой государственной должности и отличившемуся отъ прочихъ согражданъ только своими талантами. Всѣ власти Нью-Йорка присутствовали при его погребеніи, и паровой фрегатъ стрѣлялъ въ честь того, кто далъ ему жизнь своимъ гениемъ и настойчивостію.

Европа не могла остаться равнодушною къ тому, что происходило въ Америкѣ. Если паровое судоходство представляло особенныя выгоды Соединеннымъ Штатамъ, вслѣдствіе физическихъ условій страны, то и европейскіе народы, по своей дѣятельности, по важности и многочисленности сношеній между собою, могли также извлечь большія выгоды изъ новаго открытія.

Частная промышленность Англіи, первая дала сильный толчокъ пароходству и возвела его на высокую степень славы и могущества.

Послѣ незначительныхъ попытокъ на собственныхъ водахъ, въ 1825 году, англійскій пароходъ *Предпріятіе* совершилъ плаваніе въ Индію. Отправившись изъ Фальмута, этотъ корабль, пользуясь паромъ и вѣтромъ, употребилъ сорокъ семь дней на плаваніе отъ мыса Доброй Надежды до Калькутты. Въ томъ же году и съ тѣми же средствами голландское судно совершило путь изъ Амстердама на Антильскіе острова.

Успѣхъ этихъ двухъ путешествій внушилъ надежду на перевѣдъ черезъ Атлантическій океанъ при помощи одного пара. Англіи принадлежитъ честь исполненія этого смѣлаго предпріятія, — осуществленія мысли, долго считавшейся мечтою.

Атлантическій океанъ часто волнуется свирѣпыми бурями; проѣздъ въ Америку переѣзжается многочисленными теченіями,

противящимися' кораблямъ, отплывающимъ изъ Европы, до такой степени, что парусныя суда употребляютъ на это путешествіе тридцать шесть дней. Количество угля, необходимое на такое долгое плаваніе, казалось непреодолимымъ затрудненіемъ.

Дороговизна этого способа перевозки также не мало занимала умы предприимчивыхъ людей. Вѣтеръ, надувающій паруса корабля, не стѣбитъ ничего, тогда какъ нагрѣваніе паровика стѣбитъ большихъ денегъ.

Но въ то время, когда ученые писали диссертациі, когда негодяи разсчитывали, что дешевле и что дороже, когда наконецъ самые моряки критиковали всякую мысль о паровомъ сообщеніи съ Америкой, сотни работниковъ трудились въ Бристолѣ надъ сооруженіемъ громаднаго судна *Великій Западъ*. Въ 1838 году былъ спущенъ на воду этотъ великолѣпный и величественный корабль. Снабженный силою въ 450 лошадей, онъ, подъ командою лейтенанта Госкена и съ запасомъ 600 тоннъ (тонна равняется 62-мъ пудамъ) угля, отправился изъ Бристоля въ Нью-Йоркъ. Но въ Англіи рѣдко обходится дѣло безъ соперничества. Тремя днями ранѣе, именно 5-го апрѣля 1838 года, vyplылъ изъ Корка, въ Ирландіи, другой пароходъ, прежде плававшій между Коркомъ и Лондономъ, *Сириусъ*, съ запасомъ 453 тоннъ угля и 53 бочекъ смолы. Не многіе рѣшились на отважное путешествіе. Тогда-то на безпредѣльномъ поприщѣ океана началась борьба, дотолѣ не виданная, между двумя кораблями, движимыми одною силою пара. Въ первую недѣлю *Сириусъ* двигался медленно: топливо обременяло его чрезмѣрно; но по мѣрѣ уменьшенія угля скорость его быстро росла. 22-го апрѣля оба корабля шли подъ одною широтою, отдѣленные слабымъ разстояніемъ въ три градуса долготы. Наконецъ побѣда осталась за *Сириусомъ*: утромъ 23-го онъ былъ уже въ виду Нью-Йорка. Но не забудемъ, что эта побѣда только кажущаяся; *Сириусъ* вышелъ въ море тремя днями ранѣе. Тамъ были уже предупреждены о прибытіи двухъ англійскихъ пароходовъ. Ежедневно народъ толпился у гавани и искалъ чего-то на отдаленномъ горизонтѣ. При появленіи *Сириуса* загремѣли пушки острова Брандлау, и тысячи лодокъ покрыли гавань. Такимъ-то образомъ, при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ, *Сириусъ* бросилъ тотъ самый якорь въ воды Гуд-

сона, который семнадцать дней тому назадъ лежалъ у береговъ Англии.

Едва только стихло волненіе жителей Нью-Йорка, какъ показался *Великій Западъ*. На всѣхъ парахъ онъ выравнялся съ своимъ счастливымъ соперникомъ и былъ встрѣченъ съ тѣмъ же энтузіазмомъ. «Когда мы приближались къ набережной, говоритъ одинъ изъ пассажировъ *Великаго Запада*, множество лодокъ тѣснилось около насъ. Смѣшеніе было неописанное; повсюду развѣвались флаги, пушки гремѣли и всѣ колокола оглашали окрестность».

Нѣсколько дней спустя, оба парохода оставили Нью-Йоркъ. *Сириусъ* прибылъ въ Фальмутъ, пробывши въ морѣ 18 дней, *Великій Западъ* возвратился въ Бристоль въ 15 дней.

Задача дальняго пароваго плаванія была рѣшена окончательно этими двумя незабвенными путешествіями; но они же показали, что расходы плаванія чрезмѣрны, и что необходимы пособія для покрытія ихъ. Вскорѣ правительство поручило *Великому Западу* перевозъ почты и пассажировъ; *Сириусъ*, найденный слишкомъ слабымъ, обратился къ своему прежнему плаванію между Коркомъ и Лондономъ. За *Великимъ Западомъ* вскорѣ послѣдовали: *Англійская Королева*, *Президентъ* и *Ливерпульъ*; каждый изъ этихъ пароходовъ стоилъ до 600,000 рублей серебромъ. Первый изъ нихъ былъ купленъ Бельгією; участь *Президента* покрыта непроницаемою тайною: вѣроятно онъ погибъ въ волнахъ океана со всѣми пассажирами; наконецъ *Ливерпульъ* разбился о берега Испаніи. Видно ни одна побѣда не достается даромъ. Но государство выиграло отъ этихъ несчастныхъ попытокъ: многіе поняли, что правильность и быстрота переѣздовъ сообщать новую дѣятельность всѣмъ коммерческимъ сдѣлкамъ, помогутъ успѣхамъ цивилизаціи, свяжутъ тѣснѣ метрополию съ колоніями. Для такихъ результатовъ не можетъ быть слишкомъ большихъ жертвованій.

Между тѣмъ паровой флотъ Соединенныхъ Штатовъ на *рѣкахъ* и *озерахъ* обращалъ уже вниманіе на себя задолго до разказанныхъ нами событій. Онъ былъ достоинъ изученія, и вотъ почему французскій морской министръ, откинувши неумѣстное самолюбіе, посылалъ въ Америку опытнаго инженера Марестье и командира фрегата г-на Монжери. Замѣчательный трудъ г-на Ма-

рестье, представленный Академіи въ 1823 году подъ заглавіемъ: «Mémoire sur les bateaux à vapeur des Etats Unis d'Amérique», познакомилъ подробно съ состояніемъ пароходнаго флота различныхъ странъ Новаго Свѣта. Авторъ заключилъ, что эта новая система плаванія представляла значительныя выгоды, и что немедленное введеніе ея на европейскія моря и рѣки не должно быть откладываемо. Свѣдѣнія и практическія формулы, содержащіяся въ его книгѣ, доставили средства для построенія пароходовъ во Франціи.

Въ послѣдствіи Англія оказала еще большіе успѣхи на поприщѣ судостроенія; мы уже сказали, что она первая разрѣшила вопросъ о дальнихъ плаваніяхъ. Франція въ другой разъ смирила свою гордость. Инженеръ Гюберъ отправился въ Ливерпуль для построенія 160-ти сильной машины на знаменитый пароходъ *Сфинксъ*, который съ 1830 года сдѣлался типомъ для всѣхъ построеній французскаго флота. Но этимъ не удовлетворилось стремленіе Франціи создать паровой флотъ, достойный могущественной державы. Понимая, какъ тѣсно связано торговое судоходство съ морскою силою государства, французскій морской министръ, г-нъ Дюко, отправилъ въ Англію, одного изъ ученѣйшихъ моряковъ, г-на Бургуа, столь извѣстнаго своими опытами надъ архимедовымъ винтомъ. Это было только три года тому назадъ. Его цѣль состояла въ томъ, чтобы на результатахъ долгаго опыта основать заключенія, изъ которыхъ могло бы проистекать разрѣшеніе важныхъ задачъ торговаго судоходства. «Торговое мореплаваніе, говоритъ г. Бургуа, есть могущественный элементъ цивилизаціи и прогресса; оно производило на судьбы народовъ вліяніе, котораго доказательства написаны на каждой страницѣ исторіи. Отъ торговаго мореплаванія, въ различныя эпохи, республики древности и среднихъ вѣковъ, Италія, Португалія, Голландія, и въ наше время Соединенные Штаты, достигли до высокой степени благосостоянія, и Англія обязана болѣе ему, нежели успѣхамъ своего морскаго оружія, высокимъ мѣстомъ, занимаемымъ ею между великими европейскими народами.»

Читая обширный трудъ ученаго французскаго моряка, вникая въ его изслѣдованія о причинахъ успѣховъ и паденія многихъ компаній, невольно приходишь къ тому заключенію, что трудно согласить выборъ судовъ и машинъ съ существенными требованіями мореплаванія и перевозки. Тутъ и матеріалъ, и вмѣстимость, и

скорость судовъ, равно какъ сила машинъ и разные способы сообщенія движенія, представляютъ вопросы для разрѣшенія. Помогите Богъ нашимъ учредителямъ выйти съ честью изъ этого затруднительнаго положенія! Но всякое общее дѣло растетъ сочувствіемъ согражданъ, и мы съ своей стороны выразимъ его, усиленнымъ изученіемъ того, какъ эти вопросы были разрѣшаемы въ другихъ странахъ. Конечно, мы не претендуемъ сказать что-либо новое тѣмъ, которые стоятъ во главѣ компаніи, но желаемъ показать только затруднительность начатаго дѣла, еще вездѣ новаго, и призвать къ нему вниманіе нашихъ соотечественниковъ не однимъ голословнымъ указаніемъ, но подробнымъ анализомъ постепенныхъ улучшеній.

II.

Первыя большія предпріятія для правильнаго и ускореннаго перевоза почтъ и путешественниковъ имѣли въ виду сообщеніе между странами, производящими наибольшую морскую торговлю, то-есть между Англіею и Америкою.

Великобританское адмиралтейство должно было установить условія, по которымъ государство, при помощи денежныхъ пособій, получало право на отправленіе моремъ почтъ и курьеровъ. Впервые замѣтимъ, что съ 1839 года всѣ парусныя суда линіи между Англіею и Южною Америкою замѣнены пароходами. Компанія (Королевское Западно-Индійское пароводство), взявшаяся за это предпріятіе, обязалась проходить въ годъ около 600,000 верстъ (595,932), что соотвѣтствуетъ шестнадцати разъ взятой окружности земнаго шара, при ежегодномъ пособіи 1,500,000 рублей серебромъ. Такимъ образомъ, правительство платило компаніи по 2¹/₂ рубля за версту, проходимую каждымъ пароходомъ въ 400 силъ.

Прежде этого, государство издерживало около 1,000,000 рублей на парусныя суда; слѣдовательно, оно прибавило только 500,000 за перевозку болѣе правильную и болѣе быструю.

Пароходы этой компаніи были колесные и деревянные, и не

достигали скорости восьми узловъ (1): въ часъ проходили около четырнадцати верстъ. Шесть пароходовъ погибли въ первый времени; это показываетъ, сколько опасностей надобно было преодолѣть, для достиженія нѣкоторой увѣренности въ точности и безопасности перевозки.

Быстрое развитіе торговли между Америкою и Англіею, увеличивая болѣе и болѣе число провѣжающихъ и вѣсь клади, сдѣлало наконецъ выгоднымъ это предпріятіе.

Погибшіе корабли замѣнены другими болѣе усовершенствованными.

Въ концѣ 1851 года, компанія построила пять деревянныхъ пароходовъ, каждый въ 800 силъ; это выходитъ ровно вдвое противъ первоначальной силы. По мнѣнію г-на Бургуа, такіа суда слишкомъ велики для своего назначенія.

Англійское адмиралтейство обязывало компанію строить деревянные корабли съ тою цѣлію, чтобы въ случаѣ войны они могли быть обращены въ военные суда. Въ послѣднее время это требованіе потеряло свою силу.

Принуждая компаніи къ постройкѣ кораблей изъ дерева съ толстыми сочлененіями, какъ это нужно для военныхъ пароходовъ, адмиралтейство вводило ихъ въ излишнія издержки, несоразмѣрныя съ назначеніемъ пароходовъ; да и самыя суда выходили тяжелѣе и неповоротливѣе. Впрочемъ, рѣшеніе вопроса о матеріалѣ для судовъ и съ чисто-экономической точки зрѣнія не можетъ быть одинаково для всѣхъ странъ, какъ мы это покажемъ ниже. Нельзя однакожъ не замѣтить, что въ Великобританіи предпочтеніе перешло рѣшительно на сторону желѣза, и оно основывается: 1) на большей продолжительности существованія желѣзныхъ судовъ; 2) на ихъ большей вмѣстимости при равенствѣ размѣровъ; 3) на сокращеніи стоимости исправленій, и наконецъ 4) на возможности построенія судовъ большей длины относительно ширины.

Чтобы понять важность послѣдняго пункта, необходимо замѣтить, что сопротивленіе воды возрастаетъ вмѣстѣ съ попереч-

---

(1) 8 узловъ значить 8 географическихъ миль въ 4 часа, слѣдовательно, 2 мили въ часъ.

нымъ свѣченіемъ судна, а увеличивать поперечные размѣры часто бываетъ желательнo для увеличенія вмѣстимости; но если эту вмѣстимость можно усилить длиною, то это обстоятельство надобно считать очень благопріятнымъ.

Послѣ этого понятно, что желѣзныя суда могутъ быть легче при той же вмѣстимости, какъ и деревянныя, или быстрѣе на ходу при той же двигающей силѣ.

Вновь выстроенные пароходы, на линіи между Англіею и Тихимъ океаномъ, проходятъ около четырнадцати узловъ.

III.

Изъ всѣхъ предпріятій пароваго плаванія по Атлантическому океану первое мѣсто въ общественномъ мнѣніи занимаетъ предпріятіе Кенарда, имѣющее цѣлю соединеніе Ливерпуля съ Соединенными Штатами.

Сначала была учреждена линія между Ливерпулемъ и Галифаксомъ; потомъ, въ 1846 году, сообщеніе уже было между четырьмя знаменитыми портами: Ливерпулемъ, Галифаксомъ, Бостономъ и Нью-Йоркомъ.

Компанія Кенарда обязана была дѣлать 44 рейса въ годъ, то есть одинъ въ недѣлю въ продолженіе девяти мѣсяцевъ благопріятнаго времени года, и только одинъ рейсъ въ двѣ недѣли въ теченіе трехъ зимнихъ мѣсяцевъ.

По условію, пароходы должны быть въ четыреста силъ; но Кенардъ возвысилъ могущество машинъ до 650 и болѣе силъ. Этимъ не ограничились измѣненія въ системѣ пароходства; въ видахъ увеличенія скорости, судамъ давали болѣе длинную относительно ширины, и возвышали упругость пара.

Именно отношеніе длины къ ширинѣ судовъ простиралось до 5, 6, $6\frac{1}{2}$ и даже болѣе.

Результатомъ этихъ усилій была слѣдующая средняя скорость пароходовъ Кенарда:

Изъ Ливерпуля въ Америку. . . . $9\frac{7}{10}$ узловъ.

Изъ Америки въ Ливерпуль. . . . $10\frac{3}{10}$ —

Средняя величина 10 узловъ, или около 18

верстъ въ часъ.

Ежегодное вспоможеніе, выплачиваемое Кенарду англійскимъ адмиралтействомъ, составляетъ 1,083,375 рублей,—почти по два рубля за версту.

Чѣмъ больше сила парохода, тѣмъ меньше придется платы на каждую лошадь.

Съ 1850 года Сѣверо-Американцы вступили въ состязаніе съ Великобританіею на той же линіи.

Руководимые Коллинсомъ, они своими громадными пароходами заставили Кенарда противопоставить имъ суда не менѣе значительныя.

Искусство пароваго плаванія сдѣлало еще нѣсколько шаговъ впередъ; англійская компанія построила два корабля: *Аравію* и *Персію* въ 960 силъ каждый; машины сдѣланы извѣстнымъ гласгоскимъ строителемъ Р. Напиромъ. Пароходъ *Персія* желѣзный. Отношеніе длины къ ширинѣ увеличено до семи; давленіе пара возрасло до двухъ атмосферъ. Съ такими средствами *Аравія* достигла до двадцати верстъ средней скорости въ часъ.

Съ перваго раза полученный результатъ кажется ничтожнымъ: двадцать верстъ въ сравненіи съ восемнадцатю не представляютъ важной разницы: но на водѣ сопротивленія возрастаютъ быстро, и преодоленіе ихъ стоить величайшихъ усилій.

Постепенное увеличиваніе размѣровъ и скорости пароходовъ, вслѣдствіе соперничества двухъ компаній, щедро поддерживаемыхъ своими правительствами, породило невѣрное, преувеличенное мнѣніе о важности усиленія вмѣстимости кораблей и силы машинъ. Кажется, что соперничество невозможно при меньшихъ средствахъ, и что нѣтъ выгодъ внѣ громадныхъ судовъ. Подобное мнѣніе можетъ помѣшать развитію пароваго флота въ другихъ государствахъ. Но къ счастью, цифры доказываютъ ясно, что путешественники въ выборѣ пароходовъ руководствуются не столько величиною и скоростью судовъ, сколько правильностію и безопасностію путешествія и временемъ отъѣзда.

Среднее число пассажировъ, перевозимыхъ каждымъ пароходомъ, большимъ или малымъ, бываетъ изъ Европы въ Америку 81, изъ Америки въ Европу — 78.

Что же касается до гледи, то она рѣдко встрѣчается полная. Съ увеличиваніемъ числа компаній уменьшится еще количество гледи и число пассажировъ, отправляющихся на каждомъ паро-

ходъ; убытокъ отъ этого потерпѣть прежде всего большіе пароходы.

Невыгода большихъ судовъ и чрезмѣрныхъ скоростей видна еще и изъ того, что Американская компанія получаетъ гораздо большее денежное пособіе, нежели компанія Кенарда.

Итакъ, если большому государству и простительно, во что бы то ни стало, выставлять на воды океана гигантскія построенія, пловучіе памятники своего могущества, то не должно однакожъ забывать, что въ коммерческомъ отношеніи эти построенія не имѣютъ важнаго значенія.

Чтобы еще болѣе разъяснить этотъ предметъ, представимъ сравнительныя таблицы двухъ соперничающихъ компаній, англійской и американской, изъ которыхъ послѣдняя употребляетъ корабли большихъ силъ и вмѣстимостей.

	Компанія :	
	Англія. Кенардъ.	Соедин. Штаты. Коллинсъ.
Основной капиталъ	5,625,000	4,187,500
Число рейсовъ	44	26
Ежегодное вспоможеніе	1,083,375	1,117,187
Вспоможеніе на каждый годъ	24,622	42,969
Отношеніе вспоможенія къ капиталу основному	19 $\frac{1}{4}$ %	26 $\frac{2}{5}$ %

Эта таблица показываетъ: 1) что англійское правительство выплачиваетъ въ пять лѣтъ сумму, равную стоимости всего подвижнаго состава и обращающагося капитала; 2) что Сѣверо-Американское правительство выплачиваетъ подобную сумму менѣе нежели въ четыре года. Несмотря на разницу этихъ пожертвованій, результаты вышли почти одинаковыя.

За вычетомъ вспоможеній средняя выручка за каждый рейсъ:

Англійской компаніи	45,922
Американской компаніи	46,875

Итакъ, различіе въ полученіи денегъ за провозъ пассажировъ и клади — незначительно.

Изъ этого числоваго сравненія мы имѣемъ, кажется, право

заклѣчить, что, хотя американскія суда имѣютъ болѣшую вмѣстимости и болѣшую паровую силу, однакожь ихъ пассажирскій и товарный фрахтъ превышаетъ фрахтъ англійскихъ судовъ только на $2\frac{3}{10}\%$.

Подобныя сближенія доказываютъ, что съ экономической точки зрѣнія, для большихъ паровыхъ сообщеній, есть предѣлъ вмѣстимости и силы, который не надо превышать.

Но хотя чрезмѣрное увеличиваніе объема судовъ и ихъ великолѣпіе, вызванныя соперничествомъ, и не принесли особенныхъ выгодъ компаніямъ, однакожь они были полезны морскому искусству и наукѣ.

Но прежде нежели мы пойдемъ далѣе въ этомъ обзорѣ постепеннаго развитія торговаго пароходства, посмотримъ, пользуясь обнаруженными документами компаній Кенарда и Коллинса, куда идутъ вспоможенія правительствъ, въ какомъ отношеніи они находятся къ среднему годовому расходу, и каково отношеніе къ тому же расходу издержекъ разнаго рода, неизбѣжныхъ въ такихъ обширныхъ предпріятіяхъ.

Мы представимъ это въ видѣ таблицы.

Родъ издержекъ.	Англійская компанія.	Американск. компанія
Застрахованіе.	0,11 $\frac{23}{100}$	1,11 $\frac{83}{100}$
Различныя мелкіе расходы (агентамъ, нагрузка и разгрузка, пошлины). .	0,13	0,09 $\frac{25}{100}$
Содержаніе и исправленіе кораблей. .	0,15 $\frac{75}{100}$	0,16 $\frac{65}{100}$
Жалованье и продовольствіе экипажа.	0,17 $\frac{75}{100}$	0,19 $\frac{25}{100}$
Погашеніе.	0,18 $\frac{40}{100}$	0,19 $\frac{75}{100}$
Итогъ издержекъ	0,75 $\frac{85}{100}$	0,76 $\frac{87}{100}$
На топливо.	0,24 $\frac{25}{100}$	0,23 $\frac{23}{100}$

Изъ этого видно, что собственно топливо составляетъ одну только *четверть* всего расхода — выводъ, заслуживающій вниманія!

Если теперь сравнимъ цифру вспоможенія съ цифрой всего расхода, то найдемъ, что въ Англии вспоможеніе покрываетъ $0,43 \frac{335}{1000}$, а въ Америкѣ $0,63 \frac{65}{100}$ всего расхода.

Итакъ англійское правительство платитъ почти *двойную* стоимость топлива, а американское — почти *тройную*.

IV.

Для уразумѣнія дальнѣйшихъ успѣховъ пароваго мореплаванія необходимо войти въ нѣкоторыя техническія подробности, относящіяся къ устройству парходовъ.

Прежде изобрѣтенія улитки (винта) морскія суда, занимавшіяся перевозкою, раздѣлялись на два совершенно различные рода.

Первый обнималъ парусныя суда, которыхъ двигатель требуетъ издержекъ только на первоначальное устройство и не дорогаго содержанія; между тѣмъ какъ все пространство подъ палубою можетъ быть занято кладью, источникомъ доходовъ судовозяина. Но эти выгоды сопряжены со многими невыгодами: ходъ корабля подчиняется силѣ вѣтра, а потому все парусное судоходство носитъ характеръ медленности и неправильности. Число рейсовъ, а следовательно, количество перевозимыхъ товаровъ въ извѣстное время значительно ограничивается этими двумя отрицательными качествами.

Второй родъ, менѣе значительный, заключалъ колесныя парходы, снабженные небольшими парусами, которые помогаютъ только по временамъ машинѣ. Эти суда, которыхъ сфера дѣйствія ограничивается необходимостію возобновленія топлива, имѣютъ среднюю скорость, гораздо ббльшую, нежели парусныя корабли; поэтому они могутъ, въ то же время, совершать большее число рейсовъ и брать дороже за свои услуги. Но машина и топливо занимаютъ подъ палубою, въ ущербъ кладу, тѣмъ большее мѣсто, чѣмъ сильнѣе машина и чѣмъ дальше плаваніе; такъ что количество перевозимыхъ товаровъ въ данное время не всегда увеличивается съ числомъ рейсовъ, а напротивъ можетъ уменьшаться, когда двигающая сила превосходитъ нѣкоторые предѣлы.

Съ другой стороны, расходы на устройство и на содержаніе машины превышаютъ все, что до того времени требовалось для движенія корабля. Вотъ почему фрахтъ парходовъ несравненно выше фрахта кораблей, особенно для отдаленныхъ странъ.

Такимъ образомъ, до изобрѣтенія улиткообразнаго колеса, па-

русныя суда сохраняли монополію перевоза громоздкихъ товаровъ, которые не могутъ выдерживать возвышеннаго фрахта. Изъ различныхъ элементовъ, имѣющихъ вліяніе на цѣну перевозки товаровъ, топливо занимаетъ важнѣйшее мѣсто; но его потребление быстро уменьшается отъ уменьшенія скорости, и именно, топливо потребляется пропорціонально кубу скорости: при скорости вдвое меньшей, горючаго матеріала нужно въ восемь разъ меньше, и такъ далѣе. Изъ этого открывается возможность значительнаго пониженія фрахта. Но, для осуществленія этой возможности, необходимо было напередъ, чтобы изобрѣтеніе и употребленіе улитки сдѣлало удобоисполнимымъ приложеніе этихъ умѣренныхъ силъ, и облегчило бы созданіе новыхъ типовъ коммерческихъ судовъ, среднихъ между старыми типами парусныхъ судовъ и колесныхъ пароходовъ.

Улитка, приводимая въ движеніе даже самую слабою паровою машиною, можетъ всегда присоединить свое усиліе къ усилію вѣтра, каковы бы ни были его сила и направленіе, наклоненіе судна и волненіе моря; она можетъ замѣнить паруса, когда нѣтъ вѣтра.

Всѣ комбинаціи силы и скорости возможны при улиткѣ: отъ самаго медленнаго движенія до быстраго перевоза писемъ, пассажировъ и дорогихъ товаровъ—выгода чрезвычайная!

Отсюда вытекаетъ причина преобразованій въ коммерческихъ флотахъ всѣхъ народовъ.

Первыя серіозныя попытки для приложенія улитки къ судоходству принадлежатъ Эриксону, который, въ 1840 году, помѣстилъ на Американское судно *Кларіонъ* машину въ 70 силъ и заставилъ ее двигать двѣ улитки, размѣщенныя по сторонамъ руля.

Это судно погибло въ первое свое плаваніе.

Не станемъ исчислять всѣхъ судовъ съ парусами и съ улиткою, потерпѣвшихъ неудачи, но упомянемъ объ огромномъ желѣзномъ пароходѣ въ тысячу силъ, *Великобританія*, выстроенномъ еще въ 1842 году владѣльцами *Великаго Запада*. Участъ этого судна въ высшей степени поучительна. Желѣзо, какъ матеріалъ для судовъ, и улитка, какъ двигатель, признаны лучшими новѣйшимъ искусствомъ судостроенія; но чрезмѣр

ная величина парохода не соотвѣтствовала торговому движенію, происходившему тогда между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ, такъ что, еслибы успѣхъ и увѣнчалъ плаваніе этого дорогаго парохода, то и тогда выгоды отъ его употребленія были бы очень невѣрны, а особенно послѣ оказаннаго со стороны адмиралтейства предпочтенія компаніи Кенарда.

Послѣ нѣсколькихъ, не совсѣмъ счастливыхъ рейсовъ, *Великобританія* была выброшена на Ирландскій берегъ; это было смертельнымъ ударомъ для компаніи.

Въ Шотландіи, въ отечествѣ Джемса Ватта, на берегахъ рѣки, близъ которой онъ родился, образовалось новое предпріятіе, началось новое судостроеніе. Берега Клейда представляли къ тому всѣ удобства, по близости превосходныхъ копей каменнаго угля и по дешевизнѣ хорошаго желѣза, такъ что Шотландія, споспѣшествуемая своими естественными богатствами и геніемъ своихъ обитателей, строить теперь большее число желѣзныхъ судовъ, нежели Англія и Ирландія вмѣстѣ. При этихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, въ 1850 году составила въ Глазго компанія пароходства между Англіею и Сѣвѣрною Америкою; она довольствуется силою въ 300 лошадей, вмѣстимостію въ 1600 тоннъ (800 ластовъ) и скоростію въ 8 узловъ.

Компанія поняла, что въ коммерческихъ предпріятіяхъ скорость переѣздовъ не есть единственный элементъ, которому всѣмъ надобно жертвовать, а особливо когда она не доставляетъ особенныхъ выгодъ и даже не обнаруживаетъ вліянія на число *рейсовъ, совершаемыхъ въ определенное время*. Объяснимъ это, повидимому, парадоксальное мнѣніе. Совмѣстное существованіе многихъ предпріятій парусныхъ судовъ, колесныхъ и винтовыхъ пароходовъ, на линіи между Ливерпулемъ и Соединенными Штатами позволяютъ сдѣлать нѣкоторыя сближенія, не лишеныя значенія.

Вопервыхъ, несмотря на большую скорость пароходовъ Кенарда и Коллинса, каждый изъ восьми колесныхъ пароходовъ Кенарда и изъ четырехъ Коллинса совершаетъ столько же рейсовъ въ годъ, сколько желѣзные винтовики Шотландской компаніи. Причина заключается въ томъ, что англійская и американская компаніи обязались, каждая передъ своимъ правительствомъ, оставлять одинъ пароходъ въ резервѣ.

Вовторыхъ, фрахтъ, по дешевизнѣ, склоняется рѣшительно на сторону парусныхъ судовъ, которыхъ среднее плаваніе почти втрое продолжительнѣе. Впрочемъ, вотъ таблица фрахта между Англією и Соединенными Штатами.

	За бочку.
На парусныхъ судахъ	8 р.
На винтовыхъ пароходахъ средней скорости	20 —
На колесныхъ пароходахъ большей скорости.	27 —

Эта таблица показываетъ, что парусныя суда перевозятъ за двѣ пятыхъ цѣны перевоза на винтовыхъ пароходахъ, а эти послѣдніе почти за три четверти фрахта быстрыхъ судовъ. Итакъ, единственно возможный грузъ для паровыхъ судовъ можетъ состоять только изъ пассажировъ и цѣнныхъ товаровъ, или изъ товаровъ, которыхъ доставка требуетъ большой быстроты, и если можно еще надѣяться за громоздкіе дешевые товары, то не иначе какъ въ виду винтовыхъ пароходовъ съ умѣренной скоростью. Это намъ объясняетъ также причину, почему на большихъ корабляхъ компаніи Кенарда вмѣстимость, назначенную для кладѣ, сократили до 350 и даже до 300 бочекъ; все остальное пространство занято углемъ и помѣщеніемъ для пассажировъ. Англійская компанія Кенарда, для выдержанія шотландской конкуренціи, рѣшилась сама построить желѣзныя винтовыя суда умѣренной силы; такъ надобно было поступить, чтобы получить среднія скорости и сокращенныя издержки.

Такимъ образомъ она построила три слѣдующіе парохода: *Анды* и *Альпы*, въ 1300 тоннъ и 300 лошадей; *Тавръ*, въ 1100 тоннъ и 180 лошадей.

Компанія Кенарда продолжила свою линію съ одной стороны до Монреаля, а съ другой до Панамскаго перешейка посредствомъ желѣзныхъ винтовыхъ судовъ, имѣющихъ длину, въ восемь разъ ббльшую ширины, вмѣстимостію въ 2000 тоннъ и силою въ 450 лошадей. Только желѣзныя суда могутъ съ легкостію соединять прочность, и такимъ образомъ выдерживать относительно ббльшую длину.

Машины, употребляемыя на судахъ новой постройки, всѣ съ коромысломъ. Извѣстно, что въ послѣднее время въ большое употребленіе вошли простѣйшіе механизмы, встрѣчающіеся между прочимъ и на паровозахъ: это такъ-называемыя машины съ прямою передачею движенія. Всякому, кому случалось быть на желѣзной дорогѣ и видѣть локомотивы, понятно, что мы хотимъ этимъ выразить: тутъ нѣтъ коромысла, нѣтъ колесъ, увеличивающихъ скорость движенія—устройство простое, но имѣющее свои невыгоды. Главный поршень долженъ двигаться быстрѣе, а оттого условія дѣйствія пара становятся неблагоприятными.

Для военныхъ пароходовъ эта простота состава позволяетъ помѣщеніе машины на днѣ корабля, ниже горизонта воды, вдали отъ непріятельскихъ ядеръ. Чисто коммерческіе пароходы не стѣсняются этимъ условіемъ и употребляютъ съ успѣхомъ машины съ коромысломъ и съ зубчатыми колесами, ускоряющими медленное, но правильное и болѣе сообразное съ свойствами пара движеніе поршня.

Впрочемъ, мы не хотимъ сказать, что простые, легчайшіе механизмы съ прямою передачею движенія должны быть вовсе изгнаны изъ торговаго флота; напротивъ, они совершенствуются съ каждымъ днемъ и все болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе. Вѣрно однакожъ и то, что торговый пароходъ можетъ отличаться отъ военнаго, и въ матеріалѣ судна, и въ системѣ паровой машины.

V.

Наконецъ, мы должны сказать нѣсколько словъ о первомъ изъ тѣхъ большихъ торговыхъ обществъ, которыя составляютъ силу и славу Англій, и которыя покрыли весь земной шаръ сѣтью своихъ рейсовъ. Мы здѣсь разумѣемъ компанію, извѣстную прежде подъ названіемъ *Полуостровной*, а потомъ *Полуостровной и Восточной*.

Ея начинанія были скромны, и теперешнее благоденствіе есть дѣло времени и благоразумія. Начавши въ 1837 году почтовое

сообщеніе Англіи съ Пиренейскимъ *полуостровомъ*, она непрерывно распространяла свои дѣйствія.

Вскорѣ линія была продолжена до Александріи.

Но въ Англіи никакое дѣло не обойдется безъ конкуренціи; въ 1839 году учредилось новое паровое движеніе только между Марселемъ и Александріею: индійскія письма стали доходить скорѣе черезъ Францію и Па-де-Кале.

Компанія не потеряла бодрости: она вдругъ удвоила вмѣстимость и силу своихъ пароходовъ для прямаго, безостановочнаго плаванія между Англіею и Александріею.

Это было въ сентябрѣ 1840 года, когда дѣла Египта угрожали всемірною войною. Разстояніе было около 5000 верстъ, и она проходила его по 15 верстъ въ часъ.

Англія простирала свои виды далеко за Средиземное море: она уже предпринимала самыя серіозныя развѣдки для перехода изъ этого моря въ Восточный океанъ, черезъ Сирію и Евфратъ, по которому проплылъ уже вверхъ и внизъ корабль, искусно проведенный; но замедленія, опасности и препятствія всякаго рода отвратили отъ этого пути.

При этихъ-то обстоятельствахъ Полуостровная и Восточная компанія предприняла новое паровое движеніе по Черному морю до Индостана.

Это плаваніе совершалось на корабляхъ, движимыхъ силою 520 лошадей со скоростію $8\frac{1}{2}$ узловъ. Оно обходилось дорого вслѣдствіе необходимости привозить уголь изъ Англіи.

Благодаря этимъ-то чрезвычайнымъ усиліямъ, путешественники и письма достигали въ сорокъ семь дней изъ Индіи въ Англію.

Желѣзная дорога изъ Александріи въ Каиръ, и оттуда въ Суэсъ, длиною въ 300 верстъ, довершитъ паровую связь Великобританіи съ ея остъ-индскими владѣніями; сорокъ дней будутъ достаточны для достиженія страны, въ которую парусныя суда плаваютъ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, огибая Африку и мысъ Доброй Надежды.

Въ настоящее время рейсы компаніи доходятъ до Бомбей, Калькутты, Цейлона, Сингапура, Китая, и наконецъ до Австраліи.

Послѣднее условіе между компаніею и адмиралтействомъ пока

зывается ясно успѣхъ пароваго плаванія ; на главной линіи суда должны проходить среднимъ числомъ по 18 верстъ въ часъ , или по 432 версты въ сутки.

Въ вознагражденіе за пожертвованія , причиняемыя такими скоростями, англійское правительство платитъ компаніи ежегодно 1,250,000 рублей серебромъ ; но скажемъ сейчасъ же, что почтовый сборъ простирается до 920,000; слѣдовательно окончательный расходъ правительства приводится къ 330,000 рублямъ. За эту—то сумму пароходы компаніи проходятъ въ годъ пространство , равное окружности земнаго шара, взятой тридцать одинъ разъ.

Основной капиталъ компаніи—7,812,500 руб.

Въ послѣднее время и она обратилась къ желѣзнымъ винтовикамъ. Одинъ изъ такихъ пароходовъ, *Бенгалъ*, имѣетъ въ 50 квадратныхъ метровъ (1 кв. м.—10, 76 кв. футовъ) погруженную площадь своего наибольшаго сѣченія, и *расходуетъ въ сутки 48 бочекъ угля*, то—есть почти по одной бочкѣ на 1 кв. милю. Средняя скорость его 19 верстъ.

Желѣзные корабли особенно полезны въ Индійскихъ моряхъ, извѣстныхъ своими бѣлыми муравьями и сухою гнилью, производимою на деревѣ.

Опыты, произведенные въ 1850 году на кораблѣ *Excellent*, принадлежащемъ этой же компаніи , показали, какъ важны и какъ трудно исправляемы поврежденія, причиняемыя ядрами въ желѣзныхъ судахъ , которыя потому окончательно изгнаны изъ военнаго морскаго флота.

Несмотря на это, адмиралтейство рѣшилось позволять компаніи желѣзо для ея пароходовъ , предполагая въ случаѣ войны пользоваться ими для перевозки войскъ и военныхъ потребностей.

Одинъ изъ такихъ пароходовъ, *Гималайя*, въ 700 силъ, перевозилъ въ послѣднюю войну войска изъ Англій въ Константинополь со скоростію одиннадцати узловъ.

Этотъ пароходъ въ нынѣшнемъ году проплылъ пространство, отдѣляющее Галифаксъ отъ Портсмута, въ восемь дней, три часа и пятнадцать минутъ ; никогда еще пароходы не достигали столь большой скорости.

VI.

Мы видѣли, что шотландское общество имѣло блестящій успѣхъ.

Построенія, подобныя его судамъ (железныя съ винтомъ), очень употребительны въ каботажномъ судоходствѣ.

На близкихъ разстояніяхъ употребляются предпочтительно суда, на которыхъ парь сообщаетъ умѣренную скорость, увеличиваемую дѣйствіемъ парусовъ: такимъ образомъ дешевизна перевозки сопрягается съ сбереженіемъ времени несравненно большимъ, нежели какое выходитъ отъ одного только употребленія парусовъ.

На этомъ же основаніи составилось предпріятіе для громадной перевозки каменнаго угля изъ Ньюкастля въ Лондонъ.

Железныя суда съ винтомъ и парусами выполняютъ правильную и скорую доставку, вполне удовлетворительную съ экономической точки зрѣнія.

Железныя дороги пытались вступать въ соперничество съ судоходствомъ для перевозки угля въ Лондонъ; но едва ли онѣ доставляютъ и десятую часть этого топлива. Перевозка на смѣшенныхъ судахъ несравненно дешевле и достаточно быстра. Этотъ опытъ долженъ успокаивать касательно будущности буксирнаго пароходства, гдѣ бы оно ни учреждалось.

Смѣшенное судоходство возьметъ верхъ по дешевизнѣ надъ железными дорогами, параллельными направленію рѣкъ.

Даже парусныя суда, имѣвшія доселѣ исключительную монополию въ перевозкѣ дешевыхъ товаровъ, должны уступить мѣсто винтовымъ пароходамъ во многихъ случаяхъ.

Здѣсь надобно указать на обстоятельство, повидимому мало важное, но имѣющее вліяніе на успѣхъ предпріятій этого рода. Мы хотимъ говорить о нагрузкѣ судовъ посредствомъ особаго механизма, называемаго *дропомъ*. Вагоны железной дороги, наполненные углемъ, прямо взвѣзжаютъ на платформу дропа и тихо опускаются на пароходъ.

При попутномъ вѣтрѣ весьма выгодно было бы нагружать суда скорѣе и тѣмъ сокращать время бесполезной остановки.

Эта цѣль отчасти достигается развитіемъ дѣйствій компаній, покупающихъ уголь во многихъ копияхъ и распоряжающихся временемъ отправленія по своему усмотрѣнію, что возможно только при пособіи пара, какъ двигателя. Для ускоренія нагрузки и разгрузки балласта устраиваются въ кораблѣ камеры, въ которыя выпускаютъ воду посредствомъ крана, тотчасъ послѣ складки угля, и которыя опоражниваются насосомъ по возвращеніи къ копиямъ. Съ тою же цѣлю употребляются гутта-перчевые мѣшки вмѣстимостію въ 40 тоннъ.

Такимъ-то образомъ сокращено было время и издержки на балластированіе судовъ.

Что же стоитъ перевозка тонна угля изъ Ньюкаста въ Лондонъ ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ покажетъ намъ относительное достоинство того или другаго способа перевозки.

Изъ многочисленныхъ примѣровъ можно уже заключить съ достаточною точностію, что на винтовыхъ судахъ перевозка тонны угля (62 пуда) обходится въ 1 р. 60 к.; а на парусныхъ — 2 р. 2 коп. Эта разность ясно показываетъ выгоду, которую торговля можетъ извлечь изъ приложенія винта къ каботажному судоходству.

Сравнимъ теперь винтовые пароходы съ желѣзными дорогами.

За версту перевозка тонны на винтовомъ пароходѣ обходится $\frac{1}{4}$ копейки, тогда какъ на желѣзной дорогѣ за тотъ же грузъ надобно заплатить $1\frac{1}{4}$ к. — въ пять разъ больше.

Итакъ, при правильности отправленій и доставокъ, винтовое пароходство можетъ смѣло выдерживать конкуренцію желѣзныхъ дорогъ.

VII.

Мы исчислили различные способы употребленія пара для отдаленныхъ и близкихъ плаваній. Остановимся теперь на нѣкоторыхъ существенныхъ соображеніяхъ, вызываемыхъ нашимъ предметомъ.

И впервыхъ, не удивительно ли чрезвычайное развитіе пароходства, удвояющаго свое могущество каждыя десять лѣтъ? Нетерпѣливое воображеніе съ охотою присоединяется къ быстротѣ успѣховъ новой силы; ему пріятно предполагать, что парь, двигатель новый, въ недалекомъ будущемъ, замѣнитъ старую силу вѣтра. Но теперь пока надо умѣрить порывы воображенія.

Изъ таблицъ торговли и мореплаванія Великобританіи за 1851 годъ слѣдуетъ, что только въ каботажномъ, береговомъ судоходствѣ вмѣстимость пароходовъ почти равняется вмѣстимости парусныхъ судовъ, но что изъ милліона тоннъ, перевозимыхъ изъ Англіи въ отдаленнѣйшія страны Восточной Азіи, только 4205 тоннъ приходится на долю пароходства.

Вотъ на какомъ основаніи мы сказали въ началѣ статьи, что океанъ остается еще преимущественно поприщемъ парусныхъ судовъ. И здѣсь-то, въ Восточной Азіи и у береговъ Австраліи, пароходство должно сдѣлать послѣднія великія усилія.

Уже съ 1851 года замѣчаются громадныя приготовленія.

Стоитъ только упомянуть о построеніи корабля, превышающаго своими размѣрами все доселѣ извѣстное въ дѣлѣ судостроенія. Длина его втрое, а вмѣстимость отъ семи до осми разъ больше линейнаго корабля перваго ранга; онъ весь будетъ изъ желѣза. Одно только топливо, необходимое для машинъ этого исполина, въ прямой и обратный путь, вѣситъ вдвое больше трехъ-палубнаго корабля.

Это судно будетъ смѣшенное во всѣхъ отношеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ оно будетъ имѣть гребныя колеса и винтъ, паровыя машины и паруса. Построеніе поручено Брюнелю въ заведеніяхъ Скотта-Россея на берегу Темзы. Дай Богъ успѣха этому гигантскому предпріятію; оно доставитъ новые факты искусству мореплаванія и судостроенія.

Изъ тѣхъ же офиціальныхъ таблицъ можно вывести еще одно заключеніе, именно, что полная работа, исполненная паромъ во всевозможныхъ плаваніяхъ, не составляла и *четырнадцатой* части работы, исполненной вѣтромъ. Конечно, усовершенствованія въ приложеніи пара и особенно въ *экономіи топлива* ускоряютъ успѣхи торговаго и военнаго пароходства, однакожь не надо забывать, что и парусное судоходство можетъ сдѣлать новыя

усилія для своего усовершенствованія и сохраненія своего первенства въ отдаленныхъ плаваніяхъ.

Быть-можетъ, залогъ дальнѣйшаго движенія морскаго дѣла лежитъ не въ антагонизмѣ, но въ соединеніи обѣихъ двигающихъ силъ. Да и теперь пароходы безъ парусовъ встрѣчаются только на рѣкахъ и каналахъ. На морѣ же вездѣ силы пара и вѣтра дѣйствуютъ соединенно.

И это тѣмъ умѣстнѣе и выгоднѣе, что стоимость парусованія составляетъ едва четвертую часть стоимости пароваго двигателя на судахъ средней вмѣстимости.

И зачѣмъ пренебрегать силами, ничего не стоящими? Американцы очень хорошо поняли это и составили превосходныя карты періодическихъ вѣтровъ и морскихъ теченій (Maury).

Исключительно-паровое мореплаваніе особенно невыгодно въ странахъ, въ которыхъ топливо дорого; имъ наиболѣе причисляется смѣшанное судоходство съ меньшимъ расходомъ пара.

То же самое можно сказать и о желѣзѣ. Тамъ, гдѣ оно цѣнно, лучше строить суда изъ дерева и желѣза, а не изъ одного только послѣдняго металла, какъ это дѣлается въ Шотландіи. Эти начала, кажется, будутъ руководить и нашимъ Русскимъ обществомъ пароходства и торговли.

VIII.

Заключимъ статью нашу краткимъ обзоромъ коммерческаго судоходства во Франціи и Австріи.

Еще въ сороковыхъ годахъ французское правительство учредило паровое сообщеніе между Марселемъ, Ливорно, Константинополемъ, Бейрутомъ, Александрією, при помощи восемнадцати пароходовъ. Убытокъ, понесенный имъ въ четырнадцать лѣтъ, простирался до 37,237,894 франковъ, или до 39 фр. 55 сантимовъ на морскую милю.

Но, несмотря на эту потерю, предпріятіе не считалось бесполезнымъ. Ежедневныя сношенія съ различными странами Востока увеличивали политическое вліяніе Франціи, открывали новые рын-

ки для ея промышленности, или, правильнѣе сказать, возвратили ей часть тѣхъ, которые она имѣла прежде. По мнѣнію многихъ замѣчательныхъ публицистовъ, государство поступило весьма благоразумно, проложивъ новые пути торговлѣ и возстановивъ вліяніе флага, подъ защитою котораго торговля процвѣтаетъ; но теперь, когда дорога указана, правительство должно удалиться. Въ 1849 году, учредительное собраніе рѣшилось изслѣдовать вопросъ: не будетъ ли выгоднѣе перевозить почту на коммерческихъ судахъ, которые дали бы развитіе французской торговлѣ на Востокъ? Это рѣшеніе было тѣмъ необходимѣе, что въ другихъ государствахъ учреждены были подобныя коммерческія предпріятія при пособіи правительствъ.

Наконецъ, въ 1851 году 28-го февраля, подписано условіе между французскимъ министромъ финансовъ и учредителями общества: «*Société Maritime des Messageries Impériales*». По этому условію компанія обязуется совершать определенное число рейсовъ изъ Марсели и перевозить почту и казенный грузъ по низшей цѣнѣ: — правительство даетъ компаніи три милліона франковъ ежегоднаго вспоможенія во время первыхъ десяти лѣтъ; начиная съ одиннадцатаго года, это вспоможеніе будетъ уменьшаться ежегодно на сто тысячъ фр., такъ что въ двадцатый годъ оно будетъ въ два милліона фр. Среднимъ числомъ за каждую милю предположенныхъ рейсовъ должно было приходиться 25 фр. 72 сантима. Знаменитая Англійская компанія на Средиземномъ морѣ (Полуостровная и Восточная, см. выше V) получаетъ по 24 фр. 72 сант.; но ненадо забывать, что въ Англіи дешевле уголь и первоначальные матеріалы для пароходовъ и машинъ.

Перейдемъ теперь къ Австріи: примѣръ этого государства для насъ особенно поучителенъ, какъ ближайшій къ намъ. Адриатическое море было въ концѣ XV вѣка главнымъ центромъ европейской торговли и судоходства. На немъ господствовала Венеція: ея портъ былъ складочнымъ мѣстомъ драгоценныхъ товаровъ Востока и Индіи, всемірнымъ рынкомъ и мѣстомъ сбора всѣхъ народовъ; все богатое, пышное, изящное выходило изъ Венеціи. Но знаменитая республика, а съ нею и адриатическое судоходство пали почти незамѣтно среди важныхъ событій XVIII вѣка.

Напрасно Наполеонъ I старался возстановить это мореплаваніе.

Венеціанскій портъ, превосходный для старинныхъ галеръ, оказался недостаточнымъ для военныхъ судовъ. Другой элементъ морскаго могущества не доставалъ еще Венеціи съ тѣхъ поръ, какъ она была лишена, въ пользу Австріи, своихъ провинцій, Истрии и Далмаціи: ей не откуда было набирать матросовъ для своихъ кораблей. Это обстоятельство не ускользнуло отъ проницательности Наполеона, и 29-го октября 1809 года восточный берегъ Адриатическаго моря былъ причисленъ къ Французской имперіи. Но еще прежде того, въ 1806 году, Ботанъ-Бопре получилъ приказаніе отыскать на берегахъ Истрии и Далмаціи самое удобное мѣсто для морскихъ учреждений. Онъ остановился на Полѣ, гавань которой была еще извѣстна Римлянамъ.

Такимъ-то образомъ на восточномъ берегу Адриатическаго моря положено было начало военной гавани, которой суждено было перейти въ руки австрійскаго правительства. Нынѣшній императоръ рѣшился на всѣ жертвованія для сооруженія флота, который, по нѣкоторымъ соображеніямъ, можетъ сравняться съ одною третью французскаго. Укрѣпленіе Поля прославитъ царствованіе Франца-Иосифа. Для выполненія своихъ предначертаній, онъ избралъ изъ среды своего собственнаго семейства лицо, вполне достойное его довѣрія; а искусство управленія состоитъ въ искусствѣ выбора людей, по выраженію Лудовика XIV.

Но не сюда направлено теперь вниманіе наше, не о военныхъ морскихъ учрежденіяхъ говоримъ мы: рѣчь шла о развитіи другаго могущества, другихъ учреждений.

Еще въ прошломъ столѣтіи императоръ Карлъ VI, объѣзжая южныя области своей монархіи, остановилъ вниманіе на Триестѣ; тогда же предположено было привозить товары Востока въ этотъ городъ, вмѣсто того, чтобы получать ихъ изъ Голландіи или чрезъ устья Дуная, находившіяся во власти Турокъ. Но выгодное положеніе этого порта со стороны моря было парализировано недоступностію города со стороны сухопутной. Южные склоны Карніольскихъ Альпъ погружаются въ воды триестскаго порта и окружаютъ городъ со всѣхъ сторонъ непрерывною стѣною, за которою начинается длинный рядъ утесовъ, отдѣляющихъ гавань Адриатическаго моря отъ русла Дуная. И если въ наше время бассейнъ этой рѣки становится неисчерпаемымъ рудникомъ триестской тор-

говли, то это благодаря сообщеніямъ, о которыхъ наши предки не имѣли никакого понятія. Итакъ, можно сказать, что величіе Триеста есть созданіе новѣйшаго искусства.

Когда французскія войска удалились въ 1814 г. изъ иллирійскихъ провинцій, тогда народонаселеніе Триеста состояло изъ 23,000 душъ. Въ 1850 году жителей, пользующихся порто-франко, было 76,953. Самый городъ не имѣетъ ничего особеннаго, какъ и многіе другіе города новѣйшаго происхожденія; но гавань представляетъ зрѣлище, полное величія и жизни. Во множествѣ судовъ, пристающихъ къ берегу въ Триестъ, нельзя не отличить парашоудовъ съ особымъ флагомъ, встрѣчаемыхъ и провожаемыхъ съ особымъ сочувствіемъ. По всему видно, что эти суда особенно дороги и любезны городскому населенію. Читатель догадывается, что дѣло идетъ объ *Австрійскомъ Ллойдѣ*. Онъ былъ основанъ Англичанами, которые впрочемъ потерпѣли оттого значительные убытки; но въ 1836 году перешелъ въ руки національной компаніи, получившей большую силу подъ энергическимъ управленіемъ барона Брука, теперешняго министра финансовъ.

Начинанія этого предпріятія были скромны. Одинъ только парашодъ *Эрцгерцоиня Софія* совершалъ по одному рейсу въ двѣ недѣли между Триестомъ и Венеціею; вскорѣ плаваніе сдѣлалось еженедѣльнымъ и наконецъ ежедневнымъ. Но таково было только начало; въ самомъ непродолжительномъ времени сообщенія Триеста размножились: не только всѣ замѣчательные пункты береговъ Адриатическаго моря, но Архипелагъ, Смирна, Бейрутъ, Александрія, связались въ одну сѣть. Наконецъ Ллойдъ проникъ въ Черное море и завладѣлъ линіями между Константинополемъ, Синопомъ, Варною, Трапезонтомъ и Галацомъ.

Такимъ образомъ, отъ береговъ Адриатическаго моря компанія перешла въ Средиземное море и наконецъ въ Черное. Никто не сомнѣвается, что она устремится и въ Черное море, коль скоро представится къ тому возможность. Ея развитіе было быстро, услуги отечеству чрезвычайны. Общественный капиталъ изъ одного милліона флориновъ (650,000 р.) (1), въ 1836 году, возвысился до восьми милліоновъ, въ 1853 г.; число парашоудовъ — изъ

(1) Флорингъ—65 коп. сер.

семи до сорока семи. Услуги промышленности усматриваются изъ того, что въ семнадцатилѣтнее свое существованіе Ллойдъ перевезъ товаровъ на 1,255,219,200 флориновъ.

Читатель не найдетъ слишкомъ сухими эти цифры, если захочетъ найти въ нихъ мѣру заслугъ, оказанныхъ триестскимъ Ллойдомъ, въ бассейнѣ Средиземнаго моря, цивилизаціи и, можно притовокупить, счастію человѣческаго рода. Каждое изъ его сношеній съ негостеприимными берегами заронило тамъ сѣмя правосудія; каждый перевезенный имъ тюкъ доставилъ работу и жизнь многимъ семействамъ, для которыхъ трудъ есть единственный путь къ независимости; каждый изъ его пассажировъ съ береговъ Европы, Азіи или Африки отсталъ на пути отъ какого-либо предразсудка, приобрѣлъ или посвѣялъ новую мысль. Наконецъ вѣрно то, что скромное, но непрерывное вліяніе этого общества предприимчивыхъ людей на дѣла Востока было несравненно дѣйствительнѣе и почтеннѣе вліянія австрійской дипломатіи. Въ продолженіе шести лѣтъ, касса Ллойда открывалась для своихъ акціонеровъ не для дивиденда, но для пополненія; самодовольствіе, производимое выполненіемъ благороднаго плана, было ихъ единственною наградою. Можетъ-быть права на признательность человѣчества были не все то, чего они желали, однакожъ у нихъ никто не отниметъ чести твердой вѣры въ свое предпріятіе, при помощи которой они побѣдили тысячи представлявшихся имъ препятствій.

Черные дни прошли, и съ 1842 по 1852 годъ акціонеры раздѣлили между собою 1,752,900 флориновъ, а въ 1853 году 320,000 флориновъ.

Каждый годъ существованія Ллойда ознаменовывался новымъ предпріятіемъ. 28-го іюня 1853 г. одинъ изъ его пароходовъ, сопровождаемый семью судами императорскаго флота, проникъ въ первый разъ въ рѣку По, и въ концѣ года эти восемь пароходовъ буксировали уже 75 барокъ. Въ сентябрѣ они проникли въ Лаго Маджіоре, и триестскій флагъ красовался тамъ у береговъ Ломбардіи, Піемонта и Швейцаріи. Миланъ получаетъ теперь колоніальные товары черезъ Триестъ.

Австрійскій Ллойдъ оправдалъ свой гордый девизъ: *«если Ллойдъ перестаетъ идти впередъ, то онъ отстываетъ назадъ»*.

Обстоятельства возвышаютъ его теперь на степень политическаго учрежденія. Надобно быть слѣпымъ, чтобы не замѣтить, что его возрастающіе успѣхи въ Архипелагѣ, Босфорѣ и Черномъ морѣ служатъ самою лучшею опорой австрійской политикѣ.

И въ этомъ отношеніи Ллойдъ можетъ быть примѣромъ для другихъ государствъ: одно появленіе подобной компаніи можетъ служить уже признакомъ пробужденія здравыхъ экономическихъ началъ...

Возрожденіе торговаго и военнаго флота на водахъ Адриатическаго моря останется не безъ вліянія на политическое равновѣсіе Европы, и поэтому, имѣетъ право на самое серьезное вниманіе. Вся морская сила сосредоточивается на восточномъ берегу моря, но несмотря на то, разрозненныя провинціи, почти въ полудикомъ состояніи, долго покорялись цивилизаціи, господствовавшей на противоположномъ берегу. Ихъ неустрашимые обитатели никогда не переставали протестовать противъ Римлянъ и Венеціанцевъ, но самая ихъ разрозненность и невѣжество были причиною ихъ слабости. Теперь, присоединенные къ древнимъ Австрійскимъ владѣніямъ, они сознали свою силу и великое значеніе тѣсной связи Дунайскаго бассейна съ берегами Адриатическаго моря. Если сообразимъ, что разработка естественныхъ богатствъ обширной имперіи достается преимущественно на долю Триеста, и если вспомнимъ, что дѣятельность морскаго движенія возрастаетъ вмѣстѣ съ дѣятельностію движенія территориальнаго, то, безъ излишней самоувѣренности, можемъ заключить, что Триестъ будетъ скоро однимъ изъ первостепенныхъ городовъ Австрійской имперіи. Уже и теперь, во многихъ экономическихъ вопросахъ, трудно различить, Триестъ ли находится подъ владычествомъ Вѣны, или Вѣна подъ владычествомъ Триеста, и два года тому назадъ сильно занимались въ обоихъ городахъ вопросомъ о нейтрализаціи Средиземнаго моря, предложеннымъ бывшимъ директоромъ Ллойда, а теперь министромъ финансовъ барономъ Брукомъ. Эти успѣхи торговаго пароходства чрезвычайно важны въ настоящее время, когда значеніе флота нѣсколько измѣнилось. Отнынѣ его дѣйствіе должно согласоваться съ дѣйствіемъ сухопутныхъ силъ; онъ долженъ перевозить эти силы на тѣ стратегическіе пункты, на которыхъ должны рѣшаться важные вопросы. Въ этомъ

случаѣ коммерческіе пароходы могутъ оказать большую услугу государству.

Австрійское правительство не даетъ Ллойдъ никакого ежегоднаго денежнаго вспоможенія, но не разъ осуждало ему значительныя пособія. Плата за перевозку писемъ предоставлена компаніи, которая, сверхъ того, освобождена отъ всякихъ налегковъ, равно какъ и отъ таможенныхъ сборовъ съ первоначальныхъ матеріаловъ для морскаго дѣла. Никакихъ условий при востроженіи пароходовъ не положено; въ выборѣ линій и въ сборѣ за провозъ предоставлена полная свобода дѣйствіи.

Къ сожалѣнію, къ этимъ великодушнымъ постановленіямъ присоединяются монополіи въ линіяхъ плаванія и въ пользованіи нѣкоторыми портами въ Иллиріи, Истріи, Далмаціи и пр.

Ошибочно было бы думать, что вспоможенія, платимыя Англією и Францією, и что привилегіи, дарованныя Австрійскому Ллойдъ, составляютъ финансовую потерю, ничѣмъ невознаграждаемую; напротивъ, означенныя государства находили широкое возмездіе за свои пожертвованія въ непрестанномъ увеличеніи таможенныхъ доходовъ, въ движеніи пассажировъ, въ развитіи промышленности, въ усиленіи почтоваго сбора и проч.

Замѣчательны слова, высказанныя членомъ парламента г-мъ Андерсономъ, еще въ 1849 году въ донесеніи о паровомъ мореплаваніи:

«Разсматривая статистику вывозовъ въ страны, посѣщаемыя нашими кораблями (это относилось къ Восточной компаніи), и сравнивая ее съ тѣмъ, что было прежде, найдемъ, что цѣнность годичнаго вывоза увеличилась слишкомъ на 7,200,000 рублей серебромъ. Я спрашивалъ у нѣкоторыхъ греческихъ нѣгоціантовъ, людей очень дѣльныхъ, какая была причина этого чрезвычайнаго возрастанія оборотовъ; они отвѣчали мнѣ, что учрежденіе пароходовъ было причиною такого развитія торговли. При паровомъ сообщеніи, они имѣли возможность обратить свои капиталы большее число разъ, нежели при парусномъ мореплаваніи; кромѣ того, торговля оживлялась отъ увѣренности въ полученіи и отправленіи товаровъ. Со времени учрежденія восточнаго пароходства, въ Англіи основалось не менѣе сорока новыхъ греческихъ домовъ. Предполагая эти свѣдѣнія точными, въ чемъ я увѣренъ, заключаю,

что государственные доходы возрасли, и въ то же время возрасла работа нашихъ ремесленниковъ.»

Можно ли, послѣ того, еще сомнѣваться въ великомъ значеніи предпріятія, замышленнаго подѣ покровительствомъ нашего просвѣщеннаго правительства?

Съ полнымъ довѣріемъ къ его успѣхамъ привѣтствуемъ новое «Русское общество пароходства и торговли»; мы убѣждены, что оно могущественно будетъ содѣйствовать развитію у насъ духа предпріимчивости. Все ручается намъ за успѣхъ его, а успѣхъ— первое условіе для возбужденія соревнованія и подражаній.

А. Ершовъ.

БІОГРАФЪ-ОРІЕНТАЛИСТЪ

Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ соч. В. Григорьева
(Русская Бесѣда, кн. 3 и 4, 1856.)

Мы очень бы желали, чтобъ кто-нибудь растолковалъ намъ, почему не позволяется хвалить самого себя. Говорятъ, человѣкъ къ себѣ пристрастенъ, а развѣ другіе, произнося надъ нимъ судъ, будутъ безпристрастны? развѣ другіе, въ этомъ мірѣ неправды, лжи, клеветы и зависти, отдадутъ ему справедливость? Говорятъ, трудно знать себя, и это мнѣніе, этотъ законный предразсудокъ подкрѣпляютъ примѣрами, свидѣтельствомъ исторіи, изреченьями древней мудрости. Еще въ предхрамїи Дельфійскаго оракула, между разными надписями, находилась и слѣдующая: «познай себя». Человѣчество, на зарѣ дней, по ту сторону Евангелія, употребляя счастливое выраженіе Грановскаго, признавало въ человѣкѣ странную возможность не быть знакомымъ съ самимъ собою. Да, трудно знать себя, то - есть свои недостатки. Это, если хотите, почти правда. Кому придетъ въ голову, да и что за радость изучать ихъ съ особеннымъ прилежаніемъ? Ну, а свои достоинства? что тутъ труднаго? что этого легче? кто можетъ имѣть о нихъ болѣе подробныя свѣдѣнія, какъ не самъ человѣкъ? кто пересчитаетъ ихъ съ такою любовью и заговоритъ о нихъ съ такимъ жаромъ? Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, понадѣяться на постороннихъ людей, будь они друзья, родные—нѣтъ средства: люди невнимательны, люди рав-

нолушны. Положимъ, что я знаю по турецки. Знаніе это не достается даромъ. Г. Григорьевъ, котораго имя выписано въ заглавіи нашей статьи, свидѣтельствуеетъ самъ о трудностяхъ, съ какими сопряжено изученіе турецкаго языка. По поводу біографіи Грановскаго, сообщая нѣкоторыя важныя матеріялы для своей собственной біографіи въ утѣшительномъ изобиліи, онъ не преминулъ извѣстить насъ и о томъ, что въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ горько плакалъ надъ турецкимъ синтаксисомъ. Слѣдовательно и у меня дѣло не могло обойтись безъ чувствительности, и я долженъ былъ предаваться горю надъ грамматикой Османлисовъ, обливая слезами оттоманскія дѣепричастія. Спрашивается, кто приметъ къ сердцу мои печали, кто, проходя мимо меня, остановится съ почтеніемъ и скажетъ другому: вотъ человѣкъ! знаетъ по-турецки. Ученые, прежде чѣмъ повѣдать міру о моемъ знаніи, потребуютъ отъ меня Богъ въдастъ чего, останутся нѣмы, какъ рыбы, даже если я напишу, подобно г. Григорьеву, краткое разсужденіе о достовѣрности ханскихъ ерлыковъ и тѣмъ предъявлю права свои на духовную жизнь болѣе мудренаго народа, на администрацію Монголовъ. А толпа, невѣжественная толпа... но говорить ли о ней? Будешь жить, жить, жить, проживешь цѣлый вѣкъ, а она станетъ обходиться со мной, какъ будто я по-турецки ни слова не понимаю. — Не естественно ли послѣ этого, что я воздамъ себѣ подобающую честь и при всеобщемъ холодѣ воспламенюсь моею турецкою ученостью? Конечно, человѣкъ существо разумное, разумное затѣмъ, чтобы сохранять приличія и все дѣлать кстати. Не могу же я приступить къ прославленію своей особы безъ всякаго предисловія. Въ то время какъ одинъ занятъ вопросомъ о взяткахъ, другой о низшихъ классахъ, тотъ Неаполемъ, бомбардированіемъ Кантона, этотъ правеемъ, или общиной, было бы странно съ моей стороны врѣзаться въ эту массу европейскихъ интересовъ съ моимъ татарскимъ просвѣщеніемъ, провозглашая громко, что я знаю по-турецки. Такого рода внезапности и неожиданности сбиваютъ съ толку, какъ ударъ грома изъ яснаго неба. Благомыслящій человѣкъ такъ и не поступитъ. Онъ расхвалитъ себя при удобномъ случаѣ. Случаи представляются на каждомъ шагу. Стоитъ только пользоваться ими. Возьмемъ какой-нибудь примѣръ, чтобы показать возможность соединенія двухъ, повидимому, враждующихъ стихій: права пропѣть публично въ честь свою хвалебный гимнъ, и долга—не оскорбить благопристойности, налагаемой и мелкими условіями свѣта, и иногда болѣе глубокими требова-

ніями. Кто не былъ чѣмъ-нибудь другомъ, особенно въ первой молодости, хотя на короткое время, когда характеры и направленія случайныхъ, мнимыхъ друзей не опредѣлились точнѣе дальнѣйшимъ ходомъ жизни? Кто не имѣлъ несчастія потерять друга?

Ну, если этотъ другъ былъ человѣкъ замѣчательный, необыкновенный, котораго слово западало въ юныя сердца сѣменемъ добра, правды, образованности; если съ понятіемъ о немъ связывалось понятіе о любви къ просвѣщенію, о благородствѣ человѣческой природы, о теплой вѣрѣ въ лучшее будущее исторіи; если имя его было разнесено по всѣмъ концамъ Россіи съ выраженіемъ сочувствія и восторга; если наконецъ онъ умеръ, а у меня изъ давнопрошедшихъ временъ дружбы сохранились его письма: то безспорно, что съ одной стороны лежитъ на мнѣ святая обязанность обнародовать ихъ; а съ другой, не правда ли? нельзя придумать ничего, что бы лучше соответствовало моему цѣли, ничего такого, гдѣбы было болѣе кстати объявить всѣмъ и каждому, что я знаю по-турецки.

При другихъ обстоятельствахъ, начни я превозносить себя и прославлять свою ученость, лукавый свѣтъ не сталъ бы читать меня, мое краснорѣчіе пропало бы, какъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ; но тутъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ еще недавней смерти, еще свѣжей могилы, вниманіе всѣхъ приковано знакомымъ и памятнымъ именемъ. При другихъ обстоятельствахъ, умы легкомысленные, не проникающіе внутрь вещей, упрекнули бы меня въ нескромности, въ недостатокѣ смиренія, а тутъ я печатаю письма, я другъ, слѣдовательно имѣю право хвалить себя сколько душѣ угодно. Разумѣется, найдутся люди, которые не согласятся съ нашею теоріей и, пожалуй, подумаютъ, что она заимствована изъ какихъ-нибудь не европейскихъ, а персидскихъ источниковъ. Признаемся, мы совершенно равнодушны ко всѣмъ возраженіямъ и опроверженіямъ. Гдѣ та мысль, у которой не было противниковъ? намъ пріятно, насъ ободряетъ сочувствіе, встрѣченное нами въ статьѣ г. Григорьева. Можетъ-быть мы, какъ и всѣ послѣдователи нѣсколько новаго ученія, наклонны къ ослѣпленію, но намъ кажется, что эта статья написана надъ вліяніемъ изложенной теоріи. Сколько доступно нашему пониманію, мы въ идеѣ сходимся совершенно съ г. Григорьевымъ. Онъ могъ бы служить важною опорой намъ, мы—слабымъ подкрѣпленіемъ для него. Насъ раздѣляетъ только исполненіе. Идеи, въ несчастію, мало; нужна еще ей форма. Истина не обходится безъ слова. Г. Григорьевъ не захотѣлъ вѣроятно привести себя на память, что въ

Дельфійскомъ храмѣ, кромѣ надписи, обозначенной выше, красовалась и другая: *ничего черезъ мѣру*, а мѣра едва ли соблюдена имъ. Воздавая себѣ должное, онъ, если смѣемъ замѣтить, увлекся отчасти. Увлеченіе постижимое! какъ не говорить о себѣ, а говоря,—какъ остеречься, чтобъ не взять изъ цвѣтовъ радуги все, что есть въ нихъ розоваго и ослѣпительнаго? Это естественно; но облакая въ милыя очертанія предметъ, столько близкій сердцу, г. Григорьевъ не по правиламъ искусства распорядился свѣтомъ и тѣнью: щедрый на солнечные лучи для одной фигуры, онъ не пожалѣлъ темныхъ красокъ для другой, а потому картина его возмутила насъ ученическимъ своеволіемъ кисти. Вотъ гдѣ, къ сожалѣнію, возникаетъ между нами спорный пунктъ, вотъ черта разединенія, отъ которой единодушные теоретики должны разойтись на страшное разстояніе, и вотъ почему сочли мы нужнымъ турецкую статью г. Григорьева перевести на болѣе понятный всѣмъ россійскій языкъ.

Писать біографіи мудро. Сообщать свѣдѣнія объ отжившемъ человѣкѣ трудно. Тутъ существуютъ различныя воззрѣнія. Много и много вѣковъ повторяется извѣстная поговорка древнихъ Римлянъ: *de mortuis aut bene aut nihil* (1). Г. Григорьевъ считаетъ ее *обломкомъ какого-то языческаго суевѣрія, несомнѣннаго съ нашимъ образованіемъ*. Это невѣрно. Чувство, выраженное ею, соприсуще нашему рожденію и есть неотъемлемая принадлежность нашего духовнаго состава. Оно не суевѣріе, не историческое явленіе, а естественное великодушіе, всегда пріятное и нужное сердцу. Первое, невольное, инстинктивное побужденіе передъ гробомъ и надъ могилой — это простить, отпустить, забыть дурное, преувеличить хорошее,—побужденіе, которое было и будетъ совместно со всѣми образованностями. Подъ его влияніемъ поэты различныхъ эпохъ и разныхъ народовъ простирали свое всепрощеніе даже на историческія лица, на людей великихъ и людей замѣчательныхъ. Такъ говорить Пушкинъ о грозномъ врагѣ своего отечества:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Его развѣнчанную тѣнь.

---

(1) О мертвыхъ или ничего или хорошее.

.....
 И путникъ слово примиренья
 На ономъ камнѣ начертить.

Когда рѣчь идетъ о человѣкѣ обыкновенномъ, то въ этомъ великодушнѣ скрывается своя доля справедливости. Обыкновеннаго человѣка, по смерти, какъ обвинять? его самого нѣтъ, чтобъ стать лицомъ къ лицу съ обвинителемъ, зажать ротъ клеветнику, опозорить зависть, выставить на показъ узкій взглядъ мелкой души; а общественное мнѣнiе не возмутится ни ложью, возводимую на него; ни пренебреженiемъ къ точности разказа, и общественная нравственность не пострадаетъ въ этомъ случаѣ отъ нарушенiя правды. Онъ жилъ въ темномъ кругу семьи и знакомыхъ, безъ видимаго, ощутительнаго влiянiя на тѣ стихiи и событiя, изъ которыхъ слагается исторiя. Гдѣ жъ и на что собирать данныя о его жизни? откуда явятся защитники? во имя какой идеи, какой пользы окажется нужнымъ провѣрить слышанное? ложь можетъ пройти безнаказанно, и Римляне говорили *de mortuis aut bene aut nihil*. Но выходя изъ массы обыкновенныхъ людей и перенося вопросъ на обширнѣйшую сцену, на дѣятелей, такъ или иначе заявившихъ свое существованiе, мы замѣчаемъ, что великодушныя наклонности сердца уступаютъ часто мѣсто другому, не менѣе священному, но болѣе строгому требованiю, требованiю истины. Хотя Шиллеръ называетъ смерть великимъ примирителемъ, намъ кажется, что съ замѣчательнымъ человѣкомъ нечего мириться, миловать его и прилагать къ нему законъ всепрощенiя. Онъ, съ одной стороны, живое существо, Божiе созданье, неизвѣстно за что одаренное особенными преимуществами, а съ другой—неминуемое слѣдствiе, логическiй плодъ того общества, гдѣ родился и жилъ. Эта связь живаго и, такъ-сказать, мертваго факта, движенья по собственной волѣ, и движенья, возбужденнаго извнѣ, бываетъ причиною неутолимаго любопытства и жестокости. Не изъ назиданiя и поученiя, а просто изъ жажды знанiя, мы раскрываемъ жизнь замѣчательнаго человѣка до ея малѣйшихъ подробностей, хотимъ проникнуть въ заповѣдныя тайны его существованiя, не умалчивая слабостей, не обходя пороковъ. Это дѣйствiе плодотворно и законно. Черезъ него общество знакомится съ собой, узнаетъ свою силу, качество своего влiянiя, и продолжаетъ необходимую работу надъ вѣчно полагаемою и никогда не разрѣшимою задачей,—какимъ образомъ въ одномъ и томъ же лицѣ совмѣщается такъ удѣбно хорошее съ дурнымъ и великое съ малымъ? Неудер-

жимая потребность влечетъ насъ къ самому нескромному вмѣшательству въ дѣла замѣчательнаго человѣка. Опредѣляя его, мы думаемъ опредѣлить и устройство нашего духа и ходъ общественной жизни. Результатъ прошедшаго и настоящаго, шагъ къ будущему, онъ становится нашею жертвой, нашею собственностью, которою мы любимъ располагать по произволу: это свѣтлая точка, полезная намъ для освѣщенія дороги, маякъ, утѣшительный для глазъ, рѣдко спасающій отъ кораблекрушенія, но всегда доказывающій присутствіе бодрствующей мысли, неугасимаго огня. Поэтому съ замѣчательнымъ человѣкомъ не нужно церемониться, гладить его по головкѣ и пускать въ публику только избранныя мѣста изъ его жизни. Намъ надобенъ весь онъ, его живой образъ; дайте намъ его такимъ, каковъ онъ былъ, и мы не станемъ роптать на отсутствіе деликатности или милосердія въ біографѣ. Пусть могила еще свѣжа, пусть не сохли слезы, такъ и быть: давайте истину, ничего кромѣ истины. Она обнажитъ раны, но и яснѣе выставитъ тѣ свойства, которыя помогли ему совершить подвигъ и удостоиться значенія. Мы поймемъ вражду къ идеѣ, которой онъ былъ представителемъ, проклятія, посылаемыя ей изъ глубины противныхъ убѣжденій, это будетъ свидѣтельствомъ той степени вліянія, какою онъ пользовался; поймемъ обнаруженіе слабостей и недостатковъ — это покажетъ въ біографѣ художническое пониманіе предмета, стремленіе воскресить отжившаго и списать въ точности его любопытныя черты. Но тутъ нужна не миниатюрная работа и крохоборство труженика, заключеннаго въ своей раковинѣ, а широкій объемъ мысли. Рисуя замѣчательнаго человѣка и вызывая къ отвѣту его мнѣнія, дѣла, цѣль, нельзя выполнить этого отчетливо, не принявъ въ соображеніе времени и пространства. Гдѣ и когда онъ дѣйствовалъ? Какими сочувствіями встрѣчались его лучшія надежды? Много ли давалось простору для его дѣятельности? Какую нравственную пищу принималъ онъ въ себя изъ этого общества, посреди котораго долженъ былъ воспитать, уберечь Божій даръ и не зарыть въ землю своего таланта? Не сжималось ли иногда судорожно его сердце отъ впечатлѣній, получаемыхъ извнѣ, и не приходило ль ему въ голову, что и онъ пропадетъ,

Какъ Богомъ брошенное сѣмя
На почву камня и песка?

Обоюдное дѣйствіе человѣка на общество и общества на человѣка есть непреложный законъ. Онъ вмѣщаетъ въ себя отрад-

ное понятіе о тѣсной связи людей между собою, и однако въ немъ же таится не рѣдко причина самыхъ горькихъ явленій. Обширна сфера, много нитей невидимыхъ для глаза!

Но затрудненіе увеличивается, если излагается жизнь современника. Онъ съ тѣмъ общался, съ тѣмъ переписывался. Сколько потребуется воли и воображенія, чтобъ заглушить въ себѣ бунтующее желаніе равенства и подняться за нимъ на извѣстную высоту, а не его стащить за собою въ грязь! Конечно, надъ этими важными трудностями и надъ мелочами нашей природы легко восторжествовать такимъ біографамъ, какъ г. Григорьевъ. Онъ дѣйствуетъ не въ размѣрахъ человѣческой личности, всегда своекорыстной, самолюбивой, завистливой, а отъ другаго незаподозрѣннаго имени. Онъ объявляетъ:

«Тѣмъ же, кому можетъ показаться, что мнѣ, бывшему нѣкогда другомъ Грановскаго, неприлично судить о немъ съ большею, нежели другіе строгостью, отвѣчу стариннымъ, но вѣковѣчнымъ: *amicus Plato, sed magis amica veritas*» (1).

Положимъ, что этотъ девизъ невыносимо надоѣлъ, безпрестанно попадаетъ на глаза и вѣчно не у мѣста, но такая пламенная любовь къ истинѣ, такая чистота цѣли невольно привлекають все наше вниманіе. Мы, стало, имѣемъ дѣло не съ простымъ жизнеописателемъ, страдательнымъ лицомъ, нѣтъ, передъ нами глашатай правды, который совершаетъ добродѣтельное жертвоприношеніе, повергая на ея святой алтарь нѣжное чувство своего сердца. Сладки душѣ подвиги самоотверженія, пріятно встрѣтиться съ честностью Брута. Такимъ образомъ, г. Григорьевъ является на поприщѣ біографа съ двойнымъ характеромъ. Съ одной стороны мы считаемъ его, какъ уже и сказали, послѣдователемъ нашей теоріи, а съ другой онъ выдаетъ себя за жреца истины. Изученіе этой двойственности не лишено, кажется, нѣкоторой занимательности.

Грановскій былъ въ Петербургскомъ университетѣ студентомъ юридическаго факультета, г. Григорьевъ—восточныхъ языковъ. Тамъ они познакомились и на извѣстное время подружились. Надо замѣтить, что Грановскій, по волѣ родителей пріѣхалъ въ Петербургъ не для ученья, а на службу. Въ службу онъ и поступилъ, но оставилъ ее, чтобъ получить университетское образованіе. По выходѣ изъ университета кандидатомъ, онъ опять вошелъ въ

(1) Платонъ другъ, но истина другъ болѣе.

службу и скоро опять покинулъ ее, чтобъ обратиться къ ученымъ занятіямъ, къ чему, видно, влекло его внутреннее призваніе. Онъ былъ отправленъ правительствомъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ и приготовленія къ кафедрѣ, на которой, какъ всѣмъ очень памятно, и преподавалъ въ Московскомъ университетѣ до конца жизни всеобщую исторію. Г. Григорьевъ избралъ другой путь. Онъ занимался восточными языками, перевелъ съ персидскаго одно сочиненіе, написалъ изслѣдованіе о достовѣрности ханскихъ ерлыковъ, о куфическихъ монетахъ, еще нѣсколько другихъ статей, все по азіатской части, напечатанныхъ въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», произнесъ краткую рѣчь объ отношеніи Запада къ Востоку, и не ослѣпленный блескомъ науки на счетъ ея практическихъ результатовъ, покинулъ восточную премудрость для премудрости административной, посвятивъ себя болѣе ощутительнымъ интересамъ гражданской жизни. Онъ занимаетъ теперь важный постъ въ Оренбургской губерніи и тамъ, въ сосѣдствѣ Киргизъ-Кайсацкихъ степей,

Lieux où finit l'Europe et commence l'Asie,

почтилъ памятью своего бывшаго друга, вспомнилъ, что они были нѣкогда товарищами, ежедневно видались въ такъ-называвшемся петербургско-московскомъ кружкѣ, и что у него, г. Григорьева, сохранились драгоцѣнные письма, писанныя къ нему Грановскимъ изъ-за границы. Эти письма напечатаны. Къ нимъ прибавлены толкованія, поясненія, комментаріи. Статья раздѣляется на двѣ части и названа, какъ означено выше: *Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ.*

Изъ этой статьи, въ которой мы думали имѣть дѣло съ замѣчательнымъ, необыкновеннымъ человѣкомъ, изъ этихъ дружескихъ воспоминаній о немъ узнаемъ мы, что г. Григорьевъ еще осенью 1833 года выпросилъ у профессора Шарму персидскую рукопись IX отдѣла Эссенціи исторіи Хондемира, перевелъ ее за три года до Вуллера, и сдѣлалъ это нисколько не хуже, чѣмъ его переводъ персидскаго текста Мирхонда, смастерилъ кое-какія по мѣрѣ учености своей примѣчанія къ тексту и напечаталъ до выхода изъ университета; что эту книжку считалъ онъ ребяческою работою, а потому на подобные труды и Вуллерсовъ не могъ не смотрѣть съ высока; что до вступленія въ университетъ онъ учился такъ же безтолково, какъ Грановскій, но для него университетъ былъ не тѣмъ, чѣмъ для Грановскаго,

и вынесъ онъ оттуда гораздо больше чѣмъ Грановскій ; что преподаваніе восточныхъ языковъ въ Петербургскомъ университетѣ стояло въ то время на такой высотѣ, которой могли бы позавидовать знаменитѣйшіе университеты Европы; что г. Сенковскій не имѣлъ себѣ равнаго ни на Востокъ, ни на Западъ ; что г. Григорьевъ учился съ начала, съ азбуки, и шагъ за шагомъ проходилъ весь процессъ основательнаго приобрьтенія свѣдѣній; что принявшись за турецкій языкъ, онъ ужь порядочно понималъ по-арабски, довольно легко читалъ по-персидски, но трудности турецкаго языка были для него новы, неодолимы, и каждое приготовленіе къ лекціи турецкаго языка, въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ, не обходилось ему безъ слезъ, безъ горькихъ слезъ ; что такимъ образомъ онъ учился прилежно, учился толкомъ, учился не хватая одни вершки ; что выучившись своему дѣлу, ознакомившись съ своею спеціальностію, чувствовалъ себя нисколько не ниже собратіи своей, молодыхъ ориенталистовъ западной Европы; что по-арабски зналъ онъ на среднюю руку, но въ персидскомъ и особенно въ турецкомъ видѣлъ себя даже сильнѣе ихъ ; что по части свѣдѣній г. Григорьева съ его товарищами-ориенталистами въ литературѣ, исторіи и географіи мусульманскаго Востока, нѣкоторымъ доказательствомъ, что они и тутъ были не хуже западной Европы служить Энциклопедическій Лексиконъ Плюшара ; что не уступая молодымъ ориенталистамъ западной Европы, не ослѣплялся г. Григорьевъ и блескомъ имени, пользовавшихся въ ученомъ мірѣ заслуженною извѣстностію, онъ ясно видѣлъ передъ собою путь, которымъ должно идти, чтобъ достигнуть до высоты этихъ знаменитостей и не менѣе ясно сознавалъ, что отъ него зависитъ идти этимъ путемъ, и при трудолюбіи не только сравняться съ ними, но и превзойти ихъ; что книгу Вуллера о Сельджукидахъ, Грановскій считалъ серіознымъ явленіемъ въ наукѣ, и что для Грановскаго казалось большою честію быть цитировану Крейцеромъ, а ему г. Григорьеву было все это очень смѣшно; что онъ никоимъ образомъ не могъ благоговѣть передъ западною ученостію, передъ германскою въ особенности, ибо изъ большихъ націй западной Европы, дѣло ориентализма было подвинуто Нѣмцами менѣе другихъ; что въ голоу ему закрадывалось подозрѣніе, что еслибъ дивящіеся приготовлены были по своимъ частямъ, такъ какъ онъ по своей, то, отдавая должную справедливость трудамъ труженниковъ и идеямъ мыслителей Германіи, все-таки равнодушнѣе и холоднѣе

смотрѣли бы на тѣхъ и на другихъ ; что г Григорьевъ былъ помышанъ на святости дружественныхъ отношеній и никакъ не понималъ , что къ этимъ sacris можно прижъшивать profana такъ ради острова слова или подобныхъ тому побужденій; что отъ недуга своего (духовнаго) онъ избавился черезъ долгій, весьма долгій періодъ испытанія другими, не Грановскими указанными средствами, или, вѣрнѣе сказать, былъ избавленъ помимо собственныхъ своихъ стараній о томъ, то-есть прямѣе, сошествіемъ на г. Григорьева небесной благодати.

Прочитавъ эти выписки, сдѣланныя нами по необходимости слово въ слово, читатель, по нашему предположенію, долженъ непремѣнно удостоить воспоминаніемъ покойнаго писателя трагедій Озерова и вмѣстѣ съ однимъ изъ его героев спросить въ изумленіи :

И какъ до дня сего
Молчалъ народный гласъ о доблестяхъ его? .

По какому странному невѣжеству имя г. Григорьева, извѣстное его петербургскимъ товарищамъ, не обратило на себя до сихъ поръ ни малѣйшаго вниманія ученыхъ Европы? Какимъ образомъ эти западники, всходившіе на Чимборасо, измѣрившіе высочайшія горы, не имѣютъ никакого понятія о высотѣ того восточнаго факультета, въ которомъ обучался г. Григорьевъ? Почему они позволяютъ себѣ продолжать свои неутомимыя изслѣдованія по части филологіи, не принимая въ руководство ни его трудовъ, ни трудовъ воспѣтаго имъ факультета? Мы уже не говоримъ о той запутанности понятій, какая поставитъ въ совершенное замѣшательство читателя, если онъ съ перваго раза не проникнется выше изложенною нами теоріей и станетъ размышлять о томъ, что есть общаго у азіятскаго колорита, которымъ г. Григорьевъ расписалъ свою статью, съ біографіей Грановскаго. Положимъ, что Грановскій былъ профессоръ исторіи, что исторіи до всего дѣло, что мы недавно вели съ Турками войну, а съ Персіянами оставались въ мирѣ, но все-таки это не служить достаточнымъ поводомъ для такого нашествія на насъ съ турецкимъ и персидскимъ языками. Не безъ грусти, не безъ серьезной грусти останавливались мы долго на тѣхъ страницахъ г. Григорьева, гдѣ онъ славитъ свою ученость и съ такимъ хладнокровіемъ отзывается объ ученыхъ Запада, о Нѣмцахъ въ особенности. Тяжелое чувство сдавило нашу грудь, когда мы подумали, что можемъ смѣло, не только по выходѣ изъ университета, но даже

по окончаніи гимназическаго курса, писать о нихъ что угодно, выставявъ себя ихъ соперниками. доказывать, если есть охота, что Боппъ бредитъ, а Гаммеръ не зналъ по-турецки. Никто изъ европейскихъ ученыхъ не обидится, да никто и не провѣдаетъ. Намъ даже показалось, что при исключительномъ положеніи, въ какомъ мы находимся, требуется отъ насъ сколько можно болѣе осторожности, правды, какъ отъ человѣка, который величается передъ другимъ и позоритъ другаго за глаза. Что же пишетъ г. Григорьевъ? Что это такое? Стремленіе къ самобытности? Любовь къ отечеству? На какой доскѣ спасенія всплыли кверху турецкій и персидскій языки?

Оказалось нужнымъ, при обнародованіи писемъ Грановскаго, доказать, что онъ дивился нѣмецкой учености по недостаточности свѣдѣній, съ какими поѣхалъ за границу, а что авторъ комментарій на его письма, подобно англійскому лорду, совершенно чуждъ всякаго удивленія, оттого что не въ примѣръ ученіе Грановскаго. Входя по этому предмету въ подробныя разсужденія, г. Григорьевъ замѣчаетъ, хотя такого рода замѣчаніе сдѣлано уже до него тысячами другихъ глубокихъ мыслителей, что *соотечественники наши, особенно изъ такъ-называемаго образованнаго класса, отличаются, какъ извѣстно, удивительною съ психологической точки зрѣнія надкостію къ увлеченію всѣмъ иностраннымъ и еще болѣе удивительною способностію проникаться нерасположеніемъ къ своему родному.* Противоядіемъ отъ изумленія передъ нѣмецкою или западною ученостію считаетъ г. Григорьевъ усиленіе у насъ строгости вступительныхъ университетскихъ экзаменовъ и правило посылать за границу для приготовленія къ профессурѣ не кандидатовъ, а магистровъ. Мы вполне сочувствуемъ строгости и радуемся правилу. Мы не станемъ спорить, что неуча, который не имѣетъ надлежащаго знанія языковъ и элементарныхъ свѣдѣній, нечего отправлять въ нѣмецкіе университеты. Онъ тамъ ничего не пойметъ, а если не пойметъ, то и изумляться не будетъ, будетъ только скучать. Но намъ кажется, что и самъ магистръ, отлично приготовленный, превосходно выдержавшій свой экзаменъ, могъ раздѣлить съ кандидатомъ Грановскимъ то высокое уваженіе къ нѣмецкой наукѣ, то горячее увлеченіе, какимъ онъ тогда воспламенился, при видѣ ея неисчерпаемыхъ сокровищъ. Это зависитъ не отъ приготовленія, а отъ внутренняго огня, отъ искренности и любви къ знанію. Въ то время представителями нѣмецкой учености въ Берлинѣ были: Александръ Гумбольдтъ, Риттеръ, Ранке, Розе, Бѣкъ,

Лахманъ, Беккеръ, Митчерлихъ, Эренбергъ, Неандеръ, Раумеръ, Гансъ, Савиньи, Боппъ. Неужели магистръ нашихъ университетовъ, потому что онъ магистръ, потому что можетъ-быть приготовился по своей части такъ же великолѣпно, какъ г. Григорьевъ по своей, имѣлъ право *все-таки холоднѣе и равнодушнѣе смотрѣть* на эти европейскія знаменитости? Напротивъ, чѣмъ болѣе онъ зналъ бы, тѣмъ менѣе долженъ бы обнаружить равнодушія, тѣмъ скорѣе оцѣнилъ бы степень чужаго знанія. Чтò же послѣ магистра было дѣлать доктору, ординарному профессору? Какъ слѣдовало поступать ему, при появленіи въ Германію? Смотрѣть холодно — для него мало, не по чину; это, какъ мы видимъ, дѣло магистра; профессору оставалось толкать Нѣмцевъ локтемъ и не извиняться. Ну, а еслибъ не магистръ, не профессоръ, а весь восточный факультетъ г. Григорьева пріѣхалъ бы тогда въ Берлинъ — о! страшно и подумать о томъ несчастномъ, унижительномъ положеніи, въ какое была бы поставлена нѣмецкая ученость.

Вступаясь за нее, мы защищаемъ не Нѣмцевъ. — что намъ до нихъ? отражая нападенія г. Григорьева, мы не думаемъ оправдывать Грановскаго, — къ чему это? мы отстаиваемъ общее просвѣщеніе и наше собственное достоинство. Оно состоитъ не въ присвоеніи себѣ непризнанныхъ заслугъ и несовершенныхъ подвиговъ. Зачѣмъ эти фантастическія представленія, когда они разлетаются, какъ дымъ, и исчезаютъ, какъ миражъ? Провинціальная чопорность и китайское высокомеріе противны истинной гордости и истинной силѣ. Достоинство не въ томъ, чтобъ казаться, прикидываться, притаивать, а въ полномъ, откровенномъ признаніи себя дѣйствительно такимъ, каковъ человѣкъ есть, безъ всякаго опасенія за свой настоящій видъ; въ глубокой вѣрѣ, что превосходство другихъ надъ нами въ искусствахъ, наукѣ, гражданственности, не смутитъ насъ робостью, не поразитъ отчаянемъ, не остановитъ нашихъ стремленій къ высокимъ цѣлямъ, не потушитъ огня, который разгорается все ярче и ярче, и не вычеркнетъ изъ исторіи будущихъ судебъ Россіи. Нѣтъ одного, есть другое, есть историческая жизненность. Она служитъ признакомъ великихъ свойствъ и важнаго назначенія. Нѣмцы ученѣе, не въ примѣръ ученѣе насъ. Чтò же дѣлать, да и чтò за бѣда? Между тѣмъ, это очень не нравится г. Григорьеву, и онъ, конечно для славы своего отечества, выступаетъ, сопровождаемый цѣлымъ факультетомъ, въ соперничество съ Нѣмцами. Но желаніе сравниться, превзойти, но идея соперничества, которую онъ безпрепятственно пускаетъ въ ходъ, показываетъ уже, кромѣ прочаго другаго,

и ложную точку отправленія и ненадежную любовь къ наукѣ. Боппъ началъ заниматься филологіей, не обнаруживая нигдѣ намѣренія вырости съ Сильвестра де-Саси или съ Катрмера, и Гротъ, писавши исторію Греціи, не мѣтилъ, какъ бы ему уходить нѣмецкихъ изслѣдователей греческаго міра. У г. Григорьева все ведется рѣчь о томъ, въ какихъ отношеніяхъ его самолюбіе находится и можетъ находиться съ славными именами Европы. «Онъ видѣлъ ясно путь, по которому должно идти, онъ сознавалъ, что, при трудолюбіи, отъ него зависитъ стать наравнѣ съ ними или выше ихъ.» Кто не позавядуетъ ясновидѣнію, кто не оцѣнитъ благородства сознанія, но отчего же при этихъ данныхъ не совершилось торжественное шествіе по обзорному пути? Турецкому и персидскому языкамъ всякій далъ бы дорогу. Г. Григорьевъ учился съ азбуки, перевелъ Хондемира, читалъ Вассафи, не ослѣпялся блескомъ именъ, смотрѣлъ на Вуллера свысока, передѣлывалъ и дополнял статьи западныхъ ориенталистовъ для Энциклопедическаго Лексикона Плюшара,—какіе нужны были еще матеріалы, чтобъ подарить Россію новымъ Гумбольдтомъ? а Гумбольдта все нѣтъ, какъ нѣтъ. Своими притязаніями ученый ориенталистъ самъ вводитъ на себя вину, которую мы, въ чувствѣ справедливости, хотимъ снять съ него. Онъ не могъ ни сравняться съ западными знаменитостями, ни превзойти ихъ. Это не зависѣло отъ его способностей и отъ его прилежанія. Наука и ученость не вырастаютъ изъ земли, какъ грибы, и никакія усилія одного человѣка не въ состояніи создать прошедшаго, настоящаго; тѣхъ преданій, той сферы, которыя необходимы для всѣхъ отдѣловъ человѣческаго развитія. Для науки и учености нужно также хорошую почву, приготовленную вѣками и удобренную кровавымъ потокомъ. Наука и ученость растутъ, когда на нихъ не смотрятъ, какъ на запертой храмъ, куда не любопытно войти, и гдѣ творятся колѣнопреклоненія передъ какимъ-то вымышленнымъ божествомъ; когда слово ученый не значитъ—немножко мечтатель, немножко пустомела, и когда во всѣхъ явленіяхъ исторіи вы отыщете вмѣшательство одного изъ сокровенныхъ дѣятелей, невидимыхъ пружины знанія. Наука и ученость любятъ сливаться съ жизнію, дѣйствовать на нее и нести налагаемое ею иго, онѣ съ радостью торопятся исполнять ея требованія, только бѣ она требовала, только бы общество тѣшило ихъ мыслию, что безъ нихъ нельзя ему существовать, какъ безъ чиновъ, и что безъ нихъ станетъ оно въ тупикъ, какъ безъ гражданской палаты. Много историческихъ, общественныхъ соковъ питало людей,

оплодотворившихъ челоѣчество сокровищами разума. Великій ученый не бездомный бобыль, не помнящій родства: у него есть свой гербовникъ, куда внесено много жертвъ, положившихъ голову на плаху въ крестовыхъ походахъ за науку. Оттого-то потомокъ, гордый числомъ предковъ, всегда и вездѣ съ аристократическимъ чувствомъ отзовется о ней. Про свой ученый трудъ онъ не скажетъ: *я смастерилъ его*; своего ученаго труда не назоветъ *книжкой, ребяческой работой*. Для него это подвигъ, лучшая часть души, условіе жизни. Если даже изъ самохвальства, изъ намѣренія уколоть Нѣмца, выраженія такого рода приходятъ въ голову, то они обнаруживаютъ, что напрасно мы учились по-персидски, по-турецки, по-арабски, напрасно видѣли путь: все видишь, все знаешь, совсѣмъ почти Гумбольдтъ, а смотришь, изъ министерства просвѣщенія перейдешь на службу въ другое вѣдомство.

Не позволяя дивиться западной учености и стараясь всю нашу способность къ удивленію сосредоточить въ фокусъ его личности и его восточнаго факультета, г. Григорьевъ не позабылъ, какъ водится и какъ слѣдовало, пристрастія къ иностранцамъ. Эта неисчерпаемая тема едва ли не надѣла уже всѣмъ безъ исключенія; она разрабатывалась еще въ «Модной лавкѣ» Крылова, и на нее пора бы уже взглянуть съ другой стороны. Все пристрастіе да пристрастіе. Но, Боже мой, неужели, когда я не хочу тульскаго ножичка, а беру англійскій, то это происходитъ оттого, что я страстно влюбленъ въ англійскаго фабриканта? Неужели, когда русскій крестьянинъ предпочитаетъ австрійскую косу доморощенной, русская дама лѣонскую матерію московской, а охотникъ до книгъ хватается за историческія изслѣдованія Тьерри, оставляя въ покоѣ произведенія г. Григорьева, то въ этомъ нѣтъ смысла, правды, и такіа дѣйствія не согласны съ патриотизмомъ? Не пристрастіе важно, важна его основа. Откуда оно и зачѣмъ? Китайцы не пристрастны къ иностранцамъ, но за то они Китайцы. Всѣ народы, которымъ суждено было окаменѣть или не заходить далеко, отличались особеннымъ отчужденіемъ отъ всего иностраннаго и слѣпою, неразумною, исключительною привязанностью къ своему родному. Всѣ народы во времена дикости и варварства смотрѣли на чужеземца какъ на звѣря, хотя онъ являлся къ нимъ и съ словомъ истины, и съ благами жизни. И мы отчасти прошли черезъ эту эпоху, но древнѣйшія сказанія о Славянахъ хвалятъ ихъ гостепріимство, радушіе къ иностранцамъ. У Славянъ слово гость, то-есть чужой, выражаетъ понятіе при-

изни, у Римлянъ гость значило врагъ (hostis). У насъ не было кроваваго противоборства духу общенія, нѣтъ восточной замкнутости и этихъ угловатыхъ, яркихъ очертаній, истощенныхъ природою на типическія фizioноміи западныхъ Европейцевъ и на ихъ картинную исторію. Всѣ стороны человѣческаго развитія они разобрали между собою, новому дѣятелю не выпало, кажется, ничего на долю; но за то, несмотря на сближенія, созданныя наукой, на книгопечатаніе, желѣзныя дороги, телеграфы, вы не видите средства примирить враждебныя натуры Итальянца съ Нѣмцемъ и Англичанина съ Французомъ. Въ исторіи, на землѣ, въ образованности, въ развитіи, оказывался пробѣлъ, не было народа который бы служилъ примѣромъ единенія, возможности совокуплять въ себѣ противныя стихіи, разнородныя качества и безъ всякаго чувства исторической ненависти, а съ естественнымъ благоволеніемъ протягивалъ руку человѣку, какъ бы онъ ни назывался. И небо одарило насъ свѣтлымъ разумѣніемъ, даромъ воспримчивости безъ задней мысли, безъ предразсудковъ и законствѣности. Оттого-то Славяне легко покорялись и легко перераждались. Это не упрекъ имъ, а печальное доказательство очевиднаго свойства, ведущаго къ высокой цѣли. Г. Григорьевъ, упоминая о пристрастіи, намекаетъ конечно о недостаткѣ самобытности и хочетъ выказать свое сочувствіе къ родному, къ отечественному, а между тѣмъ эта самобытность носится передъ его воображеніемъ въ извѣстныхъ, опошленныхъ формахъ западныхъ народностей. Онъ и не думаетъ принять къ соображенію, что есть въ природѣ большое разнообразіе формъ, что не все идетъ по битой колѣѣ, и что опять, если мы начнемъ сравнивать себя съ другими, то, по ихъ мѣркѣ, едва ли выдержимъ экзаменъ въ оригинальности. Наша самобытность заключается именно въ отсутствіи той самобытности, которую мы знаемъ, и которая издержана уже и Западомъ и Востокомъ. Обыкновенно такъ дѣлается: проповѣдуя родное, предъявляютъ чужія требованія, и, выдавая себя за чисто-Русскихъ, просятъ чего-то нѣмецкаго. Мы выше Китайцевъ, а у нихъ есть и свой Конфуцій, и свой фарфоръ, и свои шелковыя матеріи, много открытій, сдѣланныхъ прежде Европейцевъ, китайское воображеніе, китайская философія, китайское трудолюбіе. Не затѣмъ ли не проявился еще между нами даръ изобрѣтательности, чтобъ мы не погрязли въ этихъ одуряющихъ особенностяхъ и тѣмъ не сузили круга дѣйствій, предначертанныхъ для насъ? *Падкость къ увлеченію всѣмъ иностраннымъ!* Допустимъ, что у иныхъ это и такъ. Что жъ далѣе? не есть ли это съ одной стороны слабость,

необходимо вытекающая изъ прошедшаго, объясняемая между прочимъ и тѣмъ, что послѣдняя рѣчь послѣдняго изъ иностранныхъ ораторовъ все-таки лучше рѣчи г. Григорьева объ отношеніяхъ Запада къ Востоку; а съ другой—темнымъ, вѣрнымъ сознаниемъ, что вѣдь многое иностранное было же намъ годно кое-на-что, и что по чувству справедливости, едва ли слѣдуетъ бросать въ него камень. Возьмемъ хоть этихъ невѣждъ гувернёровъ, на которыхъ наложилъ руку фонъ-Визинъ, и которыхъ мы, по дѣломъ, терзали послѣ въ нашей литературѣ; они приносили къ намъ подѣ часть на мѣсто одного невѣжества другое; но не въ лицѣ ли ихъ, не подѣ иностранными ли именами привыкали мы благоговѣть передѣ учениемъ, сначала какъ передѣ модой, предписываемой Богомъ вѣдаетъ на что и Богъ вѣдаетъ къмъ? Не они ли, налагая на насъ всѣми непопозволенными мѣрами, и хвастливостью, и чванствомъ, уваженіе къ нимъ, какъ къ представителямъ высшей сѣеры, заставляли насъ преклоняться передѣ идеей образованности? Намъ тогда нужны были не познанія, а живые люди, невѣжды, хвастуны, фразёры, но только съ другой планеты; люди съ такою ограниченностью географическихъ свѣдѣній, чтобъ они не имѣли ни малѣйшаго понятія о тѣхъ нравахъ, о той средѣ, какая изображена намъ въ «Семейной Хроникѣ» съвѣрностью художника и прямодушіемъ честнаго писателя, проникнутаго истинною любовью къ родинѣ. Надо было, чтобъ явились живыя существа, которыя, посторонними зрителями, взглянули бы съ высоты своего мнимаго величія на эту горькую картину, гдѣ дикое властолюбіе душило самыя добрыя наклонности сердца и искажало всѣ земныя отношенія, мужа къ женѣ, отца къ дѣтямъ, человѣка къ человѣку, христіянина къ христіянину. А эти эмигранты?.. Придетъ время, когда русскій историкъ помянетъ ихъ добрымъ словомъ. Подѣ условною образованностью, подѣ понятіями, напудренными, какъ головы, они приносили съ собою какое-то обоготвореніе людей, не имѣвшихъ другаго значенія, кромѣ даннаго мыслию, перомъ, словомъ. Они нанчили съ стишкомъ, съ сонетомъ, а между тѣмъ стишокъ и сонетъ были новою идеей, новою нематеріальною властью, отъ которой волею неволею приходило тогда въ упоеніе обмороченное общество. Подѣ вѣроломствомъ ихъ свѣтской учтивости, подѣ этимъ повидимому бездушными привычками и приѣмами вкрадывались къ намъ уваженіе къ чужой личности и мягкость сношеній, необходимыя для возможности существованія. Россія оказала пристрастіе къ иностранцамъ, и прекрасно сдѣлала. Они были изгнанники, жертвы своихъ убѣжденій, а близкое знакомство съ ними

расширяло кругъ нашихъ собственныхъ понятій, вносило въ нашу жизнь полезныя элементы, создавало иную табель о рангахъ, открывая Америку философамъ, литераторамъ, положимъ, что чужихъ, но все-таки плодотворно дѣйствовавшихъ на наше развитіе тою степенью благоговѣнія, какое ощутили наши предки къ умственнымъ силамъ человѣка. Пристрастіе къ чему бы то ни было есть слабость, доводящая иногда до смѣшныхъ, иногда до горькихъ послѣдствій; но всякое естественное влеченіе къ предмету, необходимому для существованія частнаго или историческаго, переносится за границу, опредѣляемую разумомъ. Тутъ не отъ чего еще приходитъ въ отчаяніе и поднимать вопли негодованія. Вмѣшательство иностранной образованности, примѣсь чужеземнаго нужны природы человѣка; они требовались болѣе или менѣе историческими народами, всѣми безъ исключенія, и требуются въ особенности славянскою породой. Безъ этой примѣси, съ какою страстною любовью ни погружайся въ славянскій міръ, нѣтъ изъ него исхода на вольный воздухъ, подъ ясное небо. У Славянъ иностранное является не историческою случайностью, не подмогой въ историческихъ затрудненіяхъ, не временнымъ оживленіемъ, а закономъ, безъ котораго не мыслима ихъ исторія. Зачѣмъ мы послѣдніе вызваны на сцену, какъ не затѣмъ, чтобы совмѣстить въ себѣ плоды чужаго прошедшаго, всѣ образованности? Какъ мы исполнимъ наше назначеніе и что изъ этого выйдетъ—откроется въ будущемъ; но отыскивать какую-то самобытность, которой не оказывается, и отворачиваться отъ той, которая на лицо, едва ли можетъ привести къ воображаемымъ результатамъ. Оттого-то пристрастіе къ иностранному обнаруживается не въ однихъ высшихъ классахъ,—это взглядъ не вѣрный и поверхностный,—а во всѣхъ безъ изыятія, какъ только свѣтъ ученія озаряетъ въ нихъ умъ, и какъ только они сталкиваются на практикѣ, въ жизни, въ домашнемъ обиходѣ, съ плодами иностранной образованности. Г-на Григорьева безпокоить, кажется, что русская дама, танцующая французскую кадрили, считаетъ священною обязанностью говорить по-французски, а какой-нибудь юноша не смѣетъ и не сумѣетъ написать любовной записки на отечественномъ языкѣ. Да Богъ съ ними! пусть ихъ пишутъ и говорятъ хоть по-турецки, если это имъ нравится. Ужели надо ихъ признать владыками нашей судьбы? да и что за привычка всѣ свои бѣды сваливать на другихъ? Исторія не рядъ сплетень. Ея событія лежатъ не въ характерѣ одной личности, одной партіи, одного класса, а въ духѣ цѣлой массы, изъ которой образовались или по милости ко-

торой сдѣлались возможными извѣстныя личности, партіи, классы. Не пристрастіе къ иностранцамъ наша Ахиллесова пята. Возьмемте русскую литературу. Нельзя отказать ей въ благородствѣ стремленій. Въ этомъ отношеніи не грѣхъ поставить ее на ряду съ другими высшими литературами. Стараясь просвѣтить, наставить, обличить, она безпрестанно и безпощадно указывала на наши раны. Но куда и на что были обращены ея удары? Какія выпуклости и яркія пятна поражали глазъ истиннаго художника? Мудрено отыскать въ типическихъ лицахъ Гоголя что-нибудь иностранное, какою-нибудь чужеземную струю, влившуюся въ это грязное болото чувствъ, мыслей, привычекъ и обычаевъ. А «Недоросль» Фонъ-Визина? а «Семейная Хроника»? гдѣ тутъ пристрастіе къ иностранцамъ? Это свое, ни у кого не заимствованное. Тутъ не говорятъ по-французски, никому не подражаютъ, а все оригинальны. Это не *надкость къ увлеченію весьма иностраннымъ*, но твердыя убѣжденія, желаемая самобытность, преступное отшельничество и слѣдовательно пренебреженіе къ закону, составляющему сущность нашего развитія. Вопросы, которые мы стараемся разрѣшить, недостатки, подлежащіе неминуемому исправленію,—откуда ихъ родословная? гдѣ ихъ корень? Въ такъ называемой самобытности, а не въ подражаніи. Никто, надѣмся, не перетолкуетъ нашихъ словъ желаніемъ защищать обезьянство, мы его не считаемъ даже важнымъ явленіемъ; но, продолжая нашу мысль о той сферѣ, на которую положена печать отверженія высоко — нравственными вдохновеніями нашей литературы, мы должны прибавить, что ея другія попытки, въ другомъ родѣ, съ другими цѣлями, были совершенно неудачны. Когда, на землѣ будущаго, а не прошедшаго, писатель желалъ во что бы ни стало создать идеалъ добра, чистоты, правды изъ стихій, неоскверненныхъ прикосновеніемъ чуждыхъ вліяній; когда онъ погружался искренно въ эту ложную самобытность, думая найти въ ней золотую руду свѣтлыхъ образовъ; когда до такой степени отталкивалъ онъ все иностранное, что даже въ жаркій лѣтній день не допускалъ у своего героя никакихъ прохладительныхъ питій, кромѣ разныхъ вкусныхъ квасовъ, то выходили послѣдствія странныя, никѣмъ неожиданныя. Подъ перомъ Гоголя являлись уже не живые люди, а куклы, поставленные на риторическія ходули, напыщенные, безобразныя, мертвыя, какъ напримѣръ жалкія фигуры Уленьки и Костанжогло.

Да, Грановскій во время пребыванія въ Берлинѣ полюбилъ, можетъ-быть болѣе чѣмъ дома, европейскую науку и удивился ей.

Дивятся отъ недостатка свѣдѣній, говорить г. Григорьевъ; дивятся отъ другой причины, говоритъ Карлейль (1): «способность любить и удивляться, по мнѣнію послѣдняго, признакъ и мѣрка высокыхъ душъ; направленная неразумно, она ведетъ къ большому злу, но безъ нея нѣтъ ничего хорошаго.» Западный человѣкъ и ориенталистъ расходятся во взглядахъ. И не мудрено: біографъ Грановскаго приложилъ ко всѣмъ движеніямъ и помысламъ своего бывшаго друга теорію своей самобытности. Враждебно настроенный противъ нѣмецкаго, онъ не руководствуется нѣмецкою логикой, а создаетъ новую, свою, изъ незаемныхъ силлогизмовъ, и по ней дѣлаетъ выводы чрезвычайно строгіе, но иногда пріятные дружескому сердцу. Представляя Грановскаго въ какомъ-то подобострастїи передъ нѣмецкими авторитетами и вообще въ слѣпомъ обаяніи отъ Нѣмцевъ, онъ самъ въ одномъ мѣстѣ своей статьи изъясняетъ готовность согласиться, что лучшіе изъ нихъ—лучшіе въ человѣчествѣ; но между тѣмъ, въ подкрѣпленіе своего приговора о покойномъ ученомъ, упрекаетъ его въ томъ, что для него будто бы казалось *великою честью быть цитировану Крейцеромъ*, и что книгу Вуллерса о Сельджукидахъ считалъ онъ *серьезнымъ явленіемъ въ наукѣ*.

Еслибъ Грановскій и отозвался такъ, слово въ слово, какъ хочется г. Григорьеву, то былъ бы совершенно правъ. Крейцеръ первостепенный ученый, писалъ много по части греческой литературы и древностей, а въ то время, вѣнецъ его ученыхъ трудовъ—*Symbolik und Mythologie der alten Völker*, была въ большой славѣ. Несмотря на многихъ противниковъ онъ глубоко уважается и теперь. Что же до Вуллерса, этого несчастнаго Вуллерса, на котораго г. Григорьевъ смотрѣлъ свысока, Вуллерсъ вѣдь также нешкольникъ, нахватавшій вершковъ. Онъ и самъ учился съ азбуки, да только выучившись, написалъ на новыхъ филологическихъ началахъ персидскую грамматику, признанную за образцовую всѣми ориенталистами, и составилъ на тѣхъ же началахъ, персидскій словарь, то-есть сдѣлалъ гораздо болѣе чѣмъ весь восточный факультетъ г. Григорьева со включеніемъ его самого. Повторяемъ, что еслибъ упрекъ былъ справедливъ, то Грановскій не оказался бы виновнымъ ни въ слѣпотѣ, ни въ подобо-

---

(1) The faculty of love and admiration is to be regarded as the sign and measure of high souls; unwisely directed, it leads to many evils, but without it there cannot be any good.

страстія ; но замѣчательно то , что онъ ни единымъ словомъ не выражаетъ мыслей, навязанныхъ ему. Вотъ точная выписка изъ письма , такъ странно перетолкованнаго :

«О работѣ моей сказать нечего, а совѣстно ничего не дѣлать, смотря на дѣятельность Нѣмцевъ. Чтѣ ни день, то новое въ наукѣ, — не знаешь за что взяться отъ избытка богатства. Вышла также для тебя интересная книга: *Исторія Сельджукидовъ въ Малой Азій, Вуллмерса*. Я видѣлъ книгу въ королевской библиотекѣ, но не разсмотрѣлъ порядкомъ. Два тома, одинъ весь по-арабски, источникъ какой-то, какой именно не помню. А я все таки думаю заняться исторіей Востока, когда примусь дѣлательно за работу. Кстати о Востокѣ. Нѣмцы расхваляютъ статью Шмита вашего «*Ueber das Mahagana und Pradschna-Pagamita*». Объ ней ужъ говоритъ Крейцеръ въ новомъ изданіи *Символики*.»

Гдѣ же тутъ *большая честь быть цитировану Крейцеромъ*, гдѣ переводъ Вуллмерса, представленный какъ *серіозное явленіе въ наукѣ* ?

Пріятель, занимающійся исторіей, увѣдомляетъ другаго пріятеля, занимающагося восточными языками, что по его части вышло новое сочиненіе, и что нѣмецкіе Нѣмцы хвалятъ русскаго Нѣмца. Гдѣ жь преступленіе? Съ какою цѣлью отыскиваются небывалый смыслъ и опровергаются произнесенныя слова? Мы видимъ только, что мимо вниманія Грановскаго и его любознательности не проходило ничего, что дѣлалось въ мірѣ просвѣщенія даже и по тѣмъ отраслямъ, которыя не относились прямо къ его предмету. Таковъ онъ и былъ. Не разъ придется намъ встрѣтиться еще съ подобными умозаключеніями г. Григорьева. Одною самобытною и любовію къ истинѣ, воля ваша, истолковать ихъ невозможно. Они исчерпываются и объясняются вполне однимъ средствомъ, извѣстнымъ стихомъ Жуковскаго:

О дружба, это ты!

Но не увлекаемся ли мы? Если перейдти отъ разсужденій къ голымъ фактамъ, то въ самомъ дѣлѣ стоить ли западная наука удивленія?—Ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ западные ориенталисты блѣднѣютъ передъ г. Григорьевымъ и его факультетомъ? Въдъ сказалъ же мнѣ одинъ изъ нашихъ, впрочемъ, просвѣщенныхъ мыслителей: «Да что сдѣлала западная образованность? ничего.» Я не сумѣлъ отвѣчать. Точно въ такомъ же положеніи находимся мы и теперь. Г. Григорьевъ, противопоставляя себя западнымъ ученымъ, приводитъ насъ въ смущеніе. Когда умъ терлется въ избыткѣ возраженій, возражать трудно. Однакожъ должно со-

браться съ духомъ. Нельзя допустить, чтобъ однимъ почеркомъ пера, однимъ словомъ, можно было перевернуть исторію на изнанку, сотворить несуществующее и устанавливать сравненія между предметами, у которыхъ нѣтъ, да никто и не воображалъ, ни малѣйшаго сходства. Рѣчь идетъ о восточной мудрости, о персидскомъ, монгольскомъ и еще Богъ знаетъ о какомъ языкѣ. Страна темная, но ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ рассчитывать на потемки и на слѣпое легковѣріе непосвященной массы. Не должно надѣяться, что у читателя отнимется память, помутится зрѣніе. Писатель не имѣетъ права представлять его себя въ образѣ Киргизъ-Кайсака. Г. Григорьеву нравится фигура уподобленія. Посмотримъ же, съ кѣмъ онъ сравниваетъ себя, и въ бѣгломъ, конечно поверхностномъ очеркѣ припомнимъ хотя отчасти, чѣмъ совершилъ западный ориентализмъ. Намъ кажется это необходимымъ по двумъ причинамъ. Вопервыхъ, на свѣтъ не безъ охотниковъ до сравненій. Заговорите съ инымъ объ успѣхахъ механики, онъ вамъ скажетъ, что и у насъ она процвѣтаетъ: вотъ такой-то изобрѣлъ машину и самъ дошелъ. Во вторыхъ, можетъ-быть къ крайнему нашему удовольствію, мы въ окончательномъ выводѣ принуждены будемъ сознаться, что, заимствуя выраженіе г. Григорьева, нѣтъ ему равнаго, ни на Западѣ, ни на Востокѣ. Прежде всего надо замѣтить, что, кажется, для него занятіе восточными языками имѣетъ цѣлью приготовленіе толмачей. Не поэтому ли онъ говоритъ: *У насъ книжное изученіе соединилось съ живымъ, чего тамъ, то-есть на Западѣ, болѣею частію не доставало?* Точно, западные ориенталисты не имѣли и не имѣютъ возможности практиковаться съ петербургскими дворниками и Татарами изъ петербургскихъ ресторацій. Отъ такого недостатка въ практикѣ первый синологъ Европы, Абель Ремюза, не понялъ въ Парижѣ Китайца, а Китаецъ не понялъ его. Между тѣмъ это не помѣшало знаменитому ученому знать китайскій языкъ и китайскую литературу лучше того Китайца, и можетъ-быть не хуже любого мандарина. Знаніе языка, и знаніе жирое, ведетъ къ полному знакомству съ исторіей народа, помогаетъ углубиться въ его характеръ, духъ и понять многое, чѣмъ безъ этого пособія не можетъ быть понято подробно, до всѣхъ тонкостей. Но при изученіи языковъ есть и другая цѣль. Она не ограничивается однимъ народомъ, а обнимаетъ все человѣчество. Сравнительный методъ стремится къ опредѣленію общихъ законовъ человѣческой рѣчи и къ разрѣшенію самыхъ любопытныхъ, самыхъ существенныхъ вопросовъ. Одинъ изъ наставниковъ

г. Григорьева еще въ сороковыхъ годахъ открыто возставалъ противъ этого метода, упорно выдавая индоевропеизмъ за пущую нѣмецкую затѣю! По одному этому можно было предвидѣть, что г. Григорьевъ, какъ вѣрный послѣдователь учителя, будетъ неблагоклонно смотрѣть на западныхъ филологовъ и щеголять самобытностью своего развитія въ ущербъ ихъ громкой и всемірной славѣ. Предположеніе это оправдывается и тѣми драгоценными подробностями, которыя сообщаетъ онъ о своихъ собственныхъ ученыхъ приемахъ, и особенно его скромнымъ отзывомъ о недосыгаемой высотѣ того факультета, гдѣ, какъ мы видѣли, цѣною горькихъ слезъ купилъ онъ свои свѣдѣнія въ оттоманскихъ дѣепричастіяхъ. Въ то самое время, когда лились эти слезы, именно въ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ западной Европѣ славно доживали свой вѣкъ величайшіе ориенталисты старшаго поколѣнія и блистательно продолжали или начинали свое поприще современныя свѣтила этой отрасли познаній. Не говоримъ о всѣми признанномъ главѣ арабистовъ, знаменитомъ Сильвестрѣ-де-Саси: ему и ученому Катрмеру самъ г. Григорьевъ не отказываетъ въ снисхожденіи. Но вѣдь они были не одни. Перечень именъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ ориенталистовъ, не говоря уже о голландскихъ, хотя и у нихъ есть Гаммакеръ, шведскихъ, датскихъ и даже португальскихъ, простой перечень занялъ бы много мѣста въ нашей статьѣ и утомилъ бы терпѣніе самаго снисходительнаго читателя. Если въ этомъ легионѣ взять самаго неизвѣстнаго воина изъ самой задней шеренги, не обращаясь уже къ вождямъ и передовымъ ратникамъ несмѣтнаго войска, то окажется, что и онъ подвизался за науку во сто разъ болѣе г. Григорьева. Наконецъ, въ самой Россіи дѣйствовали въ одно съ нимъ время такіе ориенталисты, передъ которыми блѣднѣютъ имена не только его, но и его наставниковъ: Френъ, Шмидтъ, Ковалевскій, мирза Каземъ-Бекъ, А. Ходзько, и другіе, оказали восточной исторіи и филологіи дѣйствительныя, всѣми признанныя заслуги. Кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіей литературы, тому очень хорошо извѣстно, что западные Европейцы не дожидались помощи отъ нашего близкаго сосѣдства съ Азіей, чтобъ приняться за изученіе языковъ Востока и приняться такъ дѣятельно, такъ плодотворно, что намъ остается только подбирать забытые на жнивѣ колосья. Тутъ нечего распространяться о самобытности и о своей обширной учености, а скорѣе надо привести себя на память, съ чувствомъ благодарности, чѣмъ обязаны мы этимъ знаменитымъ труженикамъ.—Обратимся ли къ языкамъ се-

митическаго корня, и видимъ, что съ эпохи возрожденія наукъ, итальянскіе, нидерландскіе, англійскіе и нѣмецкіе ученые возводятъ съ неимоверными усиліями зданіе лексикографіи и грамматикѣ сѣверной вѣтви этихъ языковъ. Современный намъ нѣмецкій збранствъ Гезеніусъ, можно сказать, завершаетъ это зданіе своими глубокими изслѣдованіями по части еврейскаго. Съ другой стороны, онъ вмѣстѣ съ Гаммакеромъ и Беллерманомъ полагаетъ твердыя основы знанію финикійскаго, такъ же какъ Улеманъ—самаританскаго, Ландау—халдейскаго, Тихсенъ и Гейгеръ—раввинскаго. То, что въ началѣ семнадцатаго вѣка сдѣлалъ для еврейской и халдейской лексикографіи Нѣмецъ Буксторфъ, то во второй половинѣ этого столѣтія сдѣлали для арабской и нѣкоторыхъ другихъ—Нидерландецъ Голай, Англичанинъ Кастелль и Лотарингецъ Менъенъ или Менинскій. Только въ 1817 году, и то не въ Петербургѣ, а въ Калькуттѣ, появился первообразъ и источникъ арабскихъ словарей, знаменитый трудъ Фирузабади — *Камусъ*. Въ то самое время, когда мы съ г. Григорьевымъ слезно плакали въ Петербургскомъ университетѣ, Нѣмецъ Фрейтагъ, несмущенный даже изданіемъ *Камуса*, преспокойно, безъ плача и воздыханій, печаталъ свой полнѣйшій лексиконъ (съ 1830 по 1838 г.)

Безъ содѣйствія г. Григорьева усвоены Европой сокровища ново-персидскаго языка и познакомились она съ обширнымъ трудомъ Мирхонда. Краткую выборку изъ его исторической библіотеки, сдѣланную сыномъ его Хондемиромъ, перевелъ г. Григорьевъ и издалъ въ 1834 г. Дѣло само по себѣ похвальное, еслибъ оно не затмило въ глазахъ переводчика всѣхъ его предшественниковъ, современныхъ и позднѣйшихъ трудовъ западнаго ориентализма. Напрасно трудился потомъ Катрмеръ надъ Рашидединомъ, напрасно Вилькенъ перевелъ исторію султановъ династїи Бувей, а Вуллерсъ — исторію Сельджукидовъ, напрасно Дефремери издалъ исторію Харесмскихъ султановъ, а Жюберъ жизнь Чингиза; напрасно явились въ тѣхъ же тридцатыхъ годахъ великіе плоды новой филологіи въ изслѣдованіяхъ В. Гумбольдта о языкѣ Кави (1834—9), въ сравнительной грамматикѣ Боппа (1833—49), напрасно и изученіе любимаго г. Григорьевымъ ново-персидскаго языка получило себѣ новое, обильное подспорье въ филологическомъ анализѣ Зенда, Пазенда, Пегльви и Парси; напрасно презираемый г. Григорьевымъ Нѣмецъ Вуллерсъ, какъ мы уже сказали, составилъ на этихъ новыхъ началахъ персидскую грамматику; г. Григорьевъ остановился на переводѣ Хондемира и далѣе ничего уже не хотѣлъ знать!

Но перейдемъ къ другимъ отраслямъ восточнаго языкознанія. Если г. Григорьевъ плакалъ именно надъ турецкими дѣепричестіями, это конечно, происходило у него не отъ неспособности къ дѣлу, а скорѣе отъ постоянной, раздрающей мысли, что научному изслѣдованію даже и этого варварскаго языка основаніе положили не мы, а западные европейцы. Воображенію его представлялись и Джамбатиста Подеста, первоначальникъ этой отрасли знанія въ сферѣ австрійской дипломатіи (1), и страшная тѣнь Менъена, который вмѣстѣ съ арабскимъ и персидскимъ не забылъ и турецкаго, наконецъ самъ баронъ Гаммеръ фонъ-Пургсталь не давно умершій, а тогда еще весьма и весьма живой, которому несмотря на промахи, неизбежные при громадности его книжныхъ предпріятій, всѣ турецкіе и европейскіе ученые, за исключеніемъ одного изъ членовъ петербургскаго факультета, отдавали пальму первенства, какъ величайшему знатоку турецкой и персидской литературы. Скорбныя мысли могли возникать въ умѣ г. Григорьева. «Вотъ уже двѣсти лѣтъ, какъ возмиса мы съ Турками, могъ онъ сказать за тайну самому себѣ, а нѣтъ у насъ ни Подесты, ни Менинскаго, ни Гаммера. Переведу-ко я современемъ хоть *ханскіа ерлыки*; нужды нѣтъ, что содержаніе ихъ давно всѣмъ извѣстно».

Утѣшась на минуту этимъ проектомъ, г. Григорьевъ обращался можетъ-быть къ языкамъ восточной Азіи, надѣясь застать европейскихъ ориенталистовъ врасплохъ хоть по этой части. Правда, западные миссіонеры давно изучали Монголію, Манджурію и Китай, но вѣдь и наша миссія не со вчерашняго дня въ Пекинѣ. По справкѣ оказалось, что китайскимъ языкомъ занялись прежде всѣхъ итальянскіе и французскіе монахи. По странному стеченію обстоятельствъ, лучшая и полнѣйшая до сихъ поръ китайская грамматика іезуита Премара была издана только спустя сто лѣтъ по смерти автора, какъ нарочно въ то время, когда мы съ г. Григорьевымъ вступали въ университетъ. Но западные ориенталисты, не ожидая поздняго ея появленія, спѣшили другъ перелъ другомъ облегчить желающимъ трудный путь къ изученію китайскаго языка, издано множество китайскихъ грамматикъ, китайскихъ сочиненій, и, конечно, отъ вниманія г. Григорьева не ускользнула страшная заботливость Европы объ изученіи китайской литературы.

(1) Въ послѣдней четверти семнадцатаго вѣка, онъ былъ императорскимъ секретаремъ для восточной переписки.

По свойственной имъ совности, западные ученые не оставили въ покоѣ даже Японцевъ. Португалецъ Родригесъ еще въ 1604 г. написалъ грамматику этого языка. Въ наше же время Англичанинъ Медгорстъ и Нѣмецъ Зибольдъ составили словари этого языка, и разумѣется, дѣло этимъ не кончится, потому, что Японія теперь à l'ordre du jour.

Обратимся ли наконецъ, къ глубокой древности восточнаго міра, и увидимъ, что знакомство съ санскритомъ, послужившее твердымъ основаніемъ новѣйшему, блистательному развитію филологіи, также распространилось въ Европѣ безъ содѣйствія того факультета, къ которому принадлежалъ г. Григорьевъ. Этотъ древній языкъ, такъ богатый по своимъ формамъ и по своей литературѣ, былъ не только завоеванъ западными учеными, но сталъ въ ихъ рукахъ могущественнымъ орудіемъ для раскрытія глубокихъ законовъ человѣческаго слова. При свѣтѣ санскрита сама собою отдѣлилась великая группа индо-европейскихъ племенъ; возникла идея сравнительнаго языкознанія, родилась новая великая наука, освѣтившая первобытныя, доисторическія отношенія племенъ, наука, которая принесла уже такіе обильные плоды и принесетъ еще обильнѣйшіе. Когда Боппъ работалъ надъ сравнительною грамматикой индо-европейскихъ языковъ (санскрита, зенда, греческаго, латинскаго, литовскаго, древне-славянскаго, готскаго, и нѣмецкаго), которая оживила лингвистику и дала ей глубокой, существенный смыслъ, равняющій эту область вѣдѣнія съ самыми дорогими стяжаніями ума,—цѣломудренныя музы, воспитавшія г. Григорьева, умѣли только позорить русское слово пошлымъ и наглымъ кощунствомъ надъ наукою. Около того времени, какъ онъ совершалъ свои ученическіе подвиги, переводилъ Хондемира и практиковался съ петербургскими Татарами, Бюрнуфъ возстановлялъ цѣлый забытый языкъ, языкъ Зороастра, этотъ зендъ такъ близкій къ санскриту; Лассенъ и многіе даровитые изслѣдователи разбирали клинообразныя персепольскія письмена; еще болѣе многочисленная фаланга изслѣдователей, пользуясь открытіемъ Шамполиона, читала египетскіе іероглифы. Пока г. Григорьевъ читалъ въ русскихъ актахъ татарскіе ерлыки и защищалъ свое разсужденіе о нихъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ нѣтъ восточнаго факультета, а тогда не было ни одного ориенталиста, цѣлые народы, по милости западныхъ ученыхъ, къ которымъ г. Григорьевъ сохраняетъ полнѣйшее равнодушіе, цѣлые народы, казалось, навсегда погибшіе для исторіи, выходили изъ могилъ, становились нашими собесѣд-

никами, воскресали со всѣми тайнами своей жизни и мысли. Сколько плодотворнаго труда, сколько ума, сколько генія было положено на эти открытія! Какая великая, какая богатая исторія человѣческаго знанія! Какъ не изумляться этой силѣ и настойчивости соображенія, открывающаго ключъ къ непонятнымъ письменамъ неизвѣстнаго языка, творящаго изъ этихъ мертвыхъ знаковъ весь организмъ замолкшаго слова и также свободно читающаго ихъ, какъ г. Григорьевъ читалъ ерлыки въ русскихъ актахъ! Надобно имѣть крѣпкое сложеніе, чтобъ проповѣдывать равнодушіе къ такой учености.

Нужно ли къ этому сравненію западныхъ ориенталистовъ съ г. Григорьевымъ прибавить, что безъ нихъ не могъ бы онъ сдѣлать рѣшительно ни одного шага въ изученіи восточныхъ языковъ? Кто приготовилъ для него грамматики, словари и всѣ пособія?

До сихъ поръ мы вынимали изъ разбираемой нами статьи тѣ части, въ которыхъ объясняется на разные манеры, что ея авторъ гораздо ученѣе покойнаго профессора; теперь обратимся къ другой болѣе занимательной сторонѣ сочиненія, гдѣ доказывается, что г. Григорьевъ нравственно выше Грановскаго.

Слово дано человѣку, сказалъ Талейранъ, затѣмъ, чтобъ скрывать мысль. Это остроумное изреченіе получило всесвѣтную извѣстность, а между тѣмъ оно ложно. Слово никогда не утаитъ мысли, а какъ-нибудь да проговорится. Благородное по своей природѣ, ниспосланное намъ на хорошія дѣла, оно одарено также предательскимъ характеромъ. Оно, конечно, выдаетъ человѣка не въ подробностяхъ, не по частямъ, а всего, цѣликомъ. Слово поможетъ припрятать какую-нибудь мелочь, обиходный расчетъ, цѣль дня, но общій характеръ, то, что составляетъ связь всѣхъ нашихъ способностей, внутреннюю основу, строй души, полетъ ума, все это, независимо отъ нашей воли, отъ нашихъ усилій, такъ и вырѣжется въ словѣ, какъ на мѣди. Вамъ кто-нибудь станетъ излагать въ математическихъ приемахъ законы движенія планетъ, или пересчитывать по пальцамъ часы, дни и ночи, въ которыхъ онъ съ упорнымъ самоотверженіемъ умиралъ надъ книгой, а вы между тѣмъ узнаете сами собою, непостижимымъ образомъ, какими глазами вашъ разкащикъ смотритъ съ земли на небесную твердь, точно ли онъ любитъ науку и точно ли самъ уважаетъ себя, какъ ученаго. Слово имѣетъ два смысла, одинъ съ какимъ его скажутъ, другой съ какимъ его поймутъ. Первый найдется въ любомъ словарѣ, вы господинъ перваго, второй не написанъ нигдѣ, и надъ нимъ вы лишены всякой власти. Ни воображеніемъ,

ни трудомъ, ни тщательнымъ наблюденіемъ за собою вы не придадите слову и не отнимите у него втораго смысла, который обнажаетъ тайну вашей духовной организаціи на зло самой почтенной скромности. Буквальное опредѣленіе не изчерпываетъ всей сущности слова. Кромѣ буквъ, въ немъ есть еще электрическая искра, передаваемая ему душой, въ ту самую минуту, какъ оно слетаетъ съ человѣческаго языка. Слово самый вѣроломный другъ. Того и гряди, что измѣнить, особенно когда пойдетъ рѣчь о чувствахъ, о нѣжности, о милыхъ свойствахъ женоподобнаго сердца, украшающихъ такое ограниченное число избранныхъ. А между тѣмъ, кому не сладки эти рѣчи и кто, въ настоящемъ случаѣ, не порадуется за насъ, что мы наконецъ отъ вавилонскаго смѣшенія языковъ, переходимъ на свѣтлую почву чувства, куда обязаны слѣдовать за г. Григорьевымъ? Онъ за дружбу, за ея тонкости, за ея щекотливость, за ея святыню; онъ помѣшанъ на святости дружественныхъ отношеній, онъ, какъ видно изъ его собственныхъ показаній, педантъ въ дружбѣ. Есть еще люди, которые хранятъ чистый огонь Весты! Но зачѣмъ распространяться далѣе? Выпишемъ лучше подлинныя слова г. Григорьева. Они краснорѣчивѣе насъ представляютъ все дѣло.

«Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга Грановскій не исполнилъ одной, пустѣйшей просьбы моей къ нему, а между тѣмъ, прощаясь уже, завѣрялъ, что дѣло сдѣлано. Я узналъ о противномъ точчасъ по возвращеніи съ его проводовъ. Со стороны Грановскаго и по его понятіямъ, неправда, которую онъ дозволилъ себѣ, была сущимъ вадоромъ; меня, по моимъ понятіямъ, огорчила она до глубины души, хотя я и не могъ не видѣть, что огорчаюсь пустяками. Но пустяки эти, по моему, касались дружбы, а я былъ помѣшанъ на святости дружественныхъ отношеній и никакъ не понималъ, чтобы къ этимъ sacris можно было примѣшивать profana такъ, ради остраго словца, или подобныхъ тому побужденій. Задѣтый за самую нѣжную и раздражительную струну сердца, я надулся, нахохлился и рѣшилъ въ гнѣвъ своемъ, несмотря на всѣ примирительные уговоры Невѣрова, не писать Грановскому, тогда какъ, по обѣщанію, мнѣ первому предстояло начать корреспонденцію.»

Тутъ для сердце чувствительныхъ все прекрасно: и огорченіе отъ пустяковъ, и нѣжная, раздражительная струна, и негодованіе противъ остраго словца во имя святыхъ, суровыхъ понятій о дружбѣ. Истинно все хорошо. Нечего бы замѣтить, еслибы мы могли перенестись въ эту идеальную сферу, гдѣ стѣбитъ только сказать: я помѣшанъ на святости дружественныхъ отношеній, и всѣ проникнуты благоговѣніемъ къ такому помѣшательству.

Грановскій дозволилъ себѣ неправду, то-есть солгать, дожь оскорбилъ святое чувство дружбы. Мы не станемъ разсуждать о томъ, былъ ли онъ на это способенъ. Есть обстоятельства, при которыхъ не слѣдуетъ, не прилично выражать даже истину. Есть случаи, гдѣ должно отвѣчать однимъ молчаніемъ. Мы сказали: не станемъ разсуждать, а не станемъ потому, что боимся разсужденіями посягнуть на частоту и неприкосновенность другихъ чувствъ, незамѣченныхъ нами въ статьѣ г. Григорьева, боимся оскорбить защитой другихъ друзей Грановскаго, для которыхъ дружба его была иною святыней, у которыхъ въ сердцѣ есть также нѣжныя, раздражительныя струны. Мы коснемся только той половины обвиненія, которая относится до характера комментарій г. Григорьева, и обнаружимъ самый фактъ во всей его наготѣ. Выписанный нами отрывокъ похожъ на математическую формулу, изображаемую, какъ извѣстно, буквами. Тамъ на мѣсто буквъ вы можете поставить какія угодно числа. Здѣсь предоставляется воображенію читателя, по мѣрѣ того, какимъ воображеніемъ онъ одаренъ, уменьшать или увеличивать ошибку, проступокъ, вину человѣка, который уже нѣмъ и не въ силахъ вступить ни въ какой споръ. Это намекъ на неопредѣленное, но двусмысленное дѣйствіе. Намеки не допускаются на живыхъ, чтѣ жъ сказать о намекѣ на мертваго? Г. Григорьевъ, надо отдать ему справедливость, смягчаетъ жесткость обвиненія; онъ говорить, что его понятія о дружбѣ преувеличены, что просьба его была пустѣйшая, что, по понятіямъ Грановскаго, это былъ сущій вздоръ; но злые языки, но люди недоброжелательные могутъ замѣтить, что тутъ для самаго неопытнаго глаза, для простодушнѣйшаго изъ смертныхъ очевидно желаніе занять выгодную позицію, и передъ кѣмъ? передъ человѣкомъ, который умеръ. Вѣдь читатель, ознакомленный съ нѣжностью сердечной струны г. Григорьева, можетъ приписать и прилагательное *пустѣйшій* и существительное *вздоръ* великодушію, намѣренію прикрыть искусными выраженіями всю тяжесть вины покойника, а между тѣмъ тяжесть-то остается со всѣмъ своимъ грузнымъ вѣсомъ, который отъ этихъ фигуръ умолчанія и уступленія увеличивается только въ своемъ количествѣ. Нѣтъ, такъ писать біографіи нельзя. Это подражаніе монгольскому не клеится съ европейскимъ языкомъ. Надо было или ничего не говорить, или сказать все. Надо было объяснить прямо, если уже хотѣлось посвящать публику въ семейныя сплетни, безъ утайки и пощады, въ чемъ именно состояла просьба г. Григорьева, чего не исполнилъ Грановскій и при

какихъ обстоятельствахъ, какими словами сказалъ, что исполнилъ. Тогда читатель, буде ему заблагоразсудилось бы, оцѣнилъ бы безъ постороннихъ указаній и взыскательность одного и неправду другаго. Теперь мы должны вступить въ должность биографа и пояснить то, что угодно ему было оставить во мракѣ неизвѣстности. Г. Григорьевъ просилъ Грановскаго написать что-то въ какой-то альбомъ. Для представленія этого важнаго событія въ его настоящемъ свѣтѣ и, желая изложить дѣло со всѣми отягчающими и смягчающими обстоятельствами, мы должны упомянуть, что тогда альбомы были въ большомъ употребленіи, не находилось ни одного чувствительнаго существа, которое не завелось бы альбомомъ, а потому г. Григорьевъ, и по внушенію сердца, и по духу современности, могъ связывать съ летучими листками много думъ и много чувства. Въ Грановскомъ этого не доставало. Ни въ сочиненіяхъ, ни въ жизни, ни на каедрѣ не обнаружилъ онъ ни малѣйшаго сочувствія къ альбомной дѣятельности, и точно, было трудно, почти невозможно усадить его за такую работу. Въ ту минуту, какъ онъ отправлялся за границу полный надеждъ, ожиданій, вѣрованій, любопытства, любознательности, г. Григорьевъ, чтобъ проводить его, переплылъ Неву, часть взморья, но переплылъ не безъ альбома, то есть съ мыслью объ альбомѣ, и въ Кронштадтѣ, сжимая Грановскаго въ объятіяхъ, какъ самъ говорить, не безъ слезъ, не позабылъ спросить объ альбомѣ, а Грановскій отвѣчалъ, что написалъ— и отвѣчалъ неправду. Г. Григорьевъ, воротившись съ проводовъ, тотчасъ же узналъ страшную истину и въ наказаніе своему другу не писалъ къ нему очень долго, хотя, по условію, долженъ былъ начать переписку. Передъ нами лежитъ письмо г. Григорьева къ Грановскому за границу. Вотъ нѣсколько строкъ изъ того, которое было написано перомъ послѣ продолжительнаго молчанія:

«Признаться сказать, милый Тимошенька, очень, очень мнѣ было досадно за твою послѣднюю штуку съ альбомомъ, такъ досадно, что у меня въ самомъ дѣлѣ не доставало духу писать къ тебѣ. Сколько разъ принимался я было за перо, но только что вспоминалъ объ этомъ негодномъ альбомѣ, какъ разъ проходила охота писать.»

Мы видѣли, какъ нашъ современникъ, по слѣдамъ древнихъ богатырей, то одинъ, то подкрѣпляемый двумя или тремя витязями, вступалъ въ ратоборство съ грозною и безчисленною арміею западныхъ ориенталистовъ, теперь мы видимъ, какая буря можетъ подняться въ чувствительномъ сердцѣ по поводу альбома. Грановскій не понималъ ухищреній дружбы, доступныхъ, вѣроятно,

болѣе нѣжнымъ и утонченнымъ природамъ. Но что значить обвинительный актъ, составленный кѣмъ-нибудь въ пользу свою противъ одного лица? Тутъ нѣтъ еще сверхъ-естественнаго мужества и недостатка въ примѣрахъ. Что значить отказать одному человѣку въ тонкости чувства, ограниченнаго только сферою дружбы? Приговоръ становится любопытнѣе, когда онъ поражаетъ цѣлыя поколѣнія, и поколѣніямъ отказывается въ такомъ качествѣ, которое совмѣщаетъ въ себѣ всѣ добродѣтели.

Г. Григорьевъ, описывая тогдашній пріятельскій кружокъ, гдѣ часто бывалъ и Грановскій, вотъ что сообщаетъ между прочимъ:

«Я упомянулъ уже, что мы вообще были мало развиты умственно и ни начитанностью, ни особымъ участіемъ къ предметамъ университетскаго образованія не отличались. Къ этому надо прибавить, что мы или вовсе не читали газетъ или заглядывали въ нихъ случайно; стало быть политика никоимъ образомъ не могла давать пицци нашимъ разглагольствованіямъ. Парижская палата депутатовъ и ея ораторы какъ бы вовсе для насъ не существовали. Кромѣ того большинство изъ насъ не знало по-нѣмецки или, если и искусилось въ этомъ языкѣ, то все таки съ философскою дѣятельностью Германіи нисколько не было знакомо: про Гегеля едва ли и слухъ до насъ доходилъ, но не многимъ болѣе знали мы, кажется, Шеллинга, и про весь сонмъ германскихъ философовъ, начиная съ Канта. Труды протестантскихъ богослововъ не были извѣстны намъ даже по заглавіямъ. Фр. Шлегель съ его исторіею литературы представлялся для насъ апогеемъ философской глубины и туманности. При этой непривычкѣ къ умствованію, къ отвлеченностямъ, къ разсматриванію явленій въ ихъ идеѣ, даже о томъ немногѣмъ, что занимало насъ, толковали мы спроста, судя болѣе по голосу чувства, чѣмъ по разсудку, почему и восхищались и бранили довольно безотчетно. Но чувство, въ особенноти чувство нравственное, было у большинства изъ насъ — и кажется не къ худу — гораздо лучше, чѣмъ въ преемственныхъ намъ поколѣніяхъ. Явленія, на которыя теперешняя молодежь смотритъ съ высоты своей пантеистической разумности, поворачивали въ насъ всю внутренность. Не умѣли мы горчиться о гуманности, но она то были гуманны въ дѣйствительности. Не стремились опредѣлить, въ чемъ заключается русская народность, но глубоко сознавали себя дѣтьми русской земли, потому что любовь къ отечеству была для насъ не фразой, а живымъ чувствомъ.»

Такъ же говорить и Кассандра:

Лишь незнанье жизнь прямая,
Знанье — смерть прямая намъ (1).

Такъ говорить, то-есть немного лучше, Жанъ-Жакъ Руссо въ

(1) Жуковский изъ Шиллера.

своихъ проклятiяхъ на просвѣщенiе. Такъ говорятъ и говорили миллионы, несчетныя миллионы, переносившіе назадъ или въ свою молодость или въ эпохи невѣжества собраніе всѣхъ добродѣтелей. У настоящаго много головоломныхъ умствованiй, много знанiй, да нѣтъ нравственности, нѣтъ чувства; прошедшее не знакомо съ нѣмецкою философiей, не заносилось вверхъ, жило проста, за то было невинно какъ младенецъ. Захотите вы отыскать дѣтей Русской земли? не смотрите возлѣ, дѣтей нѣтъ, они далеко, назадъ; понадобится вамъ живое чувство любви къ отечеству? обратитесь вспять, попросите у прошедшаго: чувства по его части. Все это бито, перебито и не стоитъ возраженiя. Подъ анализомъ исторiи не оказалось такого обильнаго запаса чувствъ и добродѣтелей въ магазинахъ прошедшаго. Это прошедшее, когда было настоящимъ, жаловалось точно также на ученыхъ бредни, на холодность, на развращеніе нравовъ и помысловъ. Какой чувствительный человѣкъ не считалъ въ свою очередь обязанностью показываться на арену рыцаремъ нравственности и, уступая по неволѣ новымъ поколѣнiямъ бесполезныя и вредныя затѣи ума, брать на свою долю скромныя, безхитростныя, но существенныя свойства сердца? Кто не виноватъ въ насъ? Французскіе энциклопедисты и ораторы, нѣмецкіе философы—все это не что иное, какъ посягательство на нашу голубиную чистоту. Впрочемъ вопросъ не въ томъ. Вотъ прiятельскiй кружокъ. Мы убѣждены, что бывшіе члены его не раздѣляютъ выписанныхъ о немъ мыслей, и что Грановскiй не согласился бы ни съ однимъ словомъ реляціи г. Григорьева. Но кружокъ—частная жизнь, поколѣнiя—исторiя. Всѣ тѣ, которыхъ мы не имѣемъ чести знать и которые не выходили на публичную дѣятельность, признаются нами заранѣе обладателями нравственнаго чувства. Мы не сомнѣваемся въ свидѣтельствѣ г. Григорьева и даже не повѣримъ никому, кто скажетъ противное. Но когда частнаго человѣка сравниваютъ съ поколѣнiемъ и частному человѣку отдають палму первенства, то мы имѣемъ полное право спросить, въ чемъ же, въ какихъ данныхъ, въ какихъ историческихъ проявленiяхъ обозначилось завидное преимущество? На основанiи того, что совершалось въ четырехъ стѣнахъ, требуется отъ насъ осужденіе поколѣнiй. Поколѣнiя только горячатся о гуманности, а тамъ, гдѣ-то, какіе-то Божiи избранныки были дѣйствительно гуманны. Раскройте же намъ этотъ оазисъ, укажите на эти подвиги въ пользу человѣчества, на дѣла безъ словъ, на толки по голосу чувства, не разсудка, за которыми слѣдовали высоко-разумныя дѣйствiя. Мы дадимъ вамъ болѣе простору, болѣе средствъ

убѣдить насъ. Расширьте рамку вашего кружка, возьмите всю эпоху и пошлите въ битву поколѣніе на поколѣніе. Гдѣ жъ знамена вашего стана, блестящія на солнцѣ во славу нравственнаго чувства? по какимъ признакамъ отгадать его любимое мѣстопробываніе? Мы горимъ нетерпѣніемъ встрѣтиться съ нимъ, отдохнуть подлѣ его благодѣтельной сѣнью и принуждены, не пускаясь въ даль, обратиться поскорѣе къ матеріаламъ, которые подлѣ рукою. Передъ нами лежитъ статья, причина нашихъ размышленій. Ея авторъ выдаетъ себя за лучшаго представителя того обѣтованнаго періода, когда царствовало нравственное чувство, не возмущаемое сумасбродствомъ Гегеля, пантеистическою разумностью, когда будто-бы судили и радили, не принимая во вниманье разсудка. И точно, статья носить печать давняго происхожденія. Въ то время, въ Петербургѣ, печаталось много ей подобныхъ, съ тѣмъ же направленіемъ, въ томъ же духѣ—статья прошедшаго, не настоящаго, лучшей источникъ для изслѣдованій. Что же? чѣмъ вѣетъ отъ нея? какія впечатлѣнія тѣсняются въ душу при ея чтеніи? не найдется ли въ ней, въ нашей радости, чего-нибудь, чѣмъ уколоть глаза новому поколѣнью и изъ чего составить похвальную оду въ честь стараго?

Преувеличеніе своего достоинства и своихъ заслугъ, разглашествованье о нихъ безъ мѣры и некстати, каррикатурные отзывы о своихъ собственныхъ ученыхъ трудахъ, пренебреженіе къ людямъ, заслужившимъ всемірную извѣстность, и которыхъ полезной дѣятельности обязанъ гордый авторъ жалкою частицей знанія, выпавшаго ему на долю толкованье словъ характера, значенья своего бывшаго, умершаго друга, въ невыгодную для него и въ выгодную для себя сторону, и толкованье превратное; щегольство спеціальностью, строгостью, пуританизмомъ и вмѣстѣ какой-то скептической взглядъ, нисколько не разрушительный, оставляющій предметъ въ совершенной цѣлости, но скользящій по его поверхности, чтобъ тольк гдѣ-нибудь запятнать ее, — не ужели этотъ плодъ прошедшаго мы можемъ выставить на показъ современникамъ и заставить ихъ краснѣть передъ сохранившимся обломкомъ нравственнаго чувства? Оно, конечно, не зависитъ отъ философіи, можно не имѣть о ней ни малѣйшаго понятія и быть нравственнымъ человѣкомъ; но давать чувствовать, что знаніе вредитъ нравственности—это уже мысль обветшавшая да и ни на что непригодная. Какъ ни пугайте, люди не испугаются знанія, а всѣми способами, возможными и невозможными, будутъ стремиться къ нему, добиваться его и стремиться

до тѣхъ поръ, пока угодно будетъ Провидѣнію продлить существованіе нашей планеты. Если кому и удавалось разными краснорѣчивыми средствами увѣрить иныхъ, что невѣжество удивительно способствуетъ развитію нравственнаго чувства, то историческія кары немедленно обрушивались на самихъ же проповѣдниковъ жи. Чувство—прекрасное свойство, и у насъ, къ несчастію, лежитъ къ нему сердце болѣе чѣмъ къ разуму. Но чувства нельзя высылать на состязаніе съ знаніемъ. Знаніе опровергается знаніемъ же. Мы одарены разумомъ, стало быть и ему назначена какая-нибудь роль въ числѣ нашихъ способностей. Зачѣмъ же такъ ополчаться на него, какъ на беззаконнаго дѣателя, и что ни сотворится дурнаго, все взваливать на этого несчастнаго? Мы уже не говоримъ о Гегель, о Нѣмцахъ, ихъ дѣло пропащее, они еще хуже разсудка, всѣ бѣды отъ нихъ, хотя намъ и приходило подчасъ въ голову, что народы всегда и во всемъ бываютъ виноваты сами, что имъ не прилично

Кивать украдкой на Петра,

что всѣ явленія, на которыя они ропщутъ и отъ которыхъ страдаютъ, лежатъ въ ихъ духовной и физической организаціи и что пустыя сѣтованія на сосѣдей отнимаютъ только время у размышленія о своей собственной винѣ и своей собственной силѣ.

Но вооружаясь за разумомъ, претерпѣвающій напраслину, мы не скроемъ, и сейчасъ увидимъ, что иногда чувство яснѣе его указываетъ настоящую дорогу. Грановскій, обвиняемый въ пристрастіи къ Нѣмцамъ, встрѣтилъ однако же въ Прагѣ ученыхъ Чеховъ съ большимъ, искреннимъ сочувствіемъ. Вотъ какъ говоритъ онъ, между прочимъ, про Шафарика и Челяковского: *у Шафарика провелъ я вчера цѣлый вечеръ. Чудесный человекъ! великъ и ученостью и характеромъ! блденъ до нищеты, стѣсненъ со всѣхъ сторонъ; жена больна почти безнадежно, а онъ твердъ и спокоенъ... Челяковский также отличный человекъ, поэтъ и филологъ: замѣчательнъ и въ томъ и въ другомъ. Блдность угнетаетъ и его. Эти люди работаютъ не для себя, и только Богъ въ томъ мѣрѣ заплатитъ имъ. Отъ этого мѣра имъ нечего надѣяться. Во многомъ они, кажется, ошибаются. Но эти заблужденія такъ святы, такъ извинительны. Нельзя не замѣтить мимоходомъ, что изъ этихъ немногихъ строкъ слышны уже другіе звуки, не гармонирующіе съ музыкой нашихъ прежнихъ выписокъ. Тронутый положеніемъ Шафарика и самъ ограниченный въ средствахъ, Гра-*

новскій пишетъ г. Григорьеву: *На счетъ Шафарика я выдумалъ слѣдующее и поверяю оное слѣдующее вашему благоутробію на разсмотрѣніе. Мы составимъ, разумѣется между своими, подписку, по которой каждый изъ насъ обязется давать ежегодно по мѣрѣ силъ своихъ хотя по 25 рублей. Эта сумма составитъ Шафарику родъ пенсіона на всю жизнь. Разомъ мы не можемъ сдѣлать большаго пожертвованія, а такимъ образомъ будемъ ему очень полезны... Выдумать бы средство слабѣе Чеховъ русскими кнѣзьями, которыхъ они по бѣдности не могутъ получать. Объ этомъ также подумай. Когда я возвращусь, то непременно приѣду въ Питеръ переговорить съ тобою обо всемъ этомъ и будемъ работать, ты тамъ, а я въ Москвѣ.* Напечатавъ это письмо, г. Григорьевъ доводитъ до нашего свѣдѣнія, что небольшая сумма, собранная имъ для Шафарика, была выслана въ Берлинъ еще въ концѣ 1837 года, но не была доставлена по назначенію за разсужденіями какъ это сдѣлать деликатнѣе, и что такимъ образомъ, какъ онъ выражается: «изъ нашихъ сочувствій ничего не вышло. М. П. Позодинъ, съ своей стороны, не ограничился желаніями и, чѣмъ могъ, помогъ Шафарику на дѣль.» Тутъ мы должны защитить г. Григорьева противъ него самого. *Изъ нашихъ*—это несправедливо. Онъ деньги послалъ, стало изъ его сочувствія вышло все; остальное зависѣло отъ другихъ, и мы не безъ удовольствія познакомились съ его акуратностію въ дѣлѣ благотворительности.

Прочее для насъ не любопытно, и мы нимало не желаемъ подвергать публичнымъ разысканіямъ, была ли и кѣмъ была оказана помощь знаменитому и почтенному Шафарику. Вопросъ не въ томъ. У насъ изъ головы не вышло еще чувство, мы все вѣртимся около него, а потому намъ кажется, что тутъ нужно бы дать свободу его необузданности. Разсудокъ пожалуй увидитъ въ этомъ лишь нѣсколько статистическихъ данныхъ о нищетѣ австрійскихъ Славянъ, о большей степени благосостоянія Славянъ русскихъ и не пойметъ, что въ благотвореніи есть двѣ стороны: благодѣтели и ихъ жертвы. Грановскій просилъ составить подписку между своими, вѣроятно за тѣмъ, чтобъ она не дошла до чужихъ, затруднился даже отъ деликатности, какъ передать собранныя деньги. Просьбу покойника можно, разумѣется, и не исполнить, но какимъ же образомъ г. Григорьевъ, посѣщенный, какъ мы уже знаемъ, благодатью, забылъ святое правило: да не увѣсть шуйца, что творитъ десница твоя? Вѣдь Шафарикъ слава Богу живъ еще. А можетъ-быть онъ прогналъ того, кто принесъ

ему деньги въ видѣ подаванія ; а можетъ—быть цѣною голодной смерти онъ не приметъ ихъ на условіи , что благотворитель повѣститъ цѣлому міру о своемъ христіанскомъ подвигѣ.

Отъ чувства мы должны перейти къ скукѣ, не зная именно въ какую область, разсудка или сердца, помѣстить ее несносную. Для перехода выпишемъ одно письмо Грановскаго, гдѣ говорится о комъ—то, кого мы рѣшительно не знаемъ и не старались отгадать.

«П. скучаетъ самъ и разноситъ скуку по другимъ. Бранить всѣхъ и все, и ни въ чемъ не принимаетъ участія. На дняхъ напугалъ всѣхъ живущихъ здѣсь Русскихъ: говорятъ, П. съ ума сошелъ. Невѣровъ тотчасъ захопотагъ, какъ бы помочь бѣдняжкѣ, началъ водить его по гостямъ и проч. Кажется помочь; по крайней мѣрѣ вотъ ужъ съ недѣлю какъ П. живетъ смиренно и не бьетъ въ стѣну головою. Слава Богу! мнѣ, признаюсь, не жаль было П., самъ виноватъ: онъ 'человѣкъ умный, занимающійся и скучаетъ. Такая скука можетъ происходить отъ эгоизма, отъ равнодушія; кто ничего и никого не любитъ, долженъ скучать, по дѣломъ вору мука. У меня у самого бываетъ хандра, но у меня происходитъ она отъ причинъ чисто физическихъ, и не составляетъ моей профессіи, какъ у П. скука. Чтò вы дѣлаете? Скучно. Не сердись на меня, милый Вася. Я знаю, что ты любишь П., знаю, что онъ во многихъ отношеніяхъ отличный человѣкъ, но досадно смотрѣть на него и слушать его выходы противъ всего, чтò въ мірѣ есть хорошаго и достойнаго уваженія.»

Это письмо, очень простое и ясное, послужило поводомъ г. Григорьеву для размышленія о величіи тѣхъ натуръ, которыя скучаютъ на землѣ. Онъ не позволяетъ мыслящему человѣку не только жалѣть о нихъ, но и говорить о нихъ свысока. Мы не привели бъ этого мѣста, еслибъ въ немъ не было перепутано много мыслей, взятыхъ изъ разныхъ эпохъ , у разныхъ народовъ , въ разныхъ вѣрованіяхъ , чтобъ весь этотъ нескладный сборъ наслать на невинныя и мѣткія слова Грановскаго. Онъ, вотъ видите, по своей артистической природѣ, имѣлъ на жизнь нѣсколько антическое воззрѣніе, вѣрилъ въ прогрессъ и легко утѣшался въ существованіи темныхъ сторонъ человѣчества, а инымъ нельзя ставить въ вину, если они говорятъ прямо, что имъ скучно здѣсь, скучно, скучно, потому что эти души стремятся къ чему—то высшему, *не утоляются ни наукой, ни искусствомъ, ни даже проявленіями нравственной красоты. Всего этого имъ мало; все это не удовлетворяетъ ихъ тоски по безконечномъ, безусловномъ, къ которому тянется ихъ какую—то неодолимою силой.* — Но скука—либо болѣзнь, сплинъ, хандра, либо праздность ума, ничѣмъ не занятаго, и пустота сердца, которое ни къ чему не тя-

нется. Скука совѣмъ не тоска по безконечномъ. Напротивъ, кто тоскуетъ о немъ, тотъ не скучаетъ, а онъ весь и всѣ минуты его существованія наполнены живою мыслию, живымъ дѣломъ, живымъ вопросомъ. Эта тоска есть убѣжище отъ скуки, и болѣе надежное, чѣмъ всякое другое. Г. Григорьевъ, соединяя страннымъ образомъ понятія, переноситъ насъ подъ тѣнь банановъ, утверждая что его идеальныя души *начинаютъ еще въ здѣшнемъ мѣрѣ терять свою индивидуальность и частію существа своего сливаются съ всемірнымъ духомъ*. Какъ далеко и за какое долгое время отправляется онъ, чтобъ поставить неизвѣстнаго намъ г. П. дѣ высшій разрядъ земныхъ существъ, а Грановскому отвести хотя роскошный, но болѣе низменный участокъ! Да, ваша правда, *одинъ воплотившійся Богъ могъ любить человечество въ падшемъ его состояніи, а люди говорятъ объ этой любви, любя лишь себя самихъ*. Все это истина, тысячу разъ истина, но въ то же время, если кому скучно, *скучно, скучно, если онъ равнодушенъ къ себѣ самому и не можетъ любить довольныхъ благами земными своихъ братьевъ*, то не увѣряйте насъ, что его тянетъ *безпрестанно куда-то въ высшія сферы*. Этотъ человекъ, представленный какъ вы его представляете,—совѣмъ не съ тѣмъ направленіемъ, какое вы хотите всѣми усиліями діалектики навязать ему. Его куда не тянетъ...

Мы дошли наконецъ до того мѣста, гдѣ г. Григорьевъ снова обрѣзываетъ путь,—не тотъ уже, который нѣкогда онъ видѣлъ ясно, мѣрилъ смѣло глазами, и который, разстилаясь передъ нимъ, велъ далеко, къ ученой знаменитости, къ европейской славѣ,—путь, менѣе длинный и болѣе скромный, пройденный имъ на нѣсколькихъ журнальныхъ страницахъ и замѣчательный не его, а чужимъ именемъ. Жрецъ истины, совершившій жертвоприношеніе, провозглашаетъ: *задача моя выполнена, и дѣлаетъ окончательные выводы изъ своихъ комментарій. О семнадцати-лѣтней профессорской и ученой дѣятельности покойнаго въ Москвѣ онъ предоставляетъ разсказывать другимъ, ибо другіе были въ это время ближе къ Грановскому*. И точно, изъ этого періода г. Григорьевъ остерегся сообщить намъ что-нибудь, кромѣ только того, что *эпикурейскія наклонности подѣ конецъ жизни вполне овладѣли московскимъ профессоромъ*. Этому пріятною чертой нельзя было не подѣлиться съ нами. Все остальное не такъ хорошо извѣстно г. Григорьеву; объ остальномъ, по невѣднію, онъ говорить не можетъ, а это ужъ онъ разыскалъ, провѣдалъ доподлинно и знаетъ не хуже всякаго другаго. И тутъ есть жертвоприношеніе, да гдѣ же алтарь истины? Но мы однако нисколько не думаемъ унижать статью и

заводить на нее обвиненіе, что она представляет Грановскаго въ ложномъ свѣтѣ. Онъ выходитъ изъ нея цѣль и неискаженъ, такимъ, каковъ былъ. Его письма сохранили невредимыми, хотя въ легкихъ очеркахъ, въ намекахъ, хотя при началѣ поприща, главные черты привлекательной фізіономіи. Кто прочелъ эти письма, тотъ вѣрно полюбилъ ихъ автора, если и не былъ знакомъ ни съ нимъ, ни съ его ученою дѣятельностію. Тутъ узнаете вы того, къ кому именно идетъ латинское выраженіе: *homo sum et nihil humani a me alienum puto* (1). Полный жизни, пораженный яркимъ блескомъ науки, онъ принимается за работу съ жаромъ и дѣльно, читаетъ источники, собираетъ матеріалы для исторіи среднихъ вѣковъ; но сочувствіе просвѣщеннаго уже обращено не на однихъ Нѣмцевъ, онъ высоко ставитъ и ученыхъ Чеховъ; собирается учиться по-чешски, по-сербски, по-польски, работою растраниваетъ здоровье, и какъ ему ни совѣтуютъ во время холеры меньше трудиться, онъ, пишетъ г. Невѣровъ, *сочинилъ себѣ прелупое правило, что не покоряться нужно природѣ, а идти ей наперекорь, и съ этимъ правиломъ не хочетъ ни на минуту оставить своего Гегеля и исторію*. Наконецъ, очень занемогаетъ и отъ усиленныхъ занятій и отъ потрясеній, произведенныхъ на него болѣзнію г. Невѣрова, который приписываетъ ему свое выздоровленіе. При серіозныхъ трудахъ, при физическомъ разстройствѣ сохраняетъ свою ясность души и свое остроуміе. Всегда подъ перо его ложится мѣткое слово, живая мысль. Свѣтло и съ любовью смотритъ онъ вокругъ себя, приготовляясь стать, говоря его выраженіями, *въ тѣсныя ряды того войска, которому Россія встрѣила знамя своей образованности*. Г. Григорьевъ избавился когда-то отъ духовнаго недуга помимо своихъ собственныхъ стараній о томъ, и тутъ въ его статьѣ, по особенному также расположенію къ нему неба, безъ особенныхъ то же усилій съ его стороны, представляется намъ Грановскій въ своемъ настоящемъ видѣ.

Другіе, съ большимъ правомъ, въ свое время оцѣнить научнымъ образомъ и сочиненія его и его ученую дѣятельность. Намъ остается прослѣдить вѣрность выводовъ г. Григорьева. Подъ грознымъ наитіемъ истины онъ доводитъ до самыхъ миниатюрныхъ размѣровъ, портретъ своего бывшего друга и не позволяетъ себѣ ни малѣйшей слабости. Нѣтъ грустнаго слова о ранней утратѣ человѣка, котораго онъ такъ любилъ въ первой молодости,

(1) Я человѣкъ и ни что человѣческое мнѣ не чуждо.

ни малѣйшей горечи сожалѣнія, что тотъ, кто нѣкогда былъ предметомъ его обожанія, подъ перомъ его, подъ его анализомъ выходитъ ничто иное, какъ артистъ-фокусникъ, ослѣпившій глаза мастерскими штуками. Почтенная, брутовская, языческая строгость!

Г. Григорьевъ въ укоризну и въ униженіе называетъ Грановскаго *профессоромъ-артистомъ*; онъ *сочувствовалъ всему прекрасному въ природѣ и человечествѣ, онъ отливалъ свой предметъ въ художественныя формы, но не былъ ученымъ, не заходилъ ни въ какую неразработанную до него область исторіи, никакого загадочнаго явленія не облилъ святомъ своей мысли, не проложилъ новой тропы, не открылъ новаго приѣма*. Боже мой, сколько словъ и сколько обязанностей! Грановскій первый въ Россіи измѣнилъ преподаваніе исторіи, облилъ ее свѣтомъ новыхъ мыслей, оживилъ современнымъ духомъ и первый предъявилъ въ обществѣ ея права на гражданство. Художественная передача предмета есть вѣнецъ всѣхъ усилій и всѣхъ трудовъ. Зачѣмъ пишутся разсужденія о ердыкахъ, монетахъ, какъ не затѣмъ, чтобъ послѣ какой-нибудь счастливецъ взялъ оттуда одну строку темнаго труженика, одно слово для своей художественной картины. Мы не хотимъ и не считаемъ нисколько справедливымъ сравнивать Грановскаго съ великимъ историкомъ нашего времени, но если такъ, если Грановскій точно былъ художникъ, то желательно знать, какое другое свойство найдетъ г. Григорьевъ въ Англичанинѣ Маколеѣ? Маколей также не проложилъ новой тропы, не заходилъ въ неразработанную область, онъ только разказалъ исторію Англіи, со временъ Іакова II въ художественномъ представленіи. Ничего болѣе, ничего менѣе. Но это достоинство не стоило Грановскому никакого труда: *все исходившее изъ его духа не могло исходить иначе, какъ въ прекрасныхъ формахъ*. Не стоило! и это вина, но между тѣмъ на качество, добытое безъ усилія и мученій, многіе смотрятъ несогласно съ г. Григорьевымъ. Онъ разошелся, какъ мы видѣли, на счетъ удивленія съ сосѣдомъ, Англичаниномъ Карлейлемъ, теперъ расходится съ антиподомъ. Вотъ чтò говоритъ Американецъ Емерсонъ точь въ точь по такому же поводу: (1).

(1) I count him a great man who inhabits a higher sphere of thought, into which other men rise with labour and difficulty; he has but to open his eyes to see things in a true light and whilst they must make pain-

«Мнѣ кажется великимъ тотъ, кто обитаетъ въ высшей сферѣ мысли, доступной для другихъ только съ трудомъ и усиленіемъ: ему стоитъ лишь открыть глаза, чтобы видѣть вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ, въ ихъ общей связи, тогда какъ другіе люди впадаютъ въ тяжкія ошибки и должны бдительно беречься многихъ источниковъ заблужденія. Конечно и служба его намъ также легка ему. Красотѣ ничего не стоитъ нарисовать свой образъ на нашемъ зрачкѣ и однако жъ — какое великое это благо!»

Но чего же требуетъ г. Григорьевъ? Чтобъ профессоръ всеобщей исторіи въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Казани или въ Харьковѣ прокладывалъ новую тропу, открывалъ новую область въ пустыняхъ французской или англійской исторіи. Но избыточное ли это дѣло? Положимъ, что у насъ въ настоящую минуту родился Тьерри съ его умомъ, талантомъ, трудолюбіемъ, настойчивостью. Что жъ, онъ напишетъ намъ книгу о завоеваніи Англій Норманами или растолкуетъ на новый ладъ французскія лѣтописи? Да помилуйте, вѣдь это мечта, это просто невозможно даже по матеріальнымъ причинамъ. Нѣтъ подъ рукою нужныхъ ученыхъ пособій, нѣтъ источниковъ, нѣтъ вокругъ необходимаго настроенія мыслей, нѣтъ необходимыхъ впечатлѣній, необходимаго прошедшаго, словомъ—нѣтъ ни матеріаловъ, ни живыхъ картинъ передъ глазами, ни той сферы, въ которыхъ дѣлаются подобныя открытія и пишутся подобныя книги. Для чего же накладывать на человѣка напрасное ярмо, котораго онъ, будучи даже богатыремъ, поднять не въ состояніи отъ причинъ, лежащихъ внѣ его воли и дарованій?

По мнѣнію г. Григорьева, обширная начитанность не даетъ еще права на титулъ ученаго. Мы рады согласиться съ этимъ положеніемъ, все противорѣчія да противорѣчія неприятны намъ самимъ, и отрицаніе тяжелымъ камнемъ ложится на грудь. Но нельзя обойти молчаньемъ мнѣніе, которое существуетъ и на основаніи котораго подвергается Грановскій суду и осужденію. Вотъ видите ли, любознательность есть недостатокъ, читать должно только то, что относится до изучаемаго предмета; чтеніе, заходящее за его предѣлы, есть пустое развлеченіе, вредное дѣлу и противное настоящей учености. Грановскій былъ бы правъ, еслибъ взялъ какой-нибудь вѣкъ, какое-нибудь десятилѣтіе, какой-нибудь годъ, прокоптылъ бы надъ нимъ цѣлую жизнь и не

---

ful corrections and keep a vigilant eye on many sources of error. His service to us is of like sort. It costs a beautiful person no exertion to paint her image on our eyes, yet how splendid is that benefit!

заглянуть бы ни въ одну газету, ни въ одну книгу, гдѣ не говорится объ этомъ крошечномъ участкѣ исторіи. Надо хранить себя отъ впечатлѣній Божьяго міра, какъ хранятся жизненные припасы отъ прикосновенія воздуха, окопаться въ неприступной крѣпости и тамъ замереть на инфузоріи. Мы слышали о чудесахъ, сотворенныхъ этою высокою, но уродливою спеціальною, знаемъ громаду зданій, воодвигнутыхъ Европой на крохоборствѣ добродѣтельныхъ мучениковъ, погибшихъ безъ славы у подножія науки. Но времена мѣняются. Теперь уже никакъ нельзя застыть за татарскій языкъ и махнуть рукою на все остальное. Теперь догадались, что полное изученіе предмета требуетъ непременно другихъ, повидимому постороннихъ знаній, и находится въ большей или меньшей связи со всѣмъ окружающимъ.

Оттого-то есть другая спеціальность. Она не уединяется съ предметомъ, а выноситъ его на просторъ, не суживаетъ сферы явленія, а расширяетъ ее, видитъ не линіи, отдѣляющія его отъ другихъ явленій, а звено гальванической цѣпи, соединяющей съ ними, и въ микроскопъ любуется не безконечною малостію размѣровъ, а величіемъ закона, повтореннаго въ нихъ. Эта другая спеціальность,—не мертвой буквы, не татарскаго ермыка, а всеобнимающей—идеи, находила отношенія между нѣсколькими безобразными знаками, уцѣлѣвшими на камняхъ, съ давно-истлѣвшими поколѣніями, и открывала подземный міръ, засыпанный безчисленными вѣками; ея духъ оживлялъ профессора Грановскаго; она давала его рѣчи обаятельную прелесть, подъ ея свѣтлымъ наитіемъ говорилъ онъ: *«Вавилонъ, Троя, Тиръ, даже первобытный Римъ, уже перешли въ область вымысловъ. Но внутренній смыслъ и содержаніе этихъ явленій живутъ во мнѣ, и я нахожу въ себѣ самоѣ Палестину, Грецію, Италію, духъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ... Тотъ не историкъ, кто не способенъ перенести въ прошедшее живаго чувства любви къ ближнему и узкать брата въ отдаленномъ отъ него вѣками иноплеменникѣ.»*

Намъ нужны еще не прихотливыя произведенія ограниченной спеціальности, — въ этомъ смыслѣ многіе работаютъ за насъ, — а напротивъ, дѣятели, подобные Грановскому, которыхъ вліяніе на общество поднимаетъ науку, и въ общественномъ мнѣніи ставитъ самихъ спеціалистовъ на подобающее имъ почетное мѣсто. При томъ же спеціальность, о которой мечтаютъ иные и которую, кажется, во всемъ ея необъемистомъ блескѣ, беретъ себѣ въ удѣлъ г. Григорьевъ, едва ли можетъ получить у насъ необыкновенное

развитіе. Мы не муравьи, а пчелы. Смотри на современный ходъ просвѣщенія, невольно спрашиваешь себя, откуда же у насъ возьмется эта быстрота открытій, это безпокойство характера, эта мучительная напряженность мысли и это ничѣмъ необузданное творчество воображенія? Народы совершенствуются, народы растутъ, все около нихъ принимаетъ новый, лучший видъ, изумительно становится масса познаній, размножаются средства благосостоянія, все измѣняется, но есть нѣчто вѣчное, нѣчто непреходящее у народа. Онъ все-таки остается самимъ собой, похожъ на себя, и въ концѣ развитія мы встрѣчаемся съ тѣми же его свойствами, съ какими онъ былъ отысканъ во мракѣ временъ, на зарѣ своего рожденія. Что Юлій Кесарь говоритъ о Галлахъ, то можно сейчасъ во всей силѣ примѣнить къ нынѣшнимъ Французамъ. Да, кажется, что мы никогда не будемъ такими заклятыми спеціалистами, какъ западные Европейцы. Горевать впрочемъ нечего. Въ нашемъ назначеніи есть что-то аристократическое. Черная работа предоставлена другимъ. Что жъ дурнаго быть бѣлоручкой?

Отнявъ у Грановскаго титулъ ученаго, г. Григорьевъ заходитъ въ неразработанную область, пролагаетъ новую тропу, чтобъ объяснить вліяніе покойнаго профессора. Грановскому сочувствовали, Грановскаго любили, о Грановскомъ плакали не потому, что онъ имѣлъ какое-либо положительное значеніе, былъ представителемъ идеи, принесъ пользу, сдѣлалъ добро, а оттого, что *его умственное превосходство не давило никого изъ сочленовъ партіи; что онъ краснѣе всѣхъ носилъ одежду ея недостатковъ, обладая достаточными качествами, чтобы заставить себя извинить эти недостатки; что его нравственное достоинство не кололо никому глазъ.* Словомъ потому, что у него не было *крупныхъ, сильныхъ убѣжденій*, какія замѣчаются у людей, занимающихся персидскимъ и турецкимъ языками. Мы не знаемъ о какой партіи ведетъ рѣчь г. Григорьевъ. Партія Грановскаго очень велика. Ее составляли не только тѣ, которые были съ нимъ знакомы, но и тѣ, которымъ онъ былъ извѣстенъ по слуху, по своей публичной дѣятельности. Намъ пріятно въ словахъ г. Григорьева встрѣтиться опять съ нравственнымъ чувствомъ, это опять оно, это взглядъ изъ тѣхъ же давнопрошедшихъ временъ, когда люди не горячились о гуманности, а были на дѣлѣ гуманны. Такъ *ководы партіи не отвѣчаютъ ея существеннымъ потребностямъ? такъ вліяніе чловѣка на подобныхъ себѣ должно объяснять его недостатками, а не достоинствами?*

такъ избранные люди становятся во главѣ общества единственно оттого, что избилуютъ достаточнымъ количествомъ слабостей, служатъ олицетворенною лестію массѣ, и получаютъ отъ нея видное мѣсто только по той причинѣ и съ тою цѣлю, чтобъ она полюбавалась своими несовершенствами? Есть многіе съ *легкою впроей* въ прогрессъ, но видно есть и другіе съ легкимъ невѣріемъ. Г. Григорьевъ идетъ далѣе. По его мнѣнію, *пуританизмъ въ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ, требующій отъ человѣка полного преданія себя дѣлу, съ артистическою природою несовмѣстенъ*. А какая природа у знаменитаго Гизо, перваго историка и оратора новѣйшихъ временъ? въ чемъ откажетъ ему г. Григорьевъ, въ художественности или пуританизмъ? Какъ бы счастливъ былъ Лудовикъ-Филиппъ и весь Орлеанскій домъ, еслибъ натура человѣческая была устроена по мыслямъ г. Григорьева, и еслибъ въ артистической природѣ историка и оратора не отыскался на бѣду пуританизмъ убѣжденій!

И мы можемъ повторить за г. Григорьевымъ: задача наша выполнена. И мы, прежде чѣмъ положить перо, позволимъ себѣ краткое заключеніе. Намъ случалось порицать нѣкоторыя части сочиненія, но при разборѣ это неизбежно. Мы можетъ-быть пропустили скрытыя въ нихъ достоинства. И отъ этого, по человѣческому несовершенству, остеречься нельзя. Другіе поправятъ насъ. Найдутся многіе, которые скажутъ: статья очень умна. Примитесь доказывать, что статуя художника—не статуя, а полированный камень и въ иномъ сердцѣ отыщется уголокъ, гдѣ ощутится удовольствіе, и иной умъ будетъ пораженъ дѣлностью замѣчанія. Намъ, кажется, не пришлось сказать ничего противнаго основной мысли г. Григорьева, этой таинственной нити, связывающей невидимо всѣ части его сочиненія. Онъ желалъ установить различіе между собою и Грановскимъ, между своею и его ученостью, между его артистическою настроенностію и своимъ пуританскимъ направленіемъ. Мы, по мѣрѣ силъ, старались уяснить и перечислить эти различія, на которыхъ онъ останавливался съ такою любовью. Они были нашимъ первымъ впечатлѣніемъ при чтеніи статьи г. Григорьева; мы находились въ большомъ раздумьи, не умѣя отыскать ничего общаго между авторомъ писемъ и авторомъ толкованій на нихъ.

Иногда противоположныя свойства сближаютъ людей. Противоположностями они пополняютъ другъ друга. Тутъ и противоположностей нѣтъ, а есть разница. Изъ писемъ не слѣдуютъ комментаріи, комментаріи не объясняютъ писемъ. Это два пред-

иета механически приложенныя одинъ къ другому безъ всякой спайки. Бѣдный студентъ на скудные деньги, выработанныя литературнымъ трудомъ, позволяетъ себѣ почти единственное эстетическое наслажденіе, возможное въ окружающей средѣ, ходитъ иногда въ прекрасный французскій театръ; съ жаждой любознательности, не имѣя средствъ узнать, сидя дома въ покойныхъ креслахъ, что дѣлается тамъ, гдѣ-то, вездѣ, за предѣлами его дома, улицы, города, спѣшитъ въ кондитерскую, бросается на журналы и газеты, и при этомъ случаѣ пируетъ на жалкій запасъ своего кармана, беретъ сладкій пирожокъ, спрашиваетъ можетъ-быть чашку шоколаду. Г. Григорьевъ видитъ въ этомъ *зародышь эпикурейскихъ наклонностей*. Не такое заключеніе вывелъ бы покойный Грановскій изъ этихъ событій въ жизни бѣднаго студента, заслужившаго въ послѣдствіи такую жаркую любовь всѣхъ поколѣній студентовъ. Эта разница въ выводахъ, этотъ уголъ зрѣнія раздѣляетъ людей болѣе чѣмъ пространство и столѣтія. Грановскій могъ сдѣлаться другомъ и слиться душою съ тѣмъ, кого все не видывалъ и кто вѣкогда въ древнихъ Афинахъ рукоплескалъ Софоклу или Еврипиду; могъ мысленно изъ Москвы, отъ Харитонья въ Огородникахъ, протянуть руку черезъ океанъ далекому жителю береговъ Миссиссипи, но между двумя университетскими товарищами, между людьми, стоящими такъ близко, рядомъ, вы видите ничѣмъ ненаполнимую бездну. А потому мы, безъ всякой пощады къ покойнику, должны назвать его дружбу къ г. Григорьеву ошибкой и заблужденіемъ. Заблужденіе со стороны Грановскаго, заблужденіе, если смѣемъ прибавить, со стороны г. Григорьева. Имъ не должно бы сойтись вмѣстѣ ни на минуту, какъ не сходятся ни въ одной точкѣ параллельныя линіи, продолженныя въ вѣчность. Не такъ они смотрятъ другъ на друга и не то видятъ другъ въ другѣ. Г. Григорьеву неизвѣстно, что покойный профессоръ остается и останется въ воображеніи студентовъ какимъ-то идеальнымъ образомъ; что имя его будетъ передаваться ими изъ поколѣнія въ поколѣніе; что въ Москвѣ, въ Петербургѣ, по другимъ краямъ Россіи, вспомнится не разъ это благородное имя; что долго, долго не заростетъ тропа, ведущая къ его могилѣ и не завянутъ цвѣты, благоухающіе надъ нею. Онъ писалъ мало, но много сдѣлалъ, но во всѣ эпохи короткой жизни, при свѣтѣ солнца и подъ мракомъ нависшихъ тучъ, сохранялъ чистоту убѣжденій и не давалъ угаснуть святому огню. Къ нему слѣдуетъ примѣнить слова Вильгельма Гумбольдта:

«Дѣятельность великихъ умовъ не заключается въ однихъ письменныхъ произведеніяхъ: есть другая дѣятельность болѣе непосредственная и болѣе широкая. Письменные произведенія только частію открываютъ существо чловѣка; въ живой личности проявляется оно чисто и полно. Оно дѣлается достояніемъ современниковъ и передается послѣдующимъ поколѣніямъ такими путями, которыхъ нельзя опредѣлить въ частностяхъ, которые ускользаютъ отъ наблюденія, и за которыми даже мысль не въ состояніи слѣдить. Посредствомъ этого тихаго и какъ бы волшебнаго дѣйствія великихъ умовъ, мысль постепенно крѣпнеть и переходитъ изъ рода въ родъ, отъ народа къ народу, разрастаясь все шире и могучѣе.» (1)

Не ханскими ерлыками двигается впередъ дѣло образованности. Мѣра просвѣщенія опредѣляется отчасти степенью пониманія такихъ личностей, какова была личность Грановскаго. Конечно, его чувства, мысли, дѣятельность, вліяніе, направленіе, даръ любить и внушать любовь, духъ, оживлявшій нѣкогда этотъ прахъ, который лежитъ теперь въ землѣ на Пятницкомъ кладбищѣ — это особый міръ, онъ не приходитъ на умъ въ бесѣдахъ съ Татарамиотъ Дрессо и не видится глазу изъ мѣстопребыванія Киргизь-Кайсаковъ. Это для иныхъ то же, что для насъ непереведенный ерлыкъ Монгольскаго хана, это, какъ говорить Шиллеръ:

Blumen... und Früchte,
Gereift auf einer andern Flur,
In einem schönern Sonnenlichte.
In einer glücklichern Natur (2).

Н. ПАВЛОВЪ.

(1) Es gibt ein unmittelbarer und volleres Wirken eines grossen Geistes als das durch seine Werke. Diese zeigen nur einen Theil seines Wesens. In die lebendige Erscheinung strömt es rein und vollständig über. Auf eine Art, die sich einzeln nicht nachweisen, nicht erforschen lässt, welcher selbst der Gedanke nicht zu folgen vermag, wird es aufgenommen von den Zeitgenossen und auf die folgenden Geschlechter vererbt. Dies stille und gleichsam magische Wirken grosser geistiger Naturen ist es vorzüglich, was den immer wachsenden Gedanken von Geschlecht zu Geschlecht, von Volk zu Volk immer mächtiger und ausbreiteter emporspriessen lässt.

(W. Humboldt, въ предисловіи къ перепискѣ съ Шиллеромъ).

(2) Цвѣты и плоды, созрѣвшіе на иной почвѣ, подъ лучами солнца болѣе прекраснаго, посреди природы болѣе счастливой.

АМФІОНЪ¹

Повѣсть Рилъ.

I.

Въ знаменитомъ трактирѣ «Сирена», въ Іенѣ, было очень печально. Содержатель его умеръ; вмѣсто предполагаемаго богатства оставилъ онъ одни долги. Правда, что это были долги очень незначительные, — въ размѣрѣ стараго времени, — нѣсколько сотъ гульденовъ; но Эва, двадцатилѣтняя дочь умершаго трактирщика, единственная наследница Сирены, сокрушалась при одной мысли объ этомъ ничтожномъ долгѣ, который, опозоривъ память

---

(1) Эта повѣсть основана на историческомъ анекдотѣ, который можно отыскать въ каждомъ словарѣ музыкантовъ, въ статьѣ «Эрнстъ Готлибъ Баронъ». Сочиненія этого музыканта, представляющія образецъ музыкальнаго педантизма того времени, дали автору повѣсти нѣкоторыя черты для изображенія его характера. Для незнакомыхъ спеціально съ исторіею музыки можно замѣтить, что всѣ эстетическія причуды, выходы и крайности, изображенныя здѣсь, нисколько не каррикатуры: во времена Генделя и Баха модная музыка и «виртуозничество» точно достигли этой степени сумазбродной искусственности. Тутъ скорѣе все смягчено, чѣмъ представлено въ каррикатурѣ. Да не подумаютъ также, что эта повѣсть есть сатира на нѣкоторыхъ современныхъ виртуозовъ и композиторовъ: авторъ изобразилъ въ ней только чудачество осьмнадцатаго вѣка, а не девятнадцатаго.

отца ея, запятналъ на многіе годы добрую славу Сирены, и даже, быть-можетъ, принудить самую Эву у чужихъ людей искать себѣ пропитанія.

Въ домѣ жила еще старушка бабушка, но Эва не могла получить отъ нея никакого утѣшенія. Глухая, притупившаяся чувствами, умершая для свѣта, она сидѣла себѣ въ углу и прядла, не думая о настоящемъ; она была лишь тѣнь минувшихъ дней.

Итакъ у бѣдной Эвы не было никого, кто могъ бы принять въ ней участіе, кромѣ молодаго бочара Фридриха Риттера, который пока завѣдывалъ Сиреною. Онъ еще при жизни отца хозяйничалъ въ подвалахъ и присматривалъ за порядкомъ въ самой гостиной. Онъ былъ бодрый, проворный и веселый молодецъ, полный самоувѣренности, и незамѣтно такъ сблизился съ Эвою, что имъ обоимъ казалось какъ-будто они съ дѣтства были всегда вмѣстѣ и должны такъ остаться навсегда. Все это однакожь происходило въ тишинѣ; отецъ ничего не замѣчалъ, а глухая бабушка еще того менѣе.

Это было въ октябрѣ, послѣ обѣда. Привѣтно свѣтило солнце сквозь осьмиугольныя стекла оконъ въ тихую комнату трактира. Бабушка прядла въ углу; подлѣ нея на скамейкѣ сидѣла кошка и мурлыкала, зажмурясь; безчисленные комары гуляли на свободѣ, и, гудя, толкались у стѣнъ и потолка. Посѣтители еще не являлись, потому что только прогорѣлые пьяницы ходятъ въ трактиръ до окончанія работы.

Эва и Фридрихъ сидѣли на скамьѣ впереди.

— Теперь я нищая, сказала печальная дѣвушка, — и ужъ видно не бывать нашей свадьбѣ.

— Эхъ, Эва! что потеряно, то надо воротить. Не унывай! чего не поищешь, того и не сыщешь. Я такъ буду трудиться, хлопотать и добывать, что меня сочтутъ за колдуна, и ты не успѣешь оглянуться, какъ эти пятьсотъ гульденовъ будутъ уплачены, и мы весело заживемъ въ своемъ уголкѣ.

— Да, если только кредиторы захотятъ ждать до тѣхъ поръ! сказала печально Эва.

— А ты думаешь, что нельзя скоро нажить хорошенькій капиталецъ? Слышала ли ты о лютнистѣ Барониусѣ, который теперь у насъ въ Іенѣ? Вотъ настоящій дьяволъ изъ музыкантовъ! Вчера вечеромъ давалъ онъ концертъ въ залѣ университета, и принесъ домой мѣшокъ съ пятьюстами гульденовъ. Пять сотъ гульденовъ въ какихъ-нибудь два часа! Я думаю, столько не получить и римскій императоръ, да и я также, потому что, кто чѣмъ промыш-

АМФІОНЪ.

ляеть, то къ нему и наплывааетъ. Посмотри, однакожь, что этотъ искусникъ можетъ играть; вотъ его афишка. Слушай.

LAUS DEO.

Иена 15 октября 1720 года.

Съ дозволенія правительства

Эрнстъ Готтлибъ Барониусъ,

Candid. juris, придворный музыкантъ его величества короля прусскаго, знаменитый лютистъ, истинный Амѳіонъ новаго времени, будетъ имѣть честь дать на лютиѣ музыкальное Divertimento, въ коемъ будетъ исполнено:

- 1) Самое ужасное (Allegro furioso).
- 2) Самое веселое (Andante amoroso). Въ pendant къ предыдущему, на лютиѣ.
- 3) Двѣнадцать подвиговъ Геркулеса, исполненныхъ на лютиѣ.
- 4) Діана и Эндиміонъ, дуэтъ, на лютиѣ.
- 5) Пляска фурій.
- 6) Осада Трои, симфонія въ трехъ отдѣленіяхъ, на лютиѣ.
- 7) Страшный судъ, рай и адъ, фантазія, на лютиѣ.

«Haud ignarus in harmoniis aliquid inesse ad rempublicam conservandam utilitatis.» Plut. de mus. (1).

«Musicae ignoratio Scripturae intellectum impedit.» S. August. de doctrin. Christi (2).

— Ахъ, какая ученая афишка! сказала Эва:—должно-быть и музыка очень ученая. Еслибъ этотъ искусный человекъ зналъ наше горе и былъ истинный христіанинъ, то подарилъ бы намъ тѣ пятьсотъ гульденовъ, которые онъ въ два часа ^{нажилъ} по этой афишкѣ, и сдѣлалъ бы насъ счастливыми, а потомъ въ другіе два часа выигралъ бы себѣ опять столько же.

— Нѣтъ, милая Эва, музыканты рѣдко бываютъ такъ податливы. Чѣмъ выше художникъ, тѣмъ меньше онъ христіанинъ. Тѣ изъ нихъ, которые пошли дальше другихъ, отдали душу свою дьяволу. Не даромъ говорятъ, что музыканты настраиваютъ струны своихъ инструментовъ, а въ сердцахъ-то у нихъ струны совсѣмъ не настроены.

Тутъ и глухая бабушка, разслышавъ кое-что изъ разговора, встала отъ пряхи, и сказала очень громко, по обыкновенію всѣхъ вѣрпчихъ на ухо:

— Дьявольское злато и скоморошья плата въ прокъ нейдеть.

(1) Я знаю, что въ гармоніи есть нѣчто способствующее къ сохраненію государства. Плутархъ о музыкѣ.

(2) Незнаніе музыки препятствуетъ пониманію Св. Писанія. Св. Августины.

Въ мое время тоже былъ здѣсь отличный скрипачъ ; звали его Даміаномъ изъ Гусбаха, по мѣсту его родины, а настоящаго своего прозвища онъ и самъ не зналъ. Ужъ какъ этотъ штукаръ не игралъ на скрипкѣ: и подъ бородой, и на головѣ, и за спиной, и между колѣнками. Онъ водилъ смычкомъ и по струнамъ, и подъ струнами, и по волосамъ, и по дереву, словомъ, — какъ тебѣ угодно, игралъ, и все таки у него выходила хорошая музыка, такъ что бывало слушаешь и дивишься. Кто платилъ два серебряныхъ пфеннига, тотъ могъ его слушать цѣлый вечеръ. Сначала къ нему столько сходилось народа, что онъ набиралъ по цѣлой шляпѣ такихъ пфенниговъ, а въ городѣ только и рѣчи было что объ немъ, какъ теперь объ этомъ Бароніусѣ. Но потомъ, къ нему по-привыкли, и ужъ пфенниговъ-то не много набиралось, да такъ пришлось, что онъ улизнулъ отъ моего покойнаго мужа, задолжавъ ему за содержаніе и квартиру; съ тѣхъ поръ его и не видали. Вотъ что такое эти музыканты и скоморохи.

Эва и Фридрихъ вздрогнули въ эту минуту, потому что они только теперь замѣтили передъ собою постороннее лицо.

Среди комнаты стоялъ незнакомый молодой человекъ, въ наружности котораго было что-то поражающее и привлекающее. Лицо его имѣло почти мавританскій характеръ и было необыкновенно смугло; но большіе блестящіе глаза его сіяли умомъ и самоувѣренностію. Его голову покрывалъ огромный парикъ и, взбитый съ обѣихъ сторонъ въ видѣ двухъ валиковъ, дѣлалъ ее почти четырехъ-угольною. Красный бархатный кафтанъ, кружевные маншеты и жабо, черное бархатное нижнее платье, красивая шпага и бриліантовые пряжки на башмакахъ составляли простой, но весьма изысканный нарядъ, выдающій знатнаго человека.

— Я уже нѣсколько разъ обращался къ вамъ, сказалъ онъ съ улыбкою Фридриху, — но вы были такъ заняты афишкою, а потомъ своими нападками на музыкантовъ, что не обратили на меня вниманія. Я жду сюда друзей моихъ; такъ приготовьте мнѣ порядочную стопу вина, не самаго дурнаго, но и не самаго лучшаго, но добраго вина, которое могло бы служить фундаментомъ, чтобъ послѣ захотѣлось выпить и самаго лучшаго.

Когда Фридрихъ принесъ вино, знатный незнакомецъ потрепалъ его по плечу и сказалъ:

— Вы совершенно ложныхъ мыслей о великихъ музыкантахъ. Они добываютъ свои деньги не такъ легко, какъ вы думаете. Ихъ плата не дьявольское золото. Правда, что одинъ удачный вечеръ

доставляетъ имъ хорошее вознагражденіе. Но можете ли вы въ своемъ прохладномъ подвалѣ имѣть какое-либо понятіе о бессонныхъ ночахъ, о недѣляхъ и мѣсяцахъ, проведенныхъ въ изнурительной лихорадкѣ ученья, полныхъ мучительнаго труда, пока добьетесь до того, что станешь такимъ, какъ этотъ Бароніусъ? А если, наконецъ, музыкантъ и дойдетъ до того, то сколько еще остается ему работы, чтобъ удержаться наверху! Теперь ужь не прежнее время. Кто хочетъ теперь быть истиннымъ виртуозомъ, тотъ долженъ быть и композиторомъ, и знать свое дѣло не хуже лучшаго придворнаго капельмейстера. Въмѣстѣ съ этимъ онъ долженъ быть и ученымъ, знать исторію своего инструмента и хорошо изучить всѣхъ древнихъ и новыхъ писателей. Въ нынѣшнее время хорошій музыкантъ долженъ умѣть такъ же хорошо сочинять книги, какъ и ноты, и притомъ глубоко-ученныя книги, полныя огня, остроумія и соли; иначе его загоняютъ его же товарищи по искусству. Всякой собакѣ досадно, если другая собака идетъ въ кухню: точно тоже бываетъ и съ художниками передъ храмомъ искусствъ. Но понимаете ли вы меня, любезнѣйшій? вы смотрите на меня съ такимъ удивленіемъ.

— О, какъ же! отвѣчалъ торопливо Фридрихъ.— Все это такъ прекрасно и такъ учено — точь въ точь какъ афишка господина Бароніуса.

Потомъ онъ отошелъ въ сторону и шепнулъ Эвъ: «если этотъ красный не дьяволъ, то ужь навѣрное Бароніусъ.»

II.

Спустя немного, въ комнату трактира вошелъ широкоплечій, огромнаго роста молодой человекъ, лѣтъ около тридцати, но, судя по платью, еще студентъ. Въ то время, какъ и въ прежніе годы, это избранное сословіе еще состояло изъ почтенныхъ мужей и даже людей женатыхъ, а такихъ полузрѣлыхъ юношей, какіе теперь наполняютъ аудиторіи, еще мало было видно въ нѣмецкихъ университетахъ. Волосы его лежали по плечамъ; онъ носилъ красивые усы и бородку подъ нижнею губою; лѣвая рука его лежала на ефесѣ рапиры; а по его гордой осанкѣ и походкѣ можно было замѣтить, что это былъ человекъ съ достоинствомъ и честью истиннаго бурша. Онъ и на самомъ дѣлѣ былъ сеніоромъ бочар-

наго ордена и самымъ властолюбивымъ студентомъ изо всего университета.

Лишь только увидалъ онъ щеголя въ красномъ бархатномъ кафтанѣ, какъ бросился къ нему, обнявъ его съ жаромъ, поцѣловалъ и закричалъ съ восторгомъ:

— Поздравляю, другъ Бароніусъ! вотъ такъ побѣда! вотъ такъ триумфъ! каждое браво, каждый лавровый вѣнокъ восхищали меня такъ, какъ-будто они относились ко мнѣ самому. Но и я усердно работалъ, дружище! всѣ члены бочарнаго ордена были собраны въ концертъ; тамъ стояли мы, образовавъ сомкнутое каре, и послѣ каждой піесы первые оглашали залу громомъ криковъ и рукоплесканій. Противъ насъ, въ другомъ углу залы, помѣстился весь орденъ лиліи; онъ тоже у меня въ рукахъ, и лишь только подавалъ я сигналъ, какъ эти славные молодцы вторили намъ съ остревѣніемъ. Наконецъ—ужь не взыщи—намъ чуть ли не больше было удовольствія перекричать и перехлопать другъ друга, чѣмъ слушать твою игру. О, твоя слава теперь упрочена, ты осыпанъ деньгами и почестями, извѣстенъ во всемъ государствѣ. Съ тебя я снова начинаю мое ученье; я ничто, и буду ничто; я остаюсь вѣчнымъ студентомъ!

— Не завидуй мнѣ такъ, отвѣчалъ Бароніусъ, положивъ руку на плечо друга,—ты навѣрное счастливѣе меня. Подобный успѣхъ дѣлаетъ ненасытнымъ. Онъ грызетъ меня, истомляетъ, побуждая стремиться все далѣе и далѣе. Я не наслаждаюсь моими триумфами, для меня ихъ давно не существуетъ. Были художники, которые совершили большее, бесконечно большее, чѣмъ я, и меня терзаетъ мысль, что я не могу съ ними сравняться. Я пишу теперь исторію игры на лютнѣ, и каждая страница въ лѣтописяхъ искусства наводитъ на меня такую тоску, что я готовъ плакать отъ ненасытнаго честолюбія. Амфіонъ, напримѣръ, двигалъ камни своею игрою; онъ очаровывалъ деревья и скалы. А теперь кто угодно отыграй себѣ всѣ пальцы, и ни одинъ камень не тронется съ мѣста. Положимъ, что это басни, и притомъ это было очень давно. Орфей удерживалъ вѣтеръ звуками своей лютни, — и это искусство теперь не годится: съ нимъ пожалуй прослывешь за колдуна и чародѣя. Но что они оба, Амфіонъ и Орфей, умирляли дикихъ звѣрей, это ужь навѣрное не басня. Какъ же ничтожны мы въ сравненіи съ этими великими художниками! Наша игра не умиряетъ ни собаки, ни кошки, а объ оленяхъ, волкахъ и медвѣдяхъ нечего и говорить. Кошки и собаки убѣгаютъ отъ меня, если только возьму я нѣсколько аккордовъ на моей лютнѣ, а заставишь

ихъ остаться, онѣ начнутъ визжать и выть тѣмъ громче и произительнѣе, чѣмъ прекраснѣе и сильнѣе будетъ музыка. Что значитъ наша прославляемая живопись, если мы не нарисовали еще винограда, который могъ бы привлечь къ себѣ птицу? Я готовъ пожалуй забыть всѣ чудеса древнихъ классическихъ временъ: гдѣ ужъ намъ состязаться съ Греками и Римлянами? Но и въ темныя времена среднихъ вѣковъ, и даже въ ближайшія къ намъ столѣтія, совершались на лютнѣ такія недосыгаемая чудеса, что мы со стыдомъ должны сознать свое ничтожество и разбить свою лютню о стѣну передъ тѣми артистами, которыхъ имена почти намъ неизвѣстны. Вотъ что грызетъ меня, лишаетъ сна и заставляетъ съ какимъ-то бѣшенствомъ изучать всѣ трудности лютни, пока не выпадетъ она изъ рукъ моихъ отъ истощенія. И я до тѣхъ поръ не успокоюсь и не буду доволенъ, пока не разрѣшу этой волшебной загадки.

— А въ чемъ же состояло ихъ искусство? прервалъ его сениоръ. — Но постой! не отвѣчай мнѣ, пока мы не сядемъ, пока Эва не принесетъ мнѣ кружки рейнвейна, и мы съ тобою не чокнемся. Рѣчь твоя звучитъ такъ же сладко, какъ твоя лютня, но она растекается такъ же широко, какъ твоя музыка «Страшнаго Суда», и въ ней все такъ плотно прилжжено, что негдѣ пробить скважины. Не прогнѣвайся, любезнѣйшій! Теперь за твое здоровье! желаю тебѣ одержать побѣду надъ Орфеемъ, Амфіономъ и всѣми безыменными средневѣковыми артистами.

Они чокнулись и выпили. Тогда Бароніусъ продолжалъ:

— Достоверные лѣтописцы разказываютъ намъ, что при дворѣ датскаго короля Эриха былъ лютнистъ, который отличался такою силою выраженія, что могъ своею игрою настроить и завлечь своихъ слушателей ко всякой страсти. Король, услыжавъ о немъ, пожелалъ своими глазами увидѣть это торжество искусства, и потому велѣлъ этому музыканту сыграть въ собраніи его рыцарей и придворныхъ такую военную мелодію, которая воспламенила бы ихъ страстию къ битвѣ. Музыкантъ такъ былъ увѣренъ въ своемъ успѣхѣ, что просилъ вынести изъ комнаты всякое орудіе и поставить передъ заломъ стражу, которая могла бы тотчасъ разнять враждующихъ. Но чтобъ и стража не могла увлечься общимъ порывомъ, она должна была заблаговременно отнять лютню у самого артиста и тѣмъ прекратить обаяніе музыки. Лютнистъ началъ нѣжнымъ адажіо, которое такъ тронуло всѣхъ слушателей, что они почти готовы были заплакать. Потомъ онъ перешелъ къ живому, веселому аллегро, и лица всѣхъ оживились веселостію,

а младшіе едва могли удержаться, чтобы не пуститься въ пляску. Тогда раздался вдругъ военный маршъ, который, становясь все суровѣе и грознѣе, перешелъ наконецъ въ такую дикую, потрясающую музыку, что всѣ вышли изъ себя. Гнѣвъ и бѣшенство овладѣли всѣми, долготъ мирными слушателями; они искали, требовали оружія, и наконецъ въ крайнемъ остервенѣніи начали поражать другъ друга кулаками, пока не вышла стража съ мечами и аллебардами, чтобы водворить спокойствіе. Но, при видѣ такой суматохи, забыли отнять лютню у музыканта, который самъ бѣсновался, какъ сумашедшій. Король Эрхъ выхватилъ мечъ у одного изъ стражей и, бросившись въ толпу, сразилъ четверыхъ изъ преданныхъ ему рыцарей. Тогда только одинъ изъ воиновъ догадался разбить аллебардою лютню музыканта; музыка умолкла, и взволнованныя чувства мгновенно успокоились. Король былъ въ отчаяніи отъ горя и раскаяніа въ совершенномъ имъ убійствѣ; для покаяніа отправился онъ въ Іерусалимъ и умеръ на возвратномъ пути, на островѣ Кипрѣ. Вотъ такъ торжество искусства, любезный другъ! и пока я не достигну того же, чего достигъ этотъ музыкантъ, я дрянъ, я ничто.

— Итакъ, по твоему мнѣнію, возразилъ ему сухо сеніоръ, — только тогда можно достигнуть совершенства въ искусствѣ, когда своею отчаянною музыкой заставишь людей убивать другъ друга? Нѣтъ, любезный Барониусъ, не отвѣчай на мое возраженіе, пусть шутка останется шуткою, а теперь я хочу говорить съ тобою по-серіознѣе. Я ужъ нѣсколько разъ слышалъ отъ тебя этотъ разказъ о королѣ Эрхѣ и его лютнистѣ и всегда съ тою же жалобой. Между тѣмъ я успѣлъ хорошенько обдумать его и хочу предложить тебѣ вопросъ: дѣлалъ ли ты когда-нибудь подобный опытъ возбужденія страстей посредствомъ музыки и удавался ли онъ тебѣ?

Барониусъ признался, что онъ еще не дѣлалъ такого опыта. При этомъ глаза его засверкали, щеки вспыхнули румянцемъ и все лицо озарилось вдохновеніемъ.

— Въ томъ-то и дѣло, воскликнулъ онъ, — что я еще никогда этого не пробовалъ; быть-можетъ, оно бы мнѣ и удалось. Да! я даже увѣренъ въ успѣхѣхъ: это говоритъ мнѣ внутренней голосъ, который меня не обманываетъ. Твоя правда, другъ! ты показалъ мнѣ настоящую дорогу.

— Такъ пошли за своею лютнею, сказалъ сеніоръ какимъ-то страннымъ саркастическимъ тономъ, котораго впрочемъ не замѣтилъ вдохновенный мечтатель. — Скорѣе за работу!

— За пробу? но передъ кѣмъ? съ кѣмъ? передъ тобою, другъ! да, передъ однимъ тобою, и этого довольно, подобно тому греческому трагику, который для чтенія своей трагедіи, нашелъ только одного слушателя и воскликнулъ : этотъ одинъ для меня важнѣе, чѣмъ весь афинскій народъ, потому что это Платонъ. Итакъ, подобно этому трагику, въ тебѣ одномъ найду я судію, потому что ты умомъ своимъ озарилъ истиннымъ свѣтомъ тревожный вопросъ моего честолюбія, озарилъ мракъ, въ которомъ такъ долго я блуждалъ.

— Я не Платонъ, отвѣчалъ сеніоръ, и для нашей пробы было бы мало одного слушателя, еслибъ даже это былъ и самъ Платонъ. Смотри, вонъ идутъ твои слушатели; здѣсь будетъ весь бочарный орденъ, двадцать пять отборныхъ студентовъ ; они всякою страстію увлекаются черезъ мѣру, испытай надъ ними волшебное могущество твоей лютни.

III.

Сеніоръ оставилъ своего друга Барониуса и подошелъ къ студентамъ. Онъ вѣроятно сообщилъ имъ что-нибудь смѣшное, потому что каждый изъ нихъ, выслушавъ его, какъ-то странно улыбался и передавалъ услышанное другому, такъ что наконецъ эта веселость распространилась по всему небольшому обществу, Самые смѣтливые изъ нихъ кусали себѣ губы или выходили изъ комнаты, чтобъ не разразиться громкимъ хохотомъ.

Между тѣмъ сеніоръ отвелъ Эву въ сторону и долго говорилъ съ нею. Фридрихъ замѣтилъ это съ неудовольствіемъ; онъ хотѣлъ подойти къ нимъ, чтобъ прекратить эту довѣрчивую бесѣду; но Барониусъ подозвалъ его къ себѣ, а уваженіе, которое пыталъ онъ къ этому господину, не позволяло ему ускользнуть отъ него къ своей невѣстѣ.

— Ты вѣроятно не большой любитель и знатокъ музыки? спросилъ его знаменитый виртуозъ.

— О, я люблю веселую пѣсенку, а еще болѣе веселый танецъ. Всякую же другую музыку я мало понимаю. Да и зачѣмъ мнѣ понимать ее? Вѣдь и вы, вѣроятно, не понимаете благороднаго бочарнаго искусства? Притомъ же и вкусы различны: одинъ предпочитаетъ всему хорошую музыку, другой хорошее вино. У кого изъ нихъ лучше вкусъ, рѣшить довольно трудно.

Барониусъ улынулся.

— Ты говоришь точь-въ-точь, какъ спартанскій царь Архидамъ, который, когда ему выхваляли одного знаменитаго музыканта, указалъ на своего повара и воскликнулъ: «по мнѣ вотъ кто самый лучший художникъ, потому что онъ отлично стряпаетъ.» Но если ты хочешь ставить музыку на одну доску съ бочарнымъ ремесломъ, такъ знай, любезнѣйшій, что еще Плутархъ говоритъ, что музыка есть изобрѣтеніе боговъ; а потому любовь къ музыкѣ и ея пониманіе должны быть доступны каждому человѣку, какъ нѣчто божественное; бочарное же дѣло ...

— Точно такъ, ваша правда! воскликнулъ Фридрихъ, какъ будто пробужденный отъ сна, — бочарное дѣло, а вмѣстѣ и трагичное.... ничего не должно упускать. Эва тамъ заболталась, я заслушался васъ, а между тѣмъ двадцать пять человѣкъ гостей ждутъ вина.

Съ этими словами онъ убѣжалъ, забывъ всякое уваженіе къ великому артисту. Но не одно внезапно пробудившееся чувство долга заставило молодаго бочара разорвать цѣпь прекрасныхъ словъ музыканта. Онъ замѣтилъ, что Эва улыбалась съ сеніоромъ, постоянно улыбалась, даже стала смѣяться: это его озадачило. Онъ бросился къ буфету и едва не опрокинулъ двухъ студентовъ. Сеніоръ и Эва кивали ему, чтобъ онъ подошелъ къ нимъ, но онъ не видалъ или не хотѣлъ этого видѣть. Не обращая ни на что вниманія, онъ сталъ наливать вино съ такимъ ожесточеннымъ рвеніемъ, какъ будто судьба міра зависѣла отъ того, чтобъ въ пять минутъ были наполнены всѣ двадцать пять кружекъ.

Между тѣмъ Барониусъ дружески привѣтствовалъ студентовъ. Въ этомъ молодомъ человѣкѣ была какая-то странная смѣсь привѣтливости, надутости, педантства и даровитости; но, всмотрѣвшись въ него внимательнѣе, нельзя было наконецъ не полюбить его; потому что едва ли какой художникъ дорожилъ такъ своимъ искусствомъ, какъ онъ, и самое это комическое педантство съ безумнымъ честолюбіемъ проистекало изъ пламеннаго и чистаго одушевленія, для котораго совершеннѣйшая игра на лютя была выше всего на свѣтѣ. Студенты хорошо поняли эту чистую натуру, скрытую въ душѣ виртуоза; они привѣтствовали его дружески, какъ равнаго себѣ, а это вѣдь высшая почеть, какую студентъ можетъ оказать филистеру.

Лютя была принесена. Глубокая тишина воцарилась въ комнатѣ, когда музыкантъ началъ ее настраивать и брать нѣкоторые аккорды.

Тогда сениоръ всталъ.

— Сперва бокалъ вина во славу музыки! потомъ мы споемъ веселую пѣсню, потому что мы не хотимъ оставаться рыбами тамъ, гдѣ музыка явить намъ все высшее и прекраснѣйшее. Студенческая пѣсня принадлежитъ также къ высшему и прекраснѣйшему; полно морщиться, другъ Бароніусъ! вѣдь это правда. Когда мы споемъ, по обычаю, свою пѣсню, тогда ты своею вдохновенною игрою начнешь очаровывать насъ, какъ величайшій изъ волшебниковъ.

Какъ сениоръ сказалъ, такъ и было исполнено. Зазвучали бокалы, загремѣло ура во славу пѣнія и музыки, и сильная, веселая пѣсня, пропѣтая свѣжими, юношескими голосами, прозвучала, какъ чистый, гремящій потокъ среди чуткаго, отзывистаго пространства.

Когда хоръ кончился, Бароніусъ удержалъ голосъ пѣсни, но сталъ играть ее въ мольномъ тонѣ, растянулъ нѣсколько темпъ, и веселый мотивъ превратилъ въ печальный. Тогда мало-по-малу всѣ лица омрачились уныніемъ; каждый какъ будто углубился въ себя, подавляемый печальными мыслями. Нѣкоторые изъ студентовъ, прилежнѣе другихъ припадавшіе къ кружкѣ, начали такъ вздыхать, что можно было подумать, что ими уже овладѣло то настроеніе, которое бурши называютъ «пьянымъ горемъ». Даже Эва, усѣвшись въ уголокъ, закрыла лицо свое платкомъ и всхлипывала такъ громко, что это было слышно и за звуками лютни.

Лицо виртуоза сіяло вдохновеніемъ. Только два слушателя оставались нечувствительными, какъ жалобно ни игралъ онъ: глухая бабушка и Фридрихъ.

Молодой бочаръ смотрѣлъ на всѣхъ, выпучивъ глаза и разинувъ ротъ, какъ человѣкъ, котораго разбудили отъ сна, окативъ водою.

— Или все это общество обратилось въ ословъ, или одинъ я оселъ! пробормоталъ онъ, но только въ полголоса, боясь раздражить студентовъ. Но Бароніусъ, который въ это время доканчивалъ свое *pianissimo*, разслыхалъ это восклицаніе.

— Другъ! сказалъ онъ Фридриху, ты одинъ такъ холоденъ и нечувствителенъ. Ты варваръ, и притомъ еще большій, чѣмъ тотъ скиескій царь, который, выслушавъ отличнаго пѣвца, сказалъ, что ему болѣе нравится ржаніе его лошади.

Тогда Фридрихъ не могъ долѣе скрывать своей досады. Все уваженіе, которое вселяли въ него красный бархатный кафтанъ, большой парикъ и брильянтова прѣжки музыканта, мгновенно

исчезло, и онъ закричалъ такъ громко, что заглушилъ allegro lamentoso его лютни:

— Вы сегодня сравниваете меня все съ царями, но съ такими царями, которые по вашему мнѣнію были дураки. Куда намъ забираться такъ высоко! я держусь честныхъ, простыхъ людей, у которыхъ есть мозгъ въ головѣ, хотя они и не понимаютъ вашего брянчанья. Всякая свинья знай свое корыто, и чортъ меня возьми, если я въ моей комнатѣ позволю кому-нибудь говорить мнѣ грубости!

Въ продолженіе рѣчи Фридриха виртуозъ съ удивительною нѣжностію и вкрадчивымъ благозвучіемъ наигрывалъ самое сладостное адажію; потому что онъ надѣялся побѣдить имъ крикуна и наконецъ смирить его, какъ Орфей и Амѳіонъ усмиряли дикихъ животныхъ. Но все отскакивало отъ него, какъ отъ стѣны, или, лучше сказать, Фридрихъ совсѣмъ не слышалъ его смиряющей и укрощающей мелодіи.

Кончивъ свою мужественную рѣчь, онъ все еще продолжалъ пылать негодованіемъ; тогда я Бароніусъ, раздосадованный неуспѣхомъ своего адажію, заключилъ его такимъ сильнымъ аккордомъ, какъ будто хотѣлъ оборвать всѣ струны, и вскричалъ:

— Нѣтъ! такого человѣка, покинутаго всѣми музами, мнѣ никогда не случалось видѣть!

Потомъ онъ снова принялся за лютню. Но теперь зазвучали совершенно другіе мотивы. Самъ взволнованный гнѣвомъ, художникъ съ истиннымъ ожесточеніемъ началъ пробѣгать пальцами по струнамъ; онъ позволялъ себѣ самые отчаянные переходы, самые рѣзкіе скачки. Темпъ сдѣлался такимъ бурнымъ, что у самыхъ флегматическихъ слушателей пульсъ началъ биться сильнѣе; и въ самомъ дѣлѣ это была дикая, страшная, потрясающая музыка. Студенты были видимо взволнованы: они пробудились изъ своей задумчивости и дѣлались все безпокойнѣе. Лицо самого музыканта сдѣлалось страшнымъ. Онъ какъ будто поджогъ всѣхъ. Студенты начали посматривать другъ на друга съ негодованіемъ: одинъ сжималъ кулаки, другой ударялъ по столу, третій топалъ ногою. Когда музыкантъ замѣтилъ это, то совершенно вышелъ изъ себя. Онъ забылъ всякую мѣру и началъ такъ свирѣпствовать въ струнахъ, что можно было подумать, что лютня его разлетится въ дребезги. Для него были ничто самые чертовски-смѣлые скачки, самые сумашедшіе переходы; темпъ крутился вихремъ, какъ будто самъ игрокъ былъ ужаленъ тарантуломъ. Дьявольская соната Тантини была пѣніемъ золотой арфы въ сравненіи съ этимъ

адскою музыкой. И какое дѣйствіе произвела она на слушателей! Тамъ нѣсколько студентовъ дрались въ потасовку, здѣсь двое вцѣпились другъ другу въ волосы, другіе обнажили шпаги и сражались на смерть. Сеніоръ, на котораго по инстинкту его авторитета никто не смѣлъ напасть, бросалъ въ стѣну, чтобъ удовлетворить своему гнѣву, всѣ стаканы и кружки, какіе попадались ему подъ руку; такъ что подъ конецъ, за всѣмъ этимъ шумомъ, гамомъ и кутерьмою, едва можно было слышать эту дьявольскую лютню. Фридрихъ кричалъ то и дѣло, что или весь свѣтъ сошелъ съ ума, или онъ самъ одурѣлъ, а между тѣмъ очень аккуратно отмѣчалъ мѣломъ всѣ кружки и стаканы, разбиваемые сеніоромъ. Но когда Эва, пылающая гнѣвомъ, бросилась къ нему и, подставивъ ему подъ носъ кулакъ, осыпала его упреками, ѣдкими насмѣшками и бранью, тогда онъ совершенно растерялся. Передъ нимъ вся комната пошла кругомъ, и слухъ, и зрѣніе, а наконецъ и самый разумъ его помутился. Отвернувшись, полный отчаянія, сѣлъ онъ въ уголъ; имъ овладѣла такая глубокая скорбь о безуміи этихъ людей, что онъ чуть не взвылъ.

Между тѣмъ шумъ и гвалтъ до того усилились, что сеніоръ вскочилъ и обнажилъ шпагу, чтобъ разбить въ куски лютню своего друга; но этотъ успѣлъ спасти ее, быстро отскочивъ въ сторону, и побѣжалъ въ тотъ уголъ, гдѣ сидѣлъ Фридрихъ, а между тѣмъ сталъ поспѣшно наигрывать нѣжныя, усмиряющія мелодіи. Тогда мгновенно прояснилось небо въ трактирной комнатѣ. Бойцы оставили другъ друга, сражающіеся вложили въ ножны свои шпаги, и всѣ захохотали, что могли такъ разгорячиться изъ ничего.

Бароніусъ блаженствовалъ. Какъ вдругъ глухая бабушка подошла къ нему и стала передъ нимъ лицомъ къ лицу. Она давно уже кричала изъ-за прядки, но никто за шумомъ не слышалъ ея голоса.

—Какъ не грѣшно вамъ, сказала она, — приводитъ въ такую тревогу этотъ мирный домъ! Въ мое время съ такими людьми, какъ вы, была бы короткая расправа: выдали бы ихъ приспѣшнику палача, чтобъ онъ шиломъ своимъ попыталъ, какъ потечетъ у нихъ кровь — какъ у сообщника дьявола, или какъ у христіанина. Вы до того довели нашихъ гостей своимъ колдовствомъ, что они готовы перерѣзаться. А вы не вѣрьте ничему, что видите и слышите отъ этого человѣка: вѣдь это все дьявольское навожденіе. Точно такъ одна колдунья морочила въ мое время весь городъ: протянула на площади канатъ къ крышѣ самаго высокаго дома,

и танцевала на немъ передъ всѣми, какъ на твердой землѣ. А въ самомъ-то дѣлѣ она плясала на соломинкахъ, которыя положила на мостовой.

Студенты захохотали, а старуха, сказавъ это, какъ сивилла, съ достоинствомъ возвратилась къ своей пряхѣ.

— Вотъ видишь ли, сказалъ сениоръ своему другу, — ты привелъ въ гнѣвъ даже глухую бабушку, а Фридрихъ сидитъ, погруженный въ задумчивость, какъ-будто только теперь начинаетъ на него дѣйствовать твое *adagio lamentoso*. Кажется, для него нужно четверть часа времени, чтобъ настроились его нервы, потому что онъ отличается медленностію впечатлѣній и грубостію чувства.

— Продолжимъ еще немного эту минуту, сказалъ Бароніусъ, тѣлесно утомленный, но полный пыла и рвенія.

И привелъ въ порядокъ свой парикъ, съѣхавшій на сторону при послѣдней суматохѣ, началъ снова настраивать лютню, а студентовъ попросилъ присѣсть на нѣсколько минутъ, чтобъ онъ могъ достойнымъ образомъ увѣнчать свой нынѣшній подвигъ, который для него самого казался сновидѣніемъ и чудомъ.

Всѣ опять усѣлись. Тогда виртуозъ началъ самыя сладостныя и нѣжныя любовныя мелодіи. Сначала слушатели только съ удовольствіемъ поглядывали другъ на друга, потомъ стали улыбаться, а наконецъ видимо оказалось надъ ними чудесное вліяніе музыки. Тѣ, которые нѣсколько минутъ назадъ дрались на смерть, стали теперь обниматься, пожимать другъ другу руки, такъ что кости трещали, и произносить клятвы въ вѣчной дружбѣ. Это была трогательная картина всеобщей нѣжности, любви и преданности; можно было подумать, что самыя столы и стулья должны будутъ броситься другъ другу въ объятія, а кружки и стаканы сдвинутся для поцѣлуя.

Но самая нѣжная группа была впереди. При сладостныхъ звукахъ *andante amozoso*, Эва робко и стыдливо стала приближаться къ музыканту. Видно было, что врожденное чувство стыдливости удерживало ее; но съ другой стороны, магическая сила аккордовъ неодолимо влекла ее впередъ. Напрасно было сопротивленіе! она должна была все болѣе приближаться къ чародѣю. Она съела на ближайшій къ нему стулъ и смотрѣла въ его вдохновенные глаза такъ привѣтливо и нѣжно, что Бароніусъ готовъ былъ бросить свою лютню, чтобъ разцѣловать прелестную дѣвушку. Но нѣтъ, онъ хотѣлъ еще усилить свою игру; она должна была сдѣлаться еще нѣжнѣе, еще трогательнѣе; любовь Эвы должна была раз-

вѣтъ еще пламеннѣе. Онъ превзошелъ самого себя въ нѣжности, глубинѣ и полнотѣ выраженія. Нельзя было не сознаться, что никто еще не слышалъ на лютнѣ такой сладостной, увлекательной, глубоко прочувствованной музыки. А художникъ игралъ почти въ самозабвеніи. Глаза его смотрѣли въ глаза Эвы. Да, это была любовь, истинная любовь, которую воспламенилъ онъ божественною музыкою; любовь къ нему, возрастающая съ каждымъ аккордомъ. Эта высшая побѣда искусства надъ сердцемъ человѣка не была ли безконечно труднѣе, чѣмъ всѣ штуки Амфіона, Орфея и Аріона, это двиганье камней, очарованіе деревьевъ, усмиреніе дикихъ звѣрей, дрессировка рыбъ? И не завлекъ ли онъ даже самого себя? Да, онъ своею игрою вдохнулъ въ самого себя истинную любовь къ Эвѣ. Онъ и прежде смотрѣлъ въ ея свѣтлые глаза, но оставался равнодушнымъ; а теперь, при содѣйствіи музыки, онъ смотрѣлъ въ нихъ, какъ въ глубокое, тихое, чистое озеро, и видѣлъ въ немъ блаженство всей своей грядущей жизни.

— Стой! довольно морочить людей! вскрикнулъ вдругъ Фридрихъ съ негодованіемъ, ставъ между Бароніусомъ и Эвою.

— Ни слова, пока не кончится піеса! шепнулъ ему сеніоръ съ такимъ угрожающимъ видомъ, что Фридрихъ, испуганный и смущенный, отступилъ и замолкъ.

Бароніусъ, улыбаясь, продолжалъ играть съ бѣльшимъ чувствомъ; теперь онъ былъ увѣренъ, что его страстная музыка побѣдитъ негодованіе молодого бочара.

— Вотъ видишь ли, сказалъ сеніоръ на ухо своему другу, — у этого малаго все дѣйствуетъ четверть часа позднѣе: давеча имъ овладѣла меланхолія, когда мы всѣ пылали гнѣвомъ, а теперь онъ пылаетъ гнѣвомъ, когда мы проникнуты любовью. Посмотри, что у него еще разовьется любовь, когда мы уже давно остынемъ.

Но въ эту минуту съ другой стороны возсталъ противъ музыканта болѣе опасная соперница, чѣмъ Фридрихъ, — глухая бабушка: ее Бароніусъ не могъ очаровать никакою музыкой.

— Стыдись, Эва! закричала она. — Какъ можешь ты любезничать съ этимъ проклятымъ музыкантомъ! Музыкантъ! Вотъ какъ свѣтъ-то перемѣнился! Во время Даміана музыканты были не похожи на этого. Вишь какъ онъ вырядился, точно графъ какой! взбитый парикъ, бархатный кафтанъ, пряжки съ бриліантами! да, да, пынче все лѣзетъ въ гору! когда дермо обратится въ навозъ, такъ туда же подыметъ носъ!

Дать старуха не могла ничего сказать: по знаку сеніора два сильныхъ студента схватили бабушку подъ руки и очень вѣжливо

усадили ее за прялку, сказавъ ей, что если она не будетъ спокойна, то они отведутъ ее въ ея коморку. Такъ сидѣла она, какъ статуя, и только бормотала про себя какія-то непонятныя слова.

Но теперь опять приободрился Фридрихъ.

— Бабушка правду говорить, сказалъ онъ. — Тебѣ бы стыдиться должно было, Эва! но глаза мои не будутъ болѣе смотрѣть на такое безчинство.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты, такъ сильно хлопнувъ дверью, что она едва не сорвалась съ петель.

Это нарушило всеобщее настроеніе. Эва ужъ не смотрѣла болѣе въ глаза музыканту, но, пристыженная и смущенная, оставила глаза въ полъ. Студенты также расторгли свои дружескія объятія, перешептывались между собою и отъ скуки лобзались съ стаканами нѣжнѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Замѣтно было, что имъ даже стало досадно, когда Барониусъ опять началъ свое *andante amozoso* съ новыми варіаціями, чтобъ возстановить прежнее настроеніе.

Но этого ужъ не удавалось виртуозу. Онъ игралъ теперь гораздо искусственнѣе, но тѣмъ менѣе трогалъ сердце. Онъ развивалъ свою тему въ безконечные періоды, всячески измѣнялъ кадансы, употреблялъ самыя блестящія рулады и арпеджіи: ничто не помогало. Эва все смотрѣла въ полъ, студенты были безпокойны. Барониусъ хотѣлъ превзойти самого себя; совершенно ожесточенный, онъ игралъ еще съ болѣшими фокусами и фарсами. Наконецъ даже непріятно стало его слушать.

Тогда сеніоръ далъ знакъ своимъ буршамъ бочарнаго ордена, и вдругъ среди этого безжизненнаго брѣнчанья раздалась веселая, насмѣшливая студенческая пѣсня, уничтожавшая въ прахъ всю искусственность лютниста. Затрепетало сердце при этихъ чистыхъ, задушевныхъ звукахъ; только виртуозу стѣснили они грудь, и онъ хотѣлъ было снова пустить въ ходъ свое *andante amozoso*, когда послѣ перваго куплета наступила краткая пауза. Но питомцы музъ скорѣе бы рѣшились пѣть всю ночь напролетъ, чѣмъ слушать это *анданте* въ его послѣднемъ исполненіи. Наконецъ пѣніе овладѣло и самимъ артистомъ; онъ отложилъ въ сторону свою лютню и сталъ подтягивать въ общемъ хорѣ къ большому удовольствію студентовъ.

По окончаніи пѣнія, они съ восторгомъ вышли за его здоровье. Но когда виртуозъ, нѣсколько остывъ и отдохнувъ отъ своего пораженія, схватилъ опять лютню, тогда студенты затагнули новый хоръ, потому что имъ хотѣлось, во что бы то ни стало, побѣдить музыканта своимъ пѣніемъ. Эта пѣсня хотя и звучала въ свѣтѣ

ломъ и ясномъ дѣрномъ тонѣ, но глубоко трогала сердце и простою напѣва и соответствіемъ его словамъ. Таковы всегда самыя трогательныя народныя пѣсни: въ ихъ мелодіи нѣтъ ни стоновъ, ни завываній, она несется спокойно почти какъ веселое пѣніе, но, въ соединеніи съ грустными словами, звучитъ такъ трогательно, что глубоко потрясаетъ душу слушателя. Студенты пѣли:

«О, какъ быстро пролетитъ
Время буршества златое,
И толпу друзей умчить,
И разгулье удалое!

«Все минуетъ! но подчасъ
Вспомнишь прошлыя мгновенья:
Буршемъ каждый былъ изъ насъ
Только разъ, какъ въ сновидѣньи!

«Пусть же всякій дорожитъ
Этой радостной порою:
Братья-бурши, пролетитъ
Время буршества стрѣлою!»

Бароніусъ сначала молчалъ; потомъ сталъ тихо подпѣвать хору; потомъ взялъ лютню и началъ подыгрывать напѣву въ простыхъ, тихихъ, но дивно-преlestныхъ аккордахъ. Когда пѣніе смолкло, онъ сидѣлъ молча, погруженный въ думу; слезы висѣли на его рѣсницахъ. Онъ вспомнилъ свѣтлое время своего буршества и безпокойную, тревожную настоящую жизнь свою. Пѣніе глубоко потрясло его душу.

Наконецъ, какъ бы пробужденный отъ сна, онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на сеніора и вскричалъ:

— Чтò это такое было?

— Это была музыка, отвѣчалъ его пріятель.

— Это была музыка? повторилъ виртуозъ тихо и задумчиво.

— Да, любезный другъ, истинная музыка, потому что она у тебя самого извлекла слезы.

— А то, чтò я игралъ на лютнѣ, было тоже музыка, истинная музыка?

— Разумѣется, — но отчасти.

— Какъ? только отчасти? развѣ я своими аккордами не погружилъ васъ въ задумчивость, не возбудилъ въ васъ негодованія, не одушевилъ васъ нѣжнымъ чувствомъ любви и дружбы?

— Извини, любезный другъ, возразилъ съ улыбкою сеніоръ, — тутъ была сыграна маленькая комедія. Ты мнѣ такъ часто разказывалъ про Амфіона, Орфея и Аріона, которымъ желалъ бы ты

подражать, и наконецъ про короля Эриха съ его лютнистомъ, что я не на шутку сталъ опасаться, чтобъ ты не спятилъ съ ума. Тогда я подумалъ, что тутъ самое жестокое лѣченье можетъ быть лучшею услугою другу. Вотъ видишь ли, я потому былъ съ тобою такъ жестокъ, что отъ души люблю тебя. Но я долженъ все тебѣ высказать. Ты игралъ сегодня, какъ богъ, въ тысячу разъ лучше, чѣмъ Амѳіонъ и Орфей и тотъ проклятый Датчанинъ, — именно — въ первомъ *andante amogoso* : это была истинная музыка. Но и мы также хорошо играли. Мои орденскіе братья отличные актеры, а также и сестрица Эва. Они мастерски разыграли печальныхъ, свирѣпствовали, какъ одержимые бѣсами, и лобызались, какъ праведники въ елисейскихъ поляхъ. Но все это было притворство и обманъ, все было условлено заранѣе. Когда ты, полный негодованія, свирѣпствовалъ въ струнахъ, мы дивились твоей фантазіи и проворству пальцевъ, но никому бы изъ насъ не пришло въ голову схватить за горло своего товарища, еслибы мы заранѣе не сговорились это сдѣлать. Только одного не успѣлъ я посвятить въ нашу тайну — Фридриха, — онъ — то и былъ твоимъ единственнымъ, непритворствующимъ слушателемъ. Онъ одинъ не стоцалъ, не вздыхалъ, не бѣсновался вмѣстѣ съ нами. Ты счелъ его за осла въ музыкѣ; но ты не правъ къ нему. Онъ человекъ съ натуральнымъ, здравымъ смысломъ, правда, знакомый болѣе съ своими бочками, чѣмъ съ лютнею, но не совсѣмъ покинутый музами, какъ ты предполагаешь. Видишь, онъ опять сюда возвратился, когда мы запѣли нашу пѣсню, потому что изъ этого пѣнія могъ заключить; что мы опять стали разсудительными людьми, тогда какъ передъ тѣмъ убѣждалъ, считая насъ за сумашедшихъ, когда ты слишкомъ расходился на своей лютнѣ.

Измѣненіе страстей на лицѣ Бароніуса въ продолженіе этой рѣчи совершалось гораздо рѣзче и быстрѣе, чѣмъ передъ тѣмъ переходы его на лютнѣ. Наконецъ онъ закусилъ губы, скрѣпился и нѣсколько времени не говорилъ ни слова. Потомъ онъ снова началъ:

— Итакъ, тѣ пѣсни, которыя вы пѣли, были музыка ?

— Да, истинная музыка ! отвѣчалъ сеніоръ такъ твердо и торжественно, какъ будто онъ стоялъ передъ своимъ судьбою и произносилъ показаніе, отъ котораго зависитъ свобода и жизнь.

— А мое *andante amogoso* развѣ нельзя также назвать истинною музыкою ?

— Да, первое, но никакъ не второе. Первое тронуло всѣхъ насъ, тронуло самого тебя, такъ же глубоко, какъ лучшая изъ

нашихъ пѣсенъ. Второе же было до крайности скучно. Самъ подумай ты, знаменитый музыкантъ, — истинная музыка не должна оковывать насъ холоднымъ удивленіемъ, она должна освѣжать, развеселять, согрѣвать душу; да, она должна возбуждать и страсти во всей глубинѣ ихъ, должна такъ потрясать насъ, чтобъ морозъ пробѣгалъ по кожѣ; но если такіе молодцы, какъ ты и твои товарищи, могли бы произвольно и безучастно увлекать насъ ко всякому дѣйствию страсти, то музыка была бы тогда не божественнымъ искусствомъ, — она была бы самымъ опаснымъ орудіемъ ада, даннѣмъ когда-либо въ руки человѣка. Тогда бы должно было стараться, съ ревностію Сципіона и Катона, изгонять ее изъ государства..... Но ты меня не слушаешь!

— Нѣтъ, я думаю, воскликнулъ музыкантъ, вскочивъ съ мѣста, и щеки его снова запыхали румянцемъ, большіе глаза снова заблестали по прежнему, когда онъ воображалъ, что уже сравнялся съ лютнистомъ короля Эриха. — Я во всемъ согласенъ съ тобою, я былъ глупецъ, и благодарю тебя за это лѣченье огнемъ и желѣзомъ. Но мое первое *andante amogoso* ты все-таки называешь истинною музыкою, не правда ли? Я отовсюду потерпѣлъ поражение, но это *анданте* доставило мнѣ побѣду, которая вполнѣ вознаграждаетъ меня за все.

Онъ обратился къ Эвѣ, которая уже давно подошла съ Фридрихомъ и прислушивалась къ странному разговору.

Онъ сказалъ ей:

— Когда игралъ я свое *анданте*, а ты смотрѣла мнѣ въ глаза, неужели и ты тогда притворялась? Нѣтъ! твой взоръ выражалъ истинную любовь, какъ и мое *анданте* было истинною музыкою. Этотъ взоръ принадлежитъ мнѣ, въ немъ одномъ все лучшее, что приобрѣлъ я сегодня, какъ и тема этого *анданте* есть лучшее музыкальное произведеніе нынѣшняго дня. Но ты молчишь, Эва? О, повѣрь мнѣ, что любовь проникла и въ мое сердце: я никогда бы такъ не игралъ, еслибъ не былъ одушевленъ блаженствомъ первой пробуждающейся любви. Вотъ моя побѣда! вотъ мое приобретеніе отъ нынѣшняго состязанія! Эва! будь моею навсегда, какъ была моею въ то прекрасное мгновеніе!

Эва долго молчала, опустивъ глаза въ землю. Потомъ, собравшись съ мыслями, вдругъ подняла головку и сказала мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ:

— Ваше искусство точно увлекло меня. Я сначала хотѣла только притвориться влюбленною, потомъ съ очаровательною музыкою чувство истинной любви овладѣло мною. Но замѣьте, —

только ваше искусство побѣдило меня, а не вы. Мои взоры выражали истинную любовь, но хотя они и смотрѣли на васъ, мысли мои относились не къ вамъ; они относились къ Фридриху: я украдкой смотрѣла на него, лишь только вы начинали смотрѣть на струны; но онъ этого не замѣтилъ, счелъ шутку за правду и поступилъ такъ неловко и грубо, какъ часто дѣлаютъ мужчины. Но это ничего не значить, заключила она лукаво, взявъ руку Фридриха, — я все-таки знаю чувства его ко мнѣ, да притомъ сегодня надъ нимъ жестоко подшутили.

Фридрихъ, который при началѣ ея рѣчи нѣсколько приунылъ, мало-по-малу сталъ смотрѣть веселѣе, такъ что лицо его было похоже на восходящее солнце, которое наконецъ просіяло въ полномъ своемъ блескѣ.

— Не правду ли я сказалъ? воскликнулъ сеніоръ, обращаясь къ музыканту: — Фридрихъ тупъ на впечатлѣнія; у него всякое чувство развивается четверть часа позже. Теперь только добрался онъ до любви, когда мы ужъ далеки отъ нея.

Бароніусъ сдѣлалъ видъ, что не разслыхалъ этой неумѣстной шутки. Онъ сѣлъ въ отдаленный уголъ. Его душою овладѣла глубокая скорбь. Онъ чуть слышно перебиралъ на струнахъ лютни мелодію, которая подарила его тѣмъ блаженнымъ мгновениемъ. Потомъ онъ отложилъ лютню въ сторону, вскочилъ, сталъ ходить большими шагами по комнатѣ; наконецъ опять подошелъ къ своимъ собесѣдникамъ. Выраженіе лица его было серьезно, почти печально. Но онъ вполне сохранялъ спокойствіе и твердость, достойную мужчины.

Онъ подозвалъ къ себѣ Эву и Фридриха.

— Вотъ видите ли, сказалъ онъ съ кротостію, рѣзко отличающеюся отъ его прежняго повелительнаго тона, — этотъ музыкальный бой такъ вскружилъ мнѣ голову, что я почти забылъ то, что слышалъ не задолго передъ тѣмъ. Вѣдь я стоялъ за вами, когда вы читали мою афишку и говорили о своей любви и о надеждахъ на соединеніе. Все это я забылъ, Фридрихъ; иначе какъ бы я рѣшился думать о твоей Эвѣ? Она тогда же сказала, что еслибъ этотъ лютнистъ зналъ наше горе и былъ истинный христіанинъ, то подарилъ бы намъ эти пятьсотъ гульденовъ, которые пріобрѣлъ въ два часа, чтобъ мы могли выплатить долгъ «Сирены», а самъ въ другіе два часа выигралъ бы еще столько же; онъ составилъ бы наше счастье. Не такъ ли ты говорила, Эва? А Фридрихъ сказалъ, что музыканты рѣдко бываютъ такъ великодушны. Такъ знай же, Эва, что и я христіанинъ; при томъ же мое

имя Бароніусъ, а потому я и хочу поступить, какъ настоящій баронъ. Эти пятьсотъ гульденовъ, вырученные мною вчера вечеромъ, не дьявольскія деньги; онѣ не исчезли, а лежатъ еще въ кассѣ. Если онѣ могутъ составить ваше счастье, то я дарю ихъ вамъ,— тише! никакихъ возраженій! Если вы не возьмете ихъ, то я дарю «Сиренѣ», какъ дому, въ которомъ получилъ я исцѣленіе. Теперь соедините ваши руки и будьте счастливы, и не думайте впередъ такъ дурно о музыкантахъ!

Студенты загремѣли « ура » сначала истинному барону, хотя безъ имени и щита, а потомъ—молодой четѣ.

Фридрихъ и Эва едва могли выразить словами свою благодарность; въ особенности для Фридриха было это очень тяжело. Но зато уваженіе его къ музыканту опять было безграничное, и относилось теперь не къ парикю, бархатному кафтану и прядкамъ, а къ самому человѣку.

— Дайте сюда лучшаго вина! воскликнулъ сеніоръ.—Прочь этотъ обыкновенный напитокъ въ такой торжественный часъ! Дайте сюда бахаракскаго почтенныхъ лѣтъ, самаго лучшаго, какое найдется въ погребѣ! Этотъ проклятый музыкантъ наконецъ таки побѣдилъ насъ, совершенно побѣдилъ. Другъ Бароніусъ! твоя послѣдняя рѣчь была музыка, истинная музыка, превосходнѣйшая музыка, какую только слышали мы сегодня. Кто не напьется въ честь ея, тотъ самый негодный филистеръ. Клянусь Богомъ, этого я не ожидалъ отъ музыканта! онъ можетъ сдѣлать болѣе, чѣмъ играть на лютнѣ и ѣсть хлѣбъ!

— Я пораженъ, сказалъ виртуозъ,—но я прошу васъ, если вы меня любите, подтвердите добросовѣстно, что я сегодня игралъ на лютнѣ такъ, какъ никто изъ васъ не слышалъ, какъ никто въ свѣтѣ не сыграетъ. И не правда ли, друзья, мое *andante amoroso* по крайней мѣрѣ было истинная музыка?

— Разумѣется, разумѣется! воскликнули студенты.—Самая истинная музыка! Кто въ этомъ усумнится, того мы вызываемъ, не на животь, а на смерть. Да здравствуетъ Бароніусъ! да здравствуетъ нашъ Амфіонъ! величайшій лютнистъ всѣхъ вѣковъ! ура!

— Теперь «*Gaudeamus igitur!*» воскликнулъ сеніоръ громовымъ голосомъ.—Бахаракское на столѣ; для такого отличнаго вина нужна и отличная пѣсня!

Хоръ загремѣлъ; но Бароніусъ въ немъ не участвовалъ. Онъ сидѣлъ въ раздумьи, опустивъ голову на руки.

— Что же ты не подтягиваешь? спросилъ его сеніоръ, когда послѣ перваго куплета наступила пауза и зазвучали стаканы.

— Я все думаю о томъ, что такое настоящая музыка. Это еще надолго займетъ меня. Я чувствую какое-то преобразование во всемъ моемъ музыкальномъ еществѣ. Оставь меня въ покоѣ. Я пойду теперь домой и запрусь дня на три, чтобы доискаться, откуда начинается истинная музыка; когда же выйду изъ своей пещеры, тогда буду опять на жизнь и смерть твой прежній веселый Бароніусъ.

— Господи Боже мой! вскричалъ сеніоръ:— вотъ человекъ ищетъ три дня съ фонаремъ настоящей музыки, а мы нашли ее и хранимъ, сами не зная, какъ намъ это удалось! Ну да зато мы и не музыканты.

Потомъ онъ возвратился къ своимъ товарищамъ.

— Далѣе, друзья: «Pereat tristitia!»

Пока студенты пѣли, Бароніусъ удалился. Сеніоръ посмотрѣлъ вслѣдъ за нимъ.

«Славный малый, дьявольски искусный малый и добрая душа, какихъ не много, думалъ онъ про себя, продолжая греющимъ басомъ подпѣвать хору, — но все-таки съ придурью. какъ и всѣ музыканты.»

СЛУГА

СОВРЕМЕННЫЙ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ.

Изъ множества самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, одно, издавна, сдѣлалось любимымъ предметомъ писателей всѣхъ временъ и народовъ: это положеніе слуги. Типы слугъ рисовали гениальною кистью и Шекспиръ, и Мольеръ, и Сервантесъ; надъ этими типами работали и наши лучшіе писатели. Кто не приходилъ въ восторгъ отъ Осипа? Кто не читалъ и не помнитъ восхитительныхъ эскизовъ слугъ всякаго разбора, мастерски набросанныхъ И. С. Тургеневымъ?

А все-таки далеко еще не всѣ типы слугъ схвачены и усвоены литературѣ; многіе изъ нихъ ждутъ новыхъ дѣятелей. Лакей городской и лакей деревенскій, лакей пьяница, хвастунъ, мелкій плутъ, объѣдало и пройдоха, лакей, обманывающій своего добродушнаго барина или помогающій ему въ разныхъ его любовныхъ и другихъ проделкахъ, — всѣ эти видоизмѣненія лакейскихъ типовъ подмѣчены и обрисованы болѣе или менѣе удачно и вѣрно. Но, сколько помнится, типъ лакея не былъ ни разу еще поясненъ отношеніями его къ высоко-просвѣщенному,

талантливому, развитому и во многихъ отношеніяхъ особенно замѣчательному барину. А стоило бы! Во взглядъ слуги на такого барина лакейская натура выступаетъ ярче, со многими своими характеристическими чертами, которыя безъ того остаются въ тѣни и оставляютъ типъ неполнымъ.

Отъ низменной и узкой сферы, въ которой вращается слуга, отъ привычки смотрѣть на міръ Божій изъ передней,—все, даже самое почтенное и достойное, пройдя сквозь голову и сердце лакея, опошляется. Этой судьбы не избѣгаетъ, разумѣется, и баринъ.

Положимъ, баринъ знаменитъ какъ писатель, государственный человѣкъ или ученый. Слава его разносится всюду; всѣ наперывъ стараются увидать, услышать, узнать его, ищутъ съ нимъ сблизиться, считаютъ за особенную честь быть съ нимъ въ дружбѣ. Даже противники и враги, и тѣ не могутъ отказать ему въ уваженіи. Лакей смотритъ на все это съ своей особенной, лакейской точки зрѣнія. Смысла къ нравственно высокому и изящному странно было бы отъ него и требовать. Сверхъ того, онъ чувствуетъ, можетъ-быть и безсознательно, превосходство надъ собою барина, и это превосходство его давитъ. Много ли людей не испытываетъ этого, приходя въ прикосновеніе съ избранными натурами? Но порядочнымъ людямъ это чувство превосходства другаго надъ собою внушаетъ уваженіе, любовь, даже благоговѣніе, въ лакеѣ же оно возбуждаетъ только недоброжелательство и зависть. «Удивительное это дѣло, думаетъ лакей про себя: что бы, кажется, въ баринѣ такого особеннаго? По мнѣ такъ ровно ничего! А чествать. И какъ еще чествать! ужь подлинно, кому какое счастье! За что его такъ ужь черезчуръ любить? За то, что онъ красобай, и за все хватается, и книжки перебираетъ? Это всякій сумѣетъ на его мѣстѣ сдѣлать не хуже его. Заставилъ бы я его комнату вымести, да сапоги почистить или на запяткахъ въ трескучій морозъ потряться, и посмотрѣлъ бы, что изъ него выйдеть. Плохъ бы оказался, навѣрное. То-то и есть, что на легкомъ хлѣбѣ живетъ и такими же, какъ онъ, дармоѣдами прославляется.»

Съ тѣмъ же злорадствомъ и затаенною завистью говоритъ лакей и о красотѣ своего барина, если Богъ надѣлилъ его красотой. Отрицать ея нельзя—онъ и не отрицаетъ. Но вслушайтесь хорошенько въ его отзывы объ ней: вы непременно встрѣтите здѣсь, тамъ, словечко, которое вставляется, чтобъ ослабить похвалу. Нѣтъ, нѣтъ—и ввернуть, что-де у барина носъ красный; а тамъ,

что у него брюхо большое; дальше, что у него зубъ со свистомъ. Если лакей уменъ, эти вставки дѣлаются очень ловко, незамѣтно и кстати, такъ что, посмотришь на слова — хвалить; а общее впечатлѣніе выходитъ невыгодное для барина. Этимъ искусствомъ многіе лакеи обладаютъ въ совершенствѣ, по привычкѣ лицезрѣть.

Если лакей знаетъ барина, когда послѣдній былъ еще очень молодъ, нравственно и даже физически еще не сложился, дѣлалъ ошибки, впадалъ въ заблужденія, отдавался страстямъ, вообще шель въ жизни нетвердою стопой, — вотъ когда надо послушать лакея! Въ разказахъ его о баринѣ въ такихъ случаяхъ обнаруживаются совершенно новыя черты лакейской души, какъ высказываютъ новыя стеклышки при поворотѣ калейдоскопа. Къ злорадству и зависти тутъ присоединяется еще хлестаковская хвастливость, желанье казаться за панибрата съ знатнымъ своимъ бариномъ. «Для васъ баринъ важная птица, думаетъ лакей, и эта мысль проходитъ чрезъ весь его разказъ о молодости барина—а для меня такъ онъ такъ себѣ, дрянъ и больше ничего! Вы его зазнали, какъ онъ человѣкомъ сталъ, а я видалъ его, когда онъ еще мальчишкой былъ и всякія глупости дѣлалъ и шашни за нимъ разныя водились.» Съ этою заднею мыслью разкажетъ вамъ лакей, что его баринъ непрочъ былъ сладко съѣсть и сладко выпить, и что и волокита онъ тоже былъ исправный. Въ доказательство, онъ начнетъ пересчитывать вамъ по пальцамъ, припоминая годы и всѣ мелкія обстоятельства, какъ его баринъ кутилъ и съ Матрешкой, и съ Палашкой, и съ Наташкой, да тутъ же, рядомъ съ ними, назоветъ имена и такихъ лицъ, съ которыми, по всѣмъ вѣроятіямъ, были у барина совсѣмъ другія отношенія, имена, съ которыми, быть-можетъ, связаны самыя чистыя, святыя, самыя дорогія его сердцу воспоминанія молодости. Конечно вы, я, всѣ мы, знаемъ цѣну этихъ разказовъ лакея. Похожденія молодости всѣмъ намъ болѣе или менѣе извѣстны по опыту и не могутъ, разумѣется, измѣнить нашихъ понятій о баринѣ, или ослабить обаяніе драгоцѣннѣйшихъ о немъ воспоминаній. Изъ числа именъ, пестро смѣшанныхъ въ разказѣ лакея, мы сумѣемъ отдѣлить тѣ, которыя человѣкъ нами чтимый и любимый быть-можетъ произносилъ съ уваженіемъ и въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Но дѣло не объ насъ, а объ лакеѣ и его взглядѣ на вещи. Касаясь до всего своими грязными руками, подводя все подъ одинъ уровень пошлости, не умѣя различать порывовъ чувствен-

ности, отъ сердечной страсти, поднимающей чело́вѣка нравственно. лакей своимъ разказомъ возбуждаетъ въ насъ только отвращеніе и, желая изподтишка повредить въ нашемъ мнѣніи своему барину, избличаетъ только дрянныя побужденія своей низменной натуры.

Что при этомъ лакей прежде и больше всего будетъ налегать на недостатки и слабыя стороны барина, это разумѣется само собою.

Недостатки! При этомъ словѣ сколько мыслей и скорбныхъ и утѣшительныхъ подымается вдругъ со дна души каждаго порядочнаго чело́вѣка. Судь слишкомъ строгій, разборъ слишкомъ мелочной въ этомъ отношеніи произносится или юношами, или ограниченными и тупоумными людьми, потому что недостатки и слабыя стороны—общій удѣлъ всѣхъ, безъ изыатія, смертныхъ. Кто не имѣетъ своей ахиллесовой пяты? Притомъ же очень часто, почти всегда, недостатки людей, выдающихся изъ толпы, представляютъ тѣневую сторону тѣхъ самыхъ качествъ и добродѣтелей, которыя снискали имъ уваженіе, любовь, извѣстность и славу, такъ что не будь этихъ недостатковъ, не было бы и этихъ добродѣтелей и достоинствъ. Также нерѣдко недостатки и слабыя стороны суть не болѣе какъ крайнія послѣдствія побужденій и стремленій самыхъ естественныхъ, законныхъ, благородныхъ и почтенныхъ, свойственныхъ однѣмъ избраннымъ натурамъ. Бываютъ недостатки, зависящіе отъ причинъ совершенно случайныхъ или же чисто физическихъ, бываютъ и наследственные недостатки, какъ бываютъ наследственные болѣзни. Много тоже значить, какъ кто самъ смотритъ на свои недостатки: одинъ ихъ вовсе не сознаетъ, другой ими хвастается съ циническимъ нахальствомъ; иной ихъ стыдится и скрываетъ, покоряясь и работая имъ какъ печальной неизбѣжности, которой одолѣть не могъ или не умѣлъ. Стало-быть, самый фактъ существованія или присутствія въ чело́вѣкѣ недостатковъ самъ по себѣ ничего еще не значить. Наконецъ, намъ кажется, что слабыя стороны замѣчательныхъ людей имѣютъ, или по крайней мѣрѣ должны бы имѣть для прочихъ высокое нравственное значеніе. Въ мірѣ нравственномъ это своего рода напоминаніе чело́вѣку, что онъ — земля и въ землю обратится. Уравнивая всѣхъ въ несовершенствѣ, недостатки съ одной стороны умѣряютъ самоуваженіе, какъ бы оно ни было законно,—а съ другой служатъ звеньями, связующими въ одно цѣлое натуры высшаго и низшаго порядка, именно по-

тому, что даютъ реальность, осязаемость высокимъ добродѣтелямъ и талантамъ, которые безъ того принадлежали бы къ области несбыточныхъ сновъ и мечтаній.

Нечего и говорить, что лакей неспособенъ понять всѣхъ этихъ оттѣнковъ и тонкихъ различій. Въ его головѣ отпечатлѣвается только внѣшняя оболочка вещей, подводящая подъ одинъ итогъ самыя разнообразныя явленія нравственной жизни. Продажныя ласки и паденіе вслѣдствіе любви и страсти; человѣкъ упившійся виномъ отъ радости или избытка горя, вслѣдствіе привычки, по болѣзни или случайно, въ одиночку или въ дружеской бесѣдѣ, — все это въ лакейской головѣ носить одно общее названіе, самое пошлое изъ всѣхъ и которое потому всего болѣе подѣлать его пошлымъ понятіямъ; а злорадство и зависть заставляютъ его постараться вывалить въ грязи даже и то, что по общимъ понятіямъ не есть даже слабость и только въ глазахъ лакея имѣетъ видъ чего-то предосудительнаго. Цѣль всѣхъ этихъ усилій — снять съ барина ореолъ славы, разсѣять нимбъ величія, которымъ онъ окруженъ, низвести его до себя. По вашимъ понятіямъ, близость съ замѣчательнымъ человѣкомъ налагаетъ обязанность лучше другихъ понимать его, болѣе другихъ цѣнить и любить; а лакей разумѣетъ это совсѣмъ иначе: въ случайной близости къ барину онъ видитъ только право говорить объ немъ съ пренебреженіемъ, трактовать его ни по чемъ. Оттого и существуетъ давнишнее правило не водить дружбы съ лакеемъ, не фамильярничать съ нимъ, потому что лакей тотчасъ же зазнается и возмечтаетъ, что онъ равенъ съ барининомъ. Для лакея близость и дружба есть патентъ на дерзкое и наглое обращеніе, потому что лакей всюду несетъ съ собою, подобно Петрушкѣ Гоголя, особенный, ему одному свойственный запахъ.

Pn'y a pas de grand homme pour son valet de chambre, говоритъ французская пословица. Талейранъ къ этому прибавлялъ: *parce qu'un valet est un valet*. Великая истина!

Не подумайте однако, что пошлость, злорадство, зависть и хлестаковство одни внушаютъ лакею грязныя разказы и размышленія о баринѣ. Случается, что онъ имѣетъ къ тому и другіе поводы, болѣе близкіе и личные. Иной разъ баринъ, разглядѣвъ попристальнѣе слугу и замѣтивъ за нимъ разныя разности, лишитъ его своего довѣрія, выбрать порядокомъ, а смотря по винѣ, въ припадкѣ справедливаго гнѣва, велитъ пожалуй и со двора прогнать. Какъ же лакею не досадовать и не злиться?

Истинное счастье, что большинство лакеевъ или вовсе безграмотны, или не любятъ писать, и ограничиваются одними разказами, которые погибають въ Леть. Чтò еслибъ они стали писать мемуары? Какъ смерть, они разрушили бы нравственную красоту и на мѣстѣ ея оставили бы гнилой трупъ, который не составляетъ человѣка.

Впрочемъ, утѣшимся! Будь даже много такихъ мемуаровъ, врядъ ли бы имъ удалось выбраться въ печать. Кто жь рѣшится быть ихъ издателемъ?

«*Dixi et animam levavi*», какъ выражается В. В. Григорьевъ въ статьѣ: «Т. Н. Грановскій до его профессорствъ въ Москвѣ». («Русская Бесѣда» 1856. IV.)

С.-Петербургъ.
3-го января, 1856 года.

К. КАВЕЛИНЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

НА СМЕРТЬ И. И. ГЛІНКИ

Еще печаль! опять утрата!
Опять вопросъ въ душѣ занялъ
Надъ прахомъ бѣднаго собрата —
Куда жь онъ шелъ? зачѣмъ онъ жилъ?

Уже ль затѣмъ, чтобъ сердца муки
На пѣсни намъ перевести,
Намъ дать въ забаву эти звуки,
И — неразгаданнымъ уйти!...

Я эти звуки повторяю,
Но пѣснямъ, милымъ съ давнихъ дней;
Уже иначе я внимаю...
Онѣ звучать уже полнѣй,

Какъ будто въ нихъ теперь, всецѣло,
Вошла, для жизни безъ конца,
Душа оставившая тѣло
Ихъ бездыханнаго творца...

А. Майковъ.

В О Р О Н Ъ

Надъ колыбелью лампа горитъ ;
Ночью, въ тиши безмятежной,
Мать молодая надъ сыномъ сидитъ,
Смотритъ на спящаго нѣжно.

« Спи, ненаглядный ! пока надъ тобой
Носятся свѣтлыя грезы.....
Кто мнѣ откроетъ : что въ жизни земной
Ждетъ тебя — радость иль слезы ?

По лѣсу вѣтеръ завылъ, за окномъ
Каркаетъ воронъ дубравный :
Твой ненаглядный въ оврагъ лѣсномъ
Будетъ намъ пищею славной.

Ө. Миллеръ.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1.

— Черти! окаянные! что не освѣтите! куда всѣ разбѣжались, точно псы какіе! разбудилъ меня чей-то незнакомый голосъ, на третій день вечеромъ нашего путешествія.

Лошади, изрѣдка мотая головами, побрякивали бубенчиками, заиндевѣлый воротникъ моей шубы мазнулъ меня непріятно по лицу, и ясное, морозное небо блистало звѣздами, когда я высунула голову изъ повозки, стоявшей на дворѣ довольно тѣсномъ, окруженномъ строеніями. Лиза съ усиліями вылезала изъ кучи подушекъ, заспавшаяся Дуняша была неспособна подать ей помощь; человекъ нашъ разсудилъ прежде вытаскивать узлы, вѣроятно думая, что мы не пропадемъ, всегда успѣемъ выйти.

На крыльцѣ, съ сальной свѣчей, воткнутою въ широкодонный мѣдный подсвѣчникъ, стояла женщина и произносила вышеприведенныя ругательства. Свѣтъ отъ огня падалъ на ея голову, повязанную темнымъ платкомъ, и освѣщала дурное, рѣзкое, но не злое лицо съ бойкими глазами.

— Ну, вылезай Геничка! сказала Лиза.

Я съѣлаа безсильную попытку и опять упала въ повозку. Всѣ члены мои будто онѣмѣли, а ворохъ одежды путалъ меня.

Лиза захохотала. Опомнившись Дуняша подала мнѣ руку, чтобъ высадить меня, а прибѣжавшій долговязый лакей довершилъ ея предпріятіе.

— Чтò вы это, окаянныя! — заговорила женщина, стоявшая со свѣчой, обратясь къ лакею, — куда запропастились? натка! дѣтей некому изъ повозки высадить! совѣсти-то въ васъ нѣтъ!

— Нельзя было, Степанида Ивановна, десертъ подавали. Да вѣдь они не къ парадному крыльцу подъѣхали.

— Не къ парадному—такъ и не надо выйдти высадить! Полно, полно, чтò ты это врешь-то!—трубку чай сосалъ, безсовѣстная башка!

— Только ругается!..

— Пожалуйте сударыни сюда, у насъ гости; ужь не прогнѣвайтесь, оттого къ дѣвичьему крыльцу и подъѣхали. Пожалуйте, перезабли чай. Сейчас самоваръ поставимъ, — говорила намъ Степанида Ивановна, идя впереди.

Мы вошли сперва въ теплую дѣвичью, наполненную горничными, потомъ въ небольшую комнатку, названную Степанидой Ивановной чайной; два шкафа съ чайными чашками и три самовара на большомъ кругломъ столѣ оправдывали это названіе.

Скинувъ съ себя все лишнее, мы сѣли на кожаный диванъ, единственную мебель комнаты. Тутъ только Степанида Ивановна, остановясь передо мной, устремила на меня любопытный, проницательный взоръ.

— Крошечную еще видѣла! воскликнула она съ умиленіемъ, — а теперь вонъ, ужь большая барышня стала! чтò тетенька-то Авдотья Петровна здорова-ли? Чай состарѣлась ужь? Ну, да вѣдь и годковъ-то не мало: я дѣвчонкой была, а онѣ ужь были въ порѣ... Чтò маменька-то ваша здорова-ли, Лизавета Николавна?

Получивъ удовлетворительные отвѣты на всѣ пункты, Степанида Ивановна занялась принесеннымъ бурливымъ самоваромъ и напоила насъ горячимъ, душистымъ чаемъ, во все время разливанья котораго, она неумолкаемо говорила, изрѣдка прерывая какою-нибудь выразительною бранью къ прислуживавшей дѣвочкѣ свои разказы, изъ которыхъ мы узнали всю исторію ея жизни:

какъ оторвали ее молодехоньку, отъ отца-матери и отдали въ приданое за Татьяной Петровной; сколько она горя натерпѣлась, и какъ она получила призваніе остаться въ дѣвцахъ и отвергла блистательныя партіи: баринова камердинера Василья и дворецкаго Прохора, но что въ послѣдствіи раскаялась: « Правда, что въ дѣвкахъ меньше горя, меньше заботъ, дѣтей нѣтъ, сердце не болитъ, сама не связана: «одна голова—никогда не бѣдна»... Но зато незамужнюю—всякій обидитъ, а замужемъ, какъ за каменною стѣной».

— Нѣтъ, матушки-барышни, будутъ хорошіе женихи, съ Богомъ выходите... Вотъ ужъ у этой есть на примѣтъ, продолжала она, обратясь къ Лизѣ и слегка касаясь рукой ея платья.

Лиза стыдливо улыбнулась.

— На дняхъ обѣщаль быть, у родныхъ гостить. Чтò? небось, сердечко-то ёкаетъ? Не теряй счастья, вѣдь на маменькино-то состояніе нечего надѣяться. А человекъ онъ умный, хорошій, ну, и генералъ его любитъ...

— А не знаете, Степанида Ивановна, получилъ онъ мѣсто? съ живостью спросила Лиза.

— Нѣтъ еще, но обѣщаютъ скоро дать. Ну, вѣдь генералъ его очень любитъ. — Чтò ротъ-то разинула? убирай чашки! — Послѣднія слова относились къ заслушавшейся дѣвочкѣ, которая бросилась къ столу и стала мыть и перетирать чашки.

— Тетенька желаютъ васъ видѣть, барышни, сказала вошедшая въ комнату, кислая, худая фигура уже знакомой мнѣ горничной Татьяны Петровны, пріѣзжавшей съ ней въ нашу усадьбу.

— Да всѣ ли разѣхались гости, Анна Васильевна? спросила Лиза:—вѣдь мы по дорожному одѣты.

— Всѣ разѣхались. Нилъ Иванычъ да Антонъ Силычъ у насъ еще, да они не взыщутъ.

— Ну, старики, ничего, сказала Лиза.—Чтò они все также жуютъ, да до полуночи въ карты бьются?

— Чтò имъ дѣлать-то больше-съ, вяло отвѣчала Анна Васильевна,—одно занятіе.

— Пойдемъ, Геничка! Вѣдь Татьяна Петровна поздно ложится; она поговоритъ съ нами, да вѣрно скоро и отпуститъ спать. А правду тебѣ сказать, я ужасно устала, да и у тебя глаза закрываются... Гдѣ они сидятъ?

— Въ портретной-съ. Вотъ я вамъ посвячу, въ коридоръ огня-то нѣтъ.

Мы послѣдовали за Анной Васильевной до дверей портретной, откуда слышался громкій и твердый голосъ Татьяны Петровны и какіе-то хриплые, шипящіе голоса ея собесѣдниковъ.

Портретная была небольшая, четверугольная комната, принимавшая довольно мрачный характеръ отъ семейныхъ, большаго размѣра портретовъ, висѣвшихъ на стѣнахъ ея и угрюмо глядѣвшихъ изъ темнаго фона. Тутъ были большею частію мушоны въ екатерининскихъ и павловскихъ мундирахъ; изъ женскихъ только Татьяна Петровна, молодая, въ пудрѣ и кружевахъ, красовалась надъ диваномъ, да еще незнакомое лицо молодой, очень красивой женщины, дальней нашей родственницы, какъ узнала я послѣ. Ни лицамъ, ни положеніямъ ихъ, художникъ не позаботился придать ни малѣйшаго выраженія жизни. Однако глаза у нихъ были такіе, что такъ, казалось, и *смотрѣли* на васъ. Это была одна изъ причинъ, почему Лиза, судя по ея разказамъ, боялась входить одна въ портретную, въ сумерки или при слабомъ освѣщеніи.

При входѣ нашемъ, Татьяна Петровна обратилась къ намъ и сказала:

— А, дорогія гостейки! милости просимъ...

Она поцѣловала меня холодно и чопорно.

Два старика, сидѣвшіе съ ней около стола, положивъ карты, вперили въ насъ любопытные взоры. Одинъ изъ нихъ былъ худъ и сгорбленъ, съ мутными глазами и выдавшеюся впередъ нижнею челюстью; другой плѣшивъ, краснощекъ и довольно бодръ, съ маленькими быстрыми черными глазками. Худенькій старичокъ, Нилъ Ивановичъ, прищепывалъ и говорилъ тихо; зато Антоновъ Силычъ заговорилъ съ нами хриплымъ басомъ.

— Подойдите сюда, сударыня, сказалъ онъ мнѣ, — дайте поцѣловать вашу ручку. Я тетеньку вашу, Авдотью Петровну, зналъ еще молодою, волочился даже за ней... хе, хе, хе! здорова ли ужъ она? Ужъ теперь, я думаю, не пойдетъ танцевать экосезъ! хе, хе, хе! — Совершенный цвѣточекъ! прибавилъ онъ поднося свѣчку къ самому моему носу... — Дайте еще поцѣловать вашу ручку...

— Вы сударыня, не вѣрьте ему — укуситъ, сказалъ Нилъ Ива-

вычь и беззвучно засмѣялся, приче́мъ глаза съѣжились такъ, что образовали чуть замѣтныя свѣтленькія точки.

— А ты бы и радъ укусить, да зубо́въ нѣтъ... Хе, хе, хе!

Татьяна Петровна между тѣмъ разговаривала съ Лизой, получившею послѣ также свою долю любезности отъ стариковъ.

Вскорѣ Татьяна Петровна простилась съ нами на сонъ грядущій.

Насъ положили въ большую, довольно холодную комнату. Меня, привыкшую спать при свѣтѣ лампадки, непріятно поразили потемки. Едва я открывала глаза, какъ въ этомъ черномъ морѣ мрака, окружавшаго меня, начинали показываться незнакомыя лица, съ неподвижными чертами и ярко сверкающими глазами. Вѣроятно это было слѣдствіе волненія отъ дороги и усталости.

Завернувшись въ одѣяло, я не имѣла силъ произнести ни одного слова, а еслибъ и могла, то чувствовала, что звукъ собственнаго моего голоса испугалъ бы меня еще болѣе. Лиза не успѣла прилечь, какъ уже крѣпко уснула, и дыханіе ея раздавалось мѣрно и ровно въ тишинѣ.

Наконецъ и я уснула, но самымъ безпокойнымъ сномъ; все видѣнное и слышанное мною перепутывалось въ воображеніи и принимало странныя, подчасъ уродливыя виды и оттѣнки: то казалось мнѣ, что повозку нашу опрокинули, и я тону въ снѣжномъ сугробѣ; то Антонъ Силычъ гонится за мной съ явнымъ желаніемъ укусить, и я бѣгу отъ него въ портретную, гдѣ оживаютъ и выходятъ изъ рамъ видѣнные мною портреты, окружаютъ меня, протягивая ко мнѣ руки и произнося невнятные рѣчи...

Лучъ восходящаго солнца, падавшій мнѣ прямо на глаза въ незавѣшенное окно, разбудилъ меня и разогналъ всѣ обманчивыя сновидѣнія. Я встала и сѣла у окна, изъ котораго видно было множество крышъ, зеленыхъ и красныхъ, освѣщенныхъ розовымъ блескомъ морознаго утра. Волнующіеся голубые клубы дыма, неясный говоръ пробуждающейся улицы, погрузили меня въ неопредѣленное раздумье.

Мысль моя понеслась къ тетушкѣ, ясно представила мнѣ ее, въ бѣлой косыночкѣ, передъ чайнымъ столомъ. — «Нѣтъ моей Геннички!» будто слышалось мнѣ, и неодолима грусть разлилась въ моемъ сердцѣ; я заплакала.

Такъ сидѣла я, предаваясь теченію мыслей, пока не пріотворилась дверь нашей комнаты и не выглянула сперва голова Степаниды Ивановны, а потомъ и вся ея особа.

— Ай-да ранняя птичка! вскричала она. — Натка! сидить ужъ подъ окошечкомъ. Съ добрымъ утромъ матушка! прибавила она, — каково спали-почивали?

— Здравствуйте, Степанида Ивановна!

— Али вамъ не покойно было?

— Нѣтъ, очень покойно, да вѣдь я привыкла рано вставать.

— Ну, да вѣдь тетенька-то, я думаю, и ложится пораньше нашего; а унасъ порядокъ-то вѣдомъ, матушка, вонъ какой: когда такъ часовъ до трехъ наша-то заиграется, а ты все и дежуришь до свѣту; такъ иногда, грѣшные люди, и попроспимъ... Вишь, какая бѣлянка, сказала она, отстраняя слегка воротъ моей сорочки. — вся въ маменьку бѣлизной! Красавица была. Любила меня покойница... Лизавета Николаевна! пора вставать сударыня, ужъ барыня проснулась. Самоваръ скоро подадутъ.

Лиза зѣвнула и приподнялась.

— Здравствуйте, Степанида Ивановна!

— Съ добрымъ утромъ, сударыня!

— Степанида Ивановна! пошлите къ намъ Дуняшу.

— А вотъ сейчасъ. Вѣдь и мнѣ пора, поваръ чай ждетъ.

Вскорѣ мы предстали передъ Татьяну Петровну.

Она сидѣла за чайнымъ серебрянымъ приборомъ и съ важностью и вниманіемъ аптекаря, приготовляющаго какое-нибудь сложное лѣкарство, клала порцію чая въ чайникъ. Передъ ней подобострастно сидѣла какая-то постная женская фигура съ острѣлымъ носомъ и недовольною миной. Это была ея компаньонка Амфиса Павловна, дѣвица лѣтъ сорока на видъ, но увѣрявшая, какъ сказывала Лиза, что ей только двадцать пять. Жидкіе волосы ея были жирно примазаны и такъ гладко причесаны, что голова ея будто оклеена была темною тафтой.

Наканунѣ мы не видали ея, потому что она была въ гостяхъ.

— Вотъ и гости мои! обратилась къ ней Татьяна Петровна, поздоровавшись съ нами.

Амфиса Павловна подошла ко мнѣ и со словами: «очень пріятно познакомиться!» облобызала меня.

— Ты, Геничка, будь съ ней осторожна, сказала мнѣ Лиза, какъ

скоро остались мы съ ней однѣ, — это такая змѣя, сейчасъ насилетничаютъ.

Татьяна Петровна приказала сшить мнѣ два приличныя платья, на присланныя со мной тетушкой деньги, и потому вскорѣ я могла, уже не краснѣя, занять мѣсто въ ея гостиной, гдѣ изрѣдка появлялась какая-нибудь нарядная гостя большаго губернскаго свѣта, заѣзжавшая послѣ поздней обѣдни, а по вечерамъ собирались Нилъ Ивановичъ, Антонъ Силычъ и двѣ или три пожилыя пріятельницы. Съ прочими Татьяна Петровна была знакома только по визитамъ, для поддержанія вѣса въ обществѣ.

Татьяна Петровна, я думаю, не могла не чувствовать нѣкотораго удовольствія, когда за пальцами, въ ея пустой диванной, помѣстились два молодых, веселыя существа. Не думаю, чтобы ей, какъ ни черства она была по наружности, была противна наша тихая между собою болтовня и дружный смѣхъ, на который она и сама иногда благосклонно улыбалась. Она нерѣдко, съ худо-скрытою досадою, высказывала свое мнѣніе, что мать моя сдѣлала большую ошибку, поручивъ мое воспитаніе моей тетушкѣ.

— Конечно, говорила она, — сестрица добра и нельзя отнять у ней многихъ достоинствъ, но не по ея характеру и не съ ея средствами воспитывать молодую дѣвушку хорошей фамиліи. У меня Геничка была бы совсѣмъ другая. Танцовать не умѣеть, по-французски не говорить! Жалости достойно! Теперь она конечно этого не чувствуетъ, а вѣдь кто знаетъ? можетъ-быть ей придется жить и въ свѣтѣ: тогда пріятно ли будетъ?

— Тетушка, сказала я, — будьте столько добры, поучите меня французскому языку!

— Отчего же нѣтъ? отвѣчала она, — хоть и поздно, но если будетъ свое стараніе, ты еще можешь сколько-нибудь успѣть.

.Иза не мало ворчала на меня за эту выходку.

— Вотъ, говорила она, — очень нужно было навязать себѣ такую заботу, учи на память, пиши да переводи; да я бы тысячи рублей не взяла. Будто безъ французскаго языка нельзя прожить весело! Я удивляюсь, Геничка, что у тебя за страсть учиться. Мнѣ и Павла Ивановича уроки такъ надоѣли до смерти. Одна ариеметика, бывало, съ ума сведеть.

Я училась усердно и успѣшно, опережая уроки Татьяны Пе-

трованы, легко и скоро перешла трудности первоначальныхъ правилъ и заслужила не только одобреніе, но и удивленіе учительницы.

Наконецъ, послѣ недѣльнаго нашего пребыванія у Татьяны Петровны, пріѣхалъ и женихъ Лизы, задержанный прежде каникулами-то дѣлами.

Это былъ небольшого роста молодой человекъ, съ одною изъ тѣхъ неопредѣленныхъ фizioномій, о которыхъ, когда видишь ихъ въ первый разъ, думается, что гдѣ-то мы встрѣчали ихъ прежде. Онъ былъ не глупъ, веселаго характера и имѣлъ пріятный голосъ; цѣловалъ у Татьяны Петровны ручки, называлъ меня сестрицей, хотя я рѣшительно не могла понять, съ которой стороны я приходилась ему съ родни. Ждали только генерала, чтобъ сдѣлать формальную помолвку, ибо Лиза уже отпраздновала день своего рожденія, въ который ей минуло шестнадцать лѣтъ. На свадьбу выписывали и Марью Ивановну.

Татьяна Петровна оказывала особенное расположеніе къ жениху, называла его Федюшей и давала ему тысячу мелочныхъ порученій, которыя онъ выполнялъ исправно.

Дѣвичья была завалена лоскутками отъ шившагося приданого, на которое Амфиса Павловна поглядывала съ худо-скрытою завистью. Я смотрѣла на всѣ эти приготовленія съ безотчетнымъ любопытствомъ. Мысль о супружествѣ въ первый разъ ясно пришла мнѣ въ голову со всѣмъ ея важнымъ и страшнымъ значеніемъ. Я втайнѣ удивлялась спокойствію Лизы, которая такъ легко, будто шута, брала на себя великую отвѣтственность составить счастье другаго человека. Иногда же, глядя на всю суматоху, окружавшую невѣсту, на вниманіе къ ней всѣхъ и каждаго, на праздничный видъ, который она разливала вокругъ себя, я думала, что быть невѣстой весело...

Пріѣхалъ и генералъ, столь нетерпѣливо ожидаемый, плотный, плечистый старикъ, съ широкими черными бровями и съ сильною сѣдиной въ густыхъ волосахъ, принявшихъ отъ нея стальной цвѣтъ. Голосъ у него былъ рѣзкій, скрипучій, глаза живые и веселые.

Татьяна Петровна встрѣтила его, какъ роднаго. Онъ даже остановился у нея въ домѣ. На меня онъ мало обращалъ вниманія.

Наступилъ день помолвки. Призванъ былъ священникъ, освѣщена большая зала, приглашены были кое-кто изъ знакомыхъ, которые съѣхались къ девяти часамъ вечера.

Въ девять часовъ, Лиза, вся въ бѣломъ, выведена была торжественно Татьяной Петровной изъ внутреннихъ комнатъ. Она и женихъ, въ новомъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, поставлены были посрединѣ. Священникъ прочиталъ молитву и обрядъ обрученія былъ совершенъ. Послѣ начались поздравленія, подавалось шампанское.

Съ тѣхъ поръ, какъ подруга моя приняла великое званіе невѣсты, интересы наши, съ каждымъ днемъ, расходились все больше и больше. Къ ея жениху я не чувствовала ни малѣйшей симпатіи и не могла тепло и сердечно войти въ эту новую ея привязанность. Съ утра до вечера она была занята или съ своимъ женихомъ, или примѣриваньемъ новыхъ платьевъ. Все это удаляло насъ другъ отъ друга и поселяло во мнѣ чувство невольнаго, грустнаго отчужденія. Итакъ я все болѣе и болѣе погружалась душой въ то неопредѣленное, тягостное одиночество, которое еще тяжелѣе налегало на меня, когда я бывала окружена посторонними.

Я не могла сойтись дружески ни съ одною изъ немногихъ знакомыхъ дѣвицъ, хотя всѣ онѣ были очень любезны со мной. Странное дѣло! въ домѣ моей тетушки, будучи почти ребенкомъ, я казалась старѣе своихъ лѣтъ; теперь же, когда я была почти взрослою, всѣ считали меня ребенкомъ. Можетъ-быть, причиной этому была моя неловкость и неопытность въ жизни, придававшая, вѣроятно, лицу моему выраженіе дѣтской робости.

Татьяна Петровна написала къ моей тетушкѣ письмо, въ которомъ ясно и положительно доказала необходимость, для моей же пользы, оставить меня еще на нѣсколько времени въ ея домѣ; моя тетушка, не безъ горя, но со всею покорностью благоразумной, чуждой всякаго эгоизма, привязанности, согласилась на это.

Я облила слезами письмо доброй тетушки и покорилась новому испытанію. Мнѣ хотѣлось домой; мнѣ до смерти надоѣла жизнь у Татьяны Петровны, гдѣ ни одинъ отраднѣйшій лучъ не согрѣвалъ души моей, гдѣ самыя привязанности были холодны и странны, и выражались съ какою-то боязнью и принужденностью.

. Во снѣ и въ мечтахъ улыбался мнѣ мирный уголокъ , откуда вѣяло на меня любовью и тишиной ; тамъ все было мнѣ дорого, близко и знакомо ; тамъ была я хозяйка , здѣсь дѣвочка , взятая погостить , которой на каждомъ шагѣ дѣлають одолженіе.

Истинною для меня радостью былъ прїѣздъ доброй Марьи Ивановны , которая также не легко оставляла гнѣздо свое и вполнѣ сочувствовала мнѣ.

— Не дождешься, когда домой-то! говорила она на третій день своего прїѣзда, въ сумерки, сидя въ чайной на кожаномъ диванѣ, — въ гостяхъ хорошо , а дома лучше ! то ли дѣло ! здѣсь сиди на вытяжкѣ ! Всѣмъ бы хорошо, да церемонно больно: вотъ, напаяли-вай платокъ да хорошій чепецъ. Теперь маменька, я думаю, за чаемъ , а здѣсь скоро ли дождешься? въ девятомъ часу пьютъ ! А ужъ эти поздніе обѣды, такъ хуже мнѣ всего ! Ты еще долго про-будешь здѣсь, Геничка ?

— Да, отвѣчала я со вздохомъ, — мнѣ хочется учиться.

— Трудно тебѣ, мой другъ, вѣдь ужъ ты не маленькая ! Вотъ, судьба-то ! одну замужъ выдаютъ, другую за книгу сажаютъ... Хорошо еще, что охота есть. Маменька затоскуется по тебѣ. А вѣдь она предобрая, обратилась Марья Ивановна къ подходившей Степанидѣ Ивановнѣ, указывая на меня.

— Да въ кого злой-то ей быть! подхватила та:—и маменька-то ея была предобрая , царство ей небесное ! Да, вотъ , все только не весела что-то. Али съ подруженькой-то жаль разстаться ?

— Какъ, я думаю, не жаль, Степанида Ивановна? сама посуди, росли вмѣстѣ, замѣтила Марья Ивановна.

Въ это время подошла къ намъ Лиза.

— Что? гдѣ женихъ-то твой, Лизавета ?

— Съ Татьяной Петровной уѣхалъ ко всеюнощной, отвѣчала та недовольнымъ тономъ.—Да что это вы, маменька, здѣсь усѣлись, пойдемте въ залу; на меня такой страхъ напалъ , какъ одна осталась....

— А что, развѣ *показалось*? съ таинственнымъ любопытствомъ спросила Марья Ивановна.

— Я въ этой портретной до смерти боюсь, точно что въ углахъ шевелится...

— Чтѣ мудренаго! Вѣдь во многихъ домахъ *кажется*... У васъ, Степанида Ивановна, этого нѣтъ?

— Какъ вамъ сказать, Марья Ивановна? сама я ничего не видала, а сдается какъ-будто въ портретной что-то нечисто. Агашка разъ пошла за барыниной табатеркой, въ сумерки, да и, говорить: не помню себя, какъ пришла, ноги задрожали; точно, говорить, по обоямъ-то кто руками шаркаетъ, да какъ я, говорить, выбѣжала, такъ вслѣдъ-то мнѣ о-охъ, точно кто вздохнулъ.

— Господи Іисусе! тихо произнесла Марья Ивановна.

— Да меня хоть убей, сказала Лиза,—я теперь ни за что не пойду одна въ эту портретную,

— А кто знаетъ, можетъ, и душа чья-нибудь требуетъ покаянія. Вѣдь, вотъ, говорятъ, Геничка, прадѣдушка твой умеръ не своею смертью... подсыпали ему... жена-то свела съ какимъ-то молодцомъ интригу...

— Чтò это вы, маменька, какія страсти рассказываете! Эдакъ, пожалуй, и ночью приснится.

— А ты перекрестись, отвѣчала Марья Ивановна.

— О-охъ, грѣхи людскіе! воскликнула Степанида Ивановна: —чего не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ...

— Чай и ты слыхала, Степанида Ивановна?

— Слыхала, сударыня. Рассказывала покойная мачиха, больно стара была. Точно, говорятъ, это дѣло было нечисто, взяла на душу покойница великій грѣхъ!

— Да, вотъ оно какъ! произнесла Марья Ивановна.—Нѣтъ, какъ въ одной деревнѣ чудо-то было: женщина нечистаго родила!..

— Господи помилуй! воскликнула въ свою очередь Степанида Ивановна.—Какъ же это?

— А вотъ какъ: не было у ней дѣтей, а мужъ-то ее не любилъ; какъ напьется, такъ бить да корить ее тѣмъ, что дѣтей у нея нѣтъ; отъ тебя, говорить, и Богъ-то отступился. И молилась она, и обещанья давала, а дѣтей все не было; стала она тосковать, задумала утопиться. Сидитъ разъ вечеромъ одна, и говорить: «хоть бы, говорить, не нашъ то помочь». Не успѣла она это, мать моя, выговорить, какъ дверь въ избу растворилась и вошелъ мущина — высокій, черный, безобразный! «Ну, говорить, будутъ у тебя дѣти, только ты, говорить, до году на ребенка креста не надѣвай, а то худо тебѣ будетъ...

Вотъ, и оберемѣла баба, родила сына и креста на него не надѣла. Только ребенокъ необыкновенный, глаза горять, какъ уголья; какъ никого нѣтъ, выльзетъ изъ колыбели да подъ печку и лѣзетъ. Недалеко и до году: разъ, мать прядетъ одна у люльки, а онъ вдругъ и говорить: «мама! я тебя съѣмъ!» да и въ другой разъ: «мама! я тебя съѣмъ!..» И взявъ такой ужасъ эту бабу — упала она передъ образомъ со слезами: «Господи! говорить, прости мое согрѣшеніе!..» Во время ея молитвы дверь въ избу опять отворилась, вошелъ старичокъ, весь сѣдой, какъ луна, и лицо благообразно. — Я, говорить, помогу твоему горю, только молись Богу; окропи, говорить, ребенка богоявленскою водою, да молчи, что бы ни случилось, а черезъ годъ родишь ты младенца, дай ему имя Николай, въ честь чудотворца Николая. Старичокъ, какъ сказалъ это, такъ и пропалъ. Баба взяла богоявленской воды, окропила младенца и промолвила: «исчезнители, окаянный!» А тотъ захохоталъ да молвилъ страшнымъ голосомъ: «Ну, счастлива!» и вспыхнулъ, вмѣстѣ съ люлькой, синимъ пламенемъ. Баба упала безъ памяти, а какъ очнулась, то въ избѣ ни люльки, ни ребенка не было, только сѣрой пахло.... Поблагодарила она Бога, а черезъ годъ принесла младенца, назвала его Николаемъ, и мужъ сталъ любить, и все пошло хорошо.

— Ну, Марья Ивановна, эку вы страсть разказали! Да вотъ оно что значить молитва-то! Батюшка Царь Небесный милуетъ насъ грѣшныхъ, а мы вотъ въ грѣхъ сгорѣли. Хоть бы моя жизнь: служишь, служишь, а вѣдь иногда Татьяна Петровна такъ обидитъ, что только всплачешь горько передъ образомъ, и легче станетъ; ровно кто шепчетъ: ну, Степанида, не плачь, потерпи...

— Степанида Ивановна! свѣчекъ пожалуйте, произнесъ слуга такъ неожиданно, что мы всѣ вздрогнули.

— Чего-о? вскричала Степанида Ивановна голосомъ, не похожимъ уже на голосъ кающейся грѣшницы.

— Свѣчекъ пожалуйте; двѣ свѣчки: въ фонарь да въ прихожую.

— А огарки гдѣ?

— Догорѣли.

— Какъ догорѣли? Врешь ты все! когда имъ догорѣть? куда вы ихъ дѣли?

— Куда ихъ дѣть? я ихъ не съ кашей ѣмъ.

— Не съ кашей ѣмъ! Чай, въ три листика цѣлую ночь бились, окаянные!

— Вы видѣли что ли?

— Молчи же, нехорошая харя! ужь, право, барынѣ пожалуюсь, право, пожалуюсь, кричала она, выходя изъ комнаты и звуча ключами.

— Вишь, какая у насъ хорошенькая! проворчалъ ей вслѣдъ слуга, которому, вѣроятно, очень не понравились слова: «нехорошая харя».

Брань для Степаниды Ивановны была то же, что пища для желудка, свѣтъ для глазъ. Отними у нея способность браниться, она непременно впала бы въ хандру и занемогла. Брань была исходомъ всѣхъ ея горестей, разрѣшеніемъ всякаго мрачнаго расположенія духа. Пока Степанида Ивановна бранилась, можно было быть увѣреннымъ, что она не сдѣлаетъ никакого существеннаго зла. Она никогда не сердилась, не дулась, не питала ненависти, но бранилась, бранилась постоянно... Сама прислуга уже привыкла къ этому, какъ къ необходимому очищенію ежедневныхъ грѣшковъ, и я увѣрена, что еслибъ въ одинъ «прекрасный» день брань Степаниды Ивановны перестала раздаваться въ дѣвичьей и коридорѣ, сердца горничныхъ и слугъ наполнились бы невообразимымъ безпокойствомъ и страхомъ. Сальный огарокъ, лишняя горсть муки, лишняя ложка масла, при выдачѣ повару, все дѣлалось предметомъ ея ворчанья, все вызывало ея негодованіе и общанія пожаловаться барынѣ, — общанія, которыя, въ продолженіе двадцати лѣтъ, почти никогда не сбывались.

На дворъ въѣхалъ возокъ.

— Видно Татьяна Петровна пріѣхала, сказала Марья Ивановна, — подите ее встрѣчать, а я погода приду.

Мы пошли въ залъ и не мало удивились, когда, вмѣсто Татьяны Петровны, увидали незнакомаго господина, высокаго роста, уже пожилаго, щеголевато одѣтаго. Нахмуренный видъ и сверкающіе глаза заставили насъ остановиться въ недоумѣніи посреди залы.

— Дома Татьяна Петровна? спросилъ онъ довольно грубо.

— Нѣтъ, она еще у всенощной и вѣрно скоро возвратится.

— Ну, сказалъ онъ, — такъ я ждать ее не буду. А вы, пожалуста

скажите, что прїѣзжалъ къ ней господинъ въ парикъ, котораго она, вѣрно, была бы рада видѣть.

— Да она скоро возвратится, сказала я.

— А вы, лапки, кто такія? спросилъ онъ насъ.

Лиза посмотрѣла на него изумленными глазами и медлила отвѣчать.

— Я племянница Татьяны Петровны, Евгенія Р., а это дѣвица М.

Господинъ еще разъ окинулъ насъ орлинымъ взоромъ, потомъ сдѣлалъ шагъ впередъ, взялъ меня обѣими руками за голову и поцѣловалъ въ лобъ; то же самое сдѣлалъ и съ Лизой.

— Мы съ батюшкой твоимъ когда-то друзья были, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — но послѣ разошлись и я обронилъ его изъ сердца навсегда, потому что человекъ, въ которомъ я обманусь или усомнюсь хоть разъ въ жизни, умираетъ для меня. Но это не помѣшаетъ тебѣ открыть въ душѣ моей источникъ таинственнаго, высокаго влеченія къ юной душѣ твоей. И ты, душка, приглянулась мнѣ, обратился онъ къ моей подругѣ, еще разъ поцѣловалъ насъ въ лобъ и вышелъ, говоря: — Скажите Татьянѣ, что я еще буду у ней.

Съ минутой оставались мы безмолвны, подъ вліяніемъ неожиданной, странной встрѣчи. Намъ казалось, что все еще смотреть на насъ эти острые глаза, сверкающіе изъ-подъ круто-нависшихъ бровей; слышится рѣчь, какою еще никто не говорилъ съ нами.

— Кто это такой? что за явленіе? сказала Лиза и разразилась хохотомъ.

— Богъ его знаетъ, отвѣчала я. — Какой странный человекъ!

— Ужъ это не прадѣдушка ли твой явился съ того свѣта? сказала Лиза.

— Прадѣдушка бы явился въ екатерининскомъ мундирѣ.

— Можетъ его на томъ свѣтѣ перерядили.

— Если такъ, то тамъ прекрасное бѣлье и духи.

— А можетъ, отъ него и ладономъ пахло.

— Кто это былъ? полушепотомъ спросила входившая Марья Ивановна.

— А кто его знаетъ? отвѣчала Лиза и принялась разказывать

Марья Ивановнѣ о нашей встрѣчѣ, передразнивая, по обыкновенію, и рѣчь, и манеры незнакомца.

Татьяна Петровна пришла въ великое волненіе, узнавъ о неожиданномъ посѣщеніи удивившаго насъ господина. Она говорила, что это для нея дорогой гость, что онъ человѣкъ необыкновеннаго ума и высокой нравственности, что у него тѣсныя связи и знакомства съ столичною знатью, что оригинальность его вездѣ извѣстна.

Она тотчасъ же написала къ нему записку съ приглашеніемъ откушать у нея завтрашній день.

Широкобровый генералъ тоже зналъ Артемія Никифорыча Тарханова и подтверждалъ за одно съ Татьяной Петровной, что онъ человѣкъ необыкновенный, неразгаданный, «тонкая особа», мистикъ и масонъ, — все, что угодно; что онъ взялъ на себя роль чудака неспроста, и никто бы не умѣлъ ею воспользоваться такъ выгодно, какъ онъ; что этою ролью онъ проложилъ себѣ широкій и блестящій путь на житейскомъ поприщѣ.

И цѣлый вечеръ толковали они о пріѣзжемъ, припоминая нѣкоторые его поступки, облабающие его въ непроницаемую таинственность.

Жадно вслушивалась я въ эти разказы. Ни одной черты, ни одного слова не проронила я изъ нихъ; со всѣмъ любопытствомъ неопытной души принимала я къ этому мрачному, непонятному образу.

На другой день я ждала Тарханова съ безотчетнымъ волненіемъ. Глаза мои поминутно обращались на дверь гостиной, пока не появилась въ нихъ его мрачная фигура.

Онъ, молча, несмотря на радостныя восклицанія Татьяны Петровны, разцѣловался съ ней и подалъ руку генералу, сказавъ:

— Здравствуйте, Абрамъ Ивановичъ!

Намъ съ Лизой онъ свысока поклонился и только.

На гостиную Татьяны Петровны набѣжала туча... Всѣ притихли, даже весельчакъ — генералъ умолкъ послѣ нѣсколькихъ попытокъ завести или поддержать разговоръ. Гость, на всѣ вопросы хозяйки отвѣчалъ монотонно, односложно, какъ человѣкъ, который едва понимаетъ, что ему говорить.

Такъ прошло время до обѣда. Я удивлялась терпѣнію Татьяны Петровны, которая не переставала сохранять любезную улыбку.

Для меня переходъ отъ вчерашней ласковости къ такой холодно-сти былъ невыносимъ и казался просто обиднымъ.

Послѣ обѣда Тархановъ вдругъ сдѣлался разговорчивъ и лилъ потоки краснорѣчія. Онъ проповѣдывалъ презрѣніе благъ земныхъ, сладостныхъ, таинственныхъ возношенія. То ставилъ свою особу, какимъ-нибудь разказомъ изъ своей жизни, на недосягаемую нравственную высоту, и глаза его сверкали невыносимо; то вдругъ неожиданно и смиренно падалъ съ этой высоты, признавая себя великимъ грѣшникомъ. То передавалъ съ искусствомъ и наслажденіемъ тонкаго гастронома всѣ подробности великолѣпнаго обѣда (не забывая даже цѣну винъ), которымъ онъ угостилъ графа или князя такого-то; то переходилъ къ жизни «одного» пустытника, повѣдавашаго ему «великія тайны духовнаго міра...»

Рѣчь его пересыпалась иногда непонятными для меня выраженіями и блескомъ оригинальнаго краснорѣчія.

— Ему были необыкновенныя искушенія... говоритъ онъ о пустынникѣ: — къ нему являлась женщина дивной красоты. Всячески обольщала его... звала съ собой... но онъ отогналъ ее молитвой... Я хотѣлъ поселиться съ нимъ, да *путеводитель* приказалъ мнѣ ѣхать въ другое мѣсто.

Дошла и до меня очередь.

— А мнѣ, Татьяна Петровна, племянница твоя понравилась.

— Она очень счастлива, что обратила на себя ваше вниманіе.

— Отчего это она сидитъ у тебя въ углу и все наблюдаетъ?

Татьяна Петровна засмѣялась.

— Поди сюда, Геничка, душа моя, сядь къ намъ поближе.

Я сѣла ближе къ столу.

— А знаешь что, лапка, у тебя пресчастливая фізіономія. Ты, юная душа, не принадлежишь къ ряду обыкновенныхъ, меркантильныхъ душъ. Ты сама не понимаешь своего внутренняго богатства; ты еще во мракѣ, но если бы разъяснить этотъ мракъ, то для тебя открылись бы такія высокія, духовныя наслажденія, о которыхъ профанамъ и на мысль не приходитъ. Она должна быть преумная, сказалъ онъ Татьянѣ Петровнѣ.

— Увидите сами, отвѣчала та лаконически, — но способности у нея прекрасныя.

— А ты, Лиза, сказалъ онъ, входившей съ женихомъ Лизъ, —

ты вся въ своемъ женихѣ. Ты будешь хорошею женою и хозяйкой. Вотъ она, Геничка, такъ хорошею хозяйкой не будетъ...

Это мнѣ не понравилось.

— Отчего вы думаете, сказала я, — что я не способна быть хорошею хозяйкой? Я не позволю себѣ быть бесполезною, какъ ни тѣсенъ былъ бы кругъ моей жизни.

— Кругъ твой не тѣсенъ, моя радость: онъ такъ просторенъ и необъятенъ, что ты не найдешь въ немъ границъ. Не жалкая, мелочная участь предстоить тебѣ, Геничка; иная доля ждетъ тебя...

Съ душевнымъ волненіемъ прислушивалась я къ пророческому тону словъ его, ласкавшихъ мое самолюбіе. Мнѣ уже казалось, что на далекомъ горизонтѣ моего будущаго всходила и разгаралась новая звѣзда. Мнѣ казалось, что его устами говорить сама судьба; внутренній трепетъ проникъ меня, всѣ силы души моей проснулись! Со всею рѣшимостью восторженнаго воина, я готова была броситься въ битву жизни, бороться до конца за все лучшее и благородное души...

Лицо мое, вѣроятно, противъ моей воли, выразило эти ощущенія, потому что Тархановъ зорко, внимательно поглядѣлъ на меня исподлобья.

— У ней должна быть сильная душа, продолжалъ онъ, — она вся въ себѣ сосредоточена; даромъ, что она смотритъ такую смирененькою — нѣтъ, она дѣвица себѣ на умѣ. Вонъ, у ней есть между бровями черта, много говорящая...

— Благодарю васъ, сказала я. — Вы заставите меня полюбить себя.

— Да, вонъ, она какой каламбуръ отпустила! Ну, ладно, мой ангелъ, мужайся, шей себѣ семерка сапоги, шагай дальше...

Послѣ этого онъ сдѣлался веселъ и любезенъ со всѣми; всякому умѣлъ сказать, по своему, что-нибудь пріятное. Шутилъ съ пріѣхавшими къ чаю Ниломъ Иванычемъ и Антономъ Силычемъ, называя ихъ «любезными старцами», — и уѣхалъ, повидимому, въ самомъ хорошемъ расположеніи духа.

— Какъ ты раскраснѣлась! сказала Лиза, когда мы пришли въ нашу спальню. — Что тебѣ напѣвалъ цѣлый вечеръ этотъ ястребъ?

— Ты слышала.

— Ничего я не слышала. Стану я слушать его разсужденія! скука смертная! половину не понимаешь, — точно не по-русски говорить. Откуда онъ такія слова высккиваетъ? — *Амбиберъ*, пне... пно... да мнѣ и не выговорить!

— Пневматологія.

— Это что же значить?

— Я и сама не знаю, Лиза. Я спрошу его.

— Вотъ, еще что выдумала. Полно, не дѣлай этого.

— Отчего же?

— Да это стыдъ!

— Какой же тутъ стыдъ спросить, чего не знаешь?

— По мнѣ какъ хочешь... Ты ужь что-то очень растаяла отъ его рѣчей. Не очень-то я ему вѣрю.

Я ничего не отвѣчала, я была въ какомъ-то странномъ раздраженіи духа.

На другой день Тархановъ уѣхалъ въ свою деревню и прислалъ мнѣ въ подарокъ нѣсколько книгъ французскихъ и русскихъ писателей, въ прекрасныхъ переплетахъ; нѣкоторые экземпляры наполнены были прелестными гравюрами.

На оберткѣ, въ которой присланы были книги, написано было крупнымъ почеркомъ: — «Е. А. Р. въ залогъ пріязненнаго расположенія отъ Артемія Тарханова».

Татьяна Петровна стала ко мнѣ ласковѣе прежняго.

— Вотъ, видишь, милая Геничка, сказала она, — съ какими людьми знакомишься ты у меня. Что бы хорошаго увидела ты, сидя вѣчно въ твоемъ Амиловѣ? Тебѣ надо побывать у меня побольше. Расположеніе такихъ людей, какъ Артемій Никифорычъ, должно цѣнить. Это человекъ необыкновенный.

Отпраздновали и свадьбу Лизы. Она съ мужемъ, получившимъ мѣсто въ П—ой губерніи, вскорѣ уѣхала, вслѣдъ за генераломъ.

II.

Грустно было мнѣ разстаться съ Лизой, я чувствовала, какъ одна изъ горячихъ моихъ привязанностей оторвалась и канула въ море прошедшаго, оставя по себѣ болѣзненный слѣдъ въ сердцѣ, гдѣ она выросла и жила столько лѣтъ. Съ тоской про-

водила я и добрую Марью Ивановну. Вокругъ меня распространилась мучительная пустота, населяемая, по временамъ, страшными призраками и тихими воспоминаніями.

Подарокъ Тарханова получилъ для меня въ это время не малую цѣну. Я поняла, что значить поэзія, прочитавъ Пушкина; Гоголь потрясъ мою душу всею увлекающею силою своего таланта... Чтеніе этихъ произведеній открывало новый міръ моей умственной дѣятельности; отвѣчало на многіе вопросы, разъясняло оставшіеся прежде для меня темными; заставляло задумываться надъ многимъ въ жизни.

Сочиненія на французскомъ языкѣ усиливали мои старанія успѣть въ немъ, и старанія не остались безплодны.

Однажды Татьяна Петровна уѣхала вечеромъ на партію. Пусты и мрачны оставались парадныя комнаты дома, вся жизнь котораго сосредоточилась въ теплой дѣвичьей, гдѣ при сальной, нагорѣвшей свѣчѣ слышались смѣхъ и громкіе разговоры горничныхъ. По временамъ, рѣзкій голосъ Степаниды Ивановны раздавался по длинному коридору.

Комнатъ не намѣрены были освѣщать для одной меня, но ихъ, по своему, освѣщала въ этотъ вечеръ луна полнымъ, волшебнымъ свѣтомъ своимъ, нарисовавъ на полу клѣтки оконныхъ рамъ, съ нѣсколькими тощими растеніями, томившимися на окнахъ. Затѣйливые листы гераніума, мелкая бахрома розмарина, казалось, дрожали и двигались, озаренные серебряными лучами. Блестки мороза искрились и сверкали на стеклахъ.

Я сѣла къ окну и заглядѣлась на ясное, тихое, необъятное небо.

Вдругъ, новая, темная полоса на полу привлекла мое вниманіе. Когда я подняла глаза, передо мной стоялъ Тархановъ; онъ стоялъ прямо, вытянувъ впередъ шею и устремивъ на меня испытующій взоръ. Мнѣ невольно вспомнилось названіе ястреба, данное ему Лизой. И въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ положеніи, съ своимъ короткимъ загнутымъ носомъ и блестящими глазами, онъ чрезвычайно походилъ на хищную птицу.

— Здравствуй, другъ мой! сказалъ онъ, когда взоры наши встрѣтились. — Что ты тутъ дѣлаешь?

— А, вотъ, смотрю на звѣзды.

— Возносишься выше звѣздъ, моя радость, не останавливайся

на нихъ; все все брешность и прахъ. Въ законахъ духа нашего есть такая высота, такая сладость, передъ которыми все видимое ничего не значить.

— Но это такъ хорошо; это помогаетъ возвышаться душѣ.

— Эге! да ты, я вижу, склонна къ романтизму. Ну, а читала ли вы присланныя мною книги?

Я выразила ему свое удовольствіе и благодарность.

— Это что, это все пустяки! То ли еще ты отъ меня увидишь и получишь. Ты еще, лапка, едва прикоснулась къ чашѣ жизни, и только еще облизываешь края этой чаши. Цѣтъ! я введу тебя въ такой міръ наслажденій, что всѣ теперешнія белендрасы твоего воображенія покажутся пошлы и глупы.

Я почувствовала какую-то внутреннюю неловкость отъ этихъ пышныхъ обещаній.

— Я хочу, Генчикъ, продолжать онъ, — чтобы ты любила меня, чтобы я былъ для тебя всѣмъ. На дружбу мою ты можешь полагаться, какъ на каменную стѣну. Я поднесу тебѣ чашу такого упительнаго напитка, что уста твои не закатятъ оторваться отъ него, и весь этотъ жалкій кругъ твоей теперешней жизни и не вспомнится тебѣ. Я познакомлю тебя съ замѣчательными людьми. Я оборву всѣ шны предрассудковъ и ложныхъ понятій съ прекрасныхъ розъ твоего сердца, потому что считаю тебя выше многихъ женщинъ... А знаешь что, лапка, не прокатится ли намъ? Я прѣхалъ въ санихъ.

— Какъ же безъ спросу Татьяны Петровны?

— Со мной тебѣ нечего спрашиваться.

И послѣ нѣсколькихъ минутъ нерѣшимости я согласилась. Мы сѣли въ прекрасныя сани. Пара большихъ вороныхъ лошадей тихимъ шагомъ повезла насъ по хрустящему снѣгу, облитому луннымъ свѣтомъ.

— Тихе, братецъ, ради Бога, тихе! говорилъ Тархановъ кучеру, и съ непритворнымъ страхомъ охалъ и вскрикивалъ при каждомъ небольшомъ ухабѣ.

— Я не боюсь скорой ѣзды, Артемій Никифоровичъ, сказала я, вообразивъ, что страхъ его былъ за меня, и со всѣмъ своеволіемъ ребенка, который начинаетъ понимать, что онъ любимецъ, крикнула кучеру: — пошелъ!

Сами неогѣли, слегка ковыляясь по ухабамъ и склоняясь, по временамъ, то на ту, то на другую сторону.

— Злодѣйка! варвары! ой батюшки! ой! убьешь она меня! стой, братецъ, стой! кричалъ Тархановъ въ неописанномъ ужасѣ.

Я хохотала до слезъ и успокаивала его, но напрасно; кучеръ сдержалъ лошадей, и мы опять поѣхали шагомъ.

— Неужели вы такъ бонетесь? спросила я.

— Боюсь, братецъ, ужасно боюсь.

«А! подумала я, если онъ также презираетъ и блага міра, какъ мелочныя его опасности, то что же такое всѣ возношенія его духа, всѣ его великолѣпныя разглагольствованія!»

— Заѣдемъ, Геничка, но нѣтъ. Я остановился въ лучшей здѣшней гостинницѣ, — взялъ три номера. Грязно только.

Мы подъѣхали къ большому длинному каменному зданію, надъ дверьми котораго блестяла крупная надпись : «Гостинница Вѣна. Въходъ въ номера.»

Поднявшись на высокую лѣстницу и, пройдя длинный, плохо освѣщенный и грязный коридоръ, гдѣ встрѣтились намъ двое мужчинъ въ шубахъ, да какая-то закутанная женская фигура, вошли мы въ комнату, двери которой распахнулись передъ нами на обѣ половинки; у каждой, почтительно и подобострастно, стоялъ слуга въ ливреѣ; и чѣмъ робче опускали они глаза, тѣмъ суровѣе, мрачнѣе и важнѣе становилось лицо Тарханова.

— Пишемъ нѣтъ? спросилъ онъ.

— Есть, ваше превосходительство! два письма съ почты.

Пожилой человекъ, съ добрымъ лицомъ, торопился зажигать на всѣхъ столахъ стеариновыя свѣчи. Это былъ камердинеръ Тарханова, съ которымъ онъ всегда обращался съ полуплутивою ласковостью.

— Лампъ нѣтъ, экая мерзость! Зажигай, старина, всѣ свѣчи, сказалъ онъ. — Дай намъ чаю, да къ чаю чего-нибудь получше.

— Сейчасъ, ваше превосходительство!

— Вотъ, моя временная келья! сказалъ Тархановъ, входя со мною въ небольшую, болѣе другихъ уютную комнату.

Два покойныя кресла придвинуты были къ круглому столу, на которомъ горѣли четыре свѣчи; тонкій, раздражающій запахъ какого-то куренья, пріятно подѣйствовалъ на мои нервы.

— У Татьяны, сказалъ онъ, — домъ настоящій сарай; она не

умѣеть разлить вокругъ себя этой теплоты, этого *bien-être*, какъ говорятъ Французы, которое ты могла бы разлить около себя. Она никогда не была способна къ этому. Ну, что ты живешь у ней? Ты не живешь, а прозябаешь. У тебя тамъ душа точно окована. Вотъ, теперь ты другая; вонъ у тебя и рожица-то оживилась.

И, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ вдругъ сдѣлалось хорошо. Какіе-то новые инстинкты пробудились во мнѣ, я почувствовала себя ловкою и развязною. Тархановъ не казался уже мнѣ тѣмъ мрачнымъ, недоступнымъ человѣкомъ, какимъ я воображала его нѣсколько часовъ назадъ. Я видѣла въ немъ добраго, благодѣтельнаго генія. Я сдѣлалась весела, говорлива, откровенна.

— Ахъ, ты моя принцесса! сказалъ онъ, улыбаясь едва ли не въ первый разъ во все время нашего знакомства. — Подайте намъ сладкаго!

И тотчасъ разнообразный десертъ поставленъ былъ на столъ.

— Кушай, моя радость, говорилъ Тархановъ, — ты, чай, не видала ничего этого у Татьяны.

— Я никогда объ этомъ не думаю, отвѣчала я съ чувствомъ затронутаго самолюбія.

— А я ужъ привыкъ, я всякій день лакоплюсь, сказалъ онъ, будто не замѣчая тона моихъ словъ. — А гдѣ же медвѣжонокъ? спросилъ онъ.

На этотъ вопросъ изъ-за спинки дивана вынырнулъ неожиданно мальчикъ лѣтъ двѣнадцати съ лихорадочными глазами и пропищалъ:

— Здѣсь, ваше превосходительство!

— Куда ты это залѣзъ?

Тархановъ взялъ нѣсколько винограду и конфетъ и, со словами: «на, вотъ тебѣ!» протянулъ мальчику руку, которую тотъ поцѣловалъ, — и необыкновенный человѣкъ, какъ ни тмурился, но не могъ скрыть удовольствія, промелькнувшаго на его лицѣ отъ этого знака подобострастія.

— Это сынъ одного бѣднаго чиновника, я везу его съ собой, помѣщу въ какое-нибудь заведеніе. Ты, медвѣжонокъ, а чай, у отца съ матерью этого и не видывалъ? а?

Глаза мальчика сверкнули какъ-то особенно.

— Не видывалъ вѣдь? а?

— Нѣтъ... отвѣчалъ тотъ нервнѣтельно.

— Ну, ступай.

И медвѣжонокъ юркнулъ за диванъ.

Сцена эта непріятно на меня подѣйствовала, и веселость моя начинала исчезать.

— А, вотъ, я тебя, Геничка, сейчасъ поподчую тѣмъ, чего ты никогда не бѣдала...

Онъ открылъ красивую шкатулку и вынулъ оттуда коробочку съ какими-то сахарными лепешками.

— Ну, чтѣ? каково? спрашивалъ онъ самодовольно.

— Не хорошо,—отвѣчала я, отвѣдывая одну лепешечку.

— Провинціалка ты, братецъ!

— Развѣ хулить то, чтѣ не нравится—провинціализмъ?

— Горяча ты больно, я вижу! сказалъ онъ, и глаза его сверкнули неудовольствіемъ.

— А вы? вы хладнокровны?

— Шутить, моя радость, не тебѣ опредѣлять меня.

— Гдѣ же мнѣ, неопытной, глупой дѣвчкѣ... я васъ совершенно не понимаю, сказала я съ притворнымъ престодушіемъ.

Онъ снова самодовольно улыбнулся.

— А вотъ, Геничка; сказалъ онъ,—какъ ты думаешь, отчего я посѣдѣлъ? Я страстно былъ влюбленъ въ одну женщину, ну, и она любила меня. Чтѣ же!—она, однажды, въ обществѣ и начала показывать свою власть надо мной. Это меня такъ поразило, что я всю ночь не спалъ, а когда всталъ поутру, то бакенбарды у меня и половина волосъ посѣдѣли... Съ этихъ поръ, я прекратилъ съ ней знакомство...

Я поняла, что этотъ камешекъ былъ брошенъ въ мой огорокъ.

— Однако пора; я вамъ надоѣдаю.

— Нѣтъ, радость моя, ты мнѣ никогда не надоѣшь...

Послѣ этого, онъ сталъ вздыхать и прикрылъ рукою свое разгорѣвшееся лицо.

Онъ провожалъ меня въ тѣхъ же саняхъ до дому Татьяны Петровны.

Когда мы поѣхали, я почувствовала тяжесть на плечѣ; это была рука Тарханова.

— Знаешь ли, для чего я положилъ руку на твое плечо?

— Нѣтъ, не знаю.

— Для того, чтобъ пролить магнетическую струю въ твою душу.

Но магнетическая струя не проливалась, и я радехонья была прѣхать домой, потому что начинала уже тревожиться самовольнымъ отъездомъ своимъ.

Татьяна Петровна еще была въ гостяхъ, когда я возвратилась. Я дождалась ея прѣзда и рассказала ей о прогулкѣ съ Тархановымъ.

— Ну, что жь, сказала она, — онъ человѣкъ почтенный, пожилой, женатый. Отчего не пользоваться его расположеніемъ?

Отношенія мои къ Тарханову становились раздражительны и тяжелы, несмотря на то, что онъ обладалъ способностью обуять мое воображеніе, возволновать, оглушить, поразить меня таинственностью своего краснорѣчія и отнять смѣлость сдѣлать какую-либо попытку стряхнуть съ себя его вліяніе. Едва я успѣвала сдѣлать какую-нибудь догадку, какъ онъ опрокидывалъ, затемняя истину съ свойственнымъ ему только искусствомъ и ронялъ вину этой догадки на меня же.

Онъ опуталъ меня странною властью, но душа моя билась и рвалась, какъ пойманная птичка въ сѣтяхъ этой власти. Сколько разъ мысль моя съ тоской и призывомъ неслась къ Павлу Ивановичу, принимая съ любовью къ безмятежному приюту моего дѣтства, гдѣ не тяготѣлъ на мнѣ гнетъ невыносимой, нравственной неволи! Сколько разъ пробуждалась во мнѣ рѣшимость сказать этому человѣку: оставьте меня, ваша дружба тяжела мнѣ! — но, какъ только устремлялись на меня эти сверкающіе глаза, рѣшимость моя исчезала, и несозрѣвшія силы души измѣняли.

— Ты не возмечтай о себѣ слишкомъ много, Геничка, говорила мнѣ Татьяна Петровна, — такихъ любимицъ, какъ ты, было у него нѣсколько сотенъ, и всѣ онъ скоро ему надобѣдали. Онъ очень капризенъ и недовѣрчивъ. Одно неосторожное слово, и дружба его исчезнетъ.

Слѣдующая и послѣдняя сцена съ Тархановымъ оправдала слова ея и положила конецъ тягостному вліянію кошмара, душившаго меня уже около двухъ мѣсяцевъ.

Въ одинъ вечеръ, Татьяна Петровна, по настоянію Тарханова, продолжала въ портретной начатую пульку съ Амелией Павлов-

шею и съ неизвѣнными своими партнерами, Никомъ Ивильчюмъ и Антономъ Силычюмъ.

У меня болѣла голова, и я почти лежала на диванѣ, въ гостиной, когда подошелъ ко мнѣ Тархановъ.

— Оставайся такъ, лапка, сказалъ онъ, когда я хотѣла встать, — ты стаешь очень хороша.

Я улыбнулась со всеѣмъ самодовольствіемъ польщеннаго, женскаго самолюбія.

Онъ сѣлъ противъ меня и прикрылъ глаза рукою, будто боясь напугать меня яркостью своего взгляда.

— Какая у тебя ножка, Генитча! вдругъ вскричалъ онъ и неожиданно, страстно прильнулъ губами къ ногѣ моей.

Я быстро встала.

Онъ схватилъ меня за руки, и привлечши къ себѣ, дрожа и задыхаясь, проговорилъ:

— Забудь, забудь для меня всехъ!

Завѣса спала съ глазъ моихъ.

— Это дружба? сказала я, освобождаясь отъ него и съ полнымъ негодованіемъ посмотрѣвъ ему въ лицо, но тотчасъ же опустила глаза, потому что онъ былъ страшенъ въ эту минуту.

— А вы что же изволили подумать? сурово сказалъ онъ.

— Я подумала, что вы не такъ неразгаданны, какъ многіе это воображаютъ.

— Вы меня поддразниваете? сказалъ онъ мрачно. — Не обожитесь.

— А вы? вы мало дразнили меня? Теперь моя очередь.

— Что вы сказали? и голосъ его звучалъ неописаннымъ гнѣвомъ. — Вы дѣвочка, которая еще не умѣетъ ни жить, ни понимать людей умнѣ себя! Прощайте, Евгенія Александровна! вы никогда уже болѣе не появитесь въ области моей дружбы. Вамъ угодно было порвать струну, которая привязывала меня къ вамъ.

— Струна эта звучала не въ ладъ, сказала я смѣло.

Онъ взялъ шляпу и, крикнувъ: «прощай, Татьяна!» вышелъ.

— Онъ уѣхалъ, Артемій Никифоровъ уѣхалъ? кричала Аменса Павловна, выставая изъ-за желтой драпировки свою остроконечную физиономію.

— Кажется, уѣхалъ.

— А, вы здѣсь, душечка! что же это, отчего онъ такъ скоро уѣхалъ?

— Не знаю.

— Какъ же это онъ и вамъ, любимицѣ-то своей, не сказалъ?

— Не знаю.

— Ахъ, вѣдь, впрочемъ, онъ престранный, преоригинальный человѣкъ!

— Амфиса Павловна! тебѣ сдавать, крикнула Татьяна Петровна.

— Вы ужь, душечка, не поссорились ли съ нимъ? Вѣдь вы еще молоды, не опытны; съ такими людьми надо умѣть, да и умѣть обращаться.

— Васъ тетушка зоветъ, Амфиса Павловна.

Она ушла, бросивъ любопытный взглядъ и оставя меня еще подъ гнетомъ тягостнаго впечатлѣнія.

Грустно, больно мнѣ было сдѣлаться игрушкой странной инстификаціи и найти неожиданно врага подъ личиною друга. Жизнь пугала меня, будущность представлялась въ тускломъ и обманчивомъ мерцаніи. Ладья едва отплыла отъ берега, а уже море, дотогъ свѣтлое и покойное, начало волноваться...

— Вотъ, чудакъ! говорила Татьяна Петровна, узнавъ на другой день о внезапномъ отъѣздѣ Тарханова изъ города.— Уѣхалъ, не простась! Впрочемъ, онъ часто такъ дѣлаетъ. Ужь не отъ него ли? прибавила она, принимая письмо отъ вонедшаго человѣка.— Ахъ, нѣтъ, это отъ сестрицы, Геничка! вотъ и къ тебѣ.

«Сокровище мое, ненаглядная Геничка! писала мнѣ тетушка. Желаю знать о твоемъ здоровьи. Сердце мое вѣдаетъ только, какъ тягостна разлука съ тобою. Съ нетерпѣніемъ ожидаю радостнаго свиданія и надѣюсь на милосердіе Царицы Небесной, что Она не лишитъ меня этого утѣшенія на старости лѣтъ моихъ. Желаю быть тебѣ здоровой и помнить твою старую тетку. Прощай, ангелъ мой! цѣлую тебя несчетно разъ. Я, послѣднее время, стала что-то прихварывать, но ты не безпокойся, это скоро пройдетъ. Да будетъ надъ тобой Божеское благословеніе и мое, и проч.

«P. S. Скворецъ твой живъ и здоровъ, я сама смотрю за нимъ.»

Почеркъ былъ замѣтно слабѣе обыкновеннаго, что повергло меня въ большое безпокойство на счетъ здоровья тетушки.

— Нечего дѣлать, Геничка, сказала мнѣ Татьяна Петровна, — тебѣ надо ѣхать : сестрица пишетъ, что не здорова и что очень желаетъ тебя видѣть.

И сердце мое сладостно забилось при мысли о возвращеніи въ родной уголокъ. Ясно рисовались мнѣ тихія картины моего недавняго дѣтства, тѣмъ болѣе отраднато, что душою уже начинала овладѣвать какая-то преждевременная, нравственная усталость. Въ эти три мѣсяца моего гощенья у Татьяны Петровны я будто пережила цѣлые длинные годы.

— Что, Евгения Александровна, скоро ли домой-то? спрашивала меня вечеромъ Дуняша.

— А хочется тебѣ домой?

— Ой, да какъ еще хочется! хоть бы, кажется, однимъ глазкомъ на батюшку съ матушкой взглянула. Да и что здѣсь? — все не такъ, какъ у насъ. Дѣвицы-то здѣшнія только бы пересмѣять да за воротами повертѣться. Вы, говорятъ, съ барышней-то деревенщины. Одна Степанида Ивановна поласковѣе, и видно, что съ нашей стороны. А какъ эта Амѣса Павловна, точно амѣя шипитъ. Эта вышла въ дѣвичью, да и ну судить, да радить объ васъ... Она и гордая-то, говоритъ, и думаетъ-то о себѣ не вѣсть что!.. она, говоритъ, — да вы барышня не разсердитесь, — все съ Тархановымъ кокетничаетъ. Ей-Богу-съ! такъ и говоритъ. Ужь Степанида Ивановна напустилась на нее: стыдитесь, говоритъ, Амѣса Павловна! что еще она понимаетъ? гдѣ такому птенчику кокетничать? вы, говорятъ, по себѣ, видно, судите. Она, говоритъ, съ нимъ кататься ѣздилъ, да къ нему заѣзжала. Такъ что же, говоритъ Степанида Ивановна, отчего и не покататься; вы, и постарѣе, да чай бы не отказались... А я говорю: онѣ, молъ, сударыня, не тайкомъ ѣздили, про то и Татьяна Петровна знаютъ. — Не тайкомъ, говоритъ, да все не хорошо. А Степанида Ивановна ей: полноте, полноте! Она и пошла вонъ, какъ не солоно хлѣбала. Охъ, привелъ бы Господи до дому-то добратся!

Настало и послѣднее утро моего пребыванія у Татьяны Петровны.

Проснувшись, я окинула взглядомъ мою большую спальню, украшенную комодомъ, тремя стульями и диваномъ, служившимъ мнѣ постелью, надъ которымъ висѣла большая темная картина, представляющая старика, склонившагося надъ закрытою книгой.

Я подошла къ окну, гдѣ встрѣтила первое утро въ чужомъ домѣ. Тотъ же розовый блескъ освѣщалъ разноцвѣтныя крыши видѣвшихся строеній, также клубился голубой дымъ.

«Завтра комната эта будетъ пуста, подумала я, никто не будетъ смотрѣть съ участіемъ на задумчивое лицо старика..»

И, ярко освѣщенное лучомъ февральскаго солнца, оно казалось оживало, и черты его будто выражали тихую, грустную думу. Странная сила привычки! мнѣ стало жаль его оставить.

— Ты, Геничка, сказала мнѣ Татьяна Петровна, когда я уже была готова въ путь, — заѣзжай къ Ельчановой, она намъ родня, и обидится, что ты почти мимо воротъ проѣдешь. Тамъ почужень, познакомишься съ своими кузинами, ая дочерями.

Послѣ этого она простилась со мной довольно ласково, сказавъ, что надѣется, что я опять приѣду къ ней, что это будетъ мнѣ полезно.

Степанида Ивановна цѣловала и приговаривала меня съ особеннымъ чувствомъ, Амѣса Павловна также обლობывала меня на дорогу.

III.

И, снова, какъ три мѣсяца назадъ, заскрипѣли полозья по ухабистой дорогѣ; зазвенѣли бубенчики, раскинулось передъ глазами блестящее снѣжное пространство, замелькали тамъ и сямъ села, деревни, гѣса и гѣсочки. Порою, задумчивая ель осыпала насъ рыхлымъ снѣгомъ съ задвѣрой вѣтки, или фигурная береза сверкала въ своемъ хрустальномъ нарядѣ. Въ воздухѣ летали алмазные искры, и холодъ порядкомъ щипалъ носъ и щеки, несмотря на то, что февраль былъ уже за половину.

Вслѣдствіе приказанія Татьяны Петровны, повозка, къ концу дня, остановилась у двухъ-этажнаго деревяннаго дома, и я не успѣла оглянуться, какъ была уже въ объятіяхъ двухъ полныхъ, здоровыхъ дѣвицъ, съ большими кѣтчатыми платками на шеѣ. Онѣ нигомъ стащили съ меня всю теплую одежду, приговаривая:

— Ахъ, та снѣге, какъ мы рады! мы давно ждали тебя видѣть, милая кузинушка!

Въ дверяхъ залы стояла мать ихъ, пожилая, некрасивая женщина.

— Очень рада, chère amie, сказала она, — что ты навѣстила насъ.

И овладѣвъ мною, она повела меня въ гостиную, съ ситцевею, очень неснѣжною мебелью, и усадивъ возлѣ себя, осыпала разспросами о моей тетюнкѣ и о Татьянѣ Петровнѣ.

Между тѣмъ въ маленькой диванной, старшая кузина Анята суетилась за самоворомъ; другая, Варя, спросила у матери ключи и, получивъ огромную связку ихъ изъ кармана послѣдней, ушла хлопотать, вѣроятно, по хозяйству.

— Гдѣ будете чай-то кушать, маменька? крикнула Анята.

— Куда тебѣ угодно, chère amie? обратилась ко мнѣ Александра Дмитревна: — сюда, или безъ церемоніи; къ самовару?

Я, разумѣется, предпочла послѣднее.

— Премиленькая Гемичка! сказала Александра Дмитревна. — Я тебя еще крошкой видѣла.

— Кушай, душечка, кузинушка! проговорила Анята, подавая чашку.

Скоро пришла и Варя съ огромнымъ бѣлымъ хлѣбомъ въ рукахъ.

— Кажется, ты могла бы приказать подать кому-нибудь и положить на поднось. Догадка-то у васъ нѣтъ ни въ чемъ! сказала Александра Дмитревна.

— Я такъ, безъ церемоніи, маменька.

— Нисколько не умно, отвѣчала ей мать довольно раздражительно.

— Вотъ жизнь-то наша, шепнула мнѣ Анята, — все ворчить.

— Помилуй, Анна Сергѣевна, зачѣмъ ты закрыла самоваръ? вѣдь погаснетъ. Кажется, можно бы хоть чай-то намить со вниманіемъ!

— Вотъ все-то этакъ, та chère, шепнула мнѣ съ другой стороны Варя.

Къ чаю пришелъ Сергѣй Федорычъ, мужъ Александры Дмитревны, небольшой человѣчекъ, лѣтъ пятидесяти на видъ, съ огромнымъ горбатымъ носомъ и выпуклыми голубыми глазами.

— А, здравствуйте! сказалъ онъ довольно мужиковато: — очень радъ! Что сестра Авдотья Петровна? Какъ поживаетъ Татьяна

Петровна?... все въ городъ въ картишки дуется? Что она не прійдетъ къ намъ погостить? мы бы какъ разъ партійку составили.

— Да, безъ тебя-то ей, видно, не съ кѣмъ играть, сказала Александра Дмитревна.

— Нѣтъ, мы бы славно побились, право славно! Большая стала, прибавилъ онъ, глядя на меня, — а вѣдь маленькая была, у кормилицы сидѣла!... А я сейчасъ у плотниковъ былъ. Сарай теплый строю. Лѣсъ купилъ славный, да какъ дешево: по восьми гривенъ бревно. У насъ сосѣдъ попроигрался да и продалъ за безцѣнокъ. Отличный будетъ сарай. Десять сажень въ длину, а восемь въ ширину. Плотники свои; вотъ я ими же и домъ-то выстроилъ, а нанять не дешево бы стало!

— Какой ты странный, Сергій Федорычъ! очень интересно Генчикѣ знать о твоихъ постройкахъ; ты думаешь онѣ всѣхъ такъ же занимаютъ, какъ тебя, сказала Александра Дмитревна.

— А что? вѣдь вы, я думаю, и впрямь ничего не понимаете?

Онъ рязсмѣялся и вышелъ, унося съ собою недопитый стаканъ чаю.

— Вотъ жизнь-то моя, chère amie! Вѣришь ли, съ нимъ ни о чемъ дѣльнымъ поговорить нельзя, со вздохомъ сказала Александра Дмитревна. — Ну, что же вы? Двѣ васъ, а ни которая не догадается приказать убирать самоваръ! Можно бы, кажется!

Послѣ чаю, кузины увлекли меня въ свои владѣнія наверху, состоявшія изъ двухъ просторныхъ комнатъ. Въ каждой изъ комнатъ стояла кровать, отгороженная ширмами, обтянутыми зеленымъ полинялымъ каленкоромъ, оторваннымъ во многихъ мѣстахъ.

Нѣсколько полуизорванныхъ романовъ валялось на окнахъ. Вездѣ царствовалъ беспорядокъ и сомнительная чистота.

Двѣ полныя служанки подошли къ намъ и употребили всѣ усилія, чтобъ поцѣловать у меня руку. Кузины обращались съ ними ласково и фамильярно.

— Это вотъ моя фрейлина, а это моя, говорили онѣ, каждая показывая на свою.

— За моей-то папенька волочится, сказала Варя, — да она все отъ него прячется.

— Вѣдь у насъ папенька-то любитъ поволочиться, сказала Анята, — а маменька-то ревнива: ну, и пойдетъ исторія! У насъ была гувернантка, и той отказали изъ-за него: а какая милая, добрая! Мы ее очень любили. Марья Алексѣевна, экономка, тоже отказала маменька изъ ревности.

— Ахъ, та сѣге, скучная наша жизнь! Кажется, еслибы Богъ послалъ какого-нибудь порядочнаго жениха, такъ и думать долго нечего.

— Мало ли бы что! Скажи, та сѣге, ты влюблена въ кого-нибудь?

— Нѣтъ, ни въ кого.

— Скрытничаетъ! не можетъ быть.

— Увѣрю васъ, — а вы?

— Ахъ, душка ты моя, кузинушка! Есть у меня зазнобушка, да не знаю, онъ-то любить ли меня? Это землемѣръ, молоденькій, хорошенькій! Какъ посмотреть, такъ мое сердечко и замретъ.

— Онъ сватается за тебя?

— То-то и горе, что не сватается.

— Да у него ничего нѣтъ, кромѣ жалованья, сказала болѣе положительная Варя.

— Неужели же папенька-то насъ не отдѣлитъ, все братьямъ отдастъ?

— Дожидайся, когда еще отдѣлитъ. Папенька, та сѣге, совсемъ объ насъ не думаетъ. Маменька же больше; хоть поворчить, а все кой о чемъ позаботится.

— У насъ, та сѣге, копѣйки своихъ деньжонокъ нѣтъ, въ каждомъ грошѣ давай отчетъ.

— Спать ляжемъ, такъ и тутъ она дозоромъ ходить.

— Ты, душечка кузинушка, не хочешь ли покушать чего-нибудь?

— Я сейчасъ пила чай съ бѣлымъ хлѣбомъ.

— Много ты съѣла блага хлѣба, точно цыпленокъ пощипала. Оттого ты такая худенькая. А ты, по нашему, куш ай больше — вонъ мы какія! Хочешь, Варя, ѣсть? Я сейчасъ принесу, до, ужина еще долго.

— Принеси.

— Какая Анята смѣшная, сказала мнѣ Варя, по уходѣ сестры.

— ужасна, что землемѣръ къ ней не равнодушенъ, а онъ влюбленъ въ меня, да я не пойду за него, если и коснется. За меня здѣшній засѣдатель хочетъ свататься. Онъ эта на мамонькины именины прѣзжалъ, такъ не отходилъ отъ меня. И къ Анютѣ наклеивается женишокъ, да и хорощій, та сѣге: помѣщикъ, 70 душъ. Это бы счастье; онъ не такъ молодъ, но солидный, прекрасный человекъ.

— Да вѣдь ей землемѣръ нравится! Она не будетъ любить другаго.

— Выйдетъ замужъ, такъ полюбитъ, та сѣге. Какая еще ты неопытная!

Скоро возвратилась Анюта и притащила большой кусокъ соленой рыбы, полъ-пирога и нѣсколько ломтей черного хлѣба.

— Агаина! ты смотри у лѣстницы; какъ слышишь, что маменька идетъ, сейчасъ скажи, мы въ минуту уберемъ подъ кровать, а то разбавить.

Онѣ, къ великому моему удивленію, въ нѣсколько минутъ, съ неподражаемымъ аппетитомъ уничтожили почти весь привнесенный запасъ.

— Ну, любезныя кузины, исполать вамъ! сказала я, смѣясь.

— Мы, та сѣге, по-деревенски. Вонъ ты какая слабенькая!

И въ самомъ дѣлѣ, лицо мое казалось блѣднымъ передъ ихъ яркимъ румянцемъ, и вся я была мала и тщедушна въ сравненіи съ ними, что очень ихъ забавляло.

Анютѣ, въ продолженіе вечера, пришла странная фантазія, носить меня на рукахъ. Она подхватила меня, несмотря на всѣ сопротивленія съ моей стороны, и начала бѣгать со мной по комнатѣ.

— Прекрасно! прекрасно! сказала неожиданно вошедшая Александра Дмитревна. — Да ты этакъ ей голову сломишь, безстыдница! это у насъ большая дѣвушка, не вѣста! Вотъ, сѣге аміе, ты можешь судить объ умѣ твоей кузины. Пойдите умирать. А васъ, сударыня, надобно было бы оставить безъ ужина.

Мнѣ очень было совѣстно и жалко, что блѣдную Анюту такъ прибрвали изъ-за меня. Она шла позади, потупя голову; но когда я заглянула ей въ лицо, то увидѣла, что она едва удерживается отъ смѣха.

На другой день утромъ, я простилась съ этими странными

оседействомъ. Добродушныя кушны осынаи мѣня поцѣлудами и просьбами не забывать ихъ. Аиота не утерпѣла и положила мнѣ тихонько, въ дорожный мѣшокъ, разныхъ колобковъ и крендельковъ домашняго печенья.

IV.

Все ближе и ближе подвигалась я къ Амилову. Уже замелькали въ вечернемъ сумракѣ знакомыя деревни; вотъ повернули въ сторону и поѣхали по косогору надъ замерзшею рѣчкой; миновали мостикъ, ведущій на мельницу; нырнули въ огромнѣйшій ухабъ подъ ближайшею деревушкой; окна избъ свѣтились огнемъ, бросая розовый блескъ на снѣгъ; въ воздухѣ потянуло чѣмъ-то роднымъ; какая-то особенная тишина вѣяла надъ этою уединенною стороною. Еще четверть версты, — и Амилово, осѣненное высокимъ садомъ своимъ, открылось моимъ глазамъ.

Дуняша спала и потому не изливала своихъ восторговъ.

Мы уже у крыльца. Оедосья Петровна встрѣчаетъ насъ, окруженная другими горничными.

— Радость-то наша прѣехала! Загостилась, сударыня. Тетенька-то затосковалась по васъ! восклицаютъ мнѣ.

Вдругъ дверь залы растворилась, и тетушка, поддерживаемая Марьей Ивановной и Катериной Никитишной, появилась въ своей бѣленькой косыночкѣ.

— Гдѣ она? прѣехала Геничка! сокровище мое! Господи! благодарю тебя!

Катерина Никитишина плачетъ отъ умиленія; Марья Ивановна улыбается сквозь слезы...

— Чаю, Оедосья! чаю поскорѣе! кричитъ тетушка: — да булочекъ подай. Вѣдь я друга-то моего ждала, всего настраивала. Радость ты моя, радость!

И она съ горячей любовью еще разъ прижала мою голову къ своей груди.

Я обошла всѣ комнаты. Каждая вещь стояла на томъ же мѣстѣ, въ томъ же порядкѣ; такъ же цѣплялся плющъ за мохъ ни-чѣмъ не оклеенныхъ стѣнъ; тѣ же портреты Суворова и Цицерона красовались надъ диванами въ гостиной; дымчатая кошка лежала

на томъ же стулѣ у печки, и скворецъ мой спалъ въ своей клеткѣ, завернувъ головку подъ крылышко.

И мысль, что я дома, что я счастлива, поглотила все существо мое въ этотъ незабвенный вечеръ.

Передо мной развѣтывалась жизнь тихая, какъ пустыня, свѣтлая, какъ ручей въ ясную погоду, а я недовѣрчиво отдавалась ея теченію, вопрошала будущее и трепетно устремляла взоръ въ темную даль... Сердце пробуждалось въ этой тишинѣ и требовало жизни, и напѣвало странныя жалобы, странныя мольбы, потрясавшія все существо мое горькою отрадой. Неодолимое очарованіе заставляло меня прислушиваться къ этому голосу сердца и отнимало силы заставить его молчать... Волны мечтаній снова нахлынули на меня, понесли, закачали, затопили мою душу... Это не были мечты заоблачнаго міра, — не было ангеловъ съ золотыми крыльями, не было идеаловъ холоднаго совершенства, — нѣтъ, призраки мои носили печать жизни и страсти; они выходили изъ міра сего, но выходили такими, что къ нимъ лежала душа моя и трепетало сердце теплымъ и чистымъ сочувствіемъ. Они были, какъ я же, изъ плоти и крови; какъ я же, любили, страдали, сомнѣвались и грустили; вмѣстѣ со мной любовались Божьимъ міромъ и не проходили безучастно мимо того, что зовется въ немъ добромъ и зломъ...

А ясные дни мелькали одинъ за другимъ, подводя все ближе и ближе время весны. Мартъ уже былъ въ исходѣ. Наступила Страстная Недѣля.

Уныло гудѣлъ колоколъ нашей церкви, собирая богомольцевъ. Тетушка молилась и постилась; Катерина Никитишна тоже ѣла одну капусту и хлѣбъ, отвоя душу только чаемъ. Мы съ Марьей Ивановной, хотя и не такъ безропотно томили себя голодомъ, но не отставали отъ нихъ. Федосья Петровна не пила даже чаю послѣ господъ, и однажды, чуть не приколотила «грѣховодницу» Дунашу за то, что она съѣла кусокъ хлѣба передъ обѣдомъ. Стыдила ее цѣлый часъ и хотѣла пожаловаться ея матери; но Дунаша отвела бѣду, возложъ всю вину на искусителя рода человѣческаго, который, какъ извѣстно, и горами качаетъ, не только такими слабыми созданіями, какъ она.

Въ Великій Четвертокъ жгли соль и чистили ризы на образахъ.

На другой день (въ Великую Пятницу) мыли и чистили въ домѣ все, что можно было мыть и чистить.

Мы съ Марьей Ивановной укрылись въ мою комнату отъ страшнаго нашествія бабъ и дѣвокъ, вооруженныхъ мокрыми тряпками. Ихъ нашло около десяти, хотя и половины было бы достаточно для водворенія страшнаго безпорядка, какой производили онѣ; но ужь такъ было заведено изстари. Онѣ кричали, перебранивались, перекорялись. Федосья Петровна, какъ дѣятельный и разумный начальникъ, поспѣвала всюду вовремя, распоряжалась, грозила и заставляла на нѣкоторое время умолкать несносныхъ крикушъ.

Тетушка, по обыкновенію, съ удивительнымъ терпѣніемъ переносила весь этотъ гамъ, сидя за ширмами на своей постелѣ, пока и оттуда не выгнали ее неумолимыя поломойки.

Она присоединилась къ намъ.

— А, да здѣсь хорошо, тепло, сказала она, входя, — солнышко свѣтитъ. Какъ пріятно солнце въ это время!

— Вы бы, маменька, ангелъ мой, скушали что-нибудь, подкрѣпили себя, вы эдакъ ослабѣете, сказала Марья Ивановна, бросаюсь, вмѣстѣ со мной и Катериной Никитишной, поддержать пошатнувшуюся тетушку.

— Вотъ, друзья мои, сказала, улыбаясь, тетушка, — видно куликнула спозаранку.

— Видно и впрямь, родная, продолжала шутку Катерина Никитишна, — праздникъ встрѣтили.

— Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ. Геничка, другъ мой, не покушать ли тебѣ чего-нибудь? не ослабѣй ты у меня!

Я успокоила тетушку.

— Словно и домъ-то другой сталъ, какъ соколъ-то нашъ пріѣхалъ, сказала Катерина Никитишна: — и Авдотья Петровна разцѣла. А то скажетъ, бывало, слово, да и задумается.

— Охъ, ужь какая мнѣ была тоска безъ нея, безъ моего друга!

— А мнѣ развѣ не было тоски? сказала я.

— Тосковала и она, маменька, подтвердила Марья Ивановна.

— Поди-ка ты ко мнѣ, дитя мое, поцѣлуй меня!

Послѣ обѣда водворилась тишина, и солнце, сквозь промытыя стекла, еще ярче озаряло вечерними лучами комнаты.

На другой день, то-есть въ Великую Субботу, утромъ, начались другія хлопоты: Анисья, поварова жена, мѣсила въ дѣвичьей, на чистой доскѣ, куличи.

Тетушка увѣрила, что она печеть лучше своего мужа, а на самомъ дѣлѣ, старушка моя чувствовала нѣчто въ родѣ отвращенія къ мужской прислугѣ и, по возможности, старалась окружать себя женщинами. Бѣлое, сдобное тѣсто уже возвышалось подъ искусными руками Анисьи тремя фигурными пирамидами, изъ которыхъ одна поменьше назначена была мнѣ, какъ то бывало во времена моего дѣтства, когда эта «собинка» приводила меня въ восхищеніе. Чувство собственности сильно развито въ человѣкѣ, и въ словахъ: это мое! заключается особенная прелесть.

Я могла распорядиться, какъ мнѣ угодно, моимъ маленькимъ куличикомъ, дѣлить и отдавать его кому хочу.

Тетушка, казалась, совершенно забыла, что мнѣ уже семнадцатый годъ; она утѣшала меня и заботилась обо мнѣ, какъ о малюткѣ. И эта теплота чистѣйшей и глубокой привязанности въ самомъ дѣлѣ разнѣживала и смиряла мою душу до младенческой ясности.

«Подайте дидяти; спросите дитятю, угодно ли ей..?» такъ выражалась тетушка въ своихъ заботахъ обо мнѣ.

Иногда Федосья Петровна улыбалась на подобное приказаніе, а Катерина Никитишна или Марья Ивановна, шутя, замѣчали:

— Экое у насъ дитятко!

— Ну, друзья мои, говорила тетушка, — для меня она всегда дитя. Помнишь, Катенька, какъ она тутъ домики строила? или, бывало, посажу ее на этотъ столъ да разказываю сказки... Все-то прошло! идетъ время, не остановится...

И тетушка задумчиво опускала голову, подъ гнетомъ какой-то тайной тяжелой мысли.

Тетушка сама начинала изюмомъ и миндалемъ три пирамиды и очень была довольна, когда и я приняла участіе въ ея трудѣ.

— Вотъ ужъ одинъ денекъ и до праздника! привелъ бы Господь дожить! сказала Марья Ивановна.—А, признаться, надоѣла ужъ постная пища. Я думаю, и вы, маменька, ждете чайку со сливочками?

— Охъ, ужъ не говори, милая! постный чай хуже микстуры для меня. Смотри же, Федосья, чтобы сливки были съ гѣнками.

— Какъ же, сударыня, самыхъ густыхъ наснимаю.

— Те-то, то-то! да чтобъ утопить хорошенько! Вотъ, сюда, другъ мой, здѣсь пусто, обратилась тетушка ко мнѣ, и пальцемъ вдавила въ тѣсто крупную изюмину.

Къ вечеру все въ домѣ притихло въ ожиданіи праздника. Вечерній сумракъ медленно одѣвалъ предметы своимъ мечтательнымъ покровомъ. Во всѣхъ комнатахъ затеплились лампы. Прислуга говоритъ шепотомъ, ходитъ осторожно, будто боясь нарушить торжественность ожиданія и спугнуть радостное чувство, запавшее въ душу cadaго.

Тетушка, послѣ долгой молитвы, отдыхаетъ; Катерина Никитшна мирно храпитъ на лежанкѣ въ моей комнатѣ; Марья Ивановна ушла домой.

Праздникъ носится въ воздухѣ, вѣетъ въ тишинѣ, разцвѣтаетъ въ сердцахъ. Старъ и малъ ждутъ его съ одинакимъ нетерпѣніемъ. Онъ глядитъ въ окна, разливается трепетнымъ мерцаніемъ на ризахъ образовъ, дышитъ на всѣхъ отрадой, заглядываетъ въ самые углы сердца человѣческаго, озаряетъ ихъ ясными лучами. Это свѣтлое перепутье на жизненной дорогѣ, гдѣ утомленная душа подкрѣпляется и, съ новыми силами и съ тайною надеждой, идетъ дальше подъ тяжелою ношею заботъ и труда.

Бьетъ одиннадцать.

Федосья Петровна несетъ лучшій тетушкинъ чепчикъ, расправляетъ на немъ ленты, раздуваетъ примятый рюшъ и бережно кладетъ на столикъ. Кошка съ любопытствомъ слѣдитъ за свѣсившимися концами лентъ и, не успѣла Федосья Петровна отойти, какъ чепчикъ уже лежитъ на полу, сдернутый бархатною лапкой.

— Брысь! ахъ, ты, проклятая! вотъ я тебя!..

Я засмѣялась.

— Не чему, сударыня, смѣяться-то; ну, какъ бы изорвала, либо измяла, чтобы тетенька-то сказала? не сказала бы спасибо.

И чепецъ вознесенъ былъ на шкафъ съ книгами.

Вотъ и двѣнадцать! Въ воздухѣ пронесся и разлился торжественный звонъ.

Всѣ засуетились.

— Маменька, ангелъ мой! ужъ ударили, сказала, вошедшая тоже въ парадномъ чепцѣ съ лиловыми лентами, Марья Ивановна.

— Готова, другъ мой, иду. Геничка-то гдѣ?

— Здѣсь.

— А Катенька?

— Здѣсь, родная, здѣсь, — я за вами!

И всѣ мы стѣснились въ узенькомъ коридорѣ, ближайшимъ путемъ пробираясь въ прихожую, потому что для тетушки тяжело былъ каждый лишній шагъ. Двѣ горничныя шли впереди со свѣчами; Ѳедосья Петровна и Анисья вели тетушку подъ руки, едва помѣщаясь съ нею рядомъ; шествіе завершали я, Катерина Никитишна и Марья Ивановна.

У крыльца стояли столь извѣстныя дрожки съ фартуками, на которыя мы всѣ четверо помѣстились.

Апрѣльскаяночь обдалана съ тонкимъ проницающимъ воздухомъ, накрыла чистымъ, прозрачнымъ, голубымъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами. По дорогѣ въ церковь, не ясно, будто тѣни, движутся группы прихожанъ, слышится говоръ. Колокольная горитъ плошками.

Мы переѣхали и мостикъ, подъ которымъ бурлитъ въ весеннемъ разливѣ рѣчка; поднялись на гору; остановились у освѣщеннаго четырьмя плошками входа въ церковь, наполненную уже богомольцами, протѣснились на свои мѣста, и радостное: Христось воскресе! потрясло всѣ души, оживило всѣ сердца, повторилось въ устахъ каждаго, сравняло, помирило всѣхъ въ общемъ, братскомъ лобзаніи...

— Христось воскресе! кумушка, Катерина Никитишна!

— Во истину воскресе! кума, Арина Степановна! какъ поживаешь?

— Живу помаленьку, маюсь еще на бѣломъ свѣтѣ. Вотъ, Богъ привелъ и до праздника дожить. Кресенка-то твоя становится такая хорошенькая.

— Слава Богу!

— Да побывай къ намъ на праздникъ-то.

— Побываю, побываю!

— Ты у Авдотьи Петровны разгавливаешься?

— У Авдотьи Петровны.

— Она и меня приглашала, дай Богъ ей здоровья, да нельзя, дѣтки ждуть.

— Ну да какъ, чай, не ждать!

— Христось воскресе! Евгения Александровна!

— Во истину воскресе, Прасковья Ильинишна! вы къ намъ?

— Нельзя, дорогая моя! старикъ-то мой дома ждетъ; хвораеть и въ церковь божью не въ силахъ былъ дотащиться.

— Ужь какъ вы милы, моя красавица! точно ангелъ стоитъ, сказала, подходя ко мнѣ, Анна Филипповна, сосѣдка, въ розовой шляпкѣ необычайной формы и величины. Шляпка эта двадцать лѣтъ тому назадъ подарена ей одною богатою помѣщицей и надѣвалась постоянно каждый годъ въ дванадесятые праздники.

Анна Филипповна даже въ своемъ кругу считалась оригинальною по своимъ понятіямъ о модахъ и упорно держалась своихъ мнѣній, увѣряя, что моды выдумываютъ портнихи, чтобъ вытаскивать больше денегъ изъ кармана добрыхъ людей.

Солнце всходило великолѣпно, когда мы въ прежнемъ порядкѣ уѣдлись на дрожки и возвращались домой; ни одно облачко не мрачило небесной лазури.

— Смотри, Геничка, какъ играетъ солнышко, сказала Марья Ивановна.

И въ самомъ дѣлѣ, оно будто колыхалось, переливаясь радужными лучами.

Тетушка благоговѣнно перекрестилась.

— Вся тварь радуется сегодня, прибавила она.

Несмотря на то, что тетушка приглашала почти всѣхъ сосѣдей, на дѣлѣ оказалось много званыхъ и мало избранныхъ: всякій желалъ провести этотъ день дома, въ своей семьѣ. Священникъ и дьяконъ съ женами обѣдали у насъ.

Явились и чай со сливками, и разнообразнѣйшая закуска. Къ обѣду пріѣхалъ изъ уѣзднаго города Митя, сынъ Марьи Ивановны, кончавшій курсъ въ уѣздномъ училищѣ. Изъ маленькаго мальчика образовался длинный, сухощавый юноша, съ глуповатою физиономіей и добродушною улыбкой, открывавшею рядъ широкихъ, бѣлыхъ зубовъ. Я не могла постичь, откуда взялся у него такой толстый, некрасивый носъ.

— Вотъ и мой Дмитрій... умильно сказала Марья Ивановна.

— Какъ онъ выросъ! замѣтила я.

— Здравствуйте, сестрица! здоровы ли вы? Христось воскресъ-съ!

— Что ты долго ѣхалъ? спросила Марья Ивановна.

— Да какъ же-съ, маменька, нельзя: дорога -то очень дурна.

— Ну что, какъ тамъ у васъ ?

— Да что-съ, ничего-съ, помаленьку поживаемъ. Дмитрій Андреичъ, городничій, чинъ получили. Обѣдъ хотятъ дѣлать и нашего зрителя пригласять.

— Ну, вотъ !

— А въ Великій Четвергъ пожаръ былъ, два дома мѣщанскихъ сгорѣли.

— Ахъ, Боже мой !

— Экой гнѣвъ Божій ! съ чувствомъ отозвалась попадья.

Послѣ обѣда, когда гости разошлись, а тетушка Катерина Никитишна и Марья Ивановна легли отдыхать, я осталась одна съ Митенькой, и онъ повелъ со мной слѣдующій разговоръ :

— Что, каково погостили у Татьяны Петровны, сестрица ? Веселились ?

— Нѣтъ, скучно было.

— Вотъ и мою сестрицу Богъ пристроилъ. А вы такъ совсѣмъ перемѣнились, не узнаешь васъ.

— И вы, Митя, очень перемѣнились. Теперь вѣрно не станете разорять птичья гнѣзда ?

— Ой, гдѣ ужъ, сестрица ! о другомъ надо ужъ теперь думать.

— Ну, что вы подѣлываете въ вашемъ училищѣ ?

— Учимся-съ. У насъ строго-съ. Слава Богу, нынче послѣ экзаменовъ выйду.

— Куда же вы думаете поступить ?

— Да въ судъ-съ. Аѳанасій Алексѣичъ обѣщалъ мѣстечко дать.

— Отчего вамъ не поступить въ гимназію, а оттуда въ университетъ ?

— Ой, что вы, сестрица ! куда ! очень трудно-съ. Вотъ ; и теперь-то долбишь, долбишь, такъ что голова кругомъ идетъ. Нѣтъ-съ, ужъ куда намъ ! Вонъ у насъ есть ученикъ, такъ тотъ хочетъ въ гимназію, да по ученой идти-съ. Стихи пишетъ. Ей-Богу-съ ! Какъ это, сестрица, пишутъ стихи ? И Богъ его знаетъ, откуда такъ складно выходитъ ! Да меня, кажется, убили бы, я бы ны одного стишка не написалъ.

— Учится-то онъ хорошо ?

— Ии, какъ учится ! первый ученикъ-съ !

Молчаніе.

— Чтò вы, сестрица, въ окошко такъ смотрите? ужь не гулять ли думаете? Вы прежде были охотница. Да еще грязно-сь.

— Нѣтъ, я смотрю, вонъ кажется, подъ липкой, разцвѣли подсиѣжники.

— Да не угодно ли, я вамъ нарву?

— Ахъ, какъ можно! грязно.

— Ничего, помилуйте-сь, у меня сапоги не промокнуть. Я не нѣженъ, привыкъ. Сейчасъ вамъ нарву...

— Миѣ совѣстно, Митенька, вы очень добры.

— Помилуйте, сестрица! да это чтò! пустяки-сь! я для васъ не то готовъ сдѣлать.

Я смотрѣла въ окно, какъ услужливый Митя, отважно шагая черезъ весеннія лужи, добрался до толстой липы, подъ которою цвѣли подсиѣжники.

Черезъ минуту онъ воротился съ пучкомъ темноглаубыхъ цвѣтовъ, прекрасныхъ и нѣжныхъ, какъ первая мечта о счастіи, робко поникшихъ на своихъ тоненькихъ стебелькахъ.

Я была очень благодарна Митѣ.

— Вотъ, сестрица, у насъ черезъ мѣсяцъ экзамены будутъ.

— Ну такъ что же? Вы не боитесь?

— Нѣтъ-сь, Богъ милостивъ, выйду. Да вотъ учитель словесности, проклятый, выдумалъ сочиненія задавать къ экзамену. Ну, какіе у насъ сочинители! одинъ, два, да и обчелся. Опиши ему, видите ли, осень... Вотъ тутъ-то я и погибъ: какъ ее опишешь? осень, извѣстно, грязь и дожди; чтò тутъ описывать! Развѣ отца Алексѣя попросить?

— Давайте вмѣстѣ сочинять; можетъ-быть, я вамъ помогу...

— Ахъ, матушка, сестрица! вотъ ужь благодѣтельница! Позвольте ручку поцѣловать!

— Полноте, чтò вы!

— Да какъ же, помилуйте! Вы меня просто, можно сказать, оживили.

Вошла Марья Ивановна. Лицо ея сохраняло слѣды недавняго сна. Митя сообщилъ ей свою радость.

— Вотъ дай Богъ тебѣ здоровья! сказала она. — Господи, прибавила она,—подумаешь, какъ трудно это ученье! чтò муки примутъ! Ну, хорошо, какъ у кого есть способность, а кому не дано, тутъ чтò станешь дѣлать?

— Да мнѣ, маменька, только курсъ-то кончить, а тамъ, Богъ милостивъ, легче будетъ.

— А-а-а! славную же высылку задала. Ты не уснула, Генничка? Маменька-то еще почиваетъ! Ну, да вѣдь утомилась. Въ ея годы, еще какъ ее Богъ носить. Вотъ и Катерина Никитишна. Чтò, мать, выпалась?

— И какъ еще прекрасно! словно убитая спала.

V.

Время шло. Садъ зацвѣлъ и зашумѣлъ густыми волнами зелени. Надъ лугомъ вились и жужжали мириады блестящихъ насѣкомыхъ, мелькали пестрыя бабочки. Теплый, душистый воздухъ охватывалъ нѣгой и лѣнью.

Въ началѣ мая, къ намъ пришла вѣсть, что родной братъ тетушки купилъ заочно небольшое помѣстье съ поля на поле съ нашею усадьбой и самъ намѣренъ скоро прибыть и поселиться близъ насъ.

Тетушка дѣтъ пятнадцать не видала его. Онъ былъ вдовъ и большею частію находился на службѣ въ отдаленныхъ губерніяхъ; но въ настоящее время былъ безъ должности, чтò и заставило его покуда прибѣгнуть къ деревенской жизни. Изъ разговоровъ о немъ Марья Ивановна и Катерины Никитишны, я могла заключить, что въ послѣднее время онъ приобрѣлъ несчастную слабость попивать. Тетушка также слышала объ этомъ и очень тревожилась, потому что боялась пьяныхъ. Впрочемъ, она говорила, что Василій Петровичъ прежде былъ очень веселаго, общительнаго характера и не имѣлъ особенной страсти къ вину, а такъ любилъ покутить иногда съ пріятелями.

Въ одинъ теплый, ясный день, послѣ обѣда, тетушка, Марья Ивановна и Катерина Никитишна мирно играли въ карты. Этимъ новымъ занятіемъ обязаны онѣ гощенью Татьяны Петровны, которая не могла жить безъ картъ. Она первая дала имъ понятіе о преферансѣ, только что входившемъ въ моду.

Въ отворенныя окна врывался вѣтерокъ, отдувая по временамъ темный платокъ, прикрѣпленный къ окну, чтобъ защитить играющихъ отъ солнца, или открывая нѣсколько картъ, во время сдачи.

— Ну вотъ, говорила Марья Ивановна, если это случилось съ картами Катерины Никитишны,—теперь знаю, у кого тузъ бубень, ужъ не выйду съ этой масти, не беспокойся.

— Такъ какъ же это? надо бы пересдать, отвѣчала кроткая Катерина Никитишна.

— Ну, вотъ еще, пересдавать! козыряй, козыряй, поставь ремизецъ.

— Ничего, Катенька; одна карта ничего не значить, отзывалась тетушка,—вѣдь это она тебя пугаетъ.

— Пугаетъ, и впрямь, родная.

Марья Ивановна находила всегда особенное удовольствіе запугать, спутать робкую Катерину Никитишну. Иногда, какъ у Марьи Ивановны совсѣмъ не было игры, она объявляла семь въ червахъ и устремляла пристальный, магнетическій взглядъ на Катерину Никитишну, ясно говорившій: «попробуй только вистовать, поставишь ремизъ». И послѣдняя смотрѣла сперва на Марью Ивановну, потомъ считала на рукахъ взятки, потомъ опять нерѣшительно взглядывала на Марью Ивановну и, встрѣчая тотъ же угрожающій взоръ, произносила: «пасъ!» Тогда Марья Ивановна торжественно открывала карты.

— Такъ съ чѣмъ же ты играла? говорила Катерина Никитишна.

— А тебѣ кто не велѣлъ вистовать?

— Да я почему знала!

— Ахъ, Катенька, Катенька! восклицала тетушка,—чего же ты струсилла? да тебѣ бы и меня пригласить!

— Да вы сами-то, родная, что же не пошли?

— Да у меня взятки невѣрны... Вѣдь она была бѣ безъ трехъ.

— Да была бы, ангелъ мой, маменька, непремѣнно безъ трехъ; вѣдь ужъ я такъ, на рискъ...

— Ну, такъ кто же тебя зналъ? рассуждала Катерина Никитишна.

— А ты развѣ своихъ картъ не видишь... Ахъ, ты, блаженная!

— Блаженная!.. Ты зачѣмъ пугаешь?

Тетушка смѣялась, а Марья Ивановна была счастлива, что развеселила ее.

Таковы были игрицы тетушки, Марья Ивановна и Катерина

Никитишна. Играли онъ, разумѣется, безъ денегъ, но всегда записывали вѣрно выигрышъ и проигрышъ.

Въ этотъ день Марья Ивановнѣ было особенное счастье: Катерина Никитишна поставила уже нѣсколько ремизовъ, какъ вошедшая горничная доложила, что какой-то бѣдный отставной чиновникъ пріѣхалъ за подаваніемъ.

Тетушка велѣла позвать его.

Вошелъ средняго роста, плотный мужчина; черты лица его были мягки, пріятны и носили остатокъ красоты; небольшіе, свѣтлые, живые, сѣрые глаза выражали умъ.

Онъ въ молчаніи остановился посреди комнаты; тетушка посмотрѣла на него съ какимъ-то безотчетнымъ безпокойствомъ и наконецъ воскликнувъ: «Вася!» быстро отодвинула столъ и поднялась съ креселъ.

— Другъ, сестра! воскликнулъ гость, трагически воздвѣвъ руки.

Чувствительная Катерина Никитишна и даже Марья Ивановна проливали слезы.

Объ онъ знали Василья Петровича; но не видали его почти со времени своей молодости. Самъ дядя плакалъ, какъ женщина.

— Вотъ, говорилъ онъ, — я, бѣдный странникъ, увидалъ наконецъ родительскій домъ, и самъ пріобрѣлъ уголь, гдѣ могу спокойно дожить свой вѣкъ.

— Постарѣли вы, Василій Петровичъ, сказала Катерина Никитишна, послѣ первыхъ привѣтствій.

— Ну, и вы не помолодѣли! А помнишь, Катерина Никитишна, прошлое время? Вѣдь ты тогда не такая сѣдая крыса была, какъ теперь.

Со мной дядя обошелся ласково.

Весь вечеръ, до ужина, прошелъ для нихъ въ воспоминаніяхъ о прошедшемъ. Я слушала съ удовольствіемъ живые, полные юмора разказы дяди и анекдоты изъ его жизни.

Передъужиномъ онъ спросилъ водки и выпилъ нѣсколько рюмокъ, послѣ чего голось у него сдѣлался рѣзче, глаза безпокойнѣе, шутки грубѣе. Послѣ ужина, выпилъ еще нѣсколько рюмокъ и сталъ придираться къ тетушкѣ, передразнилъ Катерину Никитишну, назвавъ ее дурой и прибавивъ, что она всегда была такой.

— Ну, вотъ, умникъ какой! отвѣчала та, стараюсь обратить все въ шутку.

Наконецъ тетушка объявила, что пора на покой. Дядя былъ этимъ недоволенъ и обидчиво извинялся, что такъ обезпокоилъ насъ, что не видавшись столько лѣтъ, онъ никакъ не думалъ, что такъ скоро отяготитъ насъ своимъ присутствіемъ и отправился домой, оставя всѣхъ въ довольно-непріятномъ расположеніи духа.

Черезъ нѣсколько дней, онъ просилъ насъ къ себѣ на новоселье. Многіе изъ сосѣдей были также приглашены, не забыты были и сосѣдки.

Усадьба его была отъ насъ всего за версту; расположенная на берегу рѣчки, она состояла изъ небольшого, довольно стараго домика, за которымъ тянулся рядъ крестьянскихъ избъ. Все имѣніе состояло душъ изъ пятнадцати. При домѣ находился запущенный огородъ, съ густыми черемухами и рябинами, между которыми красовались двѣ, три яблони.

Дядя выказалъ чрезвычайно мелочную заботливость на счетъ угощенія, самъ хлопоталъ о столѣ съ тетушкинымъ поваромъ и, казалось, былъ очень доволенъ своими хлопотами.

За обѣдомъ было даже шумно. Дядя завелъ съ отцомъ Алексѣемъ какой-то отвлеченный споръ, въ которомъ Андрей Николаичъ принялъ большое участіе. Кричалъ также не мало одинъ сосѣдъ, никогда не бывавшій у тетушки, по случаю своего довольно буйнаго характера и примѣрной храбрости, выказанной имъ въ нѣкоторыхъ праздничныхъ дракахъ.

Однимъ словомъ, кругъ, собранный дядей, принялъ совѣтъ другой характеръ и получилъ какую-то смѣлость и самостоятельность, несмотря на присутствіе тетушки.

Къ вечеру графини съ водкой чаще и чаще опоражнивались, и бесѣда становилась шумнѣе.

Тетушка собралась ѣхать; къ ней подошелъ дядя.

— Какъ! сказалъ онъ:—родная сестра оставляетъ домъ своего брата прежде всѣхъ?!

— Другъ мой! я устала.

— Устала? развѣ ты не можешь у меня отдохнуть? Я, по милости родителя моего, имѣю свой уголъ и могу принять сестру мою.

Дядя употреблялъ это выраженіе, желая намекнуть на то, что мать его отдала все свое имѣніе дочерямъ.

— Конечно, заговорилъ онъ плаксиво, — я несчастный человекъ: родные бросили меня, сестра не хочетъ побыть у брата нѣсколько часовъ. Что же? развѣ у меня неприлично что-нибудь, развѣ я сдѣлалъ что-нибудь дурное?

— Ничего, другъ мой; но я лучше приѣду къ тебѣ въ другой разъ, на цѣлый день.

— Не нужно мнѣ въ другой разъ! сердито сказалъ онъ и вышелъ.

— Что съ нимъ, ангелъ мой маменька, станешь дѣлать! сказала Марья Ивановна: — попало въ голову!

Въ эту минуту въ другой комнатѣ раздалось громкое нестройное пѣніе. Хоромъ сосѣдей управлялъ дядя и кричалъ на дѣвчонку за то, что онъ фальшивитъ.

— Ну, вотъ и врешь, не туда залѣзь! до-о-кса, до-о-кса сикирія! и дядя билъ тактъ по столу рукой, такъ что рюмки и стаканы составляли какой-то дикій акомпаниментъ его пѣнію.

Насъ, привыкшихъ къ тишинѣ, пугала эта шумная пирушка. Тетушка, по временамъ, даже вздрагивала. Мы съ Марьей Ивановной старались успокоить ее и другихъ робкихъ собесѣдницъ, находя въ себѣ силы шутить и смѣяться.

— Не подрались бы они! сказала одна изъ сосѣдокъ: — въд мой-то куда какъ задоренъ, какъ въ голову-то попадетъ.

Въ это время вошелъ дядя съ рюмкой въ рукѣ.

— Что пьянъ я? говорилъ онъ. — Геничка! смотри, пьянъ ли я? Я сейчасъ по одной половицѣ пройду. Смотри, сестра!

И онъ сталъ ходить передъ нами взадъ и впередъ, по одной половицѣ, довольно твердымъ, хотя и медленнымъ шагомъ.

— А вотъ онъ такъ не пройдетъ по одной половицѣ, вотъ сосѣдъ-то не пройдетъ.

Онъ указалъ на крикливаго сосѣда, стоявшаго въ дверяхъ.

— Пройду не хуже тебя, отвѣчалъ тотъ.

— Ну-ка! ну-ка!

Сосѣдъ сдѣлалъ опытъ.

— А ты зачѣмъ ногами-то виляешь!

— Я виляю? матушка, Авдотья Петровна! рѣшите...

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала тетушка, — нѣтъ, вы тверды на ногахъ.

— Нѣтъ, пошатнулся, извини.

— Ужь если почтенная наша Авдотья Петровна сказала, что я твердъ на ногахъ, то значить ты врешь, сосѣдь!

— Я вру? нѣтъ, любезный, шутишь... Ты, сидя-то здѣсь, въ медвѣжьемъ углу, научился врать...

— Полноте, сказала я, подходя къ сосѣду, — стоитъ ли спорить изъ пустяковъ!

— Матушка, Евгенія Александровна! пожалуйста ручку, не погнушайтесь! вѣдь вы, ангель, можно сказать...

И сосѣдь, къ неопisanному моему удивленію, залился слезами.

Дядю, между тѣмъ, отвлекла Марья Ивановна какою-то шуткой.

Остальные, полупьяные гости тоже вышли къ намъ; но, къ счастью, скоро оставили насъ въ покоѣ, соединясь за круглымъ столомъ въ другой комнатѣ.

Чтобъ выбраться изъ этой новой для меня и душевной атмосферы, мы должны были прибѣгнуть къ хитрости: лошади поданы были къ заднему крыльцу, и мы уѣхали тихонько, не простясь съ дядей.

Я вздохнула свободно, какъ только свѣжій воздухъ пахнулъ на меня. Весь этотъ шумъ, несвязныя рѣчи, пьяныя лица, запахъ вина и табаку были мнѣ противны; усиліе, которое я дѣлала, чтобъ скрыть отъ тетушки непріятное впечатлѣніе, до того утомило меня, что мнѣ показалось, будто я тоже опьянѣла между этими людьми.

Вечеръ былъ тихій и теплый, когда мы выѣхали отъ дяди; дорога къ нашему дому шла лѣсомъ; запахъ пихтъ и сосенъ разносился въ воздухъ; розовый лучъ заката золотилъ ихъ вершины и падалъ на лица моихъ спутницъ, озаряя ихъ какимъ-то волшебнымъ свѣтомъ. Этотъ розовый блескъ на старыхъ морщинистыхъ лицахъ казался мнѣ чѣмъ-то нездѣшнымъ; мнѣ стало страшно, будто настала минута ихъ перерожденія, и внутренній пламень объѣдалъ ихъ, для того чтобъ разрушить все ветхое и грубое ихъ существа и обновить ихъ для иной, новой жизни.

Съ замирающимъ сердцемъ, глядѣла я на тетушку и теперь только замѣтила, что время и послѣдняя болѣзнь не мало прибавили морщинъ на лицо ея; что голова ея тряслась и выбившіеся изъ-подъ чепчика волосы были совсѣмъ бѣлы. Серіозный видъ, со-

храняемый ею во всю дорогу, недовольное выраженіе ея губъ, мѣрный шумъ тихо катившихся дροжекъ и вообще молчаніе еще болѣе поддерживали во мнѣ это тяжелое впечатлѣніе.

Мысль о возможности лишиться доброй тетушки, въ первый разъ ясно представилась мнѣ и внесла въ мою душу предчувствіе истиннаго, положительнаго горя.

Съ пріѣздомъ домой разсѣялись мои грустныя мысли; мирныя комнаты, съ освѣщающею ихъ зеленью, хлопотливость Федосьи Петровны, приказанія тетушки старостѣ, разговоры Катерины Никитишны съ Марьей Ивановной, все это вводило меня невольно и незамѣтно для меня самой въ обычную колею жизни.

— Маменькѣ-то, кажется, непріятно было, сказала Марья Ивановна, — что онъ въ такомъ видѣ угостилъ ее на первый разъ; я обмирала, чтобъ у нихъ чего не вышло съ Кузьмой Сидорычемъ. Долго ли до грѣха? Видно послалъ Богъ сосѣда-то не смирнаго. Да онъ насъ здѣсь завоюетъ.

— Ну, полно, ужъ и завоюетъ! какъ ты хочешь, Марья Ивановна, чтобъ мущина не выпилъ! возразила Катерина Никитишна.

— Да вѣдь онъ и нерѣдко такъ бываетъ. Поживи-ка съ нимъ, узнаешь каковъ молодецъ. Нѣтъ, ужъ я слышала о немъ...

— Чтò же, Господи помилуй, не приколотить же!

— Да что за удовольствіе? Пойдутъ непріятности: у насъ вѣдь здѣсь былъ женскій монастырь. — Чтò, Геничка, обратилась она ко мнѣ, весело ли было у дядюшки-то?

Я улыбнулась въ отвѣтъ.

— Вотъ, друзья мои, сказала тетушка, усѣвшись въ свое кресло, — на какомъ пиру были мы! Признаться, мнѣ очень было непріятно: чтò за компанію выбралъ и слѣдъ ли ему такъ орать и такіе фарсы выкидывать! И что за лицо, что за голосъ сдѣлался, смотрѣть страшно! прежде онъ совсѣмъ другой былъ.

— Да вы, ангелъ мой маменька, не разстройвайтесь; вотъ вы огорчитесь, а вамъ это вредно.

— Ахъ, Марья Ивановна! да вѣдь онъ не чужой мнѣ!

Простясь съ тетушкой, я ушла въ садъ и долго бродила по темнымъ аллеямъ, сквозь густую зелень которыхъ кротко мерцали звѣзды, и лучи ихъ зажигали въ моемъ сердцѣ сладостныя, неопредѣленные чувства, которыя, будто музыка, убаюкивали меня и заставили сладко заснуть, когда я, возвратясь домой, легла на

свою постель... Но и сквозь сонъ казалось мнѣ, что ночные силы, влетая въ открытое окно, рѣяли надъ моимъ изголовьемъ и напѣвали тихія пѣсни...

Вдругъ, подъ окномъ, раздалось такое громкое пѣніе, что его никакъ нельзя было принять за пѣніе силфовъ. Я вскочила съ постели, не зная что подумать, пока не узнала голоса дяди. Онъ пѣлъ:

«Дуброва шумить»...

Я наскоро одѣлась и подошла къ окну, передъ которымъ стоялъ дядя.

— Какову я тебѣ серенаду задаю? сказалъ онъ мнѣ:—ну что вы здѣсь живете! совсѣмъ заплесневѣли; вотъ, мы васъ расшевелимъ...

— Я боюсь, что вы разбудите тетюшку.

— Сестру? это что за нѣжности! Конечно, вы большія барыни живете здѣсь; сохрани Богъ васъ обезпокоить, имѣете тонкій сонъ... Извините, Евгенія Александровна, старика дядю, что осмѣлился обезпокоить васъ; вѣдь вы нѣжная дѣвица, вы на нашего брата смотрите съ презрѣніемъ. Извините, извините!

И онъ, съ насмѣшливою почтительностью, раскланивался со мною.

— Что это, баринъ, и ночи-то на васъ нѣтъ! сказала съ крыльца Федосья Петровна:—вѣдь вы эдакъ сестрицу-то перепугаете...

— Конечно, сестрицу-то перепугаете, передразнилъ онъ Федосью Петровну, потомъ крикнулъ:—молчи, старая вѣдьма! А вотъ, Геничка, ты бы старика-дядю и угостила, велѣла бы поднести ему... Прикажи вотъ этой вѣдьмѣ вынести сюда рюмочку...

— Да ключи-то у барыни подъ подушкой, сказала Федосья Петровна.

— Такъ чортъ же съ вами! я къ попу пойду, если ужъ въ домѣ родной сестры родная племянница пожалѣла дядѣ рюмку водки!..

И онъ пошелъ по дорогѣ.

Я долго не могла заснуть, взволнованная непріятнымъ ощущеніемъ. Мнѣ было больно и обидно за дядю, и образъ его вы-

тѣснилъ всѣ свѣтлыя видѣнія , налетѣвшія на меня до его появленія.

На другой день , утромъ , Федосья Петровна не утерпѣла , чтобы не пересказать тетушкѣ о ночной прогулкѣ дяди , и это очень взволновало и разсердило тетушку.

— Ахъ , Боже мой ! говорила она за чаемъ :—ужь до чего дошелъ , по ночамъ шататься , беспокоить ребенка (то-есть меня). Ахъ , онъ пьяница ! Нѣтъ , я ему скажу , какъ ему угодно , чтобы онъ такихъ фарсовъ не выкидывалъ.

Я увѣряла , что еще не спала и нисколько не испугалась ; но тетушка не вѣрила , думая , что я этимъ хочу только успокоить ее.

Передъ обѣдомъ , я сидѣла на крыльцѣ , по старой привычкѣ дѣтства . Зеленый коверъ разстился передо мной , какъ и въ былое время ; сосновый лѣсъ съ полуденнымъ вѣтеркомъ посылалъ свои благоуханія . Теперь ужь никто не удержитъ меня идти по дорогѣ и погрузиться въ густую тѣнь лѣса . Мнѣ не нужно , съ замирающимъ сердцемъ , проситься у тетушки . . . Но я сидѣла неподвижно , носясь далеко мыслію , воскрешая въ умѣ прошедшее . Лиза , Павелъ Ивановичъ , жизнь у тетушки Татьяны Петровны , мрачный образъ Тарханова — вставали и проносились передо мной , будто требуя отчета въ различныхъ впечатлѣніяхъ , оставленныхъ ими въ душѣ моей .

По дорогѣ отъ лѣса шелъ дядя . Онъ шелъ тихо , опираясь на палку и сгорбившись , что придавало ему видъ старика .

Первымъ безотчетнымъ моимъ движеніемъ было встать и уйти , но я преодолѣла это движеніе и отважно отправилась къ дядѣ на встрѣчу . Я помнила вчерашній сердитый тонъ , упрекъ и ругательство , съ которыми онъ насъ оставилъ и ожидала , что и сегодня разразится гроза .

— Здравствуйте , дядюшка ! сказала я , подходя къ нему .

— Здравствуй , другъ мой ! отвѣчалъ онъ , охая и цѣлуя меня съ нѣжностью :—радость ты моя ! Я вчера обезпокоилъ тебя ! Извини ты меня !

— Э , полноте , есть ли о чемъ толковать ! я и забыла о вчерашнемъ . Что вы это охаете ?

— А , вотъ , сегодня безъ ногъ совсѣмъ . Что сестра ? Я думаю , сердится на меня ?

Я не знала что отвѣчать.

— Знаешь она, что я куралесилъ ночью?

— Кажется.

— Вотъ вѣдь ты какая ябедница, сказалъ онъ полушутливо, — сейчасъ и выдала дядю!

— Я ничего ей не говорила?

— Такъ это все эта вѣдьма Федосья! продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ.

Я не отвѣчала.

Такъ дошли мы до дому.

Дядя, крехтя и охая, вошелъ съ печальнымъ видомъ къ тетушкѣ и сказалъ тономъ кающагося грѣшника:

— Сестра! прости! я вчера огорчилъ тебя. Дай ручку!

Состраданіе замѣнило въ сердцѣ тетушки приготовленный выговоръ.

— Ну, ужь Богъ съ тобой! сказала она. — Экъ тебя перевернуло!

Дядя продолжалъ охать. Добрая Катерина Никитишна также приняла въ немъ участіе. Марья Ивановна еще не приходила.

— Прикажи, сестра, дать мнѣ рюмочку; силъ нѣтъ, всѣ кости болятъ.

Тетушка слегка поморщилась; дядя быстро взглянулъ на нее и опустилъ глаза.

— Дай ему, Федосья, рюмочку, сказала тетушка вошедшей Федосьѣ Петровнѣ.

Вскорѣ дядя вышелъ въ дѣвичью.

— А ты, старая корга, сказалъ онъ Федосьѣ Петровнѣ, смягчая это выраженіе голосомъ шутокъ, — сейчасъ переплеснула сестрѣ о вчерашнемъ! А еще я хотѣлъ угостить тебя по-приятельски!

— Да вѣдь какъ же, Василій Петровичъ: ну какъ бы онѣ узнали послѣ отъ другихъ, гнѣваться бы стали.

— А кто смѣетъ сказать? А! у васъ все шпіоны, переносчики!

— Не извольте обижать, Василій Петровичъ, заговорили дѣвки, присутствовавшія въ дѣвичьей, — у насъ никакихъ шпіоновъ нѣтъ. Наше ли дѣло говорить о господахъ?

Федосьѣ Петровнѣ было непріятно.

— А вотъ ты, бабушка, продолжалъ дядя вкрадчиво, — чтобъ заглядить свою вину, поднеси мнѣ рюмочку; тогда ужь, Богъ съ тобой, такъ и быть, не буду помнить зла.

Өедосья Петровна вынесла изъ кладовой графинъ и рюмку.

— Я не иначе выпью, какъ съ тѣмъ, чтобъ и ты выпила.

— Чтò съ вами будешь дѣлать, баринъ, сказала развеселясь Өедосья Петровна, — проказникъ этакой!

Она выпила рюмку.

Өедосья Петровна была совершенно побѣждена.

— Не будешь ябедничать, а? То-то же смотри у меня! А на мировую надо еще рюмочку выпить. И онъ выпилъ.

Дядя былъ рѣшительно неистощимъ въ изобрѣтеніи предлоговъ выпить, и къ обѣду совершилось его измѣненіе: лицо раскраснѣлось, глаза забѣгали быстро; лѣтніе движенія смѣнились безпокойными; голосъ зазвучалъ грубо и сердито.

Я съ любопытствомъ наблюдала этого человѣка, столь тихаго и мирнаго въ трезвомъ видѣ, и столь раздражительнаго и несноснаго, какъ скоро попадало ему въ голову.

Изъ его рѣчей и поступковъ можно было замѣтить, что онъ дѣйствовалъ не бессознательно, что вино помогало ему высказывать свои затаенныя досады и горести, причина которыхъ крылась въ его стремительной, безпокойной натурѣ, но до того подавленной врожденною слабостью характера, что, трезвый, онъ не имѣлъ силы сказать что-нибудь рѣзкое или непріятное для другихъ. Сердился ли онъ на человѣка, казалось ли ему что-нибудь сказаннымъ на его счетъ (онъ былъ подозрителенъ и самолюбивъ) — онъ ни взглядомъ, ни словомъ не обнаруживалъ въ то время своихъ впечатлѣній, а нарочно выпивалъ на другой день лишнее и вымещалъ все сторицею. Такимъ образомъ, поработясь несчастной страсти, онъ въ то же время дѣлалъ изъ нея слугу себѣ.

Послѣ обѣда, дядя придирался нѣсколько разъ то къ Катеринѣ Никитишнѣ, то къ Марьѣ Ивановнѣ, пришедшей къ обѣду; вывелъ изъ терпѣнія тетушку укорами въ недостаткѣ нѣжности къ брату. Старушка ушла за ширмы и поручила намъ «не пускать къ ней злодѣя».

Мнѣ предстояла не очень веселая жизнь, по милости дяди: безконечный рядъ мелочныхъ, но все-таки непріятныхъ сценъ,

видѣлся мнѣ впереди и отравлялъ тишину души моей, какъ рой мошекъ и комаровъ отравляетъ прелесть яснаго, теплаго вечера.

Сцены эти разстроивали и сердили тетушку, что въ ея годы могло произвести дурное вліяніе на ея здоровье. Дядя и меня не оставлялъ въ покоѣ. Пьяный, онъ называлъ меня иначе какъ: «Евгенія Александровна», «вы», «мечтательная дѣвица». Съ искусствомъ, ему только свойственнымъ, придирался онъ къ каждому невинному моему слову и выводилъ изъ него, что я или думаю смѣяться надъ нимъ, или считаю его глупѣ себя.

Странная была эта натура! До всего ему было дѣло, все его тревожило; онъ ревновалъ горничныхъ, разбиралъ ссоры, подозревалъ всѣхъ въ какихъ-то недобрыхъ противъ себя намѣреніяхъ. А между тѣмъ, въ немъ не было ни барской спѣси, ни презрѣнія къ низшимъ себя по состоянію; нерѣдко даже проглядывали въ немъ порывы искренней доброты и настоящаго русскаго хлѣбосольтва,—все это вмѣстѣ съ его живымъ, находчивымъ умомъ, съ опытностью, пріобрѣтенною годами и разнообразными столкновеніями въ жизни, могло бы сдѣлать изъ него самаго пріятнаго и любезнаго человѣка. Къ несчастію, все это помрачалось частыми неприятными выходками въ нетрезвомъ видѣ, какимъ-то внутреннимъ недовольствомъ и желчною раздражительностью, вѣроятно, не безъ причины запавшими ему въ душу. Онъ не былъ горькимъ пьяницей и, когда хотѣлъ, владелъ своими страстями. Притомъ, онъ любилъ дѣятельность и скучалъ безъ службы.

Къ ночи пріѣхалъ Митенька, что возвѣстилъ намъ необычайный лай сабакъ, вызвавшій Дуняшу на крыльцо, откуда она и принесла мнѣ эту новость.

На другой день, къ утреннему чаю, онъ явился съ Марьей Ивановной засвидѣтельствовать почтеніе тетушкѣ. Входъ ихъ имѣлъ на этотъ разъ что-то торжественное: Марья Ивановна шла впереди, въ чистомъ чепцѣ, широкая оборка котораго заворачивалась на ходбѣ назадъ и представляла что-то въ родѣ ореола кругомъ ея довольнаго лица. Митенька, кончившій уже курсъ въ уѣздномъ училищѣ, выступалъ за нею въ новомъ сюртукѣ и пестромъ жилетѣ.

— Поздравляю тебя, Марья Ивановна! сказала тетушка: — Богъ привелъ тебѣ дожидаться сына большаго... И тебя, Митенька,

поздравляю. Посмотрите, да онъ сталъ молодецъ, прибавила она.

Митенька пріятно улыбнулся, покраснѣлъ отъ удовольствія и еще разъ поцѣловалъ у тетушки ручку.

— Да вотъ теперь одна забота, сказала Марья Ивановна, — какъ бы его къ мѣстечку пристроить.

— А Богъ милостивъ, маменька! Аванасій Алексѣичъ обѣщалъ.

Вскорѣ пришелъ дядя.

Прежде нежели онъ вошелъ къ намъ, громкій голосъ его уже доходилъ до насъ.

— Пожаловалъ дорогой гость, сказала тетушка:— видно попало въ голову, вонъ какимъ соловьемъ заливаешься.

— Да ужь, кажется, есть, сказала Марья Ивановна.

Въ эту минуту взоры наши поражены были странною картиной: дядя остановился въ дверяхъ, держа подъ мышкой бѣлаго индѣйскаго пѣтуха, который съ глупымъ любопытствомъ вытягивалъ свою безобразную голову и пронзительно кричалъ.

Не выпуская изъ рукъ пѣтуха, дядя почтительно подошелъ къ тетушкѣ, поцѣловалъ у нея руку и сказалъ смиреннымъ голосомъ.

— Я пришелъ къ тебѣ на судъ, сестра! сдѣлай милость, запрети своему пѣтуху ходить ко мнѣ въ огородъ.

— Изволь, мой другъ, сказала тетушка съ насмѣшливою покорностью, —завтра же велю заколоть его на жаркое.

— Нѣтъ, что заколоть! зачѣмъ заколоть! Ты запрети ему.

— Кажется, ты помѣшался, Василій Петровичъ!

— А! заговорилъ онъ сердито, — я помѣшался! нѣтъ, я не помѣшался. А твои люди усѣли вчера высѣчь моего козла за то, что онъ пришелъ на дворъ къ вамъ!

И за тѣмъ пошли безконечныя варіаціи на эту тему, пока дядя не перешелъ къ болѣе любимой имъ, а именно къ недостатку родственнаго расположенія къ нему со стороны родной сестры его, которая готова промѣнять его на послѣдняго своего двороваго мальчика. Тетушка вышла изъ терпѣнія, назвала его «крючкомъ» и ушла за ширмы въ свою комнату, оставя насъ на жертву его любезности.

— Вы, кажется, вчера вечеромъ изволили прогуливаться подъ

моею усадьбой? обратился онъ ко мнѣ. — Что бы удостоить дядю вашимъ посвѣщеніемъ!

— Было уже поздно.

— Поздно! Конечно, вы предавались своимъ мечтаніямъ?

— Кому же и мечтать-съ, какъ не молодымъ дѣвцамъ? вмѣшался Митя.

— А, господинъ ученикъ уѣзднаго училища! Мое почтеніе! Поздравляю васъ съ окончаніемъ блестящаго образованія. По батюшкѣ пошли.

— Нечего вамъ, Василій Петровичъ, трогать моего батюшку, сказалъ Митя.

— Что? крикнулъ дядя свирѣпо:—что ты сказалъ? Вы слышали, обратился онъ къ намъ, — вы были свидѣтели. Развѣ я сказалъ что дурное объ его отцѣ? Ахъ ты, молокососъ! да какъ ты осмѣлился сказать это мнѣ, — мнѣ?.. Да ты знаешь ли?.. да ты что еще?.. кричалъ онъ, ближе и ближе подступая къ Митѣ, поблѣднѣвшему и струсившему не на шутку.

— Василій Петровичъ, Василій Петровичъ! закричали въ ужасѣ въ одинъ голосъ, вскочивъ съ своихъ мѣстъ, Марья Ивановна и Катерина Никитишна, подбѣжали къ нему и старались удержать его.

— Вы что, тетери?! крикнулъ онъ на нихъ; ну, чего испугались, за кого вы меня принимаете? Что, струсилъ? сказалъ онъ Митѣ. Дуралей, дуралей! шутки не видить! Ну, полно, братъ! поцѣлуемся. А ты, Геничка, прикажи мнѣ рюмочку дать.

Я исполнила его просьбу, послѣ чего онъ отправился къ тетушкѣ просить прощенія, умолялъ выйти и божился, что больше никакой неприятности ей не сдѣлаетъ. Тетушка простила его, частію для того, чтобъ отдѣлаться отъ него, частію вслѣдствіе сердечной доброты, не могшей устоять противъ смиреннаго самообвиненія дяди, который исполнилъ свое обѣщаніе и во все остальное время дня былъ веселъ и пѣлъ чувствительные романсы, русскія пѣсни, пѣлъ съ душой, голосомъ, хотя уже утратившимъ свою свѣжесть, но не лишеннымъ пріятности.

— Вотъ вѣдь, сестрица, сказалъ Митя, выходя со мною въ садъ:—Василій Петровичъ понапрасну меня обидѣлъ.

— Не огорчайтесь, Митя! онъ сдѣлалъ это безъ намѣренія.

— Да я на него не сержусь, Богъ съ нимъ!

— У васъ доброе сердце.

— Я, сестрица, зла никому не желаю. Грѣхъ желать зла. Вѣдь вотъ онъ и къ вамъ все придирается, а душа у него добрая. Чтò вы это разглядываете? ахъ, Господи! — червяка! и онъ залился добродушнымъ смѣхомъ.

— Посмотрите, какой красивый! и я поднесла на ладони къ его лицу большаго, пестраго, пушистаго червяка.

— Ой, полноте-ка! я ихъ терпѣть не могу! сказалъ онъ, отступая назадъ.

— Ужь не боитесь ли?

— Нѣтъ, чего бояться. Вотъ, мышей такъ боюсь. Господи! подумаешь, продолжалъ онъ,—чего-чего Богъ не создалъ! Ну, для чего, кажется, на свѣтъ эти мыши проклятыя? А вотъ вы, сестрица, я думаю, читали естественную исторію? Въ Африкѣ-то, въ Америкѣ-то какъ: тигры, леопарды живутъ. Какъ бы они у насъ были,—кажется, и въ лѣсъ-то бы не вышелъ.

— И у насъ есть медвѣди, отвѣчала я.

— Чтò медвѣдь? ничего! отъ медвѣдя спастись можно: упасть на землю да и не дышать,—такъ, говорятъ, ни за что не тронетъ. Одинъ мужикъ встрѣтился въ лѣсу съ медвѣдемъ, да и началъ вокругъ дерева ходить; тотъ покружился, покружился за нимъ, да и пошелъ прочь. Да, слава Богу, въ здѣшнихъ лѣсахъ не водятся. А вы, я думаю, сестрица, скучаете здѣсь? Господи! давно ли, кажется, маленькія были! бывало все играете. А вотъ меня такъ гоняли отъ себя.

— Вы не умѣли играть съ нами.

— А помните ли, какъ вы обманули меня? велѣли запереть себя въ хижинкѣ и увѣрили, что вы колдуньи, что если я запру васъ, да постою у дверей, такъ вы исчезнете. Я и заперъ васъ; а вы выѣзали тихонько въ окошечко да и убѣжали. Я посмотрю, а васъ ужъ и нѣтъ въ хижинкѣ; перепугался, бѣгу домой, кричу; а вы сидите обѣ на балконѣ да смѣетесь. Вѣтъ ужъ моя сестрица замужемъ, мать семейства будетъ; пора ужъ и вамъ выходить. Да правда жениховъ-то у насъ здѣсь нѣтъ. А вѣдь вы очень похорошѣли противъ того, какъ маленькія были. А что, сестрица, вы влюблялись ли когда?

— А вы?

— Вотъ вѣдь вы какія, сказалъ онъ и засмѣялся.—Нѣтъ-съ,

куда мнѣ влюбляться? мнѣ надо о другомъ думать. Да и страшно влюбляться-то; любовь, говорятъ, мучительна; еще какая попадется: пожалуй изсмѣется да обманетъ.

— Я не знала, Митя, что вы такъ дурно думаете о женщинахъ.

— Ахъ, сестрица! А женщины-то объ мужчинахъ еще хуже думаютъ. Сами виноваты, а все на нихъ.

— А ужъ онѣ непремѣнно виноваты?

— Конечно, всякіе бываютъ и мужчины, и женщины. Вотъ вы, сестрица, я думаю, какъ полюбите, такъ ужъ не измѣните.

— Почему вы знаете?

— Нѣтъ-съ, да ужъ это видно...

Но объяснить мнѣ, изъ чего это видно, Митя никакъ не могъ.

Съ этихъ поръ, онъ не пропускалъ случая заводить со мной подобные разговоры. Сперва мнѣ было отъ нихъ скучно; но, въ послѣдствіи, его простодушіе, его младенческое невѣдѣніе людей и жизни стали занимать меня.

Окруженная людьми, не могшими мнѣ, по лѣтамъ своимъ, сочувствовать ни въ чемъ, я видѣла въ Митѣ товарища мнѣ, если не по понятіямъ, то по молодости, и потому я нерѣдко бывала рада, когда къ вечеру, возвращаясь съ охоты, онъ заходилъ къ намъ, всегда веселый и улыбающійся, садился возлѣ меня въ уголокъ, разказывалъ о лѣшихъ и медвѣдяхъ, или высказывалъ свои мнѣнія о любви и о трудности жить на свѣтѣ.

Но сердце мое ощущало страшную пустоту. Эта жизнь безъ цѣли и дѣятельности, несмотря на ея миръ и беззаботность, порой тяжело ложилась мнѣ на душу. Одна природа неизмѣнно лѣгчала меня своимъ разнообразіемъ, своею таинственною жизнью. Теплый вечеръ наносилъ мнѣ мечты; ясное раннее утро вливало въ меня бодрость и силы. Въ минуты безотчетной тоски, я убѣгала въ садъ съ намѣреніемъ выплываться; но когда глаза мои останавливались на кустахъ сирени, увѣшенной душистыми, цвѣтущими бѣлыми и лиловыми кистями, или встрѣчали полузакрытую зеленью розу, или глядѣли на густую, сочную траву, а эхо слушало шепотъ листьевъ, тогда все вниманіе мое устремлялось на эти очарованные предметы и тоска моя отлетала... Успокоенная, примиренная, возвращалась я домой, и долго не смѣла ничего просить у жизни.

Неожиданно дядя получилъ должность, по ходатайству одного стариннаго своего пріятеля, и, послѣ четырехъ-недѣльнаго пребыванія въ нашей сторонѣ, уѣхалъ. Я была рада, да и всѣ не были опечалены; но когда тройка, уносившая его, заворотила за лѣсъ и поднявшееся на дорогѣ облако пыли разсѣялось, мнѣ стало грустно и жаль этого человѣка.

А что будетъ со мною? Какія еще встрѣчи предстоятъ мнѣ?.. Грустно и страшно!

Ю. ЖАДОВСКАЯ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ВЫБОРЪ НОВАГО ПРЕЗИДЕНТА

СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ

Какъ ни прискорбно думать, что почти вся внутренняя и отчасти внѣшняя политика Сѣвероамериканской республики неразрывно связана съ вопросомъ о неграхъ, нельзя однакожь не признать, что въ настоящее время онъ представляется господствующимъ надъ всѣми другими. Не онъ ли служитъ первымъ критериумомъ при избраніи не только главы исполнительной власти, но и представителей законодательной? Не онъ ли во всей политикѣ Соединенныхъ Штатовъ даетъ мѣру возможнаго соглашенія между штатами свободными и тѣми, гдѣ допущено невольничество? Не онъ ли, опираясь на климатическія особенности и на преимущества одной расы передъ другою, разъединяетъ республику постоянною враждою и поддерживаетъ общественное учрежденіе, противное духу ея уставовъ?

Умъ безпристрастнаго наблюдателя невольно останавливается на томъ, какимъ образомъ это черное пятно, явившееся сначала въ довольно малыхъ размѣрахъ, но возбуждавшее потомъ сильныя опасенія уже со стороны главныхъ учредителей Американской республики, осталось нетронутымъ данною ей конституціей и разлилось подъ цинкомъ закона въ обширное море, захватившее теперь чуть не половину Сѣвероамериканскаго материка.

Извѣстно, что еще въ XIV вѣкѣ въ Португаліи и особенно въ южной Испаніи существовало многочисленное населеніе свободныхъ и несвободныхъ негровъ и мулаттовъ, возникшее подъ арабскимъ владычествомъ. Отъ позднѣйшаго времени дошла до насъ между прочимъ любопытная грамота Фердинанда и Изабеллы испанскихъ (1474 г.), которою въ старшины (майоралы) и суды надъ всѣми неграми и мулаттами Севильскаго архіепископства былъ назначенъ именитый негръ, Хуанъ Вальядолидскій, обыкновенно называвшійся Негрскимъ Графомъ (Conde Negro). Въ XV-мъ же столѣтіи Португальцы покупали черныхъ невольниковъ внутри Африки и употребляли ихъ на работы въ своихъ Гвинейскихъ колоніяхъ. Когда вскорѣ послѣ откры-

тія Америки и учрежденія тамъ первыхъ европейскихъ поселеній оказался въ нихъ недостатокъ рабочихъ рукъ, то сначала Португальцы, Испанцы, и Генуэзцы, а за ними Голландцы и другіе мореходные народы пустились въ прибыльную торговлю черными невольниками. Многіе государи, начиная съ Карла V, давали на нее особыя привилегіи. Правомъ поставки негровъ въ испанскую Америку, такъ-называемымъ *assiento*, пользовался прежде всѣхъ любимицъ Карла, маркизъ Бреза; потомъ купили его Генуэзцы, позже перешло оно въ руки торговаго общества, состоявшаго преимущественно изъ Англичанъ; въ 1701 году оно передано по договору Французамъ, а въ 1711 уступлено Англіи. Вообще къ концу XVI вѣка особенно дѣятельною является на этомъ поприщѣ Англія. Сначала, въ теченіе почти ста лѣтъ, правительство ея предоставляло торгъ неграми въ видѣ привилегіи разнымъ колоніямъ, которымъ хотѣло оказать особенную помощь, но съ 1698 года парламентъ, въ видахъ справедливости и общаго поощренія, объявилъ эту отрасль промышленности свободною для всѣхъ. Въ послѣднее двадцатилѣтіе семнадцатаго вѣка, въ одні Сѣвероамериканскія колоніи продаано было не менѣе 300,000 невольниковъ. Когда же по договору съ Испаніей, утвержденному Утрехтскимъ миромъ, Англія приобрѣла на тридцать лѣтъ право поставки негровъ въ испанскія колоніи, тогда торговля эта достигла высшей степени своего развитія и сильно способствовала не только успѣхамъ англійскаго мореходства, но и образованію огромныхъ купеческихъ капиталовъ въ этой странѣ.

Конечно, не въ оправданіе торга неграми, но лишь въ объясненіе того, до какихъ крайностей доводила тогда потребность въ рабочихъ, необходимыхъ для воздѣлки обширныхъ пространствъ непочатой плодородной земли, особенно въ южной половинѣ Сѣвероамериканскихъ колоній, мы считаемъ себя обязанными напомнить читателю, что и бѣлое населеніе этихъ областей составилось значительною частью изъ несвободныхъ людей. Въ колонизаціи Сѣверной Америки участвовали на столько же люди, искавшіе свободы отъ феодальныхъ, политическихъ и религиозныхъ притѣсненій родной Англіи, сколько и такіе, которыхъ просто отдавали и продавали въ кабалу. Участники этой подвергались не одни тюремные арестанты, но и вообще разные бѣдняки и бродяги; преимущественно же это были жертвы гражданскихъ и церковныхъ смутъ того времени. Каждая побѣда извѣстной политической или религиозной партіи влекла за собою раздѣлъ побѣжденныхъ между побѣдителями и отправку этой добычи, въ видѣ кабальныхъ людей, за море. Правда, кабала ограничивалась обыкновенно семилѣтнимъ срокомъ, но, до истеченія его, хозяева кабальныхъ пользовались своимъ правомъ во всей его полнотѣ и часто съ неумолимымъ жестокосердіемъ. Вывозъ такихъ невольныхъ переселенцевъ особенно усилился при Іаковѣ II, когда придворные распорядились

политическими узниками, какъ товаромъ, для личныхъ своихъ выгодъ. За двѣнадцать, много за двадцать фунтовъ стерлинговъ всегда можно было купить кабальнаго для отправки въ колонію. Но болѣею частію это были люди, поставленные рожденіемъ и воспитаніемъ гораздо выше требованій рабочаго класса, а потому неудобства и невыгоды содержанія такихъ работниковъ не могли не обнаружиться въ послѣдствіи.

Было, сверхъ того, много добровольныхъ переселенцевъ, которые, не имѣя другихъ средствъ заплатить за перевозъ въ Америку, забавались на известное число лѣтъ, всего чаще на пять. Такимъ образомъ, до самаго конца семнадцатаго вѣка, бѣлые кабатники, особенно въ Виргиніи и Мериландѣ, оспаривали у негровъ право обливать своимъ потомъ, а иногда и кровью, земли, пожалованныя какимъ-нибудь лордамъ, или приобретенныя отъ нихъ богатыми переселенцами. Торговъ кабалою былъ выгоденъ до того, что хватаніе людей для отправки въ Америку обратилось въ промыселъ по всему англійскому побережью, и еще передъ самою революціей 1688 года муниципальныя власти города Бристоля, съ своимъ меромъ во главѣ, грозили всѣмъ задерживаемымъ бродягамъ висѣлицею, предлагая имъ въпрочемъ въ замѣну кабалу, и потомъ дѣлились между собою выручкою отъ продажи ихъ въ колоніи. Знаменитый судья Іакова II, страшный Джеффризъ, добрался было и до брестольскаго мера; но переворотъ 1688 года остановилъ слѣдствіе, и торговъ кабальными продолжался еще нѣсколько лѣтъ до тѣхъ поръ, пока колонисты сами не стали отдавать рѣшительнаго предпочтенія неграмъ передъ бѣлыми работниками, какъ далеко не столь покорными и притомъ дороже стоящими. Тогда-то парламентъ объявилъ торговъ черными свободнымъ, для всѣхъ открытымъ промысломъ, и невольничество укоренилось глубоко на почвѣ Мериланда и Виргиніи.

Нельзя здѣсь не замѣтить, какую важную роль играли въ этомъ историческомъ явленіи произведенія мѣстной почвы. Въ начальный періодъ Сѣвероамериканскихъ колоній, такая роль принадлежала исключительно *табаку*. Употребленіе этого зелья, привезеннаго въ Англію, вмѣстѣ съ картофелемъ и кукурузой, первою экспедиціею знаменитаго сэръ-Вальтера Ралея въ 1584 г., до такой степени распространилось въ Европѣ, что англійскіе и испанскіе колонисты не успѣвали снабжать имъ безпрестанно размножавшихся потребителей. Именно воздѣлываніе этого растенія и требовала въ то время наибольшаго числа рабочихъ рукъ. Для Виргиніи (1) табакъ долго былъ не только един-

(1) Виргиніею, въ честь дѣвственной королевы Кларисеты, называлась сначала вся южная часть Сѣвероамериканскихъ колоній, изъ которой, кромѣ нынѣшней Виргиніи, образовались потомъ Мериландъ, Сѣверная и Южная Каролина, Пенсильванія и Георгія.

ственной статьею вывоза и слѣдовательно единственнымъ орудіемъ заграничнаго обмѣна, но сверхъ того, при рѣдкости денегъ, онъ служилъ тамъ и общимъ мѣриломъ цѣнностей, монетою. Табакомъ выдавалось жалованье служащимъ, табакомъ вносились большія часть податей, на табакъ покупали хлѣбъ, говядину и всѣ другіе припасы; а такъ какъ цѣна его была подвержена частымъ перемѣнамъ, то колониальный совѣтъ періодически устанавливалъ ее на каждый годъ. Въ 1620 году Виргинцамъ отправленъ былъ изъ Англіи цѣлый грузъ женщинъ «неукоризненной чистоты», и колонисты приобрѣтали ихъ руку и сердце цѣною отъ 120 до 150 фунтовъ табаку. Еще въ 1758 году англиканское духовенство въ Виргиніи получало свои оклады табачными папушами.

Въ концѣ семнадцатаго столѣтія, именно съ 1698 года, къ табаку присоединяется воздѣлка сарацынскаго пшена, случайно завезеннаго въ Южную Каролину изъ Мадагаскара. Потомъ разведеніе индиго, хлопчатой бумаги и наконецъ сахарнаго тростника! Эти послѣднія растенія, требовавшія жаркаго и отчасти влажнаго климата, который дѣйствуетъ гораздо сильнѣе на бѣлую, чѣмъ на черную породу, побудили всѣхъ южныхъ колонистовъ предпочесть невольную работу негра свободному труду бѣлаго, и ничто такъ не содѣйствовало распространенію невольничества, какъ страшно усилившееся въ нашъ вѣкъ потребленіе хлопчатобумажныхъ тканей, индиго, сахару и рису. Напротивъ того, въ сѣверной части колоній, въ такъ-называемой Новой Англіи, гдѣ умеренный и отчасти даже холодный климатъ допускали только воздѣлку хлѣбовъ, пеньки и льну, свободный трудъ бѣлаго, при возрастающихъ успѣхахъ промышленности, окончательно вытѣснилъ менѣе прибыльную дѣятельность невольника-негра.

Сколь однакожь ни важно участіе климата и естественныхъ произведеній въ исторіи сѣвероамериканскаго невольничества, никто, кромѣ самыхъ рьяныхъ рабовладѣльцевъ, не подумаетъ утверждать, чтобы вліяніе внѣшней природы на человека было въ этомъ случаѣ исключительно, ни тѣмъ менѣе, чтобы оно единожды навсегда опредѣлило дальнѣйшее развитіе цѣлаго края. Напротивъ, каждый, въ комъ жива вѣра въ нравственныя силы духа, не можетъ не почерпнуть изъ исторіи же утѣшительнаго убѣжденія, что если силы эти и дѣлаютъ иногда чрезмѣрныя, повидимому, уступки въ своихъ столкновеніяхъ съ внѣшнею природою, то всегда потомъ освобождаются отъ временнаго порабоженія и неуклонно ищутъ условій того стройнаго сочетанія внѣшней природы съ чисто человѣческими требованіями, которое такъ отрадно даетъ себя чувствовать намъ во всѣхъ лучшихъ явленіяхъ этой жизни. Не надо притомъ забывать, что силы нравственныя и силы внѣшней природы, эти два вѣчно-розные и вѣчно-слитные жизненные тока, постоянно вызываютъ другъ друга къ новой дѣятельности, и та же самая потребность въ

усиленномъ производствѣ табаку, сахару, хлопчатой бумаги и проч., которая сто лѣтъ тому назадъ повела къ рѣшительному распространению невольничества, та самая потребность, при дальнѣйшемъ своемъ возрастаніи, должна повести къ уничтоженію этого зла уже и потому, что она вызываетъ усиленное совмѣстничество работы, при которомъ трудъ невольника наконецъ принужденъ будетъ уступить совокупному дѣйствию свободнаго труда и изобрѣтаемыхъ имъ механическихъ пособій.

Заглянувъ, впрочемъ не безъ достаточнаго повода, въ эту болѣе или менѣе отдаленную перспективу будущности, возвращаемся къ объясненію настоящаго положенія вопроса и тѣхъ ближайшихъ причинъ, которыми оно было вызвано.

Не однѣ естественныя причины упрочили перевѣсъ невольничества въ южной половинѣ сѣвероамериканскихъ колоній : характеръ общественныхъ условій имѣлъ тутъ также свою долю вліянія. Въ то время, какъ сѣверныя колоніи по преимуществу служили убѣжищемъ для людей, много потерпѣвшихъ отъ религіозныхъ и политическихъ гоненій, людей, готовыхъ на всякій личный трудъ, лишь бы отстоять свою личную независимость, южныя основаны были компаніями вельможъ и богачей, которымъ королевскія грамоты предоставляли пользование землями на феодалномъ правѣ, освобождая ихъ въ видѣ льготы отъ коронныхъ повинностей. Конечно, феодалное устройство англійскаго общества, основанное на сосредоточеніи стѣсненной въ своихъ размѣрахъ поземельной собственности въ немногихъ рукахъ, отнюдь не могло приняться вполне на безпредѣльныхъ пространствахъ Америки, однакожъ оно сообщило нравамъ и быту южныхъ колоній тотъ аристократическій характеръ, который, благодаря невольничеству и всегдашнему житію рабовладѣльцевъ по плантаціямъ, получилъ здѣсь особый мѣстный колоритъ, и который они сохраняютъ по сіе время. Чуждаясь, по привычкамъ и воспитанію, личного труда, богатые землевладѣльцы юга сначала пробавлялись кабальными работниками, о которыхъ мы говорили выше, но вскорѣ они нашли себѣ болѣе послушное и надежное орудіе въ неграхъ и старались о размноженіи ихъ одинъ передъ другимъ. Кабальные отдавались только на срокъ и, по истеченіи его, а часто и прежде, уходили селиться въ лѣса на западъ; да и во всякомъ случаѣ, при ихъ европейскихъ привычкахъ и понятіяхъ, трудно было подчинить ихъ игу скудно-вознаграждаемаго тяжкаго труда, тогда какъ на негра обыкновенно смотрѣли какъ на рабочее животное и соответственно тому съ нимъ и обходились. Возникавшія у нѣкоторыхъ религіозныя сомнѣнія въ справедливости подобныхъ поступковъ, устранялись придуманнымъ тогда «арисейскимъ» правиломъ, что невольничество служитъ негру путемъ ко спасенію, ведущимъ его въ лоно христіянъ. Лицемеріе

было тутъ совершенно у мѣста: прикрывать зло — единственное его назначеніе.

Такимъ образомъ зло невольничества разрасталось безпрепятственно и въ тиши до тѣхъ поръ, пока сѣвероамериканскія колоніи возстали противъ запоздалыхъ и неумѣстныхъ притязаній англійскаго правительства. Но какъ сильно оно укоренилось уже за полвѣка до этого событія, примѣромъ тому могутъ служить тщетныя усилія благонамѣренныхъ и челоуѣколюбивыхъ колонизаторовъ Георгіа, которые, учредивъ эту колонію въ 1732 году, постановили основнымъ для нея правиломъ недопущеніе рабства, и, по прошествіи немногихъ лѣтъ, были однакожъ вынуждены уступить рѣшительнымъ требованіямъ англійскихъ переселенцевъ. Освобожденные большею частію изъ долговыхъ тюремъ для отправки въ Америку, колонисты не могли или не хотѣли примириться съ тягостями полевой работы и настояли на томъ, что имъ было разрѣшено покупать невольниковъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ они считались вольнонаемными, а срокъ найму полагался *сто-лѣтній*. Зальцбургскіе Нѣмцы, поселенные въ Георгіи рядомъ съ Англичанами, сначала было посовѣстились употреблять рабовъ, но успокоенные изъ Германіи правиломъ ходячей тогда морали, что самая неволя обратится неграмъ въ спасеніе души, они также покорились общепринятому обычаю. Всего примѣчательнѣе, что это произошло въ такой мѣстности, гдѣ близкое тогда сосѣдство Испанцевъ не обѣщало рабовладѣльцамъ прочной собственности въ неграхъ; Испанцы постоянно переманивали невольниковъ и потому вооружали бѣглыхъ противъ ихъ прежнихъ господъ. По этому на южныхъ и западныхъ границахъ невольничьихъ колоній мелкая война шла почти безостановочно.

Итакъ мы видимъ, что религіозно-филантропическія воззрѣнія начала осмнадцатаго вѣка оказались безсильны въ своей борьбѣ съ укоренившимся невольничествомъ; къ сожалѣнію не болѣе успѣха имѣли и политико-филантропическія теоріи послѣдней половины этого столѣтія, когда, отстоявъ дѣло своей независимости, колоніи, въ лицѣ главныхъ своихъ представителей, замыслили учрежденіе демократической республики, допускающей возможно высшую степень гражданской и политической свободы. Республика, предполагавшая быть образцовой, начала торжественнымъ признаніемъ правъ челоуѣка (*les droits de l'homme*), но ограничила это признаніе извѣстнымъ цвѣтомъ лица и тѣмъ самымъ надолго запечатлѣла свою исторію темнымъ пятномъ неразлучнаго съ нею рабства.

Несправедливо было бы возлагать отвѣтственность за то на великія тѣни учредителей Союза. Въ своей политической дѣятельности эти люди имѣли въ виду одно общественное благо и приносили въ жертву ему даже нѣкоторые изъ задушевныхъ своихъ убѣжденій. Болѣе требовать отъ историческихъ дѣятелей не въ правѣ никто,

и строго обсуждая событіе въ его послѣдствіяхъ, мы можемъ только пожалѣть, что чистыя и благородныя побужденія главныхъ его участниковъ не въ силахъ были одолѣть встрѣченныя ими преграды и завѣщали часть своего подвига грядущимъ поколѣніямъ.

Когда, послѣ десятилѣтняго волненія, возбужденнаго борьбою съ фискальными мѣрами англійскаго правительства и сильно поддержаннаго примѣромъ стойкости массачузетскихъ демократовъ, американцы наконецъ рѣшились явно отложиться отъ метрополии, тогда первое мѣсто въ политическомъ движеніи заняли безспорно виргинскіе аристократы. Предложивъ сначала созваніе общаго конгресса, потомъ объявленіе независимости колоній и наконецъ обсужденіе союзнаго договора, они можно сказать установили основанія американской независимости. А между тѣмъ не только тогдашнее значеніе, но и самое существованіе этихъ столь энергически дѣйствовавшихъ людей опирались исключительно на невольничество, потому что при обилии земель и при равномъ для всѣхъ бѣлыхъ правѣ на владѣніе ими, большое аристократическое хозяйство могло существовать только съ помощью многочисленной толпы негровъ. «Почтительное благорасположеніе, которое питала къ аристократамъ масса народа, говоритъ біографъ Вашингтона, де-Виттъ, имѣло источникомъ не одно ихъ богатство или правительственную силу; связи болѣе прочныя, — общность понятій, интересовъ и самаго быта соединяли ихъ съ остальнымъ свободнымъ населеніемъ. Въ Виргиніи вовсе не было городовъ. Вильямсбургъ, столица колоніальнаго правительства, имѣлъ не болѣе двухъ тысячъ жителей, и члены аристократіи являлись туда только въ качествѣ представителей интересовъ своего графства въ выборной палатѣ. Все остальное время проводили они въ своихъ помѣстьяхъ, въ постоянномъ сопрیکосновеніи съ мелкими плантаторами, которые, подобно имъ, были поглощены заботами и обязанностями патріархальной сельской жизни и, подобно же имъ, покидали эти занятія только для охоты и для войны. Сохраняя наклонность къ роскоши, къ общительности и гостепріимству, свойственнымъ англійской аристократіи, знатные Виргинцы оставались такимъ образомъ чужды преутовченыхъ нравовъ и духа касты, которые развились въ ней при другихъ условіяхъ. Воздѣлывать землю и защищать ее отъ Индѣйцевъ, управлять семействомъ и невольниками, устраивать великолѣпныя охоты и всѣмъ открытыя трапезы, чинить судъ и расправу въ своемъ графствѣ, начальствовать милиціей — такова была жизнь большихъ виргинскихъ землевладѣльцевъ. Это обособленіе каждаго изъ нихъ среди огромныхъ пространствъ, гдѣ они встрѣчали только людей имъ подвластныхъ, или имъ обязанныхъ, эта ежеминутная борьба съ набѣгами дикарей и съ упорствомъ нетронутой еще природы, образовало цѣлое поколѣніе людей, смѣтливыхъ, гордыхъ, энергическихъ, вѣсть суровыхъ и великодушныхъ, привычныхъ къ власти и душою по-

любившихъ независимость.» Однимъ изъ высшихъ олицетвореній этого типа былъ конечно самъ Вашингтонъ, котораго общественное мнѣніе всѣхъ возставшихъ колоній вскорѣ призвало во главу движенія. Не бывъ гениемъ по уму, Вашингтонъ былъ истинно гениемъ по доблести. Какою-то здоровою упругостью обладала его чистая душа: всѣ силы ея, всѣ ея способности расширялись по мѣрѣ жизненныхъ столкновеній и являлись въ уровень съ самыми страшными невзгодами и препятствіями. Когда онъ былъ призванъ руководить дѣломъ освобожденія колоній и основанія ихъ государственной самостоятельности, привычки богатаго рабовладѣльца не помѣшали ему убѣдиться въ томъ, что удержаніе невольничества грозитъ новораждающейся республикѣ неизбѣжною, хотя быть-можетъ и отдаленною опасностью. Тѣхъ же убѣжденныхъ были, какъ извѣстно, лучшіе представители американской независимости—Гамильтонъ и Адамсъ на сѣверѣ, Джеерсонъ, Маршаллъ, Генри, Рандольфъ и нѣкоторые другіе на югѣ. Но историческая жизнь идетъ своими путями и не довольствуется убѣжденіемъ *немногихъ лучшихъ*: она именно требуетъ, чтобы лучшихъ было много. И если такіе люди, какъ Вашингтонъ, Гамильтонъ, Джеерсонъ, Адамсъ, не успѣли провести своихъ убѣжденныхъ въ конституціи, то причинъ тому должно искать не столько въ недостаткѣ настойчивости или умѣнья съ ихъ стороны, сколько въ свойствахъ окружавшей ихъ общественной сферы. Англійское колониальное управленіе, долго остававшееся почти только нарицательнымъ, дало созрѣть на сѣвероамериканской почвѣ такому множеству мѣстныхъ особенностей, гражданскихъ, религіозныхъ и племенныхъ, таковой пестротѣ часто совѣмъ противоположныхъ интересовъ, что когда дѣло дошло до соединенія колоній въ одинъ общій государственный союзъ, то передовые дѣятели этого переворота, и особенно глава ихъ Вашингтонъ, нерѣдко отчаивались въ рѣшеніи многотрудной задачи и считали общее дѣло погибшимъ навсегда. Конгрессъ представителей разныхъ областей былъ почти непрерывно поприщемъ ожесточеннаго раздора мѣстныхъ и личныхъ интересовъ, и такимъ образомъ вполне терялъ свой авторитетъ; господствовавшая въ немъ анархія переходила въ высшія сословія, а вслѣдъ за тѣмъ и въ массу народа; обща деморализація была страшная. Къ довершенію всего, партія лоялистовъ или приверженцевъ англійскаго правительства, особенно сильная на югѣ, безпрерывно усложняла кровавую борьбу съ Англіей разпространеніемъ внутреннихъ междоусобій въ глубинѣ края. Вліяніе самого Вашингтона, этого первоизбранника народнаго, подрывалось яростными нападками журналовъ и безсовѣстными происками цѣлаго роя темныхъ враговъ. «Еслибъ мнѣ пришлось описать это время и этихъ людей, говоритъ Вашингтонъ, суда по тому, что я вижу и знаю, я сказалъ бы, что ихъ, обуяла лѣнь, вертопрашество и сумасбродство; что барышнячанье, взятки, неутолимая жажда обогащенія овла-

дѣли всѣми умами и всѣми сословіями; что вражда партій и частныя ссоры, теперь главное дѣло между нами; тогда какъ польза обширнаго государства, непрерывно растущій тягостный долгъ, разореніе нашихъ финансовъ, упадокъ нашихъ ассигнацій, отсутствіе кредита, словомъ, всѣ жизненные вопросы едва обращаютъ на себя вниманіе и откладываются со дня на день, какъ-будто бы дѣла наши были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи.» Въ такое смутное время надо было всего болѣе стараться о водвореніи возможнаго единства и согласія: къ этой необходимой, главной цѣли исключительно стремился и направлялъ всѣхъ Вашингтонъ вмѣстѣ съ геніальнымъ помощникомъ своимъ, Александромъ Гамильтономъ. Поднять тогда вопросъ объ устраненіи невольничества не было никакой возможности. Вашингтонъ, чтобы не разстроить отношеній своихъ къ Виргиніи и къ тогдашнему югу вообще, не рѣшался даже отпустить своихъ собственныхъ невольниковъ и освободилъ ихъ лишь по духовному завѣщанію, изъ-за могилы. Однакожь, и среди этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, господствовавшее у многихъ государственныхъ людей того времени противоневольническое убѣжденіе явно высказалось въ попыткѣ Джефферсона по крайней мѣрѣ очертить область невольничества извѣстными предѣлами. Когда, въ 1784 году, Виргинія уступила новорожденному Союзу свои притязанія на обширное пространство между Миссисипи и большими сѣверозападными озерами, тогда, и притомъ въ тотъ же самый день, Джефферсонъ, какъ одинъ изъ представителей Виргиніи на конгрессѣ, предложилъ планъ для управленія какъ этою областью (территоріею), такъ и всякими другими, которыя будутъ впредь уступлены Союзу со стороны отдѣльныхъ штатовъ. Въ этомъ планѣ предполагалось между прочимъ по времени образовать изъ такихъ территорій новыя штаты, и «въ нихъ, начиная съ 1800 года, не допускать уже ни невольчества, ни вынужденныхъ работъ, развѣ только въ наказаніе за преступныя дѣйствія, въ которыхъ обвиненный будетъ уличенъ надлежащимъ порядкомъ». Участь предложенія, одобреннаго шестью изъ тринадцати первоначальныхъ штатовъ и отвергнутаго тремя, не могла быть окончательно рѣшена, потому что Георгія и Делаваръ не имѣли еще представителей на конгрессѣ, депутаты Сѣверной Каролины раздѣлились по этому вопросу на двѣ стороны, а голосъ Нью-Джерси потерялъ свой вѣсъ, за случайнымъ отсутствіемъ одного изъ представителей этой области. Когда же, три года спустя, предложеніе Джефферсона было возобновлено депутатомъ Массачузетса, Деномъ, оказалось, что рабовладѣльческіе интересы Южной Каролины и Георгіи усилились и опредѣлились въ своихъ видахъ до того, что предложеніе Дена прошло уже не иначе, какъ съ весьма чувствительнымъ ограниченіемъ: невольничество было формально устранено только въ союзной территоріи, на сѣверозападъ отъ рѣки Огайо, а вся юговосточная часть

этого обширнаго края осталась для него открытою. Послѣдствія такой мѣры не замедлили обнаружиться, потому что въ первые же годы по принятіи федеральной конституціи два новые штата, Контуки и Тенесси, населенные преимущественно мелкими рабовладельцами изъ Виргиніи и обѣихъ Каролинъ, потребовали вступленія въ Союзъ и были приняты въ него уже съ заравнишею ихъ язвою невольничества.

Не многіе обратили тогда вниманіе на этотъ печально-быстрый результатъ уступки, сдѣланной рабовладельческому югу, такъ какъ весьма не многіе предвидѣли бѣдствія, какими угрожала новорожденной республикѣ та еще болѣе существенная уступка, которою федеральная конституція безмолвно предоставила этотъ вопросъ независимому рѣшенію каждаго штата въ отдѣльности и изъ стеры общаго союзнаго права низвела его на степень вопроса *мѣстной* внутренней политики и частныхъ установленій. Этого мало, при нерѣшительности своего отношенія къ невольничеству, союзная конституція вовлечена была въ необходимость косвеннаго признанія его, какъ законно существующаго факта: она, вопервыхъ, обязала всѣхъ членовъ союза, по первому требованію, выдавать бѣглыхъ людей, *обязанныхъ работою* въ какомъ либо штатѣ, а вовторыхъ постановила, что число представителей и количество прямыхъ налоговъ Союза должно распредѣляться между штатами, смотря по числу въ нихъ свободныхъ лицъ, заисключеніемъ всѣхъ неподатныхъ Индѣйцевъ и съ присовокупленіемъ *трехъ пядей всякаго другаго населенія*. Подъ этимъ темнымъ выраженіемъ, равно какъ въ первомъ случаѣ подъ именемъ «обязанныхъ работою», разумѣются невольники. Съ одной стороны допускать невольничество, а съ другой предоставлять тремъ пядямъ его право подачи голосовъ, котораго оно фактически лишено по своей полной зависимости отъ владѣльцевъ, было бы конечно явнымъ противорѣчіемъ, еслибъ конституція не имѣла преимущественно въ виду дать сравнительно-малому числу южныхъ рабовладельцевъ столько же вѣсу въ управленіи Союзомъ, сколько приходилось его на долю свободнаго сѣвера.

Повторимъ здѣсь еще разъ: при самомъ учрежденіи Североамериканскаго союза, особенности историческаго и бытоваго развитія отдѣльныхъ колоній, укоренившіеся въ каждой изъ нихъ частные интересы, нравы и обычаи, представляли основателямъ республики едва одолжимыя преграды, — преграды, которыхъ дѣйствіе сильно ощущается и до сихъ поръ, несмотря на то, что онѣ во многомъ уступили вліянію общегосударственнаго начала, несмотря на то, что многіе штаты измѣнили даже свою первобытную конституцію совершенно по образцу федеральной. Всѣ они ревниво слѣдили за возникновеніемъ центральной власти, и для допущенія ея, даже въ самыхъ ограниченныхъ предѣлахъ, потребна была продолжительная борьба

съ Англіей, угрожавшая общей независимости колоній; только эта явная опасность принудила ихъ къ уступкѣ известной части державныхъ правъ своихъ въ распоряженіе Союза.

Въ число такихъ уступокъ не вошло право распоряжаться невольничествомъ; этотъ важный законодательный вопросъ предоставленъ внутреннему самоуправленію каждаго изъ штатовъ. Понятно, что начало самоуправления блюдетъ Американцами какъ безцѣнный кладъ: отстоявъ его въ борьбѣ съ метрополіей, они неуступчивы въ этомъ отношеніи и къ центральной власти Союза. Однакожь центральная власть, тамъ какъ и вездѣ, находится въ неразрывной органической связи съ другими сферами гражданскаго быта, и разграниченіе ихъ, сообразно даннымъ потребностямъ общества, составляетъ вѣчную задачу политической жизни народа. Строгая добросовѣстность и основанное на ней взаимное довѣріе необходимы здѣсь съ обѣихъ сторонъ, да необходимы и вездѣ, какъ нравственныя начала, не замѣняемы никакимъ въ свѣтѣ формальнымъ устройствомъ, никакою механикой учреждений. Само государственное уложеніе Америки можетъ служить тому очевиднымъ примѣромъ. Съ одной стороны, конституція предоставила Союзу известныя, ясно опредѣленные права, съ другой—она уполномочила его, въ общихъ выраженіяхъ, принимать всѣ мѣры, необходимыя для приведенія этихъ правъ въ полное дѣйствіе. Практическое приложеніе правомѣрныхъ началъ на другихъ основаніяхъ невозможно. И однакожь большая часть столкновеній между союзными распоряженіями и частными стремленіями отдельныхъ штатовъ происходитъ именно въ тѣхъ случаяхъ, когда центральное правительство пользуется даннымъ ему общимъ полномочіемъ блюсти цѣлость и благоденствіе Союза. Разномысліе, а слѣдственно и раздѣленіе на партіи, проявляется въ этомъ отношеніи чуть не по каждому вновь возникающему вопросу. Такъ напримѣръ, одни, опираясь на безмолвіе буквы конституціи, утверждаютъ, что конгрессъ не имѣетъ права учредить національный или государственный банкъ, а другіе признаютъ за нимъ это право, ссылаясь на данное ему общее полномочіе пешихъ о благѣ Союза и доказывая, что государственный банкъ можетъ всего лучше обезпечить финансовое благосостояніе республики: одни говорятъ, что конгрессъ въ правѣ пролагать дороги по всему протяженію Союзной земли, безъ согласія отдельныхъ штатовъ, находя въ этомъ одно изъ дѣйствительныхъ средствъ къ предоставленной ему оборонѣ государства, а другіе отрицаютъ это право на томъ основаніи, что тогда центральная власть можетъ вступить въ проведеніе желѣзныхъ дорогъ и каналовъ по разнымъ штатамъ, а это составляетъ существенный предметъ ихъ внутренняго самоуправления. Этого довольно, чтобы показать всю трудность строгаго разграниченія власти между союзнымъ правительствомъ и отдельными штатами. Только самая малая часть подобныхъ столкновеній можетъ подле-

жать и еще меньшая дѣйствительно подвергается рѣшенію Верховнаго Суда республики: всѣ остальные вопросы рѣшаются тайною и явною борьбою партій. Мудрено ли, что съ самой колыбели Союза, какъ въ сѣверной, такъ и въ южной его части, возникли двѣ противоположныя партіи — федералистовъ и демократовъ? Первые стремились къ упроченію власти въ рукахъ союзнаго правительства, вторые отстаивали независимость отдѣльныхъ штатовъ (1). Сначала передовые люди обѣихъ партій, и притомъ какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ, были согласны по крайней мѣрѣ въ томъ, что республиканская политика несовмѣстна съ невольничествомъ, и что союзное правительство должно дѣйствовать въ смыслѣ освобожденія негровъ. Но, по естественному ходу вещей, на югѣ вскорѣ обнаружались признаки сопротивленія этой системѣ, и прикрываясь знаменемъ демократіи, то есть самостоятельности отдѣльныхъ штатовъ, приверженцы невольничества начали смѣлѣе и смѣлѣе выступать на политическое поприще. Еще въ концѣ 1787 года, когда состоялся конституціонный актъ объ отиѣнѣ привоза негровъ въ Соединенные Штаты, Мерилендъ, Виргинія, Георгія и Южная Каролина отказались приступить къ этому постановленію, а въ послѣднее десятилѣтіе минувшаго вѣка рабовладѣльческіе интересы расширились и укрѣпились съ немовѣрною быстротой, благодаря страшному развитію воздѣлки хлопчатой бумаги, вызванному успѣхами машинной фабрикаціи въ Англіи. Въ 1789 году, въ Америкѣ не собиралось, и одного милліона фунтовъ хлопка, а въ 1801-мъ вывезено его около пятидесяти милліоновъ. Южная Каролина и Георгія нашли тогда въ невольничествѣ элементъ новаго, совсѣмъ неожиданнаго богатства; Виргинія и Сѣверная Каролина могли уже предвидѣть въ будущемъ почти неограниченный спросъ на негровъ, и съ тѣхъ поръ принялись разводите ихъ для продажи; глаза всѣхъ южныхъ рабовладѣльцевъ съ жадностію обратились на необозримыя пространства Алабамы, Тенесси и Миссисипи, какъ на обильныя поля для будущей воздѣлки хлопчатника. И вотъ, будто нарочно, представился вдругъ случай пріобрѣсть всю Миссисипскую страну за сущій безцѣнокъ отъ Франціи. Федеральная партія, руководившая республикой въ оба президентства Вашингтона и въ управленіе Адамса, уступила между тѣмъ мѣсто демократамъ, во главѣ которыхъ стоялъ Джефферсонъ. Этотъ государственный человѣкъ, по личному своему убѣжденію, былъ противъ безоговорочной покупки Луизианы; онъ самъ неоднократно утверждалъ, что этотъ шагъ превратитъ союзную конституцію въ клочокъ бумаги, въ ничто: но, какъ президентъ, возведенный демократическою партіей, онъ пожертвовалъ своимъ убѣжденіемъ и согласился на расширеніе

(1) При дальнѣйшихъ изложеніяхъ вопроса о невольничествѣ, мы во многомъ руководствуемся статьею, недавно напечатанною въ Edinburgh Review.

предѣловъ того самаго невольничества, противъ котораго такъ усердно ратовалъ въ теченіи двадцати лѣтъ. Многіе изъ сѣверныхъ представителей торжественно обличали послѣдствія этой мѣры среди конгресса. Джозія Квинси тогда же заявлялъ въ законодательномъ собраніи, что присоединеніе Луизианы «въ сущности разрѣшаетъ связи Союза, освобождаетъ составляющіе его штаты отъ ихъ нравственныхъ обязательствъ и даетъ всѣмъ имъ право, а на нѣкоторые возлагаетъ обязанность, готовиться къ окончательному разрыву: миролюбивому, если будетъ можно; насильственному, если нельзя безъ этого обойтись.» Но Квинси и его сторонники были федералисты, а господствовавшая тогда демократическая партія представляла покупку Луизианы средствомъ тѣснѣйшаго сближенія съ Франціей, и притомъ въ явный ущербъ Англии, за которую именно стояли противники демократовъ. Сказать правду, трудно было Союзу не соблазниться такимъ завиднымъ приращеніемъ: за шестьдесятъ милліоновъ франковъ онъ пріобрѣталъ себѣ твердую границу на западѣ, свободное плаваніе по Огайо и все плодосное побережье Миссури и Миссисипи.

По присоединеніи Луизианы въ 1803 году и по учрежденіи въ 1810 штата этого имени, переселеніе шло непрерывнымъ токомъ въ страну, лежавшую вверхъ по Миссисипи. Въ 1819 г. колонисты той части этой страны, которая омывается нижнимъ теченіемъ Миссури, въ свою очередь, просили о принятіи ихъ въ союзъ отдѣльнымъ штатомъ, который, какъ и Луизиана, былъ весь занятъ рабовладѣльцами. Тогда-то споръ объ очевидномъ для всѣхъ распространеніи невольничества возгорѣлся съ необыкновенною силой. Допущеніе новаго рабовладѣльческаго штата встрѣтило себѣ самое упорное сопротивленіе въ конгрессѣ; несмотря на то, южная политика восторжествовала и на этотъ разъ, согласившись только на извѣстную уступку въ будущемъ. Уступка эта, называемая Миссурійскою сдѣлкой, обезпечивала свободу отъ невольничества для той части Миссисипской страны, которая лежитъ на сѣверъ отъ параллели 36° 30' и которая не вошла притомъ въ составъ штата Миссури. Этою знаменитою сдѣлкой, съ одной стороны, за невольничествомъ было признано право дальнѣйшаго распространенія на югъ, съ другой надъ нимъ произнесенъ приговоръ, какъ надъ учрежденіемъ, которому необходимо положить предѣлы. Политическія противоположности размежевались географическою чертой, и съ тѣхъ поръ сѣверъ и югъ старались только о томъ, чтобы одинъ не опередилъ другаго въ образованіи новыхъ штатовъ, которыхъ представители дали бы одной изъ двухъ сторонъ явный перевѣсъ на конгрессѣ и въ управленіи.

Въ сущности этотъ перевѣсъ почти постоянно принадлежалъ югу. Благодаря своему тѣсному союзу съ господствующею въ Америкѣ демократическою партіей, южные рабовладѣльцы, несмотря на то, что собственное число ихъ, даже и теперь, составляетъ навѣрно ме-

нѣ десятой, а можетъ-быть и менѣе двадцатой части всѣхъ дѣйствительныхъ избирателей (1), очевидно первенствуютъ на выборахъ въ главныя правительственныя и судебныя должности Союза, тогда какъ очень хорошо извѣстно, что сѣверные штаты и несравненно люднѣе, и богаче и образованнѣе южныхъ. Довольно сказать, что изъ шестнадцати президентовъ республики одиннадцать были сами рабовладѣльцы, а изъ пяти остальныхъ трое вступили въ должность отъявленными представителями южной политики. Что касается прочихъ должностей, то отъ начала Союза до 1852 года на долю юга приходится:

17 изъ 28 судей верховнаго суда,
 14 изъ 19 генералъ-прокуроровъ,
 61 изъ 77 предсѣдателей сената,
 21 изъ 33 президентовъ палаты представителей,
 и 80 изъ 134 министровъ иностранныхъ дѣлъ.

Не ясно ли, что политическій перевѣсъ вездѣ на сторонѣ южныхъ рабовладѣльцевъ? Такъ иногда могуче дѣйствіе интересовъ касты, сосредоточенныхъ въ немногихъ рукахъ, передъ дробными, хоти и высшими интересами другаго общественнаго порядка. Достатокъ и народная образованность, безспорно болѣе распространенныя въ сѣверныхъ штатахъ, уступаютъ богатству и тонкому политическому образованію передовыхъ людей юга. А что касается сравнительной его малолюдности, то, при разсмотрѣніи этого вопроса, не должно между прочимъ забывать, что необходимое консервативное начало Союза, американскій сенатъ, значительно уравниваетъ разность въ этомъ отношеніи. Тогда какъ число членовъ палаты представителей соразмѣряется съ населеніемъ отдѣльныхъ штатовъ, въ сенатѣ каждый штатъ безъ различія представляется двумя голосами, и такимъ образомъ случайный перевѣсъ противоневольническихъ мнѣній въ первой, всегда можетъ встрѣтить себѣ отпоръ во второмъ. А между тѣмъ, для того, чтобъ только предложить какую-нибудь отмѣну въ конституціи по вопросу о невольничествѣ, равно какъ и по всякому другому, необходимо согласіе двухъ третей обѣихъ палатъ, или желаніе законодательныхъ собраній двухъ третей всѣхъ штатовъ; для утвержденія же такой отмѣны потребно большинство не менѣе трехъ четвертей. Можно ли надѣяться, чтобъ при подобномъ порядкѣ вещей рабовладѣльцы добровольно согласились на какія-нибудь уступки? Далеко отъ этого! Объ руку съ демократизмомъ, популярнымъ и на сѣверѣ, они все смѣлѣе и смѣлѣе отстаиваютъ свои интересы, подчиняя имъ всю внутреннюю и внѣшнюю политику республики.

(1) Избирателей въ Соединенныхъ Штатахъ считается около грехъ милліоновъ, а число рабовладѣльцевъ простирается, по ихъ собственнымъ показаніямъ, до трехсотъ пятидесяти тысячъ; но новѣйшія изслѣдованія Пальмера и Ольмстеда вполне обнаружили умышленную нечестность этого расчета и опредѣлили число рабовладѣльцевъ приблизительно до ста тысячъ человекъ.

Въ теченіе тридцатыхъ годовъ, полудиктаторское управленіе главы демократовъ, президента Джексона, возстаніе Южной Каролины противъ государственнаго тарифа и наконецъ жаркій споръ за существованіе національнаго банка вызвали сильную оппозицію на сѣверѣ; тогда федеральная партія, затихшая со времени войны съ Англіею въ 1812 году, выступила подъ новымъ именемъ виговъ и, благодаря даровитому вождю своему, Клею, приобрѣла было мгновенно нѣкоторый успѣхъ. Но преобладаніе юга вскорѣ обнаружилось рѣшительнымъ успѣхомъ, — присоединеніемъ къ союзной территоріи отнятаго у Мексики Техаса, съ правомъ возстановить въ этой обширной странѣ отиѣненное Мексиканцами невольничество и образовать изъ нея современемъ три новые штата. Трактатъ о присоединеніи заключенъ былъ демократическимъ министерствомъ Союза, на томъ именно основаніи, что «учрежденіе въ столь близкомъ сосѣдствѣ отъ невольничьихъ штатовъ независимаго государства, воспрепятствующаго владѣнію неграми и говорящаго однимъ съ Американцами языкомъ, повело бы неизбежно къ самымъ бѣдственнымъ послѣдствіямъ.» Оправдываемый этого рода соображеніями, трактатъ сначала отвергнутъ былъ въ сенатѣ и встрѣченъ сильнѣйшимъ противодействіемъ со стороны такихъ вліятельныхъ людей, какъ Чаннингъ, Квинси, Вебстеръ и Клей; но всѣ старанія ихъ сокрушились о демократическую агитацію, посредствомъ которой въ президенты возведенъ былъ Полькъ, какъ сторонникъ присоединенія Техаса, и спорный трактатъ утвержденъ въ слѣдующемъ же году.

Начавшаяся за тѣмъ война съ Мексикой придава южной политикѣ новую силу тѣмъ, что распространила соблазнъ добычи и завоеванія среди низшихъ классовъ сѣверныхъ штатовъ. О популярности этой войны можно заключить изъ того, что многіе политики и законовѣды опредѣлялись тогда въ армію, съ цѣлію заpastись избирательными голосами на полѣ битвы. Этимъ путемъ достигъ высшихъ почестей и послѣдній президентъ Союза, генералъ Пирсъ.

(Окончаніе въ слѣд. №)

ЧЕРНОМОРСКІЯ ПИСЬМА (1)

II.

Находясь подъ 45° 3' с. ш., Екатеринодаръ могъ бы наслаждаться благораствореннымъ воздухомъ Ломбардіи и Южной Франціи, но 56° 35½' в. д. и другія особенности его географическаго положенія значительно дѣйствуютъ не въ пользу его климата. Правда, знойность здѣшняго лѣта напоминаетъ югъ; прекрасная осень длится иногда до

(1) См. «Русскій Вѣстникъ» 1857 г. № 1

половины ноября, да и зимы часто обходятся безъ снѣговъ и сильныхъ морозовъ. За то въ иные годы ранняя осень, чувствительныя стужи и поздняя весна ясно говорятъ о вліяніи на здѣшній край суровой сѣверо-восточной равнины. Степи открываютъ Черноморье для холодныхъ вѣтровъ, а горы Кавказа закрываютъ его со стороны юга. Къ тому же близость Азовскаго и Чернаго морей содѣйствуетъ непостоянству и быстрымъ переходамъ здѣшней погоды отъ холода къ теплу и обратно. Послѣ морозовъ вдругъ иногда наступаютъ теплые весенніе дни, лишь только повѣетъ съ моря, а вслѣдъ затѣмъ степной вѣтеръ опять наноситъ холодъ и снѣга; послѣ палящихъ дней лѣта иногда льются продолжительные дожди, при западныхъ вѣтрахъ, и наступаетъ значительная прохлада, а потомъ восточный вѣтеръ опять приноситъ знойную сушу; иногда въ февралѣ уже начинаютъ зеленѣть сады, иногда зелень показывается только въ началѣ апрѣля.

Между тѣмъ для жителей Екатеринодара куда какъ не сподрученъ русскій холодъ! Турлучныя постройки могли бы служить защитою отъ сырости и студенаго вѣтра, еслибъ хозяева заботились ставить ихъ по образцу сѣверныхъ построекъ, гдѣ берутся всѣ предосторожности противъ хорошо-знакомой стужи. Здѣсь, напротивъ, система постройки домовъ южная: не заботятся о двойныхъ рамахъ на окна, о прочныхъ фундаментахъ, о плотности дверей; вѣтру даютъ мѣсто пробираться въ щели стѣнъ и оконъ, а дождю просачиваться сквозь крыши и потолки. Отъ этого, хотя и на югѣ, не становится теплѣе и удобнѣе, и, сидя въ комнатѣ, принужденъ иногда распускать зонтикъ и надѣвать калоши. Тѣмъ болѣе не мѣшало бы здѣшнимъ жителямъ позаботиться объ удобствахъ жилья, что турлучные дома, будучи построены по-хозяйски, а не на скорую руку, — при своей дешевизнѣ отличаются необыкновенною прочностью, а слѣдовательно не часто требуютъ ремонта и могутъ переходить изъ рода въ родъ.

Холода становятся здѣсь еще чувствительнѣе по недостатку въ топливѣ. Прежде, до послѣдней войны, лѣсъ доставлялся изъ-за Кубани; съ 1846 года Высочайше было утверждено положеніе о мѣновой торговлѣ съ горцами на Кавказской линіи; за соль и лавочные товары закубанскія племена доставляли намъ строевой лѣсъ и топливо, вслѣдствіе чего въ вѣдомствѣ Черноморской кордонной линіи учреждено было пять мѣновыхъ дворовъ. Война прекратила эти торговыя сдѣлки; горскіе аулы, поселенные на лѣвомъ берегу Кубани, ушли въ горы, и дрова, прежде не превышавшія въ цѣнѣ 12 руб. за сажень, теперь для большинства Екатеринодарцевъ сдѣлались недоступными по своей дороговизнѣ. Но благодѣтельная природа и здѣсь подала помощь чело-вѣку. Среди безлѣсныхъ степей растетъ въ изобиліи терновникъ, и сила растительности этого приземистаго, курчаваго кустарника превозмогаетъ всѣ порубки его въ огромныхъ размѣрахъ. Къ нему-то преимущественно прибѣгаютъ Екатеринодарцы для отопленія

своихъ жилыхъ покоевъ. Да позволено будетъ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе. Говорить о разумности явленій природы перешло въ общее мѣсто; однако не мѣшаетъ постоянно имѣть эту разумность въ виду, и не упускать случая подтверждать мысль объ ней замѣчательными фактами. Казалось бы, можно пожалѣть, что значительная часть плодородной земли отходитъ подъ цѣпкій кустарникъ, почти неистребимый и повидимому бесполезный. Но мы видѣли, какую услугу оказываетъ онъ здѣшнимъ жителямъ за отсутствіемъ дровянаго дѣса. Этого мало: тотъ самый колючій кустарникъ служитъ прекрасною защитой отъ горцевъ. Невысокій плетень, сдѣланный изъ него такъ, чтобъ всѣ тонкія вѣтви и иглы его выходили на внѣшнюю сторону, въ состояніи удержать нападеніе хищниковъ и обращается въ неприступную для нихъ крѣпость. Гдѣ именно, какъ не здѣсь, полезны такіа дешевыя укрѣпленія, и гдѣ, какъ не здѣсь, грозенъ такого рода неуксусный и легко отражаемый непріятель? Но возвращаюсь къ прежнему. Любопытно видѣть, какъ производится топка этимъ матеріаломъ. Задумавши топить, вваливаютъ кучу терновника, такъ что полкомнаты занимается имъ отъ верху до низу, при чемъ, разумѣется, комнатная температура значительно понижается. Разведши потомъ огонь въ печкѣ съ помощью сѣна или бурьяна, начинаютъ втаскивать туда по вѣткѣ неуклюжее растеніе, пока наконецъ не истощится вся вваленная куча: трудъ, обходящійся не безъ боли! Вслѣдъ за этимъ въ печкѣ начинается оглушительная трескотня, потому что на огнѣ терновникъ шипитъ, свиститъ, трещитъ, быстро сгорая; пламя отъ него сильно жгучее; уголья, правда, остается мало, но печь быстро нагрѣвается и не скоро остываетъ. Нужно согласиться, что это одинъ изъ самыхъ громоздкихъ матеріаловъ для топки; но что же дѣлать въ безлѣсныхъ степяхъ? Топить сѣномъ или бурьяномъ, — еще хуже; навозный кирпичъ также имѣетъ свои неудобства и составляетъ пока еще новинку для Екатеринодарцевъ; торфъ, вѣроятно, въ значительномъ количествѣ находится въ прикубанскихъ болотахъ, но о разработкѣ его еще и не помышляютъ. А между тѣмъ въ топливѣ, и при настоящихъ условіяхъ екатеринодарской жизни, уже оказываются значительныя затрудненія. Зажиточные горожане, имѣющіе быковъ, могутъ запастись терновникомъ заблаговременно, лѣтомъ или осенью; прочіе скупаютъ его на базарахъ, платя отъ 50 коп. до 1 руб. за возъ. Но, съ наступленіемъ грязи, доставка такого громоздкаго топлива становится слишкомъ затруднительна. Незначительное по цѣнѣ въ началѣ осени, къ зимѣ оно дѣлается очень дорогимъ товаромъ, такъ что нѣкоторые жители вынуждены бываютъ рубить собственные сады.

Но вотъ, послѣ дождливой зимы, быстро налетаетъ весна, и сумрачный Екатеринодаръ превращается въ привлекательный оазъ, который улыбается путнику, утомленному однообразіемъ окрестныхъ

степей. Чуть пригрѣло солнце, и повѣялъ южный вѣтеръ съ горъ, какъ живо начинаютъ испаряться лужи; улицы сохнутъ; зеленая травка спѣшитъ показаться изъ трещинъ затвердѣвшей грязи. Обширная городская площадь покрывается муравчатымъ ковромъ; некрасивыя постройки прячутся за вѣтки деревьевъ; сады, растущіе при каждомъ домѣ, заливаютъ зеленью весь городъ. Особенно роскошна здѣшняя бѣлая акація; она полюбила екатеринодарскую почву и растетъ стройными большими деревьями, въ изобиліи, наполняя воздухъ прекраснымъ запахомъ своихъ бѣлыхъ цвѣтковъ. Кромѣ акаціи и тополя, сады состоятъ еще изъ плодовыхъ растений: персиковыхъ и абрикосовыхъ деревьевъ, яблони, груши, айвы, лычи, вишни. Мѣстами разводятъ виноградъ, но въ небольшомъ количествѣ, не имѣя въ виду винодѣлія. Наконецъ мѣстами, въ садахъ и даже посреди улицъ, еще удѣляло нѣсколько громадныхъ дубовъ, остатковъ того дремучаго лѣса, который нѣкогда покрывалъ правый берегъ Кубани. Это, по истинѣ «патріархи» растительнаго царства, гиганты въ сравненіи съ окружающими ихъ деревьями; просторъ далъ волю сучьямъ ихъ развѣсистся на широкой обхватъ, такъ что подъ ними можетъ пріютиться не одна хижина. Вообще растительность екатеринодарской почвы роскошна; но жаль, что жители не пользуются ею какъ слѣдуетъ, не занимаются правильнымъ садоводствомъ. Существуетъ всего одинъ, сколько-нибудь благоустроенный садъ, который называется «войсковымъ», да и тотъ находится еще въ младенчествѣ. Перебирая разнообразную его растительность, свойственную южной почвѣ, ясно видишь, какъ здѣсь много даетъ природа, и какъ мало цѣнить ея дары человѣкъ. Но все же, и при настоящемъ положеніи екатеринодарскаго садоводства, роскошная зелень составляетъ лучшее украшеніе города. Любо глядѣть, когда непригожія его постройки завѣются зеленью и цвѣтами акаціи, а по улицамъ польются струи благоуханій. Гуляя бы, безъ усталы, но... настаетъ новая бѣда. Безпощадные комары рѣшительно портятъ всѣ лучшія впечатлѣнія прогулокъ. Кубань и болота, которыя сопутствуютъ ея теченію, поражаютъ ихъ несмѣтное множество. Отъ нихъ и въ домахъ житья нѣтъ. Мало въ этомъ случаѣ помогаютъ тѣ сѣтки, которыми здѣсь закрываются окна: комаръ отыщетъ щелку, влетитъ въ дверь. Притомъ же лѣтніе знойные дни производятъ духоту въ комнатахъ; ихъ надобно освѣжать на ночь; сидѣть съ запертыми дверьми и окнами невозможно; а выпуская свѣжую струю воздуха, никакъ не уберешься отъ множества незваныхъ комаровъ.

Съ лѣтнимъ зноемъ здѣсь соединены еще лихорадки, неотвѣзчивыя, изнурительныя. Причина ихъ также Кубань съ своими гніющими болотами и камышами. Послѣ главнаго разлива рѣки, который происходитъ въ началѣ лѣта отъ таянья снѣговъ въ горахъ, на низкихъ берегахъ остаются лужи и озера, называемыя здѣсь *лмчанами*, которыми

предстоит испаряться от жаровъ и заражать воздухъ. Отъ этого, въ июль и августъ по крайней мѣрѣ треть городскаго населенія переболѣетъ лихорадкою; не бываетъ почти ни одного дома, гдѣ бы не томился больной; на улицахъ встрѣчаешь желтыя, исхудалыя лица... Но привычка и здѣсь беретъ свое: многіе не обращаютъ вниманія на свою болѣзнь, ѣдятъ и пьютъ, что попало; иной выздоравливаетъ отъ дынь, другой отъ соленой рыбы, тотъ отъ квасу или водки. Не помогаетъ хина — принимаютъ за ту пищу, которой особенно требуетъ желудокъ, которой преимущественно хочется больному. Та лихорадка самая злая, говорятъ Екатеринодарцы, которая *ничего не хочетъ*, то—есть отнимаетъ у больного позывъ поѣсть чего—нибудь черезъ мѣру. За такой дожорощенный методъ лѣченія многіе платятся тѣмъ, что лихорадка треплетъ ихъ по полугоду, по году, и больше. Всякаго рода суевѣрныхъ лѣченій между простымъ народомъ здѣсь можно собрать довольно; но особенно страненъ способъ *закидыванья* лихорадки. Для этого обрѣзываютъ ногти, выстригаютъ на головѣ волосы на—крестъ, завязываютъ все это въ узелокъ съ прибавленіемъ какой—нибудь мѣдной монеты, и бросаютъ на улицу; бросившій долженъ спѣшить домой, не оглядываясь; кто подниметъ узелокъ, тотъ, по вѣрованію толпы, снимаетъ съ больного лихорадку и беретъ ее на себя. Къ зимѣ число больныхъ уменьшается; но и въ эту пору трудно уберечься. Вотъ, напримѣръ, послѣ сумрачныхъ дней отраднo пригрѣло солнышко: какъ же устоять Малороссу, чтобы не понѣжиться натеплѣ, непогрѣть брюха и спины?—а это между прочимъ легчайшее средство схватить лихорадку.

IV

Екатеринодаръ. 30 января 1857 г.

До начала послѣдней войны закубанская сторона была болѣе доступна для наблюденій. Теперь нужно принадлежать развѣ къ отрядамъ, которые по временамъ ходятъ разорять аулы, нужно участвовать въ этихъ опасныхъ экспедиціяхъ, чтобы поглядѣть на Закубанье, на аулы и даже на самыхъ горцевъ. Но подъ свистомъ пуль не привлекательно знакомство съ новою мѣстностію, и едва ли оно заманитъ туриста. При всей своей пытливости онъ долженъ ограничиться разсматриваніемъ болотистаго лѣваго берега Кубани; издали можетъ любоваться пространною равниною, идущею къ горами, по которой то едва примѣтны верхушки лѣсовъ, то стелются туманы, то бѣлѣютъ дымныя пятна; можетъ слѣдить за извилинами далекаго горнаго хребта, который порою приблизится, чернѣя, порою окутается облаками, или же нѣжно синѣетъ, сливаясь съ цвѣтомъ яснаго неба. Иногда и вы услышите ружейную перепалку и раскаты пушеч-

нихъ выстрѣловъ, которые несутся изъ-за Кубани : значить какой-нибудь отрядъ нашъ въ дѣлѣ, то-есть беретъ аулъ, сжигаетъ его, и палитъ картечью въ кусты лѣса, за которыми залегли горцы. Иногда, ночью, поразить васъ оригинальное великолѣпіе горящихъ за Кубанью лѣсовъ, камышей и степной травы : на нашей сторонѣ—темень, а тамъ по пригоркамъ и ложбинамъ выются огненные струйки, ворочаются огромные красные языки, мѣстами всходитъ блистательное пламя и передъ нимъ чернымъ столбомъ валитъ дымъ, а мутная Кубань на то время блеститъ какъ чистая сталь, отражая въ себѣ багровый цвѣтъ неба.

Вотъ и все, чѣмъ можетъ похвалиться мирный наблюдатель Закубанья въ настоящее время. Проникнуть дальше—и трудно, и опасно; положиться на слухи, на рассказы людей бывалыхъ также бесполезно: слухи по большей части оказываются только слухами, а рассказы еще больше подстрекаютъ любопытство, оставляя его далеко не удовлетвореннымъ. Словомъ, наша кубанская граница представляетъ для туриста маленький рубежъ и его собственной пытливости.

А между тѣмъ, думаетъ онъ, какъ легко, кажется, пройти эту заманчивую равнину, какъ близко до этихъ рисующихся на горизонтѣ горъ, а тамъ—перевалъ, и Черное море какъ рукой подать. Не вѣрится ему, что эта—то заманчивая даль даетъ тысячи средствъ противиться движенію нашихъ отрядовъ, что каждый пригорокъ, каждый кустъ представляетъ естественную защиту для горца. Не въ аулѣ его богатство : пусть жгутъ аулъ ежегодно, но богатство его тамъ, гдѣ легко сдѣлать засаду, гдѣ удобно подстеречь добычу. Не сила для него страшна, пока онъ можетъ избѣгать ее безнаказанно : страшнѣе сталъ бы для него лишь тотъ незаметаемый путь, который наконецъ могутъ проложить наши отряды въ самое сердце Закубанья и на которомъ уже силѣ нужно будетъ противопоставить также силу. Но природа ежегодно затрудняетъ попытки проложенія такого пути. Время идетъ, и длится неблагодарная война, стоящая чисто труженическихъ усилій. Скоро ли ей настанетъ желаемый конецъ? Скоро ли цивилизація проникнетъ въ этотъ прекрасный уголокъ земнаго шара и дастъ наукѣ неочотой еще матеріалъ, торговлѣ—выгодную станцію, а нищету и грабежъ замѣнитъ удобствомъ жизни и благодатнымъ миромъ? И что наконецъ, для достиженія подобной цѣли, должно идти впереди : торговля или оружіе? Эти вопросы тяготятъ наблюдателя свдею долговременною неподвижностью.

Ограничимся пока тѣмъ, что доступно наблюденіямъ, что дѣлается собственно на линіи, идущей по Кубани. Правый берегъ этой рѣки большую частію обрывистъ, лѣвый же—пологій и покрытъ болотами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она собирается въ одно русло, но чаще дробится на рукава, образуя островки и лиманы. Съ виду она не

слишкомъ привлекательна; воды ея имѣютъ мутный желтоватый цвѣтъ, теченіе ея быстро, какъ всѣхъ горныхъ рѣкъ, хотя она не имѣетъ ихъ своеобразной красоты и бойкости. Во время разлива она напоминаетъ полноводныя рѣки равнинъ, а въ засуху очень похожа на свою тощую степную сосѣдку, Куму. Собственно-горныя рѣки, даже рѣчки, чрезвычайно привлекательны: это не умолкающіе, не устающіе ручьи, но ручьи сильные. То сузятся онѣ и ревутъ аршиннымъ своимъ русломъ, то разольются на сажень по мелкимъ голышамъ, то хлещутъ въ камни, попавшіеся имъ на пути, и гложутъ ихъ, брызжа пѣной; мѣстами ихъ неширокое русло еще болѣе сузится на каменномъ ложѣ и, продолбивъ его, винтообразно падаетъ внизъ, оглушая окрестность; мѣстами ихъ чистыя и не глубокія воды переливаются съ уступа на уступъ, образуя каскады. Правда, въ нихъ нѣтъ той величавости, какою отличаются рѣки равнинъ, спокойно катящія свои обильныя волны; за то хорошъ ихъ шумъ и привлекательна та бойкость, съ которою онѣ мчатся по выполированнымъ ими же камнямъ: глазъ не успѣваетъ слѣдить за бѣгомъ волны и не устаетъ отъ однообразія, какое замѣтно въ теченіи полноводныхъ равнинныхъ рѣкъ. Но Кубань, какъ уже сказано, не имѣетъ такого привлекательнаго вида, быть-можетъ потому, что ложе ея глинисто и паденіе водъ ея, относительно всей длины ихъ теченія, не слишкомъ значительно. Несмотря на важное значеніе свое для здѣшняго края, она однакоже не вошла въ народную пѣсню, не усвоила за собой, подобно Волгѣ или Дону, никакого почетнаго прозвища. Безъ сомнѣнія, значеніе ея состоитъ не въ томъ, чтобы она богата была рыбою, что разливы ея поили бы роскошныя луга, что волны ея носили бы на себѣ суда съ богатымъ грузомъ: нѣтъ, рыболовство на ней незначительно, разливы ея поятъ камыши да болота, а судоходство по ней ограничивается плаваніемъ немногихъ кзюковъ, да изрѣдка казенныхъ баркасовъ. За то историческая дѣятельность Черноморцевъ тѣсно связывается съ именемъ Кубани; на берегахъ ея воспитывались и воспитываются защитники станицъ и хуторовъ; наконецъ, отъ положенія водъ ея зависитъ и теперь большее или меньшее спокойствіе края. Отъ поста Изряднаго до Чернаго моря, сплошь по рѣкѣ, тянется кордонная линія, по которой во всякое время года неусыпно должны бодрствовать Черноморцы. Ихъ скучная служба бѣдна громкими подвигами, потому что она вся—подвигъ. Истинному труженнику рѣдко выпадаетъ на долю общественное признаніе тяжелой дѣятельности, общественное сочувствіе: только звучность дѣла пускаетъ отъ себя звонкое эхо, къ которому всѣ прислушиваются. Въ самомъ дѣлѣ, отнесутъ ли къ блистательнымъ военнымъ подвигамъ эту тяжелую службу на линіи, которой назначеніе — прислушиваться къ тишинѣ, вглядываться въ темноту, не послышится ль шумъ камыша, всплскъ волны, не повидится ль въ темнотѣ ночи что-нибудь еще бо-

лѣе темное, что дастъ поводъ предполагать о близкомъ присутствіи горца. Вотъ та школа, гдѣ образуются *пластуны*, обратившіе на себя подъ Севастополемъ общее вниманіе. Умѣть ползать по болотамъ, изучить всѣ тропинки межъ камышей, набить руку въ стрѣльбѣ, такъ чтобъ пуля всегда находила свою цѣль, чтобы вѣрность прицѣла зависѣла не только отъ глаза, но и отъ слуха, спокойно переносить на себѣ и холодъ и поливку дождя, находить возможное удобство въ грязи, подъ жалами тысячи болотныхъ комаровъ, — и при этомъ все вниманіе обращать на то, чтобъ какъ-нибудь въ темнотѣ не прокрался на нашъ берегъ голодный и ободранный горецъ, который въ свою очередь также не дремлетъ, также хорошо, если еще не лучше, знакомъ съ поэзіей кубанскихъ болотъ, также не выпуститъ даромъ изъ ружья дорогой для него пули: согласитесь, что подобная служба есть не блестящій, однако чрезвычайно тяжелый подвигъ. И пластунъ несетъ его съ примѣрною любовью. Для болѣе успѣшнаго выполненія своей службы, онъ одѣлся въ лохмотье, выдумалъ особаго рода обувь, чтобъ удобнѣе ползать и ступать, чтобъ при случаѣ его не отличили отъ цвѣта грязи, чтобъ какъ можно больше съ виду походить на заклатаго своего врага — «бисову невиру» (1), противъ котораго направлена вся его, повидимому, апатичная, но на самомъ дѣлѣ неутомимая дѣятельность. — Но пластуны составляютъ только передовую стражу линіи: ихъ преимущественно употребляютъ въ дѣло тамъ, гдѣ нуженъ зоркій глазъ, чуткое ухо и знаніе прикубанскихъ болотъ и камышей. Остальное лежитъ на обязанностяхъ очередной стражи, которая занимаетъ посты, расположенные не въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи по всей кубанской линіи...

Н. Вороновъ.

ПО ПОВОДУ ОТВѢТА Г. БЛАНКА Г. БЕЗОБРАЗОВУ.

Въ первой книжкѣ «Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества» за нынѣшній годъ помѣщена «антикритика» г. статскаго совѣтника Гр. Бланка на замѣтку г. Безобразова въ № 17-мъ «Русскаго Вѣстника» 1856-го года. Я бы не считалъ нужнымъ останавливаться на этой «антикритикѣ», еслибы г. Бланкъ не утверждалъ, что мои изслѣдованія, изложенныя въ статьѣ *о несвободныхъ состояніяхъ въ древней Россіи* («Русскій Вѣстникъ» 1856 г. № 10), подтверждаютъ его исто-

(1) Обыкновенная брань въ Черноморьи, но преимущественно относящаяся къ Черкесамъ.

рическое воззрѣніе на крѣпостное право. Прочитавши статью г. Бланка и длинную его филиппику противъ г. Безобразова, я рѣшительно не могу усмотрѣть ни малѣйшаго сходства моихъ изслѣдованій съ мыслями автора «антикритики». Признаюсь, кромѣ чувства глубочайшаго изумленія, я ничего не могъ вынести изъ чтенія его статей. Не говорю о странномъ тонѣ его возраженій, о томъ, что г. Бланкъ, въ началѣ и въ концѣ послѣдней статьи, требуетъ отъ критика вѣжливости, а самъ постоянно замѣняетъ доводы бранью: это маленькое противорѣчіе, въ которое нерѣдко впадаютъ люди, разгнѣванные за явное обличеніе. Изумительно то, что г. Бланкъ нѣсколькими почерками пера рѣшаетъ важнѣйшіе вопросы объ историческомъ значеніи крѣпостнаго права у насъ и на Западѣ, между тѣмъ какъ въ самой статьѣ его оказывается совершенное отсутствіе всякихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ. Повидимому, это даже невѣроятно, но къ несчастію это дѣйствительно такъ. Начнемъ съ русской исторіи.

Г. Бланкъ утверждаетъ, что въ древней Россіи рабства не было, и самое слово: *рабъ*, не существовало. Но кому же изъ занимающихся русскою исторіею неизвѣстно, что во всѣхъ древнихъ памятникѣхъ, всегда и вездѣ мужскому слову: *холопъ*, соответствуетъ женское: *раба*, такъ что оба названія принимаются за однозначительныя? Далѣе, всѣ отношенія холоповъ къ господамъ г. Бланкъ считаетъ кабальными, происшедшими изъ свободныхъ договоровъ. Между тѣмъ, при малѣйшемъ знакомствѣ съ предметомъ, невозможно не знать, что кабальная отношенія составляли только особый видъ холопства, и что кромѣ того было холопство полное, которое имѣло разнообразныя источники: плѣнъ, куплю, рожденіе, бракъ, неушлату долга, вступленіе безъ договора въ рабскую должность, преступленіе или побѣгъ наемнаго закупа. Наконецъ, что всего удивительнѣе, г. Бланкъ не подозреваетъ даже, что въ древней Россіи крестьяне и холопы составляли два различныя сословія, изъ которыхъ одно свободно переходило съ мѣста на мѣсто, вступая въ договоръ съ землевладѣльцами, а другое находилось въ личной власти господъ. Считая ихъ тождественными, г. Бланкъ смѣло доказываетъ, что холопы у насъ не считались за рабовъ, и что жизнь ихъ не зависѣла отъ произвола владѣльцевъ, ссылкою на слова Карамзина, что «крестьяне искони имѣли въ Россіи гражданскую свободу, но безъ собственности недвижимаго». При такихъ блистательныхъ свѣдѣніяхъ можно себѣ представить, какой выходитъ у г. Бланка историческій очеркъ. Тутъ уже нѣтъ рѣчи о большей или меньшей основательности изслѣдованій и выводовъ, о болѣе или менѣе вѣрномъ и глубокомъ пониманіи историческихъ явленій; здѣсь просто совершенное незнаніе самыхъ простыхъ историческихъ фактовъ, безъ которыхъ не только невозможно взяться за перо, но нельзя даже слова сказать объ исторіи того или другаго учрежденія.

Что холопъ во времена Русской Правды не считался гражданскимъ лицомъ, доказательствомъ служитъ то, что за убійства его не платилось виры, а взыскивалась только плата господину, котораго убійца лишилъ имущества. Изъ Русской Правды отнюдь не видать, что владыцѣ не имѣлъ на холопа права жизни и смерти; вездѣ говорится только объ убіеніи раба чужаго, а не своего. Что древнія отношенія холопства не были патриархальнымъ, семейнымъ союзомъ, основаннымъ на высокой идеи связи власти съ повиновеніемъ и на исполненіи своего долга, какъ утверждаетъ г. Бланкъ, ясно изъ того, что противъ нихъ ратовало христіанское духовенство, и что передъ смертью, въ ту минуту, когда человѣку яснѣе представлялся его человѣческій долгъ, всякій считалъ обязанностью отпустить холоповъ на волю для спасенія души. Возможность обратить въ раба плѣнника, преступника, несостоятельнаго должника, показываетъ, что это учрежденіе возникло во времена владычества буйной силы и суровости нравовъ, когда человѣколюбивая власть не могла еще принять подъ свою защиту подчиненное ей лицо. Въ ту эпоху эти установленія находились на своемъ мѣстѣ и имѣли свое настоящее значеніе.

Другаго рода явленіе представляетъ укрѣпленіе крестьянъ въ XVII-мъ вѣкѣ. Здѣсь я долженъ противопоставить взглядъ, изложенный въ статьѣ *о несвободныхъ состояніяхъ въ Россіи*, и выводы г. Бланка. Читатель посудитъ, на сколько въ нихъ есть сходства. Я сказалъ, что въ этой правительственной мѣрѣ не было ничего исключительнаго и несправедливаго. «Это было укрѣпленіе не одного сословія въ особенности, а всѣхъ сословій въ совокупности; это было государственное тягло, наложенное на всякаго, кто бы онъ ни былъ. Всѣ равно должны были всю жизнь свою служить государству, каждый на своемъ мѣстѣ, служилые люди на полѣ брани и въ дѣлахъ гражданскихъ; тяглые люди, посадскіе и крестьяне отправленіемъ разныхъ службъ, податей и повинностей; наконецъ, вотчинные крестьяне, кромѣ уплаты податей и отправленія повинностей, такъ же службою своему вотчиннику, который только съ ихъ помощью получалъ возможность отправлять свою службу государству. Служилые люди не были укрѣплены къ мѣстамъ, ибо служба ихъ была повсемѣстная. Тяглые же люди считались крѣпостными и не могли уходить съ своихъ мѣстъ. Невозможно было не распространить этого положенія и на вотчинныхъ крестьянъ.» Эту—то выписку, между прочимъ, г. Бланкъ обращаетъ противъ г. Безобразова. Понявши ее неизвѣстно какимъ образомъ, онъ восклицаетъ: «Взгляните на настоящее положеніе нашего государства: и нынѣ всѣ сословія, всѣ его члены, занимаясь собственными дѣлами, несутъ каждый на своемъ мѣстѣ посильную лепту на алтарь отечества, каждый свое государственное тягло въ непрестанно совершенствующейся гармоніи. Эта идея до того справедлива, до того намъ самобытна, до того показываетъ

единство духа наших коренныхъ учреждений, благотворно развившихся совокупно съ возвеличившимъ Россію развитіемъ въ ней единства самодержавія, что она какъ бы связуетъ неразрывно составъ всѣхъ сословій въ нашемъ отечествѣ, весь нашъ государственный бытъ.»

Трудно написать фразу болѣе громкую и которая бы вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе относилась къ дѣлу. Во всѣхъ государствахъ въ мірѣ каждый подданный несетъ посильную лепту на алтарь отечества; безъ этой общей жертвы государство не могло бы даже существовать. Что здѣсь особенно самобытнаго, это кажется никто не въ состояніи будетъ понять. Вопросъ состоитъ и не въ этомъ, а въ способѣ наложенія тягла. Спрашивается: 1) Какова его тяжесть? дозволяетъ ли государство подданнымъ свободно заниматься своими дѣлами, удѣляя только часть времени или доходовъ на общее дѣло, или налагаетъ оно на нихъ обязательную службу, поглащающую все ихъ существованіе и поставляющую ихъ въ непрерывную зависимость отъ начальства? 2) Справедливо ли распредѣленіе тягла? разлагается ли оно равномерно на всѣхъ, или одинъ классъ людей отягощенъ не въ мѣру противъ другихъ? Вотъ вопросы, которые долженъ задавать себѣ каждый историческій изслѣдователь, каждый государственный человѣкъ, и въ этомъ отношеніи мы видимъ великую разницу не только между различными государствами, но даже между различными эпохами въ жизни одного и того же народа. Государство юное, неустроенное, обыкновенно не довольствуется нѣкоторою денежною платою въ общую кассу; оно имѣетъ еще слишкомъ мало средствъ, оно должно напрягать всѣ свои силы, чтобъ организовать и увеличить свое могущество. Поэтому оно налагаетъ на подданныхъ службу тяжелую, заставляетъ ихъ приносить страшныя жертвы для достиженія общей цѣли. Напротивъ, государство благоустроенное, которое укрѣпилось внутри себя, не требуетъ такого усиленнаго служенія; оно полагаетъ себѣ главною цѣлью уже не созданіе государственнаго могущества, а благоденствіе подданныхъ, которое несовмѣстно съ слишкомъ тяжелыми обязанностями и безпрерывнымъ стремленіемъ личной свободы. Поэтому оно слагаетъ съ нихъ обременительное тягло, уничтожаетъ по возможности даже личныя повинности и довольствуется удѣленіемъ части доходовъ. Въ обоихъ случаяхъ оно поступаетъ сообразно съ потребностями времени; въ этомъ нельзя его и винить. Отъ него требуется только, чтобъ оно разлагало тяжести уравнительно, ибо въ этомъ состоитъ долгъ общественной справедливости.

Примѣры такого измѣненія въ сущности тягла представляетъ и наша исторія. Когда государство устранивалось отъ дворянства требовалась весьма тяжелая служба. Въ то время дворянинъ не былъ свободнымъ человѣкомъ, который могъ, по собственному желанію, распорядиться своими занятіями, вступать на службу и выходить въ

отставку. Въ продолженіе всей своей жизни, онъ состоялъ въ полномъ распоряженіи правительства, которое назначало его на то или другое мѣсто по требованію службы. Какъ скоро онъ подрасталъ, его тотчасъ верстади въ новики, и ни подъ какимъ видомъ онъ не могъ уклоняться отъ исполненія своихъ обязанностей. При Петрѣ Великомъ принимались противъ этого самыя строгія мѣры; дворянъ безпрерывно высылали на смотры, даже подъ страхомъ смерти за уклоненіе, и затѣмъ опредѣляли годныхъ къ должностямъ. Позднѣе позволено было родителямъ воспитывать дѣтей своихъ дома, съ тѣмъ, чтобы въ извѣстные сроки привозить ихъ для экзаменовъ въ столицу и по окончаніи ученія отдавать ихъ въ распоряженіе правительства. Это составляло своего рода государственную барщину, которая была до такой степени тяжела, что многіе даже довольно зажиточные помещики предпочли, при первой ревизіи, записаться въ сословіе государственныхъ крестьянъ, имѣвшихъ по крайней мѣрѣ постоянную ослѣдность. Всѣ эти мѣры въ свое время были такъ же необходимы, какъ и укрѣпленіе крестьянъ; организуемое государство должно было требовать постоянныхъ усиленныхъ жертвъ. Но во второй половинѣ XVIII вѣка эта служебная повинность дворянъ была уничтожена; имъ предоставлено право служить когда и сколько хотятъ; ихъ перестали высылать на смотры; службѣ не стѣсняетъ уже всей ихъ жизни и доставляетъ имъ почетъ и преимущества. Въ половинѣ XVIII-го вѣка уничтожены были и служебныя повинности купцовъ и мѣщанъ; они давно уже не прикрѣплены къ мѣстамъ жительства, а пользуются правомъ свободного перехода; свободного выбора занятій. Однимъ словомъ, высшимъ классамъ предоставлена гражданская свобода; съ нихъ снято прежнее слишкомъ обременительное тягло. Г. Бланкъ утверждаетъ, что «прикрѣпленіе къ дѣлу каждого сословія, въ гармоническихъ соотношеніяхъ между собою помогающихъ другъ другу нести государственную тягу», составляетъ неразрывную цѣпь, которая не можетъ оставаться въ цѣлости, если будетъ сломано хотя одно изъ ея звеньевъ. Но дѣло въ томъ, что нѣкоторыя изъ этихъ звеньевъ давно не существуютъ; не на старой системѣ обязательной службы всѣхъ сословій зиждется въ настоящее время могущество Россіи.

Таковы свѣдѣнія г. Бланка по части русской исторіи. Еще замѣчательнѣе взглядъ его на крѣпостное право въ западной Европѣ. Въ первой статьѣ своей г. Бланкъ, необинуясь, провозгласилъ, что на Западѣ рабъ былъ вещью, на которую господинъ имѣлъ право жизни и смерти, что потомъ, вслѣдствіе ложной филантропіи, рабы были эманципированы, но владѣльцы, отказавшись торжественно отъ права на жизнь и смерть ихъ, сохранили втихомолку возможность морить ихъ голодною смертію, обративши ихъ въ пролетаріевъ. У насъ же, по его мнѣнію, рабства никогда не было, а было всегда крѣпостное

состояніе, которое заключалось въ правѣ владѣльца располагать не жизнью, а только рабочими силами подчиненныхъ, учрежденіе совершенно оригинальное, составляющее исключительную собственность нашего отечества. Этотъ совершенно новый взглядъ на исторію крѣпостнаго права, къ несчастію, оказался столь же ошибочнымъ, сколько онъ былъ новъ. Г. Безобразовъ выпискою изъ «Экономическаго Лексикона» побѣдоносно доказалъ, что въ западной Европѣ существовало не римское рабство, а крѣпостное состояніе, болѣе мягкая форма личной зависимости. Что же отвѣчаетъ на это г. Бланкъ? Подтверждаетъ ли онъ свое прежнее мнѣніе историческими свидѣтельствами, какъ слѣдуетъ дѣлать всякому добросовѣстному писателю? Нѣтъ; «не имѣя подъ руками Экономическаго Лексикона» (а вѣроятно и другихъ книгъ), онъ заподозрѣваетъ правильность выписки и наивно утверждаетъ, что она даже вовсе и не относится къ разбору его статьи. Отстранивши такимъ легкимъ образомъ свидѣтельство исторіи, онъ дѣлаетъ слѣдующее остроумное умозаключеніе: «у насъ это состояніе отлично отъ другихъ государствъ, какъ сознаетъ самъ мой критикъ; слѣдовательно, оно оригинальное. А потому, кажется, можно утвердительно сказать, что такое самобытное учрежденіе, ни откуда не заимствованное, составляетъ исключительную собственность Россіи.» На основаніи этого совершенно оригинальнаго, ни откуда не заимствованнаго способа рѣшенія историческихъ вопросовъ, г. Бланкъ торжественно провозглашаетъ, что «совершеннаго тождества древнихъ русскихъ правъ съ правами господъ на рабовъ языческаго Рима или грубаго феодализма Европы не можетъ доказать самый упорный преслѣдователь своихъ взглядовъ, какъ бы ни мудрствовалъ лукаво».

Что же, если сказать г. Бланку, что положенія Русской Правды о холопахъ совершенно сходны съ постановленіями законовъ варваровъ (*leges barbarorum*) западной Европы? Чтобы говорить о тождествѣ, или различіи правъ, слѣдовало бы, кажется, прежде разобрать источники, откуда почерпаются объ нихъ свѣдѣнія, или, по крайней мѣрѣ, познакомиться съ сочиненіями, въ которыхъ юридическіе памятники разобраны болѣе или менѣе подробно. Тогда г. Бланку не пришлось бы въ голову ставить въ одну категорию римское рабство и крѣпостное право западной Европы. Онъ увидалъ бы, что послѣднее имѣло разнообразныя формы, изъ которыхъ нѣкоторыя были основаны на обоюдныхъ обязательствахъ, также какъ наши кабальные отношенія; низшую же ступень, наиболѣе приближавшуюся къ рабству римскому, составляли по законамъ варваровъ, несвободные люди, за убійство которыхъ не платилось даже виры. Это же самое постановленіе находится и въ Русской Правдѣ, такъ что низшая степень гражданскаго бытія была совершенно одинакова у насъ и на Западѣ. Во времена грубаго «феодализма» состояніе крѣпостныхъ сословій дѣйствительно отличалось отъ того, которое было у насъ, но это отнюдь не можетъ служить

въ пользу мнѣній г. Бланка; остроумныя умозаключенія, къ несчастію, не замѣняютъ собою положительныхъ доказательствъ. Отличіе состояло въ томъ, что кабальныя отношенія, предметъ сочувствія г. Бланка, у насъ большею частью простирались только на сословіе холоповъ, тамъ же они обнимали и сословіе крестьянъ. Послѣдніе находились либо въ полной зависимости отъ господина, который могъ распоряжаться ихъ рабочими силами по своему изволенію, либо въ неполной, и въ такомъ случаѣ они обязаны были только извѣстными податями и повинностями, которыя опредѣлялись договорами или обычаями. Во Франціи полное крѣпостное состояніе рано стало прекращаться; въ XVIII вѣкѣ едва остаются его кой-какіе слѣды. Вездѣ почти крестьяне сдѣлались собственниками тѣхъ участковъ, на которыхъ они сидѣли; они все еще обязаны были нести многія изъ прежнихъ феодальныхъ тягостей, но само дворянство, 4-го августа 1789-го года, отказалось отъ этихъ средневѣковыхъ преимуществъ. Въ Германіи полное крѣпостное состояніе (Leibeigenschaft) сохранялось до XVIII вѣка. Просвѣщенные государи того времени, въ Пруссіи Фридрихъ II, въ Австріи Марія Терезія и Іосифъ II, замѣнили его отношеніями опредѣленными; крестьяне превратились въ обязанныхъ, а въ XIX вѣкѣ они совершенно уже освободились отъ всякаго подчиненія прежнимъ владѣльцамъ. Черезъ это они не обратились однакоже всѣ въ пролетаріевъ; законъ отдалъ имъ въ собственность земли, на которыхъ они сидѣли, а господа получили плату за повинности, которыхъ они черезъ это лишились.

Все это хорошо извѣстно всякому, кто немного знакомъ съ исторіею права. Но, повидимому, г. Бланкъ совершенно пренебрегаетъ положительными свѣдѣніями, замѣняя ихъ собственными оригинальными соображеніями. На это встрѣчаются у него на каждомъ шагѣ драгоценныя указанія. Такъ, онъ говоритъ на счетъ Русской Правды, что «мягкость вообще нашихъ уголовныхъ наказаній (напримѣръ денежнаго за убійство) доказываетъ только мягкость древнихъ нравовъ русскихъ, и даже можетъ-быть ту утѣшительную идею, что у насъ издревле было менѣ преступленій, нежели въ другихъ государствахъ, *долѣе насъ пребывавшихъ во мракѣ лзычества*». Не нужно имѣть глубокихъ юридическихъ познаній, а надобно только прочесть, напримѣръ, сочиненія Гизо, которыя должны быть знакомы всякому образованному человѣку, чтобъ имѣть понятіе о значеніи древнихъ виръ, то-есть денежной платы за убійство. Онѣ, какъ и крѣпостное право, отнюдь не составляли исключительной собственности нашего отечества; въ началѣ среднихъ вѣковъ онѣ существовали у всѣхъ европейскихъ народовъ, и явились замѣною прежней родовой мести. Онѣ служатъ признакомъ не мягкости нравовъ и не малаго числа преступленій, а напротивъ, грубости нравовъ, недостаточнаго ува-

женія къ человѣческой жизни и слишкомъ слабаго развитія общественной власти. Все это принадлежитъ къ самымъ элементарнымъ историческимъ свѣдѣніямъ, о которыхъ не существуетъ ни спора, ни даже сомнѣнія. Что же касается до положенія, что западныя государства долѣ насъ пребывали во мракѣ язычества, то это совершенно новое открытіе въ области науки. До сихъ поръ во всѣхъ русскихъ исторіяхъ, даже въ тѣхъ, которыя преподаются въ уѣздныхъ училищѣхъ, утверждали, что Россія крещена въ концѣ X вѣка, когда западная Европа давно уже была просвѣщена христіанствомъ. Г. Бланкъ открылъ противное; спѣшимъ сообщить эту важную новость любителямъ просвѣщенія.

Одинъ образованный молодой человѣкъ, говоритъ г. Бланкъ, раздѣляетъ просвѣщенныхъ людей на три категоріи: «Къ 1-й относятся тѣ, которые, получивъ европейское образованіе, изучили основательно бытъ и состояніе, хотя не всего огромнаго нашего отечества, по крайней мѣрѣ какой-нибудь его части; ко 2-й тѣ, которые, не получивъ блестящаго воспитанія, при здоровомъ своемъ смыслѣ и благонамѣренности, практически приобрѣли о Россіи ясныя и точныя понятія; къ 3-й тѣ, кои только имѣютъ кабинетное, теорическое, хотя бы и обширное европейское образованіе, но не знаютъ внутренняго быта и состоянія своего отечества.» Ясно, что г. Бланкъ не причисляетъ себя къ послѣднему разряду. онъ очень неблагоклонно смотритъ на теоретиковъ, обладающихъ европейскимъ образованіемъ; кореннымъ русскимъ началамъ, по его мнѣнію, угрожаетъ опасность отъ ложной филантропіи и западныхъ идей. Очевидно также, что г. Бланкъ не принадлежитъ и къ первой категоріи: человѣкъ, зараженный европейскою образованностію, подчинившійся иностранному вліянію, былъ бы не въ состояніи выработать такихъ совершенно оригинальныхъ воззрѣній и такъ легко сдѣлать въ наукѣ открытія, невѣдомыя остальному міру. Самъ г. Бланкъ, повидимому, причисляетъ себя ко второму разряду: онъ объявляетъ читателямъ, что онъ «сельскій житель, не болѣе *можетъ-быть* ученый, нежели его критикъ»; здоровомысленнаго же сельскаго жителя онъ называетъ *ученикомъ природы*. (См. «Труды» 1857 года, № 1-й, стр. 121, 124.) Въ этомъ скромномъ, какъ бы невольномъ вырвавшемся признаніи можно найти ключъ къ разрѣшенію многихъ загадокъ въ статьяхъ г. Бланка. Отсюда объясняются оригинальныя его историческія воззрѣнія, которыхъ источникъ сначала могъ привести насъ въ недоумѣніе; теперь мы знаемъ, что они внушены ему природою. Надобно впрочемъ сказать къ чести автора, что онъ, съ свойственнымъ ученикамъ природы практическимъ смысломъ, черпаетъ мысли изъ всей окружающей его среды—и отъ остряковъ-помѣщиковъ, и отъ образованныхъ молодыхъ людей, и даже отъ дворовыхъ людей своихъ знакомыхъ. (См. «Труды» 1856 года, № 6-й, стр. 125.) Понятно, какая бездна незнакомыхъ

Западу идей возникаетъ изъ этого блестящаго сочетанія столь разнообразныхъ источниковъ вѣдѣнйя. Однако и здравомысленному сельскому жителю предстантъ при этомъ одно великое искушеніе. Обыкновенно ученики природы, довольствуясь своею оригинальностью, живутъ мирно, и не утруждая себя излишними заботами, наслаждаются плодами исторически выработавшихся учреждений и обмѣномъ истинно-филантропическихъ мыслей съ образованными молодыми людьми и остряками-помѣщиками. Но иногда, среди этой тихой и пріятной жизни, ихъ обуяетъ демонъ авторства: они хотятъ сообщить всему міру взгляды, внушенные природою и дворовыми людьми своихъ знакомыхъ; они смѣло берутся за перо, гремятъ противъ ложной филантропіи и западныхъ идей, легко и проворно рѣшаютъ историческіе вопросы, дѣлаютъ въ наукѣ удивительныя открытія.... Ахъ, г. Бланкъ! это скользкій путь для здравомысленнаго сельскаго жителя. Наука требуетъ занятій кабинетныхъ, которыя вы трактуете съ такимъ пренебреженіемъ; чтобы писать объ исторіи, нужно немного той учености, которая кажется вамъ неестественно натянutoю, заводящею умъ за разумъ. (См. «Труды» 1857 г., № 1-й, стр. 124.) Русскую исторію въ особенности, столь мало еще разработанную, необходимо изучать въ огромныхъ фолиантахъ, въ сухихъ актахъ, безъ знанія которыхъ невозможно и слова сказать о развитіи внутреннихъ учреждений нашего отечества. Ученикъ природы содрогнется при одной мысли объ этихъ трудахъ, которые не приносятъ практической пользы, а только способны заводитъ умъ за разумъ. Побуждаемый предприимчивымъ духомъ, онъ можетъ иногда смѣло забраться въ невѣдомыя ему страны науки, но вѣдь онъ будетъ въ нихъ, какъ въ лѣсу, и каково же его положеніе, когда вдругъ откроется, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, о чемъ онъ писалъ! Тогда мирный сельскій житель способенъ обратиться въ яростнаго критика; онъ раздражается потоками брани противъ неосторожнаго обличителя, дѣлаетъ ядовитыя замѣчанія на счетъ слога своего противника, тонкихъ, но необыкновенно язвительнымъ образомъ, подбирается къ его личности, старается подкопаться подъ его благонамѣренность, искусно разставляетъ всѣ свои батареи, призываетъ на помощь и остряковъ-помѣщиковъ, и образованныхъ молодыхъ людей, и дворовыхъ людей своихъ знакомыхъ, и въ этомъ дружномъ натискѣ представляетъ читателямъ такую великолѣпную картину генеральнаго сраженія, что въ авторѣ нельзя бы и подозревать мирнаго и здравомысленнаго сельскаго жителя, еслибы на каждомъ шагѣ не проглядывалъ ученикъ природы. Отъ всей души вѣрю, что узнавши учениковъ природы покороче, можно найти въ нихъ «особъ, готовыхъ на всякую намъ услугу, на всякое добро». (См. «Труды» 1857 года, № 1-й, стр. 100.) Но зачѣмъ же имъ пускаться на литературное поприще?

Б. Чичеринъ.

НОВОСТИ ПОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (1)

Намъ остается еще упомянуть о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ явленіяхъ въ польской литературѣ за прошлый 1856 годъ.

Studia Historyczne Michala Balińskiego (Историческія Изысканія Михаила Балинскаго). Вильно, 1856. Въ 8, 366 стр. Съ пятью литографированными картинками.

Въ этой книгѣ заключаются статьи автора, нѣсколько лѣтъ тому назадъ напечатанныя въ журналахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ въ послѣдствіи дополнены и нигдѣ еще не были напечатаны. Къ числу новыхъ статей принадлежитъ характеристика двухъ знаменитыхъ мужей: *Ивана Снядецкаго* и *Таддея Чацкаго* (2).—Свѣдѣнія, касательно супружества Сигизмунда-Августа съ Варварою и ихъ взаимной любви, значительно дополнены г. Балинскимъ вновь открытыми письмами. Это подало поводъ автору начертать подробную картину споровъ на сеймахъ въ эту эпоху и представить въ истинномъ историческомъ свѣтѣ жизнь королевы Варвары. Вотъ содержаніе этой книги : Иванъ Сня-

(1) См. -Русскій Вѣстникъ-, 1857 г., № 4.

(2) *Иванъ Снядецкій*—извѣстный математикъ и астрономъ, род. въ 1756 г. Окончивъ курсъ наукъ въ Краковской академіи, онъ отправился, въ 1778 г., путешествовать въ Германію, Голландію и Францію. Въ 1780 г., въ Парижѣ, ему предлагали черезъ посредство испанскаго посольства занять мѣсто астронома въ Мадридѣ, но онъ отказался отъ него, будучи приглашенъ занять катедру высшей математики и астрономіи въ Краковской академіи. Весь 1787 годъ Снядецкій провелъ въ Англіи, занимаясь въ тамошнихъ обсерваторіяхъ; въ 1795 г. путешествовалъ въ Карпатскихъ горахъ. Въ 1806 г., послѣ двухлѣтнаго путешествія въ Германію, Голландію, Францію и Италію, занялъ мѣсто главнаго астронома въ Вильнѣ, потомъ ректора бывшаго тамъ же университета. Онъ скончался 21-го ноября 1830 г., на 74 году жизни. Полное собраніе сочиненій этого ученаго издано въ Варшавѣ, въ семи томахъ. — *Чацкій* род. въ 1765 г. на Волынѣ. Будучи чиновникомъ надворнаго суда, по собственной охотѣ, привелъ въ порядокъ коронную метрику, что дало ему возможность близко ознакомиться съ предметами отечественными. Въ 1788 г. онъ избранъ былъ въ члены комиссіи финансовъ и еще болѣе изслѣдовалъ положеніе страны, путешествуя по разнымъ частямъ своего отечества, съ цѣлію ознакомиться съ мануфактурами, торговлею и водными сообщеніями. Онъ былъ депутатомъ Волынской губерніи на коронацію императора Павла I. По его представленію императоръ Александръ I учредилъ въ Кременцѣ гимназію и поручилъ ему управленіе ею; потомъ, въ 1807 г., онъ назначенъ былъ исправляющимъ должность куратора въ семи губерніяхъ. Онъ умеръ въ 1813 г. Вотъ заглавіе нѣкоторыхъ его сочиненій : *О литовскихъ и польскихъ законахъ* (1800 г.);—*О десятинахъ вообще и въ особенности въ Польшѣ и Литвѣ* (1801 г.);—*Разсужденіе о Жидакъ* (1807 г.);—*О правахъ Мазовецкихъ* и др. Всѣ эти сочиненія обработаны критически и составляютъ богатый матеріалъ для польскаго историка. По смерти Нарушевича, Чацкій далъ обѣщаніе королю Станиславу окончить его польскую исторію, для которой и приготавливалъ матеріалы.

децкій и Оаддей Чацкій;—Наполеонъ и Иванъ Снядецкій;—Дополненіе записокъ о королевѣ Варварѣ (I. 1548 г. II. Коронація);—Спытко изъ Мельштына и его родъ (историческій разказъ);—Смерть Жолкѣвскаго и памятникъ его въ Бессарабіи;—Папроцкій и Паноша;—Дополненія.

Мы остановимъ вниманіе преимущественно на дополненіяхъ къ запискамъ о королевѣ Варварѣ, въ особенности потому, что Н. А. Поповъ, въ своемъ прекрасномъ историческомъ разказѣ, основанномъ на запискахъ г. Балинскаго, *Королева Варвара* (см. «Русскій Вѣстникъ», кн. 1—я за нынѣшній годъ), къ сожалѣнію, не успѣлъ воспользоваться ими.

«Неожиданно, говорить г. Балинскій, снова открываются неизвѣстные до сихъ поръ документы, чрезвычайно важные для объясненія подробностей жизни королевы Варвары.» Они выписаны г. Николаемъ Малиновскимъ изъ книги, имѣющей заглавіе: *Lettres, Rescripts et Mandats de la Reine Bonne, de Sigismond Auguste et d'Etienne Bathori, Rois de Pologne, 1535—1585. Volumen № 62*, состоящей изъ 148 листовъ. Эта рукопись хранится въ собраніи автографовъ Императорской Публичной Библиотеки въ С. Петербургѣ, гдѣ г. Малиновскій, въ 1855 г., занимался разысканіемъ матеріаловъ для своихъ многочисленныхъ и образцовыхъ трудовъ въ области отечественной исторіи. Рукопись эта состоитъ изъ писемъ Сигизмунда-Августа, писанныхъ по-польски въ 1548 г., со всею откровенностію, къ князю Михаилу Радзивиллу Рыжему, брату Варвары. Они дополняютъ, въ числѣ 26, продолженіе корреспонденціи этихъ двухъ знаменитыхъ историческихъ лицъ и тѣмъ болѣе важны, что сверхъ подробностей, относящихся къ супружеству Варвары, заключаютъ въ себѣ и другія свѣдѣнія, касательно происшествій 1548 года.

Кромѣ того г. Балинскій, между своими рукописями, нашелъ также любопытное и хорошо сохраненное собственноручное письмо князя Павла Гольшанскаго, епископа Виленскаго, писанное къ королевѣ Варварѣ на прощаніи, когда она оставляла Литву, отправляясь въ Малую Польшу, по приглашенію мужа.

Всѣ эти новыя свидѣтельства, обнимая собою нѣсколько мѣсяцевъ, еще болѣе объясняютъ событія 1548 г., памятнаго въ польской исторіи волненіемъ Пётрковскихъ сеймовъ, возбужденнымъ прописками Боны.

Все собраніе писемъ, писанныхъ по-польски, состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Первые четыре письма писаны съ дороги, когда Сигизмундъ Августъ, оставивъ Вильно и Варвару, отправлялся въ Краковъ на погребеніе своего отца, Сигизмунда Стараго. Изъ нихъ ясно видно, до какой степени достигло вліаніе Радзивилла Рыжаго и значеніе его при королѣ. На пути, Августъ непрерывно получаетъ извѣстія отъ брата Варвары о здоровьи своей супруги, без-

прерывно поручаетъ ему заботиться о ея безопасности и удобствахъ. Второй отдѣлъ этой корреспонденціи, сверхъ письма князя Гольшанскаго, заключаетъ въ себѣ шесть занимательныхъ писемъ, писанныхъ со времени прибытія короля въ Краковъ до отъѣзда его на сеймъ Пётрковскій. Онъ преимущественно заботится въ нихъ о здоровьи, удобствахъ и безопасности Варвары; вмѣстѣ съ этимъ нельзя не замѣтить боязни относительно тайныхъ злоумышленій его враговъ въ Литвѣ, управляемыхъ Боною.

Къ третьему отдѣлу этой корреспонденціи принадлежатъ остальные пятнадцать писемъ и отрывокъ шестнадцатаго. Они относятся къ тому времени, когда король и королева разъѣхались въ двѣ противоположныя стороны—Варвара въ Корчинъ, Августъ въ Пётрковъ, и продолжаютъ до праздника Рождества Христова 1548 г. Сигизмундъ-Августъ, въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, не забывалъ своей Варвары, и какъ только пріѣхалъ въ Пётрковъ, сейчасъ же послалъ къ Радзивиллу напомнить ему, чтобы съ осторожностію подавали королевѣ питье. Онъ боялся яду, какъ средства, которое очень часто употреблялось въ XVI вѣкѣ въ Европѣ, чтобы избавиться отъ мѣшавшихъ людей.

Между прочимъ, въ письмахъ Сигизмунда-Августа, изданныхъ теперь г. Балинскимъ, сохранились самыя вѣрныя свидѣтельства о дѣйствіяхъ и спорахъ на Пётрковскомъ сеймѣ 1548 г.—Будущій историкъ времени послѣдняго изъ Ягеллоновъ, найдеть въ этихъ документахъ, вмѣстѣ съ другими, прежде изданными, живую картину не только публичной жизни въ Польшѣ, въ началѣ этого царствованія, но и домашнихъ нравовъ въ этомъ вѣкѣ.

На основаніи этихъ вновь открытыхъ писемъ, настоящій разказъ г. Балинскаго нѣсколько разнится отъ прежняго, особенно въ числахъ (1). Въ дополненіе къ нему, онъ обращается еще къ прекрасному изданію гг. Пршездзѣцкаго и Растваецкаго, подъ заглавіемъ: *Образцы средневѣковаго искусства и эпохи возрожденія въ концѣ XVII вѣка въ древней Польшѣ* (отд. I, въ Варшавѣ и Парижѣ). Въ XII выпускѣ, подъ заглавіемъ: *Портреты двухъ жезъ Сигизмунда-Августа, короля Польскаго*, помѣщены два рисунка; одинъ представляетъ переплетъ книги, нѣкогда бывшей собственностью этого государя; другой—два портрета, писанные масляными красками на металлической дощечкѣ и находящіеся по обѣимъ сторонамъ внутри переплета. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ Елисаветѣ Австрійской, другой Варварѣ Радзивиллѣ. При описаніи этого драгоценнаго памятника, г. Пршездзѣцкій помѣстилъ три письма Варвары, найденныя въ Неборовскомъ архивѣ (въ Царствѣ Польскомъ близъ Ловича), и объявилъ, что вскорѣ намѣренъ издать ихъ вмѣстѣ съ другими того же рода па-

(1) См. Pisma Historyczne. Т. I, стр. 157 — 209.

матниками. Такія два счастливыя открытія обогащаютъ и дополняютъ всю исторію этого драматическаго эпизода польской исторіи. Особенно важны письма самой Варвары, которыхъ до сихъ поръ такъ мало нашлось. Они любопытны въ особенности потому, что ясно изображаютъ ея нравъ, сердце и характеръ. Въ запискахъ о Варварѣ находится подтвержденіе, что причиною ея смерти былъ не ядъ, а ракъ, между тѣмъ какъ нѣкоторые стараются доказать противное.

Г. Балинскій, въ дополненіяхъ къ своимъ статьямъ, разбираетъ историческій очеркъ г. Карла Шайнохи, подъ заглавіемъ: *Wawrzyn Radvickillowna*.—Онъ помѣщенъ въ особо изданной книгѣ, во Львовѣ, 1854 года, имѣющей слѣдующее заглавіе: *Szkice Historyczne* (Историческіе Очерки). Авторъ ихъ принадлежитъ къ числу самыхъ даровитыхъ и трудолюбивыхъ изслѣдователей польской исторіи, въ новѣйшее время (1). Г. Шайноха въ своемъ очеркѣ хотѣлъ доказать, что Варвара была женщиною обыкновенною, и искала только собственнаго счастья. Онъ старается уменьшить славу и историческую занимательность Варвары.

«Безъ сомнѣнія, замѣчаетъ г. Балинскій,—никто не считаетъ ее героинею, и не будетъ ставить ее во главѣ какой-то великой эпохи въ народной жизни; но, судя безпристрастно, исторія назначитъ Варварѣ болѣ скромное и все-таки славное мѣсто прекрасной и добродѣтельной королевы, которая, сумѣвши возбудить столь сильную къ себѣ любовь, вмѣстѣ съ этимъ не лишена была благородства и высокаго достоинства, потому что не поставила себя въ то положеніе, въ какомъ находились столь же прекрасныя собою королевскія любовницы въ тогдашней Европѣ! И кто знаетъ, можетъ-быть, болѣе для этого, нежели изъ гордости, она такъ усиленно желала быть коронованною. Еслибы она была такъ горда, какъ утверждаетъ г. Шайноха, то передъ смертію не просила бы мужа, чтобы онъ похоронилъ ее тѣло не между гробницами королевскими на Вавелѣ въ Краковѣ, а въ родной Литовской землѣ!»

— *Bibliografia Krajowa* (Отечественная Библиографія, издаваемая варшавскимъ книгопродавцемъ Клюковскимъ). Выпускъ IV.

Въ одной изъ предыдущихъ статей моихъ, я уже упоминалъ объ этомъ полезномъ изданіи. Нельзя не пожалѣть, что оно выходитъ медленно. Въ IV-мъ выпускѣ заключается продолженіе библиографіи 1856 года, также литературныя и книгопродавческія объявленія. Въ фельетонѣ помѣщено любопытное обзорное древней библиографіи, г. Войцицаго.—Оно касается одной старинной брошюры XVI вѣка.

(1) Самое важное и замѣчательное сочиненіе его: *Адвиза и Явело*, историческій разказъ, — вышло во Львовѣ въ 1855—1856 г., въ трехъ томахъ. Я получилъ только I-й томъ этого сочиненія и, когда получу остальные, постараюсь отдать объ немъ отчетъ читателямъ.

Важнѣйшую часть древней польской литературы, драгоценный матеріалъ для исторіи Польши и , въ особенности, для ближайшаго уразумѣнія ея домашней жизни, со времени распространѣнія книгопечатанія, безспорно составляютъ старинныя польскія брошюры, которыя стали появляться при самомъ началѣ распространѣнія книгопечатанія въ Польшѣ (1506—1530 г.). Не прошло и полвѣка, какъ брошюры, съ измѣненіемъ образа правленія Рѣчи Посполитой, по смерти послѣдняго Ягеллона, получили болѣе важное, не только литературное, но и политическое значеніе. Онѣ служили вмѣсто нынѣшнихъ газетъ и были органомъ общаго мнѣнія, какъ народа, такъ и партій. Реформація и вмѣстѣ съ нею религіозные споры размножали ихъ не сотнями, но тысячами. Прежніе библиографы хотя и записали множество брошюръ, однакожь ограничивались только подробнымъ приведеніемъ заглавія и исчисленіемъ страницъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ брошюръ, оказывалось, что содержаніе ихъ часто не согласовалось съ заглавіемъ, и что въ описаніи предметовъ, повидимому, не возбуждающихъ интереса, заключаются драгоценныя свѣдѣнія не только о домашней жизни, но и о важнѣйшихъ историческихъ событіяхъ, которыя не всегда съ такою подробностію передавались въ польскихъ лѣтописяхъ. Мартынь Бѣльскій, въ своихъ брошюрахъ, представляетъ болѣе фактовъ, касающихся домашней жизни Поляковъ, нежели въ своей лѣтописи.—Вѣрная перепечатка наиболѣе замѣчательныхъ брошюръ служила бы чрезвычайно важнымъ и неизвѣстнымъ до сихъ поръ матеріаломъ для исторіи. Многія изъ этихъ брошюръ пропали и сдѣлались рѣдкостію.

Г. Войцицкій возмываетъ похвальное намѣреніе помѣщать въ *Отечественной Библиографіи* не только описанія наиболѣе важныхъ и любопытныхъ брошюръ, но и представлять извлеченія изъ нихъ, относящіяся къ исторіи. Сюда войдутъ также и брошюры, писанныя стихами, которыми такъ богата древняя польская литература. Не всѣ изъ нихъ написаны съ талантомъ, но, какъ бы то ни было, онѣ свидѣтельствуютъ о поэтическомъ настроеніи народа.

Г. Войцицкій разсматриваетъ слѣдующую брошюру: «*Publika Księdza Józepha Wereszczyńskiego z Wereszczyna, z łaski Bożej Biskupa Kijowskiego a Opata Sieciechowskiego: ich M. Rzeczyposp. na sejmiki przez list objasniona, tak z strony fundowania szkoły rycerskiej synom koronnym na Ukrainie, jako też Krzyżaków według Reguły Maltańskiej, w sąsiedztwie z Pogany i z Moskwą na wszystkim Zadnieprzu, dla snadniejszego ochraniaenia koronnego, od niebezpieczehstwa wszelkiego*». (То-есть, *Публичное Извѣщеніе* отца Юсіа Верещянскаго изъ Верещина, Божією милостію епископа Кіевскаго и аббата Стѣшковскаго: ихъ милостямъ Рѣчи Посполитой для сеймиковъ въ письмѣ изъясненное, какъ относительно основанія рыцарской школы для коронныхъ сыновъ въ Украинѣ, такъ и крестоносцевъ Мальтійскаго

ордена въ сосѣдствѣ съ язычниками (поганами) и съ Москвою на всемъ Заднѣпровьѣ, для легчайшаго короннаго охраненія отъ всякой опасности.) Печатано въ Краковѣ 1594 г.

Брошюра начинается предисловіемъ къ братьямъ шляхтѣ. Замѣчательно въ немъ слѣдующее мѣсто: «Чрезмѣрная опасность, къ тому же частое самовольство всей Украйны королевства польскаго и любезной братіи вашей, вызвало сіе писаніе мое къ вашимъ милостямъ, моимъ милостивымъ панамъ и братьямъ, чтобы ваши милости, имѣя въ виду обязанность христіанскую и братскую, соблаговолили заботиться о томъ, чтобы эта золотая Украйна, вмѣстѣ съ короною польскою, наслаждалась лучшею безопасностію, чѣмъ нынѣ....»

«Вся Украйна, вмѣстѣ съ короною польскою, убѣждена въ своей будущей опасности. Что бы ни случилось, необходимо вашей милости всѣмъ прибѣгать къ Господу Богу, и помнить свою обязанность, чтобы всуе, съ большимъ вредомъ для себя и даже для всего королевства Польскаго, не утратить этого драгоценнаго клейнота, столпа и подпоры своей, а вмѣстѣ щита и стѣны противъ язычниковъ. По небреженію, безпутно и позорно утратить, или отдать на растерзаніе язычникамъ, такую Украйну, которая длиннѣе и шире, нежели Малая и Великая Польша, и столь обширное и длинное государство, — по истинѣ, милостивые паны мои, это не заслуживаетъ похвалы.»

Послѣ такого обращенія, Верещинскій предлагаетъ *семь способовъ* защиты, о которыхъ онъ и говорить въ своей брошюрѣ, раздѣливъ ее на семь главъ.

Между прочимъ онъ совѣтуетъ основать въ Украйнѣ рыцарскую коллегію, то-есть, какъ онъ выражается, «рыцарскую школу для любезнаго потомства своей шляхетской крови». Далѣе онъ прибавляетъ: «Если бы ваши милости пожелали, чтобы и подданные ваши также были участниками этой рыцарской школы, то изъ шляхетскаго народа могло бы составиться четыре тысячи гусаровъ и четыре тысячи казаковъ, а изъ городскаго и сельскаго народа двѣ тысячи пѣхоты.» «Тогда, по его словамъ, на вѣчныя времена, ежегодно и постоянно можно бы было высылать десять тысячъ войска, съ немалою славой и пользою для всей польской короны, и даже съ великою радостію для всего христіанства.» Онъ замѣчаетъ, что молодые люди, упражняясь въ такой школѣ, готовились бы въ ротмистры, а изъ ротмистровъ въ гетманы.

Для поддержанія силъ этой школы, въ случаѣ нападенія «погановъ», онъ совѣтуетъ заселять пустыя украинскія степи перемѣщеніемъ народа, какъ изъ Великой, такъ и изъ Малой Польши.

(1) Кажется, лѣтъ десять тому назадъ, эта газета начала выходить подъ редакцію извѣстнаго польскаго писателя, графа Г. Ржевускаго, подъ названіемъ: Dziennik Warszawski (Варшавскій Дневникъ).

Сверхъ того онъ утверждаетъ, что одна такая военная школа не достаточна для защиты границъ Рѣчи Посполитой, и потому совѣтуетъ основать другую школу, по Мальтійскому ордену, — въ Заднѣпровьѣ. Самъ Верещинскій, вмѣстѣ съ своимъ капитуломъ, обѣщаетъ этому содѣйствовать и даже жертвуетъ земли, принадлежавшія епископству кievскому.

Kronika wiadomosci krajowych i zagranicznych (Хроника внутреннихъ и иностранныхъ извѣстій 1856.)

Обращаю вниманіе читателей на эту политическую и литературную газету, выходящую въ Варшавѣ, подъ редакцію г. Ю. Барташевича, даровитаго и трудолюбиваго изслѣдователя польской исторіи, извѣстнаго своими замѣчательными сочиненіями и учеными критиками, разсѣянными въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ *Хромкль* часто помѣщаются интересныя статьи историческаго содержанія; сверхъ того, въ ея фельетонѣ участвуютъ лучшіе польскіе белетристы. Здѣсь мы преимущественно займемся нѣкоторыми нумерами, вышедшими въ послѣдніе два мѣсяца прошлаго года.

Въ №№ 219 и 220 помѣщена статья редактора: *Споръ о старославянской общинѣ*, написанная по поводу подобнаго же спора, который недавно возникъ въ нашей литературѣ. Пріятно замѣтить, что труды нашихъ ученыхъ начинаютъ находить отголосокъ и въ польской литературѣ, съ которою у насъ можетъ быть много общаго. Изложивъ мнѣнія разныхъ ученыхъ объ общинѣ и, въ особенности, мнѣніе г. Чичерина, авторъ говоритъ: «Хотя г. Чичеринъ высказалъ рѣзкую новость, новость для науки неслыханную и странную, однакожь своимъ изслѣдованіемъ онъ возбудилъ въ литературѣ много жизни: имя его въ наукѣ было ново и неизвѣстно; но такъ какъ онъ приступилъ къ своему предмету съ знаніемъ, то каждый сознавалъ, что онъ здѣсь имѣетъ дѣло не съ начинающимъ, но съ мастеромъ, который умѣетъ мыслить, и искренно вникалъ въ науку. Метода его хороша и прямо ведетъ къ цѣли. Предметъ, избранный имъ, совершенно новъ и до сихъ поръ не обработанъ ученымъ образомъ; правда, нѣкоторые касались его, но только мимоходомъ; исключительно же этимъ предметомъ никто не занимался. Впрочемъ, и г. Чичеринъ не разрѣшилъ вопроса, отговариваясь тѣмъ, что еще мало собрано фактовъ. Но иногда уже самое возбужденіе вопроса и общій взглядъ на него столь важны, какъ монографія, какъ ученое, полное изслѣдованіе предмета. Здѣсь именно такъ случилось. Еслибы мнѣніе г. Чичерина не было высказано такимъ тономъ и съ такимъ яснымъ взглядомъ на предметъ, то оно даже не обратило бы на себя вниманіе, тѣмъ болѣе, что разрушало до основанія доселѣ существовація понятія и взумляло ученыхъ. Въ Россіи мы видимъ въ наукѣ тотъ же фактъ, что и у насъ — уже не повторяютъ за маменькою старыхъ изреченій, но изслѣдуютъ, изучаютъ и рассматриваютъ матеріалы, которыхъ

множество какъ тамъ, такъ и у насъ. Предметы, которые прежде вовсе не интересовали и которые считались недостойными исторіи, теперь подвергаются разбору. Число трудящихся для науки съ каждымъ днемъ увеличивается. Замѣтно вліяніе иныхъ понятій; исчезаютъ фантазмагоріи, созданія воображенія; наука доискивается своихъ правъ, предъявляетъ свои нужды и требованія, отъ которыхъ не освобождаетъ ни замѣчательный талантъ, ни даже блистательная выставка многочисленныхъ и различныхъ цитатъ. Вдругъ, неожиданно являются люди и возвышаютъ голосъ, и къ этому голосу нужно прислушиваться: потому что онъ не пустое эхо; онъ явно чувствуется разумомъ и наукою. Такой голосъ возвысилъ и г. Чичеринъ. Его разсужденіе должно было вызвать спорныя мнѣнія, подать поводъ къ полемикѣ, а извѣстно, что споръ въ ученыхъ предметахъ обнаруживаетъ истину.»

Далѣе г. Барташевичъ упоминаетъ о мнѣніяхъ, высказанныхъ гг. Бѣляевымъ, Кошелевымъ, Бестужевымъ—Рюминымъ и въ «Отечественныхъ Запискахъ». Изложивши такимъ образомъ главные результаты полемики, онъ заключаетъ свою статью слѣдующими словами: «Какъ намъ кажется, г. Чичеринъ преимущественно ошибся въ томъ, что нашествію Варяговъ на Русь онъ слишкомъ много придалъ преобразовательнаго значенія: преобразованія здѣсь никогда не было и не могло быть. Духъ Варяговъ стремился къ господству сверху, но внизу онъ не входилъ ни въ какія отношенія; съ теченіемъ времени новыя отношенія возникали сами собою; завоеватели слились съ народомъ. Безспорно, во взглядѣ г. Чичерина на исторію, виденъ успѣхъ: одно обстоятельство, что авторъ принимаетъ пришествіе, завоеваніе земли, а не добровольное призваніе Варяговъ, что до сихъ поръ допускали почти всѣ историки, слѣдуя Нестору,—уже одно это обстоятельство свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ изслѣдованій. Однако изъ этого не должно заключить, чтобы Варяги вступили въ среду Славянщины съ идеею о цивилизаціи, съ мыслями а ргіогі, съ какимъ-то намѣреніемъ образовать правильно устроенное государство, съ какою-то уставною грамотою въ рукѣ. Каждая дружина завоевателей имѣла свое собственное устройство и не заботилась о томъ, какъ управляются другіе. Потому-то завоевательный характеръ нашествія Варяговъ очень можно согласить съ внутреннею независимостію народа. Это нашествіе не повело за собою непремѣнной реформы; волны Варяговъ всплывали только на поверхности Славянщины. Мы не распространяемся болѣе объ этомъ предметѣ, потому что уже гораздо обширнѣе изложили нашу мысль, не предполагая, что современемъ возникнетъ споръ о славянской общинѣ. Мы говоримъ о нашемъ разсужденіи, напечатанномъ въ «Варшавской Библіотекѣ» 1851 г., подъ заглавіемъ: «О новомъ изданіи Скандинавскихъ сагъ». На основаніи нашего взгляда, славянская община

удержалась при Варагахъ въ древней Руси и сохранилась до нашихъ временъ, въ главныхъ своихъ чертахъ и духѣ, въ томъ общественно-нормальномъ устройствѣ, которое пространно описалъ Гакстгаузенъ.»

Изъ приписки къ этой статьѣ видно, что г. Барташевичъ, окончивая ее, только что узналъ объ отвѣтѣ г. Чичерина г. Бѣляеву, также о возраженіи послѣдняго изъ нихъ; но онъ не высказываетъ никакого мнѣнія объ этой полемикѣ.

—Въ № 200 *Хромики* помѣщена любопытная замѣтка г. Руликовскаго: «Объ отцѣ гетмана Мазепы». — Нѣкоторые сомнѣвались въ томъ, назывался ли Мазепа Стефаномъ или Адамомъ? Г. Руликовскій, въ 1855 г., разсматривая архивъ Кіевской археологической комиссіи, нашелъ документъ, изъ котораго оказывается, что Адамъ былъ отецъ гетмана Мазепы. Такимъ образомъ окончательно разрѣшается вопросъ о тождествѣ этихъ двухъ, повидимому, различныхъ лицъ, то-есть Стефана и Адама. Этотъ документъ есть подтвержденіе привилегіи короля Іоанна Казимира, жалующаго въ наследственное владѣніе деревню Мазепинцы, въ староствѣ Бѣлоцерквинскомъ, Адаму Мазепѣ, супругу его и потомству, въ мужской и женской линіи. Выписавъ начало этой привилегіи, изъ которой видно, что Адамъ былъ отецъ гетмана, г. Руликовскій спрашиваетъ: отчего же малороссійскіе историки называютъ отца гетмана Стефаномъ, и отчего, наконецъ, самъ гетманъ не подписывался Адамовичемъ, какъ бы слѣдовало, а Степановичемъ? Нельзя же подозрѣвать гетмана, чтобы онъ хотѣлъ поддѣлываться подъ чужое отчество. Этотъ вопросъ разрѣшаетъ и объясняетъ г. А. Д., авторъ *Замѣтокъ о Мазепѣ*, помѣщенныхъ въ «*Варшавской Библіотекѣ*» (1855 г. февраль). Адамъ Мазепа, какъ нужно догадываться, перешелъ изъ латинскаго исповѣданія въ греческое и, по церковному обряду, долженъ былъ перемѣнить имя. Отсюда-то произошла его двуименность. Г. Руликовскій въ концѣ своей статьи говоритъ: «Изъ вышеприведенной привилегіи Іоанна Казимира видно, что Адамъ Мазепа оказалъ большія услуги отечеству, не разъ бывалъ ему полезенъ, служилъ въ войскѣ и принималъ участіе въ нѣсколькихъ военныхъ походахъ; изъ другихъ же источниковъ также извѣстно намъ, что онъ занималъ должность черниговскаго подчашника. Къ этимъ подробностямъ, лично къ нему относящимся, нужно еще прибавить, что онъ, утомленный войнами и посѣдѣлый въ лагеряхъ, на старости поселился въ своей наследственной деревнѣ, Мазепинцахъ, основанной его предками, о чемъ даже свидѣтельствуетъ Величко; но неизвѣстно, какъ долго онъ тамъ жилъ и когда окончилъ дни свои, проведенные въ степной глуши. Кажется, что день его смерти можно отнести къ 1669 г., или нѣсколько ранѣе. Въ деревнѣ Мазепинцахъ осталось послѣ него много слѣдовъ, можетъ-быть даже вообще послѣ Мазепы. Деревня Мазепинцы теперь принадлежитъ къ бѣлоцерквинскимъ помѣстьямъ и находится надъ

рѣкою Камёнкою. Въ сторону отъ этой деревни, на полѣ, до сихъ поръ существуетъ такъ-называемый *городокъ Мазены*; въ которомъ, какъ въ оборонительномъ мѣстѣ, вѣроятно прежде находился дворъ и главное мѣстопробываніе владѣльцевъ; немного далѣе есть урочище, называемое *подсаломи Мазены*. Сверхъ того существуетъ такъ-названный *шляхъ Мазены*, который изъ деревни Мазенинцевъ ведетъ въ деревню Полоховъ и далѣе. Очень возможно, что все это—память объ Адамѣ Мазенѣ, и этотъ городокъ, и этотъ шляхъ, урочище, аръ, и наконецъ, кто знаетъ, и эта уединенная могила въ полѣ, поросшая травой, до сихъ поръ скрываетъ его прахъ.

II. Дубровский.

Записки Императорскаго Казанскаго Экономическаго Общества, годъ четвертый № 1, январь 1857.

«Каждый изъ насъ, такъ говоритъ редакція «Записокъ», живо сознаетъ, что настала для насъ пора болѣе широкой и благотворной дѣятельности, что пора намъ пристальнѣе взглянуть въ условія нашей экономической жизни, прослѣдить наши матеріальныя средства, научиться ими пользоваться и пустить надлежащимъ образомъ въ оборотъ, дабы они не пропадали даромъ, ни для насъ, ни для другихъ. Время иллюзій и самообольщенія прошло, и наступаетъ пора строгой и безпристрастной проверки самихъ себя. Русскому чело-вѣку много приходится преодолѣть препятствій: онъ долженъ уничтожать замедляющія быстрое обращеніе цѣнностей пространства, бороться съ климатическими неудобствами, съ невыгоднымъ мѣстнымъ распределеніемъ разнообразныхъ естественныхъ богатствъ, заключающихся въ нѣдрахъ нашей родной земли, съ недостаткомъ капиталовъ, съ дремотою, въ которую погружены они отъ медленности обращенія. На Бога надѣйся, а самъ не плошай, говоритъ наша пословица, и ежели Творецъ надѣлилъ насъ богатыми средствами, то не истощать ихъ призванъ чело-вѣкъ, а умножать, не истощать почвы безобразнымъ допотопнымъ хозяйствомъ, а укрѣплять ее и плодотворить, не истреблять бессмысленно и безнаказанно лѣса, а поддерживать ихъ, не въ безумной, несообразной съ средствами, роскоши искать удовлетворенія тщеславію, а бережливо, съ строгою отчетливостію, умножать свое богатство. Вотъ почему редакція «Записокъ Казанскаго Экономическаго Общества» намѣрена указывать постоянно своимъ читателямъ на тѣ важныя, выработанныя современною наукой, экономическія истины, пользованіе которыми такъ много содѣйствовало къ развитію народнаго богатства въ другихъ европейскихъ обществахъ.»

Наша постоянно въ виду такую благородную цѣль, «Записки Казанскаго Экономическаго Общества» должны будутъ принести огромную пользу обширному приволжскому краю, для котораго Экономическое Общество служить и ближайшимъ, и единственнымъ посредникомъ передачи полезныхъ свѣдѣній, относящихся къ сельскому хозяйству и къ заводской промышленности. Желаніе усвоить себѣ результаты наукъ, имѣющихъ тѣсную связь съ народною промышленностью, изчинаетъ безпорно проглядывать и въ нашихъ производительныхъ сословіяхъ, и конечно по преимуществу тѣхъ, которыя, свободно располагая своимъ трудомъ, могутъ вполне расчитывать, что сами и воспользуются благодѣтельными его результатами. На нашихъ глазахъ публичные курсы технологій въ Казанскомъ университетѣ посѣщались по преимуществу купцами, заводчиками и крестьянами. Мы лично знаемъ вятскаго крестьянина, привезшаго въ Казань на стеариновый заводъ сало, вытопленное имъ по новому способу, которому онъ научился въ технологической лабораторіи Казанскаго университета. Благодаря неутомимой дѣятельности профессора технологіи М. Я. Киттары, студенты, избравшіе себѣ главнымъ предметомъ занятій технологію, знакомились со многими отраслями заводской промышленности практически на здѣшнихъ мѣстныхъ заводахъ подъ руководствомъ профессора, и передавали заводчикамъ полезныя свѣдѣнія, почерпнутыя ими въ технологической лабораторіи. Лучшіе изъ ихъ трудовъ, относящіеся по большей части къ мѣстной заводской промышленности, печатались постоянно въ «Запискахъ Общества» вмѣстѣ съ трудами редактора. Несмотря однакожъ на всю пользу такихъ статей, нельзя было не замѣтить слишкомъ односторонняго направленія «Записокъ». Въ «Запискахъ» чрезвычайно мало помѣщалось статей сельско-хозяйственныхъ, которыя для нашего края, по преимуществу земледѣльческаго, гораздо важнѣе. «Записки Казанскаго Экономическаго Общества» сдѣлались скорѣе журналомъ политехническимъ, нежели сельско-хозяйственнымъ, и отдѣлъ мануфактурной промышленности расширялся постоянно въ ущербъ отдѣлу сельско-хозяйственному, тогда какъ послѣдній долженъ бы быть по всей справедливости главнымъ. Наше сельское хозяйство вступаетъ въ новый періодъ развитія. Оно не можетъ уже ограничиваться, какъ бывало въ старину, воздѣлываніемъ немногихъ злаковъ, необходимыхъ для пищи чловѣка и домашнихъ животныхъ, или волокнистыхъ растений. Оно выходитъ мало-по-малу изъ предѣловъ первобытнаго экстенсивнаго хозяйства, обуславливаемаго обиліемъ земель и ихъ естественнымъ плодородіемъ, выходитъ по мѣрѣ умноженія народонаселенія и истощенія почвы. Наше земледѣліе развивается тѣмъ же путемъ, какъ и вездѣ. Наши земледѣльцы начинаютъ живо чувствовать, что однимъ производствомъ разныхъ видовъ хлѣба далеко не уйдешь. Потребности народонаселенія умножаются и разнообразятся, а вмѣ-

ствѣ съ тѣмъ рождается необходимость въ удовлетвореніи ихъ. Мы начинаемъ уже болѣе налегать на родную почву, болѣе отъ нея требовать, а при такомъ направленіи необходимо болѣе труда, и притомъ труда разумнаго, необходима техника, необходимы капиталы. Стоитъ только сравнить предметы потребленія нашихъ дѣдовъ и ихъ потребности съ потребностями современнаго намъ помѣщика и крестьянина, чтобы убѣдиться во сколько болѣе должна давать почва, во сколько болѣе должно быть положено труда и усилій для удовлетворенія новыхъ невѣдомыхъ прежде нуждъ. Не забудемъ еще, что земля дорожаетъ, и что въ добавокъ новыя потребности жизни развиваются въ гораздо высшей пропорціи сравнительно съ пропорціей, въ какой поднимаются цѣны на продукты нашего сельскаго хозяйства. Мы необходимо должны теперь заставить то же самое пространство земли дать большее количество продуктовъ, чтобы прокормить большее народонаселеніе и удовлетворить его болѣе разнообразнымъ нуждамъ и прихотямъ.

Указывать безпрестанно на необходимыя улучшенія въ сельскохозяйственной техникѣ, на лучшіе и наипригоднѣйшіе для здѣшняго края способы хозяйственныхъ улучшеній, отыскивать главныя причины неудачъ въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ, причины его упадка и за тѣмъ объединенія многочисленнаго народонаселенія—вотъ задачи науки, вотъ задачи экономическихъ обществъ. Судя по первой книжкѣ Записокъ Казанскаго Экономическаго Общества, новая редакція поняла какъ нельзя лучше потребности нашего края и нашего общества. Во главѣ статей, составляющихъ содержаніе первой книжки, мы должны поставить превосходную статью г-на Сергѣева, ветеринарнаго врача на здѣшней сѣверо-восточной учебной фермѣ: «Средства противъ повальныхъ болѣзней скота». Мы съ наслажденіемъ читали и перечитывали эти проникнутыя знаніемъ дѣла, знаніемъ крестьянскаго быта, преисполненныя сердечной теплоты страницы, и рѣшаемся представить нашимъ читателямъ статью почти цѣликомъ, и тѣмъ съ большимъ правомъ, что большинство нашихъ читателей ежели и знаетъ о существованіи «Записокъ Казанскаго Экономическаго Общества», то вѣроятно не имѣетъ ихъ подъ руками. Статья же г-на Сергѣева должна быть прочтена всѣми, кому близко къ сердцу положеніе нашего сельскаго народонаселенія и кто только интересуется роковымъ для нашего крестьянина бичомъ, наказаніемъ Божиимъ—*чумою скота*, стращающею съ лица земли, нерѣдко колосою на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ, весь крестьянскій и помѣщичій скотъ.

«Чума рогатаго скота (говоритъ г-нъ Сергѣевъ) постоянно свирѣпствуетъ въ нашихъ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ. Каждогодно уноситъ она десятки тысячъ головъ, а съ ними болѣе или менѣе значительныя капиталы казенныя и частныя,—уноситъ нерѣдко все достояніе нашего земледѣльца, всѣ его жизненныя средства. Понятно, что это зло

вызывало и постоянно вызывает со стороны заботливых владельцев сильное противодействие; но, къ сожалѣнію, это противодействие часто выражалось въ различныхъ спеціальныхъ лѣкарствахъ, помощь которыхъ всегда должно отнести къ случайности. Тѣмъ не менѣе это стремленіе къ истребленію или ограниченію зла, эта полезная дѣятельность заботливыхъ и хорошихъ хозяевъ заслуживаютъ общую и полную благодарность: они старались испытанныя ими средства сдѣлать общезнаемыми, объявляли о нихъ въ періодическихъ русскихъ изданіяхъ: въ ихъ стремленіи было видно безкорыстное желаніе общей пользы, и за то имъ крѣпкое русское спасибо.

«Въ прошедшемъ году было также предложено одно изъ такихъ средствъ; но изобрѣтатель для обобщенія его избралъ совершенно другой путь. Прусскій подданный, Фридрихъ Бауэръ, предложилъ, для предохраненія и пользованія рогатаго скота отъ повальныхъ болѣзней, употребленіе щелочей (зола, сода, углекислаго кали), и это испытанное имъ средство наложилъ въ просьбѣ, поданной имъ на Высочайшее имя черезъ комиссію у принятія прошевій. Наше правительство, постоянно заботящееся о всемъ полезномъ, и въ этотъ разъ приняло предложеніе Бауэра, съ полною готовностію распространить его средство. Просьба была передана въ министерство внутреннихъ дѣлъ на обсужденіе медицинскаго совѣта и кромѣ того сообщена министерству государственныхъ имуществъ, гдѣ въ ученое комитетѣ было постановлено: предписать ветеринарнымъ врачамъ тѣхъ губерній, въ которыхъ преимущественно свирѣпствуетъ чума, испытать средства г. Бауэра. Одно изъ такихъ предписаній было получено и мною.

«Въ ожиданіи случая, который позволилъ бы мнѣ исполнить возложенное на меня порученіе, считаю долгомъ поговорить здѣсь откровенно вообще о средствахъ, которыя могутъ спасти рогатый скотъ отъ чумы и другихъ повальныхъ болѣзней.

«Природа для каждаго животнаго опредѣлила обстановку, каждому дала средства существовать въ его родимой мѣстности, при коренныхъ, природенныхъ ему условіяхъ жизни. Дикое животное, въ его отчизнѣ, въ его климатѣ, не умретъ ни съ голоду, ни съ холоду; это каждому извѣстно. Принимая же животное въ свои руки, измѣняя его свойства, сообразно нашимъ цѣлямъ, отрывая его отъ родныхъ условій развитія, всегда ли заботимся мы ему тотъ уходъ, съ которымъ печется такъ неутомимо, такъ внимательно о немъ природа? Всегда ли животное, которое посредственно или непосредственно кормить и одѣваетъ насъ, ѣсть и спать въ мѣру, не дрогнетъ отъ холоду?—Вотъ вопросъ, въ которомъ заключены и корень, и уничтоженіе зла.

«Каждому хозяину, пекущемуся о своемъ стадѣ, очень хорошо извѣстно, что всякая зараза, всякая повальная болѣзнь или вовсе не нападаютъ, или дѣйствуютъ весьма слабо на животныхъ, за которыми ведется *правильный, добросовѣстный уходъ*. Животныя у такого хозяина всегда получаютъ хорошій кормъ и питье, въ мѣру и въ пору; лѣтомъ ихъ не мучитъ жажда, не пекутся они на солнечномъ зноѣ, зимой—не дрогнуть на морозѣ и сквозномъ вѣтру; во всякое время года для нихъ готовъ просторный, здоровый пріютъ: никогда ихъ силы не надрываются непомѣр-

ными работами. Понятно, что такихъ здоровыхъ, крѣпкихъ, хорошо выдержанныхъ и содержимыхъ животныхъ, не скоро сломитъ болѣзнь, да врядъ ли и привяжется къ нимъ. Съ другой стороны, никакая щелочь, никакая сода не спасутъ животное отъ повальной болѣзни, когда оно заморено голодомъ, когда силы его изнурены тяжелымъ трудомъ, и весь его организмъ, вслѣдствіе неправильнаго, дурнаго ухода, носить уже въ себѣ зародышъ болѣзни.

«Для невѣрующихъ скептиковъ, для тѣхъ хозяевъ, которые, помимо рациональнаго ухода, вмѣстѣ съ Бауэромъ, стали бы искать другихъ, специфическихъ средствъ для застраховки скота отъ заразы, мы предлагаемъ здѣсь два опыта, доказывающіе, кажется, положительно и ясно, что дурной уходъ можетъ развить въ животномъ повальную болѣзнь.

«Въ надеждѣ искусственно произвести чуму въ одномъ совершенно здоровомъ годоваломъ бычкѣ, я ухаживалъ за нимъ въ продолженіи двухъ съ небольшимъ мѣсяцевъ, не многимъ развѣ похуже того, какъ ухаживаютъ у насъ за телятами и подростками многіе изъ крестьянъ. Послѣ двухъ-недѣльнаго лѣтѣнія бычка, я сталъ давать ржавую осоку въ различныхъ пропорціяхъ: одинъ разъ столько, сколько животное съѣсть могло, другой разъ очень мало, въ третій заставлялъ его голодать и т. д. Воду я предлагалъ животному почерпнутую изъ лужи, испорченную, теплую и въ различныхъ количествахъ. Однимъ словомъ, поступалъ такъ, какъ дѣлаютъ плохіе хозяева:—одинъ разъ густо, другой пусто, третій нѣтъ ничего. Вмѣсто хорошаго помѣщенія я приготовилъ ограду, въ которой бѣдное животное, безъ подстилки, въ грязи, проводило дни и ночи; слѣдовательно, должно было переносить довольно рѣзкія перемены температуры, томиться жаждою во время жаровъ, не имѣя средствъ утолить ее, и проч.—На второй же мѣсяцъ бычокъ мой высматривалъ скелетомъ, обтянутымъ сухою кожей, обросшею грязною взерошенною шерстью. Всѣ признаки указывали на развивающееся въ немъ повальное воспаленіе легкихъ, и когда я окончательно убѣдился въ присутствіи въ немъ этой болѣзни, началъ исподволь устранять породившія ее причины (что составляетъ вообще главный предметъ въ лѣченіи). Помня слова моего бывшаго высоко-уважаемаго наставника, директора дерптскаго ветеринарнаго училища, Иссена: «Um das verdorbene Futter zu verbessern, bestreut man es mit Asche» (1), я желалъ, при этомъ удобномъ случаѣ, испытать совѣтъ его на дѣлѣ. Ту же самую ржавую осоку я началъ обливать соленою водою, посыпать хорошо просѣянною золою и давать въ небольшихъ, но частыхъ приемахъ своему пациенту, не забывая однакожъ о доставленіи ему другихъ благоприятныхъ для поправленія условій: Вслѣдствіе этой перемены ухода, мой бѣдный бычокъ сталъ видимо поправляться, но кашель и неправильный дыхательный шумъ лѣваго легкаго не оставляли его. Въ послѣдствіи бычокъ былъ убитъ, и вскрытіе его дѣйствительно показало въ немъ присутствіе воспаления легкихъ.

«Можетъ-быть Бауэръ укажетъ на этотъ опытъ, какъ на доказательство дѣйствія щелочей противъ повальныхъ болѣзней, и пожалѣетъ, что

(1) Для поправленія испорченнаго корма должно посыпать его золою.

съ самаго начала бѣдному бычку не дано было соды. Но смѣю увѣрить, что зола и другія щелочи во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, только *способствуютъ пищеваренію и не имѣютъ никакого другаго дѣйствія на организмъ животнаго.*

«Вотъ еще опытъ, который предлагаю произвести надъ овцами. Ответите имъ сырое, грязное, тѣсное и душное помѣщеніе, кормите ихъ гомеопатически (часто и этого уже достаточно) кормомъ недоброкачественнымъ, — и въ непродолжительномъ времени въ бѣдныхъ овцахъ появится другая повальная болѣзнь — водянка. Если вы, для прекращенія ея, вздумаете воспользоваться средствомъ Бауэра и будете кормить больныхъ овецъ золою и содою, въ какой угодно пропорціи, то, повѣрьте, въ итогѣ вашего лѣченія получится также зола. Устраните же причины, породившія и поддерживающія болѣзнь, и вы спасете остатки вашего стада.

«Вмѣстѣ съ правильнымъ уходомъ, есть еще другое средство предохранить скотъ отъ заразы, средство также непоследней важности; это — строгая предусмотрительность, заботливая предосторожность, это — тѣ спасительныя мѣры, *которыя не подпускаютъ заразу къ стаду.* Прилипчивость чумы, кажется, не требуетъ доказательствъ. Для тѣхъ же, которымъ неизвѣстно, какъ исполняются у нашихъ крестьянъ мѣры предосторожности, вотъ два случая изъ тысячи повторяющихся ежегодно.

«Осенью, 1854 года, въ селѣ Дивлекѣевѣ (въ двухъ верстахъ отъ сѣверо-восточной учебной фермы), свирѣпствовала чума рогатаго скота (1). Причина падежа пустая: у гребенщика пала первая корова; обнюхивавшая рога отъ чумнаго скота. Рога эти были куплены хозяиномъ ея, вѣроятно, у Татарина за дешевую цѣну. Да и продавцу-то они обошлись недорого: только одну какую-нибудь ночку поработалъ онъ въ ямахъ, чтобы снять нѣсколько кожъ и отбить десятокъ-другой роговъ съ трушью, въ нихъ зарытыхъ. Отъ гребенщика чума перешла дальше: хозяйошка, сѣвши на мертвую свою пестрявку, начала ревѣть; на этотъ ревъ сбѣжались, какъ водится, сострадательныя сосѣдки-кумушки, чтобы поголосить вмѣстѣ съ ней и, потершись около павшей пестрявки, понесли заразу по своимъ дворамъ. И вотъ на девятый или десятый день, вслѣдъ за пестрявкой, начали валиться чернавки, бѣлянки, красульки, и трупы ихъ зарывались подъ воротами хлѣбовъ, въ которыхъ онѣ пали. (Такъ, дескать, знахарь велѣлъ.)

«Осенью, 1855 года, вновь-заведенному стаду этого же села угрожала опасность заразы съ двухъ сторонъ, но, благодаря чисто полицейскимъ предохранительнымъ мѣрамъ, оно было спасено.

«Желая достать, для производства нѣкоторыхъ опытовъ, по чумопрививанію, натуральную чумную матерію, я отправился, въ послѣднихъ числахъ іюня прошлаго года, въ Чистопольскій уѣздъ, въ слободы Екатерининскую и Черемуху, въ которыхъ, по дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, открылся въ то время падежъ рогатаго скота. 1 іюля, не доѣзжая слободы Екатерининской, я узналъ, что падежъ въ ней уже пре-

(1) Въ этомъ селѣ, во все время падежа, дѣлались мною наблюденія надъ опытнымъ чумнымъ скотомъ, переведеннымъ сюда изъ фермы.

кратился и никуда дагѣ въ окрестности не распространялся. Повидимому, причину этого падежа можно приписать худому содержанию скота, такъ какъ крестьяне Влатерининской слободы въ 1855 году погорѣли; слѣдовательно, лишились многого, необходимаго для приличнаго содержания себя и окружающихъ ихъ домашнихъ животныхъ. Почему же отъ этой слободы зараза не проникла дальше, въ этомъ опять виновны опытные и осмотрительные крестьяне смежныхъ селъ и деревень.

«Стадо, принадлежащее съверо-восточной учебной фермѣ, въ продолженіи трехъ лѣтъ сряду, спасалось отъ заразы, несмотря на то, что оно, во все это время, было центромъ, окрестность котораго образовала собою чума. Самое большее разстояніе этого центра отъ окрестности было восемь верстъ, а самое меньшее полверсты. Кромѣ того, находилъ постоянно на фермѣ, какъ ветеринарный врачъ, и принималъ участіе въ опытахъ прививанія чумы рогатому скоту, я ежедневно, по необходимости, бывалъ, какъ въ сараѣ (отстоящемъ отъ скотнаго двора на $\frac{1}{2}$ версты), въ которомъ производились опыты чумопрививанія, такъ и на скотномъ дворѣ, смежномъ съ овчарнею, конюшнею и лазаретомъ. Наконецъ большая оренбургская дорога ($\frac{2}{3}$ версты отъ скотнаго двора), по которой безпрестанно идутъ гурты, постоянно угрожаетъ стаду фермы. И, несмотря на все это, оно держится и до сихъ поръ какъ-нельзя лучше, тогда какъ самые близкіе сосѣди фермы: село Дивлектѣево, деревни Борисовка и Горки, сильно пострадали, въ продолженіи тѣхъ трехъ лѣтъ, отъ заразы.

«Чему же приписать это обстоятельство? Я рѣшительно ничего не употреблялъ, исключая того, что строго слѣдилъ за исполненіемъ тѣхъ предохранительныхъ мѣръ, которыя были необходимы. При моихъ опытахъ очень легко было передать заразу изъ одного мѣста въ другое, еслибы я не имѣлъ постоянно въ виду того, что одна только моя ошлошность могла быть причиною гибельныхъ послѣдствій. Можетъ-быть, г. Бауэръ припишетъ и это спасеніе тому поташу, который находится въ большей или меньшей пропорціи въ каждомъ растеніи и, слѣдовательно, долженъ быть необходимо употребляться животными въ ихъ кормѣ. Я же, съ своей стороны, смѣю увѣрить, не давалъ скоту во все продолженіе заразы никакой щелочи. Могу только сказать, съ безпристрастною откровенностью, что стадо фермы содержалось въ эти три года и теперь содержится превосходно, благодаря дѣятельной заботливости о немъ г. управляющаго фермою, Ф. И. Циллинскаго.

«Но много ли найдется на широкомъ пространствѣ родимой Руси такихъ мѣстъ, такихъ хозяйствъ, въ которыхъ бы велось раціональнымъ образомъ скотоводство, въ которыхъ бы опытный глазъ хозяина слѣдилъ неуспыно за правильнымъ, добросовѣстнымъ уходомъ за животными? Чтѣ же удивительнаго, если повальная болѣзнь свирѣпствуютъ у насъ постоянно и почти повсемѣстно? И можно ли искать средствъ къ ограниченію зла тамъ, гдѣ *авось, небось, да какъ-нибудь* лежатъ краугольнымъ камнемъ въ каждомъ дѣлѣ?!...

«Въ жаръ, въ зной выгоняютъ стадо въ безлѣсное мѣсто; слѣпни, мошки ѣдятъ его, жажда томить, а если и утолять ее, то теплою болотною водою. Пастухъ мальчикъ занятъ своимъ дѣломъ или спитъ; стадо бродитъ

по произволу. Лежить ли подлѣ пастбища прогонная дорога, стадо не отгоняютъ прочь. Гонять ли гуртовщикъ свои табуны, онъ не заботится, есть ли вѣтъ въ нихъ зараженный скотъ: пагъ быкъ, бросилъ его на дорогѣ, — и вся недолга. Путь отъ Оренбурга до Петербурга не близокъ; много на немъ разныхъ городковъ съ начальствомъ; въ каждомъ нужно предъявить права на свободный пропускъ особеннымъ, карманнымъ средствомъ. Гдѣ жъ тутъ возиться съ чумнымъ быкомъ! Да что жъ и за-диво, если въ гурту зародятся сами собою повальные болѣзни: скотъ стоялъ въ темномъ мѣстѣ, кормился особеннымъ кормомъ, отвыкъ отъ движенія, — а тутъ вдругъ бѣги сотни верстъ по жару, вѣшь подъ ногами траву да отаву, пей что и гдѣ попало, спи на вѣтру!... Какимъ же чудомъ, скажите, спасется онъ отъ болѣзней?!

«Прочтите въ любомъ лѣчебникѣ о причинахъ, поражающихъ различныя болѣзни между домашними животными, потомъ взгляните кругомъ себя, и вамъ представятся лужи, болота, невыносимый жаръ и холодъ, сквозной вѣтеръ, грязь, худой кормъ. Чего же больше надо? Какихъ причинъ для зарожденія и развитія той или другой повальной болѣзни? Неужели для этого необходимы огромныя степи и такія же стада? Развѣ вы можете доказать, что чума на рогатый скотъ не можетъ зародиться, положимъ, въ Казанской, или съ нею смежныхъ губерніяхъ, или даже на вашемъ дворѣ, если причины, ее производящія, тутъ же, подъ бокомъ? Неужели, подобно многимъ ученымъ, вы будете утверждать, что эти причины — тамъ, тамъ, далеко, высоко, куда и ваши взоры достичь не могутъ? Если вы сомнѣваетесь въ этихъ положеніяхъ, то взгляните на наши сѣверо-восточныя губерніи: здѣсь различныя болѣзни животныхъ образовали своего рода *perpetuum mobile*; онѣ переходятъ съ мѣста на мѣсто, изъ поколѣнія въ поколѣніе и никогда не исчезаютъ. Зародившись однажды въ какомъ бы то ни было мѣстѣ, зараза находитъ себѣ и сотрудниковъ—распространителей, о которыхъ мы должны еще молчать покуда.....

«Если же вамъ нужно отвлеченныхъ причинъ, то не сомнѣвайтесь и въ нихъ,—и онѣ какъ голодные волки, при подобныхъ обстоятельствахъ, готовы всегда броситься на добычу.

«Не говорю уже о томъ, что нашъ крестьянинъ не заботится о поддержаніи, а тѣмъ болѣе о выводѣ хорошей породы животныхъ, но, вслѣдствіе небреженія, онъ губитъ и тѣ хорошія качества, которыя существовали въ доступныхъ ему породахъ. Отчего хорошенькія вятскія лошади, или подобныя имъ обивки и здоровые битюги стали въ послѣднее время рѣдѣть годъ-отъ-году? Вслѣдствіе чего во многихъ мѣстахъ обыкновенныя крестьянскія лошади, мельчай примѣтно, преобразуются въ животныхъ болѣе похожихъ на коровъ, чѣмъ на лошадей, а коровы складомъ и ростомъ болѣе подходятъ къ свиньямъ? Взгляните, напримѣръ, на низенькую лошадку этого бѣднаго Чувашенина: вмѣсто шлеи, опутана она лыками, грязная шерсть взъерошена на ней до-нельзя, огромное брюхо раздуто, морда запачкана мѣсивомъ, голова опущена внизъ, взглядъ тусклъ и безжизненъ. Кто же скажетъ, что эта лошадь, похожая на полуживую корову, принадлежитъ къ крови казаконъ? Войдите зимой, во время бурана, къ крестьянину на дворъ и вамъ тотчасъ же бро-

онится въ глаза навѣсъ, подъ которымъ мерзнутъ бѣдныя животныя какой-то странной породы; щетинистая шерсть ихъ покрыта снѣгомъ, стоятъ они съжвинувшись, опустивъ голову внизъ. Если вы спросите хозяйку, какія у ней свиньи мерзнутъ подъ навѣсомъ, получите въ отвѣтъ: «Помилуй Богъ, батюшка, какія свиньи? — это бычки, да тельчочки; подрастутъ, будутъ коровушки.» На вопросъ: — гдѣ лошади, жеребята? — «въ хлѣвѣ, батюшка, въ хлѣвѣ.» Заходите въ хлѣвъ — совершенно темную съ пренизкою дверью конуру, и нога ваша спотыкается о груды мерзлага навоза, превращающагося весною въ чистѣйшую грязь по колѣно. Заходите вы, наконецъ, въ избу и здѣсь также поражаетъ васъ идиллическая сцена своего рода: вы видите корову, временно наслаждающуюся, по поводу доенія, невывносному духотой и дурнымъ мѣсивомъ. Разопрѣвшую, если можно такъ выразиться, отъ жара, съ желудкомъ, набитымъ неудобоваримымъ кормомъ, корову эту выгоняютъ на дворъ, — и она преспокойно удаляется подъ навѣсъ, гдѣ обдуваетъ ее со всѣхъ сторонъ холоднымъ сквознымъ вѣтромъ. Развѣ вредное дѣйствіе этого вѣтра раньше или позже, особенно въ подобныхъ случаяхъ, не отзовется въ организмъ животнаго?

«Вотъ вамъ бѣглый очеркъ картины того рациональнаго ухода, который вы встрѣтите почти повсемѣстно въ быту нашихъ крестьянъ. Повсюду, вмѣсто чистаго, свѣтлаго помѣщенія, такъ необходимаго для сохраненія здоровья животнаго, отводится ему грязная, темная конура, въ которой, какъ говорится, ни стать, ни лечь, или уже черезъ-чуръ обильная чистымъ воздухомъ клѣтка, въ которой несчастное животное заживо пнигуется сквозными вѣтрами. Вмѣсто хорошаго корма дается ему кое-какой, или искусственный—мѣсиво (смѣсь изъ ржанаго колоса, гречишной соломы, горсти муки и еще разной дряни), отъ котораго выпадаетъ на немъ шерсть, дѣлаются колики, лопаются желудки, и вообще весь организмъ располагается къ худосочию. Вмѣсто того, чтобы чаще освобождать животное отъ накопившейся на немъ нечистоты, производящей ядуть, тоску, паршу и проч., хозяинъ не въ состояніи преступиться къ нему за окружающею его грязью и по неволѣ оставляетъ его въ этой вѣчной нечистотѣ. Вмѣсто того, чтобы пригнать на лошадь сбрую и тѣмъ облегчить ей трудъ, какой-нибудь дядя Миняй пристально осматриваетъ кнутъ, соображая, хватить ли его на 20 верстъ, или не хватить. Вѣстимо, не хватить; потому что бѣдное, раздутое отъ мѣсива животное еле-еле можетъ дышать. Но все-таки дядя Миняй поѣхалъ и вернулся назадъ, съ кускомъ кнутовища, на той же лошади, избитой и вспотѣвшей до-недѣля; а за побой и потерянные силы, онъ накормитъ ее отрубями съ соломой и уложитъ въ мягкую постель — грязь по колѣно. Лѣтмомъ, несмотря на работы, жары и насѣкомыхъ, животныя дышатъ свободнѣе, и это время года есть единственный источникъ поддержки ихъ силъ и здоровья. Но и тутъ авось не дастъ имъ покоя: — «лади побольше, авось сvezеть; стогой сильнѣе, авось тронеть».

«А наши площадные коновалы?!.. Развѣ не могутъ они назваться живыми симптомами той или другой болѣзни животнаго? Пріѣзжаетъ, напримеръ, кумъ Семенъ на подросткѣ-жеребчикѣ и тотчасъ же подвергается знахарь-коновалъ, у котораго въ головѣ трещитъ со вчераш-

няго похмѣлья.—«Здорово, здорово! Что это у тебя лошадка-то затуманилась, родимая? Видно ей надо тово кровь метнуть. Такъ и быть, хватимъ полштофа, а тамъ, для тебя кумъ Семень, хоть полведра выпущу. Ей-Богу такъ!»—И кумъ Семень, посмотрѣвши на жеребчика, соглашается съ сватомъ Федотомъ, что дѣйствительно лошадка что-то тово невесела. (Чему жъ и веселиться, когда, вслѣдствіе *авось*, остался только кусокъ кнутовища?) И вотъ бѣдное животное, безъ всякой нужды, теряетъ кровь, а съ ней и силу, при которой оно на вершокъ, на два еще подросло бы, выровнялось и, въ случаѣ болѣзни, могло бы побороть ее. Не даромъ подобные негодяи и за границей преслѣдуются законами!

«Мало этого! Въ каждомъ селеніи найдете вы своего рода лѣкарей и лѣкарокъ, знахарей и знахарокъ, которые и словомъ и дѣломъ приносятъ гибель животнымъ. Въ одной деревнѣ вы слышите, что скотъ лѣчатъ отъ чумы свиною желчью; въ другой, для предохраненія отъ заразы, впускаютъ ему въ рога чрезъ просверленную дырочку каплю ртути, или привѣшиваютъ къ рогамъ кусокъ вонючей каменеди; въ третьей, для той же цѣли, даютъ коровамъ лизать точеную соль, насыпанную на кожу, святую съ чумнаго животнаго. Нерѣдко, давая добрый, спасительный совѣтъ крестьянину и стараясь убѣдить его въ пользу предохранительныхъ мѣръ, слышишь въ отвѣтъ: «Что баишь, баринъ! На все воля Божья! А заболѣтъ животинка, такъ у насъ есть знахарка, а въ томъ вонъ селѣ коноваль, а вонъ тамъ барскій управляющій по книжкѣ лѣчатъ»...

«Правда, русскій крестьянинъ не любитъ нововведеній, но и не прочь отъ нихъ, если онъ убѣдится въ ихъ существенной пользѣ. Правда, привычка къ дѣдовской рутинѣ, къ старымъ, освященнымъ временемъ, преданіямъ, составляетъ что-то врожденное въ нашемъ народѣ. Нерѣдко, на совѣтъ крестьянину или укоризну въ его неопрятномъ, грязномъ житѣ, слышишь въ отвѣтъ: «Э! батюшка, такъ наши дѣды дѣлали и жили, и намъ завѣщали; такъ не перемѣнять стать!» Но нѣтъ худа безъ добра. Стоитъ только приучить стариковъ, положимъ въ 1857 году, къ хорошему уходу за ихъ животными и, вѣроятно, наслѣдники ихъ, не замкаясь, скажутъ: «наши отцы любили правильно ухаживать за скотомъ, такъ и намъ надо то же дѣлать.»

«Нѣтъ, не трудно убѣдить нашего крестьянина въ пользѣ такихъ нововведеній, не трудно сладить съ предубѣжденіемъ тамъ, гдѣ оно уже почти готово исчезнуть предъ силой здраваго толка и могучаго смысла. Но такъ ли легко склонить владѣльца имѣнія на эти улучшения? Всегда ли можно убѣдить его пожертвовать изъ доходовъ 300 или 400 руб. и доказать ему, что эти деньги своевременно возвратятся къ нему сторицею? Но можно ли искоренить другое зло, болѣе устойчивое, страшное своею неумовимостію, своею безнаказанностію, своимъ безстыдствомъ? Скажите, отчего крестьянинъ дѣлается равнодушнымъ, безчувственнымъ къ несчастію; отчего онъ такъ тщательно скрываетъ заразу, когда она появится въ стадѣ, скрываетъ до тѣхъ поръ, пока она не прекратится сама собою, то-есть пока не вывалится все его стадо? Отчего онъ боится больше всякой заразы, больше огня и меча, всѣхъ медико-полицейскихъ мѣръ и изслѣдованій? Не оттого ли, что онъ убѣжденъ

горькимъ опытомъ, что всякое подобное изслѣдованіе, какъ Мамаевъ погромъ, падаетъ на его собственность и уноситъ съ собой все, что приобрѣтено имъ тяжелымъ трудомъ и потомъ?...

«Все это грустно, и всего этого, вѣроятно, не зналъ г. Бауэръ: иначе не предложилъ бы онъ соды, какъ специфическаго средства для истребленія у насъ повальныхъ болѣзней. Неужели онъ, *прусскій подданный*, думаетъ, что мы меньше его заботимся и скорбимъ о благѣ нашей отчизны? Неужели онъ, спасши содой 140 (!) головъ рогатаго скота отъ чумы, которая, можетъ-быть, была еще отъ его стада за горами, полагаетъ, что у насъ нѣтъ средствъ спасать сотни головъ отъ дѣйствительныхъ, страшныхъ своею силою, повальныхъ болѣзней!

«Въ заключеніе, да позволено будетъ намъ спросить г. Бауэра, убѣдѣнъ ли онъ въ рациональности своего средства, знаетъ ли онъ его дѣйствія на организмъ животнаго, знакомъ ли онъ съ устройствомъ этого организма, съ законами, которымъ подчинены въ немъ явленія здоровой жизнедѣятельности, и съ уклоненіями и разстройствами, происходящими въ томъ или другомъ органѣ при болѣзненномъ состояніи? Знаетъ ли онъ сущность той или другой повальной болѣзни, прослѣдилъ ли онъ ее нѣсколько разъ и увѣрился ли въ ея присутствіи, чрезъ вскрытіе труповъ? или онъ предлагаетъ это средство, какъ испытанное только нагляднымъ образомъ? Въ такомъ случаѣ, едва ли не придется отнести его къ ряду средствъ, предлагаемыхъ тѣми знахарями, которые, влеченіемъ невѣжества, суевѣрія, а болѣе собственныхъ выгодъ, усердно заботятся объ истребленіи домашнихъ животныхъ!»

Изъ остальныхъ статей, составляющихъ содержаніе сельско-хозяйственнаго отдѣла первой книжки «Записокъ», мы укажемъ на слѣдующія: *Извозничество Вятской губ. И. Рогожниковъ, Зимовка пчелы* (съ 2 рисунками въ текстѣ и таблицей), *И. П. Вагнера, Развѣтленіе почекъ* (съ рисункомъ въ текстѣ), *А. М. Бутлерова, Въ отдѣлѣ мануфактурной промышленности помѣщены Матеріалы для русскаго заводско-фабричнаго словаря, М. Я. Китгары. Его же, Обязанностиахъ составщика при варкѣ стекла, и наконецъ статья г-на Аверкіева: Химическій характеръ и преслѣдованіе нѣкоторыхъ видовъ русскихъ торфозъ.*

И. Бавстъ.

Только что получили мы вторую книжку «Записокъ Императорскаго Казанскаго Экономическаго Общества». Въ ней между прочими, болѣе или менѣе интересными статьями, напечатана и статья г. Бабста: *Нѣсколько словъ о городскихъ банкахъ и вспомогательныхъ кассахъ*, съ которою мы не преминемъ познакомить нашихъ читателей.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Изъ всѣхъ современныхъ международныхъ вопросовъ ни одинъ не представляетъ столь непреодолимыхъ, повидимому, трудностей, какъ вопросъ итальянскій, къ которому такъ часто приходится намъ возвращаться. Въ немъ вся будущность Итали; его поступательное движеніе совершается соразмѣрно съ поступательнымъ движеніемъ самой Итали и Европы, и разрѣшеніе его должно быть результатомъ историческаго процесса, всегда медленнаго, труднаго и продолжительнаго. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» были указаны главнѣйшія видоизмѣненія итальянскаго вопроса въ политическомъ сознаниіи итальянцевъ (1). Намъ остается только слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ этихъ видоизмѣненій.

Находясь на рубежѣ между Франціею и австрійскими владѣніями въ Итали, Сардинія постоянно должна была тяготѣть къ первой, чтобы упрочить свою самостоятельность. Когда былъ поднятъ на итальянской почвѣ вопросъ о національности, она нашла точку опоры въ этомъ популярномъ вопросѣ и, своими внутренними учрежденіями, на дѣлѣ доказала практическую возможность правильнаго, свободнаго и самостоятельнаго итальянскаго государства. Отсюда тѣ непрерывныя столкновенія съ интересами австрійской политики, о которыхъ мы уже не разъ упоминали и къ которымъ должны обратиться снова, ибо въ послѣднее время даже прерваны дипломатическія сношенія между Сардиніею и Австріею.

Читатели помнятъ, что въ послѣдней своей нотѣ къ сардинскому правительству, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Буоль, между прочимъ жаловался на открытіе подписки въ пользу укрѣпленія передоваго сардинскаго поста — Александриі. Рѣшившись усилить укрѣпленія этого города въ видахъ безопасности извнѣ, сардинское министерство должно было, согласно съ конституціею, представить проектъ закона по этому дѣлу второй палатѣ, гдѣ пренія о немъ начались 14-го марта. Предметъ преній, столь близко касающійся отношеній между Австріею и Сардиніею, возбудилъ силь-

---

(1) См. Письмо г. Кудрявцева изъ Флоренціи, въ первой мартовской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» сего года.

ный интересъ какъ въ обществѣ, такъ и въ палатѣ. Всѣ ораторы, защищавшіе проектъ, не исключая министра иностранныхъ дѣлъ, графа Кавура, дали почувствовать, что считаютъ вопросъ объ укрѣпленіи Александріи не только пиемонтскимъ, но и обще-итальянскимъ, и что такая военная мѣра необходима на случай войны съ Австріею. «Говорятъ, что мы не довольно сильны, чтобы бороться съ Австріею, сказалъ военный министръ, генералъ Ламармора. — Но въ такомъ случаѣ, если мы заблаговременно признаемъ себя побѣжденными, бесполезно тратить деньги на укрѣпленія. Впрочемъ, немногіе раздѣляютъ это мнѣніе, и я считаю излишнимъ опровергать его». — «Мысль укрѣпить Александрію не нова, отвѣчалъ графъ Кавуръ противнику проекта, графу Делла-Маргарита. — Еще король Карлъ-Альбертъ составилъ проектъ укрѣпленій, даже противъ воли своихъ министровъ. Если они бесполезны, то зачѣмъ срыла ихъ Австрія въ 1814 году? По духу разрушенія? Нѣтъ, Австрія слишкомъ консервативна для этого. Будучи министромъ, я неоднократно убѣждалъ моего товарища, военнаго министра, осуществить проектъ александрійскихъ укрѣпленій. Не думаю, чтобы Австрія могла напасть на насъ завтра или послѣзавтра; но мы обязаны имѣть въ виду будущее. Когда мы будемъ обладать двумя крѣпостями — Казале и Александріею, тогда движеніе непріятеля на Туринъ сдѣлается невозможнымъ. Доказывать пользу александрійскихъ укрѣпленій въ случаѣ войны наступательной было бы неумѣстно и неблагоприятно. Замѣчу только, что графъ Делла-Маргарита, доказывая бесполезность укрѣпленій для наступательной войны, тѣмъ самымъ опровергаетъ свое замѣчаніе о томъ, будто укрѣпленіе Александріи имѣетъ характеръ вызова, сдѣланнаго Австріи. Какъ будто сама Австрія въ послѣднее время не укрѣпляла Вероны и Пиаченцы (послѣдняя крѣпость даже не принадлежитъ ей). По словамъ почтеннаго депутата, укрѣпленіе Александріи предпринимается съ цѣлью доказать, что Сардинія отстаиваетъ независимость Италіи. Господа, я принимаю этотъ упрекъ. Да, укрѣпленіе Александріи есть слѣдствіе нашей политики, которая сдѣлала Сардинію участницею въ послѣдней войнѣ и въ переговорахъ о мирѣ, защитницею законныхъ правъ Италіи, защитницей твердою, но благотворною и умѣренною.»

Мы привели эти слова, потому что они показываютъ, съ какой точки зрѣнія смотрятъ передовые государственные люди Сардиніи на этотъ важный вопросъ. Относительно финансовой и стратегической стороны вопроса мы узнаемъ изъ словъ генерала Ламармора и графа Кавура, что при составленіи проекта были приняты въ соображеніе прежніе проекты; что укрѣпленія будутъ стоить пять милліоновъ; что въ Александріи будетъ поставлено 240 орудій, и что крѣпость будетъ готова въ самомъ непродолжительномъ времени. Генералъ Ламармора замѣтилъ во время преній, что не мѣшало бы

укрѣпить и столицу королевства, что онъ даже совѣщался объ этомъ съ министромъ финансовъ; но такое предпріятіе обошлось бы очень дорого и потому могло бы встрѣтить оппозицію со стороны палаты. «Александрія будетъ прикрывать столицу», прибавилъ онъ.

Послѣ двухдневныхъ преній (14-го и 16-го марта), проектъ принять большинствомъ 106 голосовъ противъ 14-ти.

Эти пренія, вмѣстѣ съ отвѣтною нотой графа Кавура отъ 20-го февраля, уже извѣстною нашимъ читателямъ, возбудили сильное неудовольствіе австрійскаго правительства. Оно предписало своему представителю въ Туринѣ, графу Пару, выѣхать со всѣмъ посольствомъ, или, другими словами, прервать дипломатическія сношенія съ Пиемонтомъ. Сардинское правительство, съ своей стороны, отозвало изъ Вѣны своего представителя, маркиза Кантоно, и французское посольство въ Вѣнѣ приняло подъ свое покровительство интересы сардинскихъ подданныхъ, находящихся въ Австріи.

Несмотря на рѣзкій перерывъ дипломатическихъ сношеній, мы остаемся при мнѣніи, высказанномъ прежде, что война между Австріею и Сардиніею едва ли возможна въ настоящее время. Сами австрійскіе полу-официальные журналы, рѣзко осуждая сардинское правительство, утверждаютъ однако, что Австрія, «находя невозможнымъ быть въ ладу съ своимъ сосѣдомъ, намѣрена отвернуться отъ него», но не нападать. Прекращеніе дипломатическихъ сношеній, по всей вѣроятности, не будетъ имѣть болѣе важныхъ послѣдствій, и отношенія между Сардиніею и Австріею будутъ сходны съ отношеніями между западными державами и Неаполемъ.

Впрочемъ, было бы ошибочно предполагать, что перерывъ дипломатическихъ сношеній между Австріею и Пиемонтомъ произошелъ исключительно вслѣдствіе преній объ укрѣпленіяхъ Александріи, хотя въ этомъ смыслѣ объявила о разрывѣ «Австрійская Газета». Эти пренія, какъ сказано выше, начались 14-го марта; но еще за нѣсколько дней изъ Вѣны сообщали почти за вѣрное, что графъ Паръ будетъ отозванъ. Въ самомъ дѣлѣ, пренія эти не заключаютъ въ себѣ ничего особенно новаго послѣ отвѣтной ноты графа Кавура отъ 20-го февраля, содержаніе которой было подробно изложено въ нашемъ Обзорѣніи (1). Направленіе сардинской политики объяснено въ ней съ полною искренностію, и возбудило общее сочувствіе въ Европѣ. Именно поэтому многіе журналы полагали, что Австрія, не желая еще сильнѣе возстановить противъ себя общественное мнѣніе Европы, оставитъ отвѣтную ноту графа Кавура безъ послѣдствій, которыя во всякомъ случаѣ должны оказаться болѣе благоприятными для Сардиніи, чѣмъ для нея. Но вышло иначе. Говорятъ, что графъ Буоль

(1) См. Политическое Обзорѣніе во 2-й февральской книжкѣ «Русскаго Вѣстника».

отправилъ къ представителю Австріи въ Туринѣ новую депешу, въ которой изложены причины важной дипломатической мѣры, имъ принятой. Когда эта депеша будетъ обнародована, мы познакомимъ нашихъ читателей съ ея содержаніемъ. Въ настоящее время извѣстно только, что она составляетъ отвѣтъ на вышеупомянутую ноту графа Кавура отъ 20-го февраля. Въ ней, какъ говорятъ, графъ Буоль объявляетъ, что императоръ, искренно желая улучшить положеніе своихъ итальянскихъ подданныхъ, желалъ бы въ то же время встрѣтить въ остальной Италіи благонамѣренныя устроенныя правительства, одушевленные тѣми же чувствами, и что онъ не можетъ терпѣть систематическихъ нападокъ на права свои со стороны пиемонтскихъ журналовъ.

Существуетъ еще другая, также необнародованная доселѣ депеша графа Буоля, разосланная имъ, въ видѣ циркуляра, всѣмъ австрійскимъ дипломатическимъ агентамъ при иностранныхъ дворахъ. Въ этой депешѣ изложены причины, побудившія австрійское правительство отозвать своего представителя изъ Турина. По словамъ графа Буоля, какъ сообщаютъ нѣкоторые журналы, вѣнскій кабинетъ не только не удовлетворенъ отвѣтомъ графа Кавура, но даже считаетъ новымъ оскорбленіемъ слова, произнесенныя членами сардинскаго правительства во второй палатѣ, по поводу преній объ укрѣпленіи Александріи. «Австрійское правительство, сказано въ депешѣ, имѣло полную возможность убѣдиться въ томъ, что Сардинія старается стать во главѣ революціоннаго движенія въ Италіи, конечною цѣлю котораго представляется прекращеніе австрійскаго владычества на полуостровѣ. Слѣдовательно, Сардинія придерживается опасной политики, стремящейся не только потрясти общественный порядокъ въ Италіи, но даже совершенно измѣнить европейскій международный порядокъ, установленный вѣнскими трактатами». Впрочемъ, графъ Буоль, извѣщая иностранные дворы о прекращеніи официальныхъ сношеній съ Сардинією, формально объявляетъ, что за нимъ не послѣдуетъ другихъ, болѣе враждебныхъ мѣръ, и что во всякомъ случаѣ Австрія до послѣдней крайности будетъ избѣгать всего того, что могло бы нарушить миръ и произвести новыя международныя затрудненія.

Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ привести здѣсь мнѣніе одного изъ туринскихъ журналовъ о разногласіи между Сардинією и Австрією. Последней очевидно не нравится существующій въ Пиемонтѣ правительственный порядокъ, несогласный съ образомъ дѣйствій австрійскаго правительства въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ. Въ Сардиніи есть трибуна, съ которой можно свободно говорить объ итальянскихъ дѣлахъ и австрійской политикѣ въ Италіи, и есть журналистика, подлежащая отвѣтственности лишь по правильному судебному приговору. Но подобное неудовольствіе отнюдь не можетъ быть оправдано съ точки зрѣнія международного права. Будучи государ-

ствомъ самостоятельнымъ и независимымъ, Сардинія естественно соображается въ своей внутренней политикѣ не съ видами и требованіями Австріи, но съ собственными видами и потребностями. Она, конечно, въ правѣ находить ту или другую политику болѣе способствующею водворенію мира и благоденствія на Апеннинскомъ полуостровѣ, и во имя этого неотъемлемаго права предпочитать свою теперешнюю политику австрійской. Не на этомъ ли правѣ основано повсемѣстное признаніе вновь возникающихъ правительствъ, хоть на примѣрѣ во Франціи, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ конституціонную монархію смѣнила республика, а республику — имперія?

Международныя совѣщанія по невшательскому дѣлу продолжаютъ въ Парижѣ. 24 и 25-го марта конференція имѣла новыя засѣданія; въ послѣднемъ участвовалъ и швейцарскій уполномоченный, г. Кернъ. Послѣ 25-го числа совѣщанія временно приостановились, ибо швейцарскій уполномоченный, которому былъ сообщенъ проектъ соглашенія, предварительно составленный конференціею, счелъ нужнымъ посоветоваться съ своимъ правительствомъ. Эта догадка принята почти всѣми журналами, и притомъ весьма правдоподобна. Замѣтимъ еще, что никто не сомнѣвается въ скоромъ разрѣшеніи невшательскаго вопроса.

Мы получили текстъ общаго трактата, подписаннаго въ Копенгагенѣ, 14-го марта, представителями многихъ европейскихъ государствъ. Онъ состоитъ изъ восьми статей. Первою статьею постановлено, что отнынѣ не будетъ взимаемо никакого таможеннаго, потоннаго, маячнаго или другаго сбора съ грузовъ и судовъ, какъ проходящихъ изъ Нѣмецкаго моря въ Балтійское и обратно, такъ и останавливающихся въ датскихъ водахъ за непогодою или по торговымъ дѣламъ.

Чтобы понять важность этой статьи, надо знать нынѣшнее положеніе дѣла. Всякій товаръ, отправляемый съ запада въ прибалтійскіе порты Даніи, Швеціи, Россіи или Пруссіи, и обратно, достигаетъ своего назначенія, обремененный пошлиною, которая, конечно, распределяется потомъ, въ разныхъ размѣрахъ, между продавцемъ, посредниками и послѣднимъ покупщикомъ, но тѣмъ не менѣе всегда имѣетъ значительное вліяніе на цѣны. По свѣдѣніямъ, представленнымъ министрами бельгійской второй палаты, съ товаровъ, отправленныхъ изъ Балтійскаго моря въ Бельгію, и обратно, черезъ Зундъ и Бельты, было взимаемо пошлинъ въ Гельзингерѣ, съ 1851 до 1853 года, среднимъ числомъ по 125,674 фр. (31,418 р. 50 к. сер.) ежегодно. Сверхъ того, съ каждаго корабля, коего вмѣстимость превышаетъ сорокъ тоннъ, берется маячнаго сбора 13 фр. 50 сант., если онъ съ балластомъ, и 27 фр., если онъ нагруженъ, кромѣ платы датскимъ чиновникамъ, ибо таможеннымъ чиновникамъ платится 18 фр., инспектору 6 фр. 75 сант., переводчику 4 фр. и пр. Но главнѣйшее неудобство

и стѣсненіе заключается собственно не въ этихъ сборахъ. Въ докладѣ о зундскихъ пошлинахъ, составленномъ комиссіею англійской нижней палаты въ прошломъ году, приведены слѣдующіе любопытные факты:

«Задержаніе судовъ, необходимое при уплатѣ зундскихъ пошлинъ въ Гельзингеръ, служитъ обильнымъ источникомъ убытковъ и безполезныхъ тратъ. Люди свѣдущіе, каковы судозозяева и командиры купеческихъ судовъ, объявили въ комиссіи, что потеря времени равняется, среднимъ числомъ, суточному плаванію. Хотя и можно было бы исполнить всѣ формальности въ нѣсколько часовъ, однако за прекращеніемъ попутнаго вѣтра, за одновременнымъ приходомъ многихъ другихъ судовъ, или за приходомъ корабля въ то время, когда въ таможенъ нѣтъ присутствія, и наконецъ за соблазнительнымъ для капитановъ и экипажей случаемъ побывать на сушѣ, корабли иногда бывали задерживаемы на промежуткѣ времени отъ одного дня до трехъ мѣсяцевъ.»

Къ замедленіямъ такого рода присоединяются опасности. Одинъ судозозяинъ далъ слѣдующее показаніе: «Задержка, которой подвергаются суда въ Гельзингеръ, для полученія необходимыхъ таможенныхъ бумагъ, нерѣдко бываетъ причиною несчастныхъ случаевъ. Въ хорошую погоду, командиръ можетъ остаться на берегу не болѣе двухъ и трехъ часовъ; но, въ дурную погоду, онъ можетъ отлучиться съ корабля на пять часовъ и болѣе. Весною и осенью, рейдъ представляетъ весьма открытое и далеко небезопасное якорное мѣсто, и нерѣдко бывають серіозныя несчастія, какъ напримѣръ, столкновение между судами, снятіе съ якоря, потопленіе судовъ и экипажей. Корабль, приходящій поздно по полудни, долженъ стать на якорь, и когда капитанъ, уплативъ пошлины, возвращается на бортъ и снимается съ якоря, къ вечеру нерѣдко оказывается опаснымъ продолжать плаваніе по проливу: если онъ попытается пройти этими опасными мѣстами въ теченіе ночи, то корабль можетъ быть выброшенъ на берегъ. Нерѣдко измѣняется направленіе вѣтра, пока происходитъ уплата пошлинъ; за измѣненіемъ теченій, корабль уже не можетъ слѣдовать въ прежнемъ направленіи и долженъ остановиться на нѣсколько дней, тогда какъ, при другихъ обстоятельствахъ, онъ могъ бы, не останавливаясь, продолжать плаваніе.»

Отмена зундскихъ пошлинъ была бы далеко неполною мѣрою, если бы въ то же время не было обезпечено безопасное плаваніе по труднымъ датскимъ водамъ. Объ этомъ сказано во второй статьѣ общаго трактата. Датское правительство обязуется содержать въ исправности маяки, буи и пр., увеличить число ихъ, если это окажется необходимымъ, наблюдать за лодчанами и условиться съ шведскимъ правительствомъ о содержаніи маяковъ по берегамъ Швеціи и Норвегіи.

Извѣстно, что не всѣ товары, отправляемые въ Балтійское море съ

запада, и обратно, провозятся Каттегатомъ. Датскія владѣнія пере-
рѣзаны путями сообщенія, связующими Нѣмецкое море и Эльбу съ
Балтійскимъ моремъ. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

Желѣзная дорога отъ Тѣннингена къ Фленсбургу;

Желѣзная дорога къ Гамбургу, Килью и Любеку;

Каналъ Шлезвигъ—Голштинскій, или Эйдерскій;

Каналъ Стекеницкій.

Перевозка товаровъ изъ одного моря къ другому по этимъ путямъ
также была затруднена обременительными пошлинами. Съ 500 ф.
вѣса взимается транзитной пошлины 80 датскихъ шиллинговъ, или
2 $\frac{1}{4}$ процента съ цѣнности товара. Исключеніе существовало лишь
для *нѣкоторыхъ* товаровъ, провозимыхъ по *нѣкоторымъ* дорогамъ.
Въ силу новаго трактата, товары, освобожденные отъ транзитной
пошлины по *нѣкоторымъ* путямъ сообщенія, должны быть освобож-
дены по *всѣмъ* дорогамъ и каналамъ, нынѣшнимъ и будущимъ, со-
единяющимъ Нѣмецкое море и Эльбу съ Балтійскимъ моремъ. Что
касается товаровъ, обложенныхъ транзитною пошлиною въ 80 дат-
скихъ шиллинговъ съ 500 фунтовъ, то пошлина эта уменьшена до
16 шиллинговъ (5 коп. сер. съ 240 нашихъ фунтовъ). Надѣются, что
датское правительство не ограничится этимъ обязательнымъ умень-
шеніемъ. Не получая дохода съ проливовъ, оно естественно поста-
рается привлечь въ свои владѣнія транзитную торговлю, а въ подоб-
номъ дѣлѣ степень успѣха зависитъ отъ степени свободы и облег-
ченій, предоставляемыхъ торговлѣ. Оттого можно ожидать новаго
пониженія транзитныхъ пошлинъ, которое также будетъ результатомъ
рассматриваемаго трактата.

Въ вознагражденіе за жертвы и обязанности, налагаемыя тракта-
томъ, договаривающіяся государства обязуются собща заплатить
датскому правительству 30,476,325 ригсдалеровъ, или 22,857,244 р.
сер. (1). Такъ какъ на долю каждого изъ договаривающихся госу-
дарствъ приходится опредѣленная часть этой суммы, то, кромѣ общаго
трактата, датское правительство заключило съ каждымъ изъ нихъ
сепаратныя конвенціи. Ратификаціи должны быть обмѣнены къ 1-му
апрѣля, и съ этого дня трактатъ вступаетъ въ полную силу.

Общій трактатъ подписанъ представителями Россіи, Австріи,
Франціи, Англіи, Пруссіи, Ганновера, Мекленбургъ—Шверина, Оль-
денбурга, Нидерландовъ, Бельгіи, Швеціи съ Норвегіею и вольныхъ
ганзейскихъ городовъ. Соединенные Штаты и другія американскія

(1) Собственно говоря, полная цѣна выкупа опредѣлена въ 35 милл. ригс-
далеровъ, но мы исключили изъ нея 1,122,078 ригсдалеровъ, приходящихся
на долю самой Даніи, какъ государства, торгующаго въ Балтійскомъ морѣ,
и части, приходящаяся на долю государства, еще не подписавшихъ общаго
трактата.

государства (не имѣющія, впрочемъ, дипломатическихъ агентовъ въ Даніи) не участвовали въ переговорахъ. Добровольное устраненіе Соединенныхъ Штатовъ, такъ настоятельно требующихъ отмены зундскихъ пошлинъ, не лишено нѣкотораго значенія. Изъ оффиціального отчета о ходѣ переговоровъ съ Даніею, представленнаго бельгійскимъ правительствомъ второй палатѣ, мы узнаемъ объ этомъ слѣдующее:

Въ концѣ 1855 года, датское правительство пригласило другія государства къ копенгагенскимъ конференціямъ о зундскихъ пошлинахъ. Почти всѣ европейскія правительства, не принимая на себя никакихъ предварительныхъ обязательствъ, назначили своихъ уполномоченныхъ; но правительство Соединенныхъ Штатовъ объявило, что «спорный вопросъ между Соединенными Штатами и Даніею состоитъ не въ томъ, какими пошлинами обременена наша балтійская торговля, но въ томъ, слѣдуетъ ли подвергать ее какимъ бы то ни было пошлинамъ; требуя, чтобы наши суда и грузы были освобождены отъ всякой пошлины, при проходѣ черезъ проливы, президентъ Соединенныхъ Штатовъ опирается на великое международное правило, которое допускаетъ обширное и разнообразное приложеніе.» Не признавая правъ конференціи въ этомъ вопросѣ, правительство Соединенныхъ Штатовъ изъявило желаніе вести переговоры съ одною Даніею, и, не отказываясь платить свою часть на покрытіе датскихъ расходовъ по судоходству, заранее отвергнуло предположеніе о приобрѣтеніи свободного прохода черезъ Зундъ и Бельты съ помощію выкупа. Эти соображенія были изложены въ инструкціи министра иностранныхъ дѣлъ, г. Марси, повѣренному Соединенныхъ Штатовъ въ Копенгагенѣ. Переговоры между Даніею и европейскими государствами начались въ январѣ 1856 года. Въ томъ же году, 14-го апрѣля, наступилъ срокъ прежняго трактата между Даніею и Соединенными Штатами, который, по взаимному соглашенію между обоими правительствами, былъ продленъ еще на два мѣсяца, то-есть до 14-го іюня того же года. Переговоры съ европейскими правительствами продолжались, вновь назначенный срокъ трактату съ Соединенными Штатами прошелъ, и американскія суда стали платить пошлины съ протестомъ. Повѣренный Соединенныхъ Штатовъ въ Копенгагенѣ объявилъ, что правительство откладываетъ принудительныя мѣры противъ Даніи на одинъ годъ, то-есть до 14-го іюня 1857 года, подъ условіемъ уплаты пошлинъ судохозяевами съ протестомъ, и не принималъ никакого участія въ переговорахъ. По распредѣленію выкупной суммы между разными государствами, произведенному копенгагенскою конференціей, на долю Соединенныхъ Штатовъ приходится 717,829 ригсдалеровъ, или 538,372 р. сер. Остается знать, согласится ли правительство Соединенныхъ Штатовъ, нынѣ перешедшее въ руки новаго президента и новаго министерства, уступить общему соглашенію Европы, или будетъ отказываться отъ уплаты, угрожая Даніи при-

нудительными мѣрами. До сихъ поръ еще неизвѣстно мнѣніе новаго правительства по этому вопросу.

Датскія дѣла въ настоящее время сдѣлались предметомъ особеннаго вниманія Европы. Чисто финансовый и торговый вопросъ о зундскихъ пошлинахъ разрѣшенъ; но вопросъ о конституціонныхъ отношеніяхъ германскихъ герцогствъ къ Датской монархіи все болѣе и болѣе усложняется. Съ одной стороны, если вѣрить послѣднимъ извѣстіямъ, сопротивленіе датскаго правительства притязаніямъ Пруссіи и Австріи поддерживается другими кабинетами, между прочимъ кабинетами парижскимъ и лондонскимъ, которые не признаютъ за Пруссією и Австрією права вмѣшательства въ это дѣло; съ другой, Пруссія считаетъ это дѣло за чисто-германское, и желаетъ, чтобы оно было рѣшено однимъ германскимъ сеймомъ, безъ участія другихъ государствъ. Къ этому присоединилось обстоятельство совершенно иного рода. Съ недавнихъ поръ на скандинавскомъ сѣверѣ возникла такъ-называемая скандинавская партія, желающая образовать сильное государство, чрезъ политическое соединеніе Швеціи, Норвегіи и Даніи. Скандинавизмъ, повидимому, сдѣлалъ серьезные успѣхи въ послѣднее время, потому что возбудилъ особенное вниманіе датскаго и другихъ правительствъ. Въ депешѣ своей отъ 20-го февраля, разосланной къ нѣкоторымъ изъ европейскихъ кабинетовъ, датскій министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Шеле, указываетъ на опасность, угрожающую цѣлости Датской монархіи и сохраненію европейскаго равновѣсія въ случаѣ сильнаго развитія скандинавизма.

Въ Англии послѣднія засѣданія палаты были заняты по прежнему борьбою министерства съ оппозиціей. Почвою и предлогомъ для нея на этотъ разъ служилъ финансовый вопросъ. При второмъ чтеніи билля о налогѣ на доходъ (income-tax), лордъ Дерби сильно нападалъ въ верхней палатѣ на политику лорда Пальмерстона, называя ея наступательною во внѣшнихъ сношеніяхъ, робкою и нерѣшительною въ дѣлѣ внутреннихъ вопросовъ. По этому поводу онъ особенно порицалъ вмѣшательство правительства въ неаполитанскія дѣла и уступки, сдѣланныя имъ Соединеннымъ Штатамъ. Политику кабинета защищалъ лордъ Гренвилль, указывая, между прочимъ, на трактатъ, недавно заключенный съ Персією, и въ свою очередь упрекая консервативную партію въ защитѣ покровительственной системы. Другое засѣданіе палаты было посвящено тоже преніямъ о китайскихъ и неаполитанскихъ дѣлахъ.

Между тѣмъ парламентъ былъ оффиціально распущенъ въ засѣданіи 21-го марта. Президентъ и члены нижней палаты были для этого приглашены въ верхнюю палату, гдѣ лордъ канцлеръ прочелъ рѣчь королевы о распущеніи парламента и произведеніи новыхъ выборовъ. Выборы должны быть окончены къ 30 апрѣля, а въ первыхъ числахъ мая соберется новый парламентъ. Главы партій продолжаютъ обращаться къ избирателямъ, съ манифестами, объясняющими какъ политику министерства, такъ и начала, которыми руководствуется оппозиція. Подобный адресъ изданъ г. Дизраели. Его объясненіе исполнено горечи и ожесточенія противъ перваго министра. Онъ характеризуетъ его политическое положеніе названіемъ «торійскаго предводителя радикальной партіи». Подобно лорду Джону Росселю и лорду Дерби, упреки г. Дизраели основываются на томъ, что безпокойная и воинственная политика министерства отвлекаетъ націю отъ дѣлъ внутреннихъ, отягощаетъ народъ чрезвычайными налогами и препятствуетъ всякому улучшенію въ общественномъ бытѣ. Изображая собственныя политическія убѣжденія, г. Дизраели указываетъ на себя, какъ на испытаннаго защитника конституціи, церкви и государства, и заключаетъ свою программу слѣдующими тремя словами: честный миръ, уменьшеніе налоговъ, общественныя улучшенія. Министерство, съ своей стороны, обратилось къ общественному мнѣнію посредствомъ манифеста лорда Пальмерстона къ избирателямъ въ мѣстечкѣ Тивертонъ. Въ этомъ актѣ первый министръ дѣлаетъ очеркъ трудной дороги, доселѣ пройденной кабинетомъ. Упомянувъ о томъ, что нынѣшнее министерство приняло на себя правленіе дѣлами при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, когда всѣ люди, почитавшіеся главами партій, или отклоняли отъ себя трудную отвѣтственность, или не были въ состояніи организовать кабинетъ, онъ излагаетъ всѣ блестящіе результаты, которыхъ, по его мнѣнію, до сихъ поръ достигла министерская политика: счастливое окончаніе войны, заключеніе мирнаго трактата съ Персією, возстановленіе согласія съ Соединенными Штатами. Въ противоположность твердому и постоянному образу дѣйствій кабинета, лордъ Пальмерстонъ указываетъ на разнородный составъ оппозиціи, въ которой, для низверженія настоящаго правительства, соединились люди всѣхъ партій и всѣхъ убѣжденій. Въ доказательство національности своей политики онъ приводитъ полное согласіе съ нею распущеннаго теперь парламента по всѣмъ существеннымъ вопросамъ. Это согласіе, говоритъ онъ, было внезапно нарушено соединеніемъ партій противъ министерства по вопросу о китайскихъ дѣлахъ. О поведеніи членовъ оппозиціи въ этомъ случаѣ первый министръ отзывется въ энергическихъ и строгихъ выраженіяхъ. Онъ клеймитъ ихъ названіемъ людей, которые рѣшились сдѣлать ступенью своему возвышенію униженіе и позоръ англійской націи, требуя отъ нея уступки передъ дикимъ варварствомъ Китая. Нельзя же

замѣтить преувеличенія въ словахъ главы кабинета. Мы видѣли, что большинство оппозиціи нисколько не требовало немедленнаго прекращенія военныхъ дѣйствій, во что бы то ни стало. Оно требовало только, чтобы правительство отъ наступательной и постоянно виѣшней политики перешло къ политикѣ внутренней. Такой смыслъ дѣйствіямъ оппозиціи данъ былъ въ особенности въ манифестѣ лорда Джона Росселя. Тѣмъ не менѣе, на происходящихъ выборахъ очевидно торжествуетъ политика кабинета, и, по всей вѣроятности, новый парламентъ будетъ ей очень благопріятенъ. Политика лорда Пальмерстона удовлетворяетъ національному чувству Англіи, и потому вызываетъ сильное къ себѣ сочувствіе въ разныхъ слояхъ народа. О многочисленныхъ голосахъ, раздавшихся по поводу выборовъ въ пользу перваго министра, уже было говорено въ предыдущемъ Обзорѣ. Блестящимъ выраженіемъ такого сочувствія былъ банкетъ, данный лорду Пальмерстону 20-го марта лордомъ-меромъ. На этомъ банкетѣ, гдѣ было до трехъ сотъ приглашенныхъ, лордъ Пальмерстонъ произнесъ рѣчь, съ цѣлю оправдать свою политику. Высказывая снова ту причину, по которой кабинетъ не почелъ для себя необходимымъ преклонить голову передъ неодобреніемъ парламента и уступить мѣсто новому управленію, благородный лордъ выражаетъ твердую увѣренность въ благопріятномъ для себя исходѣ предстоящихъ выборовъ. Въ то же время онъ отклоняетъ отъ своего образа дѣйствій наименованіе воинственной политики. «Кабинетъ, говоритъ онъ, тоже хочетъ мира, но мира честнаго, прочнаго, соединеннаго съ безопасностію Англичанъ за границею...» О намѣреніяхъ противной партіи онъ отзывается съ прежнею краткостью. Графъ Персинъ, присутствовавшій на обѣдѣ, тоже произнесъ рѣчи. Посланникъ Лудовика-Наполеона говорилъ съ удивленіемъ о государственномъ устройствѣ Англіи и выразилъ надежду на постоянство того согласія, которое нынѣ царствуетъ между двумя правительствами. Грозныя выходки перваго министра противъ оппозиціи не остались съ ея стороны безъ отвѣта. За невозможностію отвѣчать ему въ парламентѣ, вслѣдствіе его распущенія, лордъ Мальмсбери обратился къ посредничеству журнала Times и, въ длинномъ письмѣ къ министру, сильно и остроумно опровергалъ его обвиненіе противъ партіи мира.

Среди бурныхъ парламентскихъ преній во время борьбы оппозиціи съ министерствомъ, въ Англіи была принята новая мѣра, доказывающая, до какой степени ея правительство цѣнитъ и ограждаетъ свободу слова. Извѣстно, что въ Англіи не существуетъ никакихъ ограниченій противъ свободы тисненія, кромѣ предоставленнаго всякому права жаловаться судебнымъ порядкомъ на нанесеніе ему печатно обиды. До сихъ поръ, въ случаѣ обвиненія отвѣтчика, отвѣтственность раздѣлялъ съ нимъ и тотъ журналъ, который напечаталъ у

себя оскорбительное сочиненіе. Исключеніе составляли только рѣчи, произнесенныя въ судебныхъ мѣстахъ. Это правило было не совсѣмъ справедливо относительно публичныхъ рѣчей, помѣщаемыхъ въ журналахъ, потому что подобныя рѣчи печатаются безъ всякаго оскорбительнаго намѣренія противъ обиженнаго лица, а просто вслѣдствіе обязанности журналовъ, сообщать публикѣ всѣ подробности общественной жизни. Необходимость исключить случаи такого рода изъ ответственности періодическихъ изданій, уже давно сознавалась многими; но старый законъ существовалъ до настоящаго времени, и вице-канцлеръ королевства, лордъ Кампбелль, еще недавно долженъ былъ противъ собственнаго убѣжденія, обвинить журналъ, напечатавшій сильную рѣчь, произнесенную въ одномъ изъ избирательныхъ собраний. Такъ какъ присяжные обратились къ вице-канцлеру за рѣшеніемъ вопроса, слѣдуетъ ли распространять отвѣтственность на самый журналъ, то лордъ Кампбелль, при всемъ своемъ несочувствіи къ нему, долженъ былъ имъ объяснить точный смыслъ закона. Но этотъ случай убѣдилъ его еще болѣе въ необходимости измѣненія, и потому онъ предложилъ верхней палатѣ распространить безотвѣтственность журналовъ за помѣщеніе рѣчей также и на рѣчи, произнесенныя въ парламентѣ и другихъ народныхъ собраніяхъ, которыхъ виды будутъ опредѣлены особою комиссіей. Лордъ Кампбелль упоминаетъ изъ нихъ мимоходомъ только о церковныхъ собраніяхъ, собраніяхъ по графствамъ, муниципальных совѣтахъ и т. д. Изъ числа ихъ онъ прямо исключаетъ митинги, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ такомъ случаѣ оскорбителю было бы легко скрыться послѣ нанесенія обиды, и обиженный ни отъ кого бы не могъ получить удовлетвореніе. Исключеніе не совсѣмъ логическое, потому что митинги имѣютъ тоже политическое значеніе, и публика по справедливости желаетъ знать о нихъ всѣ подробности. Какъ бы то ни было, предложеніе лорда Кампбелля, безусловно принятое палатою, заключаетъ въ себѣ все-таки очень важное обезпеченіе для журналистики. Отнынѣ журналъ, передающій оскорбленія, и тотъ, кто его наноситъ, будутъ строго различены. Съ точки зрѣнія юридической, законъ о диффамаци получить такимъ образомъ болѣе послѣдовательности, потому что въ основаніи преслѣдованія будетъ лежать намѣреніе лица, безъ котораго не существуетъ полной вмѣняемости дѣйствія.

Во Франціи два обстоятельства обращаютъ на себя преимущественное вниманіе. Это разборъ бюджета на 1858 годъ и сопряженный съ нимъ вопросъ о предполагаемомъ налогѣ на движимыя цѣнности. Расходы въ 1858 г. простираются до 1 миллиарда, 716 милліоновъ, 986,190 франковъ; доходовъ предположено одинъ миллиардъ, 737 милліоновъ, 115,171 франкъ. Излишекъ состоитъ въ 20,128,984 франкъ. Этотъ бюджетъ значительно отличается отъ бюджета 1857 г. Нѣкоторые налоги, введенные по поводу войны, или существовавшіе

прежде, теперь отмѣнены. Въ замѣнъ ихъ правительство намѣрено предложить законодательному собранію налогъ на движимыя цѣнности (*valeurs mobilières*), о которомъ императоръ упоминалъ въ тронной рѣчи. Скажемъ нѣсколько словъ о значеніи этого налога. Движимыя цѣнностями называются денежные бумаги разнаго рода, акціи торговыхъ компаній, обществъ для постройки желѣзныхъ дорогъ и т. п. По поводу этого налога «*Revue des Deux Mondes*» напечатала статью, исполненную любопытныхъ соображеній, которыя мы передадимъ нашимъ читателямъ. Статья рѣшительно осуждаетъ предполагаемый налогъ, руководствуясь при этомъ слѣдующими соображеніями. Движимыя цѣнности, говоритъ она, не суть цѣнности сами по себѣ. Это, такъ сказать, купоны актовъ владѣнія на собственность, которая и безъ того уже платитъ налогъ, а въ добавокъ не всегда есть собственность промышленная. Для примѣра можно взять акцію какого-нибудь товарищества для разработки рудниковъ. Очевидно, что эта акція есть документъ, дающій предъявителю право на участіе въ нераздѣльномъ владѣніи рудниками. Но рудники подлежатъ уже во Франціи двойному налогу: постоянному и пропорціональному съ ежегодною добычею. Третій налогъ на акцію обременилъ бы собственность и безъ того уже обложенную. Сверхъ того онъ имѣлъ бы еще и то неудобство, что падалъ бы на ассоціацію, соединеніе небольшихъ капиталовъ, между тѣмъ какъ большіе капиталы, дѣйствующіе отдѣльно, были бы отъ него изъяты. То же самое можно сказать и объ акціяхъ всякаго другаго рода. Это составляетъ первое возраженіе противъ новаго налога. Но есть еще и другое.— Когда правительство уступаетъ частной компаніи какую-нибудь желѣзную дорогу, или другое общественное предпріятіе подобнаго рода, тогда выручка компаніи, обезпеченная ею въ теченіи извѣстнаго времени, составляетъ вознагражденіе за постройку, плату за трудъ, которую, еслибы правительство само исполнило работу, оно было бы должно постепенно выплатить подрядчикамъ. Дивидендъ, получаемый акціонерами общества, есть въ сущности извѣстная доля выручки, за вычетомъ всѣхъ издержекъ. Если правительство будетъ взимать налогъ съ этого дивиденда, то тѣмъ самымъ оно посягнетъ на часть выручки, слѣдовательно нарушитъ заключенный съ компаніею договоръ, который, при такомъ способѣ дѣйствія, утрачиваетъ свой характеръ обоюдности. При введеніи налога на доходы вообще, налогъ, по крайней мѣрѣ, долженъ равномерно падать на всѣ доходы: но что бы сказали, еслибы изъ числа ихъ была обложена, напримѣръ, одна рента? Наконецъ, послѣднее соображеніе основано на самомъ характерѣ прямого налога. Имѣя непремѣннымъ послѣдствіемъ въ минуту своего установленія, уменьшеніе капитала, онъ требуетъ особенной осторожности. Поэтому прямые налоги и должны быть по возможности неизмѣнны. Но налогъ на акціи, по самому ихъ

характеру, не можетъ быть неизмѣненъ, ибо какъ скоро акціи будутъ обложены, покупатели станутъ давать за нихъ менѣе, следовательно, тяжесть налога упадетъ на первыхъ приобретателей, или основателей общества. Такимъ образомъ, налогъ на движимыя цѣнности будетъ имѣть три невыгодныя стороны: съ одной стороны, онъ поразитъ ассоціацію капиталовъ, одну изъ самыхъ лучшихъ мыслей новаго времени, съ другой, онъ будетъ нарушеніемъ договоровъ правительства съ частными компаніями, съ третьей, наконецъ, онъ уменьшитъ капиталы, затраченные въ промышленныхъ предпріятіяхъ, и вслѣдствіе этого произведетъ дурное вліяніе на общественное благосостояніе. Въ замѣнъ налога на акціи, авторъ статьи предлагаетъ пошлину при ихъ переходѣ, но только черезъ дареніе или наследство, ибо взысканіе пошлины при продажѣ акцій повело бы къ затрудненію торговыхъ сдѣлокъ и само по себѣ было бы затруднительно.

Правительство обнародовало перепись, произведенную въ концѣ прошлаго года въ Алжиріи. Изъ этого документа видно, какъ несправедливо мнѣніе, будто бы Алжирія поглащаетъ значительную часть населенія своей метрополи, мнѣніе, которое было высказано генеральнымъ совѣтомъ Верхней Соны, по поводу особаго уменьшенія народонаселенія во Франціи, замѣченнаго при народной переписи. Послѣ двадцатилѣтней принадлежности Франціи, Алжирія считаетъ между своими жителями только 100,000 Французовъ, следовательно, на каждый годъ приходится менѣе четырехъ тысячъ переселенцевъ. Въ 1855 году въ числѣ двѣнадцати тысячъ переселенцевъ изъ Франціи, только 4,745 пришлось на долю колоніи: цифра незначительная для населенія въ тридцать шесть мил., особенно если принять въ соображеніе то количество жителей, которое въ это самое время переселялось изъ другихъ странъ во Францію. — Алжирская перепись представляетъ довольно любопытные факты. Въ настоящее время въ колоніи считается 167,135 душъ. Эта цифра, конечно, незначительна, но сравнительно съ предшествовавшими годами, она доказываетъ постоянное увеличеніе народонаселенія. Въ 1832 году считалось только 9,640 жителей. Средняя цифра увеличенія составляла въ первое пятилѣтіе, до 1836 года, 2,266; въ слѣдующее пятилѣтіе она поднялась до 4,752, и съ тѣхъ поръ не падала ниже четырехъ тысячъ. Самыми лучшими пятилѣтіями были года: 1842—1846 и 1852—1856. Въ первое изъ нихъ средняя цифра составляла 14,365, а во второе 7,170. Что касается до самаго состава населенія, то изъ приведеннаго выше числа 66,728 жителей иностраннаго происхожденія, Испанцы, Итальянцы, Мальтійцы, Нѣмцы, Швейцарцы; остальные — Французы. Въ нравственномъ отношеніи колонія сдѣлала значительные успѣхи. Въ эпоху присоединенія Алжира, война и безумные расчеты увлекли туда множество

авантюристовъ. Теперь ихъ смѣнило трудолюбивое населеніе. Семейный бытъ значительно улучшился, и семейство сдѣлалось основною колонизаціею. Это выражается нагляднымъ образомъ въ постепенномъ увеличеніи женскаго населенія. Рожденія съ 1853 года превышаютъ смертность.

Въ Испаніи выборы положили конецъ безпрестанному волненію, вслѣдствіе борьбы министерства съ различными партіями. Слухи о министерскомъ кризисѣ, о реакціи замолкли, и уступили мѣсто борьбѣ при выборѣ кортесовъ. Теперь замѣтно гораздо болѣе спокойствія, чѣмъ прежде. Разумеетсяъ, партіи готовятся къ борьбѣ, но выборы приготавливаются въ большомъ порядкѣ, что составляетъ признакъ несомнѣннаго прогресса и обличаетъ болѣе привычки къ представительнымъ формамъ. Муниципальные выборы прошли очень спокойно. На нихъ вообще получила перевѣсъ партія умѣренныхъ. По всей вѣроятности, при выборѣ представителей на сторонѣ министерства окажется сильное большинство, потому что всѣ различныя стороны оппозиціи не составятъ даже вмѣстѣ 50 голосовъ. Оппозиція, вѣроятно, всего сильнѣе будетъ въ сенатѣ.

Въ Пруссіи, въ палатѣ депутатовъ, оппозиція ведетъ сильную борьбу съ министерствомъ. Последнія пренія были по преимуществу заняты финансовыми вопросами, которые въ настоящее время имѣютъ особенный интересъ. Извѣстно, что правительство убѣдилось въ невозможности покрыть расходы обыкновенными средствами. Къ тому же созданіе новыхъ источниковъ дохода имѣетъ еще особенную цѣль—увеличеніе жалованья чиновниковъ и возстановленіе трехгодичнаго срока солдатской службы. Эта двоякая цѣль правительства встрѣтила сильное сопротивленіе. Противъ первой мѣры особенно возстаетъ крайняя правая сторона, противъ второй—лѣвая. Интересны побужденія, которыми руководствуется первая. Консервативная оппозиція протестуетъ не только противъ увеличенія налоговъ, но и вообще противъ всей системы управленія, противъ господства бюрократіи. Среди преній раздуются иногда чисто аристократическія притязанія. Таково на примѣръ мнѣніе, которое было на нихъ высказано, что способность не должна еще сама по себѣ быть единственнымъ условіемъ достиженія государственныхъ должностей, что сверхъ того нужны еще средства представлять ихъ съ честію, и т. д. Рядомъ съ этими побужденіями есть, конечно, и другія. Трудно сказать, которыя изъ нихъ преобладаютъ. Надъ всеми ими едва ли не господствуетъ желаніе расширить вообще вліяніе народныхъ представителей. Въ мнѣніяхъ, выраженныхъ по поводу закона о трехгодичномъ срокѣ, особенно достойны замѣчанія соображенія, высказанныя г. Гаркортъ въ засѣданіи 20 марта. Г. Гаркортъ указывалъ на невыгоды продолжительнаго срока военной службы. Солдатъ, долго пробывшій въ службѣ, говорилъ онъ, теряетъ всякую привязанность къ домашнему

очагу. Въ доказательство того, что въ продолжительныхъ срокахъ нѣтъ никакой необходимости, онъ указывалъ на примѣръ Франціи и Австріи, которыя обѣ приняли двухгодичный срокъ. Наконецъ г. Гаркортъ опровергалъ до нѣкоторой степени и самую потребность въ обширной, дисциплинированной арміи. Успѣхамъ прусскаго регулярнаго войска онъ противопоставлялъ блестящіе подвиги земскаго ополченія (Landwehr) въ 1815 г. Регулярная армія, созданная Фридрихомъ Великимъ, сказалъ онъ, утратила колесницу побѣды, красующуюся надъ Бранденбургскими воротами; ее возвратило земское ополченіе! Рѣчь г. Гаркорта возбудила сильное сочувствіе. Громкія рукоплесканія не одинъ разъ ее перерывали. Несмотря однако на нѣкоторыя справедливыя стороны въ возраженіяхъ оппозиціи, несомнѣнно, что правительству трудно будетъ покрыть свои расходы не прибѣгая къ новымъ налогамъ.

Въ Берлинѣ 10 марта открыта конференція членовъ Таможеннаго Союза. Она занимается предложеніями Австріи на счетъ ея сношеній съ государствами Союза.

Въ Турціи окончательно утвержденъ императорскимъ ирадѣ проектъ банка, рассмотрѣнный верховнымъ совѣтомъ. Банкъ не получилъ названія ни національнаго, ни императорскаго, ни оттоманскаго: онъ называется просто *турецкимъ*. Теперь остается найти необходимыя фонды. Это обстоятельство сильно занимаетъ публику. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Лондона рѣдкость денегъ не благопріятствуетъ началу предпріятія. Спрашивается: условія, предлагаемыя основателями банка, довольно ли блестящи, чтобы владѣльцы капиталовъ рѣшились помѣстить ихъ въ Турціи? Это составляетъ важный вопросъ, потому что состояніе кредита въ Оттоманской имперіи ставитъ банкъ въ совершенно особенное и довольно затруднительное положеніе. Существенное неудобство представляетъ то, что въ Турціи нѣтъ срочныхъ кредитныхъ бумагъ. Облигаціи самого правительства выдаются безъ обязательства немедленной уплаты. Онѣ уплачиваются *мало-по-малу*. Такъ какъ турецкій банкъ обязался выкупить всѣ ассигнаціи, получая отъ правительства государственныя облигаціи, пущенныя въ обращеніе на тридцать лѣтъ, то двѣ трети капитала, которыя банкъ употребитъ на эту операцію, будутъ на время потеряны для его оборотовъ. Такія цѣнности не могутъ быть разсматриваемы, какъ оборотный капиталъ. Спрашивается: будетъ ли банкъ въ состояніи удовлетворить собственныя обязательства въ случаѣ кризиса? Впрочемъ, несмотря на эти неудобства, заставляющія опасаться за будущее, начало предпріятія блистательно.

Во Египтѣ произошли важныя административныя реформы, которыя безъ сомнѣнія не замедлятъ оказать самыя благодѣтельныя послѣдствія. Вице-король недавно возвратился изъ своего путешествія въ Суданъ, одну изъ самыхъ отдаленныхъ провинцій Египта. Резуль-

татомъ путешествія былъ цѣлый рядъ мѣръ, продолжающихъ просвѣщенныя преобразованія Мегемед-Али. Важнѣйшая изъ этихъ мѣръ состоитъ въ совершенномъ уничтоженіи невольничества. При этомъ нельзя не вспомнить, что Могаметъ-Сайбъ, еще въ самомъ началѣ своего управленія, запретилъ торгъ невольниками, руководствуясь въ этомъ случаѣ собственными побужденіями, между тѣмъ какъ въ Оттоманской имперіи подобная мѣра была внушена вліяніемъ Европы. Другая мѣра касается раскладки податей. Распоряженіями вице-короля, населеніе будетъ избавлено отъ ужасовъ стараго турецкаго порядка, который такъ долго тяготѣлъ надъ Египтомъ. Въ центральномъ управленіи сдѣлано тоже немаловажное преобразование. Могамедъ-Сайбъ отдѣлилъ свои личные расходы отъ государственныхъ, которые будутъ теперь составлять особую статью. Другими словами, онъ создалъ то, что въ Европѣ называется *liste civile*. Министерство финансовъ раздѣлено на два департамента, изъ которыхъ одинъ завѣдуетъ государственными расходами, а другой доходами.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ 4-го марта новый президентъ вступилъ въ правленіе. Это торжество происходило при большомъ стеченіи народа и въ присутствіи множества иностранцевъ, нарочно для этого съѣхавшихся въ Вашингтонъ. Городъ съ самаго утра былъ чрезвычайно оживленъ. Церемонія состояла въ произнесеніи рѣчи (называемой посланіемъ) новымъ президентомъ и въ его присягѣ. Она происходила, по обыкновенію, въ сенатѣ, въ присутствіи верховнаго суда Соединенныхъ Штатовъ, дипломатическаго корпуса и всѣхъ правительственныхъ лицъ республики. За тѣмъ сенатъ утвердилъ новое министерство, составленное президентомъ.

Извѣстно, что избраніе г. Буханана возбудило сильное вниманіе какъ во Новомъ свѣтѣ, такъ и въ Европѣ. Г. Бухананъ былъ до сихъ поръ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ демократической партіи. Отъ него ожидали поэтому энергическаго образа дѣйствій въ вопросахъ и внѣшней, и внутренней политики. Эти ожиданія далеко не были оправданы его посланіемъ. Англійскіе журналы объясняютъ неожиданную переиѣну личнымъ положеніемъ новаго президента. Г. Бухананъ, говорятъ они, шелъ до сихъ поръ обыкновенною дорогою государственныхъ людей въ Америкѣ. Добываясь президентства, онъ игралъ роль двигателя, народнаго трибуна; достигнувъ этого званія, онъ хотѣлъ сообразовать свои политическія начала съ своимъ положеніемъ. Но въ то же время онъ не могъ совершенно отречься отъ своего прошедшаго. Отсюда безцвѣтная умѣренность и общность выраженій его посланія. Едва ли не справедливѣе еще объяснять характеръ посланія тѣмъ дѣйствительно труднымъ положеніемъ, въ которомъ находится правительство, имѣя дѣло съ партіями, исключительно преобладающими въ извѣстныхъ штатахъ.

Въ самомъ существенномъ, жизненномъ вопросѣ для Америки, въ

вопросъ о невольничествѣ, г. Бухананъ не высказываетъ никакого новаго взгляда и только продолжаетъ преданія своей партіи. Положеніе въ этомъ дѣлѣ союзнаго правительства особенно затруднительно. Вопросъ о невольничествѣ едва не повелъ въ недавнее время къ расторгенію союза. Таково условіе договорнаго государства, что общіе интересы должны по временамъ уступать частнымъ. Г. Бухананъ вспоминаетъ въ своемъ посланіи, что нашлись даже люди, которые высчитывали съ математическою точностію выгоды и невыгоды расторгенія. Вообще, все вниманіе новаго президента исключительно поглощено федеративными отношеніями штатовъ, примиреніемъ сѣвера съ югомъ. Опасаясь раздора географическихъ партій и, очевидно, подъ влияніемъ недавнихъ происшествій, г. Бухананъ заботливо обходитъ всякой вопросъ, который могъ бы подать мысль о посягательствѣ союзнаго правительства на самостоятельность отдѣльныхъ штатовъ, а потому о многихъ предметахъ управленія выражается съ нѣкоторою робостію. Съ такою же заботливостію устраняетъ онъ отъ своего кабинета всякое подозрѣніе въ воинственной политикѣ. Съ гордостію говоритъ онъ, что Сѣверная Америка до сихъ поръ ничего не приобрѣтала путемъ насилія (?). Всѣ ея приобретенія были сдѣланы или посредствомъ купли, или чрезъ добровольное присоединеніе территорий. Какъ ни справедливо это направленіе, нельзя однако не замѣтить, что г. Бухананъ не высказываетъ своего взгляда ни на одинъ изъ частныхъ политическихъ вопросовъ. Такъ напримѣръ онъ не коснулся ни вопроса о присоединеніи Кубы, ни Далласъ-Кларендонскаго трактата, ни трактата съ Мексикой. Въ этомъ отношеніи посланіе тоже не отвѣчаетъ тому, чего отъ него ожидали. Въ началѣ своего посланія, г. Бухананъ высказываетъ свое намѣреніе не искать во второй разъ президентства. Это намѣреніе тѣмъ легче можетъ быть исполнено, что ко времени истеченія срока его управленія, ему будетъ уже 70 лѣтъ, а въ эти года граждане теряютъ въ Америкѣ право на занятіе общественныхъ должностей.

Гораздо любопытнѣе политическихъ началъ президента тѣ свѣдѣнія, которыя мы находимъ въ посланіи, о внутреннемъ положеніи Америки. Здѣсь нельзя не замѣтить прежде всего, какъ въ бурную эпоху президентскихъ выборовъ, среди самыхъ сильныхъ волненій, выразилось то чувство законности, завѣщанное Новому свѣту Англіей, которое есть лучший сторожъ общественнаго порядка. Несмотря на ожесточеніе партій, несмотря на борьбу двухъ великихъ географическихъ раздѣленій союза, всѣ волненія прекратились въ минуту окончанія выборовъ, всѣ безусловно покорились рѣшенію большинства. Это было, говоритъ президентъ, поразительнымъ примѣромъ способности человѣка управлять самимъ собою. Другое замѣчательное явленіе состоитъ въ удивительномъ положеніи финансовъ.

Извѣстно, что союзное правительство давно уже не знаетъ, куда дѣваться отъ денегъ. Еще послѣднія засѣданія конгресса были принуждены прибѣгнуть къ пониженію тарифа, но эта мѣра оказывается не дѣйствительною. Новый президентъ сильно жалуется на превышеніе доходами расходовъ, этотъ безпримѣрный фактъ въ государственныхъ бюджетахъ. Большой излишекъ, получаемый правительствомъ, сильно его беспокоитъ. Онъ усиливаетъ частную предпримчивость, сообщая ей опасные размѣры, производитъ цѣлую породу людей, спекулирующихъ на общественную собственность и стремящихся привлечь государственныя деньги въ свои руки; наконецъ, бросаетъ тѣнь подозрѣнія на агентовъ правительства и тѣмъ подрываетъ уваженіе къ нему общественнаго мнѣнія. Вотъ заботы, которыя тревожатъ г. Буханана. Чтобы предупредить зло чрезмѣрнаго и непродуманнаго скопленія капиталовъ въ рукахъ правительства, г. Бухананъ предлагаетъ новое уменьшеніе налоговъ и различныя общественныя предпріятія, какъ-то: увеличеніе флота для бѣльшаго обезпеченія морской торговли, и проведеніе военной дороги къ Тихому океану. По поводу финансоваго вопроса, г. Бухананъ высказываетъ здравыя государственныя начала. Онъ говоритъ, на примѣръ, что доходы правительства ни въ какомъ случаѣ не должны превышать издержекъ управленія.

Новѣйшія Извѣстія.

Въ Journal de Francfort, извѣстномъ органѣ австрійской политики, обнародована вторая нота графа Боуля на имя австрійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Туринѣ, графа Пара. Этотъ документъ вполне убѣждаетъ въ томъ, что не пренія объ укрѣпленіи Александрии, а отвѣтная нота графа Кавура отъ 20-го февраля побудила вѣнскій кабинетъ отозвать своего представителя изъ Турина. Отвѣчая графу Кавуру, графъ Боуль замѣчаетъ, что система преслѣдованія журналовъ судебнымъ порядкомъ, предлагаемая туринскимъ кабинетомъ иностраннымъ правительствамъ, можетъ быть удовлетворительна развѣ только для случайныхъ злоупотребленій; «но мы не думаемъ, сказано въ нотѣ, чтобъ пассивность мѣстнаго правительства могла быть оправдываема, когда уклоненія журналистики представляются, какъ въ данномъ случаѣ, въ видѣ установленной системы, соединенной съ явными нарушеніями трактатовъ». «Къ тому же, продолжаетъ графъ Боуль, если мы хорошо поняли смыслъ отвѣтной ноты графа Кавура, послѣдній, повидимому, полагаетъ, что

наши жалобы касаются только журналовъ, тогда какъ мы въ то же время жаловались на одобреніе, какъ безмолвное, такъ и явное, почерпаемое журналами изъ самаго образа дѣйствій піемонтскаго правительства». По мнѣнію графа Буоля, послѣднее должно вмѣшаться въ дѣла журналистики и запретить неблагопріятные отзывы объ австрійской политикѣ. Графъ Буоль жалуется далѣе изъ самаго графа Кавура, принявшаго почетную медаль отъ жителей Модены въ память услугъ, оказанныхъ имъ Италіи на парижскомъ конгрессѣ. Эта жалоба на обстоятельство давно прошедшее возбудила нѣкоторое удивленіе. Извѣстно, что населеніе Италіи съ радостію приняло общанія конгресса и въ знакъ признательности къ Сардиніи рѣшилось поднести почетныя медали графу Кавуру. Повсюду открылись подписки: въ Римѣ, Неаполѣ, Флоренціи, Моденѣ, Реджіо, Пармѣ; онѣ, сколько извѣстно, не встрѣтили противодѣйствія со стороны правительствъ, и еще въ прошломъ іюнѣ римское дворянство прислало свой даръ въ Туринъ, съ надписью: «За защиту угнетеннаго населенія Италіи на парижскомъ конгрессѣ, признательный Римъ». Моденцы опоздали, и медаль ихъ была поднесена графу Кавуру не ранѣе прошлаго февраля. Дѣло это, очевидно, старое; въ началѣ оно даже не помѣшало снятію секвестра съ имущества Ломбардцевъ, перешедшихъ въ сардинское подданство. Но всего замѣчательнѣе конецъ новой австрійской ноты, который мы приведемъ здѣсь въполнѣ:

«Пока нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Сардиніи не подвергнется измѣненіямъ, до тѣхъ поръ несогласно съ достоинствомъ императора имѣть въ Туринѣ дипломатическаго агента, которому приходится быть ежедневнымъ свидѣтелемъ демонстрацій, производимыхъ съ болѣе или менѣе прямою цѣлью нарушить трактаты и возбудить новыя затрудненія. Поэтому предписываю вамъ, графъ, выѣхать изъ Турина и лично дать намъ отчетъ въ послѣдующихъ объясненіяхъ, какія будутъ представлены г. президентомъ совѣта (гр. Кавуромъ). Предупреждая графа Кавура о вашемъ выѣздѣ, вы можете выразить ему наше сожалѣніе о томъ, что мы принуждены обратиться къ этой мѣрѣ, которая прискорбна намъ и которой мы всегда надѣялись избѣгнуть. Вы скажете ему, что мы отъ души желаемъ скорѣйшаго наступленія того времени, когда болѣе приличный порядокъ вещей позволитъ представителю Австріи возвратиться въ Туринъ; вы присоедините также, что мы, съ своей стороны, не находимъ никакого препятствія къ пребыванію въ Вѣнѣ маркиза Кантоно, который не подверженъ у насъ тѣмъ же непріятностямъ, и благородству котораго мы отдаемъ полную справедливость. Онъ можетъ быть увѣренъ, что будетъ окруженъ всѣмъ почетомъ, каковаго требуетъ его званіе. Впрочемъ, желая, чтобы принятая нами мѣра не нанесла ущерба взаимнымъ интересамъ обоихъ государствъ, мы принимаемъ въ настоящую минуту необходимыя мѣры на границѣ, чтобы ваше отсутствіе не обратилось во вредъ мирнымъ подданнымъ обоихъ го-

сударствъ, и чтобы частныя сношенія не потерпѣли отъ временнаго прекращенія нашей дипломатической дѣятельности въ Туринѣ. Мы увѣрены, что послѣ вашего отъѣзда подданные императора, проживающіе въ Пьемонтѣ, будутъ по прежнему пользоваться покровительствомъ законовъ. На случай, еслибы имъ понадобилось наше дипломатическое посредничество относительно сардинскихъ начальствъ, берлинскій дворъ согласился, по нашей просьбѣ, дозволить своему представителю въ Туринѣ принять на себя это посредничество.»

Эта нота только подтверждаетъ мнѣніе, сообщенное нами въ текстѣ Обзорнія, о характерѣ требованій, предъявляемыхъ Австріею. Последняя очевидно желаетъ измѣненія существующихъ въ Пьемонтѣ законовъ о тисненіи, и отказывается имѣть представителя въ Туринѣ, пока не послѣдуютъ эти измѣненія.

С М Ъ С Ъ

ВЫСТАВКА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Изобилуетъ ли нынѣшняя академическая выставка художественными произведеніями и какими отличительными чертами характеризуются эти произведенія? Какъ подѣйствуетъ на васъ эта масса произведеній: артистическаго творчества, напряженнаго воображенія, наблюденій, изученій, или простаго копированія природы, а подчасъ и одного усидчиваго труда? масса, обозначенная количествомъ 285 нумеровъ въ печатномъ указателѣ художественныхъ произведеній выставки, и сверхъ того дополненная многими произведеніями, не вошедшими въ указатель? Притупятъ ли вашу память эти произведенія многочисленностію безхарактерныхъ посредственностей, или сосредоточится вниманіе ваше на нѣкоторыхъ произведеніяхъ избранныхъ? Такіе и тому подобные вопросы дѣлаютъ вамъ и дѣлаете вы сами при входѣ на выставку.

Начнемъ со скульптурныхъ работъ, помѣщенныхъ въ круглой залѣ. Число ихъ весьма ограничено.

Въ понятіяхъ нашего общества скульптура есть искусство какъ бы не совсѣмъ принадлежащее новѣйшему времени: міръ античный,

языческій, міръ боговъ и героевъ мифическихъ, былъ нѣкогда истинною ея сферою. Идеи и представленія этого міра, довольно чуждыя понятіямъ и еще менѣе возбуждающія сочувствіе современнаго общества, составляли и теперь составляютъ едва ли не главнѣйшіе мотивы скульптурныхъ композицій. Правда, есть еще роды скульптуры, болѣе намъ свойственные, какъ напримѣръ скульптура христіанская, родившаяся въ средніе вѣка, получившая развитіе свое въ церквахъ римскаго католичества, возведенная на степень свободнаго художественнаго творчества въ цвѣтущій вѣкъ возрожденія искусства. И въ наше время скульптура эта находитъ себѣ примѣненіе, хотя не столь обширное какъ при своемъ появленіи въ вѣкъ готтики, потомъ въ вѣкъ такъ называемаго *барроко*. У насъ въ Россіи развитіе христіанской скульптуры не можетъ быть значительно уже потому, что церковь православная не охотно допускаетъ скульптурныя произведенія во внутренности своихъ храмовъ. Есть еще родъ скульптуры, принадлежащій по преимуществу нашему времени, хотя онъ былъ не чуждъ и древнимъ Римлянамъ (1): это изображеніе предметовъ и событій изъ міра дѣйствительнаго, собственно—натуральная школа въ скульптурѣ, ежели можно такъ выразиться. Но всегда ли эта дѣйствительность представляетъ преимущества скульптору передъ живописцемъ? Наконецъ скульптура монументальная, изображающая историческія лица и событія въ современныхъ имъ костюмахъ, почти выступаетъ за предѣлы своихъ средствъ, принимая это въ строго-эстетическомъ значеніи. Каково ладить скульптору съ костюмами при изображеніи современныхъ событій?

Вотъ чѣмъ можно себѣ объяснить нѣкоторую холодность общества къ скульптурѣ и наконецъ самое ограниченное число ея производителей.

Произведенія трехъ первыхъ исчисленныхъ нами родовъ находимъ мы на академической выставкѣ. Пять рельефовъ на тему изъ *Иліады* Гомера: *Ахиллесъ, влекущій тѣло Гектора*, исполнены учениками профессора Пименова, гг. Лаврецимъ, Румянцевымъ и Каменскимъ; ученикомъ профессора барона Клодта, г. Матушевскимъ и художникомъ Іенсенемъ, получившимъ за этотъ трудъ званіе академика. Сочиненіе каждаго изъ этихъ рельефовъ болѣе или менѣе напоминаетъ очеркъ Флаксмана. Изъ первыхъ четырехъ счастливейшею по исполненію мы готовы были бы признать работу г. Румянцева, еслибы относительные размѣры фигуры Ахиллеса къ колесницѣ и лошадамъ и самая его поза насъ нѣсколько не смущали. Въ рельефѣ г. Лаврецаго, удостоеннаго также первой серебряной медали, лошади замѣчательно неуклюжи, чего ни какъ нельзя сказать про ло-

(1) См. «Прописки» т. V, стр. 264, статья орд. акад. Стефани.

шадей въ рельефѣ г. Матушевскаго, при всей невыгодности вытянутого ихъ положенія. Въ рельефѣ этомъ не лишено достоинствъ и все остальное. Рельефъ художника Йенсена, признаннаго академикомъ, представляетъ уже болѣе артистическаго умѣнья, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вполне удовлетворительную оконченность въ исполненіи. Дозволимъ однако себѣ замѣтить, что эта мягкость и нѣжность формъ, столь пріятная въ женскихъ фигурахъ, составляетъ иногда недостатокъ мужскихъ фигуръ, въ особенности тамъ, гдѣ играетъ роль сила физическая: для примѣра укажемъ на кулачныхъ бойцовъ Кановы. Къ сожалѣнію, это замѣчаніе должны мы сдѣлать и о фигурѣ самаго Ахиллеса.

Рельефъ г. фонъ-Бока, ученика барона Клодта, удостоеннаго первой золотой медали, есть работа замѣчательная по своему сочиненію. Это распятіе Спасителя. У креста страждущаго Богочеловѣка, распятаго между двумя разбойниками, стоитъ, съ поникшею головою, любимый ученикъ его; ближе на первомъ планѣ, лишающаяся чувствъ Богоматерь, окруженная женами мученицами, — группа, исполненная всего удачнѣе; надъво негодующіе архіереи іудейскіе, обращающіеся къ распятому Христу со словами: «инья спасе, себе ли не можетъ спасти; аще сынъ еси Божій, сниди со креста»; далѣе воины, мечущіе жребій объ одеждѣ Иисусовой; направо одинъ изъ воиновъ, втыкающій губку на трость, а впереди его сотникъ Лонгинъ, въ минуту, предшествовавшую той, когда вѣра его выразилась словами: «во истину сынъ Божій бѣ сей»; кромѣ выраженія лица, въ которомъ вполне высказывается переходъ недоразумѣвающаго отъ безвѣрія къ вѣрѣ, исполненіе этой фигуры удовлетворяетъ менѣе всего остальнаго и вообще довольно жестко. Направо еще нѣсколько фигуръ народной толпы, помѣщенныхъ болѣе какъ произвольный аксессуаръ выходящій изъ предѣла Евангельскаго сказанія; между прочимъ виденъ отрокъ, обращающійся съ вопросомъ къ сидящему старцу. Таково сочиненіе рельефа, которое равно какъ и положеніе всѣхъ фигуръ, за исключеніемъ неудачныхъ ракурсовъ у распятыхъ разбойниковъ, можно назвать весьма счастливымъ. Не таковымъ представляется, къ сожалѣнію, выполненіе: кромѣ недостатка оконченности, которая должна быть непремѣннымъ условіемъ произведеній этого рода, въ самой лѣпкѣ чувствуется отсутствіе мягкости при исполненіи человѣческаго тѣла — крайность совершенно противоположная той, о которой мы только что упомянули при разсмотрѣніи работы г. Йенсена.

На сколько круглая фигура для скульптора труднѣе рельефовъ — это выказывается само собою при разсмотрѣніи четырехъ выставленныхъ произведеній. Фигура г. Жеребцова: *Дьвучика, выходящая изъ купальни*, не заслуживаетъ критики, какъ по исполненію, такъ и потому, что г. Жеребцовъ простой дилеттантъ въ искусствѣ, а чего

не дѣлаютъ люди для своей забавы, ежели они имѣютъ возможность и средства забавляться? *Молчи́йся Аме́ль* академика Бѣльева удивляетъ своею посредственностію, ежели припомнимъ долговременныя упражненія г. Бѣльева, въ мастерской покойнаго И. П. Витали, гдѣ черезъ его руки прошли поочередно всѣ прекрасныя изваянія, которыми такъ изобильно украшенъ Исакиевскій соборъ. Группа художника Михайлова: *Икаръ и Дедалъ* довольно удовлетворительна: въ ней видно изученіе природы довольно строгое, въ особенности въ фигурѣ сидящаго Дедала, но искусство дѣло не легкое, особенно когда оно достается болѣе трудомъ, нежели истиннымъ талантомъ. Какъ часто бываетъ, что отсутствіе недостатковъ такъ—сказать содѣлывается отсутствіемъ отличительныхъ достоинствъ, и наоборотъ, чѣмъ замѣтнѣе выступаютъ послѣднія, тѣмъ рѣзче становятся первые! Небольшая фигура г. Севрюгина, ученика академика Рамазанова, навивна по своей идѣ: мальчикъ, держащій на колѣняхъ тарелку съ ягодами, задремалъ; на приманку прилетѣли двѣ птички, и одна уже клюетъ у него ягоды. Отъ г. Севрюгина, который еще ученикъ, нельзя многого требовать въ настоящемъ произведеніи; жаль, что въ фигурѣ мальчика, хотя и видна натура, но натура не изящная. Переходъ нашъ отъ скульптуры къ произведеніямъ другихъ искусствъ былъ бы почти можно сказать безотраденъ, ежелибъ иностранный художникъ г. Лазарини прекрасно исполненною мраморною копіею не далъ намъ возможности наслаждаться очаровательнымъ произведеніемъ знаменитаго берлинскаго скульптора Рауха: *Сидящую Славю*.

Часть круглаго зала и первая античная галлерей, заняты архитектурными проектами на заданныя академіею программы. Въ числѣ ихъ находятся пятнадцать проектовъ дома губернскаго дворянскаго собранія, одинъ проектъ почтамта въ столицѣ, и семь проектовъ театра съ театральнымъ училищемъ. Мы позволимъ себѣ по поводу этихъ проектовъ сказать два слова объ отношеніи архитектуры къ обществу, на служеніе и пользу которому она обречена.

Ежели живописныя произведенія возбуждаютъ всеобщій интересъ и участіе, къ архитектурнымъ программамъ нельзя не замѣтить холодности и равнодушія. Какъ—то не охотно этому вѣришь, тѣмъ болѣе, когда въ обществѣ безпрестанно встрѣчаешь людей, принимающихъ за циркуль и линейку, почти безъ всякихъ предварительныхъ познаній, исключительно по той причинѣ, что между специалистами этого искусства они рѣдко встрѣчаютъ сочувствіе, для осуществленія своихъ требованій.

Несомнѣнно, что архитектура болѣе, нежели другое искусство, подчиняется вкусамъ и требованіямъ времени. Достаточно указать на направленіе архитектурное въ XV и даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія: оно было одинаково съ направленіемъ другихъ искусствъ, поэзій и вообще всей литературы. Припомнимъ, что даже почти въ наше

время, когда Шинкель воздвигалъ въ Берлинѣ свои греческіе портики, на сценѣ давали трагедіи Софокла и даже устраивали для того театръ по образцу древне-греческаго; что изученіе классической древности вообще стало теперь живѣе, не считаю нужнымъ говорить. Направленіе къ восточному, собственно византійскому стилю отозвалось одновременно и у насъ въ Россіи и во всей западной Европѣ. Даже въ частностяхъ архитектурныхъ нельзя не замѣтить измѣненій вкуса времени, весьма разительныхъ, какъ на примѣръ переходъ отъ совершеннаго изгнанія красокъ изъ архитектуры къ самой полной полихроміи. Подобныя переходы соотвѣтствуютъ отчасти научнымъ открытіямъ: такъ разрѣшеніе вопроса о раскраскѣ древне-греческихъ зданій много содѣйствовало къ водворенію полихроміи въ современной архитектурѣ. Новѣйшія изслѣдованія доказали, что внутренность средне-вѣковыхъ церквей подвергалась окраскѣ, и мы видимъ, какъ опыты полихроміи безпрестанно повторяются надъ средне-вѣковыми и надъ новыми памятниками того же стиля. Но, утверждая зависимость архитектуры отъ господствующаго вкуса и понятій времени, не можемъ не высказать и втораго нашего положенія: чѣмъ болѣе архитектура будетъ предоставлена самой себѣ, тѣмъ болѣе она будетъ освобождена отъ вліянія такъ-называемой школы или лицъ, искусству чуждыхъ и стремящихся подчинить его своему направленію.

Однообразіе архитектурныхъ проектовъ нынѣшней выставки невольно привело насъ къ потребности высказать предыдущія мысли. Мало сказать, что всѣ безъ исключенія проекты во вкусѣ итальянской архитектуры: должно прибавить еще, что болѣшая часть изъ нихъ во вкусѣ архитектуры собственно Палладія, и эта отличительная особенность подражаній одному изъ ряда итальянскихъ архитекторовъ времени возрожденія искусствъ, доходитъ до того, что одни и тѣ же палладіевскія окна, состоящіе изъ архивольта, опирающагося на антаблементъ, который поддерживается или полуколонками, или стоящими свободно отъ стѣны колонками, что эти окна повторяются въ семи проектахъ зданія дворянскаго собранія, изъ числа одиннадцати, за которые дано званіе академиковъ, и во всѣхъ пяти проектахъ театра безъ исключенія.

Но, оставя въ покоѣ частности, обратимся къ болѣе общему. Одно изъ первыхъ условій красоты въ архитектурѣ составляетъ общая форма зданія. Въ выставленныхъ проектахъ дома собранія общая форма удалась довольно многимъ; для примѣра укажемъ на проекты гг. Гаккеля, Феррацини, Геккера, Кюи и Мюллера. Проекты театра были въ этомъ отношеніи менѣе счастливы, за исключеніемъ проекта г. Рахау, который во всѣхъ отношеніяхъ слѣдуетъ признать лучшимъ на выставкѣ, и частію проектовъ гг. Макарова и Кенеля. Ничто не даетъ такого понятія объ общей формѣ зданія, какъ перспективный его рисунокъ; по мнѣнію нашему, перспективный рисунокъ долженъ быть

неизбѣжною принадлежностію каждаго проекта. Къ сожалѣнію, мы находимъ одинъ перспективный рисунокъ дома собранія, именно при проектѣ Гана, и два перспективныхъ вида театра, при проектахъ гг. Кольмана и Болотова. Входить въ подробности достоинствъ и недостатковъ каждаго было бы слишкомъ утомительно, и потому ограничимся общими замѣчаніями. Одно изъ отличительныхъ достоинствъ названныхъ нами проектовъ есть тщательная обработка плана зданія, при которой принята была въ строгой расчетъ общая форма фасада. Въ отношеніи внутренности зданій должно замѣтить, что онѣ вообще менѣе удачны, хотя по счастливому расположенію плановъ и размѣрамъ фасадовъ были для нихъ всѣ желаемыя данныя. Объяснить это весьма легко. Всѣ знаютъ, какъ принято представлять разрѣзы зданій. Дѣлаемые въ одномъ очеркѣ, иногда слегка прокладываемые не красками, а правильнѣе сказать, одною идеею краски, безо всякаго опредѣленнаго обозначенія выступающихъ и удаляющихся частей тѣнями, они весьма мало удостоиваются вниманія художника, которое бываетъ обращено преимущественно на фасадъ, какъ на ту сторону проекта, которая наиболѣе бросается въ глаза. При этомъ должно замѣтить, что отдѣлка внутренности есть искусство, не столько достающееся изученіемъ, сколько личнымъ вкусомъ художника. Излишняя архитектурная обдѣлка, такъ скрашивающая рисунокъ, не всегда бываетъ хороша въ дѣйствительности, въ особенности при умѣренныхъ размѣрахъ комнатъ. Во внутренней обдѣлкѣ, болѣе чѣмъ въ чемъ другомъ, проявляется то, чего нельзя въ архитектурѣ достигнуть изученіемъ: — это дѣло вкуса и личнаго дарованія. Есть еще одно условіе красоты въ архитектурѣ, почти никогда недостигаемое современными художниками; можетъ-быть, поэтому объ немъ мало и заботятся, какъ объ неуловимомъ условіи прекраснаго: это — сообщить зданію характеръ, типичность, физиономію, такъ-сказать. Недостатокъ этотъ происходитъ отъ того, что мы, не чувствуя красоты массъ въ архитектурѣ, заботимся исключительно, какъ бы облегчить эти массы различными подраздѣленіями, а эти подраздѣленія всегда почти доводимъ до излишества, не принимая въ расчетъ, на сколько они отнимаютъ характерности у цѣлаго.

Дѣлая отъ архитектуры послѣдовательный переходъ къ произведеніямъ живописи, должно, безъ сомнѣнія, начать съ перспективъ внутреннихъ, какъ изображеній чисто-архитектурныхъ. И въ этомъ случаѣ просмотримъ прежде акварели, какъ способъ живописи, ближайшій къ архитектурѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе совершенный, чѣмъ масляная живопись. Число акварелей на выставкѣ весьма ограничено; мы не затруднимся перечислить ихъ всѣ. Три акварельныя перспективы академика Премацци представляютъ мюнцъ-кабинетъ и залу новѣйшей скульптуры въ Императорскомъ Эрмитажѣ и внут-

ренность столовой дома княгини Салтыковой на Каменномъ Островѣ. Лучшія изъ этихъ перспективъ — это эрмитажныя залы, въ особенности зала новѣйшей скульптуры, гдѣ полировка стѣнъ искусственнаго зеленого мрамора передана весьма удачно, а изображенія скульптурныхъ произведеній отличаются весьма твердымъ рисункомъ. Единственное замѣчаніе, которое мы дозволяемъ себѣ сдѣлать, относится больше къ самому способу работы, въ которомъ мы бы желали найти болѣе свободы въ прокладкѣ и по возможности менѣе штриховъ, которыми забраны нѣкоторыя мѣста въ тѣняхъ.

Акварель академика Гау, представляющая внутренность залы русской школы живописи, также не лишена достоинствъ. Изобразить ту стѣну, на которой рядомъ висятъ: «Послѣдній день Помпеи», «Мѣдный змій» и «Моленіе о чашѣ», задача не легкая, и потому не мудро, что въ перспективѣ г. Гау встрѣчается однотонность, не соответствующая картинамъ, на столько различнымъ по колориту, какъ эти двѣ картины Брюллова и Бруни.

Изъ перспективъ, исполненныхъ масляными красками, обращаетъ на себя исключительное вниманіе перспектива г. художника Тукукина, изображающая внутренность вновь отдѣланнаго павильона въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Г. Тукукинъ признанъ за эту работу академикомъ.

Свѣтъ, почти въ равной степени и обиліи разливающейся на всѣ части внутренности, есть, кажется, одно изъ самыхъ невыгодныхъ условій для перспективной картины; прибѣгать къ искусственнымъ эффектамъ освѣщенія, изображая мѣсто, существующее въ дѣйствительности, не всегда позволительно, особенно когда вы видите съ двухъ противоположныхъ сторонъ окна. Яркій солнечный лучъ, который лучше всякаго добраго совѣта могъ бы навести на мысль освѣщенія болѣе счастливаго, бываетъ почти неумовимъ подѣ петербургскимъ небомъ. Должно сознаться, что г. Тукукинъ вышелъ весьма удачно изъ затруднительнаго своего положенія. Мозаичный полъ и позолота архитектурныхъ орнаментовъ и украшеній не оставляютъ ничего болѣе желать.

Отъ перспективы внутренностей перейдемъ къ наружнымъ перспективамъ, которыя, изображая преимущественно городскія виды, составляютъ для послѣдовательности нашего описанія переходную ступень къ пейзажной живописи.

Изъ акварелей въ этомъ родѣ всего только двѣ. Видъ ратуши въ Гамбургѣ, академика Бонштета, проектированной имъ самимъ, обращаетъ на себя вниманіе не столько мастерствомъ работы, которая впрочемъ не безъ достоинствъ, сколько характерностію самаго проекта, получившаго призъ на конкурсѣ. Другой видъ въ этомъ родѣ, тоже академика Бонштета, представляетъ часть портика Казанскаго собора, и Невскій проспектъ.

Изъ городскихъ видовъ, сдѣланныхъ масляными красками, мы упомянемъ о римскомъ видѣ г. Иванова (Piazza del popolo). Точку зрѣнія для этого вида г. Ивановъ, нашъ римскій знакомецъ (1), выбралъ на одномъ изъ спусковъ очаровательно обдѣланной горы Пинчіо. На Пинчіо, какъ видно, въ этотъ день гулянье; г. Ивановъ, пейзажистъ и жанристъ вмѣстѣ, воспользовался разнообразіемъ пестрой толпы гуляющихъ. Площадь наполнена также народомъ. Римское солнце яркимъ цвѣтомъ окрасило стоящія на площади зданія и вершину обелиска. Для цѣнителей искусства, воспитавшихъ свой глазъ подъ суровымъ небомъ города, такъ рѣзко характеризованнаго стихомъ Пушкина:

Цвѣтъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ, и гранитъ, —

такое римское освѣщеніе колетъ глазъ, хотя оно поразительно-вѣрно. Можно сдѣлать одно только замѣчаніе: красноватый цвѣтъ, приданный солнечному освѣщенію, бываетъ и въ Римѣ только передъ захожденіемъ солнца и рано утромъ; между тѣмъ по тѣнямъ и ихъ направленію можно заключить, что солнце близко къ полудню; это подтверждаетъ и толпа гуляющихъ. Дальній планъ имѣетъ въ себѣ много правды и вполнѣ удовлетворителенъ по исполненію. Чтò наиболѣе вредитъ достоинству картины, это нѣкоторая пестрота перваго плана и неискусно сработанная зелень деревьевъ, находящихся у подошвы горы Пинчіо.

Переходимъ къ пейзажамъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, и начинаемъ также съ акварелей. Въ пейзажахъ этотъ родъ, къ сожалѣнію, еще бѣднѣе производителями, чѣмъ въ перспективахъ, а кто не согласится съ нами, что акварельный пейзажъ есть родъ живописи чрезвычайно пріятный, при тѣхъ совершенствахъ, которыхъ онъ достигъ собственно въ наше время? Четыре акварельные вида академика Бегрова мы признаемъ за лучшее преидти молчаніемъ; намъ остается говорить только о двухъ видахъ ученика исправляющаго должность профессора Воробьева — г. Рѣдковскаго, удостоеннаго второй золотой медали. Вообще вниманіе, которое обратили на себя эти двѣ акварели, заставляетъ подвергнуть ихъ болѣе отчетливому разбору. Механизмъ руки, приобрѣтенный г. Рѣдковскимъ въ работѣ деревьевъ и зелени, при чемъ обнаруживается и вѣрное пониманіе формы и рисунка деревьевъ, составляетъ, по мнѣнію нашему, едва ли не главное достоинство его работы. Способъ исполненія, усвоенный г. Рѣдковскимъ, хотя и вѣрно передаетъ планы, сохраняя притомъ свѣжесть, это необходимое условіе акварели, и даже сочность кисти, тѣмъ не менѣе однакожъ слишкомъ однообразенъ и навѣрное не можетъ быть примененъ ко всѣмъ случаямъ освѣщенія, встрѣчающимся въ природѣ. По весьма слабой подготовкѣ или под-

(1) - Русскій Вѣстникъ. 1856 г. № 10 и 14.

крышкѣ основнымъ колеромъ, всѣ деревья рисованы отдѣльными тычками весьма сочной кисти прямо въ надлежащій тонъ, съ самыми мелочными подраздѣленіями, какъ на ближнихъ, такъ и на дальнихъ планахъ. Вся зелень деревьевъ при этомъ однотонна; въ ней нѣтъ переливовъ, видимыхъ въ природѣ. Этотъ способъ исполненія возможенъ только при такомъ освѣщеніи, какое избралъ художникъ въ своихъ пейзажахъ; солнечный лучъ у него едва просвѣчиваетъ, а вся зелень въ тѣни и выходитъ почти силуэтомъ на свѣтломъ фонѣ. Спѣшимъ однако сказать, что г. Рѣдковскій все-таки дарованіе весьма замѣчательное, и еслибы онъ, при тѣхъ средствахъ, которыми уже обладаетъ въ рисункѣ деревьевъ, могъ усвоить себѣ истинную манеру для акварельныхъ пейзажей, которую, конечно, всѣ безспорно признаютъ въ работахъ Корроди, мы были бы готовы предсказать его таланту счастливую будущность.

На сколько бѣдна выставка пейзажами акварельными, на столько же изобильна пейзажами масляной живописи; число ихъ доходитъ до пятидесяти пяти картинъ.

Однимъ изъ самыхъ отрадныхъ явленій на нынѣшней выставкѣ представляются пейзажи пансіонера академіи Эрасси, ученика знаменитаго Калама. Присланные имъ на выставку пейзажи состоятъ въ семи швейцарскихъ видахъ. Работы г. Эрасси, въ настоящій періодъ развитія его таланта, такого свойства, что не совсѣмъ опытный глазъ можетъ не обратить на нихъ особаго вниманія. Мы сами имѣли случай наблюдать это равнодушіе публики, посѣщавшей выставку, и толпившейся въ то же время передъ незначительными портретами, въ которыхъ на выставкѣ нѣтъ недостатка. Но, всматриваясь въ нихъ внимательнѣе, съ каждымъ новымъ посѣщеніемъ выставки, вы наслаждаетесь ими болѣе и болѣе, тогда какъ съ перваго раза нѣкоторая рѣзкость пятенъ, происходящая вѣроятно отъ несовершенно еще усвоеннаго механизма выполненія, нѣсколько тревожитъ глазъ. Это увлекательное свойство картинъ мы готовы объяснить идеальнымъ развитіемъ въ художникѣ ощущеній прекраснаго въ изучаемой имъ природѣ: онъ видитъ и чувствуетъ болѣе, чѣмъ передаетъ кистью. И это вѣрный уже залогъ для будущаго. Одно изъ отличительныхъ достоинствъ пейзажей г. Эрасси составляетъ свѣтъ, разлитый въ картинѣ на столько, на сколько его находится въ природѣ; обыкновенные живописцы не въ состояніи бываютъ намъ передать его, не затемняя умышленно нѣкоторыхъ частей, чтобы выигрывали свѣтлыя точки, и приносятъ такимъ образомъ правду въ жертву эффектамъ. Съ этой стороны, въ дарованіи г. Эрасси мы находимъ нѣкоторое сходство съ извѣстнымъ мюнхенскимъ пейзажистомъ Ротманомъ, нынѣ уже умершимъ. Для картинъ Ротмана устроенъ въ новой мюнхенской пинакотекѣ отдѣльный залъ съ освѣщеніемъ особаго рода, помогающимъ сосредоточиваться на поверхности

ихъ дневному свѣту, такъ счастливо выраженному въ самыхъ пейзажахъ. По исполненію деревьевъ, г. Эрасси уже въ настоящее время стоитъ выше Ротмана.

Отъ пейзажей г. Эрасси мы должны перейти къ двумъ пейзажамъ г. Богомолова, удостоеннаго первой золотой медали. Одинъ представляетъ видъ въ окрестностяхъ Сердоболя, другой—на островѣ Коневцѣ. Вліяніе манеры Калама замѣтно въ сильнѣйшей степени; но въ этомъ мы не видимъ еще недостатка: не только самую природу, но и великихъ художниковъ, живописавшихъ ее, всякій можетъ понимать по своему, и они-то, ставя грядущее поколѣніе на ту ступень, которой сами достигли, подвигаютъ впередъ искусство. Первый изъ пейзажей г. Богомолова—съ деревьями, которыя гнетъ порывистый вѣтеръ,—при нѣкоторыхъ достоинствахъ въ освѣщеніи, не чуждъ эффектовъ не совсѣмъ правдивыхъ; зато второй изъ нихъ заключаетъ много прелести въ рисунокъ деревьевъ, сосенъ и елей; туманная влага удачно разлита между деревьями; это—предвѣстіе ясной погоды послѣ продолжительныхъ дождей: какое пріятное впечатлѣніе производитъ дымокъ отъ костра, въ этомъ воздухѣ, насыщенномъ парами!

Направленіе г. Резанова отчасти въ томъ же родѣ. Въ выставленныхъ имъ двухъ малороссійскихъ видахъ и одномъ, взятомъ также на островѣ Коневцѣ, видно много мягкости въ выполненіи, но въ краскахъ менѣе жизни и увѣренности.

Пейзажъ барона Кюдта I-го, *Видъ на островъ Валаамъ*, какъ этуюдъ съ натуры, вѣрно и удачно передавшій нѣсколько почти обнаженныхъ древесныхъ стволовъ на первомъ планѣ и камни поросшіе мохомъ, заключаетъ въ себѣ, кромя дальняго плана, много прекраснаго.

Мы могли бы указать на пейзажъ художника Каменева: *Видъ на островъ Голодаѣ* (въ С. Петербургѣ), написанный не безъ достоинствъ, но насъ смущаетъ плоская и болотистая мѣстность и неблагодарнѣйшее для пейзажиста дерево ветлы, которыми наполнена картина г. Каменева. Мы предпочтемъ перейти къ панорамѣ есскому виду Москвы съ Воробьевыхъ горъ работы художника Аммона. Это сюжетъ достойный кисти, сюжетъ увлекательный, которому нельзя не сочувствовать. Панорама Москвы съ Воробьевыхъ горъ равно дѣйствуетъ и на Москвича, и на просвѣщеннаго Европейца. Вѣдь говорятъ же Итальянцы; «Vede Napoli e poi mori», а намъ самимъ случилось слышать отъ извѣстнаго всему художественному міру баварскаго архитектора Кленце, что съ видомъ Москвы съ Воробьевыхъ горъ онъ можетъ сравнить только панораму Константинополя. Точка, выбранная г. Аммономъ, весьма удачна: у него есть первый планъ, и довольно пріятный. Ежели въ колоритѣ мало жизни, такъ не обвинить ли въ этомъ нашу сѣверную природу, которая никакъ уже

не выдержитъ сравненія съ римскимъ знойнымъ колоритомъ? а картина г. Аммона, какъ нарочно, поставлена надъ упомянутымъ выше римскимъ видомъ г. Иванова. Надо же было этому случиться! Разлучите эти картины, и каждая изъ нихъ выиграла бы, безъ сомнѣнія, въ своемъ колоритѣ.

Намъ слѣдовало бы еще говорить о трехъ пейзажахъ пенсіонера Давыдова, нынѣ уже умершаго; но мнѣніе наше о лучшемъ изъ этихъ пейзажей: *Видъ озера Неми*, было уже высказано въ письмѣ изъ Рима о мастерскихъ русскихъ художниковъ (1). Можемъ только замѣтить, что въ тотъ разъ мы видѣли ее при освѣщеніи выгоднѣйшемъ, нежели какъ она стоитъ теперь, а каждому изъ художниковъ извѣстно на сколько картины теряютъ и выгрываютъ отъ освѣщенія. Теперь пейзажъ г. Давыдова, написанный весь свѣтлыми тонами, стоитъ подъ массою свѣта у самага окна. Другіе два пейзажа изъ окрестностей Альбано.

Прежде чѣмъ перейти къ портретамъ нужно упомянуть о трудѣ московскаго художника, г. Васильева, большой картинѣ, изображающей цвѣты и плоды. Она исполнена съ замѣчательнымъ достоинствомъ, кромѣ зелени экзотическихъ растений, употребленныхъ тутъ въ видѣ обстановки.

Въ живописи портретной начнемъ, по нашему обычаю, тоже съ акварелей. Число ихъ не велико; первенство, и притомъ рѣшительное первенство, съ которымъ не выдерживаютъ никакого сравненія работы другихъ художниковъ, принадлежитъ г. Стрѣлковскому, получившему за свои работы званіе академика. Мы находимъ на выставкѣ четыре его этюда съ натуры и два портрета, и не знаемъ, которой изъ этихъ работъ отдать преимущество. Въ одной изъ нихъ видимъ этюдъ весьма красивой дѣвушки въ русскомъ костюмѣ, по ошибкѣ названномъ въ печатномъ «Указателѣ» *филандскимъ*; она гадаетъ на цвѣткѣ, обрывая его лепестки: «любитъ, не любитъ, любитъ». Рельефность и оконченность головки доведены въ этомъ этюдѣ до совершенства. Другой этюдъ представляетъ Мордовку, въ національномъ костюмѣ, во время уборки сѣна. Нельзя и тутъ не любоваться типичнымъ и вмѣстѣ свѣжимъ личикомъ, равно какъ и живописнымъ костюмомъ, который переданъ съ большимъ вкусомъ и ловкостію. Далѣе, этюдъ старухи и этюдъ старика. Послѣдній мы даже готовы принять за лучшее произведеніе художника, по чрезвычайно правдивому и вмѣстѣ эффектному освѣщенію. Посмотрите, какъ играетъ лучъ свѣта по этому лоснящемуся челу старца, какъ пріятно разлить этотъ свѣтъ по сѣдой серебристой бородѣ, какими пріятными и вѣрными тонами писана вся тѣневая сторона лица, слегка освѣщенная рефлексомъ. Остаются еще миниатюрный портретъ г-жи Ризаръ на

(1) См. № 10-й «Русскаго Вѣстника» за 1856 годъ.

кости (въ «Указателѣ» названной г-жею Ивановой) и портретъ самого художника. Послѣдній ставить нѣкоторые выше этюда старика. Видимая легкость манеры г. Стрѣльковского и очевидное превосходство ея передъ всякою другою заставляютъ смолкнуть критику. Ежели дальнѣйшее совершенствованіе для г. Стрѣльковского, какъ акварелиста, возможно, то, конечно, не въ предѣлахъ Россіи. Не можемъ не пожелать, чтобы художникъ скорѣе воспользовался путешествіемъ за границу, туда, гдѣ этотъ родъ живописи сдѣлалъ нынѣ громадныя успѣхи.

Изъ живописи пастельной, лучшіе портреты безспорно принадлежатъ почетному вольному общнику академіи, Робильяру; но въ нихъ видна какая-то натянутость въ выраженіи лицъ и неестественный колоритъ, болѣе свойственный набѣленнымъ и нарумяненнымъ «физиономіамъ» минувшаго столѣтія, чѣмъ нашему времени.—Переходимъ къ живописи масляной. Портреты масляные составляютъ на выставкѣ самый изобильный родъ живописи. Не считая нѣсколькихъ этюдовъ головокъ, однихъ портретовъ насчитывается около шестидесяти полныхъ и въ томъ числѣ одинъ во весь ростъ. Кажется, этого количества достаточно, а еще жалуются, что дагерротипъ и фотографія лишаютъ портретныхъ художниковъ работы! И какихъ тутъ нѣтъ портретовъ, даже до портрета собаки! Но не думайте, чтобы пересмотръ ихъ былъ интересенъ; нѣтъ, онъ утомляетъ до нельзя, а между тѣмъ толпа тѣснится вокругъ нихъ. На той же академической выставкѣ, въ прежніе годы, мы встрѣчали по этой части много хорошаго. Должны ли мы остановиться на которомъ-нибудь изъ портретовъ, нынѣ выставленныхъ? У академика Тютрюмова, въ исполненіи платья, мѣховъ и тому подобнаго, встрѣчается много хорошаго; но вглядываясь въ исполненіе лицъ, вы придете въ совершенное разочарованіе. Портретъ, написанный художникомъ Каверинимъ и поставленный довольно невыгодно, такъ что онъ заслоненъ другою картиною, конечно, остался бы лучшимъ и добросовѣстнѣйшимъ по своему исполненію сравнительно съ прочими, еслибы, около десяти дней спустя по открытіи выставки, этотъ отдѣлъ ея не пополнился портретомъ работы художника Горавскаго, имя котораго столь памятно для насъ по работамъ его, бывшимъ на академической выставкѣ 1853 года. Хотя портретъ этотъ нельзя отнести къ лучшимъ произведеніямъ г. Горавскаго, можетъ-быть, вслѣдствіе различныхъ особенностей, какія представляла художнику въ этомъ портретѣ самая натура, однако, увидавъ его работу, невольно отдыхаетъ взоръ, какъ будто стѣсненный дотошъ какимъ-то архаизмомъ искусства, а теперь выбравшійся на поле искусства свободнаго.

За портретами должны слѣдовать такъ называемые жанры (*tableaux de genre*). Этотъ родъ, къ которому наши художники, кажется, имѣ-

ють наиболѣе наклонности, хотя на выставкѣ и не многочисленъ, но представляетъ явленія весьма отрадные, какъ по композиціи, такъ и по исполненію. Изъ акварелей въ этомъ родѣ, двѣ иностраннаго художника Фишера: *Rimmler* и *Pifferari*, обѣ по широкой прекрасной манерѣ обращаютъ на себя заслуженное вниманіе публики.

Изъ работъ, выставленныхъ учениками академіи, есть весьма замѣчательныя. Такъ напримѣръ: *Демьянова Уха* г. Попова, ученика профессора Вилевальда, обратила на себя всеобщее вниманіе удивительнымъ мастерствомъ и оконченностію исполненія. Но композиція, къ сожалѣнію, не совсѣмъ удовлетворительна, впервыхъ потому, что юморъ басни Крылова не чувствуется въ этой картинѣ: сосѣдь Демьянъ, низкорослый мужичокъ, съ самою наввною и добродушною фязіономіей, а въ сосѣдѣ Фока виденъ рослый дѣтина въ синей чуйкѣ и красной рубахѣ, походящій болѣе на мѣщанина или купца, который сидитъ у раскрытаго окна и показываетъ, что угощеніе ему уже по горло. Несоблюденіе относительныхъ размѣровъ въ этихъ двухъ фигурахъ и столъ, за которымъ сидитъ Фока, много вредитъ достоинству картины. То, чего именно не достаетъ здѣсь, удачнѣе выражено г. Волковымъ, ученикомъ ректора Бруни; положеніе сосѣда Фоки прямо напоминаетъ стихи Крылова: сосѣдь еще за столомъ, но готовъ уже, —

Схвата въ охапку
Кушакъ и шапку,
Скорѣй безъ памяти домой.

Мы можемъ упомянуть о работахъ другихъ учениковъ профессора Вилевальда. У г. Грузинскаго въ *Масляницѣ въ деревнѣ*, снѣжный пейзажъ съ солнечнымъ освѣщеніемъ переданъ весьма счастливо, и фигуры весьма типичны. Въ картинѣ г. Риццони: *Жидовская корчма*, исполненіе фигуръ живо напоминаетъ миниатюристовъ нидерландской школы.

Изъ работъ художниковъ, составившихъ себѣ уже извѣстность, первенство по исполненію и мысли мы должны отдать картинѣ г. академика Бутковскаго: *Вдова въ мастерской художника*. Вы видите въ мастерской живописца время возрожденія искусствъ вдову, сидящую передъ портретомъ своего мужа, съ нѣскольکو наклоненною головою, съ фязіономіей, на которой въ одно время отразилось столько мысли и чувства: при взглядѣ на портретъ всѣ воспоминанія прошедшаго, кажется, воскресаютъ передъ нею; она, по видимому, не обращаетъ вниманія на малютку сына, который съ удивленіемъ увидалъ портретъ отца и указываетъ на него матери. Въ отдаленіи стоитъ художникъ, спокойный наблюдатель этой сцены, глубоко почувствованной исполнителемъ картины.

Отъ этой высокой степени жанра перейдемъ къ болѣе легкому, и здѣсь, какъ на особенно замѣчательное произведеніе по ловко-

сти кисти и прекрасной манерѣ, укажемъ на картину иностраннаго художника г. Тенкате, изображающую сцену изъ среднихъ вѣковъ: рекрутство, или правильнѣе, вербовку. Манера Тенкате заключается въ колоритѣ, состоящемъ изъ весьма бойкихъ, но пріятныхъ патентъ, приходящихъ въ общую гармонию, когда вы становитесь въ известномъ разстояніи отъ картины, причемъ фигуры получаютъ необыкновенный рельефъ, и пестрота исчезаетъ. Какъ произведеніе особенно замѣчательное своимъ исполненіемъ по той пріятной оконченности, до которой доведена живопись, замѣчательна *Итальянка* академिका Орлова, въ карнавальномъ костюмѣ, съ маскою въ рукѣ, готовящаяся отвѣчать съ балкона, на которомъ она находится, своимъ букетомъ на цвѣты, которые, какъ видно, были ей брошены. Объ этой картинѣ мы имѣли уже случай говорить однажды (1), и намъ пріятно было узнать, что произведеніе это получило себѣ достойную оцѣнку, которую мы ему какъ-будто и предсказывали: она приобрѣтена Государемъ Императоромъ. Другой нашъ художникъ, г. И. Соколовъ, выставилъ картину: *Цыгане въ Арменіи*, и за нее признанъ академикомъ. Картина эта представляетъ таборъ бродящихъ по горамъ цыганъ; они достигли балагана *духанщика*, торгующаго разнымъ съѣстнымъ продовольствіемъ, и вотъ вы видите, какъ они остановились съ тѣмъ, чтобы сдѣлать переваль, и ребятишки уже наступательно атакуютъ его лавку; испуганный торговецъ не знаетъ, какъ отдѣлаться отъ нежданныхъ гостей. Фигуры сгруппированы весьма удачно, а типы лицъ очевидно начерчены съ натуры. Все окружено живописнымъ пейзажемъ горъ Арменіи. Картина эта также приобрѣтена Государемъ Императоромъ.

Говоря о г. Соколовѣ, мы не можемъ умолчать еще о двухъ картинахъ, видѣнныхъ нами въ его мастерской. Одна изъ нихъ, представляющая ночную сцену малороссійскаго народнаго обычая, прыганія черезъ костры и завиванія вѣнковъ на праздникъ Купалы, къ сожалѣнію, не могла быть окончена къ выставкѣ. Картина эта есть произведеніе замѣчательное по прекрасному рисунку и живописной группировкѣ фигуръ, типы которыхъ представляются вѣрными снимками съ натуры. Другая небольшая картинка, недавно еще начатая, оставляетъ впечатлѣніе грустное. Вы видите слѣпца-нищаго, музыканта, съ бандурою въ рукѣ, путеводителемъ которому служить мальчикъ; они удаляются отъ жилья, и ночь, съ нависшею уже на небѣ тучею, скоро достигнетъ ихъ своимъ покровомъ. Вообще, въ композиціяхъ г. Соколова виденъ вкусъ и добросовѣстное обсужденіе предмета. Не менѣе замѣчательны въ своемъ родѣ картины, присланныя изъ-за границы академикомъ Реймерсомъ. Мы имѣли случай познакомиться съ Реймерсомъ въ Мюнхенѣ, въ концѣ 1854 года.

(1) См. «Русскій Вѣстникъ» 1856 года, № 14.

это было во время его перехода отъ скульптуры къ живописи, и вотъ, по прошествіи съ небольшимъ пяти лѣтъ, привелось намъ видѣть его произведенія, сюжеты которыхъ заимствованы имъ изъ мюнхенской жизни. Одна изъ картинъ, небольшого размѣра, представляетъ народную сцену въ предмѣстіи Мюнхена; разумеется, кружки съ пивомъ играютъ здѣсь первую роль; около нихъ являются и музыка для увеселенія, и картежная игра, и пріятная бесѣда. Другая изъ картинъ, изображающая придворную пивоварню (Hof-Brauerei), еще болѣе возбудила наше участіе. Здѣсь сцена еще разнообразнѣе; посреди наигрывающей музыки и дѣятельности пивоваровъ, которые возятъ и перекатываютъ бочки, происходятъ комическія сцены; вотъ напримѣръ жена находитъ упившагося мужа; споръ чуть-чуть не доходитъ до драки; нѣсколько самыхъ типичныхъ личностей пришли сюда, потому что пиво здѣсь продается дешевле полкрейцеромъ, и наконецъ мальчишки въ рубищѣ, тоже отвѣдавшіе универсальнаго напитка, и въ такой мѣрѣ, что уже таскаютъ за волосы одинъ другаго. Третья картина подъ названіемъ: *Лотерейный билетъ выигралъ*, отличается мѣткостью, съ которою схвачены и переданы выраженія неистовой радости выигравшихъ супруговъ, въ противоположность флегматическому равнодушію чиновника платежной кассы. Въ исполненіи картинъ г. Реймерса есть много своего рода достоинствъ, хотя замѣтно нѣкоторое однообразіе въ колоритѣ фигуръ, а иногда и небрежность въ деревьяхъ и пейзажѣ. Тѣмъ не менѣе общій типъ ихъ весьма пріятенъ. Примѣръ, подобный г. Реймерсу, представляетъ и г. Лавецари, тоже нашъ римскій знакомецъ; это — архитекторъ, сдѣлавшійся жанристомъ. Имъ присланы три небольшія картины изъ римской жизни, которыя также не безъ достоинствъ.

Есть еще разрядъ картинъ, который не всякій теоретикъ-эстетикъ будетъ знать куда отнести. Какъ бы вы думали, что за предметъ у этого разряда картинъ? — Ъзда на тройкахъ, подъ часъ пожалуй и ѣзда гусемъ, когда снѣжно и нѣтъ слѣда, — но преимущественно художники этого рода выѣзжаютъ на тройкахъ. Для этой живописи бываютъ даже профессора. Но не думайте, чтобы одна только живопись пустилась на троичную ѣзду, съ нею соперничествуетъ въ этомъ случаѣ и скульптура. Мы и забыли упомянуть о гипсовой тройкѣ г. Бровскаго, но едва ли г. Бровскій на своей тройкѣ догонитъ двѣ тройки г. профессора Сверчкова, въ его крестьянской свадьбѣ: у лошадей г. Сверчкова какъ-то легче выворачиваются копыта, они какъ-то болѣе напоминаютъ извѣстную пѣсню ящичка:

Не кнутомъ
Поведемъ и т. д.

Живопись батальная, слава Богу, не утомитъ насъ. Почти каждый изъ производителей представляетъ залогъ будущаго таланта.

Двѣ картины ученика профессора Вилевальда, г. Заурведа: *Штурмъ редута Шварца* и *Казачи, стаскивающие французскаго часового съ лунную ночь*, обращаютъ на себя вниманіе, какъ группировкою и типичностію фizioномій, такъ и достоинствомъ освѣщенія. Не менѣе замѣчательна и картина художника Шукаева: *Малаховъ курганъ*. Академикъ Коцебу взялъ предметы своихъ картинъ изъ исторіи Суворовскихъ походовъ. Одна картина представляетъ переходъ черезъ Чортовъ мостъ; вы видите ожесточенный рукопашный бой на самомъ тѣсномъ пространствѣ, надъ пропастью. Другая, представляющая сраженіе при Нови, привлекаетъ вниманіе фигурою безсмертнаго полководца, одѣтаго въ бѣлый полотняный камзолъ, на своемъ бѣломъ конѣ, съ однимъ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ, и совершенно спокойнымъ выраженіемъ лица. Третья картина представляетъ сраженіе въ Мутенской долині. Въ постановкѣ у г. Коцебу, можетъ быть нѣтъ тѣхъ сильныхъ, поражающихъ мотивовъ, какіе встрѣчаемъ мы у другихъ живописцевъ этого рода, за то въ кисти необыкновенная мягкость и пріятность; манера живописи на первомъ планѣ болѣе всего подходитъ подъ манеру Грѣза. Всмотриваясь въ типы лицъ русскаго солдата, можно впрочемъ замѣтить, что картины были писаны внѣ Россіи.

Наконецъ достигли мы предѣловъ исторической живописи, которою и окончится наше странствіе по выставкѣ. Еще во второй античной галлерей васъ озадачиваютъ шесть огромныхъ картинъ, написанныхъ на полученіе золотыхъ медалей, по заданной программѣ: *Саулу явлется тѣнь Самуила*. Разсмотримъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ разставлены.

Въ картинѣ г. Ге, ученика профессора Басина, фигура царя Саула, пораженнаго видѣніемъ и упавшаго вслѣдствіе того на землю, вышла, можно сказать, удовлетворительнѣе чѣмъ у прочихъ; за то тѣнь Самуила представляется какимъ-то колоссомъ, облеченнымъ въ бѣлый саванъ, и тѣмъ не выйднѣе, что этотъ саванъ драпируется на первомъ планѣ. Въ волшебницѣ видна цыганка въ позѣ нѣсколько театральной, принявшаяся, кажется, не за свое ремесло. Двѣ фигуры изъ свиты Саула ниже посредственности.

Въ картинѣ г. Васильева, ученика профессора Маркова, тѣнь Самуила удалась несравненно лучше, отчасти и фигура волшебницы; жаль только, что въ чертахъ послѣдней проглядываетъ старуха натурщица, какъ видно мало принимавшая участія въ дѣйствіи исторической картины. За то положеніе и вообще вся фигура Саула крѣпко неудачны.

Картина г. Солдаткина менѣе прочихъ выдерживаетъ критику, и потому мы не станемъ ее разбирать; за то въ картинѣ г. Келлера, ученика того же профессора Маркова, нельзя не видѣть много хорошаго, хотя онъ и не получилъ золотой медали. Сколько граціи въ позѣ

волшебницы и изыска въ ея драпировкѣ! Тѣнь, дѣйствительно, является чѣмъ-то безтѣлеснымъ, происходящимъ изъ міра видѣній. Положеніе Саула, поблѣднѣвшаго отъ страха, не совсѣмъ удалось: руки вытянуты по одной прямой линіи въ разныя стороны.

Въ картинѣ г. Годуна, въ лицѣ Саула виденъ какой-то актеръ, ставшій на одно колѣно, трясущій головою и ломающій сжатые руки съ видомъ раскаянія. За то фигура волшебницы одна изъ удачнѣйшихъ. Тѣнь является въ серебристомъ свѣтѣ, сопровождаемая хоромъ духовъ, играющихъ на арфахъ, что также вышло довольно счастливо.

Остальная программа на эту тему—г. Мартынова. Лицо царя Саула, съ длинною бородой, не лишено величія. При паденіи своемъ, онъ принимаетъ положеніе вытянутое, вслѣдствіе чего ярко-красная драпировка его занимаетъ весь передній планъ картины. Тѣнь съ наклонною головою, какъ бы боится показать свое лицо, принимая умышленное положеніе, чтобы пугать его. Лицо волшебницы также все закрыто непроницаемымъ длиннымъ покрываломъ, повязаннымъ на голову; у ней едва виденъ носъ и часть подбородка.

Живопись всѣхъ этихъ программъ весьма сильная, колоритъ драпировокъ безпокойный, за исключеніемъ картины г. Келлера, гдѣ болѣе согласія въ тонахъ. Гг. Ге, Васильевъ, Годунъ и Мартыновъ удостоены прѣвѣхъ золотыхъ медалей.

Изъ двухъ программъ на тему: *Анаксаторъ и Перикль*, лучшая г. Икова, ученика ректора Бруни, удостоенная второй золотой медалі. Въ положеніи фигуръ этой картины видно спокойствіе и отсутствіе претензіи на эффектъ, чему впрочемъ, причиною отчасти и сюжетъ картины.

Программа г. Томашевскаго, ученика ректора Бруни: *Плутонъ похищающій Прозерпину*, также имѣетъ свои достоинства. Ежели нападаютъ на рисунокъ и формы Прозерпины, походящей болѣе на красавицъ Рубенса, чѣмъ на античную богиню, за то и въ колоритѣ г. Томашевскій, какъ видно, изучалъ Рубенса серьезно; въ женскомъ тѣлѣ у него видна сквозность кожи и мягкость, что не многимъ дается. Въ лицѣ Плутона выражена кака-то неистовая страсть.

Мы осмотрѣли труды будущихъ пенсионеровъ академіи. Обратимъ теперь вниманіе на двѣ картины, присланныя изъ Рима пенсионерами настоящаго времени. Мы встрѣчаемъ уже описанную нами въ письмѣ изъ Рима (1) картину г. Венига: *Отъѣздъ Тогои*, которую мы нашли здѣсь болѣе оконченною, чѣмъ видѣли въ Римѣ. Не довѣряя своему прежнему о ней сужденію, мы старались прислушаться къ мнѣнію знатоковъ, и вотъ что они въ ней находятъ. Однообразіе и плоскость во всѣхъ драпировкахъ, такъ называемый пуризмъ, одинъ и тотъ же типъ лица въ четырехъ фигурахъ, не лишенныхъ впро-

(1) См. «Русскій Вѣстникъ», № 14-й: Мастерскія русскіихъ художниковъ.

чемъ милovidности, но выисканный контуръ въ этихъ лицахъ и отсутствіе всякой дѣлки съ натуры. Одному знатоку въ особенности понравилась фигура мальчика, держащаго верблюда. Но и въ достоинствѣ этой фигуры мы не могли дать себѣ яснаго отчета. Видно, что художникъ находится подъ исключительнымъ вліяніемъ Рафаэля, но приближается къ нему не съ надлежащей стороны.

Еслии предсказаніе наше относительно картины г. Венига оправдалось, то и предчувствіе относительно картины г. Бронникова: *Умирающій гладиаторъ*, насъ къ сожалѣнію не обмануло. Темой для картины г. Бронникова послужило стихотвореніе Байрона, гдѣ умирающій на аренѣ для потѣхи римской черни Синеъ видитъ передъ собою, въ предсмертныхъ страданіяхъ, родимый кровъ и семью. Поэта навело на эту мысль мнѣніе нѣкоторыхъ археологовъ, находившихъ въ извѣстной античной статуѣ изображеніе умирающаго Синеа. Г. Бронниковъ повелъ дѣло далѣе: онъ изобразилъ намъ въ видѣніи русской крестьянской бытъ, ни чѣмъ не различающейся отъ нашего времени, не исключая и избы. Это бы еще ничего; но что лишаетъ картину всякаго достоинства, это—отсутствіе благородства въ главной фигурѣ. Стараясь выразиться какъ можно умереннѣе, нельзя не видѣть въ ней простаго обнаженнаго натурщика, которому придана «физиономія русскаго солдата съ закинутою назадъ головою и закатившимися зрачками. Что г. Бронниковъ изучалъ извѣстный антикъ, это можетъ засвидѣтельствовать развѣ лишь веревка, надѣтая на шею гладиатора. Нельзя высказать, до какой степени неприятное впечатлѣніе производитъ картина.

Мы встрѣчаемъ имя еще одного изъ нашихъ римскихъ знаменцевъ, г. Ксенофонтова; имъ представлена копія съ картины Пальмы-Векіо: *Св. Великомученица Варвара*. Копія эта заслуживаетъ полное одобреніе; въ ней вѣрно переданъ характеръ оригинала, при томъ въ типахъ сохранена прозрачность, что рѣдко удается въ копіяхъ съ картинъ старинныхъ мастеровъ.

Кромѣ исчисленныхъ нами произведеній учениковъ и пенсіонеровъ академіи, по живописи исторической остается всего только четыре картины. Одна изъ нихъ: *Принятіе христіанской религіи великимъ княземъ Владиміромъ*, выставлена не художникомъ, а вѣроятно любителемъ и потому не можетъ подлежать разбору. Но двѣ картины доставили художникамъ степень академикова. Посмотримъ, что это такое. Картина г. Плъшкова изображаетъ іерея Сильвестра, являющагося къ Іоанну Грозному, послѣ пожара Москвы, съ укоромъ въ его грѣховной жизни; іерей приводитъ грознаго царя своими словами къ раскаянію. Вотъ тема, которую избралъ художникъ для своей картины. Въ положеніи, довольно спокойномъ, и съ лицомъ, почти ничего не выражающимъ, стоитъ высокая фигура іерея Сильвестра и показываетъ одною рукою Іоанну въ раскрытое окно, что

обозначает упоминаніе о недавно бывшемъ пожарѣ Москвы; Іоаннъ находится въ состояніи сматенія, но на лицѣ его выказывается игнѣвъ. Передъ окномъ стоитъ нагой съ крестомъ. Таковою ли представляется намъ личность Сильвестра изъ разказа Карамзина?

Въ картинѣ художника Церма какой-то краснолицый старикъ, передъ кучею золота, отворачивается отъ скелета, который смотритъ къ нему въ окно; все это написано плоско, однотонно, безъ всякой лѣпки и плановъ, и, какъ видно, даже безъ натуры. Нужно ли что еще прибавлять?

Итакъ мы передъ послѣднею историческою картиною, — передъ картиною Моллера. Гдѣ же промежуточныя ступени, которыя бы могли избавить насъ отъ такого страшнаго скачка? Ихъ нѣтъ. Но чтобы развить эта между произведеніями, принадлежащими къ одному роду живописи, была не такъ ощутительна для публики, ихъ раздѣляли пространствомъ всѣхъ залъ выставки.

Описывать предметъ картины г. Моллера мы почитаемъ излишнимъ, полагая, что содержаніе ея давно уже всѣмъ извѣстно изъ прекрасной статьи г. Стасова, собственно ей посвященной (1), а рисунокъ ея весьма отчетливо переданъ въ снятой съ нея г. художникомъ Біанки фотографіи. Можно говорить лишь о прекрасныхъ выраженіяхъ ея дѣйствующихъ лицъ, и о самомъ колоритѣ картины. Мы рады признаться, что картина г. Моллера, стоящая въ самомъ послѣднемъ залѣ, имѣла на насъ цѣлебное, врачующее дѣйствіе: какъ рѣка забвенія, она каждый разъ изглаживала всѣ непріятныя впечатлѣнія, выносимыя нами изъ прочихъ залъ выставки. Вглядитесь въ лица двухъ сестеръ, слушающихъ ученіе апостола, въ лицо дѣвы, протягивающей къ нему руки, наконецъ въ лица учениковъ его, и этого довольно, чтобы ощутить въ душѣ миръ и спокойствіе. Молодые художники, привыкшіе у насъ смотрѣть на живопись тѣми глазами, какъ бриллиантъ смотритъ на алмазъ, узнавая его достоинство по водѣ и игрѣ, сильно нападаютъ на общій колоритъ картины г. Моллера, критикуя въ частности и освѣщеніе драпировокъ и отдѣлку волосъ. Нападенія эти, хотя и имѣютъ нѣкоторое основаніе, однако требуютъ большой осмотрительности. Касательно общаго свѣтлаго колорита и цвѣта драпировокъ, нужно сказать въ объясненіе, что г. Моллеръ ставилъ модели для своей картины подъ открытымъ небомъ при полномъ дневномъ свѣтѣ. А каждый ли изъ гг. критиковъ наблюдалъ, какъ лица и драпировки освѣщаются на воздухѣ? Но этого мало: дѣйствіе происходитъ на островѣ Патмосѣ; а многіе ли изъ насъ имѣютъ хотя приблизительную идею объ островахъ Архипелага и о колоритѣ, который принимаютъ тамъ предметы? Для примѣра я укажу только на извѣстный островъ Капри близъ Неаполя, гдѣ прозрачность воздуха изумительна сравнительно даже съ Неаполемъ, и производитъ необы-

(1) См. Русскій Вѣстникъ, № 7, 1856.

чайныя явленія въ освѣщеніи предметовъ. Встрѣчаются дѣйствительно дарованія, которымъ не достался въ удѣлъ колоритъ, но можемъ ли мы сдѣлать такое предположеніе о г. Моллерѣ, когда онъ написалъ однажды такую картину, какъ вѣдѣстный его *Поцѣлуй*, не оставляющую ничего желать по колориту? Мы не хотимъ вѣрить, чтобы такой просвѣщенный, глубокомысленный и разсчетливый художникъ не воспользовался на этотъ разъ своими средствами. Но главную дань удивленія мы приносимъ г. Моллеру, какъ замѣчательному композитору. Мы не уменьшаемъ важности колорита, но тѣмъ не менѣе однако же знаемъ, что его можно сравнить со слогомъ въ литературѣ и музыкальнымъ тушемъ, которые тогда только имѣютъ значеніе, когда у художника есть готовое содержаніе мысли...

Прощаясь съ выставкой, не можемъ не пожелать, чтобы на будущее время указатель ея былъ составляемъ пространнѣе, какъ это дѣлается почти вездѣ на бѣломъ свѣтѣ. Черезъ это можно лучше познакомить публику и съ содержаніемъ картины, и съ личностію самихъ художниковъ. При такомъ количествѣ экземпляровъ, въ какомъ распродается указатель, право къ тому есть средства.

А. Авдѣевъ.

Музыкальная Хроника.

15-го числа былъ самый блистательный концертъ этого сезона; *un concert-lion*. Мы говоримъ о второмъ концертѣ г. Серве, послѣднемъ передъ его отъѣздомъ изъ Москвы.

Знаменитый артистъ исполнилъ въ этотъ вечеръ симфонію своего сочиненія *en la mineur*, свою фантазію «*Maitre Corbeau*», *caprice quasi burlesque*, также своего сочиненія, не обѣщанную программой *Méditation sur le premier prélude de Bach*, соч. Гуно (Gounod), на виолончели, фортопяно и гармоніумъ, вмѣстѣ съ гг. Оноре и Перелли, и наконецъ «*Соловья*», пѣсню, сдѣлавшуюся народною мелодіею Москвитянь. Мы не намѣрены утомлять читателей повтореніемъ похвалъ искусству г. Серве, скажемъ только, что симфонія и фантазія его принадлежатъ къ числу замѣчательныхъ сочиненій и вполне заслуживаютъ то восторженное одобреніе, которымъ почтила ихъ публика; «*Maitre Corbeau*» милая музыкальная шутка. «*Méditation*» Гуно — піеса серьезная, исполненная классическаго достоинства. О достоинствахъ инструмента *harmonium* мнѣнія чрезвычайно разнорѣчивы. Г-жа Клаусъ, знаменитая современная піанистка, первая ввела *har-*

проникъ въ употребленіе. Мы не рѣшаемся высказать нашего мнѣнія объ этомъ подручномъ оркестрѣ, не слыхавъ на немъ ни одного изъ славныхъ артистовъ.—Г. Перелли исполнилъ въ этотъ вечеръ, между прочимъ, варіаціи лѣвою рукою на мотивы оперы «Дочь полка», съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ.

Въ этотъ концертъ капелла Салтыково-Голицынскихъ пѣвчихъ исполнила хоръ изъ Соннамбулы, о которомъ мы уже упоминали въ отчетѣ о концертѣ капеллы. Г. Серве, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Москву, по приглашенію князя Голицына, испытывалъ этотъ хоръ и съ удивленіемъ разказывалъ, какъ капелла, по его требованію, брала аккордъ въ назначенномъ на словахъ тонѣ, безъ камертона, безъ малѣйшаго указателя интонаціи. Г. Серве привыкъ слышать отличные хоры на *фестивалахъ* своей музыкальной родины, но и эта привычка не мѣшала ему удивляться чрезвычайной согласности нашихъ пѣвческихъ хоровъ. Не мудрено... хоры аматоровъ спѣваются недѣли двѣ-три передъ концертомъ; наши пѣвчіе покоятъ другъ съ другомъ отъ малолѣтства до самой смерти. Наши хоры — просто оргаль, въ которомъ каждая труба есть собственность властителя, и по его произволу можетъ быть выкинута, когда испортится, и замѣнена другою. Нашимъ пѣвчимъ не нужно ни призванія, ни музыкальнаго образованія: все это обратилось бы въ ущербъ хорошему исполненію. Здѣсь воля господина воплотилась въ тѣло и кости его вѣрнопослушныхъ людей, и каждый изъ этихъ пѣвчихъ есть олицетворенное выраженіе и призванія и музыкальнаго образованія своего господина. Иностранцевъ поражаютъ въ подобныхъ хорахъ огромные размѣры нашей барской роскоши. Сто душъ, правильнѣе сто тяголъ, цѣлая деревня, всю жизнь поетъ пѣсни. Такая *fantaisie de luxe* не слыхана въ «чужихъ» краяхъ.

Концертъ въ пользу семейства г. Гурилева. Кто изъ жителей Москвы не знаетъ имени г. Гурилева, даровитаго компониста романсовъ и русскихъ пѣсенъ, который давно уже страдаетъ тяжелою, неизлѣчимою болѣзнію? Стѣсненное положеніе его семейства вызвало участіе. Небольшой кружокъ замѣчательныхъ музыкальныхъ артистовъ, по любви къ искусству, принадлежащихъ къ высшему кругу здѣшняго общества, придумалъ дать концертъ, назначая сборъ въ пользу семейства г. Гурилева. Концертъ этотъ данъ 26-го марта въ залѣ 1-й гимназіи.

Концертъ начался увертюрою изъ оперы Гарольда: «Цампа», исполненной на четырехъ роляхъ г-жею Е. А. Деляною, дѣвицами О. И. Темерязевой, В. А. Кошелевой, Н. И. Загрязской, П. А. Кошелевой, княжною Е. Н. Гагариной, С. А. Кошелевой и В. Д. Сабуровой. Чрезвычайно согласное и искусное исполненіе передало весьма эффектно это извѣстное сочиненіе. Гг. А. и М. Родзянко обратили на себя всеобщее вниманіе своею прекрасною игрою на фортепьяно; талантъ ихъ пользуется заслуженною славою въ кругу московскихъ артистовъ и дилеттантовъ; одинъ изъ нихъ извѣстенъ публикѣ нѣсколькими легкими сочиненіями; романсъ его: *He nasмотрѣлся бы на тебя*, по праву занимаетъ почетное мѣсто въ числѣ нашихъ *pièces*

de salon. Князь Туркестановъ исполнилъ на віолончели *un morceau de concert* на мотивы изъ «Нормы». Игра его отличается строгою чистотою и отчетливостію, и сильнымъ, но разборчивымъ выраженіемъ въ *adagio*. Г. Губеръ пропѣлъ романсъ изъ «Марты», который, несмотря на то, что мы его такъ часто слышали въ послѣднее время; показался намъ новою, граціозною мелодіей. Дѣвица Мясоедова (двѣнадцати лѣтъ) исполнила небольшую піесу Ашера *Fanfare militaire*. Мы не станемъ сравнивать игру дѣвицы Мясоедовой съ игрою знаменитыхъ артистокъ, но сознаемся, что съ особеннымъ удовольствіемъ видѣли въ исполненіи легкой піесы этимъ даровитымъ ребенкомъ еще робкія, но уже внятныя попытки музыкальнаго разумѣнія. Намъ остается сказать нѣсколько словъ о двухъ артисткахъ—любительницахъ, которыя преимущественно пользовались въ этотъ вечеръ восторженнымъ одобреніемъ публики. Одна изъ нихъ, дѣвица М. А. Львова, пропѣла баркаролу Шуберта и нѣсколько русскихъ романсовъ, въ томъ числѣ романсъ Гурилева «Сердце», который возбудилъ въ слушателяхъ неимовѣрный восторгъ. Публика просила пѣвицу повторить этотъ романсъ, равно какъ піесю Штуцмана «Вѣна», которую Марья Александровна поетъ съ неподражаемымъ совершенствомъ. Голосъ ея (*mezzo-soprano* отъ верхняго *si* до контръ-альтоваго *fa*) замѣчательнъ чистотою звука (*timbre*) и удивительною гибкостію (*flexibilité*) въ модуляціяхъ. Изученіе итальянской музыки придало много страстности ея акцентуація, и должно сознаться, что рѣдко кто сумѣетъ такъ выразительно сказать патетическую фразу русскаго романса. Въ *sotto-voce* сдержанность и мягкость звука поразительно—прекрасны. Въ пассажахъ, гдѣ господствуетъ умеченіе, *dans les morceaux d'entrain*, энергія и свобода вокализаціи обличаютъ искусную пѣвицу и много упражненія. Успѣхомъ вечера подѣлилась съ М. А. Львовою дѣвица Е. А. Кошелева, исполнившая на скрипкѣ концертъ г. Беріо. Вѣрность въ интонаціи, отчетливость и чистота въ самыхъ прихотливыхъ гаммахъ, пѣвучесть въ адажіо, слитность звука въ арпеджіо, мягкость и сиѣлость штриха, вотъ отличительныя достоинства замѣчательнаго таланта Е. А. Кошелевой. Игра прекрасной артистки отзывается силою и энергіею мужской руки; за то въ граціозности ея позы, съ такимъ неграціознымъ инструментомъ у плеча, явно обнаруживается живой инстинктъ красоты, которыя обладаютъ только женщины.

Аплодисментамъ не было конца; доброе дѣло доставило искреннее удовольствіе всѣмъ, которые въ немъ участвовали.

Концертъ М. С. Сабининой. — Мы не успѣли ничего сказать въ этомъ номерѣ нашего журнала о концертахъ, бывшихъ послѣ втораго концерта г. Серве, но не хотимъ откладывать до слѣдующей книжки удовольствія поговорить о концертѣ нашей соотечественницы М. С. Сабининой, заключившемъ московскій музыкальный сезонъ.

Еще до концерта знали мы, изъ отзыва «Московскихъ Вѣдомостей», что М. С. Сабинина ученица Клары Шуманъ и Фр. Листа. Имена такихъ наставниковъ условливаютъ взглядъ критика на талантъ артиста; мы будемъ смотрѣть на искусство М. С. Сабининой, какъ на искусство первокласной артистки, и ни слова не скажемъ о механизмѣ ея

игры, безъ котораго нечему учиться ни у г. Листа, ни у Клары Шуманъ. Выборъ пьесъ концерта благоразуменъ. Во «2-й *Rapsodie hongroise*» Листа, въ «*Этюдъ*» Шопена, въ «*la Truite*» Геллера, средства артистки могутъ высказаться на столько, чтобы сдѣлать о нихъ вѣрное заключеніе, а большинство публики не будетъ утомлено глубокомыслиемъ и ученымъ сочетаніемъ звуковъ какого-нибудь длиннаго, серьезнаго классическаго сочиненія. Намъ остнется сказать о направленіи таланта артистки, о ея пониманіи исполненныхъ пьесъ и объ искусствѣ ея отгнѣнать мысли, или о ея музыкальной декламации. Начнемъ съ этюда Шопена; эта пьеса, по искусству исполненія, рѣзко выдалась изъ прочихъ пьесъ концерта. Здѣсь, въ прекрасной игрѣ М. С. Сабининой сказались имена великихъ артистовъ, которымъ она обязана своимъ музыкальнымъ образованіемъ. Отдавая заслуженную похвалу игрѣ М. С. Сабининой въ прочихъ пьесахъ, мы позволимъ себѣ нѣсколько замѣчаній на тѣневую сторону ихъ исполненія: въ рапсодіи Листа артистка сыграла речитативъ вступленія октавами; въ нотахъ этого нѣтъ; всѣ извѣстные артисты, начиная съ г. Листа, играли этотъ речитативъ не октавами;—зачѣмъ же это отступленіе, измѣняющее характеръ пьесы? *Le mieux est souvent l'ennemi du bien...* Въ этой же рапсодіи М. С. Сабинина пропустила превосходное мѣсто, гдѣ мелодія передается лѣвой рукѣ. Упрекъ этотъ вызванъ у насъ убѣжденіемъ, что артистка прекрасно могла исполнить пропущенную часть пьесы. Въ романсѣ безъ словъ Мендельсона артистка также прибѣгала къ октавамъ тамъ, гдѣ ихъ въ сочиненіи не назначено. Сознаніе въ себѣ таланта не даетъ еще права на эти произвольныя измѣненія въ способѣ выраженія авторомъ своей мысли. Акомпаниментъ триолями въ этой же пьесѣ былъ слишкомъ громокъ и заглушалъ мелодію, несмотря на то, что нормальные ея звуки были усилены октавами. Мы сожалѣемъ, что въ прекрасный выборъ пьесъ для своего концерта М. С. Сабинина включила мазурку Шопена, извѣстную подъ названіемъ *первой*, и «Соловья» г. Листа. Не отнимая достоинствъ у этихъ пьесъ, мы думали, что онѣ слишкомъ прислушались публикѣ; кромѣ того Москва слышала ихъ въ исполненіи *par les sommités musicales* на этомъ инструментѣ, и повтореніе ихъ дебютирующею артисткою можетъ причестся къ ея желанію состязаться съ колоссальными талантами Европы, къ излишней самонадѣянности, а намъ, по искреннему сочувствію къ дарованію М. С. Сабининой, было бы желательно, чтобы она ничѣмъ не подавала повода къ такому злонамѣренному предположенію. Мы сказали бы то же и о хроматическомъ галопѣ Листа, который артистка сыграла сверхъ пьесъ, обѣщанныхъ программю, когда ее вызвали, въ концѣ концерта; но многіе изъ присутствующихъ, вѣроятно слышавшіе уже этотъ галопъ въ исполненіи дѣвицы Сабининой, требовали именно этой пьесы, и въ этомъ случаѣ мы можемъ только похвалить снисходительную уступчивость артистки передъ требованіями дилеттантовъ.

Н. П—й.

У КНИГОПРОДАВЦА

Ө. О. СВѢШНИКОВА,

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И МО-
СКОВСКАГО ПОПЕЧИТЕЛЬНАГО О ТЮРЬМАХЪ КОМИТЕТА,

Въ Москвѣ: въ университетской книжной лавкѣ, на Страстномъ
бульварѣ, и въ книжномъ магазинѣ на Никольской улицѣ, близъ Ка-
азнскаго Собора, подъ № № 4 и 5,

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

О ПРАВОСЛАВНЫХЪ ЦЕРКОВНЫХЪ БРАТСТВАХЪ, противоборствовавшихъ унии въ юго-западной Россіи, въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ. Соч. священника, магистра Іоанна Флерова. Спб. 1857 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

ИСТОРИЯ НИЖЕГОРОДСКОЙ ІЕРАРХІИ, содержащая въ себѣ сказаніе о Нижегородскихъ іерархахъ съ 1672 до 1850 года. Сочиненіе архимандрита Макарія. Спб. 1857 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ. Макарія, епископа Винницкаго. Три тома. Спб. 1857 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Учебныя руководства для военно-учебныхъ заведеній.

МІРЪ БОЖІЙ. Руководство по русскому языку для приготовительнаго класса. Составилъ на основаніи наставленія для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, Высочайше утвержденаго 24-го декабря 1848 года, А. Разинъ. (282 рисунка въ текстѣ.) Спб. 1857 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

ИЗБРАННЫЯ СЛОВА И РѢЧИ высокопреосвященнѣйшаго НИКАНОРА, митрополита Новгородскаго, С. Петербургскаго, Эстляндскаго и Финляндскаго. Три тома. Съ портретомъ высокопреосвященнаго. Спб. 1857 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.; въ англійскомъ переплетѣ 7 р. 50 к., съ пер. 9 р.

ТРУДЫ ЧЛЕНОВЪ РОССІЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССІИ въ Пекинѣ. Томъ III. Спб. 1857 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

КОСМОСЪ. Опытъ физическаго міроописанія Александра фонъ Гумбольдта. Часть третья, отд. второе. Переводъ съ нѣмецкаго Мат. Гусева. Издан. Ник. Фролова. М. 1857 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

БИБЛИОТЕКА РИМСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ въ Русскомъ переводѣ. Томъ I. Сочиненія Саллюстія и рѣчи Цицерона противъ Катиллины. Перевелъ съ латинскаго А. Клевановъ. М. 1857 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПОСЛѢДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ Н. В. ГОГОЛЯ. Сочиненіе А. Тарасенкова. Спб. 1857 г. Ц. 40 к., съ пер. 70 к.

СѢВЕРЪ и ЮГЪ (North and South). Романъ. Переводъ съ англійскаго. М. 1857 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

СВѢТЪ. Романъ въ стихахъ Н. Жандра. (Главы первая и вторая.) Спб. 1857 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

БАНЬЩИКИ (Les etuvistes) Поль-де-Кока. Романъ въ 3 частяхъ. Перев. съ франц. М. 1857 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ОБШИРНЫЙ МІРЪ. Сочиненіе Елисаветы Весерель. Перев. съ англійскаго. 2 т. М. 1857 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА для медицинскихъ чиновниковъ на 1857 годъ. По приказанію г. Министра внутреннихъ дѣлъ составлена Медицинскимъ Департаментомъ. Спб. 1856 г. Ц. 1 р. 50 к. и съ пер.

ОБЩІЯ ОСНОВАНІЯ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА. Составлены И. Владиславлевымъ. Спб. 1857 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

СОБРАНИЕ УЗАКОНЕНІЙ, относящихся къ обязательствамъ по договорамъ съ казною и въ особенности къ казеннымъ подрядамъ и поставкамъ. Составилъ, по распоряженію морскаго вѣдомства, К. Яневичъ-Яневскій. Спб. 1856 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

КУРСЪ АКУШЕРСТВА для учащихся, составленный А. Матвѣевымъ, докторомъ медицины, ординарн. профессоромъ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней и директоромъ акушерской клиники при Импер. универс. св. Владиміра. Два тома. Кіевъ. 1856 г. Ц. 6 р. 50 к., съ пер. 7 р. 50 к.

РУКОВОДСТВО къ приготовленію благовоннаго, канцелярскаго и бутылочнаго разныхъ цвѣтовъ сургуча, къ варенію столарнаго, т. е. для лакированія и полпрованія деревянныхъ и бумажныхъ вещей, инструментнаго для металловъ, гравировъ и другихъ родовъ лаковъ, и къ приготовленію прозрачной бумаги, извѣстной въ торговлѣ подъ названіемъ соломенной. Составлено инженеръ-технологомъ В. Писаревымъ. Спб. 1857 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ОДЫ КВИНТА ГОРАЦІЯ ФЛАККА, въ четырехъ книгахъ. Переводъ съ латинскаго А. Фета. Спб. 1856 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ РОССІЙСКОЙ ЦЕРКВИ, также иверскихъ и славянскихъ. Мѣсяцъ Январь. Съ картинкою изображенія святыхъ. Спб. 1857 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Тожъ мѣсяцы Ноябрь и Декабрь, цѣна каждому тому 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ОБЩЕПОНЯТНАЯ ЖЕНСКАЯ ДОМАШНЯЯ ГИМНАСТИКА. Переводъ съ нѣмецкаго А. Гремина. Съ 27 рисунками въ текстѣ и листомъ нотъ. Спб. 1857 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

ЭСКИЗЫ. Стихотворенія Н. Кроля. 1855 — 1857. Спб. 1857 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ГОСУДАРИ И НАРОДЫ ЮЖНОЙ ЕВРОПЫ въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ вѣкахъ. Въ двухъ частяхъ. Леопольдъ Ранке. Перев. съ нѣмец. послѣдняго изданія В. Модестовъ. Спб. 1857 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

КРАТКІЙ УЧЕБНИКЪ Русскаго языка. Н. Минина. Спб. 1857 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

КНИГА ДЛЯ ТѢХЪ ДѢТЕЙ, которыя хотять что нибудь знать. Составилъ Всеволодъ Бѣловъ. Спб. 1856 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ДОЖИНКИ. Бѣлорусскій народный обычай. Сценическое представленіе въ 2-хъ дѣйствіяхъ, съ хорами, пѣснями, хороводами и плясками бѣлорусскими. Соч. П. М. Шпилевскаго. Спб. 1857 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

ИСКУСТВО МЫЛОВАРЕНІЯ въ полномъ его практическомъ объемѣ. Подробное и основательное руководство къ устройству мыловаренныхъ заводовъ, приготовленію всѣхъ родовъ мылъ, какъ-то: твердыхъ, мягкихъ, жидкихъ, бѣлыхъ, зеленыхъ, сѣрыхъ, желтыхъ, англійскихъ, терпентинныхъ, душистыхъ, туалетныхъ и проч. и проч. Книга объяснительная для мыловаровъ и вообще для всѣхъ хозяевъ; а равно и для тѣхъ, которые не обладаютъ свѣдѣніями изъ химіи и физики. Составлено Лейхсомъ, занимавшимся много лѣтъ устройствомъ мыловаренныхъ заводовъ въ Германіи и Россіи. Съ рисунками. М. 1857 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

ТРИ ОТКРЫТІЯ въ естественной исторіи пчелы. К. Ф. Рулье. Москва. 1857 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.; для подписчиковъ «Русскаго Вѣстника» 50 к., съ пер. 70 к. с.

РАЗБОРЪ комедіи графа Соллогуба «Чиновникъ», Н. Ф. Павлова. Москва. 1857 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Гг. иногородные, желающіе выписывать книги въ переплетахъ, благоволятъ прилагать за обыкновенный корешокъ 15 к., сафьянный корешокъ 30 к., шагреневый 40 к., въ англійскій тисненный каленкоръ 50 к., за каждый томъ.

Адресъ: въ Москву Коммиссіонеру Федору Осиповичу Свѣшникову.

15

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

Выборъ новаго президента въ Соединенныхъ Штатахъ. — I. —
Черноморскія письма. — II. III. — Н. И. ВОРОНОВА.
По поводу отвѣта г. Бланка, г-ну Безобразову. Б. Н. ЧИЧЕРИНА.
Новости польской литературы. П. П. ДУБРОВСКАГО.
Записки Императорскаго Казанскаго Экономическаго Общества.
И. К. БАБСТА.
Политическое Обзорніе. — Новѣйшія извѣстія.
Смѣсь: Выставка Императорской Академіи Художествъ въ С. Петербургѣ.
А. А. АВДѢКВА. — Музыкальная хроника.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ КОНТОРАХЪ РУССКАГО ВѢСТНИКА:

ВЪ МОСКВѢ

Въ книжной лавкѣ И. В. Базунова,
на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ
Загряжскаго, и въ Ковторѣ Типо-
графіи Каткова и К^о. въ Ариянскомъ
переулкѣ.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжной лавкѣ С. В. Базунова,
на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ
Энгельгардтъ.

Иногородные адресуются: въ Редакцію Русскаго Вѣстника,
въ Москвѣ.

Цѣна годовому изданію пятнадцать рублей; съ пересылкою и до-
ставкою на домъ шестнадцать рублей пятьдесятъ коп. сер.

*Русскій Вѣстникъ, въ текущемъ году, выходитъ посто-
янно въ половинѣ и концѣ каждаго мѣсяца.*

Печатать позволяется. Марта 31-го, 1857 года.

Ценсоръ Н. Фомъ-Крузе.

